Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал
2018 – № 2

Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Ярославль
2018

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
(ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevolzhski Philological Bulletin : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. – № 2. – 295 с. – ISSN 2499–9679.
2018, № 2. – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования ЯГПУ им. К. Д. Ушинского *(главный редактор)*; **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **И. Ю. Лученецкая-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора, ответственный редактор)*; **Том Байер**, профессор русского языка Миддлбери колледжа (США); **Е. И. Бойчук**, доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков ЯГПУ им. К. Д.Ушинского; **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью Московского государственного лингвистического университета; **Жеф Вершуерен**, доктор филологических наук, профессор университета г. Антверпена (Бельгия); **Л. Г. Викулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности Московского городского педагогического университета; **Е. И. Горошко**, доктор филологических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт» (Украина); **В. В. Дементьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, проректор Ярославского государственного театрального института; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Неля Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. профессора доктора А. Златарова (Болгария); **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета; **Христо Кафтанджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **Г. Е. Крейдлин**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; **А. Д. Кривоносов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (IEPR), эксперт ООН по PR; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **А. В. Леденев**, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; **Ли Сяотао**, доктор русского языка и русской литературы, профессор института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь); **А. Д. Петренко**, доктор филологических наук, профессор, директор института иностранной филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; **Т. Г. Попова**, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка (второго) Военного университета МО РФ (Москва); **Иво Поспишил**, доктор филологических наук, профессор, заведующий Институтом славистики философского факультета Университета им. Масарика, г. Брно, Чехия; **Г. Г. Почепцов**, доктор филологических наук, заведующий кафедрой социальных коммуникаций Мариупольского государственного университета (Украина); **Ренате Ратмайр**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой славянских языков Венского экономического университета (Австрия); **И. Б. Руберт**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и переводоведения гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов; **Е. Ф. Серебренникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института – филиала Московского государственного лингвистического университета в г. Иркутске; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Ярославль); **И. А. Стернин**, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра коммуникативных исследований, профессор кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета; **Л. А. Трубина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, проректор по учебно-методической работе Московского педагогического государственного университета; **Н. А. Фатеева**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель научного центра междисциплинарных исследований художественного текста Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; **Т. Н. Федуленкова**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Г. Т. Хухуни**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета; **Эвелин Эндерлайн**, доктор филологических наук, почетный профессор Страсбургского университета, вице-президент Ассоциации русистов Франции (Франция); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и издательского дела ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции:
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1
Тел.: (4852) 30–55–96 (научная часть), 72–64–05, 32–98–69 (издательство)

Адреса в интернете: http: //yspu.org/; http://vv.yspu.org/

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77–68454 от 27.01.2017 г.

Условия публикации статьи в научном журнале «Верхневолжский филологический вестник»
см. на сайте: https://vv.yspu.org/for-authors/terms/

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2018
© Авторы статей, 2018

FOUNDER:

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky

(YSPU after K. D. Ushinsky)

Verhnevolzhski Philological Bulletin : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU, 2018. – № 2. – 295 pages. – ISSN 2499–9679.

2018, № 2. – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, Doctor of History, Professor, Honoured Scientist, Department of Theory and Methods of Professional Education, Head of Department, YSPU after K. D. Ushinsky, (Chief editor); **N. N. Letina**, Doctor of Cultural Science, Associate Professor, Department of Cultural Studies, YSPU (Deputy chief editor); **O. V. Lukin**, Doctor of Philology, Professor, Department of the Theory of Language and the German Language, Head of department, YSPU; **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina,** Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian Literature, YSPU (Deputy chief editor); **L. B. Ukhova**, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of the Theory of Communication and Advertising, YSPU (Deputy chief editor); **Tomas R Beyer**, Professor of the Russian Language, Middleberry College (USA); **E. I. Boichuk**, Doctor of Philology, Associate Professor of Department of Roman Languages, YSPU; **E. M. Boldyreva**, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Russian Literature, YSPU; **E. G. Borisova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Public Relations, Moscow State Linguistic University; **Jef Verschueren**, Doctor of Philology, Professor, Antwerp University (Belgium); **L. G. Vikulova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Romance Philology, Institute of Foreign Languages, Deputy Director, Moscow City University; **E. I. Goroshko**, Doctor of Philology, Doctor of Social Sciences, Professor, Department of Cross-cultural Communication, Head of department, Kharkov Polytechnical Institute (Ukraine); **V. V. Dementyev**, Doctor of Philology, Professor; Department of Theory, History of the Language and Applied Linguistics; Institute of Philology and Journalism, Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky; **T. I. Erokhina**, Doctor of Cultural Studies, Professor, Deputy Rector of Yaroslavl State Theatre Institute; **T. S. Zlotnikova**, Doctor of Art, Professor, Honoured Scientist of Russian Federation, Department of Cultural Studies, YSPU: **Nelya Ivanova**, Doctor of Philology, Professor, University named after Professor Doctor A. Zlatarov (Bulgaria); **N. N. Ivanov**, Doctor of Philology, Professor, Department of Theory and Methods of Teaching Philological Sciences, YSPU; **V. I. Karasik**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of English Philology, Volgograd State Pedagogical University; **Christo Kaftandjiev**, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Journalism, Sofia University (Bulgaria); **N. I. Klushina**, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Stylistics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Head of Stylistics Board, International Slavic Committee**;** **G. E. Kreidlin**, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities; **A. D. Krivonosov**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Communication Technologies and PR, St.-Petersburg State University of Economics, Director of North-Western branch, IEPR, UNO PR expert; **E. N. Laguzova**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Russian Language, YSPU; **A. V. Ledenev**, Doctor of Philology, Professor of Department of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University; **Li Xiaotao**, Doctor of Russian Language and Russian Literature, Professor of Institute of Foreign Languages of South-West University, Chóngqìng, PRC; **V. A. Maslova**, Doctor of Philology, Professor, Department of General and Russian Linguistics, Vitebsk State University (Belarus); **A. D. Petrenko**, Doctor of Philology, Professor, Director of Institute of Foreign Philology, Head of Department of Theory of Language, Literature and Sociolinguistics of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky; **T. G. Popova,** Doctor of Philology, Professor, Department of the English Language, Military University of the Ministry of Defence, RF (Moscow); **Ivo Pospishyl**, Doctor of Philology, Professor, Head of Institute of Slavic Philology of Philosophy Faculty of Masayk University, Brno, the Czech Republic; **G. G. Pocheptsov**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Social Communications, Mariupol State University (Ukraine); **Renate Rathmayr**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Slavic Languages, Vienna University of Economics (Austria); **I. B. Rubert**, Doctor of Philology, Professor of Department of Language Theory and Theory of Translation of Humanitarian Faculty of Saint-Petersburg State University of Economics and Finance; **E. F. Serebrennikova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Romance Philology, Euroasian Linguistic University in Irkutsk (branch of Moscow State Linguistic University); **V. N. Stepanov**, Doctor of Philology, Professor, Vice Rector, Head of Department of Mass Communications, International Academy of Business and New Technologies (Yaroslavl); **I. A. Sternin**, Doctor of Philology, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Director of Center of Communicative Researches, Professor of Department of General Linguistics and Stylistics of Voronezh State University; **L. A. Trubina**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian Literature, Vice-Rector for Education of Moscow Pedagogical State University; **N. A. Fateeva**, Doctor of Philology, Professor, a chief research worker, Head of Scientific Center of Interdisciplinary Researches of Literary Text of Institute of the Russian Language named after V. V. Vinogradov of Russian Academy of Sciences; **T. N. Fedulenkova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages in Professional Communication, Vladimir State Stoletov University; **G. Yu. Filippovsky**, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Literature, YSPU; **G. T. Khukhuni**, Doctor of Philology Professor, Head of Department of Language Theory and Anglistics of Moscow State Regional University; **Evelyne Enderlein**, Doctor of Philology, Professor Emeritus of Strasburg University, Vice-President of Russian Philology Association in France (France); **T. V. Yurieva**, Doctor of Cultural Studies, Professor, Department of Journalism and Publishing, YSPU.

The magazine is included into the list of the leading reviewed scientific magazines and editions
where the main scientific results of theses to get the academic degree of the Doctor and Candidate of sciences are published.

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board

Address of the editorial office
150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
Tel.: (4852) 30–55–96 (research department), 72–64–05, 32–98–69 (publishing office)
Internet addresses http: //yspu.org/; http://vv.yspu.org/

Certificate of mass media registration:
The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media

PI № FS 77–68454, 27.01.2017

Conditions for the Publishing Article in the Scientific Magazine
«Verhnevolzhski Philological Bulletin»: https://vv.yspu.org/for-authors/terms/

© FSBEE HE/ FGBOY VO «Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky», 2018
© Authors of the articles, 2018

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Издается с 2015 года
№ 2 – 2018

«Родное слово есть именно та духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание, чтобы сделаться истинной собственностью человеческого сознания…»

К. Д. Ушинский

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Русская литература

Бедина Н. Н. Эсхатологический хронотоп жития преп. Феодосия Печерского ____ 8

Галанова В. А. Поэма Ф.Н. Глинки «Карелия…» как литературная сказка ____ 16

Мельник В. И. Николай Трегубов в судьбе И. А. Гончарова ____ 24

Федотова А. А. Нарративная организация повести Н. С. Лескова «Полунощники» ____ 32

Иванов Н. Н. Мифопоэтика в художественном сознании М. Горького ____ 40

Кучина Т. Г., Ахапкина Д. Н. Искусство лжи как «предвестие истины»: о металитературных аспектах рассказов И. Бабеля ____ 48

Егоров М. Ю. Поэтика и прагматика стихотворения И.Ф. Жданова «Если птица – это тень полета…»: метареалистическое расставание ____ 55

Мокляк В. И. Ритмическая организация фантастических циклов в русской литературе ____ 60

Журналистика

Селезнева Л. В., Тортунова И. А., Люликова А. В. Фармаконим как маркетинговый феномен информационно-коммуникационного пространства ____ 65

Лекова П. А. Парцелляция в системе способов речевого портретирования ____ 71

Куранова Т. П. Индивидуально-авторские метафоры в телевизионном спортивном репортаже ____ 78

Леванова Т. В. Слово *пиар* с позиций неологии ____ 84

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Русский язык

Петрова З. Ю., Северская О. И. Говорящий мир человека в русской поэзии XVIII–XX вв. ____ 93

Титов О. А. Лексико-семантическое поле «огонь – дым» в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» ____ 103

Патроева Н. В. Обособленные обороты с отрицанием в русском литературном языке середины XVIII – первой половины XIX в. ____ 109

Ушакова А. П. Средства выражения неодобрения в синтаксических фразеологизмах современного русского языка 118

Сипрова Е. А. «Нравственные ценности»: языковое и концептуальное членение мира 127

Германские языки

Арутюнян Э. Б., Руберт И. Б. Интерпретация художественного текста как его десакрализация (на примере романа В. Вульф «Волны») 134

Петрушкина А. В. Гендерный аспект фразеологической номинации лица с компонентом-антропонимом в современном немецком языке 140

Евграфова Ю. А. Структурно-семантические особенности паремий: вербализация константы *внешность человека* в русском и английском языках 145

Лоза А. В. О жизни и творческом пути лингвофилософа К. Германна 153

Теория языка

Петренко А. Д., Храбскова Д. М. Лингвистическая формализация науки в контексте учения В.И. Вернадского о ноосфере 158

Сумарокова П. А. Влияние романтизма на лингвистические взгляды Ф. Ж. М. Ренуара 171

Карлик Н. А. Интертекстуальные связи романа А. Нотомб «Сладкая ностальгия» 177

Бурак М. С. Аналитические конструкции с глаголом «делать» в современных испанском и итальянском языках 185

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Поликарпов С. С. Направленность времени в «картине мира» древних индийцев (по эпосу «Махабхарата» и «Рамаяна») 191

Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Генезис мифа в аспекте языкового мировидения: научное мнение Ф.И. Буслаева 199

Летин В. А. Умирающий Поэт как культурный миф: И.Н. Крамской «Некрасов в период „Последних песен”» 206

Старшова А. П., Параил А. В. Коннотации образа ямщика в русской культуре 213

Шаваринский Д. С. Трансформация образа Снегурочки в отечественной художественной культуре 218

Наумова О. С. Гомосфера российских императорских университетов 225

Юрьева Т. В. Иконостасы Русского Зарубежья: Д. С. Стеллецкий 234

Полушкина Л. Л. Иконы XVIII в. из собрания Ярославского музея-заповедника в контексте церковного искусства Нового времени 244

Хренов Н. А. Постреволюционная ситуация в Россиии: от психоаналитического портрета вождя к ментальности массы 251

Кочешков Г.Н. В эмиграции: жизнь и судьба А. А. Кизеветтера 257

Осьмачко С. Г. Культурный стереотип и контркультурное поведение советского человека (на примере дисциплинирования военнослужащих Красной армии 1929–1940 гг.) 264

Густякова Д. Ю., Ершова Ю. С. Репрезентация отечественной оперной классики в контексте бинарной оппозиции постмодернизма и массовой культуры («Хованщина» М. П. Мусоргского) 271

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Всеросссийская научная конференция «Ярославский текст в пространстве диалога культур» 282

Сведения об авторах 290

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Scientific Journal
Published since 2015
№ 2 – 2018

"The word of your native tongue is nothing else but the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge for it to become a true achievement of human thought…"

K. D. Ushinsky

THE CONTENT

LITERARY CRITICISM

Russian literature

Bedina N. N. The Eschatological Chronotope in the Life of Saint Theodosius of the Kyiv Caves _____ 8

Galanova V. A. F. N. Glinka's Poem «Karelia …» as a Literary Fairy Tale _____ 16

Melnik V. I. Nikolay Tregubov in the Fate of I. A. Goncharov _____ 24

Fedotova A. A. The Narrative Structure of N. Leskov's Short Novel «The Night Owls» _____ 32

Ivanov N. N. Mythopoetics in M. Gorky's Art Consciousness _____ 40

Kuchina T. G., Akhapkina D. N. The Art of Lie as «a Premonition of Truth»: Metapoetical Features of I. Babel's Short Stories _____ 48

Egorov M. Yu. Poetics and Pragmatics of I. F. Zhdanov's Poem «If a bird is a shadow of flight …»: Metarealistic Parting _____ 55

Moklyak V. I. Rhythmic Organization of Fantastic Cycles in Russian Literature _____ 60

Journalism

Selezneva L. V., Tortunova I. A., Lyulikova A. V. Pharmaconym as a Marketing Phenomenon of Information and Communication Space _____ 65

Lekova P. A. Parcellulation in the system of methods of speech portraying _____ 71

Kuranova T. P. Individual and Author's Metaphors in the Television Sport Report _____ 78

Levanova T. V. The Word PR in Terms of Neology _____ 84

LINGUISTICS

Russian language

Petrova Z. Yu., Severskaya O. I. Speaking Human World in the Russian Poetry of the 18–20th centuries _____ 93

Titov O. A. The Lexical-Semantic Field «Fire-Smoke» in A. S. Griboedov's Comedy «The Mischief of Being Clever» _____ 103

Patroeva N. V. Isolated Constructions with Negation in the Russian Literary Language of the middle of the XVIII – the first half of the 19th century _____ 109

Ushakova A. P. The Means of Expressing Disapproval in Syntactic Idioms of the Modern Russian Language _____ 118

Siprova E. A. «Moral Values»: Linguistic and Conceptual Division of the World _____ 127

Germanic languages

Arutyunyan E. B., Rubert I. B. Interpretation of a Literary Text as an Act of Desacralization (based on «The Waves» by V. Woolf) 134

Petrushkina A. V. Gender Aspect of the Phraseological Nomination of a Person with the Anthroponymic Component in the Modern German Language 140

Evgrafova Yu. A. Structural-Semantic Features of Paroemias: Verbalization of a Constant *Human Appearance* in the Russian and English Languages 145

Loza A. V. About Life and Career of Linguophilosopher C. Hermann 153

Theory of Language

Petrenko A. D., Khrabskova D. M. Linguistic Formalization of Science in the Context of V. I. Vernadsky's Doctrine about a Noosphere 158

Sumarokova P. A. The Influence of Romanticism on François Just Marie Raynouard's Linguistic Views 171

Karlik N. A. Intertextual Links of A.Nothomb's Novel «Sweet Nostalgia» 177

Burak M. S. Analytical Constructions with the Verb «Do» in Modern Italian and Spanish Languages in Structural and Semantic Aspects 185

CULTURAL SCIENCE

Polikarpov S. S. Time Focus in «the World Picture» of Ancient Indians (according to the epos «Mahabharata» and «Ramayana») 191

Novikov M. V., Perfilova T. B. Genesis of the Myth in the Aspect of the Language World View: F. I. Buslaev's Scientific Opinion 199

Liotin V. A. A Dying Poet as a Cultural Myth: I. N. Kramskoy «Nekrasov in the Period of „Last Songs"» 206

Starshova A. P., Parail A. V. Connotations of the Image of the Coachmen in Russian Culture 213

Shavarinsky D. S. Transformation of the Image of the Snow Maiden in Russian Art Culture 218

Naumova O. S. Homosphere of Russian Imperial Universities 225

Yurieva T. V. Iconostases of the Russian Abroad: D. S. Stelletsky 234

Polushkina L. L. Icons of the 18th century from the Collection of the Yaroslavl Museum and Reserve in the Context of New Time Church Art 244

Khrenov N. A. Post-Revolutionary Situation in Russia: from a Psychoanalytic Portrait of the Leader to Mentality of the Masses 251

Kocheshkov G. N. In Emigration: A. A. Kizevetter's Life and Fate 257

Osmachko S. G. Cultural Stereotype and Countercultural Behaviour of the Soviet Person (on the example of disciplining of the Red Army military personnel in 1929–1940) 264

Gustyakova D. Yu., Ershova Yu. S. Representation of Native Russian Classical Opera Art in the Context of the Binary Opposition of Postmodernism and Mass Culture («Khovanshchina» by M. P. Mussorgsky) 271

SCIENTIFIC LIFE

Russian Scientific Conference «The Yaroslavl Text in Space of the Dialogue of Cultures» 282

Information about the authors 293

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Русская литература

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10034
УДК 271+361.722

Н. Н. Бедина
https://orcid.org/0000-0002-1613-4164

Эсхатологический хронотоп жития преп. Феодосия Печерского

В средневековой русской культуре, где словесное творчество осмысливается как вариант молитвенного монашеского подвига, а молитвенный подвиг определен текстовой «средой обитания» (И. М. Грицевская) молящегося, именно в книжности наиболее откровенно проявляет себя общая направленность религиозной культуры. В статье исследованы особенности хронотопа Жития преп. Феодосия Печерского в контексте церковной культуры Древней Руси, живущей «эсхатологической мечтой о Граде Божием» (А. В. Карташев). Концептуальный анализ текста, а также выявление литургического кода произведения позволил сделать вывод об эсхатологической направленности пространственно-временных примет в тексте Жития. Концепт «смерть» реализован в тексте жития в несколько раз чаще, чем концепт «жизнь». В основе «пристального внимания к смерти» (Е. В. Душечкина) лежит идея ее преодоления, воспринятая из Евангелия. Она определяет весь хронотоп текста Жития преп. Феодосия. Большинство из определяющих, ключевых событий Жития совершаются ночью. В христианской традиции ночное время тесно связано с представлением о смерти: «В сию нощь душу твою изьму» (Лк. 12: 20). Богослужебный суточный круг начинается с вечера: покаянно-просительные интонации вечерних и ночных молитвословий сменяются радостно-прославляющим звучанием утрени. Подобно литургической традиции, в повествовании Нестора тьма смертная преодолевается утренним светом: смерть преп. Феодосия совпадает с восходом солнца. То есть время в Житии – это ночь, преодолевшая свою тьму смертную и обратившаяся в утро. То же содержание имеет динамика пространственных примет текста: пространство Жития – это «место» (пещера, монастырь), преодолевшее тесноту могилы и ставшее «горним местом». «Упражнения в смерти» (Еваргий) преп. Феодосия, в согласии со святоотеческой традицией есть средство не отрицания, но восстановления жизни.

Ключевые слова: хронотоп, эсхатология, агиография, литургический код, топос, преп. Феодосий Печерский, монашество.

LITERARY CRITICISM

Russian literature

N. N. Bedina

The Eschatological Chronotope in the Life of Saint Theodosius of the Kyiv Caves

In the medieval Russian culture, where the verbal creativity was interpreted as a variant of the prayer monastic deed, and the prayer deed was defined by the textual «habitat» (I. M. Gritsevskaya) of the prayer, the overall orientation of religious culture the most frankly manifested itself in bookness. This article is devoted to the features of the chronotope in the «Life» of Saint Theodosius of the Kyiv Caves in the context of the Old Russian church culture living by «an eschatological dream about the City of God» (A. V. Kartashev). Through the use of the conceptual analysis, as well as in through identification of the liturgical code of the text it was possible to identify the eschatological orientation of the space-time signs in the text of the «Life». The concept of «death» is implemented here several-fold more often than the concept of «life». At the heart of the «focused attention to death» (E. V. Dushechkina) there is the idea of overcoming, perceived from the Gospel. It defines the chronotope of the «Life» of Saint Theodosius. In the «Life», most important, key events take place at night. In the Christian tradition, the night is closely associated with the idea of death: «This night your soul will be required of you» (LK. 12: 20). The daily cycle of offices begins with the evening: the evening and night prayers repentant intonations are replaced by the morning joyful and glorifying sound. Like a liturgical tradition, in Nestor's narrative the mortal darkness is overcome by the morning light: Saint Theodosius' death coincides with the sunrise. So the time in the «Life» is a night that has overcome the death darkness and turned into a morning. The dynamics of the space signs in the text has the same content. The space is a place (the cave, the monastery) that has overcome the crampedness of the grave and become a «place above». «The exercises in death» (Evargius) of Saint Theodosius, in accordance with the patristic tradition, is a means of not denying, but restoring life.

Keywords: chronotope, eschatology, hagiography, liturgical code, topos, Saint Theodosius of the Kyiv Caves, monachism.

© Бедина Н. Н., 2018

«Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского», один из самых ранних памятников древнерусской книжности, составлено монахом Киево-Печерского монастыря Нестором [19]. Хронотоп, как «неотъемлемый компонент построения индивидуально-авторской картины мира» [5, с. 69], вполне определен автором уже во вступлении: монах Нестор, «оградивъся вѣрою», ведет повествование в «странѣ сей» в монастыре «святыя Владычицѣ нашея Богородицѣ», где главный храм освящен во имя Ее Успения, в последние времена, когда «въ послѣдьниимь родѣ» такой муж явился, «его же и день усъпение нынѣ праздьнующе память творим» [4, с. 352]. Мотивы успения (смерти, «сна в жизнь вечную»), последних времен, ограды и сей страны (сего места) составляют систему пространственно-временных примет, которая определяет ценностно-смысловые параметры всего последующего текста.

Мотив «последнего рода» вырастает в тексте вступления из двух следующих друг за другом евангельских цитат: «Яко мнози приидуть отъ въсток и западъ и възлягуть съ Авраамъмь и съ Исакъмь и Ияковъмь въ Царствии Небесьнѣмь» (Мф. 8: 11) и «Мнози будуть послѣдьнии пръвии» [4, с. 352] (Мф. 19: 30). Оппозиция первые / последние имеет несколько смысловых уровней. Во-первых, это нравственная проповедь смирения. Во-вторых, «последние», так же как и те, кто придут от Востока и Запада, могут быть истолкованы как принявшие крещение язычники в противоположность иудеям («первым») [22, с. 59, 124]. Вместе с тем, выражения «слабу быти послѣдьнюму роду», «в послѣдьниим родѣ семь», «сии послѣдьнии» (о преп. Феодосии) имеют, безусловно, эсхатологический смысл, восходящий к традиции евангельских притч, большинство из которых толкуются в святоотеческой книжности как символическое повествование об индивидуальной смерти, о конце времен и грядущем Суде. Ориентация всего текста к смерти (точнее – успению и упокоению: «правьдьныимъ бо съмьрьть покой есть») определена как жанровой природой агиографического текста, так и евангельским контекстом: «Придѣте къ Мънѣ вьси тружающеися и обременении, и Азъ покою вы. Възьмѣте ярьмъ Мой на ся и научитеся от Мене, яко кръткъ есмь и съмѣренъ сьрдьцьмь, и обрящете покой душамъ вашимъ» [4, с. 362] (Мф. 11: 28–29).

Концепт «смерть» реализован в тексте жития в несколько раз чаще, чем концепт «жизнь». Слова и выражения со значением «смерть», «умирать», «мертвый», «по смерти» наиболее часто встречаются не только в последней части Жития, повествующей об успении преп. Феодосия, но и в тех частях, где он выступает как наставник и устроитель монастыря. Е. В. Душечкина отмечает, что «пристальное внимание к смерти в высшей степени характерно для ранних памятников древнерусской письменности» [2, с. 14], в свою очередь, отсылая к наблюдению Д. С. Лихачева над текстом Повести временных лет. Справедливо утверждая, что «в таком отношении к смерти нашли свое отражение общехристианские воззрения летописца», Д. С. Лихачев, по известным причинам, не уточняет, каковы именно эти «воззрения» [9, с. 62]. Нам представляется, что в основе «пристального» внимания к смерти лежит идея ее преодоления, воспринятая из Евангелия. Она определяет весь хронотоп текста Жития преп. Феодосия. Прежде чем обосновать это положение, необходимо сделать еще несколько вводных замечаний.

Цитаты из Евангелия и Псалтири, безусловно, выполняют в тексте Жития роль семантических ключей, то есть служат наиболее точному раскрытию основной мысли автора, что характерно для большинства средневековых сочинений [8; 13]. Однако обращает на себя внимание некоторая избирательность цитирования Св. Писания монахом Нестором: автор Жития обращается, прежде всего (а во вступлении – исключительно), к Евангелию от Матфея. Внимание к тексту Евангелия от Матфея может быть объяснено тем, что Чтение из него включено в заупокойную службу «Над черноризцем» [12, л. 289 об.]. Как уже было сказано выше, во вступлении к Житию одной из временных примет является указание Нестора на день памяти преп. Феодосия: «его же и день усъпение нынѣ праздьнующе память творим». В Остромировом Евангелии 1056–1057 гг. «Чьтение над чьрноризьцемъ» – это те же стихи из 10-й главы Евангелия от Матфея, которые Нестор дважды неточно цитирует, когда приводит слова, окончательно подвигшие юного Феодосия бежать в Киев, чтобы постричься в одном из тамошних монастырей, и когда вспоминает наставления преп. Феодосия, ставшего уже игуменом: «Аще кто не оставить отьца или матере и въ слѣдъ Мене не идеть, то нѣсть Мене достоинъ» [4, с. 362, 382] (Мф. 10: 37–38).

В целом Евангельские чтения и псалмы, повторяемые из года в год, оставаясь в памяти иноков, формируют текстовый фон для создания ими собственных сочинений. Евангелие от Матфея входит в контекст Жития преп. Феодосия и составляет его литургический код. Чтения из глав Евангелия от Матфея входят в субботние и воскресные службы в период с Пятидесятницы до Новолетия, в службы на апостольские праздники, на освящение церкви, на память мучеников, а также в праздники Рождества и Преображения Господня, в мясопустную и сыропустную недели и, конечно, вместе с остальными Евангелиями на Страстной неделе и на Пасху [12, л. 55 об. – 88 об.]. Мотивы апостольского служения и утверждения церкви, великопостные мотивы и, наконец, мотивы праздников Рождества, Преображения и Воскресения вписывают событийный ряд Жития преп. Феодосия в эсхатологический христианский хронотоп.

Традиция праздничного богослужения тесно связана с временными характеристиками событий, происходящих в Житии. В. Н. Топоров, характеризуя временную структуру Жития, справедливо отмечает, что «основным квантом времени при описании исторического микро–плана выступает день» [20, с. 625]. Из всех временных характеристик концепт «день» является наиболее частотным в тексте Жития. Между тем в композиционных частях текста, где повествуется о молитвенных подвигах преп. Феодосия и совершенных по его молитве чудесах, над концептом «день», безусловно, преобладает концепт «ночь». Подобно Евангельской истории, большинство из определяющих, ключевых событий Жития совершаются ночью: ночью юный Феодосий бежит от матери, ночью он, уже монах, борется с бесовским наваждением и совершает молитвенные подвиги, ночью он ходит на прения с киевскими иудеями и обходит монастырь, заботясь о благочестии своей братии, ночью происходят чудесные видения и, наконец, ночью преп. Феодосий готовится к смерти. Летописный рассказ о преставлении преп. Феодосия, не во всем совпадающий с текстом Жития, уточняет, что он завещал братии, просидевшей у него всю ту ночь, похоронить его тело также ночью: «В нощи похраните тѣло мое», якоже и створиша» [14, с. 226]. Ночью же происходит, казалось бы, рядовой эпизод с юным возницей, но в логике повествования он, безусловно, важен, поскольку здесь особенно зримо проявляются природа подвига и главные качества преп. Феодосия – кротость и теплота в отношении к людям, к миру.

Евангельские ночи Рождества, Преображения и Воскресения, подобно «мраку горы Синайской», в котором явился Бог Моисею, указывают на «радикальную непостижимость Божественной сущности» [10] и событий, ее являющих. Та же непостижимость Божественного замысла о преп. Феодосии скрыта в образе ночного мрака в Житии. Рождественские мотивы слышны в приведенной выше характеристике Печерского игумена: «О утаения тайно! Яко отнюдуже не бѣ начаятися, оттудуже въсия намъ деньница пресветла…» [4, с. 354]. Тайная природа святости и являющих ее чудес (а также, конечно, нравственная чистота и кротость преп. Феодосия) подчеркивается молчанием святого: «Феодосий никогда не рассказывает о явившихся ему видениях, о чудесах, свершившихся его молитвой, о своем благочестивом поведении, – как замечает Е. В. Душечкина. – Свой подвиг во славу Христа он творит втайне» [2, с. 10–11]. Имея в виду эту тайну, Нестор обосновывает необходимость самого написания Жития цитатой из той же 10 главы Евангелия от Матфея: «Еже глаголю вамъ въ тьмѣ, повѣдите на свѣтѣ…» [4, с. 354] (Мф. 10:27; ср. Лк 12:3).

Вместе с тем ночное время тесно связано с представлением о смерти: «в сию нощь душу твою изьму, а яже събра – кому будуть?» [4, с. 402] (Лк. 12: 20) – цитирует Нестор Евангелие от Луки, приводя проповедь нестяжательства преп. Феодосия. Ночная безжизненность подобна могиле (Ср. в Великом покаянном каноне свт. Андрея Критского: «Душе моя, душе моя, востани, что спиши? Конецъ приближается, и имаши смутитися: воспряни убо, да пощадит тя Христос Бог, вездѣ сый и вся исполняяй»). Исповедание совершенных за день грехов перед сном (подобием смерти) определяет настрой вечернего и ночного Богослужения [16]. В тексте Жития с пения 24-го псалма, входящего и в современной церковной практике в состав Великого Повечерья, начинает свое монашеское служение преп. Феодосий: «Вижь съмерение мое и трудъ мой и остави вься грѣхы моя» [4, с. 364] (Пс. 24: 18).

Богослужебный суточный круг начинается с вечера: покаянно-просительные интонации вечерних и ночных молитвосовий сменяются радостно-прославляющим звучанием утрени [11, с. 303–304]. Подобно литургической традиции, в повествовании Нестора тьма смертная преодолевается утренним светом, «деньница пресвѣтла» святости преп. Феодосия побеждает тьму бесовскую: «Кто бо не почюдиться убо блаженууму сему, еже въ

такой тьмьнѣ пещерѣ пребывая единъ, мъножьства пълковъ невидимыхъ бѣсовъ не убояся, нъ крѣпко стоя, яко храбъръ сильнъ, Бога моляаше и Господа Исус Христа на помощь себе призывающа» [4, с. 380].

Использование воинской терминологии в описании монашеской жизни, восходящее к традиции свт. Василия Великого [1], получает обоснование в текстах, которые не цитируются Нестором напрямую, но, безусловно, составляют контекст Жития. Во-первых, это Евангельские слова «Мните ли, яко мир приидохъ дати на землю? Ни, глаголю вам, но разделение» (Лк. 12: 51), которые толкуются в святоотеческой традиции как слова о необходимости постоянной внутренней борьбы с грехом и готовности предстать на Суд Божий. Нестор дважды цитирует эту главу Евангелия от Луки, но другие ее стихи. Во-вторых, это Слово самого преп. Феодосия «О терпении и милостыне», где он, подобно свт. Василию Великому, использует в поучении инокам образ воинской чести [3, с. 177]. Концепты «воин», «победа» реализованы в тех же частях текста Жития, где «ночь» преобладает над «днем» – в повествовании о молитвенном подвиге преп. Феодосия в пещере и о чудесах. Исключение составляет рассказ Нестора о первых насельниках монастыря, где победа иноков совершается не ночью.

Развернутый житийный топос [7] молитвы и бдения «по вся нощи» – это одновременно индивидуальная характеристика преп. Феодосия, который таит свои ночные молитвы от братии, и прообраз победы над смертью: «Яко же Божьствьное писание глаголеть: «Правьдьникъ, аще умьреть, живъ будеть въ векы, яко не прикоснеться ему съмьрьть, и от Господа мьзда его и надежа его от Вышьняаго»» [21, с. 131 (65а)] (Прем. 3:1; 4:7; 5:15; Ин. 6:51). Эта составная цитата, по сути открывающая заключительное повествование о посмертных чудесах преп. Феодосия, становится семантическим ключом не только к этой части Жития, но и ко всему тексту. «Упражнения в смерти» [18, с. 95, 105, 228] в течение жизни преп. Феодосия, в согласии со святоотеческой традицией, есть средство не отрицания, но восстановления жизни и преодоления смерти.

Смерть преп. Феодосия совпадает с восходом солнца: «Умрѣтъ же отьць нашь Феодосий въ лѣто 6 и 582, мѣсяца маия въ 3, въ суботу, якоже прорече самъ, въсиявъшю сълнцю» [4, с. 432]. Утренний свет образа преп. Феодосия отражает в себе и свет восьмиконечной Рождественской звезды («Повесть временных лет» подчеркивает, что умирает преп. Феодосий на восьмой день болезни [14, с. 226] так же, как и на восьмой день дано ему имя Феодосий («посвященный Богу»). Число восемь в христианской нумерологии символизирует спасение и жизнь в вечности [6]), и Фаворский свет Преображения, и рассвет Пасхального утра.

Символическое значение образов светильников в характеристике основателей и иноков монастыря, а также чудес с видением огненного столпа подробно рассмотрено А. М. Ранчиным [15, с. 128–133, 178–180]. Ориентация текста на евангельскую и литургическую традицию определена не только традиционной топикой жития как жанра, но и индивидуальностью преп. Феодосия, его сознательным подражанием идеалу Иисуса Христа [см. 4, с. 360]. В какой-то мере предсмертная молитва преп. Феодосия может быть соотнесена с молитвой Иисуса Христа в Гефсиманском саду. Растянувшаяся на три дня и прерываемая наставлениями братии, она начинается словами: «Воля Божия да будеть, и якоже изволися Ему о мънѣ, тако да сътворить! Нъ обаче молю Ти ся, Владыко мой, милостивъ буди души моей», а заканчивается: «Благословленъ Богъ, аще тако есть то: уже не боюся, нъ паче радуяся отхожю свѣта сего!» [4, с. 428, 430].

Таким образом, в согласии со словами ап. Павла: «Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем» (2 Кор. 4:10), время в Житии – это ночь, преодолевшая свою тьму смертную и обратившаяся в утро. То же содержание имеет динамика пространственных примет в хронотопе Жития.

Как справедливо замечает В. Н. Топоров, пространственная структура текста Жития ведет героя «от «места» к «месту», пока не приводит к «главному» месту» [20, с. 626] – к монастырю. Концепт «место» в тексте Жития сопоставим по частотности с концептом «день». Использование лексемы «место» для обозначения Руси, Киева, Печерского монастыря и Святой Земли подтверждает отмеченную выше внутреннюю связь жизни преп. Феодосия и Евангельских событий. Наиболее откровенно эта связь проявляется в образе пещеры – месте «рождения» Феодосия-инока и месте его погребения. Пространство пещеры в тексте Жития, так же как и время, включает в себя Рождественские и Пасхальные мотивы, отсылающие к Евангелиям от Матфея и от Луки, к которым постоянно обращается Нестор.

В то время как преп. Антоний благословляет отрока Феодосия на иноческое служение в пещере: «Се место – буди в нем», – мать Феодосия, не найдя его в окрестностях своего города, «плакаашеся по нем лютѣ, биюще въ пьрси своя яко и по мрьтвѣмь» [4, с. 364]. То же сочетание интонации плача и радости спасения звучит в рассказе об одном из первых насельников монастыря – Варлааме: «Бы же тъгда вещь пречюдьна и плачь великъ, яко и по мрьтвѣмь» [4, с. 374]. В пещере спасается преп. Антоний, и она же становится его могилой: «ископавъ пещеру, живяше, не излазя из нея, идеже и донынѣ чьстьное тѣло его лежить» [4, с. 376]. Уже после основания наземного общежительного монастыря в свою пещеру уходит и преп. Феодосий на время Великого поста, возвращаясь на Страстной неделе, в нее же просит положить тело свое после смерти.

Значение «могила» становится одной из составляющих семантического поля концепта «пещера» (шире – «монастырь»), устойчивой характеристикой пещеры и монастыря в тексте Жития является теснота пространства: «Видиши ли пещеру сию, скърбьно суще мѣсто и тѣснѣйше паче инѣхъ мѣстъ» [4, с. 364], – говорит преп. Антоний, испытывая еще юного Феодосия; «А еже испьрва житие ихъ въ пещерѣ, и елико скърби и печали прияша, тѣсноты ради мѣста того, Богу единому съвѣдущю, а устомъ человѣчьскомъ не мощьно исповѣдати» [4, с. 376], – характеризует Нестор жизнь монастыря в первые годы основания.

В академическом переводе текста Жития на современный русский язык [4] лексема «тѣсьнота» переводится как «невзгоды», «нужда», «неприглядность» и пр. И. И. Срезневский фиксирует эти значения в языке, однако прямое значение указывает все-таки как «теснота» [17, слб. 1094–1095]. Думается, используя это слово, Нестор не исключает его прямого значения: «…мѣсто скърбьно суще и тесно и еще же и скудно при всѣмь, и братии мъножащися, цьркви же малѣ сущи на съвъкупление имъ» [4, с. 378]. Именно теснота заставляет преп. Феодосия выходить за пределы привычного пространства: сначала теснота духовная (она связана и с физическим стеснением – мать связывает отрока Феодосия и накладывает на его ноги оковы, опасаясь, что он убежит из дома), затем теснота физическая – преп. Феодосий трижды расширяет пространство монастыря, постепенно не вмещающего в себя возрастающую братию: «възгради цьркъвь на мѣстѣ томь въ имя святыя и преславьныя Богородица и приснодѣвица Мария, и оградивъ и постави келиѣ многы» [4, с. 378].

Расширение монастыря неразрывно связано с ограждением нового «места» и основанием Успенской церкви. Монастырь собирает вокруг себя «киевское» пространство [20, с. 632] и одновременно «возрастает», поднимается над ним («Киев и Печерский монастырь в древнерусском культурном сознании были противопоставлены как горное место равнине» [15, с. 178]), храм собирает вокруг себя пространство монастыря и одновременно возвышается над ним (ср. чудо вознесения церкви в небо: «се вънезаапу чюдо бысть страшьно: отъ земля бо възятъся цьркы и съ сущиими въ ней възиде на въздусѣ» [4, ч. 400]). Примечательно, что посмертная судьба преп. Феодосия мистически связывается им с возрастанием монастыря: «Обаче о семь разумѣйте дьрьзновение мое, еже къ Богу: егда видите вься благая умножающаяся въ манастыри семь, вѣдите, яко близь Владыкы Небесьнааго ми сущю. Егда ли видите скудѣние суще и вьсѣмь умаляющеся, тъгда разумѣйте, яко далече ми Бога быти и не имуща дьрьзновения молитися къ Нему» [4, с. 430]. Заключительная часть Жития, повествующая о процветании монастыря преп. Феодосия и его посмертных чудесах, свидетельствует об обретении им «нового места» – «близь Владыкы Небесьнааго». В целом движение от периферии к центру и снизу вверх совпадает в пространственных координатах текста с движением за пределы тесного, ограниченного (огороженного) пространства. То есть если время в Житии – это ночь, преодолевшая свою тьму смертную и обратившаяся в утро, то пространство – это место, преодолевшее тесноту могилы и ставшее «горним местом».

Библиографический список

1. Василий Великий, свт. Предначертаніе подвижничества [Текст] // Творения иже во святых отца нашего Василия Великаго, архіепископа Кесаріи Каппадокійскія. – Ч. V: О подвижничествѣ. Свято-Троицкая Сергиева лавра. – 1901. – С. 32–36.

2. Душечкина, Е. В. Нестор в работе над Житием Феодосия. Опыт прочтения текста [Текст] // Труды по русской и славянской филологии. XVIII: Литературоведение. – Тарту: Тартуский ун-т, 1971. – С. 4–15.

3. Еремин, И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского [Текст] // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Институт литературы; ред. А. С. Орлов и др. – Т. 5. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. – С. 159–184.

4. Житие Феодосия Печерского [Текст] // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. – Т. 1 : XI–XII вв. – СПб. : Наука, 2004. – С. 352–433.

5. Иконникова, С. Н. Хронотоп культуры как основа диалога поколений [Текст] // Miscellanea humanitaria philosophiae: Очерки по философии и культуре. – Вып. 5. К 60-летию профессора Юрия Никифоровича Солонина. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 69–74.

6. Кириллин, М. В. Символика чисел в литературе Древней Руси (XI–XVI века) [Текст] / М. В. Кириллин. – СПб. : Алетейя, 2000. – 314 с.

7. Конявская, Е. Л. К вопросу об авторском самосознании Епифания Премудрого [Текст] // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2000. – № 1. – С. 70–86.

8. Кузьмина, М. К. Канон преподобнического жития сквозь призму библейских цитат [Текст] / М. К. Кузьмина. – М. : Водолей, 2017. – 400 с.

9. Лихачев, Д. С. Человек в литературе Древней Руси [Текст] / Д. С. Лихачев. – М. : Наука, 1970. – 180 с.

10. Лосский, В. Н. По образу и подобию [Текст] / пер. с фр. мон. Магдалины В. А. Рещиковой / В. Н. Лосский. – М. : Издание Свято-Владимирского Братства, 1995. – 204 с.

11. Мансветов, И. Д. Церковный устав (типик), его образование и судьба в Греческой и Русской Церкви [Текст] / И. Д. Мансветов. – М. : Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1885. – 449 с.

12. Остромирово Евангелие 1056–1057 года по изданию А. Х. Востокова [Текст]. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 968 с.

13. Петрухин, В. Я. История славян и Руси в контексте библейской традиции: миф и история в «Повести временных лет» [Текст] // Древнейшие государства Восточной Европы. – М. : Институт всеобщей истории РАН, 2003. – С. 93–112.

14. Повесть временных лет [Текст] // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. – Т. 1: XI–XII вв. – СПб. : Наука, 2004. – С. 62–315.

15. Ранчин, А. М. Вертоград златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях [Текст] / А. М. Ранчин. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – 576 с.

16. Смысл и значение православного ежедневного Богослужения [Текст] // Православный церковный календарь. 1994 год. – М. : Изд-во Московской Патриархии, 1993. – С. 78–79.

17. Срезневский, И. И. Матеріалы для Словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ: Т. 3. [Текст] / И. И. Срезневский. – СПб. : Тип. Императорской Академии наукъ, 1912. – 1684 стб., 272 стб., 13 с.

18. Творения аввы Еваргия. Аскетические и богословские трактаты [Текст] / пер., вступ. ст. и комм. А. И. Сидорова. – М. : Мартис, 1994. – 362 с.

19. Творогов, О. В. Нестор [Текст] // Словарь книжников и книжности Древней Руси : Вып. 1 : XI – первая половина XIV в. / АН СССР. ИРЛИ; отв. ред. Д. С. Лихачев. – Л. : Наука, 1987. – С. 274–278.

20. Топоров, В. Н. Труженичество во Христе (творческое собирание души и духовное трезвение). Феодосий Печерский [Текст] // Святость и святые в русской духовной культуре. Т. I: Первый век христианства на Руси. – М.: Гнозис; Школа «Языки русской культуры», 1995. – 875 с.

21. Успенский сборник XII–XIII вв. [Текст]. – М. : Наука, 1971. – 770 с.

22. Феофилакт Болгарский, блаженный. Толкование на Святое Евангелие [Текст]. – М. : Изд-во Летопись, 2015. – 744 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Vasilij Velikij, svt. Prednachertanie podvizhnichestva [Tekst] // Tvorenija izhe vo svjatyh otca nashego Vasilija Velikago, arhiepiskopa Kesarii Kappadokijskija. – Ch. V: O podvizhnichestvѣ. Svjato-Troickaja Sergieva lavra. – 1901. – S. 32–36.

2. Dushechkina, E. V. Nestor v rabote nad Zhitiem Feodosija. Opyt prochtenija teksta [Tekst] // Trudy po russkoj i slavjanskoj filologii. XVIII: Literaturovedenie. – Tartu: Tartuskij un-t, 1971. – S. 4–15.

3. Eremin, I. P. Literaturnoe nasledie Feodosija Pecherskogo [Tekst] // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury / AN SSSR. Institut literatury; red. A. S. Orlov i dr. – T. 5. – M.; L. : Izd-vo AN SSSR, 1947. – S. 159–184.

4. Zhitie Feodosija Pecherskogo [Tekst] // Biblioteka literatury Drevnej Rusi / RAN. IRLI; pod red. D. S. Lihacheva [i dr.]. – T. 1 : XI–XII vv. – SPb. : Nauka, 2004. – S. 352–433.

5. Ikonnikova, S. N. Hronotop kul'tury kak osnova dialoga pokolenij [Tekst] // Miscellanea humanitaria philosophiae: Ocherki po filosofii i kul'ture. – Vyp. 5. K 60-letiju professora Jurija Nikiforovicha Solonina. – SPb. : Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo, 2001. – S. 69–74.

6. Kirillin, M. V. Simvolika chisel v literature Drevnej Rusi (XI–XVI veka) [Tekst] / M. V. Kiril-lin. – SPb. : Aletejja, 2000. – 314 s.

7. Konjavskaja, E. L. K voprosu ob avtorskom samosoznanii Epifanija Premudrogo [Tekst] // Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki. – 2000. – № 1. – S. 70–86.

8. Kuz'mina, M. K. Kanon prepodobnicheskogo zhitija skvoz' prizmu biblejskih citat [Tekst] / M. K. Kuz'mina. – M. : Vodolej, 2017. – 400 s.

9. Lihachev, D. S. Chelovek v literature Drevnej Rusi [Tekst] / D. S. Lihachev. – M. : Nauka, 1970. – 180 s.

10. Losskij, V. N. Po obrazu i podobiju [Tekst] / per. s fr. mon. Magdaliny V. A. Reshhikovoj / V. N. Losskij. – M. :

Izdanie Svjato-Vladimirskogo Brat-stva, 1995. – 204 s.

11. Mansvetov, I. D. Cerkovnyj ustav (tipik), ego obrazovanie i sud'ba v Grecheskoj i Russkoj Cerk-vi [Tekst] / I. D. Mansvetov. – M. : Tip. Je. Lissnera i Ju. Romana, 1885. – 449 s.

12. Ostromirovo Evangelie 1056–1057 goda po izdaniju A. H. Vostokova [Tekst]. – M. : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2007. – 968 s.

13. Petruhin, V. Ja. Istorija slavjan i Rusi v kontekste biblejskoj tradicii: mif i istorija v «Po-vesti vremennyh let» [Tekst] // Drevnejshie gosudar-stva Vostochnoj Evropy. – M. : Institut vseobshhej istorii RAN, 2003. – S. 93–112.

14. Povest' vremennyh let [Tekst] // Biblioteka literatury Drevnej Rusi / RAN. IRLI; pod red. D. S. Lihacheva [i dr.]. – T. 1: XI–XII vv. – SPb. : Nauka, 2004. – S. 62–315.

15. Ranchin, A. M. Vertograd zlatoslovnyj: Drevnerusskaja knizhnost' v interpretacijah, razborah i kommentarijah [Tekst] / A. M. Ranchin. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. – 576 s.

16. Smysl i znachenie pravoslavnogo ezhednevnogo Bogosluzhenija [Tekst] // Pravoslavnyj cerkovnyj kalendar'. 1994 god. – M. : Izd-vo Moskovskoj Patriarhii, 1993. – S. 78–79.

17. Sreznevskij, I. I. Materialy dlja Slovarja drevnerusskago jazyka po pis'mennym# pamjatnikam# : T. 3. [Tekst] / I. I. Sreznevskij. – SPb. : Tip. Imperatorskoj Akademii nauk#, 1912. – 1684 stb., 272 stb., 13 s.

18. Tvorenija avvy Evargija. Asketicheskie i bogoslovskie traktaty [Tekst] / per., vstup. st. i komm. A. I. Sidorova. – M. : Martis, 1994. – 362 s.

19. Tvorogov, O. V. Nestor [Tekst] // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi : Vyp. 1 : XI – pervaja polovina XIV v. / AN SSSR. IRLI; otv. red. D. S. Lihachev. – L. : Nauka, 1987. – S. 274–278.

20. Toporov, V. N. Truzhenichestvo vo Hriste (tvorcheskoe sobiranie dushi i duhovnoe trezvenie). Feodosij Pecherskij [Tekst] // Svjatost' i svjatye v russkoj duhovnoj kul'ture. T. I: Pervyj vek hristianstva na Rusi. – M.: Gnozis; Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1995. – 875 s.

21. Uspenskij sbornik XII–XIII vv. [Tekst]. – M. : Nauka, 1971. – 770 s.

22. Feofilakt Bolgarskij, blazhennyj. Tolkovanie na Svjatoe Evangelie [Tekst]. – M. : Izd-vo Letopis', 2015. – 744 s.

Reference List

1. Basil the Great, Destiny of self-sacrifice // Creations of the Holy Father our Vasily Veliky, archerbishop Kesarii Kappadokiyskiya. – P. V: About self-sacrifice. Svyato-Troitskaya. Sergius Laura. – 1901. – Page 32–36.

2. Dushechkina E. V. Nestor in work on Life Feodosiya. Experience of reading of the text // Works on the Russian and Slavic philology. XVIII: Literary criticism. – Tartu : Tartu University, 1971. – Page 4–15.

3. Eremin I. P. Literary heritage of Theodosius Pechersky // Works of Old Russian Literature Department / Academy of Sciences of the USSR. Institute of literature; edition. A. S. Orlov, etc. – V. 5. – M.; L. : Academy of Sciences of the USSR Publishing House, 1947. – Page 159–184.

4. Life of Theodosius Pechersky // Library of literature of Ancient Russia / RAS. IRLI; under the editorship of D. S. Likhachev [etc.]. – V. 1: The 11–12th centuries – SPb. : Nauka, 2004. – Page 352-433.

5. Ikonnikova S. N. Chronotop of culture as a basis of dialogue of generations//Miscellanea humanitaria philosophiae: Essays on philosophy and culture. – Issue 5. To the 60 anniversary of Professor Yury Nikiforovich Solonin. – SPb. : St. Petersburg Philosophical Society, 2001. – Page 69–74.

6. Kirillin M. V. Symbolics of numbers in literature of Ancient Russia (the 11–16th century)/ M. V. Kirillin. – SPb. : Aleteya, 2000. – 314 pages.

7. Konyavskaya E. L. K To the question of author's consciousness of Epiphanius Premudry]//Ancient Russia. Mediaevalism questions. – 2000. – No. 1. – Page 70–86.

8. Kuzmina M. K. Canon of blessed life through a prism of bible quotes / M. K. Kuzmina. – M. : Vodoley, 2017. – 400 pages.

9. Likhachev D. S. Man in literature of Ancient Russia / D. S. Likhachev. – M. : Nauka, 1970. – 180 pages.

10. Lossky V. N. Just like / translated from French by nun Magdalene V. A. Reshchikova / V. N. Lossky. – M. : Edition of the Sacred and Vladimir Brotherhood, 1995. – 204 pages.

11. Mansvetov I. D. The church charter (Tepic), its formation and destiny in the Greek and Russian Church / I. D. Mansvetov. – M. : E. Lissner and yu.Roman's Publishing House, 1885. – 449 pages.

12. The Ostromir Gospels of 1056–1057 according to A. H. Vostokov's edition. – M. : Yazyki Slavyanskoy Kultury, 2007. – 968 pages.

13. Petrukhin V. Ya. History of Slavs and Russia in the context of bible tradition: the myth and history in «The story of temporary years» // the most ancient states of Eastern Europe. – M. : Institute of general history of RAS, 2003. – Page 93–112.

14. Story of temporary years // Library of literature of Ancient Russia / RAS. IRLI; under the editorship of D. S. Likhachev [etc.]. – V. 1: The 11–12th centuries – SPb. : Nauka, 2004. – Page 62–315.

15. Ranchin A. M. Gold-word Vertograd: An Old Russian books in interpretations, analyses and comments / A. M. Ranchin. – M. : Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2007. – 576 pages.

16. Sense and value of the Orthodox daily Church service // Eastern Orthodox liturgical church calendar. – 1994. – M. : Publishing house of Moscow Patriarchy, 1993. – Page 78–79.

17. Sreznevsky I. I. Materials for the Dictionary of Old Russian language on written memorials: V. 3. / I. I. Sreznevsky. – SPb. : Imperial Academy of Science Publishing House, 1912. – 1684 column, 272 column, 13 pages.

18. Creations of an avva Evargiya. Ascetic and theological treatises / translation, foreword and comments by A. I. Sidorova. – M. : Martis, 1994. – 362 pages.

19. Tvorogov O. V. Nestor // Dictionary by scribes and books of Ancient Russia: Issue 1: XI – the first half of the 14th century / Academy of Sciences of the USSR. IRLI; editor-in-chief D. S. Likhachev. – L. : Nauka, 1987. – Page 274–278.

20. Toporov V. N. Work in Christ (creative collecting of soul and a spiritual health). Theodosius Pechersky // Sanctity and Saints in the Russian spiritual culture. V. I: The first century of Christianity in Russia. – M. : Gnozis; Languages of the Russian Culture School, 1995. – 875 pages.

21. Uspensky collection 12-13th centuries. – M. : Nauka, 1971. – 770 pages.

22. Feofilakt Bolgarsky, blissful. Interpretation on the Sacred Gospel. – M. : Letopis Publishing House, 2015. – 744 pages.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.03.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

УДК 82

В. А. Галанова
https://orcid.org/0000-0003-0375-6332

Поэма Ф. Н. Глинки «Карелия…» как литературная сказка

В статье обсуждается проблема романтической поэмы как жанра, специфические особенности творчества Федора Глинки. Несколько критериев литературной сказки называет Н. Овчинникова. Эти критерии справедливы и для некоторых поэм Федора Глинки, их романтического нарратива. Поэма «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой», написанная в 1828 году, иллюстрирует события, произошедшие много лет назад на Русском Севере. Это одна из выдающихся романтических поэм в русской литературе пушкинской эпохи. Помимо исторической темы, тесно переплетенной со сказочной, поэма чувствительна, как и у других мировых романтиков, к теме природы. Ф. Глинка, долгое время проживший в Карелии, в своей поэме воссоздает характерные черты эпико-романтического колорита Русского Севера, вслед за Г. Р. Державиным, наряду с Е. А. Баратынским стал подлинным поэтом-певцом Русского Севера. Все это было отмечено А. С. Пушкиным в его рецензии на поэму Ф. Глинки. Эпическая составляющая в поэмах Ф. Глинки неотделима от воображения, фантазии, даже видений, что опять же характерно для европейских романтиков. Эпическая фантазия Ф. Глинки, наряду с чертами исторической легенды, прочно опирается на народные традиции сказочного жанра. Фактически поэма напрямую соотносится с жанром поэтической литературной сказки, каких много и у А. С. Пушкина («Руслан и Людмила», его многочисленные поэтические сказки в древнерусском и в народно-фольклорном стиле, например, «Сказка о медведихе»), и в поэтическом пространстве пушкинского времени (например, «Конек-горбунок» Ершова).

Ключевые слова: литературные жанры, поэма, литература, литературная сказка, романтическая поэзия, романтизм, Федор Глинка.

V. A. Galanova

F. N. Glinka's Poem «Karelia…» as a Literary Fairy Tale

This paper is discussing the problem of Feodor Glinka's romantic poem specific features. N. Ovchinnikova names several criteria of the literary fairy-tale. These criteria are also valid for some greater poems by Feodor Glinka and their romantic narrative. The poem «Karelia, or exile of Marfa Ioannovna Romanova», written in 1828, gives effective illustration to the events, that happened in the Russian North many years ago. It is one of the most outstanding greater romantic poems in Russian literature. Beside the historical aspects, closely related to fairy tales, Glinka's longer poem is based upon the pictures, images of northern Nature. Feodor Glinka lived in Karelia for a long time, and he depicts typical aspects of northern nature. Like G. R. Derzhavin and E. A. Baratynsky he becomes a real poet of northern nature. All of that was noticed by A. S. Pushkin in his critical essay. In Glinka's poems an epic component is closely related to rich imagery, fantastic legends of the past, and even poetic vision that is highly characteristic of European Romanticism. Glinka's epic fantasy though partly historic in its features, basically remains in the space of fairy tales. In fact, these poems mainly belong to popular genres, namely folk legends and fairy tales, definitely created by a particular author, i. e. literary fairy tales: e. g. Pushkin's «Ruslan and Lyudmila», his numerous literary fairy tales, such as «A tale of she-bear» or Ershov's «Konyok-gorbunok».

Keywords: literary genres, greater poem, literature, literary fairy-tale, romantic poetry, romanticism, Feodor Glinka.

Сказка в ее многообразии – один из самых распространенных жанров мировой словесности. В России литературная сказка распространяется более всего в книжной культуре. В основном получает распространение в переводном виде, хотя древнейшие мотивы сказок встречаются на Руси еще с XII в. (в основном это книжные интерпретации восточных сказок). В Новое время получает развитие новый тип сказки, что отразилось в том числе на русской сказке XVIII в. (М. Д. Чулков, Д. И. Попов и др.). В эпоху предромантизма, и прежде всего, романтизма, сказка и литературная сказка становятся одним из самых популярных жанров (например, в творчестве А.С.Пушкина).

В эпоху романтизма жанр литературной сказки приобретал невероятную вариативность, взаимодействуя с жанром романтической поэмы [16, с. 127]. Весьма интересный вклад в этот процесс внес Ф. Н. Глинка. Известный более как автор «Писем русского офицера» [1, с. 341], участник наполеоновских войн, он – один из поэтов-романтиков пушкинского круга [5, с. 194]. Ему принадлежит ряд поэм, одна из которых обнаруживается в неожиданном ракурсе как литературная сказка. Жанр этот весьма распространен в романтической традиции от В. А. Жуковского и А. С. Пушкина до М. Ю. Лермонтова, В. Ф. Одоевского и А. Погорельского [19, с. 302]. Таковы,

© Галанова В. А., 2018

например, «Сказка о царе Берендее» и «Спящая царевна» В. А. Жуковского, «Черная курица, или Подземные жители» А. Погорельского, «Конек-горбунок» П. П. Ершова.

Романтиков привлекали в жанре сказки элементы таинственности, глубины истоков, природных первоначал мира, бытия, и в то же время первоначал народных, исторических. У Ф. Глинки уже и Север, и история, и первоначала совсем не оссианские, а вполне русские (у Пушкина, например, в «Руслане и Людмиле» – поэме, литературной сказке, все названные категории еще вполне условны и декоративны).

Русский Север – тема сама по себе сказочная и по своей красоте, и по своей истории и культуре, что было вполне востребовано поэтами-романтиками. В XVIII в. европейский Север создал мощный пласт оссианской поэзии (Дж. Макферсона), где Север и древняя героика повлияли практически на всех европейских и русских предромантиков, а также на Пушкина и Лермонтова.

Поэмы Ф. Глинки со всеми чертами литературной сказки отличались величием и масштабностью, своеобразной «сказочной реалистичностью», даже «этнографичностью». «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой», написанная в 1828 году, основана на истории или легенде о нахождении в Карелии матери царевича Дмитрия Марфы Иоанновны Романовой [4, с. 128]. Сам Федор Глинка по декабристским мотивам был сослан в Карельский край, и потому поэту была близка как тема Русского Севера, так и тема изгнания. Можно сказать, Ф. Глинка отчасти повторил жизненный путь своей литературно-исторической героини. В поэме, и в этом одна из ее главных особенностей, христианские книжные мотивы гармонично дополняются мотивами народных легенд и преданий. Именно Север стал основным хранителем русского былинного эпоса. Находясь в Петрозаводске, писатель имел возможность подробно ознакомиться с бытом местных жителей, их историей, сказаниями, в том числе – героического былинного эпоса.

Романтическая поэма в итоге сменила стереотип идеального ландшафта множеством конкретных видов пейзажей [10, с. 177]. Если ранее природа страны была скорее абстрактной, то теперь романтическая поэма объединяет пейзаж с этнографичеким обликом народа в общий тип миропонимания, среды. Именно это явление произошло и с «Карелией» Ф.Глинки. Природа Карелии образовала неразрывную связь с духовным миром, мировоззрением местных жителей. Именно эта связь нашла яркое отражение и в других поэмах Глинки. Фоном описательной поэмы, а следовательно, и поэмы романтической, становится появление авторского «Я». Авторское «Я» становится главным субъектом всего происходящего, воспоминаний и описаний увиденного. В данной поэме его основой становятся личные впечатления Глинки, полученные им в Карельском крае.

Произведение публиковалось в отрывках в 1829 г., полностью увидело свет в 1830 г. [1, с. 342]. Поэтический текст «Карелии» взаимодействует с прозаическими введением и примечаниями, в которых на основе наблюдений поэта, рассказов местных жителей и других источников дана геологическая, гидрографическая, биологическая, историческая и этнографическая характеристики края [10, с. 177]. Поэма не только встретила положительный отклик у читателей, но и была благожелательно отрецензирована [9, с. 79] А. С. Пушкиным в том же году [14].

Ю. М. Лотман считал, что изобразительная выразительность играет в поэтике русских поэтических текстов ведущую роль. В своей книге «Анализ поэтического текста» [10, с. 180] он рассматривает пути от поэзии к прозе с более строгой структурой. Применительно к тексту поэмы Ф. Глинки и особой значимости ее композиционных, описательно-повествовательных основ текста, визуально-пространственных, так сказать, природных критериев и в заглавии поэмы, и в ее тексте главенствует структурно-поэтическая составляющая. Рассматриваемая поэма Ф. Глинки обладает такими новыми признаками жанра литературной сказки, которые прежде исследователи не отмечали в творчестве поэта.

В статье «Литературная сказка: проблема дефиниции» А. Б. Бритаева подчеркивает, что существует множество мнений по поводу того, что считать литературной сказкой: 1) произведение, которое сам автор так называет; 2) произведение, удовлетворяющее идейно-эстетическим принципам сказки; 3) прозаическое или стихотворное произведение, активно использующее элементы народной поэтики; 4) любое произведение, в котором счастливый конец и нереальный (с элементами фантастики) сюжет или упоминаются сказочные герои; 5) авторское произведение, для которого возможно точное указание на фольклорно-сказочный источник [3, с. 63].

Поэтическая фантазия Ф. Н. Глинки на природную и историко-легендарную тематику «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романо-

вой» относится ко второму из трех отмеченных типов и, несомненно, является стихотворной сказкой. Поэма-сказка Ф. Н. Глинки объединяет все вышеперечисленные признаки литературной сказки: во-первых, четыре фрагмента произведения автор **сам называет сказками** (они являются литературным переложением народных преданий, так и называются: «сказка первая», сказка вторая», «сказка третья» и «сказка четвертая»; во-вторых, произведение несет в себе элементы народной поэтики, обладая большим количеством отсылок к былинам, старинным преданиям; в-третьих, в тексте присутствуют элементы фантастики, чуда, а также присутствуют сказочные герои. Наконец, автор дает указание на источник сказок, упоминая в предисловии, что познакомился с ними во время пребывания в Карельском крае.

При этом следует определить, к какому типу литературных сказок можно отнести поэму Ф. Глинки. Л. В. Овчинникова отмечает, что литературные сказки разделяются *по тематике*: о животных, волшебные, бытовые; *по пафосу*: героические, лирические, юмористические, сатирические, философские, психологические; *по близости к другим литературным жанрам*: сказки-новеллы, сказки-повести, сказки-притчи, сказки-пьесы, сказки-пародии, научно-фантастические сказки, сказки абсурда [11, с. 17].

Необходимо определить, к какому типу литературных сказок принадлежит данная поэма-сказка. Федор Глинка как истинный поэт-романтик знакомит читателей с образами народных сказок еще во вступлении. Соединяя исторические мотивы народных легенд и преданий и образ природы, Федор Глинка в итоге создает литературную сказку. Исторические и легендарные мотивы были близки многим поэтам-романтикам: подобные примеры можем наблюдать в произведениях Александра Сергеевича Пушкина, Михаила Юрьевича Лермонтова и других писателей. Сам Глинка называет Карелию страной духов, она начинает казаться читателю загадочной, таинственной, что совершенно естественно для жанра романтической поэмы. Уже в начале произведения читатель встречается с достаточно распространенной метафорой – таинственный гул кажется шумом лешего, ему вторят филины и совы, считающиеся у многих народов спутниками нечистой силы.

Над рудяными озерами
(В стране пустынь, духов и чар)
Тут только слышен крик гагар,
Да чей-то голос вечерами
Выходит гулом из лесов.
В народе говорят: «То леший!..»
И стая филинов и сов
Перекликается...

При этом, упоминая сказочного персонажа, лешего, автор частично идет за пушкинской сказочной поэмой «Руслан и Людмила». Несколько позже поэт использует уже не народно-легендарную, а антично-мифологическую отсылку, сравнивая соловья с Орфеем, чудесным певцом. Несмотря на то, что такое сравнение отнюдь не ново и применялось и другими поэтами-предромантиками, примечательно, что поэт здесь оригинален в использовании популярной античной аллюзии.

Нема, глуха страна сия!
Здесь нет Орфея-соловья

Эти строчки также перекликаются с романтической поэмой А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан». В этой поэме звучит описание местности: *«Я слышу трели соловья»*. В данном случае совпадает не только система образов, но и ритм и размер. В дальнейшем Ф. Глинка еще не раз обратиться к пушкинской системе образов.

Далее Глинка в своей поэме-сказке говорит о некоем монахе, о легенде, связанной конкретно с Карельским краем. сюжет повествует о загадочном страннике, который, беззащитный, путешествует по лесным дебрям, и его не смеет тронуть ни один зверь. Этому страннику подвластны людские души, он всецело обращен к жителям края, которым несет духовное спасение:

Дозволь, я приведу монаха:
Жилец недавний наших скал,
Он много видел и слыхал;
И безоружный, но без страха,
Он ходит по лесам один;
Его и зверь не обижает!..
И он, как словно господин,
Душами здесь распоряжает
И любит нас, и мы его!
Разгонит он твою кручину
И в будущем прочтет судьбину:
Послушай и прими его!..

Примечательно, что поэт сразу указывает на невымышленный характер этой истории, легенды, тут же подчеркивая, что некоторая тайна все же сохраняется (воспроизведены авторские текстовые знаки).

{ Рассказ об отшельнике, о его переселении с востока на север не есть вымысел: но здесь не место о сем распространяться.}*

Рассказывая о быте карелов, поэт вспоминает древнерусские сказания, связанные с битвой богатырей:

И хвалятся промеж собой
Карельцы ловкою борьбой
(Как некогда Мстислав с Редедей).
И пляска дикая медведей
Мила для их простой души:
Так все идет у них в глуши!..

В данном случае наблюдается перекличка с летописью «Повесть временных лет» и древнерусской поэмой «Слово о полку Игореве». Именно там был впервые запечатлен в письменной форме сюжет об отмеченном богатырском сражении [19, с. 85–99]. Таким образом, старинные русские летописи и поэмы также нашли отзвук в произведении поэта.

От народно-этнографических мотивов Федор Глинка переходит к христианским преданиям. Христианские образы играют ведущую роль в большинстве поэм Ф. Глинки [7]. Данная поэма также не стала исключением. Когда монах посещает Марфу Иоанновну, он рассказывает о своем чудесном спасении и о своем решении переместиться именно в Карелию. Он узрел явление Богородицы, которая благословила его отправиться на Север.

И се! является Царица
Неизъяснимой красоты;
На ней венец и багряница,
И власти скиптр в Ее десной.
Идет... и стала над луной!

.... И вот склонилась
Она как будто и ко мне,
И ароматом заструилась
Небесность. «Нет! Не в сей стране
Витать – тебе определенье!
Ты знаешь... Вспомяни!.. Иди!..
С тобой Мое благословенье!
На Север...»

Говоря о Богородице, о Севере, затем автор вновь обращается к народным сказкам, вспоминая о мифической Птице Счастья. Она незрима, но ее песни очаровывают, помогают обрести радость. Сама птица обитает на Севере и символизирует любовь к целой Карелии.

Ее не видят здешних взоры,
Но мне порой видна она,
И с ней мне милы эти горы
И эта дикая страна!...

Ближе к финалу Федор Глинка пересказывает четыре сказочных истории, которые так и названы: «Сказка первая». «Сказка вторая». «Сказка третья» и «Сказка четвертая». Сами названия частей поэмы играют немаловажную роль, подчеркивая, что данные фрагменты произведения сам писатель определял как сказки. Н. А. Фатеева отмечает, что «заглавие как порог стоит между внешним миром и пространством художественного текста и первым берет на себя очевидную привязку и преодоление этой границы» [16, с. 26]. Своеобразную «пограничную» функцию заглавия исследователь видит в том, что это – элемент текста, в котором соседствуют два начала: внешнее – обращение вовне и представление художественного произведения в культурно-историческом мире, и внутреннее – обращение к тексту. Кроме того, по мысли М. М. Петровского [13], «заглавие стоит вне временной последовательности происходящего», иными словами, играет важную роль в пространственном аспекте внешнего и внутреннего контекста. Описательно-изобразительные, эпические по своей природе свойства поэмы тесно связаны, как уже отмечалось, с ее заглавием. Данное правило подтверждают и заглавия всех четырех фрагментов поэмы.

История, названная «Сказка первая», посвящена подвигам местного богатыря, по имени Заонега. Этот образ связывает все четыре сказки. В первой сказке могучий герой по пути в монастырь с помощью вырванной ели разогнал посланных нечистой силой волков. Затем он с помощью дубины и крестного знамения разогнал многочисленных злых духов, видимых и невидимых. Во время сражения богатырь пробил льющийся в Онегу Саламейский пролив.

Кроме того, Заонеге довелось сразиться с Тугариным. Покоренный змей погиб от ран, и со временем на его теле появились целые поселения. В сказке нашел отражение мотив змееборчества, характерный для множества легенд и преданий. А имя Тугарин напрямую заимствовано из древнерусских былин об Алеше Поповиче и Тугарине-Змеевиче. Мы уже упоминали выше о соотносительности поэм Ф. Глинки и сказаний Древней

Руси. Вместе с тем появление целого поселения на спине побежденного чудовища как деталь сюжета напоминает литературную сказку П. П. Ершова «Конек-горбунок», где на теле гигантского кита был воздвигнут город.

Его покрыла пыль и тина,
На нем скопилася земля –
И вырос лес. Теперь там пашня,
Два дома, мельница, поля...

«Сказка вторая» повествует о жителях карельских лесов, многочисленных леших, уже упомянутых автором в поэме. В этой сказке автор только в самой первой строчке упомянул Заонегу, а затем перемещается в карельские леса, жилище мистических существ. В отличие от злых духов из первой сказки они не испытывают к человеку злобы и не желают ему навредить. Напротив, лешии поют печальные, заунывные песни, в которых скорбят о судьбе человека.

В их песнях слышно сожаленье.
Поют: «Зачем он, бедный, пал,
Оброс грехом и стал так мал –
Забыл свое предназначенье!..»

Мы видим, что здесь, в отличие от первой сказки, отсутствуют эпизоды сражений богатыря с нечистой силой. На смену жестокому бою приходят характерные для поэтов-романтиков мотивы дум, размышлений. Как духи, так и сам богатырь не желают кому-либо навредить, а лишь созерцают.

«Сказка третья» повествует о жителях подводного царства, живущих на дне реки. Здесь Заонега вновь упомянут вскользь – в начале сказки он плывет по Сойме. Затем перед читателями предстает подводный мир с его жителями – «водяниками». Им правит царь, при котором находятся водяные духи. Они признают только чистых душой людей, ценят правдивость и умеют предвидеть будущее. Мотив путешествия в подводный мир напоминает былину о купце Садко. Но в отличии от Садко Заонега не спускается к водяным духам, он просто проплывает рядом с их страной. Следует еще раз отметить, что в поэме Глинки, наряду с северной топонимикой (Сойма, Онега, Саламейский пролив), активизируется северная былинная тема о Садко, то есть материал отнюдь не заимствованный из Европы, а свой, северный, своеземный.

В обеих сказках, в «сказке второй» и «сказке третьей», представлена не совсем типичная роль мифологических персонажей. Здесь они не пытаются помочь либо навредить конкретному герою, а лишь размышляют о судьбе человечества в целом. Они гармонично связаны с образом карельской природы, они – ее часть. Но, как и во многих мифах и легендах, сказочным существам отведена роль хранителей природы, древних тайн. Не забудем, что мотив тайны едва ли не основной в поэтике как русских, так и европейских романтиков.

В «Сказке четвертой» богатырь Заонега вновь играет активную роль в повествовании. Он вступает в спор с духами воздуха. Они насмехаются над людьми, высмеивают все их пороки. Но после звона колоколов в Муроме они исчезают, и богатырь тоже перестает гневаться. При этом в четвертой сказке есть несколько недописанных частей, замененных многоточиями.

Затем сказки завершаются, и четвертая часть повествует о судьбе монаха. Несмотря на искушение нечистого духа, он не возвращается «в свет», а остается в Карелии. В этой части повествуется о речи монаха, о чудесных видениях и божественном откровении. Ему открываются тайны мироздания, он сумел узреть судьбу человечества. Историко-легендарная тема у Глинки в поэме осложняется христианскими мотивами. Кстати, и природа, красоты русского Севера почти всегда включают многочисленные скиты, уединенные монастыри, которые прекрасно в эту природу вписаны и составляют с ней как бы неразрывное целое.

В сказках прослеживается определенная закономерность в расположении четырех сюжетов. Если в первой сказке богатыря ждут яростные сражения, то во второй и третьей части богатырь знакомится с миром таинственных сказочных существ и созерцает. В третьей части герой душой обращается к Богу, услышав звон колоколов. Звон со службы в Муроме прогоняет злых духов и усмиряет душу и сердце богатыря.

Сюжет четырех сказок напрямую пересекаются с судьбой Марфы Иоанновны и с судьбой целой страны. Первая сказка, в которой повествуется о жестоких сражениях, напоминает о событиях Смуты и о прежних войнах. Упоминания сражения богатыря с Тугариным перекликается с татаро-монгольским нашествием, сражения с волками и нечистой силой напоминают о многочисленных битвах с захватчиками. В третьей и четвертой сказке на смену жестокому бою приходит размеренное повествование о жителях лесов, рек и озер. Природа Русского Севера, с которой знакомится богатырь, тесно связана с судьбой Марфы Иоанновны и с судьбой монаха, сумевших в полной силе ощутить великолепие Карельского края.

Речь монаха разбита на 17 частей. В финале он обращается к Марфе Иоанновне, даруя ей весть о чудесном избавлении России от врагов. Здесь кроется специфика поэм Глинки, их связей с историко-легендарной темой, историей и книжным эпосом, а также былинной традицией, специфика выхода в жанр литературной сказки, специфика христианско-легендарных сюжетов из истории русского Севера. Все это создает не только своеобразие, но и невероятное жанровое богатство поэм Глинки. Здесь романтическая традиция европейской поэмы оссианского типа всецело трансформируется в русском духовно-историческом контексте. Поэмы Ф. Глинки отличаются не только ярким своеобразием, но и оригинальностью, которые, кстати, отметил А. С. Пушкин в своей рецензии [3, с. 78–97].

События четвертой сказки напрямую связаны с судьбой страны, которую видит монах-рассказчик. Эту же судьбу видит и Марфа Иоанновна. И сама царица отказывается отвечать врагам войной и кровопролитием, мечтая о том, что когда-нибудь сердца остальных жителей наполнит любовь.

За кровь не воздадим мы кровью...
Как жажду видеть я Москву,
Читать любовь там в каждом взоре
И приклонить свою главу
К святым мощам в святом соборе!

Таким образом, от сказочных мотивов Федор Глинка вновь возвращается к книжно-историческим, книжно-христианским мотивам, формируя, как уже отмечалось, невероятное жанровое богатство, жанровое новаторство своих поэм.

Библиографический список

1. Базанов, В. Г. Поэтическое наследие Федора Глинки (10–30-е гг. XIX в.)[Текст] // Глинка Ф. Н. Избранное. – Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1949. – С. 341–465.

2. Базанов, В. Г. Ученая республика [Текст] / В. Г. Базанов. – М.-Л. : Учпедгиз, 1964. – С. 103–162.

3. Бритаева, А. Б. Литературная сказка: проблема дефиниции [Текст] / Известия СОИГСИ, №6, 2011. – С. 63–64.

4. Глинка, Ф. Н. Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой [Текст] / Глинка Ф. Н. Сочинения / сост., послесл. и коммент. В. И. Карпеца. – М. : «Советская Россия», 1986. – С. 128.

5. Гуковский, Г. А. Пушкин и русские романтики [Текст] / Г. А. Гуковский. – М. : Худож. Лит., 1965. – С. 194–199, 268–273.

6. Замков, Н. К. Пушкин и Ф. Н. Глинка [Текст] // Пушкин и его современники. – Пг., 1918. – Вып. 29–30. – С. 78–97.

7. Зверев, В. П. Священная поэзия в творчестве Ф. Н. Глинки [Текст] / В. П. Зверев. – М. : АСТ, 1998.

8. Кубанев, В. Поэты пушкинской поры [Текст] / В. Кубанев. – М., 1972. – 135 с.

9. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста: Структура стиха [Текст] / Ю. М. Лотман. О поэтах и поэзии. – СПб. : Искусство-СПб, 1996. – С. 18–27

10. Манн, Ю. В. Русская литература XIX а. Эпоха романтизма [Текст] / Ю. В. Манн. – М. : Изд. РГГУ, 2007. – С. 177–180

11. Овчинникова, Л. В. Русская литературная сказка XX века: История, классификация, поэтика [Текст] / Л. В. Овчинникова. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 378 с.

12. Орлицкий, Ю. Б. Динамика стиха и прозы в русской словесности [Текст] / Ю. Б. Орлицкий. – М. : РГГУ, 2008. – 842 с.

13. Петровский, М. Л. Проблемы поэтики.[Текст] // М. Л. Петровский. – Л., 1925. – 286 с.

14. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений. В 17 т. : Т. 11 [Текст] / А. С. Пушкин. – М. : Воскресенье, 1996. – 595 с.

15. Томашевский, Б. В. Теория литературы: Поэтика [Текст] // Б. В. Томашевский. – М.-Л. : Госиздат, 1925. – 320 с.

16. Фатеева, Н. А. Синтез целого. На пути к новой поэтике.[Текст] / Н. А.Фатеева. – М., «Новое литературное обозрение», 2010. – С. 26–33.

17. Шеффер, Ж-М. Что такое литературный жанр? [Текст] / Ж-М. Шеффер. –М, УРСС, 2010. – С. 127.

18. Чеснокова, Т. Г. Литературная сказка Сказочная энциклопеция [Текст] / под ред. Н. В. Будур / Т. Г. Чеснокова. – М., 2005.

19. Шустов, М. П. Жанровые номинации русской литературной сказки [Текст] / М. П. Шустов // Дергачевские чтения – 2008. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Проблема жанровых номинаций : материалы IX Междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 2009. – Т. 1. – С. 301–306.

20. Слово о полку Игореве [Текст] / В. А. Жуковский // Сочинения в трех томах. Том 3. – М. : Худож. Лит., 1980. – С. 85–99.

21. Epic // The reader's companion to world literature. 2-nd ed. L. H. Hornstein (ed.). – N. Y., 1973. – P. 176–177.

22. Fairy tale // The reader's companion to world literature. 2-nd ed. L. H. Hornstein (ed.). – N. Y., 1973. – P. 186–187.

23. Poetics // The reader's companion to world literature. 2-nd ed. L. H. Hornstein (ed.). – N. Y., 1973. – P. 419–420.

24. Romantic movement // The reader's companion to world literature. 2-nd ed. L. H. Hornstein (ed.). – N. Y., 1973. – P. 457–460.

25. Qu'est-ce qu'un genre littéraire? J-M. – Schaeffer Paris: Le Seuil, 1989.

Bibliograficheskij spisok

1. Bazanov, V. G. Pojeticheskoe nasledie Fedora

Glinki (10–30-e gg. XIX v.)[Tekst] // Glinka F. N. Izbrannoe. – Petrozavodsk : Gos. izd-vo Karelo-Finskoj SSR, 1949. – S. 341–465.

2. Bazanov, V. G. Uchenaja respublika [Tekst] / V. G. Bazanov. – M.-L. : Uchpedgiz, 1964. – S. 103–162.

3. Britaeva, A. B. Literaturnaja skazka: problema definicii [Tekst] / Izvestija SOIGSI, №6, 2011. – S. 63–64.

4. Glinka, F. N. Karelija, ili zatochenie Marfy Ioannovny Romanovoj [Tekst] / Glinka F. N. Sochinenija / sost., poslesl. i komment. V. I. Karpeca. – M. : «Sovetskaja Rossija», 1986. – S. 128.

5. Gukovskij, G. A. Pushkin i russkie romantiki [Tekst] / G. A. Gukovskij. – M. : Hudozh. Lit., 1965. – S. 194–199, 268–273.

6. Zamkov, N. K. Pushkin i F. N. Glinka [Tekst] // Pushkin i ego sovremenniki. – Pg., 1918. – Vyp. 29–30. – S. 78–97.

7. Zverev, V. P. Svjashhennaja pojezija v tvorchestve F. N. Glinki [Tekst] / V. P. Zverev. – M. : ACT, 1998.

8. Kubanev, V. Pojety pushkinskoj pory [Tekst] / V. Kubanev. – M., 1972. – 135 s.

9. Lotman, Ju. M. Analiz pojeticheskogo teksta: Struktura stiha [Tekst] / Ju. M. Lotman. O pojetah i po-jezii. – SPb. : Iskusstvo-SPb, 1996. – S. 18–27

10. Mann, Ju. V. Russkaja literatura XIX a. Jepoha romantizma [Tekst] / Ju. V. Mann. – M. : Izd. RGGU, 2007. – S. 177–180

11. Ovchinnikova, L. V. Russkaja literaturnaja skazka XX veka: Istorija, klassifikacija, pojetika [Tekst] / L. V. Ovchinnikova. – M. : Flinta : Nauka, 2003. – 378 s.

12. Orlickij, Ju. B. Dinamika stiha i prozy v russkoj slovesnosti [Tekst] / Ju. B. Orlickij. – M. : RGGU, 2008. – 842 s.

13. Petrovskij, M. L. Problemy pojetiki.[Tekst] // M. L. Petrovskij. – L., 1925. – 286 s.

14. Pushkin, A. S. Polnoe sobranie sochinenij. V 17 t. : T. 11 [Tekst] / A. S. Pushkin. – M. : Voskresen'e, 1996. – 595 s.

15. Tomashevskij, B. V. Teorija literatury: Po-jetika [Tekst] // B. V. Tomashevskij. – M.-L. : Gosizdat, 1925. – 320 s.

16. Fateeva, N. A. Sintez celogo. Na puti k novoj pojetike.[Tekst] / N. A.Fateeva. – M., «Novoe literaturnoe obozrenie», 2010. – S. 26–33.

17. Sheffer, Zh-M. Chto takoe literaturnyj zhanr? [Tekst] / Zh-M. Sheffer. –M, URSS, 2010. – C. 127.

18. Chesnokova, T. G. Literaturnaja skazka Skazo-chnaja jenciklopecija [Tekst] / pod red. N. V. Budur / T. G. Chesnokova. – M., 2005.

19. Shustov, M. P. Zhanrovye nominacii russkoj lit-eraturnoj skazki [Tekst] / M. P. Shustov // Dergachevskie chtenija – 2008. Russkaja literatura: nacional'noe razvitie i regional'nye osobennosti. Problema zhanrovyh nomi-nacij : materialy IX Mezhdunar. nauch. konf. – Ekaterin-burg, 2009. – T. 1. – S. 301–306.

20. Slovo o polku Igoreve [Tekst] / V. A. Zhukovskij // Sochinenija v treh tomah. Tom 3. – M. : Hudozh. Lit., 1980. – S. 85–99.

21. Epic // The reader's companion to world litera-ture. 2-nd ed. L. H. Hornstein (ed.). – N. Y., 1973. – P. 176–177.

22. Fairy tale // The reader's companion to world lit-erature. 2-nd ed. L. H. Hornstein (ed.). – N. Y., 1973. – P. 186–187.

23. Poetics // The reader's companion to world litera-ture. 2-nd ed. L. H. Hornstein (ed.). – N. Y., 1973. – P. 419–420.

24. Romantic movement // The reader's companion to world literature. 2-nd ed. L. H. Hornstein (ed.). – N. Y., 1973. – P. 457–460.

25. Qu'est-ce qu'un genre littéraire? J-M. – Schaeffer Paris: Le Seuil, 1989.

Reference List

1. Bazanov V. G. Poetic heritage of Fedor Glinka (the 10–30-s of the 19th century)] // Glinka F. N. Favourites. – Petrozavodsk: State Publishing House of the Karelian-Finnish SSR, 1949. – Page 341–465.

2. Bazanov V. G. Scientific republic / V. G. Bazanov. – M.-L. : Uchpedgiz, 1964. – Page 103–162.

3. Britaeva A. B. Literary fairy tale: problem of a def-inition / News of SOIGSI, No. 6, 2011. – Page 63–64.

4. Glinka F. N. Kareliya or Marfa Ioannovna Roma-nova's imprisonment / Glinka F. N. Compositions / author, afterword and comment by V. I. Karpetsa. – M. : «So-vetskaya Rossiya», 1986. – Page 128.

5. Gukovsky G. A. Pushkin and Russian romantics / G. A. Gukovsky. – M. : Khudozhestvennaya Literatura., 1965. – Page 194–199, 268–273.

6. Zamkov N. K. Pushkin and F. N. Glinka // Pushkin and his contemporaries. – Пг., 1918. – Issue 29–30. – Page 78–97.

7. Zverev V. P. Sacred poetry in F. N. Glinka's creativ-ity. – M. : ACT, 1998.

8. Kubanev V. Poets of Pushkin time/ V. Kubanev. – M, 1972. – 135 pages.

9. Lotman Yu. M. Analysis of the poetic text: Struc-ture of a verse / Yu. M. Lotman. About poets and poetry. – SPb. : Iskusstvo SPb, 1996. – Page 18–27.

10. Mann Yu. V. Russian literature of XIX. Era of Romanticism / Yu.V. Mann. – M. : Prod. RSHU, 2007. – Page 177–180.

11. Ovchinnikova L. V. Russian literary fairy tale of the 20th century: History, classification, poetics / l. V. Ovchinnikova. – M. : Flinta : Nauka, 2003. – 378 pages.

12. Orlitsky Yu.B. Dynamics of a verse and prose in the Russian literature / Yu. B. Orlitsky. – M. : RSHU, 2008. – 842 pages.

13. Petrovsky M. L. Poetics problems // M. L. Petrovsky. – L., 1925. – 286 pages.

14. Pushkin A. S. Complete works. In 17 v.: V. 11 / A. S. Pushkin. – M. : Voskresenie, 1996. – 595 pages.

15. Tomashevsky B. V. Theory of literature: Poetics // B. V. Tomashevsky. – M.-L. : State Publishing House, 1925. – 320 pages.

16. Fateeva N. A. Synthesis of whole. On the way to new poetics / N. A. Fateeva. – M. : «Novoe Literaturnoe Obozrenie», 2010. – Page 26–33.

17. Sheffer J-M. What is a literary genre? – M., URSS, 2010. – P. 127.

18. Chesnokova T. G. The literary fairy tale the Fantastic encyclopedia / under the editorship of N. V. Budur / T. G. Chesnokova. – M., 2005.

19. Shustov M. P. The genre nominations of the Russian literary fairy tale / L. S. Shustov // Dergachev's readings – 2008. Russian literature: national development and regional features. Problem of the genre nominations: materials of the IX international scientific conference. – Ekaterinburg, 2009. – V. 1. – Page 301–306.

20. Tale of Igor's Campaign / VA. Zhukovsky // Compositions in three volumes. Volume 3. – M. : Khudozhestvennaya Literatura., 1980. – Page 85–99.

21. Epic // The reader's companion to world literature. 2-nd ed. L. H. Hornstein (ed.). – N. Y., 1973. – P. 176–177.

22. Fairy tale // The reader's companion to world literature. 2-nd ed. L. H. Hornstein (ed.). – N. Y., 1973. – P. 186–187.

23. Poetics // The reader's companion to world literature. 2-nd ed. L. H. Hornstein (ed.). – N. Y., 1973. – P. 419–420.

24. Romantic movement // The reader's companion to world literature. 2-nd ed. L. H. Hornstein (ed.). – N. Y., 1973. – P. 457–460.

25. Qu'est-ce qu'un genre littéraire? J-M. – Schaeffer Paris : Le Seuil, 1989.

Дата поступления статьи в редакцию: 12.03.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10035
УДК 82

В. И. Мельник
https://orcid.org/0000–0001–9684–8943

Николай Трегубов в судьбе И. А. Гончарова

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
(Проект № 17-04-50064-ОГН: «Научная биография И. А. Гончарова»)

В статье, на основании аналитического сопоставления различных документов, впервые рассматривается биография крестного отца Ивана Александровича Гончарова – дворянина Николая Николаевича Трегубова, оказавшего огромное влияние на становление личности писателя в детский и юношеский периоды. Излагается история рода Трегубова, восходящая к татарскому царевичу Касиму, получившему в XV в. от Великого князя городок Касимов. Впервые предположительно названа дата рождения Трегубова. Рассматривается первый период его службы, связанный со взятием Очакова полководцем А. Суворовым. Впервые подробно рассмотрены факты, относящиеся к масонству Николая Трегубова и предположительный круг его масонских знакомств. Указаны вероятные время, обстоятельства и место вступления Трегубова в масонскую ложу. Перечисляется состав симбирской масонской ложи «Золотой Венец», в которой много лет состоял Трегубов. Акцентирован вопрос о духовной эволюции Трегубова: будучи тяжело больным и приближаясь к преждевременной смерти, крестный отец Гончарова сознавал свое положение как наказание за грех масонства. Он резко меняет свое отношение к церкви, начинает посещать богослужения. Учтено большое участие Трегубова в жизни семьи Гончаровых: он дал детям образование и оставил свое состояние им в наследство. Рассмотрен ряд частных моментов биографии Гончарова, в частности, предполагается прямое участие Трегубова в служебной карьере Гончарова в Симбирске. Делается вывод: не будучи сам масоном, писатель, по воле случая, воспользовался покровительством Трегубова и других масонов Симбирска в начале своей служебной карьеры.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, Н. Н. Трегубов, биография, обучение, служба, русско-турецкая война, Очаков, масонство.

V. I. Melnik

Nikolay Tregubov in the Fate of I. A. Goncharov

In the article, on the basis of the analytical comparison of various documents, for the first time is considered the biography of the godfather of Ivan Alexandrovich Goncharov – nobleman Nikolay Nikolaevich Tregubov, who had huge influence on formation of the writer's personality in the children and youthful periods. The article describes the history of the Tregubovs, dating back to the Tatar Prince Kasim, who received from the Grand Duke the town of Kasimov in the XV century. For the first time is presumably named the date of Tregubov's birth. The first period of his service is considered, connected with Ochakov capture by Commander A. Suvorov. For the first time in detail the facts concerning Nikolay Tregubov's Freemasonry and an assumed circle of his Masonic acquaintances are considered. Here are described the likely time, circumstances and place of entry of Tregubov to the Masonic Lodge. It lists the composition of Simbirsk Masonic Lodge «Golden Crown», where Tregubov was a member of it for many years. The question of the spiritual evolution of Tregubov is emphasized: being seriously ill and approaching premature death, Goncharov's godfather confessed his position as a punishment for the sin of Freemasonry. He suddenly changes his attitude to the Church, begins to attend Church services. The great participation of Tregubov in the life of the Goncharovs was taken into account: he educated the children and left his fortune to them. Here is reviewed a number of private moments of Goncharov's biography, in particular, the direct involvement of Tregubov to Goncharov's career in Simbirsk. The conclusion is: not being himself a Mason, writer by chance, used the patronage of Tregubov and other masons of Simbirsk in the beginning of his career.

Keywords: I. A. Goncharov, N. H. Tregubov, biography, training, service, Russian-Turkish war, Ochakov, Freemasonry.

Отец И. А. Гончарова умер, когда будущему писателю было всего семь лет, в 1819 г. Как известно, многие заботы о воспитании детей взял на себя их крестный отец, отставной моряк, дворянин Николай Николаевич Трегубов. Влияние его на становление личности Гончарова пока еще не изучено, но уже ясно, что оно было весьма серьезным и уступало разве что влиянию матери. Однако научные исследования, посвященные ему, появились, по сути, лишь в середине 1990-х гг. Мы имеем в виду статьи А. В. Лобкаревой «О родословной Н. Н. Трегубова» [9] и ряд продолжающих тему статей [7; 8].

Род Трегубовых восходил к татарскому царевичу Касиму, получившему в XV в. от Великого князя городок Касимов. Его сын царевич Даньяр,

© Мельник В. И., 2018

принимавший участие в походах Ивана III, крестился и стал носить имя Андрей. «От Андрея Трегубова и пошел род Трегубовых» [8, с. 415]. Род претендовал на княжеский титул. В 1828 г. дело слушалось на заседании Правительствующего Сената и в Общем Собрании Государственного Совета, однако в этом было отказано. Родом из Кабарды, Трегубы начали служить еще при Иоанне Васильевиче Грозном. Мать Трегубова – Екатерина Алексеевна – принадлежала к старинному роду князей Болховских. Родовые земли Трегубовых находились в Симбирской и Владимирской губерниях. А. В. Лобкарева приходит к выводу, что «Гончаров знал историю рода своего крестного» [8, с. 415].

К сожалению, при сравнительно высокой степени изученности родословной гончарововеды не имеют представления о жизненном пути самого Николая Трегубова. В современных биографиях Гончарова о Трегубове почти ничего не говорят. Неизвестна даже дата его рождения. Однако существует издание, претендующее дать хотя бы некоторые представления о биографии крестного отца Гончарова. Речь идет об энциклопедическом словаре «Русское масонство» [13].

Благодаря материалам указанного словаря, можно попытаться впервые дать небольшой очерк жизни Трегубова. Если верить словарю, в 1784 г. Трегубов поступил в Инженерный корпус кадетом. В 1788 г. состоял при знаменитом полководце А. В. Суворове для связи с гребной флотилией. В 1789 г. произведен в лейтенанты артиллерии и определен в Черноморский флот. На корабле «Преображение» участвовал в 1790 г. в сражениях с турецким флотом при Керченском проливе и у Гаджибея, а в 1791 г. – у Калиакрии. До 1797 г. плавал на транспортных судах в Черном море. В ноябре 1798 г. уволен от службы в чине капитан-лейтенанта, но продолжал служить артиллеристом на военном корабле. Участвовал в сражениях с французами в Средиземном море, в блокаде итальянских портов. Затем его следы обнаруживаются уже в Симбирске, где была одна из самых сильных в России масонских лож. И здесь карьера его быстро набирает высоту. В 1803–1814 гг. бывший морской офицер служит заседателем Симбирской палаты уголовного суда, становясь в 1812 г. надворным советником. В 1821–1822 гг. он уже судья палаты совестного суда, помещик. Умер Трегубов в 1849 г. [13, с. 807].

Если быть более точным, то «Инженерный корпус» – это 2-й Кадетский Императора Петра Великого корпус, учрежденный с иным названием еще в 1712 г. в Москве и перенесенный в Санкт-Петербург в 1719 г. Корпус, в котором, вероятно, учился Трегубов, был учрежден по проекту графа П. И. Шувалова, генерал-фельдцейхмейстера русской армии, 25 октября 1762 г. на базе Соединенной Артиллерийской и Инженерной дворянской школы. Первым директором корпуса был инженер-подполковник Михаил Иванович Мордвинов, выпускник Сухопутного Шляхетного кадетского корпуса 1747 года. Число кадет из дворянских детей определено было в 146 человек, позже их стало 274.

В первые годы существования корпуса кадеты выпускались по мере необходимости военных кадров, но срок их обучения не мог быть менее трех лет в кадетских и двух лет в офицерских классах. Впоследствии срок обучения в корпусе увеличился с пяти до семи лет. Согласно сведениям словаря А. И. Серкова, Н. Трегубов учился с 1784 по 1788 гг. Если учесть, что поступали в корпус мальчики восьми лет, то Трегубов мог родиться в 1776 г. Значит, в 1819 г., когда он заменил Гончаровым отца, ему было сорок три года. Отец Гончарова, Александр Иванович, был 1754 года рождения, и в 1819 г. ему было шестьдесят пять лет.

В течение первых четырех лет кадеты младших возрастов (8–12 лет) обучались арифметике, геометрии, начальным основам истории и географии, рисованию, танцам, фехтованию, а также языкам: русскому, французскому и немецкому. В офицерских классах продолжалось изучение математики, русского и иностранных языков, истории, географии. Кроме того, изучались специальные дисциплины: физика, химия, фортификация, артиллерия, гражданская архитектура, тактика, черчение, рисование. С воспитанниками проводились строевые занятия (экзерциции), практиковалась верховая езда в манеже. Будущие офицеры вели прицельную стрельбу из пушек, строили укрепления, овладевали основами минного искусства.

В 1783 г. корпусом стал командовать генерал-майор артиллерии Петр Иванович Мелиссино, который имел богатый военный опыт и репутацию одного из лучших артиллеристов своего времени. Мелиссино установил с 22 мая 1784 г. штат кадет в 400 человек. Можно предположить, что именно в период своего обучения Трегубов стал масоном, ибо известно, что Мелиссино сыграл большую роль в истории русского масонства. Находясь на службе в Яссах в 1778 г., он учредил там ложу Марса. Занимая видное положение среди петербургских масонов, создал свою «особую масонскую систему» и в тайном «конклаве» из 10

избранных лиц изучал «неизвестные и неисследованные» тайны природы, которые давали повод к высшей славе и хвале Создателя.

Возможно, Трегубов не прошел полный пятилетний курс обучения в связи с русско-турецкой войной. Если в 1788 г. он состоял при А. В. Суворове для связи с гребной флотилией, то речь может идти прежде всего об осаде Очакова, который был взят русским войсками 6 декабря 1788 г. Известно, что летом 1788 г. казачья гребная флотилия Черноморского флота под командованием А. А. Головатого не дала возможности турецкой эскадре, которая подошла к берегам Очакова в конце мая, оказывать помощь осажденному гарнизону со стороны моря. Турецкий флот был вынужден отойти к острову Березань (12 верст к западу от крепости), где находился до поздней осени. Успешные действия русского флота позволили начать осаду Очакова с суши, которая продолжалась пять месяцев – с июля и до начала декабря 1788 г.

По приказу Г. А. Потемкина Черноморская гребная флотилия была сформирована в мае 1788 г. Она состояла более чем из двух десятков канонерских лодок, имевших большую скорость и хорошую маневренность, что в некоторых случаях позволяло уничтожать большие турецкие корабли. Командование над флотилией принял А. А. Головатый. Казачья гребная флотилия очень хорошо показала себя в сражениях с турецким флотом 7 и 17 июля 1788 г., а также в десантной операции на острове Березань в ноябре того же года. Было потоплено несколько турецких кораблей, взято много трофеев, хотя и флотилия понесла потери в личном составе.

Не знаем, какими источниками пользовался автор словаря «Русское масонство». Возможно, не все сведения о Трегубове в этом издании верны, так как информация о его службе на Черноморском флоте может относиться к другому Трегубову, биография которого изложена в газете «Вечерний Николаев». Полный тезка, Николай Николаевич Трегубов, почитается там как один из основателей города. О. Тихончук пишет в статье «История семьи Трегубовых – история города»: «Родоначальник семейства Трегубовых – Николай Николаевич Трегубов – был свидетелем начала начал нашего города. В 1789 г., когда Потемкин с Фалеевым только мечтали о закладке первого судна на строящейся верфи, а вокруг строительства были только хижины из тростника да землянки, Николай Трегубов, окончив инженерный корпус, был определен мичманом на Черноморский флот. На корабле „Преображение" воевал с турками, затем исходил уже на транспортных судах Черное море вдоль и поперек, а в 1798-м ушел на покой в чине капитан-лейтенанта. За верную службу государству был произведен в дворяне и навсегда осел в Николаеве…» [16].

Совершенно очевидно, что один из источников излагает факты неверно, чему виной полное совпадение фамилии, имени и отчества персонажей. Таким образом, ранняя биография Трегубова остается неясной. Где искать ее следы? Вероятно, на Черноморском или Балтийском флотах. К сожалению, воспоминания самого Гончарова не дают фактов для ответа на этот вопрос.

Сам Гончаров в воспоминаниях «На родине» говорит о нем следующее: «Добрый моряк окружил себя нами, принял нас под свое крыло, а мы привязались к нему детскими сердцами, забыли о настоящем отце. Он был лучшим советником нашей матери и руководителем нашего воспитания.

Якубов (под этой фамилией Гончаров описывает в очерке Трегубова – В. М.) был вполне просвещенный человек. Образование его не ограничивалось техническими познаниями в морском деле… Он дополнял его непрестанным чтением – по всем частям знания, не жалел денег на выписку из столиц журналов, книг, брошюр…» [4, с. 234].

Заступивший на место отца, Трегубов отчасти смягчал строгую систему воспитания матери. Он был, по словам Гончарова, «отец-баловник… Баловство – не до глупой слабости, не до излишества – также необходимо в детском воспитании. Оно порождает в детских сердцах благодарность и другие добрые, нежные чувства. Это своего рода практика в сфере любви, добра. Сердце, как и ум, требует развития.

Бывало, нашалишь что–нибудь: влезешь на крышу, на дерево, увяжешься за уличными мальчишками в соседний сад или с братом заберешься на колокольню – она (мать – В. М.) узнает и пошлет человека привести шалуна к себе. Вот тут-то и спасаешься в благодетельный флигель, к „крестному". Он уж знает, в чем дело. Является человек или горничная с зовом: „Пожалуйте к маменьке!" – „Пошел" или „Пошла вон!" – лаконически командует моряк. Гнев матери между тем утихает – и дело ограничивается выговором вместо дранья ушей и стояния на коленях, что было в наше время весьма распространенным средством смирять и обращать шалунов на путь правый» [4, с. 235]. Гончаров всю жизнь вспоминал о нем, что это был человек «редкой, возвышенной души,

природного благородства и вместе с тем добрейшего, прекрасного сердца». «Особенно, – писал он, – ясны и неоцененны были для меня его беседы о математической и физической географии, астрономии, вообще космогонии, потом навигации. Он познакомил меня с картой звездного неба, наглядно объяснял движение планет, вращение земли, все то, что не умели или не хотели сделать мои школьные наставники» [4, с. 238].

Во многом именно Трегубову обязан Гончаров своим путешествием на фрегате «Паллада». Бывший моряк, сам освоивший Черное и Средиземное моря, видимо, мечтал о большем и, как это часто бывает, свои несбывшиеся надежды хотел воплотить в «подрастающем поколении». Он буквально заразил маленького Гончарова мечтой о кругосветном путешествии. В библиотеке Трегубова было множество книг о кругосветных плаваниях. Книги эти маленький Ваня «жадно поглощал». Подолгу смотрел он на морские инструменты, находившиеся во флигеле крестного: на телескоп, секстан, хронометр. В заключении бесед со своим любимым воспитанником Трегубов говаривал: «Ах, если бы ты сделал хоть четыре морские кампании… то-то бы порадовал меня!». Еще ребенком Ваня целые часы мечтательно вглядывался в широкую пелену волжских вод с высокого городского обрыва.

Очевидно, по той роли, которую сыграл крестный в его жизни (и которая нам все еще не вполне ясна), Гончаров считал встречу с Трегубовым промыслительной: «Поддаваясь мистицизму, можно, пожалуй, подумать, что не один случай только дал мне такого наставника, – для будущего моего дальнего странствия» [4, с. 239].

Влияние Трегубова и его роль в семье Гончаровых были очень велики. Например, племянник романиста Александр Николаевич Гончаров в своих воспоминаниях отмечал: «Музалевские имели очень хорошие по тому времени средства: Трегубов оставил Анне Александровне (родной сестре Гончарова – В. М.) около десяти-двадцати тысяч рублей и до двухсот десятин земли вблизи Симбирска» [16].

Трегубов в молодости был масоном и человеком скорее атеистического, чем религиозного склада. О. А. Демиховская пишет: «Н. Н. Трегубов был близок к лучшим представителям симбирского дворянства. Доказательством этому служит его масонство. В списке личного состава ложи „Ключ к добродетели” 1821 г., опубликованном Т. Соколовской, в рубрике „В. Братья 3-й степени” под номером 12 стоит имя Ник. Ник. Трегубова, надворного советника и кавалера. Симбирская масонская ложа „Ключ к добродетели”, открытая в 1817 г., была связана через В. Ивашева с „Южным обществом” декабристов. В нее входило 27 человек. Это были лучшие представители симбирского общества (П. Н. Ивашев, отец декабриста, А. А. Столыпин, граф Я. В. Толстой, А. П. Тургенев)» [5, с. 109]. Подробно тема «Гончаров и декабристы» развита в работах: Н. А. Рабкиной [12], И. В. Смирновой [14], в комментариях к «Фрегату „Паллада”» в Полн. собр. соч. И. А. Гончарова [3, с. 806–823].

Следует помнить, что Симбирск был традиционно сильным масонским центром. Лишь после 14 декабря 1825 г., когда правительство стало преследовать масонские ложи в России, все масоны в Симбирске, как отметил в своих воспоминаниях Гончаров, «пошили себе мундиры; недавние атеисты являлись в торжественные дни на молебствия в собор… „Крестный” мой… под ферулой прежнего страха, тоже вторил другим» [4, с. 247].

В 20–30-е гг. XIX в. наиболее представительной фигурой в масонском кругу Симбирска был предводитель местного дворянства князь Михаил Петрович Баратаев. Достаточно сказать, что его стараниями в 1817 г. в Москве была открыта ложа «Александра к тройственному спасению», а в том же году, в Симбирске, – ложа «Ключ к добродетели». Князь являлся членом привилегированной петербургской ложи «Соединенных друзей», наместным мастером российского отделения этой ложи, входил в Капитул «Феникс» (тайный и высший орган управления масонства в России), был почетным членом многих лож.

Пользуясь большим уважением, он привлек в ложу «Ключ к добродетели» многих представителей симбирского общества. Эта ложа состояла из 39 действительных и 21 почетного членов. Среди «братьев» ложи значились генерал П. Н. Ивашев, Н. Н. Трегубов, Н. А. Трегубов, сенатор и бывший симбирский губернатор Н. П. Дубенской, Г. В. Бестужев, П. П. Бабкин, М. Ф. Филатов, А. А. Столыпин, Н. И. Татаринов, И. С. Кротков, П. П. Тургенев, графы А. В. и Я. В. Толстые, А. П. и П. А. Соковнины, И. С. и С. В. Аржевитиновы, Ф. М. Башмаков, И. И. Завалишин, Н. И. и С. И. Тургеневы и др. В эту ложу, весьма влиятельную, поступали не только из уездов Симбирской губернии, но и из соседних губерний. Собрания ложи проходили в гроте, устроенном в саду его имения. Члены ложи собирались в гроте и после запрещения масонства специальным манифестом Александра I в 1822 г.

Как видим, в списке есть и семейные пары по принципу: отец–сын. Возможно, что это не только Соковнины, Аржевитиновы, но и Трегубовы. Кто такой Н. А. Трегубов? Пока остается тайной.

В том же году в Симбирскую губернию, сначала в Сенгилей, а затем в Симбирск, был выслан известный мистик и масон, вице-президент Академии художеств, издатель «Сионского вестника» А. Ф. Лабзин. Сам выбрав место ссылки, он пожелал удалиться в Симбирскую губернию, где проживало много его знакомых и единомышленников. Симбирские масоны с нетерпением ждали приезда известного русского мистика Лабзина, которого они почитали как «мученика за идею». Между прочим, некоторые источники отмечают дружбу Трегубова с Лабзиным. Так, В. А. Котельников отметил: «Вероятно, серьезные внутренние побуждения заставили его (Трегубова – В. М.) вступить в масонскую ложу, сблизиться с идеологом русского масонства А. Ф. Лабзиным» [6, с. 11]. Умер А. Ф. Лабзин в Симбирске в январе 1825 г., и был похоронен на кладбище Покровского монастыря.

Если по всей России ложи начали открываться в самом конце XVIII – в начале XIX вв., то в Симбирске первая масонская ложа «Золотой Венец» появилась еще в 1784 году. Основатель ее – один из активнейших деятелей московского масонства, член «Дружеского ученого общества», Иван Петрович Тургенев. Великим мастером ложи являлся И. П. Тургенев, а управляющим мастером – симбирский вице-губернатор А. Ф. Голубцов. В конце XVIII в. в Симбирске был построен едва ли не единственный в России масонский храм во имя Св. Иоанна Крестителя. Этот храм был выстроен в имении В. А. Киндякова. Киндяков являлся одним из немногочисленных губернских подписчиков изданий Н. И. Новикова. В храме проходили собрания симбирской масонской ложи «Златого Венца», в которой состоял в степени товарища молодой тогда еще Николай Михайлович Карамзин, будущая слава русской литературы. Основателем ложи являлся член новиковского кружка Петр Петрович Тургенев [17, с. 359–360].

О. А. Демиховская в своей статье «И. А. Гончаров и декабристы» в своей время попыталась представить писателя едва ли не как продолжателя дела декабристов, наряду с А. И. Герценом: «С годами, вместе с интеллектуальным ростом, влияние людей, окружающих Гончарова, в первую очередь Трегубова, углублялось, воспитывая в молодом человеке критический строй мыслей. Это было на протяжении всех тех лет, когда Гончаров, учась в Москве, сначала в Коммерческом училище, а затем в университете, летом на каникулы приезжал домой. Интерес и симпатии Гончарова к декабристам укрепились в первой половине 30-х гг., когда Гончаров, будучи студентом словесного факультета Московского университета, сам составлял частицу той „компактной массы товарищества", в которой царил культ декабристов, дух романтического протеста. Как и остальная часть передовой молодежи, он был активным участником неофициальной идейной жизни университета, которая осуществлялась в студенческих тайных кружках. Лучшие из студентов чувствовали себя продолжателями дела декабристов. Герцен впоследствии вспоминал: „Мы мечтали о том, как начать в России новый союз по образцу декабристов, и самую науку считали средством"...» [5, с. 109].

Никто из советских и позднейших биографов Гончарова не упоминает о том, что Николай Николаевич Трегубов в конце жизни сильно изменился. Однако известно, что, будучи тяжело больным и приближаясь к преждевременной смерти, крестный отец Гончарова сознавал свое положение как наказание за грех. Он резко меняет свое отношение к церкви. Е. Ляцкий в своей книге о Гончарове не без сарказма пишет: «Перед смертью Якубов, этот масон и вольнодумец в Екатерининском вкусе, раскаялся и, как передает г. Потанин со слов племянника Ивана Александровича, „говел всю Страстную неделю, лакеи таскали его, безногого, к заутрене, к обедне, к вечерне и, главное, непременно к заутрене"…» [10, с. 276].

Трегубов скончался весной 1849 г. Любопытно, что в бумагах Гончарова, несомненно, глубоко переживавшего это событие (подробности были ему рассказаны при встрече с матерью, братом Николаем и сестрой Анной в Москве в конце июня того же года), не осталось никакого упоминания о нем. Это подтверждает, что некоторые чрезвычайно важные события личной жизни Гончаров переживает скрыто – и притом длительный период времени. Лишь в некоторых случаях он реагирует некрологом на смерть близких и очень близких друзей (Е. Е. Барышов, Н. А. Майков). Еще одна форма реакции на потерю близких людей (В. Г. Белинский, Н. И. Надеждин, Н. Н. Трегубов) – это мемуары («В университете», «Заметки о личности Белинского», «На родине») или даже художественное произведение. Так, Трегубова Гончаров вспоминает в очерке «На родине» (1888), а первого своего духовника, священника Федора Троицкого, а вместе с ним и любимого

профессора Николая Ивановича Надеждина, – в романе «Обрыв» (священник Николай Иванович).

Как следует из воспоминаний Гончарова, Трегубов сыграл важную роль в его судьбе. До конца эта роль еще не раскрыта. Ясно, что крестный, как человек образованный, дал толчок самым серьезным устремлениям и интересам будущего писателя. Когда в 1834 г. Гончаров окончил Московский университет и приехал в Симбирск, Н. Н. Трегубов составил ему протекцию – и его пригласили служить секретарем губернатора Александра Михайловича Загряжского (1796–1883), между прочим, дальнего родственника Н. Н. Пушкиной.

В очерке «На родине» писатель рисует почти пародийную картину: губернатор упрашивает вчерашнего студента занять должность губернского секретаря и убеждает, что ничего сложного в этом нет и что «все это пустяки»:

– Позвольте спросить, на какую должность вам угодно пригласить меня? – спросил я.

– Ба! Разве я еще не сказал? На место секретаря. Вы будете управлять канцелярией...

Я – юноша – едва не пожал плечами от удивления перед легкомыслием этого – чуть не старика.

– Позвольте напомнить, – начал я, помолчав, – что я только что со школьной скамьи и никакими делами не занимался. Я совершенно неопытен. Как я могу управлять группой чиновников, уже служивших, опытных?.. Я мог бы, пожалуй, принять в губернии место учителя в гимназии, какого-нибудь инспектора уездных училищ, что-нибудь в этом роде, а дела губернской администрации мне вовсе не знакомы...

Здесь полился у него ряд доводов, построенных больше на софизмах, шатких предположениях... «Подайте прошение», – заключил он.

– У меня и аттестата еще нет, – отговаривался я. – Из Москвы послано в Петербург и еще не получено утверждение министра. Я не могу поступить на службу...

Он вскочил с места, и я встал.

– Так вот что мы сделаем, – горячо перебил Углицкий, – вы вступите в отправление должности с завтрашнего же дня, а когда получите аттестат, мы вас утвердим с этого числа.

«Эк загорелось! Ужели он все дела решает так проворно?» – думалось мне.

– Позвольте подумать, – защищался я, – посоветоваться с родными... У меня уже письма есть в Петербург от Андрея Михайловича... Я еще не знаю!..

Мне во что бы то ни стало хотелось отделаться от этого неожиданного предложения. Меня тянуло в Петербург…

– Faites ça, je vous prie! – нежно, певучим голосом упрашивал он меня, как балованный ребенок. – Вы до получения аттестата уже привыкнете и будете в делах как дома. Ведь это все пустое! – с презрением заключил он, указывая на груду бумаг на столе» [4, Т. 7, с. 276–277].

Симбирский губернатор входил в петербургскую масонскую ложу «Соединенных друзей», – может быть, поэтому и не отказал своему собрату Трегубову. Более того, вероятно не обошлось без участия «главного масона» Симбирска – М. П. Баратаева, поскольку он в то время был еще и предводителем губернского дворянства. Дело о секретарстве Гончарова было решено твердо. Вот откуда полукомическая сцена: вчерашнего студента губернатор упрашивает занять высокую чиновничью должность.

Неизвестно, знал ли о подоплеке событий в то время сам Гончаров, но ко времени написания очерка «На родине», конечно, уже догадывался, из чьих рук было получено им секретарское место при губернаторе.

Неизвестно, какими соображениями руководствовался будущий писатель, скорее всего, просто очень привлекательным показалось начать службу не скромным незаметным чиновником, – а сразу на виду, в секретарях у губернатора, но только двадцатитрехлетний Иван Александрович остался-таки в Симбирске. В любом случае, на наш взгляд, начало служебной карьеры Гончарова указывает на покровительственное участие в его судьбе масонов Симбирска – прежде всего благодаря стараниям Н. Н. Трегубова. Можно предположить, что далее уже, вероятно, сам Загряжский, который, уезжая из Симбирска в Петербург, захватил с собою своего секретаря, помог ему устроиться в Департамент внешней торговли Министерства финансов. Не будучи сам масоном, писатель, скорее всего, по воле случая воспользовался их покровительством, хотя и давал клятву при поступлении на государственную службу в том, что с тайными обществами (а значит, и с масонами) не связан (такую присягу о непринадлежности к тайным обществам Гончаров подписал 6 июня 1835 г. при поступлении на службу в Петербурге [1, с. 19]). Очевидно, что оценивал он ситуацию чисто по-житейски: не доносить же на своего крестного, которому стольким обязан! Так что поступок Гончарова был вполне сознательным компромиссом, на которые он шел ино-

гда в своей служебной деятельности [2].

Библиографический список

1. Алексеев, А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова [Текст] / А. Д. Алексеев. – М.–Л. : АН СССР, 1960.

2. Беспалова, Е. К. И. А. Гончаров и симбирские масоны (к вопросу о реалиях очерка «На Родине») [Текст] // Русская литература. – 2002. – № 1. – С. 124–135.

3. Гончаров, И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. : Т. 3 [Текст] / И. А. Гончаров. – СПб., 2000. – С. 806–823.

4. Гончаров, И. А. Собрание сочинений. В 8 томах. Вступ. ст. С. М. Петрова [Текст] / И. А. Гончаров. – М. : Гослитиздат, 1952–1955.

5. Демиховская, О. А. И. А. Гончаров и декабристы [Текст] // Русская литература. – 1975. – № 4.

6. Записки Николая Александровича Мотовилова [Текст]. – М. : Отчий Дом, 2005.

7. Котельников, В. А. Иван Александрович Гончаров [Текст] / В. А. Котельников. – М. : Просвещение, 1993.

8. Лобкарева, А. В. Новые материалы к родословной Н. Н. Трегубова, крестного отца И. А. Гончарова [Текст] // Краевед. зап. / Ульянов. обл. краевед. музей им. И. А. Гончарова. – Ульяновск, 2006. –Вып. 12. – С. 175–178.

9. Лобкарева, А. В. Новые материалы к родословной Н. Н.Трегубова, крестного отца И. А. Гончарова [Текст] // И. А. Гончаров: Материалы Междунар. науч. конф., посв. 195–летию со дня рожд. И. А. Гончарова. – Ульяновск, 2008. – С. 410–415.

10. Лобкарева, А. В. О родословной Н. Н. Трегубова [Текст] // И. А. Гончаров: (Материалы междунар. конф., посвящ. 180–летию со дня рожд. И. А. Гончарова). – Ульяновск, 1994. – С. 303–308.

11. Ляцкий, Е. Гончаров. Жизнь, личность и творчество. Критико-биографические очерки. Изд. 3–е. [Текст] / Е. Ляцкий. – Стохгольм, 1920.

12. Рабкина, Н. А. Гончаров и декабристы [Текст] // Вопросы литературы. – 1989. – № 3. – С. 247–254.

13. Серков, А. Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь [Текст] / А. Серков. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2001. – 1224 с.

14. Смирнова, И. В. Некоторые аспекты темы «И. А. Гончаров и декабристы» [Текст] // И. А. Гончаров: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 195-летию со дня рождения И. А. Гончарова: Сб. ст. рус. и зарубеж. авт. / сост. А. В. Лобкарева, И. В. Смирнова, Е. Б. Клевогина. – Ульяновск, 2008. – С. 416–424.

15. Тихончук, О. История семьи Трегубовых – история города [Текст] // Вечерний Николаев. 22 сентября 2007 г. (№ 111–112).

16. Трофимов, Ж. И. А. Гончаров: «… Алаевы встречаются на каждом шагу…» [Текст] // Ульяновская правда. – 2000. – 24 октября.

17. Ульяновская-Симбирская энциклопедия. Т. 1. [Текст]. – Ульяновск, 2000. – С. 359–360.

Bibliograficheskij spisok

1. Alekseev, A. D. Letopis' zhizni i tvorchestva I. A. Goncharova [Tekst] / A. D. Alekseev. – M.–L. : AN SSSR, 1960.

2. Bespalova, E. K. I. A. Goncharov i simbirskie masony (k voprosu o realijah ocherka «Na Rodine») [Tekst] // Russkaja literatura. – 2002. – № 1. – S. 124–135.

3. Goncharov, I. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. : T. 3 [Tekst] / I. A. Goncharov. – SPb., 2000. – S. 806–823.

4. Goncharov, I. A. Sobranie sochinenij. V 8 tomah. Vstup. st. S. M. Petrova [Tekst] / I. A. Goncharov. – M. : Goslitizdat, 1952–1955.

5. Demihovskaja, O. A. I. A. Goncharov i dekabristy [Tekst] // Russkaja literatura. – 1975. – № 4.

6. Zapiski Nikolaja Aleksandrovicha Motovilova [Tekst]. – M. : Otchij Dom, 2005.

7. Kotel'nikov, V. A. Ivan Aleksandrovich Goncharov [Tekst] / V. A. Kotel'nikov. – M. : Prosveshhenie, 1993.

8. Lobkareva, A. V. Novye materialy k rodoslovnoj N. N. Tregubova, krestnogo otca I. A. Goncharova [Tekst] // Kraeved. zap. / Ul'janov. obl. kraeved. muzej im. I. A. Goncharova. – Ul'janovsk, 2006. –Vyp. 12. – S. 175–178.

9. Lobkareva, A. V. Novye materialy k rodoslovnoj N. N.Tregubova, krestnogo otca I. A. Goncharova [Tekst] // I. A. Goncharov: Materialy Mezhdunar. nauch. konf., posv. 195–letiju so dnja rozhd. I. A. Goncharova. – Ul'janovsk, 2008. – S. 410–415.

10. Lobkareva, A. V. O rodoslovnoj N. N. Tregubova [Tekst] // I. A. Goncharov: (Materialy mezhdunar. konf., posvjashh. 180–letiju so dnja rozhd. I. A. Goncharova). – Ul'janovsk, 1994. – S. 303–308.

11. Ljackij, E. Goncharov. Zhizn', lichnost' i tvorchestvo. Kritiko-biograficheskie ocherki. Izd. 3–e. [Tekst] / E. Ljackij. – Stohgol'm, 1920.

12. Rabkina, N. A. Goncharov i dekabristy [Tekst] // Voprosy literatury. – 1989. – № 3. – S. 247–254.

13. Serkov, A. Russkoe masonstvo. 1731–2000 gg. Jenciklopedicheskij slovar' [Tekst] / A. Serkov. – M. : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 2001. – 1224 s.

14. Smirnova, I. V. Nekotorye aspekty temy «I. A. Goncharov i dekabristy» [Tekst] // I. A. Goncharov: Materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvjashh. 195-letiju so dnja rozhdenija I. A. Goncharova: Sb. st. rus. i zarubezh. avt. / sost. A. V. Lobkareva, I. V. Smirnova, E. B. Klevogina. – Ul'janovsk, 2008. – S. 416–424.

15. Tihonchuk, O. Istorija sem'i Tregubovyh – istorija goroda [Tekst] // Vechernij Nikolaev. 22 sentjabrja 2007 g. (№ 111–112).

16. Trofimov, Zh. I. A. Goncharov: «… Alaevy vstrechajutsja na kazhdom shagu…» [Tekst] // Ul'janovskaja pravda. – 2000. – 24 oktjabrja.

17. Ul'janovskaja-Simbirskaja jenciklopedija. T. 1. [Tekst]. – Ul'janovsk, 2000. – S. 359–360.

Reference List

1. Alekseev A. D. Chronicle of life and creativity of I. A. Goncharov / A. D. Alekseev. – M.-L. : Academy of Sciences of the USSR, 1960.

2. Bespalova E. K. I. A. Goncharov and the Simbirsk masons (to a question of sketch realities «In the homeland») // the Russian literature. – 2002. – No. 1. – Page 124–135.

3. Goncharov I. A. Complete works of works and letters: In 20 v.: V. 3 / I. A. Goncharov. – SPb., 2000. – Page 806–823.

4. Goncharov I. A. Complete works. In 8 volumes. Foreword of S. M. Petrova / I. A. Goncharov. – M. : Goslitizdat, 1952–1955.

5. Demikhovskaya O. A. I. A. Goncharov and Decembrists // Russian literature. – 1975. – No. 4.

6. Nikolay Aleksandrovich Motovilov's notes. – M. : Otchy Dom, 2005.

7. Kotelnikov V. A. Ivan Aleksandrovich Goncharov / V. A. Kotelnikov. – M. : Prosveshchenie, 1993.

8. Lobkareva A. V. New materials to a family tree of N. N. Tregubov, I. A. Goncharov's godfather // the Local historian / Ulyanov Regional Local Historian Museum named after I. A. Goncharov. – Ulyanovsk, 2006. – the Issue 12. – Page 175–178.

9. Lobkareva A. V. New materials to a family tree of N. N. Tregubov, I. A. Goncharov's godfather // I. A. Goncharov: Materials of international scientific conference devoted to the 195 anniversary from the date of. I. A. Goncharov's birthday. – Ulyanovsk, 2008. – Page 410–415.

10. Lobkareva A. V. On a family tree of N. N. Tregubov // I. A. Goncharov: (Materials of international scientific conference devoted to the 180 anniversary from the date of birth of I. A. Goncharova). – Ulyanovsk, 1994. – Page 303–308.

11. Lyatsky E. Goncharov. Life, personality and creativity. Critical-biographic essays.The 3rd edition / E. Lyatsky. – Stokhgolm, 1920.

12. Rabkina N. A. Goncharov and Decembrists // Literature Questions. – 1989. – No. 3. – Page 247–254.

13. Serkov A. Russian freemasonry. 1731–2000. Encyclopedic dictionary / A. Serkov. – M. : Rossiiskaya Politicheskaya Entsyklopediya, 2001. – 1224 pages.

14. Smirnova I. V. Some aspects of a subject «I. A. Goncharov and Decembrists» // I. A. Goncharov: Materials of international scientific conference devoted to the 195 anniversary since the birth of I. A. Goncharov: collection of articles by Russian and foreign authors / author A. V. Lobkareva, I. V. Smirnova, E. B. Klevogina. – Ulyanovsk, 2008. – Page 416-424.

15. Tikhonchuk O. History of the Tregubovs – history of the city //Evening Nikolaev. On September 22, 2007 (No. 111–112).

16. Trofimov Zh.I. A. Goncharov: «… the Alayevs meet everywhere …» // Uliyanovskaya Pravda. – 2000. – October 24.

17. Ulyanovsk-Simbirsk encyclopedia. V. 1. – Ulyanovsk, 2000. – Page 359–360.

Дата поступления статьи в редакцию: 06.03.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10036
УДК 821.161.1

А. А. Федотова
https://orcid.org/0000-0002-9629-6154

Нарративная организация повести Н. С. Лескова «Полунощники»

Статья посвящена актуальной проблеме изучения особенностей экспериментальной нарративной структуры поздней прозы Н. С. Лескова. Материалом для анализа выступает повесть «Полунощники» (1890), которая рассматривается в контексте творчества писателя в целом. Применяя современные методики текстового анализа, автор статьи исследует соотношение и функции разных типов нарраторов в повести, специфику построения повествовательных уровней, основные способы формирования нарраториальных перспектив, особенно подробно останавливается на идеологической и фразеологической точках зрения нарраторов. В статье анализируются и актуальные вопросы организации Лесковым диалога с читателем, выявляются нарративные и языковые способы активизации читательского внимания. Результатом анализа становится конкретизация представлений о своеобразии сказового нарратива у Лескова (значительное расширение функций эксплицитного наррататора, передача речи персонажей с помощью цитатного дикурса), выяснение роли «остранения» в лесковском повествовании, уточнение причин выбора писателем необычного подзаголовка повести – «пейзаж и жанр». «Полунощники» представляют собой необычный текст, в котором Лесков использует различные нарратологические приемы фактически полного «устранения» прямой нарраториальной оценки. Нарративные особенности «Полунощников» анализируются в соотнесении с проблематикой повести, что позволяет установить закономерности между спецификой повествования и стремлением Лескова на примере образа главной героини популяризовать ряд положений религиозно-нравственного учения Л. Н. Толстого, особый интерес к которому писатель проявлял, начиная с середины 1880-х гг.

Ключевые слова: Русская литература XIX в., Н. С. Лесков, Л. Н. Толстой, нарратив, сказ, «остранение», жанр.

A. A. Fedotova

The Narrative Structure of N. Leskov’s Short Novel «The Night Owls»

The article is devoted to the urgent problem of studying the features of the experimental narrative structure of N. Leskov’s late prose. The material for the analysis is the short novel «The Night Owls» (1890), which is considered in the context of the writer's work as a whole. Applying modern methods of the text analysis, the author of the article explores the relationship and functions of different types of narrators in the story, the specifics of the construction of narrative levels, the main ways of forming narratorial perspectives, especially dwells on the narrators’ ideological and phraseological points of view. The article also analyzes the current issues of Leskov's organization of dialogue with the reader, reveals narrative and linguistic ways of activating readers' attention. The result of the analysis is concretization of the ideas about the peculiarity of Leskov’s fantastic narrative (a significant extension of the functions of the explicit narrator, the transmission of the speech of the characters with the help of the quotation diction), clarifying the role of «elimination» in Leskov’s narrative, and clarifying the reasons for the writer's choice of the unusual subtitle of the story – «landscape and genre». «Midnight» is an unusual text in which Leskov uses various narratological techniques to virtually completely «eliminate» direct narratorial evaluation. The narrative features of the «Midwives» are analyzed in relation to the problems of the story, which allows us to establish the patterns between the specifics of the narrative and Leskov's aspirations, using the example of the image of the main heroine, to popularize a number of the religious and moral teachings of Leo Tolstoy, a special interest to which the writer had since the middle of 1880-s.

Keywords: Russian literature of the XIX-th century, N. S. Leskov, L. N. Tolstoy, narrative, skaz, «ostranenie», genre.

Повесть Н. С. Лескова «Полунощники» (1890) относится к поздним экспериментальным произведениям писателя (о поэтике позднего Лескова см., в частности, [4]; [18]). Необычность формальной организации текста в полной мере проявляется в ее нарративной структуре. Повесть представляет собой один из примеров реализации любимого писателем приема «рассказа в рассказе», к которому он часто прибегал при работе в сказовой форме (подробнее о специфике сказа у Лескова см. [2]; [3]; [5]; [19]; [22]). Однако в «Полунощниках» первая часть произведения, которая обрамляет вторичный сказовый нарратив, представлена не имплицитным повествованием недиегетического типа (что более свойственно поэтике Лескова и характеризует «Запечатленного ангела», «Очарованного странника», «Пустоплясова» и т. д.), а повествованием диегетическим: нарратор – главный герой.

В позднем творчестве Лескова Я-повествование часто выступает знаком актуализации фигуры автобиографического нарратора

© Федотова А. А., 2018

(«Юдоль», «По поводу „Крейцеровой сонаты”», «Импровизаторы», «Заячий ремиз») (об этой особенности прозы писателя см. [7]). А. Волынский относил к произведениям подобного рода и «Полунощников», считая, что Лесков действительно посещал Кронштадт и ту «ажидацию», где собирались верующие в чудеса Ивана Кронштадтского. Между тем в «Полунощниках» не выявляется никаких признаков автобиографизма ни на содержательном, ни на формальном уровнях (совмещение двух точек зрения «Я-настоящее» и «Я-прошедшее»), точка зрения нарратора функционирует в тексте главным образом в перцептивном плане. Кажущийся непоследовательным выбор Я-повествования для почти «физиологического» описания «ажидации» обосновывается тем, что оно необходимо Лескову для формирования так называемого внутреннего нарративного фокуса: читатель «видит» только то, что находится в поле зрения нарратора-главного героя. При этом фактически не востребованными остаются ни фразеологический ракурс Я-нарратора (повествование ведется в подчеркнуто нейтральном стиле речи), ни его идеологическая позиция.

Основной функцией применения внутреннего нарративного фокуса в первых главах «Полунощников» является остранение. Местом действия в тексте является Кронштадт, а точнее – гостиница для приезжающих к о. Иоанну Кронштадскому паломников. Главной характеристикой Я-повествователя, необходимой Лескову, становится тот факт, что он никогда прежде не посещал Кроншатдта. Непонимание нарратором «правил» поведения в «ажидации» неоднократно акцентируется писателем: «Мне посоветовали сделать непродолжительную прогулку с целью увидеть новые, непримелькавшиеся лица» [11, с. 117], «я не знал никаких порядков города, куда держал путь, ни нравов людей, с которыми мне там придется встретиться» [11, с. 117], «не зная, как здесь лучше вести себя, я присматривался во всем к другим» [11, с. 124]. Следствием неуверенности нарратора является его отказ от каких бы то ни было обобщающих выводов, что подчеркивается Лесковым постоянными обращениями к вводным конструкциям: «Обе они, по-видимому, благородного происхождения» [11, с. 118], «нынешний солидный возраст обеих дам, кажется, должен бы хранить их от всякого злоязычия» [11, с. 118], «я наскоро напился чаю в „беседной” <…> но, кажется, потревожил кухарку в тальме» [11, с. 124].

Остранение имеет в «Полунощниках» важную содержательную роль, в целом свойственную этому повествовательному приему: точка зрения незаинтересованного наблюдателя функционирует как взгляд критический. И в этом плане точка зрения первичного нарратора противопоставлена вторичному ракурсу сказового нарратора основного корпуса текста, которая даст свою, подчеркнуто оценочную, характеристику «ажидации» – но уже с позиции вовлеченного в процесс погони за «духовным лицом» персонажа.

В кажущейся произвольности отбора деталей, которые попадают в поле зрение первичного нарратора, есть строгая логика. Посещение «ажидации» описано писателем как некое ритуальное действие, этапы которого строго закреплены: «С прихода все ожидатели идут к владычице» [11, с. 118], «затем всех разводят в их номера» [11, с. 119], «прочих ключница берет и ведет в общую» [11, с. 120]. Подобная регламентация сразу же создает атмосферу искусственности ситуации, которую усиливает настойчивый акцент на внешние религиозные атрибуты и «обрядовую» сторону действий паломников («на одной из стен большой образ владычицы и рядом поменьше образ» [11, с. 119], «во всех комнатах есть образа» [11, с. 121], «некоторые из ожидателей не довольствуются огнем лампад и еще прилепливают перед номерными образами восковые свечки» [11, с. 121], «эта комната имеет <…> вид гостиной <…> и имеет большую образницу, в которой много образов» [11, с. 123], «после ранней обедни здесь ежедневно служат молебен» [11, с. 123]). Преувеличенное внимание героев к обрядовой составляющей в религии является распространенным в прозе Лескова мотивом («Запечатленный ангел», «Святительские тени», цикл Остзейских очерков) и становится одним из первых сигналов скрытой иронии писателя по отношению к описываемой ситуации.

Другой «мотив» в описании «пейзажа» повести также весьма показателен. Не давая никаких прямых оценок обитателям «ажидации», Лесков в то же время постоянно характеризует их с «экономической» стороны: «Военный просматривает какие-то записки и что-то выкладывает на маленьких счетах» [11, с. 120], «торговых приспособлений здесь никаких не видно» [11, с. 122], «„риндательша” удаляется от всяких неприятных столкновений в денежном роде» [11, с. 124], «ключница должна прибегать к разным приемам, чтобы все было заплачено» [11, с. 124]. Писатель подчеркивает, что в «ажидации» господствуют товарно-денежные отношения между людьми, и подробно описывает распределение гостей по номерам в зависимости от

их материального состояния: «“Которые первенькие, но почище”, водворяют по усмотрению в свободных номерах первого и второго этажа» [11, с. 120], «это – аристократия необыкновенного дома» [11, с. 120], «номера нижнего этажа <…> все немножечко с грязцой» [11, с. 120]. Таким образом, «остраняющий» взгляд первичного нарратора выявляет основные черты «быта» «Ажидации»: пунктуальное соблюдение религиозных обрядов и сосредоточенность на получении прибыли. Это кажущееся противоречие в повести Лескова – как и в его художественном мире в целом – оборачивается закономерностью: писатель обращается к одной из принципиальных для своего творчества антитез, подмены подлинной, внутренней духовности внешней религиозностью (об этом подробнее см. [6]; [8]; [9]; [12]; [14]; [15]; [25]).

Применение принципа остранения имеет и другие важные следствия. Необычность первой, экспозиционной, части повести определяется тем, что она выполняет не традиционную роль предварительной характеристики героев и места действия, а, наоборот, интригует читателя. Остранение в начальных главах повести призвано активизировать читательское восприятие. Первые главы «Полунощников» представляют собой бытописание распорядка жизни «ажидации». Между тем буквально с первого абзаца бросается в глаза важное отличие «Полунощников» от распространенных в реалистической литературе бытописательных очерков разного рода: перечисляя многочисленные детали интерьера и быта, писатель не называет главного – что же составляет предмет его описания. Даже – больше – Лесков поступает ровным счетом наоборот. Фрагмент текста, который заменяет название подробно описываемого места действия, показателен: «Учреждение это не отель и не гостиница, а оно совершенно частный дом, приспособленный сообразно вкусу и надобностям здешних посетителей, и называется он – „Ажидация”» [11, с. 117]. Определения «от противного» («не отель и не гостиница»), неопределенное упоминание о так и не названных в тексте напрямую «надобностях здешних посетителей», наконец, лесковский окказионализм «ажидация» (который, кстати, писатель первоначально намеревался вынести в заглавие повести) – каждая фраза в этом предложении не проясняет читателю, о каком, собственно, месте идет речь, а задает все новые и новые вопросы. К лексеме «ажидация» Лесков добавляет и необычное подстраничное «примечание автора»: «Слово „Ажидация” здесь употребляется в двух смыслах: а) как название учреждения, где „ожидают”, и б) как самое действие ожидания. В одном случае оно пишется с прописной буквы, а в другом – со строчной» [11, с. 117]. Это «этимологическое» пояснение замечательно тем, что оно в очередной раз подменяет второстепенными подробностями название места действия и разъяснение причин приезда в него многочисленных посетителей.

В первых главах «Полунощников» Лесков применяет и другие способы поддержания читательского интереса. Так, для характеристики обитателей «ажидации» используются различные намеки, которые не получают разъяснений в дальнейшей части повести («Друг другу они улыбались как друзья, но в глазах их, казалось, светились какие-то иные чувства, совсем не схожие с искренней дружбой. Наблюдательный человек мог подумать, что этих женщин связывает как будто какое-то взаимное опасение» [11, с. 118]), описываются «непонятные» действия персонажей без указания на их цель («военный просматривает какие-то записки и что-то выкладывает на маленьких счетах» [11, с. 120], «перед мальчиком куча вскрытых конвертов, с которых он смачивает слюнями марки и переклеивает их в тетрадь» [11, с. 120]).

Интригу поддерживают и постоянные отсылки к «чужому» слову (об этой особенности поэтики писателя см. [21]; [24]), подчеркнутые кавычками. Как это часто бывает у Лескова, «чужие» слова относятся к ограниченной сфере употребления: неологизмы, диалектизмы, просторечия. Объединяет эти лексемы то, что все они многозначны, а смысл их в тексте (во всяком случае, в его начальных главах) никак не конкретизируется: «Это сразу определяет проницательное око очень бойкой женщины, которую называют „риндательша”» [11, с. 1217], «Воин этот – человек солидного века и несомненно очень твердого характера. Прислуга дала ему прозвание „балык”» [11, с. 120], «как к ним „привалит” публика, или, как ее называют, – „толпучка”» [11, с. 118]. Атрибуция этих выражений как жаргонизмов (лексем, чье употребление ограничивается «ажидацией») вновь отсылает читателя к традиции бытописательного очерка, однако главная роль введения лексики ограниченного употребления заключается в поддержке активного восприятия читателем текста.

Во второй, основной, части повести Лесков обращается к более свойственному для его прозы приему «нейтрализации» авторских оценок – сказу. Необычность сказовой наррации в повести заключается в том, что основной ее формой высту-

пает не монолог, а диалог. «Жанр» строится как воспроизведение «подслушанных» первичным нарратором разговоров обитателей соседних номеров. Сказовая форма, свойственная основному корпусу текста, позволяет автору и дальше соблюдать «маскировку», предоставляя возможность делать необходимые выводы самому читателю.

Основная часть повести (рассказ приживалки Марьи Мартыновны о семействе купцов Степеневых) обладает всеми характерными чертами сказового вида наррации: о событиях повествует непрофессиональная рассказчица, чья точка зрения принципиально отделена от авторской и подчеркнуто субъективна, а ее текст представляет собой имитацию неподготовленного устного рассказа, для которого свойственны любовно воспроизводимые Лесковым черты разговорного стиля речи. Между тем сказ в «Полунощниках» имеет и специфические, собственно лесковские особенности. Первая яркая черта – значительное расширение функций эксплицитного нарататора. Ориентация на слушателя является неотъемлемым признаком сказа, присутствие фигуры эксплицитного читателя в этом виде наррации также не является нововведением писателя. Роль первичного нарратора, который обычно является и эксплицитным, у Лескова чаще всего заключается в характеристике сказового нарратора, в связи с чем эта фигура востребована в экспозиции и развязке произведения (вспомним «Запечатленного ангела», «Очарованного странника», «На краю света»).

В «Полунощниках» ситуация принципиально иная. Функция первоначального знакомства читателя со сказовым нарратором в повести, как отмечалось выше, передана первичному нарратору и принципиально ограничена: «Они говорили тихо и так мирно и обстоятельно, что я сразу мог понять даже, как они теперь размещены в своей комнате и как друг к другу относятся» [11, с. 128]. Замечания, вопросы и пояснения слушательницы Марьи Мартыновны Аички (второго эксплицитного читателя) постоянно перебивает монолог рассказчицы. Главный результат организации наррации в подобной форме – взаимодействие двух ракурсов на описываемые события. Последнее вступает в противоречие с одной из важнейших особенностей сказа, с воспроизведением ограниченной точки зрения рассказчика, чей субъективный взгляд на мир никак не корректируется и должен быть опознан читателем, несмотря на всю убедительность «логики» нарратора. Постоянные разрывы в речи героини «Полунощников» создают существенное препятствие для формирования подобного рода фигуры. И, более того, ряд реплик Аички напрямую направлен на то, чтобы дискредитировать образ рассказчицы:

«В людях жить трудно.

– Ничего, у меня характер хороший: меня все любят.

– Ну, это вы только хвалитесь.

– Нет! Правда.

– А ведь вот вы долго у Степеневых жили, а они вас за что-то выгнали.

– Извините, Аичка, меня никто и ниоткуда не выгонял.

– Ну, отпустили. Ведь это только так, для вежливости говорится, а все равно – выгон» [37, с. 136].

Лесков «помещает рассказчицу в несвойственное сказовому нарративу положение спора с эксплицитным читателем (сказ обычно ориентирует нарратора на «понимающего» слушателя). В словах Аички опровергаются притязания рассказчицы на авторитет: как идеологический («это вы только хвалитесь»), так и фразеологический («ведь это только так, для вежливости говорится»). Эксплицитный читатель – фигура, представляющая в тексте специфическую проекцию читателя реального, поэтому сомнения первого в возможности «доверия» нарратору закономерно передаются последнему. Однако ограничить роль эксплицитного читателя в сказовой части «Полунощников» дискредитацией нарратора нельзя. Несмотря на то, что диалог героинь полон очевидных противоречий и споров, их взгляд на мир схож, что становится видно по ходу развития сюжета повести и по мере приближению к развязке, когда споры Аички и Марьи Мартыновны оборачиваются полным согласием.

Помимо активизации роли эксплицитного читателя, второй важной чертой сказового нарратива в «Полунощниках» является передача нарратором слов других персонажей в форме цитатного дискурса (с помощью прямой, а не косвенной речи). Тем самым господствующая точка зрения нарратора и дополняющая ее позиция эксплицитного читателя корректируются ракурсами еще нескольких центральных персонажей повести: Клавдиньки, ее дяди Николая Ивановича Степенева, остающегося безымянным одного «духовного лица». Каждый из героев обладает тщательно прописанной речевой «партией», а диалоги между ними, которые поясняет сказовый нарратор, составляют значительную роль произведения.

Обе названные особенности сказа не дают господствовать в наррации единой точке зрения – точ-

ке зрения рассказчицы, что вновь вступает в противоречие с традиционной сказовой формой. Эти особенности позволяют Лескову представить позиции других героев (хотя и не в полной мере – а только через прямую речь). Последнее для писателя принципиально, так как в образе одного из персонажей рассказа Марьи Мартыновны – Клавдиньки – Лесков воплощает ряд основных положений нравственно-религиозного учения Толстого. Повесть «Полунощники», бесспорно, является одним из самых значительных «толстовских» художественных произведений писателя (подробнее о диалоге позднего Лескова с Толстым см. [10]; [23]). В ней писатель наиболее полно отразил практическую сторону «проповеди» «яснополянского мудреца» в том виде, в котором она сложилось к началу 1890-х гг. (о содержательных и стилистических особенностях религиозно-нравственного учения Толстого см. [16]; [17]). Клавдинька «разделяет» такие характерно толстовские убеждения, как отказ от светских развлечений, отрицание смертной казни и клятвы, осознание необходимости деятельной помощи людям, наконец, настороженное отношение к супружеской жизни (об этой стороне «Полунощников» см., в частности, [1]; [13]). Речь героини большей частью представляет собой аллюзии и цитаты к трактатам Толстого 1880-х годов (преимущественно «Так что же нам делать?» и «В чем моя вера?»).

В «Полунощниках» толстовский монолог растворяется в речевом изобилии, «exuberance» лесковского текста. Он попадает на пересечение многочисленных точек зрения, среди которых – и близкие ему (евангельский текст), и принципиально отделенные (позиции Марьи Мартыновны, одного «духовного лица»). Функция итоговой оценки принадлежит в тексте читателю, активизации которого способствуют многочисленные приемы, к которым прибегает автор. Выбранная писателем сказовая форма повествования представляет толстовский текст в двойном ракурсе: он реализуется в словах и поступках героини, а оценку получает из уст недоброжелательно настроенной по отношению к ней рассказчицы. Возможность адекватного воспроизведения толстовского слова и предопределяется теми ограничениями, которые писатель накладывает на нарратора: помимо традиционных для сказа «оговорок», которые выявляют его субъективность, Лесков расширяет функции эксплицитного читателя до собеседника рассказчицы, а также применяет цитатный дискурс для воспроизведения речи героев. Главным следствием смены организации композиции точек зрения становится исчезновение в повести проповеднической интонации. Место всезнающего нарратора, свойственного трактатам Толстого, несмотря на их перволичную повествовательную форму, у Лескова фактически остается свободным. Основной особенностью нарративной организации «Полунощников» является стремление писателя максимально избегать авторских оценок.

Повесть «Полунощники» имеет необычный подзаголовок – «пейзаж и жанр». Почему же писатель проводит параллель с живописью для обозначения жанра произведения, насыщенного звуковыми «эффектами», большая часть которого представляет подслушанный нарратором диалог двух так и остающихся бесплотными до конца текста собеседниц? С одной стороны, подзаголовок соотносится с двухчастной композицией повести: подробное описание «ажидации» в первой главе напоминает жанр городского пейзажа, а комические похождения Марьи Мартыновны, которым посвящена остальная часть произведения, не противоречат требованиям жанровой живописи, в центре внимания которой – изображение повседневной жизни и быта.

Между тем сделанный анализ показывает, что живописная параллель может быть обоснована и с учетом повествовательной организации произведения. «Полунощники» представляют собой необычный текст, в котором Лесков использует различные нарратологические приемы фактически полного «устранения» прямой нарраториальной оценки. Повествовательный ракурс в этом случае приближается к живописному: «взгляд» (или «слух») наблюдателя фиксирует многочисленные детали (интерьера, речи, сюжета и т. д.), однако полностью отказывается от какого-либо их идеологического комментария.

Библиографический список

1. Dlugolecka-Pietrzak, M. Świat wartości w twórczości N. Leskova [Текст] M. Dlugolecka-Pietrzak // Лесков и вокруг. Контексты творчества и состояние современного лескововедения. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 29–51.

2. Ingham, N. W. The Case of the Unreliable Narrator: Leskov's «White Eagle» [Текст] / N. W. Ingham // Studies in Russian literature in honor of V. Setchkarev. Slavica Publishers, 1986. – P. 153–165.

3. Kucherskaya, M. A. Journalist, Reader And Writer: Investigating Leskov's Creative Method [Текст] / M. Kucherskaya // Scando-Slavica. – T. 62. – 2016. – № 1. – P. 234–242.

4. Pospíšil, I. Jazyk, narace, žánr a kultura v literárních dílech N. S. Leskova [Текст] / I. Pospíšil // Jazykoveda v pohybe. Bratislava: FF UK, Katedra

slovenského jazyka, Studia Academia Slovaca, 2012. – S. 17–27.

5. Sperrle, I. Ch. The Organic Worldview of Nikolai Leskov [Текст] / I. Ch. Sperrle. – Evanston, Illinois: Northwestern University Press, Studies of the Harriman Institute, 2002. – 288 p.

6. Андреева, В. Г. О национальном своеобразии русского романа второй половины XIX века [Текст] / В. Г. Андреева. – Кострома : Изд–во КГУ, 2016. – 492 с.

7. Выскочков, Л. Николай Первый и его эпоха в произведениях Н. С. Лескова [Текст] // Лесков и вокруг. Контексты творчества и состояние современного лескововедения. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 191–199.

8. Головко, В. М. Философская повесть Н. С. Лескова 70-х гг. [Текст] / В. М. Головко. – Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный ун-т, 2016. – 250 с.

9. Ильинская, Т. Б. Старообрядческий брак в интерпретации Н. С. Лескова: соотношение художественного и публицистического образа [Текст] / Т. Б. Ильинская // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – №2. – С. 308–312.

10. Ильинская, Т. Б. Художественная семантика ритуальной пищи в творчестве Н. С. Лескова (от православного поста к вегетарианству) Лескова [Текст] / Т. Б. Ильинская // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – №3. – С. 269–275.

11. Лесков, Н. С. Собрание сочинений [Текст] : в 11 т. – Т. 9 / Н. С. Лесков. – М. : ГИХЛ, 1958. – 652 с.

12. Лукашевич, М. Исследование религиозной проблематики в творчестве Николая Лескова : вопросы методологии [Текст] // Лесков и вокруг. Контексты творчества и состояние современного лескововедения. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 105–115.

13. Лукашевич, М. Христианские ценности и предубеждения в повести Николая Лескова «Полунощники» [Текст] / М. Лукашевич // Zlomová období ruské kultury z pohledu literatury (Karamzin, Leskov, Merežkovskij, Babel). – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 77–87.

14. Лукашевич, М. Церковная проблематика в ранней публицистике Н. С. Лескова [Текст] / М. Лукашевич // Церковь. Богословие. История : Материалы III Международной научно–богословской конференции. – Екатеринбург, 2015. – С. 335–342.

15. Лукьянчикова, Н. В. Художественное воплощение этического идеала в произведениях Н. С. Лескова о духовенстве [Текст] / Н. В. Лукьянчикова // Культура. Литература. Язык. : материалы конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль : Изд–во ЯГПУ, 2012. – С. 185–196.

16. Лученецкая–Бурдина, И. Ю. Евангельский текст в изложении Л. Н. Толстого [Текст] / И. Ю. Лученецкая–Бурдина // Культура. Литература. Язык. : материалы конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль : Изд–во ЯГПУ, 2015. – С. 130–139.

17. Лученецкая–Бурдина, И. Ю. Трактат Л. Н. Толстого «Так что же нам делать?»: поэтика социологического дискурса [Текст] / И. Ю. Лученецкая–Бурдина // Верхневолжский филологический вестник. – 2015. – № 1. – С. 118–123.

18. Поспишил, И. Насущные вопросы лескововедения, Лесков в чешской среде [Текст] / И. Поспишил // Zlomová období ruské kultury z pohledu literatury (Karamzin, Leskov, Merežkovskij, Babel). – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 87–99.

19. Поспишил, И. Чешский Лесков и его моравский переводчик [Текст] / И. Поспишил // Лесков и вокруг. Контексты творчества и состояние современного лескововедения. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 145–157.

20. Русские писатели о литературном труде [Текст] : в 4 т. Т. 3. А. Н. Островский, И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский, Н. С. Лесков, В. М. Гаршин, Г. И. Успенский, А. П. Чехов, Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко / Русские писатели о литературном труде. – Л. : Советский писатель, 1955. – 716 с.

21. Старыгина, Н. Контекстуальная поэтика творчестве Н. С. Лескова [Текст] / Н. Старыгина // Лесков и вокруг. Контексты творчества и состояние современного лескововедения. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 171–181.

22. Федотова, А. А. Эквивалентность персонажей в сказе Н. С. Лескова [Текст] / А. А. Федотова // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – №2. – С. 142–148.

23. Федотова, А. А. Л. Н. Толстой и Н. С. Лесков в полемике вокруг «страшного вопроса» 1891 года [Текст] / А. А. Федотова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2016. – №5. – С. 135–140.

24. Червинская, О. Реминисцентная ризоматичность литературного письма: лесковский текст «Зимний день (пейзаж и жанр)» [Текст] / О. Червинская // Лесков и вокруг. Контексты творчества и состояние современного лескововедения. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 13–29.

25. Шелаева, А. Люди и куклы Н. С. Лескова в свете мифологических представлений Платона о Боге и человеке [Текст] / А. Шелаева // Лесков и вокруг. Контексты творчества и состояние современного лескововедения. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 181–191.

Bibliograficheskij spisok

1. Dlugolecka-Pietrzak, M. Świat wartości w twórczości N. Leskova [Tekst] M. Dlugolecka-Pietrzak // Leskov i vokrug. Konteksty tvorchestva i sostojanie sovremennogo leskovovedenija. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 29–51.

2. Ingham, N. W. The Case of the Unreliable Narrator: Leskov's «White Eagle» [Tekst] / N. W. Ingham // Studies in Russian literature in honor of V. Setchkarev. Slavica Publishers, 1986. – P. 153–165.

3. Kucherskaya, M. A. Journalist, Reader And Writer:

Investigating Leskov's Creative Method [Tekst] / M. Kucherskaya // Scando-Slavica. – T. 62. – 2016. – № 1. – P. 234–242.

4. Pospíšil, I. Jazyk, narace, žánr a kultura v literárních dílech N. S. Leskova [Tekst] / I. Pospíšil // Jazykoveda v pohybe. Bratislava: FF UK, Katedra slovenského jazyka, Studia Academia Slovaca, 2012. – S. 17–27.

5. Sperrle, I. Ch. The Organic Worldview of Nikolai Leskov [Tekst] / I. Ch. Sperrle. – Evanston, Illinois: Northwestern University Press, Studies of the Harriman Institute, 2002. – 288 p.

6. Andreeva, V. G. O nacional'nom svoeobrazii russkogo romana vtoroj poloviny XIX veka [Tekst] / V. G. Andreeva. – Kostroma : Izd–vo KGU, 2016. – 492 s.

7. Vyskochkov, L. Nikolaj Pervyj i ego jepoha v proizvedenijah N. S. Leskova [Tekst] // Leskov i vo-krug. Konteksty tvorchestva i sostojanie sovremennogo leskovovedenija. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 191–199.

8. Golovko, V. M. Filosofskaja povest' N. S. Leskova 70-h gg. [Tekst] / V. M. Golovko. – Stavropol' : Severo-Kavkazskij federal'nyj un-t, 2016. – 250 s.

9. Il'inskaja, T. B. Staroobrjadcheskij brak v interpretacii N. S. Leskova: sootnoshenie hudozhestvennogo i publicisticheskogo obraza [Tekst] / T. B. Il'inskaja // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2017. – №2. – S. 308–312.

10. Il'inskaja, T. B. Hudozhestvennaja semantika ritual'noj pishhi v tvorchestve N. S. Leskova (ot pravoslavnogo posta k vegetarianstvu) Leskova [Tekst] / T. B. Il'inskaja // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2016. – №3. – S. 269–275.

11. Leskov, N. S. Sobranie sochinenij [Tekst] : v 11 t. – T. 9 / N. S. Leskov. – M. : GIHL, 1958. – 652 s.

12. Lukashevich, M. Issledovanie religioznoj problematiki v tvorchestve Nikolaja Leskova : voprosy metodologii [Tekst] // Leskov i vokrug. Konteksty tvorchestva i sostojanie sovremennogo leskovovedenija. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 105–115.

13. Lukashevich, M. Hristianskie cennosti i predubezhdenija v povesti Nikolaja Leskova «Polunoshhniki» [Tekst] / M. Lukashevich // Zlomová období ruské kultury z pohledu literatury (Karamzin, Leskov, Merežkovskij, Babel). – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 77–87.

14. Lukashevich, M. Cerkovnaja problematika v rannej publicistike N. S. Leskova [Tekst] / M. Lukashevich // Cerkov'. Bogoslovie. Istorija : Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno–bogoslovskoj konferencii. – Ekaterinburg, 2015. – S. 335–342.

15. Luk'janchikova, N. V. Hudozhestvennoe voploshhenie jeticheskogo ideala v proizvedenijah N. S. Leskova o duhovenstve [Tekst] / N. V. Luk'janchikova // Kul'tura. Literatura. Jazyk. : materialy konferencii «Chtenija Ushinskogo». – Jaroslavl' : Izd–vo JaGPU, 2012. – S. 185–196.

16. Lucheneckaja-Burdina, I. Ju. Evangel'skij tekst v izlozhenii L. N. Tolstogo [Tekst] / I. Ju. Lucheneckaja-Burdina // Kul'tura. Literatura. Jazyk. : materialy konferencii «Chtenija Ushinskogo». – Jaroslavl' : Izd–vo JaGPU, 2015. – S. 130–139.

17. Lucheneckaja-Burdina, I. Ju. Traktat L. N. Tolstogo «Tak chto zhe nam delat'?»: pojetika sociologicheskogo diskursa [Tekst] / I. Ju. Lucheneckaja-Burdina // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. – 2015. – № 1. – S. 118–123.

18. Pospishil, I. Nasushhnye voprosy leskovovedenija, Leskov v cheshskoj srede [Tekst] / I. Pospishil // Zlomová období ruské kultury z pohledu literatury (Karamzin, Leskov, Merežkovskij, Babel). – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 87–99.

19. Pospishil, I. Cheshskij Leskov i ego morav-skij perevodchik [Tekst] / I. Pospishil // Leskov i vokrug. Konteksty tvorchestva i sostojanie sovremen-nogo leskovovedenija. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 145–157.

20. Russkie pisateli o literaturnom trude [Tekst] : v 4 t. T. 3. A. N. Ostrovskij, I. A. Goncharov, F. M. Dostoevskij, N. S. Leskov, V. M. Garshin, G. I. Uspenskij, A. P. Chehov, L. N. Tolstoj, V. G. Korolen-ko / Russkie pisateli o literaturnom trude. – L. : Sovetskij pisatel', 1955. – 716 s.

21. Starygina, N. Kontekstual'naja pojetika tvorchestve N. S. Leskova [Tekst] / N. Starygina // Leskov i vokrug. Konteksty tvorchestva i sostojanie sovre-mennogo leskovovedenija. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 171–181.

22. Fedotova, A. A. Jekvivalentnost' personazhej v skaze N. S. Leskova [Tekst] / A. A. Fedotova // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. – 2016. – №2. – S. 142–148.

23. Fedotova, A. A. L. N. Tolstoj i N. S. Leskov v polemike vokrug «strashnogo voprosa» 1891 goda [Tekst] / A. A. Fedotova // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. – 2016. – № 5. – S. 135–140.

24. Chervinskaja, O. Reminiscentnaja rizomatichnost' literaturnogo pis'ma: leskovskij tekst «Zimnij den' (pejzazh i zhanr)» [Tekst] / O. Chervinskaja // Leskov i vokrug. Konteksty tvorchestva i sostojanie sovremennogo leskovovedenija. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 13–29.

25. Shelaeva, A. Ljudi i kukly N. S. Leskova v svete mifologicheskih predstavlenij Platona o Boge i cheloveke [Tekst] / A. Shelaeva // Leskov i vokrug. Konteksty tvorchestva i sostojanie sovremennogo leskovovedenija. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 181–191.

Reference List

1. Dlugolecka-Pietrzak M. Swiat wartogci w twórczości N. Leskova M. Dlugolecka-Pietrzak // Leskov and around. Contexts of creativity and condition of a modern study on Leskov. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 29–51.

2. Ingham N. W. The Case of the Unreliable Narrator: Leskov's «White Eagle» / N. W. Ingham // Studies in Rus-

sian literature in honor of V. Setchkarev. Slavica Publishers, 1986. – P. 153–165.

3. Kucherskaya M. A. Journalist, Reader and Writer: Investigating Leskov's Creative Method / M. Kucherskaya // Scando-Slavica. – V. 62. – 2016. – № 1. – P. 234–242.

4. Pospíšil, I. Jazyk, narace, žánr a kultura v literárních dílech N. S. Leskov / I. Pospíšil // Jazykoveda v pohybe. Bratislava: FF UK, Katedra slovenského jazyka, Studia Academia Slovaca, 2012. – S. 17–27.

5. Sperrle I. Ch. The Organic Worldview of Nikolai Leskov / I. Ch. Sperrle. – Evanston, Illinois: Northwestern University Press, Studies of the Harriman Institute, 2002. – 288 p.

6. Andreeva V. G. On national originality of the Russian novel of the second half of the 19th century / V. G. Andreeva. – Kostroma: KSU Publishing House, 2016. – 492 pages.

7. Vyskochkov L. Nikolay the First and his era in N. S. Leskov's works // Leskov and around. Contexts of creativity and condition of a modern study on Leskov. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 191–199.

8. Golovko V. M. Philosophical story by N. S. Leskov of the 70-s / V. M. Golovko. – Stavropol : North Caucasian Federal University, 2016. – 250 pages.

9. Ilyinskaya T. B. Old Belief marriage in N. S. Leskov's interpretation: ratio of an artistic and publicistic image / T. B. Ilyinskaya // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. – 2017. – No. 2. – Page 308–312.

10. Ilyinskaya T. B. Art semantics of ritual food in N. S. Leskov's creativity (from an orthodox lent to vegetarianism) / T. B. Ilyinskaya // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. – 2016. – No. 3. – Page 269–275.

11. Leskov N. S. Complete works : in 11 v. –V. 9 / N. S. Leskov. – M. : GIHL, 1958. – 652 pages.

12. Lukashevich M. Research of a religious perspective in Nikolay Leskov's creativity: questions of methodology // Leskov and around. Contexts of creativity and condition of a modern study of Leskov. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 105–115.

13. Lukashevich M. Christian values and prejudices in the story by Nikolay Leskov «Polunoshchniki» / M. Lukashevich // Zlomová období ruské kultury z pohledu literatury (Karamzin, Leskov, Merechkovskij, Babel). – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 77–87.

14. Lukashevich M. A church perspective in early journalism of N. S. Leskov / M. Lukashevich // Church. Divinity. History: Materials of the III International scientific and theological conference. – Ekaterinburg, 2015. – Page 335–342.

15. Lukyanchikova N. V. Artistic realization of an ethical ideal in works by N. S. Leskov about clergy / N. V. Lukyanchikova // Culture. Literature. Language.: materials of Ushinsky's Readings conference. – Yaroslavl : YSPU Publishing House, 2012. – Page 185–196.

16. Luchenetskaya-Burdina I. Yu. The evangelical text in L. N. Tolstoy's interpretation / I. Yu. Luchenetskaya-Burdina // Culture. Literature. Language.: materials of Ushinsky's Readings conference. – Yaroslavl : YSPU Publishing House, 2015. – Page 130–139.

17. Luchenetskaya-Burdina I. Yu. L. N. Tolstoy's Traktate «So what should we do?» : poetics of a sociological discourse / I. Yu. Luchenetskaya-Burdina // Verkhnevolzhsky Philological Bulletin. – 2015. – No. 1. – Page 118–123.

18. Pospeshil I. The vital issues of study on Leskov, Leskov in the Czech environment / I. Pospishil // Zlomová období ruské kultury z pohledu literatury (Karamzin, Leskov, Merechkovskij, Babel). – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 87–99.

19. Pospeshil I. Chekhov Leskov and his Moravian translator / I. Pospishil // Leskov and around. Contexts of creativity and condition of a modern study on Leskov. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 145–157.

20. The Russian writers about literary work : in 4 v. V. 3. A. N. Ostrovsky, I. A. Goncharov, F. M. Dostoevsky, N. S. Leskov, V. M. Garshin, G. I. Uspensky, A. P. Chekhov, L. N. Tolstoy, V. G. Korolenko / Russians writers about literary work. – L. : Sovetsky Pisatel, 1955. – 716 pages.

21. Starygina N. Contextual poetics creativity of N. S. Leskov / N. Starygina // Leskov and around. Contexts of creativity and condition of a modern study on Leskov. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 171–181.

22. Fedotova A. A. Equivalence of characters in N. S. Leskov's narration / A. A. Fedotov // Verkhnevolzhsky Philological Bulletin. – 2016. – No. 2. – Page 142–148.

23. Fedotova A. A. L. N. Tolstoy and N. S. Leskov in polemic around «a terrible question» of 1891 / A. A. Fedotova // the Bulletin of Kostroma State University named after N. A. Nekrasov. – 2016. – No. 5. – Page 135–140.

24. Chervinskaya O. Reminiscential risomania of the literary letter: Leskov's text «Winter day (landscape and genre)» / O. Chervinskaya // Leskov and around. Contexts of creativity and condition of a modern study on Leskov. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 13–29.

25. Shelaeva A. People and N. S. Leskov's dolls in the light of mythological ideas of Platon about God and the person / A. Shelaeva // Leskov and around. Contexts of creativity and condition of a modern study on Leskov. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 181–191.

Дата поступления статьи в редакцию: 20.02.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10037
УДК 821.161.1-93/930.253

Н. Н. Иванов
https://orcid.org/0000-0002-6292-2903

Мифопоэтика в художественном сознании М. Горького

Целью работы является выявление роли мифопоэтики в формировании типа художественного мышления М. Горького. При этом решались задачи установления функциональных аспектов отражения мифа в философии, эстетике и поэтике, отчасти, художественном языке писателя.

Наиболее значимыми результатами работы стали следующие. Рассмотрено влияние мифа, мифопоэтики на М. Горького в контексте развития русской художественной прозы начала XX в., русского неореализма, его художественно-онтологических и эстетических поисков. Обнаружено многообразное воплощение мифа в виде мотивов и архетипов в сочинениях Горького. Предпочтение отдано славянскому мифологизму, который, в силу понятийно-терминологической неоднозначности его интерпретации нередко именуется мифологизмом языческим. Творчески воспринятый писателем традиционный мифологизм составил своеобразие мифологизма авторского, так называемого неомифологизма. Означенная тенденция, не часто поднимаемая в научных литературоведческих трудах, расценивается как общее свойство русской прозы конца XIX – начала XX вв., но в индивидуальных авторских проявлениях. Функциональные аспекты мифопоэтики в творчестве Горького уточнены и конкретизированы с учетом русского литературного контекста. Обоснован тип художественного мышления Горького с точки зрения поставленной проблемы. Намечены типологические сходства и различия Горького и его современников, обновлен взгляд на известные произведения литературы. Раскрытые в данной работе тесные и плодотворные связи мироощущения и творчества Горького с мифом позволили увидеть совсем другие, нежели было принято считать, мировоззренческие и эстетические ориентиры писателя, понять главное его устремление – ответить на вечные вопросы бытия, мироздания. Анализ такого характера, как кажется, определил истинное значение ряда произведений М. Горького.

Работа адресована филологам, литературоведам, специалистам в области русской литературы, культуры и ее ценителям.

Ключевые слова: русский неореализм, М. Горький, мифопоэтика, поэтика прозы, мотив, архетип, символ.

N. N. Ivanov

Mythopoetics in M. Gorky’s Art Consciousness

The most significant results were the following ones. The influence of myth, mythopoetics on M. Gorky in the context of the development of the Russian artistic prose in early XX century, Russian neo-realism, its artistic, ontological and aesthetic searches. The diverse embodiment of the myth in the form of motifs and archetypes in Gorky's works is revealed. Preference is given to Slavic mythology, which, due to the conceptual and terminological ambiguity of its interpretation, is often called pagan mythology. Creatively interpreted by the writer traditional mythologism made up the originality of the author's mythologism, the so-called neomythologism. This tendency, not often raised in scientific literary works, is regarded as a common property of the Russian prose of late XIX – early XX centuries, but in the individual author's manifestations. The functional aspects of mythopoetics in Gorky's work have been clarified and specified taking into account the Russian literary context. The article substantiates the type of Gorky's artistic thinking from the point of view of the problem. Typological similarities and differences between Gorky and his contemporaries are outlined, the view of well-known works of literature is updated. The close and fruitful relations of Gorky's attitude and creativity with the myth revealed in this work made it possible to see completely different than it was considered, ideological and aesthetic landmarks of the writer, to understand his main aspiration – to answer the eternal questions of being, the universe. The analysis of this nature seems to have determined the true value of a number of M. Gorky’s works.

The work is addressed to philologists, literary scholars, specialists in the field of Russian literature, culture and its connoisseurs.

Keywords: Russian neo-realism, M. Gorky, mythopoetics, poetics of prose, motif, archetype, symbol.

Миф – порождение мифологического сознания – сложнейшая область культуры; единообразие интерпретаций мифа в силу его универсальности исключено. Те или иные структуры мифологического сознания могут быть актуализированы в постмифологические эпохи, прежде всего, в сфере искусства. Так, активное обращение к мифу, мифологизму увеличило повествовательные, выразительные возможности русской литературы рубежа XIX–XX вв. [4; 5]. Тем не менее, сочинения М. Горького, центральной фигуры русского неореализма, в означенной плоскости исследуются эпизодически [9; 14]. Литературоведение советского периода смотрело на Горького принципиально с иных позиций. В период постсоветский диапазон научных подходов к творчеству Горько-

© Иванов Н. Н., 2018

го, в силу отказа от идеологических запретов, резко расширился [2; 8; 12; 16]. Масштабность личности, наследия Горького, противоречивость и неоднозначность отношения к нему задали направления исследований, в которых как будто частный вопрос о мифе потерялся [21; 22; 23]. Показательно, что в ни одном из детальных обзоров не встречается применительно к Горькому ни одной статьи о мифе, мифопоэтике [10]. Постараемся прояснить отдельные стороны проблемы влияния мифа, славянского языческого мифологизма на философию, эстетику, поэтику М. Горького.

Аккумулируя многие смыслы, миф имеет личностные, психологические, социальные, космологические аспекты [7; 13]. В русском неореализме рецепция канонического мифа, архаической мифопоэтической традиции осложнена реалиями конца XIX – начала XX вв., она продуцировалась в плоскость неомифологизма, даже индивидуальных авторских мифов. Повествуя о состояниях душ своих современников, Горький менее изучал перспективы народного сознания, но более стремился сопоставить его с энергиями так называемой *живой жизни*, берущей истоки в глубинах еще докультурных, внеисторических эпох. А. Н. Афанасьев объяснял происхождение мифов устойчивостью языческого мироощущения в *непосредственной связи* современной людям действительности с древними преданиями [1]. Характеризуя мифологическое сознание индоевропейцев, славян, Афанасьев, Потебня указывали на боготворение Большого Мира как одного из оснований языческих верований, на идеалы гармонии человека с вечной природой и пр. «Мифология есть история мифического миросозерцания, в чем бы оно ни выражалось: в слове и сказании или в вещественном памятнике, обычае и обряде» [19, с. 260]. Главная черта мифотворчества, в интерпретации А. Н. Афанасьева, – додумать непонятные явления до сверхъестественного, соотнести состояния души и природы [1]. В значительной степени под таким воздействием и находился Горький, когда в присущих ему формах обобщений, манере повествования, принципах изображения выдвинул почитание Земли и Солнца как критерий развития личности.

Горький утверждал первоценность естественного хода жизни – по Солнцу, и для него Солнце и Земля были мерилом душевного здоровья, целесообразной деятельности человека. Подобные взгляды определили композицию книг, параллельное развитие образов природы и людей, активное использование мифа, древних жанров, совмещение в повествовании мифического и исторического времени, апелляцию к мистическим вероучениям и системам. В цикле рассказов «По Руси» М. Горький выявлял тесную и подвижную связь между людьми, природой, Космосом, единый ритм всей жизни («Посеяны звезды в небе, и земля – звезда; посеяны люди на земле и я среди них»; «Так ясно чувствуешь бег земли в пространстве»).

Космизм был свойством русского языческого мироощущения, подобную направленность восприятия находим в прозе. По Горькому, «Земля живет внутри неба, в объятии солнца, в сонме звезд» («По Руси»). И в творчестве, и в переписке Горький настойчиво варьировал идею украшения Земли трудом человека.

Устремленность Горького к идеалу, символизируемому солнцем, привела к повышенной роли солярных мотивов, *огненной* символики в его сочинениях о времени текущем. Горький не столько варьировал солярные мифы, сколько пытался воспроизвести их общую смысловую тональность, раскрыть суть вечной и современной ему жизни. Не называя себя натурфилософом, Горький был им стихийно. Прославление великих сил бытия, земной радости, солнца и земли – основа его оптимизма; удаленность человека от столь высокого идеала – пессимизма, разочарований. Горький мечтал о человеке, как он неоднократно высказывался в переписке, «с солнцем в крови» [17, Т. 2, с. 167].

Интерес Горького к фольклору, мифу, древней культуре известен [11; 18]. В этой области через пророческое слово мифа, легенды, предания, сказки Горький искал богатые возможности творческой жизни, воплощение метафизической близости личности и *зеленого царства*, всеединого Бога для всех форм бытия. М. Пришвин называл подобное мироощущение сотворчеством жизни.

Ориентация на миф – не единственная, но важная сторона художественных устремлений М. Горького. Миф позволял выверить на фоне вечных ценностей и развернуть свои представления о людях, мире; и делал это писатель где открыто, а где – через подтекст. Мифологическая традиция угадывается в основных принципах построения многих произведений, их проблематике, системе образов, символике, языке. Горький востребовал нравственный, эстетический, познавательный потенциал мифа; его всегда интересовала «техника создания крупнейших типов всемирной литературы», «прототипы их в народном творче-

стве» [письмо В. М.Саянову, 1933. – 3, Т. 30, с. 325]. Поэтому Горький нередко проецировал современность на миф, сказку.

Взгляд Горького на сущностные начала бытия, тайные силы природы и внутренние потенции человека воплотился в системе лейтмотивов его сочинений. В цикле рассказов «По Руси» – это стремление обнаружить «скрытую гармонию нетленных сил земли», найти «смертные пути» к бессмертию. Таковы лейтмотивы рассказов «Покойник», «В ущелье», и других [3, т. 11]. Очень древней представляется и метафоричность, используемая им для воплощения представлений о человеческой душе. Мистику запредельных границ в природе Горький соотнес здесь с трудно уловимыми переходами от одного духовного состояния к другому. Неясность, тайна и просветленность, красота души: вода, река, облако, но и – солнце, огонь, небесный свет.

Мифопоэтическими представляются и художественная топография, сакрализация пространства у Горького. Мифопоэтической парадигме соответствует художественное пространство пьесы «На дне», Окуровской дилогии, цикла рассказов «По Руси». Во всех четко просматривается оппозиция астрально-временного и хтонически-пространственного уровней, оппозиция верха и низа, тьмы и света. Додумывая непонятные явления до сверхъестественных, Горький структурировал образ подземной тьмы, назвав ее *тьмой жизни*. С *тьмой жизни* как одним из атрибутов нижнего мира метафорически соотнесены метания *заплутавшейся* человеческой души, что оттеняет стремление героев к *верхней земле*, небу, солнечному свету. *Тьма жизни* – сила живая, она встает на пути людей к божественной истине. В цикле «По Руси» нижний мир материализован в образах оврага-змея, ущелья, темного колодца.

Поэтизируя весь Большой Мир, расширив его до размеров Вселенной, Горький выключил из сакрального пространства дом и город. В традиционных культурах, язычестве, фольклоре дом, храм – сакральные центры мироздания; они стабильны, концентрируют первоценности, могут пребывать под защитой Матери-Земли. В цикле «По Руси», Окуровской дилогии, автобиографической трилогии дом, реже храм даны с противоположным знаком, отрицательными коннотациями. Пространство, умышленно десакрализованное, настойчиво профанируется, дом наделен приметами царства мертвых: пустые глазницы окон, черная темнота подвала, стропила, как обглоданные ребра, крыши, как крышки гроба, дома, как холмы могил. Дом, город, улица – вне сферы сакрального пространства. Подвалы, чердаки, лестницы, углы на кухне за печкой или у клозета, сарай для дров – такая негативная предметно-бытовая детализация мест обитания материализовала картину странной жизни. Ее оскал из окна дома в Сормово: «Черными кукишами торчали в небо трубы завода»; «утром волком выл гудок»; «ворота завода <…> как беззубый черный рот старого нищего <…> завод тошнило пережеванными людьми» [3, Т. 13, с. 175]. Здесь появится афоризм «свинцовые мерзости дикой русской жизни» [3, Т. 13, с. 185]. «В людях» среди многих будет двухэтажный белый дом, похожий на «гроб, общий для множества людей» [3, Т. 13, с. 249]. Дом бабушкиной сестры Матрены – символ «застывшего однообразия речей, понятий, событий», «заколдованного круга еды, болезней, сна» [3, Т. 13, с. 319]. Люди «набиты» в «старый и грязный каменный мешок улицы» [3, Т. 13, с. 480]. Апофеозом идеи отрицания дома (за ней – намек на желанную «живую жизнь») станет рисование дома: урок «чертежного искусства» у бабушкиного племянника Василия Сергеева, когда дом оказался изуродованным уже на листе бумаги. Мальчик «исправил» чертеж, подрисовав людей и птиц. Ярмарочные павильоны – «мертвый город». Этот город – «дурной сон, выдумка хозяина, такая же малопонятная, как сам он» [3, Т. 13, с. 447, 448]. Ребенок бежит из «бессвязной, нелепой» [3, Т. 13, с. 498] жизни в сад, лес, природу – желанный чудесный мир, тождественный счастливой стороне волшебных сказок.

Горький противопоставил дому сад и лес; в воспоминаниях о не очень любимом деде, Василии Каширине, леса тому представлялись божьими садами. Оппозиция дома, города, с одной стороны, сада и леса – с другой, служит разделению двух миров: первый создан несовершенным человеком, второй сотворен Господом. Неудовлетворенность результатами людских деяний заставляет героев Горького искать «иную землю», прекрасную, даже идеальную, которую они так и не находят.

Сюжетные линии многих сочинений Горького варьируют мифопоэтические мотивы. Таковы вхождение в мир и мотив ухода, преодоление испытаний на пути духовного роста, мотивы путей-дорог, поиска и страданий. Поэтому особое значение получили произведения, где немалую роль играла тема детства, или даже такие, в которых дети являлись главными действующими лицами. Это автобиографические «Детство», «В людях», повести «Фома Гордеев», «Трое», «Жизнь ненуж-

ного человека», Окуровская дилогия. Горьковская тема *дитяти* провоцирует ряд сложнейших вопросов: вхождение в мир – начало жизни, угадывание *неизвестной* судьбы, *незнакомых мыслей, неслыханных слов, благостной силы*. По-своему конструировали мифологемы детства современники М. Горького. А. Толстой выстраивал повествование о детстве вокруг *тончайшей материи наследственности*, М. Пришвин – *борьбы за себя* и поиска *своего небывалого*. Если выявлять художественную типологию ухода персонажей Горького из дома, она будет соответствовать сказочно-мифологической. В. Я. Пропп характеризовал причины ухода как первоначальную беду, «недостачу» [20, Т. 1]. В ситуации первоначальной беды пребывают и странствующие герои сочинений Горького: душевные и социальные противоречия, острое переживание несовершенства мира.

В сочинениях Горького детство героев не было самодостаточным миром; знаменуя первый этап жизни, оно плавно перерастало в другой – уход из дома с целью открыть и понять мир, людей, себя. Однако тема детства, образ *дитяти* имели для Горького сокровенный смысл. Показательно, что цикл «По Руси» открывается рассказом «Рождение человека». Рождением же начинается и автобиографическая трилогия. Композиционно трилогия построена на символизме универсального числа *три*, несущего идею движения, тройственного членения и развития, непременного изменения в росте, в отличие от *четверки* – символа устойчивости, постоянства. Это отвечало целям автора, ведь он постигал тайну духовного рождения, трех эпох развития (ребенок – отрок – юноша), духа, души и тела, связей человека с Богом, природой, тайну жизни и смерти. Три круга жизни проходил на этом пути Алексей Пешков: первый – «Детство», соответственно второй и третий – «В людях», «Мои университеты». Циклизация, сквозной герой, сквозные мотивы – свойство мифологического мышления, но они стали первоосновными и у Горького. Все круги, весь цикл связаны композиционно, повествовательно. Конец первой повести – начало второй, конец второй – начало третьей. Каждая повесть начинается и завершается поездкой или уходом. Движение выразило усложнение духовного мира человека, ребенка – не прямолинейное движение или накопление суммы знаний, а созревание ума и рост сердца. Горький прибег к мифу как к сложившейся форме, формуле прояснения связей личности с внешним миром, людьми. И это диктовалось его познавательными задачами – понять и изобразить духовный рост. Автобиографический герой трилогии стремится преодолеть власть судьбы, разорвать *душный круг жутких впечатлений.* Круг – символ судьбы; способен ли человек сам разорвать такой круг или обречен оставаться на нижних, «жуткими впечатлениями» определенных уровнях бытия? Алексей Пешков ставит и решает эти вопросы, размыкая свой круг в конце каждой повести, чтобы в финале «Моих университетов» выйти на простор жизни. Пройдя три круга жизни, найдя благостные силы, герой разомкнул «душный круг жутких впечатлений», в который, казалось, навсегда попал в «Детстве», преодолел сиротство. Входя в Большой Мир, он плыл из Астрахани в Нижний, в финале трилогии – обратно. «Благополучно доплыли до берегов Каспия» [3, Т. 13, с. 638]. Впоследствии вступил в новый круг, еще более широкий. Состоялась заветная для Горького связь с миром как результат духовного роста. Библейской аллюзией выглядит упоминание «артели рыболовов»: отсылка к легендарной истории о призвании Христом первых учеников, Андрея и Петра, из числа рыболовов «близ моря Галилейского» для проповеди нового учения. Высокая миссия ждет и Алексея Пешкова.

Тема скитаний синонимична теме бродяжества. В соответствии с давней традицией Горький раскрывал его как свойство русской натуры, а воплощал во множестве образов, в том числе и так называемого *проходящего* из цикла «По Руси». О принадлежности своего автобиографического героя к мифологическому архетипу бродяги заявлял Пришвин. Известный по мифологии и фольклору архетип *народный мудрец* не столь уж и редок среди странствующих персонажей в произведениях Горького. Он открывает неведомые силы, прикасается к тайнам жизни и смерти. Содержательная глубина названного типа позволила Горькому обнаружить духовные возможности *среднего* человека, открыть особый род *неудавшихся людей*, по разным причинам утративших божественный дар в сердце. Герои Горького вписываются в типологию искателей иного царства [24], но сказочный архетип везде наполнен конкретным смыслом: люди изживают собственную ограниченность, приобщаясь к свету вечно живой и прекрасной жизни.

Думаем, правомерно говорить о художественно-мифологической доминанте в системе изобразительных средств Горького. Слово как «выражение духовных стремлений человека» [1], сила, связующая человека с миром, позволяло персонажам Горького ощутить разные светлые импульсы.

Апелляция Горького к мифу помогла передать устойчивость исторически сложившихся взглядов на человека, природу, космос, выразить мечту своих современников о нетленной красоте; с другой стороны, показать трагический разрыв между извечными идеалами и реальным существованием.

Художественные версии русской национальной судьбы, историософские построения Горького на основе мифа, самобытная авторская концепция исторического прошлого русского народа, понимание перспектив страны вызывали сложное отношение – и одобрение, и резкое неприятие. Памятна реакция Л. Н. Андреева на статью М. Горького «Две души». Субъективные представления писателя о древней культуре, фольклоре, верованиях славян подчас, видимо, пересиливали его же выверенные и объективные, как он полагал, знания. То и другое дало интересный сплав. Прошлое окрашено «кипением татаро-финской крови», пассивизмом, фатализмом. В прошлом немало красивого и яркого, но русскому народу еще предстоит реализовать себя, проявить волю к работе, преодолев слепую веру в судьбу. Земля пока не одарила работников своих, *мы еще не работали, не жили*. Отдав предпочтение будущему, писатель ссылался на *историческую молодость* нации. Горький поклонялся открытию неведомых возможностей, внутреннему преображению людей.

В творчестве Горького извечные силы природы часто персонифицированы в женских образах. Поэтизируя воду и землю как символы материнского начала жизни, женскую сторону Бытия вообще, он конкретизировал эту сущность в переживаниях женщины. Так, в облике бабушки из повести «Детство» отразились и фольклорный культ Матери-Сырой Земли, и народное восприятие Богородицы. Вариации такого мотива (женщина – стихия земли – женское начало жизни) находим в образах Пелагеи Ниловны и Софьи («Мать»), Надежды, Фелицаты, Татьяны («По Руси»). Все эти произведения предстают в новом свете при учете влияния на них мифов о земле и ее работниках. Любовь к земле, от кого бы она ни исходила, развивается по аналогии с чувством к женщине.

Устанавливая формы общности людей и Земли, Горький думал о тесной, почти фатальной взаимозависимости между стихиями природы и путями страны, народа, человека. «Щедрая земля», верил писатель, «любит работников своих», она рождает людей, которые преображают ее своим трудом. Отсюда выросли надежды писателя на «духовные силы» Родины, однако Русь, по его мнению, так же «чудовищно талантлива, как несчастна». В развитии, варьировании означенной проблематики заключается близость Горького и Пришвина. Характеризуя пришвинское, да и свое отношение к Земле, Горький нашел емкие формулы: «геофилия», «геооптимизм»; оба прониклись идеалами наших давних предков, веривших, например, в то, что Мать-Земля возвращает вложенные в нее человеком усилия. Для обоих Земля – «Великая Матерь наша», а человек должен стремиться к тому, чтобы стать «Мужем Земли», творцом «чудес и радостей» ее. Дети земли преображают ее своим деянием и чувством, человек несет ей восхищение красотой, а благодарная Мать-Земля, отвечая, раскрывает перед ним свой богатства, наделяет творческой энергией. Люди вовлекают в «разум свой» все «тайные силы» Мира.

Горький искал меру соотношения интуиции и разума, чтобы затем овладеть тайной двусторонних связей природы и человека, глубоко осмысленных и подсознательных. Горьким и отдельными его персонажами движет исходящая от природы «некая сила», «благостная сила»: «Жизнь Матвея Кожемякина».

Герои Горького стремятся открыть не только себя как часть мира, но и весь мир в себе.

Представляется, что избранные в настоящей работе направление продуктивно по целому ряду направлений и выводов. Прежде всего, разрушается порочный узкосоциологический подход к наследию М. Горького, которое часто нередко и грубо отделяют от завоеваний духовной культуры, от достижений русского словесного искусства. В такой фальсификации повинны советские идеологи, недопустимо уравнявшие многие горьковские произведения с призывом к пролетарской революции, с воспеванием ее идеалов и героев.

Раскрытые тесные и плодотворные связи мироощущения и творчества Горького с славянской языческой верой, философией и поэтикой древних мифов, легенд, сказок позволяет увидеть совсем другие мировоззренческие и эстетические ориентиры писателя, понять главное его устремление – ответить на вечные, всечеловеческие вопросы бытия, мироздания. Анализ такого характера, как кажется, определил истинное значение изучаемых сочинений (в том числе возмутительно засоциологизированных ранее – романа «Мать», повести «Лето» и других) в творческих исканиях их создателей и литературном процессе XX в.

Ныне проявившееся острое внимание к проблемам духовной культуры России выдвинуло

чуть ли не на первый план изучение религиозного чувства человека, особенно художника. Однако осмыслить в ряду разных христианских вероучений русское православие невозможно вне его сопоставления с древними убеждениями славян. Наша работа, думается, помогает прояснить истоки и своеобразие духовных устремлений писателя, исходящих из объективно сложного взаимодействия и субъективно настойчивого соотнесения языческих мифопоэтических представлений.

Библиографический список

1. Афанасьев, А. Н. Славянская мифология (Поэтические воззрения славян на природу; Происхождение мифа) [Текст] / А. Н. Афанасьев. – М. : Эксмо, СПб. : Мидгард, 2008. – 1520 с.

2. Басинский, П. К вопросу о «ницшеанстве» Горького [Электронный ресурс] / П. Басинский. – Режим доступа: http://som.fio.ru/item.asp?id=10011805.

3. Горький, М. Собрание сочинений. В 30 т. [Текст] / М. Горький. – М. : ГИХЛ, 1949–1955.

4. Иванов, Н. Н. Мифопоэтическая парадигма художественных поисков в литературе русского неореализма [Текст] / Н. Н. Иванов // Верхневолжский филологический вестник = Verhnevolzhski Philological Bulletin : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. – № 1. – С. 28–31.

5. Иванов, Н. Н. Мотивы и образы национальной культуры в прозе русского неореализма [Текст] / Н. Н. Иванов // Вестник Костромского государственного университета : научно-методический журнал. – Кострома : РИО КГУ, 2017. – С. 101–104.

6. Иванов Н. Н. Языческая культура в прозе М. Горького [Текст] / Верхневолжский филологический вестник = Verhnevolzhski Philological Bulletin: научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. – № 3. – С. 16–19.

7. Кобылко, Н. А. Мифологема как ключевое понятие мифокритики: современные подходы [Электронный ресурс] / Н. А. Кобылко // Современная филология: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Уфа, июнь 2014 г.). – Уфа: Лето, 2014. – С. 4–6. – Режим доступа: https://moluch.ru/conf/phil/archive/108/5817/.

8. Колобаева, Л. Горький и Ницше [Текст] / Л. Колобаева // Вопросы литературы, 1990. – № 10.

9. Кормилов, С. И. Мифопоэтика М. Горького («Старуха Изергиль») [Электронный ресурс] / С. И. Кормилов // Научная конференция «Горький сегодня. К 150-летию со дня рождения» / МГУ имени М. В. Ломоносова. Филологический факультет. Кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса / Москва, 21 марта 2018 г. – Режим доступа: philol.msu.ru›dcx/Gorkiy2018_programma.pdf.

10. Леднева, Т. П. Проблема поэтики раннего М. Горького в критическом и историко-литературном осмыслении 1920–2000-х гг. (статья вторая) [Текст] / Т. П. Леднева // Вестник Удмуртского университета. История и филология. – Ижевск : РИО УДГУ, 2008.

11. Личная библиотека А. М. Горького в Москве [Текст] / Описание в двух книгах. – М. : Наука, 1981.

12. Максим Горький – художник: проблемы, итоги и перспективы изучения: Горьковские чтения – 2000: Материалы международной конференции [Текст] / Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН и др. – Н. Новгород : РИО ННГУ, 2002.

13. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа [Текст] / Е. М. Мелетинский / 3-е издание. – М. : РАН, 2000. – 407 с.

14. М. Горький: уроки истории. Горьковские чтения 2014 г.: Материалы XXXVI Международной научной конференции [Текст]. – Н. Новгород : ООО «БегемотНН», 2016. – 395 с.

15. Мировое значение М. Горького [Текст] / Международная научная конференция, приуроченная к 150-летию со дня рождения писателя / Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. – Москва, 28–30 марта 2018 г.

16. Певцова, Р. Т. Максим Горький и Фридрих Ницше [Текст] / Р. Т. Певцова. – М. : Альфа, 2002.

17. Переписка М. Горького. В 2-х т. : Т. 1,2 [Текст]. – М. : Художественная литература, 1986.

18. Пиксанов, Н. К. Горький и фольклор [Текст] / Н. К. Пиксанов. – Л., 1935.

19. Потебня А. А. Слово и миф [Текст] / А. А. Потебня. – М. : Правда, 1989. – 624 с.

20. Пропп, В. Я. Собрание трудов. Т.1,2. Морфология [Текст] / Историч. корни волшебной сказки. Поэтика фольклора / В. Я. Пропп. – М., 1998.

21. Спиридонова, Л. А. Горьковедение на рубеже веков [Электронный ресурс] / Л. А. Спиридонова. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/document/533633.html.

22. Спиридонова, Л. А. Горьковедение на современном этапе развития [Текст] / Л. А. Спиридонова // Studia Litterarum. 2016. Том 1, № 3–4. Научная жизнь. – С. 419–433.

23. Спиридонова, Л. А. Настоящий Горький: мифы и реальность. – 2-е издание, измен. [Текст] / Л. А. Спиридонова. – Н. Новгород : ООО «БегемотНН», 2016. – 384 с.

24. Трубецкой, Е. Иное царство и его искатели в русской народной сказке [Текст] / Е. Трубецкой. – М. : Лепта, 2000. – 320 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Afanas'ev, A. N. Slavjanskaja mifologija (Pojeticheskie vozzrenija slavjan na prirodu; Proishozhdenie mifa) [Tekst] / A. N. Afanas'ev. – M. : Jeksmo, SPb. : Midgard, 2008. – 1520 s.

2. Basinskij, P. K voprosu o «nicsheanstve» Gor'kogo [Jelektronnyj resurs] / P. Basinskij. – Rezhim dostupa: http://som.fio.ru/item.asp?id=10011805.

3. Gor'kij, M. Sobranie sochinenij. V 30 t. [Tekst] / M. Gor'kij. – M. : GIHL, 1949–1955.

4. Ivanov, N. N. Mifopojeticheskaja paradigma

hudozhestvennyh poiskov v literature russkogo neorealizma [Tekst] / N. N. Ivanov // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik = Verhnevolzhski Philological Bulletin : nauchnyj zhurnal. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2017. – № 1. – S. 28–31.

5. Ivanov, N. N. Motivy i obrazy nacional'noj kul'tury v proze russkogo neorealizma [Tekst] / N. N. Ivanov // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta : nauchno-metodicheskij zhurnal. – Kost-roma : RIO KGU, 2017. – S. 101–104.

6. Ivanov N. N. Jazycheskaja kul'tura v proze M. Gor'kogo [Tekst] / Verhnevolzhskij filologiche-skij vestnik = Verhnevolzhski Philological Bulletin: nauchnyj zhurnal. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2017. – № 3. – S. 16–19.

7. Kobylko, N. A. Mifologema kak kljuchevoe ponjatie mifokritiki: sovremennye podhody [Jelektronnyj resurs] / N. A. Kobylko // Sovremennaja filologija: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. (g. Ufa, ijun' 2014 g.). – Ufa: Leto, 2014. – S. 4–6. – Rezhim dostupa: https://moluch.ru/conf/phil/archive/108/5817/.

8. Kolobaeva, L. Gor'kij i Nicshe [Tekst] / L. Kolobaeva // Voprosy literatury, 1990. – № 10.

9. Kormilov, S. I. Mifopojetika M. Gor'kogo («Staruha Izergil'») [Jelektronnyj resurs] / S. I. Kormilov // Nauchnaja konferencija «Gor'kij segodnja. K 150-letiju so dnja rozhdenija» / MGU imeni M. V. Lomonosova. Filologicheskij fakul'tet. Kafedra istorii novejshej russkoj literatury i sovremenno-go literaturnogo processa / Moskva, 21 marta 2018 g. – Rezhim dostupa: philol.msu.ru›dcx/Gorkiy2018_programma.pdf.

10. Ledneva, T. P. Problema pojetiki rannego M. Gor'kogo v kriticheskom i istoriko-literaturnom osmyslenii 1920–2000-h gg. (stat'ja vtoraja) [Tekst] / T. P. Ledneva // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istorija i filologija. – Izhevsk : RIO UDGU, 2008.

11. Lichnaja biblioteka A. M. Gor'kogo v Moskve [Tekst] / Opisanie v dvuh knigah. – M. : Nauka, 1981.

12. Maksim Gor'kij – hudozhnik: problemy, itogi i perspektivy izuchenija: Gor'kovskie chtenija – 2000: Materialy mezhdunarodnoj konferencii [Tekst] / In-t mirovoj literatury im. A. M. Gor'kogo RAN i dr. – N. Novgorod : RIO NNGU, 2002.

13. Meletinskij, E. M. Pojetika mifa [Tekst] / E. M. Meletinskij / 3-e izdanie. – M. : RAN, 2000. – 407 s.

14. M. Gor'kij: uroki istorii. Gor'kovskie chtenija 2014 g.: Materialy XXXVI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Tekst]. – N. Novgorod : OOO «BegemotNN», 2016. – 395 s.

15. Mirovoe znachenie M. Gor'kogo [Tekst] / Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija, priurochennaja k 150-letiju so dnja rozhdenija pisatelja / Institut mi-rovoj literatury im. A. M. Gor'kogo RAN. – Moskva, 28–30 marta 2018 g.

16. Pevcova, R. T. Maksim Gor'kij i Fridrih Nicshe [Tekst] / R. T. Pevcova. – M. : Al'fa, 2002.

17. Perepiska M. Gor'kogo. V 2-h t. : T. 1,2 [Tekst]. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1986.

18. Piksanov, N. K. Gor'kij i fol'klor [Tekst] / N. K. Piksanov. – L., 1935.

19. Potebnja A. A. Slovo i mif [Tekst] / A. A. Potebnja. – M. : Pravda, 1989. – 624 s.

20. Propp, V. Ja. Sobranie trudov. T.1,2. Morfologija [Tekst] / Istorich. korni volshebnoj skazki. Po-jetika fol'klora / V. Ja. Propp. – M., 1998.

21. Spiridonova, L. A. Gor'kovedenie na rubezhe vekov [Jelektronnyj resurs] / L. A. Spiridonova. – Rezhim dostupa: http://www.ruthenia.ru/document/533633.html.

22. Spiridonova, L. A. Gor'kovedenie na sovremennom jetape razvitija [Tekst] / L. A. Spiridonova // Studia Litterarum. 2016. Tom 1, № 3–4. Nauchnaja zhizn'. – S. 419–433.

23. Spiridonova, L. A. Nastojashhij Gor'kij: mify i real'nost'. – 2-e izdanie, izmen. [Tekst] / L. A. Spiridonova. – N. Novgorod : OOO «BegemotNN», 2016. – 384 s.

24. Trubeckoj, E. Inoe carstvo i ego iskateli v russkoj narodnoj skazke [Tekst] / E. Trubeckoj. – M. : Lepta, 2000. – 320 s.

Reference List

1. Afanasiev A. N. Slavic mythology (Poetic views of Slavs on the nature; Origin of the myth) / A. N. Afanasiev. – M. : Eksmo, SPb. : Midgard, 2008. – 1520 pages.

2. Basinsky P. To the question of Gorky's «nitssheanstvo» (Nietzsche movement) [An electronic resource] / P. Basinsky. – Access mode: http://som.fio.ru/item.asp?id=10011805.

3. Gorky M. Complete works. In 30 v. / M. Gorky. – M. : GIHL, 1949–1955.

4. Ivanov N. N. A mythopoetic paradigm of art search in literature of the Russian neo-realism / N. N. Ivanov // Verkhnevolzhsky Philological Bulletin: scientific magazine. – Yaroslavl : RIO YSPU, 2017. – No. 1. – Page 28–31.

5. Ivanov N. N. Motives and images of national culture in prose of the Russian neo-realism / N. N. Ivanov // Bulletin of Kostroma State University: scientific and methodical magazine. – Kostroma : RIO KSU, 2017. – Page 101–104.

6. Ivanov N. N. Pagan culture in prose of M. Gorky / Verkhnevolzhsky Philological Bulletin: scientific magazine. – Yaroslavl : RIO YSPU, 2017. – No. 3. – Page 16–19.

7. Kobylko N. A. Mithologem as a key concept of mythcritics: modern approaches [An electronic resource] / N. A. Kobylko // Modern philology: materials of the III International scientific conference. (Ufa, June, 2014). – Ufa : Leto, 2014. – Page 4–6. – Access mode: https://moluch.ru/conf/phil/archive/108/5817/.

8. Kolobaeva L. Gorky and Nietzsche / L. Kolobaeva // Questions of literature, 1990. – No. 10.

9. Kormilov S. I. Mithopoetics of M. Bitter («Old woman Izergil») [An electronic resource] / S. I. Kormilov // Scientific conference «Gorky today. To the 150 anniversary since birth» / Lomonosov Moscow State University. Philological Faculty. Department of history of the latest Russian literature and modern literary

process / Moscow, on March 21, 2018 – the access Mode: philol.msu.ru›dcx/Gorkiy2018_programma.pdf.

10. Ledneva T. P. Problem of early M. Gorky's poetics in critical and historic-literary judgment of the 1920–2000s (article second) / T. P. Ledneva//Messenger of Udmurt University. History and Philology. – Izhevsk : RIO UDSU, 2008.

11. A private library of A. M. Gorky in Moscow / Description in two books. – M. : Nauka, 1981.

12. Maxim Gorky is an artist: problems, results and prospects of studying: Gorky readings – 2000: Materials of the international conference / Institute of the world literature named after A. M. Gorky of RAS, etc. – N. Novgorod : RIO NNSU, 2002.

13. Meletinsky E. M. Poetics of the myth / E. M. Meletinsky / 3rd edition. – M. : RAN, 2000. – 407 pages.

14. M. Gorky: history lessons. Gorky readings 2014: Materials of the XXXVI International scientific conference. – N. Novgorod : LLC BegemotNN, 2016. – 395 pages.

15. World value of M. Gorky / the International scientific conference dated for the 150 anniversary since the writer's birth / Institute of the world literature name dafter A. M. Gorky of RAS. – Moscow, on March 28-30, 2018.

16. Pevtsova R. T. Maxim Gorky and Friedrich Nietzsche / R. T. Pevtsova. – M. : Alfa, 2002.

17. M. Gorky's correspondence. In 2 v.: V. 1,2. – M. : Khudozhestvennaya Literatura, 1986

18. Piksanov N. K. Gorky and folklore / N. K. Piksanov. – L., 1935.

19. Potebnya A. A. Word and myth / A. A. Potebnya. – M. : Pravda, 1989. – 624 pages.

20. Propp V. Ya. Collection of works. V.1, 2. Morphology / Historical roots of the magic fairy tale. Folklore poetics / V. Ya. Propp. – M, 1998.

21. Spiridonova L. A. Study on Gorky at the turn of the century [Electronic resource] / L. A. Spiridonova. – Access mode: http://www.ruthenia.ru/document/533633.html.

22. Spiridonova L. A. Study on Gorky at the present stage of development / L. A. Spiridonova // Studia Litterarum. 2016. Volume 1, No. 3-4. Scientific life. – Page 419–433.

23. Spiridonova L. A. Real Gorky: myths and reality. – 2nd edition, changed / L. A. Spiridonova. – N. Novgorod : LLC Begemotnn, 2016. – 384 pages.

24. Trubetskoy E. Other kingdom and its seekers in the Russian national fairy tale / E. Trubetskoy. – M. : Lepta, 2000. – 320 pages.

Дата поступления статьи в редакцию: 13.02.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10038
УДК 821.161.1

Т. Г. Кучина
https://orcid.org/0000-0002-1837-8429

Д. Н. Ахапкина
https://orcid.org/0000-0003-4408-3648

Искусство лжи как «предвестие истины»: о металитературных аспектах рассказов И. Бабеля

В статье рассматривается проблема взаимодействия искусства и реальности в рассказах Исаака Бабеля и смысловые отношения, выстраивающиеся в его художественном мире между понятиями лжи (вымысла) и искусства–реальности–истины. В рассказах формируется устойчивая сеть взаимосвязанных сквозных микротем: это трактовка искусства / художественного вымысла как «лжи» – и одновременно как высшей правды, доступной персонажам лишь в моменты творческих озарений; репрезентация героя, наделенного творческим даром, как лжеца, фантазера – и одновременно как обладателя истины; «жанровость» житейских ситуаций и стилевая регламентированность их нарративного оформления; связь искусства и смерти. В аксиологических координатах творчества И. Бабеля «ложь» / искусство находятся заведомо выше прозаической и скучной «правды жизни» – только они обладают подлинностью смыслов. Повторяющиеся черты бабелевских героев – это придумывание себе альтернативной и, как правило, драматически насыщенной биографии («Мой первый гонорар» / «Справка», «В подвале»), построение собственного прошлого и настоящего в системе литературных аллюзий, интертекстов, прямых цитат, известных сюжетных ходов. Вследствие этого искусство «перетекает» в действительность и даже отчасти замещает ее («Гюи де Мопассан», «Ди Грассо»). Однако искусство, давая власть над реальностью, взамен требует всю жизнь художника.

Ключевые слова: Бабель, искусство, вымысел, метапоэтика, претекст, мотив, метасюжет.

T. G. Kuchina, D. N. Akhapkina

The Art of Lie as «a Premonition of Truth»: Metapoetical Features of I. Babel's Short Stories

The subject of this article is interaction of the art and the reality in I. Babel's short stories as well as the semantic relations, which are built in the world of his creative works between the concepts of lie / fiction, art, reality and truth. A stable network of interrelated microthemes is formed in the short stories, such as the interpretation of art/fiction as «a lie» and at the same time a higher truth that becomes available for the characters by means of the inspiration flash only; the representation of a character having a creative genius as a liar or a dreamer as well as a holder of the verity; the everyday situations «fitting» literary genres and the style regulation of the narrative; the connection of the art and death. The «lie» / art is deliberately above – as the authentic senses belong to them – the prosaic and boring facts of life according to Babel's art axiological coordinates. A repetitive feature of Babel's characters is making up their own alternative biography («My First Fee» / «Answer to an Inquiry», «In The Basement»), creating their past and present in the system of literary allusions, intertexts, quotations, which leads to art «flowing» into reality and partly substituting it («Guy de Maupassant», «Di Grasso»). But the art giving the power over the reality requires the life of the artist instead.

Keywords: Babel, art, fiction, metapoetics, pretext, motive, metatheme.

Тема взаимоотношения, взаимопроникновения и взаимовлияния искусства и жизни – одна из магистральных в произведениях И. Э. Бабеля. Впервые обратившись к ней в ранних рассказах («Вечер у императрицы» 1922 г., «Пан Аполек» 1923 г., «В подвале» 1929 г., дата первой публикации – 1931 г.), писатель на протяжении всего творчества обыгрывает ее во всевозможных вариациях. Помимо упомянутых произведений мы обратимся также к четырем другим рассказам разных лет: «Гюи де Мопассан» (1932), «Улица Данте» (1934), «Ди Грассо» (1937) и «Справка» / «Мой первый гонорар» (разные версии одного сюжета; оба рассказа опубликованы посмертно – в 1966 г. и 1963 г. соответственно. Авторская датировка «Моего первого гонорара» – 1922–1928).

Связь жизни и слова в рассказах Бабеля – тот аспект творчества писателя, который с разной степенью подробности рассматривался в работах отечественных и зарубежных ученых [9; 10; 11; 12; 13; 15; 17; 18; 20; 21; 22; 24; 25]. Наиболее объемное освещение он получил, пожалуй, в ис-

© Кучина Т. Г., Ахапкина Д. Н., 2018

следованиях А. Жолковского и М.Ямпольского [5; 6; 7 и 8]; по утверждению авторов, анфилада подтекстов, претекстов и аллюзий в рассказах И. Бабеля воспроизводит динамизм жизненных процессов. Рассматривая литературные аллюзии в тексте новеллы «Гюи де Мопассан», А. Жолковский приходит к выводу о «подражании» реальности искусству и о переносе в жизнь героев рассказов Бабеля чувств и коллизий, случающихся с персонажами читаемых (или прочитанных) ими произведений; сегодня это одна из прочно утвердившихся идей в работах, посвященных творчеству писателя.

Об особом типе бабелевского героя-рассказчика, предпочитающего искусство реальности (его сам автор характеризует как «лживого мальчика»), писала Р. Дж. Стэнтон. Отличительными чертами такого героя становятся «склонность к <…> приукрашиванию реальных событий, метафорическое предпочтение «поэзии», то есть искусства, «прозе», то есть реальности <…> творческое использование анахронизма» [14, с. 313]. В бабелевских категориях «цвета» (красоты и свободы искусства) и «линии» (жизненной рутины, от которой искусство дарует спасение) размышляют над той же проблемой В. Эрлих [16] и В. Террас [23].

К проблеме взаимоотношений сценической игры (и игровых стратегий в широком смысле) и текстуальной реальности Бабеля обращается Г. С. Жарников [3; 4]. Исследователь отмечает склонность Бабеля мистифицировать собственную биографию, выступать в ролевой маске, артистически обманывать ожидания, внося в жизненную рутину праздничные краски [3, с. 53–54]. Характеризуя «театральный нарратив», Г. С. Жарников приходит к выводу о том, что гротеск и подчеркнутая зрелищность, свойственные ярмарочным представлениям и мистериям, являются главными способами конструирования образа героев и мира «Конармии» [4, с. 99]. Мы не будем подробно останавливаться на этом аспекте взаимоотношений действительности и вымысла (как и на самом тексте «Конармии» – за исключением «Пана Аполека»), но к связи театра как вида искусства и самой жизни обратимся в дальнейшем.

Основной целью данного исследования является экспликация сквозного для прозы Бабеля метасюжета взаимодействия реальности и искусства и характеристика его роли в структуре бабелевского художественного мира.

Среди важнейших содержательных аспектов выделяемого нами метасюжета сразу отметим следующие:

− трактовка искусства / художественного вымысла как «лжи» – и одновременно как высшей правды, доступной персонажам лишь в моменты творческих озарений;

− репрезентация героя, наделенного творческим даром, как «лживого мальчика» / переводчика / безответственного фантазера / сочинителя историй;

− «жанровость» житейских ситуаций и стилевая регламентированность их нарративного оформления;

− связь искусства и смерти (в анализе этого аспекта мы опираемся на представления М. Бланшо [2]).

Литературные коллизии в бабелевских сюжетах то и дело прорывают ткань действительности, воплощаясь в реальности и облагораживая ее. Не властные исправить саму жизнь, они вносят в нее ароматы культуры и меняют ее восприятие, делая неприглядное возвышенным, а обыденное – особенным. Так, в рассказе «Улица Данте» абстрактные размышления о любви из уст синьоры Рокки, отсылающие к «Божественной комедии» (о связи этих текстов подробно пишет А. Жолковский [6; 7]), звучат в связи с вполне реальным убийством, которое, не будь оно соотнесено с дантовским претекстом, было бы рядовым криминальным происшествием. Ситуация, описанная в «Моем первом гонораре», сама по себе не представляет никакого интереса (рассказчик вымышленной биографией «мальчика у армян» вызывает жалость и нежность у проститутки, признавшей в юноше «нашу сестру – стерву» [1, Т. 2, с. 252]), но история, спонтанно родившаяся как ложь, оказывается воспринята как искусство, – и это превращает ее в металитературный сюжет – о творчестве (в котором всегда есть место литературным клише, но ценится только «человеческая правда») и закономерностях его восприятия.

Из лжи, из рассказов о вымышленных, никогда не существовавших событиях и чувствах, рождается подлинная действительность (не совпадающая с окружающей и недолговечная, непрочная по своим экзистенциальным качествам). Страсть между Раисой и рассказчиком в «Гюи де Мопассане» вспыхивает «в подражание» (А. Жолковский) персонажам из переводимой новеллы «Признание»; в «Ди Грассо» театральное представление трогает до слез, казалось бы, неспособную на глубокие чувства жену Коли Шварца, так что она

требует от мужа проявить милосердие и отдать несчастному главному герою его часы.

Роль «лживого мальчика» оказывается обязательным компонентом в рассматриваемом нами метасюжете: герои рассказов Бабеля зачастую либо предпочитают искусство реальности, либо при помощи искусства творят себе реальность получше. В картине мира бабелевских героев даже самый странный и нелепый вымысел зачастую выигрывает у неопровержимых прописных истин – и на аксиологической шкале находится заведомо выше прозаической и скучной «правды жизни». Рассказ «В подвале» представляет оппозицию факта и вымысла следующим образом: себя герой-рассказчик характеризует как «лживого мальчика» с вечно воспламененным воображением, а своего друга и одновременно антагониста Марка Боргмана – как «первого ученика», способного, однако, лишь к «ученому бормотанию». В фактографически точном рассказе Марка о смерти Спинозы «не было поэзии», в то время как герою-рассказчику гибель философа представлялась «битвой»: «Синедрион вынуждал умирающего покаяться, он не сломился. Сюда же я припутал Рубенса. Мне казалось, что Рубенс стоял у изголовья Спинозы и снимал маску с мертвеца» [1, Т. 2, с. 179]. Память (сильная сторона Боргмана) совершенно недвусмысленно заменяется для героя-рассказчика воображением; историю своей семьи (например, биографии деда и дядьки) он беззастенчиво сочиняет от начала и до конца: они «объездили весь свет и испытали тысячи приключений <…> Сознание невозможного тотчас же оставило меня, я провел дядьку Вольфа сквозь русско-турецкую войну – в Александрию, Египет» [1, Т. 2, с. 181]. Однако обходиться с правдой (а она едва ли не ярче и удивительнее, чем все его неудержимые фантазии) «лживый мальчик» еще не умеет, – и этим открытием героя И. Бабель делает новый шаг в развертывании метасюжетной схемы: безоговорочная правота искусства – ибо вне «поэзии» нет правды – может не только превосходить унылую достоверность действительности, но и парадоксальным образом ей уступать: «Существовало другое, много удивительнее, чем то, что я придумал» [1, Т. 2, с. 181]. Истина и искусство в творческом сознании И. Бабеля не противопоставлены – но и не отождествлены; иными словами, без «поэзии» (ничем не скованного воображения и демиургического восторга) к истине не подобраться, но и самой «поэзии» (фантазии) истина не равна.

Особой разновидностью «лживости» становится альтернативное варьирование тех «параметров» частного бытия, которые не мыслятся изменяемыми: родины, родителей, родного языка, прошедшего детства. Так, если герои И. Бабеля влюбляются в культуру чужой страны, то они будто бы «поселяются» там: например, в «Солнце Италии» сосед рассказчика Сидоров в своем «здравомыслящем безумии» [1, Т. 2, с. 27], воюя в Польше, осваивает по самоучителю итальянский язык, размечает альбомы Рима, хранит снимок королевской семьи постоянно при себе, словно это его собственные родственники, и мечтает уехать в Италию («Италия вошла в сердце как наваждение» [1, Т. 2, с. 28]). В рассказе «Гюи де Мопассан» второстепенный герой Казанцев, никогда не бывавший в Испании, знает в ней «все замки, сады и реки» [1, Т. 2, с. 217]; более того, он и самый счастливый человек в своей богемной среде: «У него была родина – Испания» [1, Т. 2, с. 217].

Альтернативную биографию выдумывает себе и герой «Справки» / «Моего первого гонорара» – мы упоминали об этом ранее и теперь остановимся на рассказе более подробно. Случайная выдумка, почти оговорка, сорвавшаяся с губ в диалоге с Верой («–Или ты вор?... – Я не вор. – Нинкуешь у воров?.. – Я мальчик. – Вижу, что не корова… – Мальчик, – закричал я, – ты понимаешь, мальчик у армян» [1, Т. 2, с. 250]), потребовала продолжения – и переросла в богато расцвеченный подробностями сюжет. «Как взбрели мне на ум бронзовые векселя – кто знает? – но я сделал правильно, упомянув о них. Вера поверила всему, услышав о бронзовых векселях» [1, Т. 2, с. 251]. Украденный у какого-то писателя «церковный староста» едва не испортил историю – слишком заметным оказалось его сугубо «литературное» происхождение; однако стоило «вдвинуть астму в желтую грудь старика» [1, Т. 2, с. 251], как дело пошло на лад: рассказчик уже сам верит в свою новую, свежесочиненную биографию с искореженным детством («Жалость к себе разрывала мне сердце <…> Дрожь горя и вдохновения корчила меня» [1, Т. 2, с. 251]), а Вера всем сердцем сочувствует «сестре» по несчастью («Голова Веры пошатывалась. – Значит – бляха… Наша сестра – стерва…» [1, Т. 2, с. 252]). Герой-рассказчик делает еще один шаг в понимании природы творчества и взаимоотношений его с реальностью: «Хорошо придуманной истории незачем походить на действительную жизнь; жизнь изо всех сил старается походить на хорошо придуманную историю» [1, Т. 2, с. 250]. Показательно, что в «Гюи де Мопассане» именно

попытка честно рассказать Раисе о своем детстве оказывается осмыслена героем как эстетическая неудача: «Я не утерпел и рассказал ей о моем детстве. Рассказ вышел мрачным, к собственному моему удивлению» [1, Т. 2, с. 220]. Действительность, таким образом, потерпела поражение от искусства.

Вообще, идея превосходства хорошего вымысла над дурной реальностью зачастую артикулируется напрямую то самим «лживым» рассказчиком, то другими героями. О сицилийском трагике Ди Грассо говорится, что он «…каждым словом и движением своим утвержда<л>, что в исступлении благородной страсти больше справедливости и надежды, чем в безрадостных правилах мира» [1, Т. 2, с. 237]. Соприкосновение с искусством Ди Грассо преображает не только героев, но и мир вокруг них. В Театральном переулке после оглушительного успеха итальянской труппы начинают появляться «зеленые бутыли вина» и «бочонки с маслинами», в «пенистой воде» кипят макароны, громко кричат старухи-торговки, и этот уголок Одессы будто бы превращается в филиал Италии. Искусство и творчество вообще порой становятся почти физически ощутимыми: процесс создания текста в «Гюи де Мопассане» описывается героем в ремесленных («прорубал просеки в чужом переводе» [1, Т. 2, с. 219]) и технических категориях («Фраза рождается на свет хорошей и дурной в одно и то же время. Тайна заключается в повороте <…> Рычаг должен лежать в руке и обогреваться. Повернуть его надо один раз, а не два» [1, Т. 2, с. 219]). Появляются и «вещественные» метафоры: литературные приемы названы «всеми родами оружия» на службе у армии слов, а точка, поставленная вовремя, связывается с железом, способным «леденяще» войти в человеческое сердце.

Другой пример «правды искусства» находим в рассказе «Пан Аполек»: защищая художника Аполека, писавшего крестьян-заказчиков в образах святых (в результате чего получались наивные «Иосифы с расчесанной надвое сивой головой, напомаженные Иисусы, многорожавшие деревенские Марии с поставленными врозь коленями» [1, Т. 2, с. 22], но заказчики охотно принимают такую трактовку святости), один из горожан замечает, что в его картинах, возможно, «больше истины» [1, Т. 2, с. 23], чем в резонном возмущении викария подобным святотатством. Когда «настоящая» и неприглядная реальность сталкивается с той, что открывается попавшим под воздействие искусства героям, те охотно «обманываться рады» и, не забывая о существовании действительности, с упоением верят в предложенный вымысел. Искусство и истина непременно соприкасаются – но зоны контакта изменчивы и нестойки.

Противостояние реальности и вымысла иногда принимает форму эскапизма, например, в рассказе «Вечер у императрицы», где герой, нашедший пристанище на ночь в Аничковом дворце, спасается от темноты и холода снаружи, погрузившись в чтение и предаваясь грезам об ушедших людях и эпохах.

Трактовку искусства как защиты можно найти в рассказе «В подвале»: сюжетная реализация метафоры строится на том, что из пошлой семейной склоки «лживый мальчик» стремится перескочить в сюжет Шекспира (где запросто могут «убить всерьез», но зато из благородных побуждений, а не в домашней сваре). Герой-рассказчик силится отвлечь внимание приглашенного приятеля от безобразных домашних сцен: «Чтобы заглушить мою тревогу, я закричал словами Антония» [1, Т. 2, с. 184]. Отчаянные попытки мальчика «перекричать все зло мира» [1, Т. 2, с. 185] ожидаемо терпят крах: речь, оказавшая огромное влияние на римский народ, не тронула ни пьяного дядю, ни полоумного деда, ни оцепеневшего от всего происходящего товарища.

Отсюда – значимая мотивная связь искусства и смерти (на нее применительно к другим рассказам И.Бабеля уже указывали М.Ямпольский [8], Р.Дж. Стэнтон [14], Нильссон [19]; мы развернем и конкретизируем сделанные ими наблюдения): из смерти Цезаря «родилось» искусство Шекспира (монолог Антония), но неудавшаяся попытка заместить им реальность оказывается катастрофической в сознании героя-рассказчика – и он решает покончить с собой. Проблема, однако, в том, что в пошлом мире, победившем высокую смерть Цезаря вздорным «ежедневным представлением» [1, Т. 2, с. 184] деда и дядьки с матерщиной и проклятьями, даже утопиться как следует не получается: мальчик залезает в кадку с водой, из которой его, едва он опустил голову в надежде захлебнуться, немедленно достает дед. Шекспировская трагедия превращается в фарс, катарсис заменяется гротескным, карнавальным резюме со стороны «спасителя»: «Мой внук, – он выговорил эти слова презрительно и внятно, – я иду принять касторку, чтобы мне было что принесть на твою могилу» [1, Т. 2, с. 186]. Ярко раскрашенную и сопровожденную неправдоподобно убедительными деталями смерть Спинозы из начала рассказа герою повторить не удалось – в эпизоде неудавшегося самоубийства постоянно выпирают крупным пла-

ном прозаические, нарочито диссонирующие с трагедийностью чувств вещественные детали: «вода хлюпала вокруг меня», «единственный зуб <деда> звенел», «дед дернул бороду» [1, Т. 2, с. 186].

Важна связь искусства и смерти в сюжете рассказа «Улица Данте»: убийство Бьеналя «возвышено» и едва ли не оправдано аллюзией на «Божественную комедию» Данте; историю художнических исканий пана Аполека рефреном сопровождает реплика костельного служки Робацкого: «Тен чло́век не умрет на своей постели» [1, Т. 2, с 23, 25] – поскольку присвоенное себе паном Аполеком право «преображения» обыкновенных грешников в святых неминуемо потребует «полной гибели всерьез».

В «Пане Аполеке» есть и другой вариант связки между мотивами искусства и смерти: разглядывая икону с изображением Иоанна Крестителя («Голова Иоанна была косо срезана с ободранной шеи <…> Лицо мертвеца показалось мне знакомым. *Предвестие тайны коснулось меня*» (курсив авторов статьи) [1, Т. 2, с. 18]), герой-рассказчик понимает, что «мертвая голова» списана с вполне живого пана Ромуальда, помощника ксендза. Искусство – даже если это наивные рисунки бродячего художника – способно одновременно удерживать жизнь и проникать за завесу смерти, предъявляя ее в осязаемых деталях.

Однако, пожалуй, еще более значима цитатная отсылка из рассказа «Пан Аполек» к более позднему «Гюи де Мопассану», финальная фраза которого звучит так: «*Предвестие истины коснулось меня*» (курсив авторов статьи) [1, Т. 2, с. 223]. Очевидно, что на протяжении нескольких лет в творческом сознании И. Бабеля сохраняла актуальность мотивная связка искусства–тайны–истины–смерти: в «Пане Аполеке» ремарка повествователя про «предвестие тайны» появляется в момент, когда он смотрит на икону «Смерть Крестителя», а в «Гюи де Мопассане» предвестие истины настигает героя тогда, когда он дочитывает книгу Эдуарда Мениаля, завершающуюся записью о смерти писателя: «Monsieur de Maupassant va s'animaliser («Господин Мопассан превратился в животное»). Он умер сорока двух лет» [1, Т. 2, с. 223]). В позднем рассказе трагические, если не скорбные, коннотации «предвестия истины» отчетливо усиливаются (и показательно, что «тайна» сменяется «истиной» – раскрытой, постигнутой тайной). Герой-рассказчик, еще недавно упивавшийся солнцем Франции из новелл Мопассана и любовью Раисы (и заодно мускатом 1883 года), ощущает холодок потусторонности, к нему приходит печальное, «леденящее сердце» знание – о том, что искусство, давая власть над реальностью, взамен требует всю жизнь художника.

Таким образом, смысловые отношения между ложью (вымыслом, фантазией) и искусством–реальностью–истиной в художественном мире И. Бабеля можно описать так: ложь есть самый важный, неотменимый фермент искусства, которое в экстраполяции на реальность высвечивает, открывает ее сущностные свойства – и тем самым ведет героя (фантазера, выдумщика, творца) к истине.

Библиографический список

1. Бабель, И. Э. Сочинения. В 2 т. [Текст] / И. Э. Бабель. – М. : Худож. лит., 1990.

2. Бланшо, М. Ожидание забвение [Текст] / М. Бланшо. – СПб. : «Амфора», 2000. – 176 с.

3. Жарников, Г. С. Игра как ценностное переживание мира (Игровые стратегии Бабеля) [Текст] // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2017. – № 1.2. – С. 53–57.

4. Жарников, Г. С. Мистерия и балаган русской революции (о «Конармии» Исаака Бабеля) [Текст] // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – № 6. – С. 96–100.

5. Жолковский, А. К. Белая кляча судьбы, рыцарь Галеот и наука страсти нежной [Текст] // Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век. Сборник материалов Международной научной конференции в Государственном литературном музее 23–26 июня 2014 г. – М. : Книжники, 2016. – С. 204–231.

6. Жолковский, А. К. Секреты «этой свиньи Морена» [Текст] // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 4 (122). – С. 179–197.

7. Жолковский, А. К. «Улица Данте». Топография, топонимика и топика парижской новеллы Бабеля [Текст] // Новое литературное обозрение. – 2014. – №6 (130). – С. 216–230.

8. Жолковский, А. К., Ямпольский, М. Б. Бабель [Текст] / А. К. Жолковский, М. Б. Ямпольский. – М. : «Carte Blanche», 1994. – 446 с.

9. Ланин, Б. А. Исаак Бабель в современном мире [Текст] // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2017. – № 1. – С. 117–120.

10. Маркина, П. В. Особенности одесского текста Бабеля [Текст] // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – №5 (54). – С. 402–404.

11. Обухова, И. А. «Смеховое слово» в отечественной «малой прозе» 20-х годов XX века (И. Э. Бабель, М. М. Зощенко, М. А. Булгаков, П. С. Романов) [Текст] / И. А. Обухова. – Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, 2012. – 185 с.

12. Погорельская, Е. И. Исаак Бабель: проблемы текстологии и комментирования [Текст] // Вопросы литературы. – 2017. – № 1. – С. 172–212.

13. Розенсон, Д. Исаак Бабель как «когнитивный инсайдер» и «социальный аутсайдер» [Текст] // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2013. – № 20 (121). – С. 117–127.

14. Стэнтон, Р. Дж. Юлий Цезарь в подвале: Бабель и Шекспир [Текст] // Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век. Сборник материалов Международной научной конференции в Государственном литературном музее 23–26 июня 2014 г. – М. : Книжники, 2016. – С. 311–322.

15. Carden, P. The Art of Isaac Babel. – Ithaca and London: Cornell University Press, 1972.

16. Erlich, V. Color and Line: The Art of Isaac Babel // Erlich, V. Modernism and Revolution: Russian Literature in Transition. – Cambridge, Massachusetts, 1987. – P. 145–162.

17. Falen, J. Isaac Babel. Russian Master of the Short Story. – Knoxville : The University of Tennessee Press, 1974.

18. Hallet, R. Isaac Babel. – New York : Frederick Ungar, 1972.

19. Nilsson, N. A. Isaac Babel's Story «Guy de Maupassant» // Studies in 20th Century Russian Prose / Ed. by N. A. Nilsson. – Stockholm : Almqvist and Wicksell International, 1982. – P. 212–227.

20. Poggioli, R. Isaac Babel in Retrospect / Ed. by H. Bloom. – New York : Chelsea House, 1987. – P. 47–56.

21. Sicher, E. Style and Structure in the Prose of Isaac Babel. – Columbus, Ohio : Slavica, 1986.

22. Stine, P. Isaac Babel and Violence / Ed. by H.Bloom. – New York : Chelsea House, 1987. – P. 231–248.

23. Terras, V. Line and Color: The Structure of I.Babel's Short Stories in «Red Cavalry» / Ed. by H.Bloom. – New York : Chelsea House, 1987. – P. 97–111.

24. The Enigma of Isaac Babel: Biography, History, Context / Ed. by Gregory Freidin. – Stanford, CA : Stanford University Press, 2009. – 288 p.

25. Trilling, L. The Forbidden Dialectic: Introduction to «The Collected Stories [of Isaac Babel]» / Ed. by H. Bloom. – New York : Chelsea House, 1987. – P. 23–40.

Bibliograficheskij spisok

1. Babel', I. Je. Sochinenija. V 2 t. [Tekst] / I. Je. Babel'. – M. : Hudozh. lit., 1990.

2. Blansho, M. Ozhidanie zabvenie [Tekst] / M. Blansho. – SPb. : «Amfora», 2000. – 176 s.

3. Zharnikov, G. S. Igra kak cennostnoe perezhivanie mira (Igrovye strategii Babelja) [Tekst] // Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija. – 2017. – № 1.2. – S. 53–57.

4. Zharnikov, G. S. Misterija i balagan russkoj revoljucii (o «Konarmii» Isaaka Babelja) [Tekst] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. – № 6. – S. 96–100.

5. Zholkovskij, A. K. Belaja kljacha sud'by, rycar' Galeot i nauka strasti nezhnoj [Tekst] // Isaak Babel' v istoricheskom i literaturnom kontekste: XXI vek. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii v Gosudarstvennom literaturnom muzee 23–26 ijunja 2014 g. – M. : Knizhniki, 2016. – S. 204–231.

6. Zholkovskij, A. K. Sekrety «jetoj svin'i More-na» [Tekst] // Novoe literaturnoe obozrenie. – 2013. – № 4 (122). – S. 179–197.

7. Zholkovskij, A. K. «Ulica Dante». Topografija, toponimika i topika parizhskoj novelly Babelja [Tekst] // Novoe literaturnoe obozrenie. – 2014. – №6 (130). – S. 216–230.

8. Zholkovskij, A. K., Jampol'skij, M. B. Babel' [Tekst] / A. K. Zholkovskij, M. B. Jampol'skij. – M. : «Carte Blanche», 1994. – 446 s.

9. Lanin, B. A. Isaak Babel' v sovremennom mire [Tekst] // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly. – 2017. – № 1. – S. 117–120.

10. Markina, P. V. Osobennosti odesskogo teksta Babelja [Tekst] // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. – 2015. – №5 (54). – S. 402–404.

11. Obuhova, I. A. «Smehovoe slovo» v otechestvennoj «maloj proze» 20-h godov XX veka (I. Je. Babel', M. M. Zoshhenko, M. A. Bulgakov, P. S. Romanov) [Tekst] / I. A. Obuhova. – Ul'janovskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. I. N. Ul'janova, 2012. – 185 s.

12. Pogorel'skaja, E. I. Isaak Babel': problemy tekstologii i kommentirovanija [Tekst] // Voprosy literatury. – 2017. – № 1. – S. 172–212.

13. Rozenson, D. Isaak Babel' kak «kognitivnyj insajder» i «social'nyj autsajder» [Tekst] // Vestnik RGGU. Serija: Istorija. Filologija. Kul'turologija. Vostokovedenie. – 2013. – № 20 (121). – S. 117–127.

14. Stjenton, R. Dzh. Julij Cezar' v podvale: Babel' i Shekspir [Tekst] // Isaak Babel' v istoricheskom i literaturnom kontekste: XXI vek. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii v Gosudarstvennom literaturnom muzee 23–26 ijunja 2014 g. – M. : Knizhniki, 2016. – S. 311–322.

15. Carden, P. The Art of Isaac Babel. – Ithaca and London: Cornell University Press, 1972.

16. Erlich, V. Color and Line: The Art of Isaac Babel // Erlich, V. Modernism and Revolution: Russian Literature in Transition. – Cambridge, Massachusetts, 1987. – P. 145–162.

17. Falen, J. Isaac Babel. Russian Master of the Short Story. – Knoxville : The University of Tennessee Press, 1974.

18. Hallet, R. Isaac Babel. – New York : Frederick Ungar, 1972.

19. Nilsson, N. A. Isaac Babel's Story «Guy de Maupassant» // Studies in 20th Century Russian Prose / Ed. by N. A. Nilsson. – Stockholm : Almqvist and Wicksell International, 1982. – P. 212–227.

20. Poggioli, R. Isaac Babel in Retrospect / Ed. by H. Bloom. – New York : Chelsea House, 1987. – P. 47–56.

21. Sicher, E. Style and Structure in the Prose of Isaac Babel. – Columbus, Ohio : Slavica, 1986.

22. Stine, P. Isaac Babel and Violence / Ed. by H.Bloom. – New York : Chelsea House, 1987. – P. 231–248.

23. Terras, V. Line and Color: The Structure of I.Babel's Short Stories in «Red Cavalry» / Ed. by H.Bloom. – New York : Chelsea House, 1987. – P. 97–111.

24. The Enigma of Isaac Babel: Biography, History, Context / Ed. by Gregory Freidin. – Stanford, CA : Stanford University Press, 2009. – 288 p.

25. Trilling, L. The Forbidden Dialectic: Introduction to «The Collected Stories [of Isaac Babel]» / Ed. by H. Bloom. – New York : Chelsea House, 1987. – P. 23–40.

Reference List

1. Babel I. E. Compositions. In 2 v. / I. E. Babel. – M. : Khudozhestvennaya Literatura., 1990.

2. Blansho M. Expectation oblivion / M. Blansho. – SPb. : «Amfora», 2000. – 176 pages.

3. Zharnikov G. S. Game as valuable experience of the world (Game strategy of Babel) // Bulletin of Samara University. History, pedagogics, philology. – 2017. – No. 1.2. – Page 53–57.

4. Zharnikov G. S. Mystery and a buffoonery of the Russian revolution (about Isaak Babel's «Cavalry») // Bulletin of Kostroma State University. – 2016. – No. 6. – Page 96–100.

5. Zholkovsky A. K. A white jade of destiny, knight Galeot and science of tender passion // Isaak Babel in a historical and literary context: 21st century. The collection of materials of the International scientific conference in the State Literary Museum on June 23-26, 2014 – M. : Knizhniki, 2016. – Page 204–231.

6. Zholkovsky A. K. Secrets of «this pig Moraine» // Novoe Literaturnoe Obozrenie. – 2013. – No. 4 (122). – Page 179–197.

7. Zholkovsky A. K. «Dante Street». Topography, toponymics and topic of the Parisian short story of Babel // Novoe Literaturnoe Obozrenie. – 2014. – No. 6 (130). – Page 216–230.

8. Zholkovsky A. K., Yampolsky M. B. Babel / A. K. Zholkovsky, M. B. Yampolsky. – M. : «Carte Blanche», 1994. – 446 pages.

9. Lanin B. A. Isaak Babel in the modern world // Philological sciences. Scientific reports of the higher school. – 2017. – No. 1. – Page 117–120.

10. Markina P. V. Features of Babel's Odessa text // World of science, culture, education. – 2015. – No. 5 (54). – Page 402–404.

11. Obukhova I. A. «A humorous word» in domestic «small prose» of the 20-s of the 20th century (I. E. Babel, M. M. Zoshchenko, M. A. Bulgakov, P. S. Romanov) / I. A. Obukhova. – Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov, 2012. – 185 pages.

12. Pogorelskaya E. I. Isaak Babel: problems of textual criticism and commenting // Literature Questions. – 2017. – No. 1. – Page 172–212.

13. Rozenson D. Isaak Babel as «the cognitive insider» and «the social outsider» // RSHU Bulletin. Series: History. Philology. Cultural science. Oriental studies. – 2013. – No. 20 (121). – Page 117–127.

14. Stanton R. J. Julius Caesar in the cellar: Babel and Shakespeare // Isaak Babel in a historical and literary context: 21st century. The collection of materials of the International scientific conference in the State Literary Museum on June 23-26, 2014. – M. : Scribes, 2016. – Page 311–322.

15. Carden P. The Art of Isaac Babel. – Ithaca and London : Cornell University Press, 1972.

16. Erlich V. Color and Line: The Art of Isaac Babel // Erlich, V. Modernism and Revolution: Russian Literature in Transition. – Cambridge, Massachusetts, 1987. – P. 145–162.

17. Falen J. Isaac Babel. Russian Master of the Short Story. – Knoxville : The University of Tennessee Press, 1974.

18. Hallet R. Isaac Babel. – New York : Frederick Ungar, 1972.

19. Nilsson N. A. Isaac Babel's Story «Guy de Maupassant» // Studies in 20th Century Russian Prose / Ed. by N. A. Nilsson. – Stockholm : Almqvist and Wicksell International, 1982. – P. 212–227.

20. Poggioli R. Isaac Babel in Retrospect / Ed. by H. Bloom. – New York : Chelsea House, 1987. – P. 47–56.

21. Sicher E. Style and Structure in the Prose of Isaac Babel. – Columbus, Ohio : Slavica, 1986.

22. Stine P. Isaac Babel and Violence / Ed. by H. Bloom. – New York : Chelsea House, 1987. – P. 231–248.

23. Terras V. Line and Color: The Structure of I. Babel's Short Stories in «Red Cavalry» / Ed. by H.Bloom. – New York : Chelsea House, 1987. – P. 97–111.

24. The Enigma of Isaac Babel: Biography, History, Context / Ed. by Gregory Freidin. – Stanford, CA : Stanford University Press, 2009. – 288 p.

25. Trilling L. The Forbidden Dialectic: Introduction to «The Collected Stories [of Isaac Babel]» / Ed. by H. Bloom. – New York : Chelsea House, 1987. – P. 23–40.

Дата поступления статьи в редакцию: 11.02.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

10.24411/2499-9679-2018-10039
УДК 82-1

М. Ю. Егоров
https://orcid.org/0000-0003-0049-1535

Поэтика и прагматика стихотворения И. Ф. Жданова «Если птица – это тень полета…»: метареалистическое расставание

И. Ф. Жданов является поэтом-метареалистом. Обилие сложных метафор выступает важной особенностью его стихотворений. Стихотворение «Если птица – это тень полета…» пронизано мотивами неуверенности, двойственности. В статье прослеживается развитие этих мотивов на формальном и содержательном уровнях. Например, ощущение неуверенности, двойственности подкрепляется первым же словом стихотворения, начинающегося с условного союза: «Если птица – тень полета…». Мотивы ухода, расставания, грусти поддерживаются семантическим ореолом стихотворного размера – стихотворение написано пятистопным хореем. Субъект «я» в стихотворении постепенно разрушается, растворяется в метафорических образах, которыми особенно насыщены второе и третье четверостишия. Исчезает не только грамматическая личная форма, но и чувство, ощущение лирического «я» может только угадываться. Чувства, ощущения не проговариваются, а замещаются рядом сложных иносказательных образов. Особой семантической значимостью наделяется последнее четверостишие, что подчеркивается формальным отличием от остальных строф – в отличие от остальных строф четвертая строфа не заканчиваются стихом с пиррихиями в первой и четвертой стопах (мужское окончание). Ситуация прощания, использованная в «Если птица – это тень полета…», может быть понята как расставание с жестким соответствием означаемого означающему, переход и к ускользающему означающему, и к ускользающему означаемому (И. Ф. Жданов указывал на важность для своей поэзии эллипсиса и фрагмента). Может быть, это прощание с возможностью узурпирования одной-единственной точки зрения, неслучайно же в последнем четверостишии «я» исчезает.

Ключевые слова: метареализм, И. Ф. Жданов, современная поэзия, «Если птица – это тень полета…», двойственность, метаметафоризм, необарокко.

M. Yu. Egorov

Poetics and Pragmatics of I. F. Zhdanov's Poem «If a bird is a shadow of flight …»: Metarealistic Parting

I. F. Zhdanov is a poet-metarealist. The abundance of difficult metaphors is an important feature of his poems. The poem «If the Bird Is a Shadow of Flight …» is penetrated by motives of uncertainty, duality. In the article development of these motives is traced at the formal and substantial levels. For example, the feeling of uncertainty, duality is supported with the first word of the poem beginning with the conditional conjunction: «If a bird is a flight shadow …». Motives of leaving, parting, grief are maintained by a semantic aura of a meter – the poem is written with a pentameter trochee. The subject «I» in the poem collapses gradually, dissolved in metaphorical images, which the second and third quatrains are especially full of. Not only the grammatical personal form disappears, but also the feeling, stirring of lyrical «I» can only be guessed. Feelings, stirrings are not pronounced, but are replaced with a number of difficult allegoric images. The special semantic importance allocates the last quatrain, that is emphasized with the formal difference from other strophes – unlike other strophes the fourth strophe is not ended with a verse with pyrrhics in the first and fourth measures, masculine ending. The parting situation used in «If a bird is a shadow of flight …», can be understood as parting with rigid compliance of the meant one to the meaning one, transition and the escaping meaning one, and the escaping meant one(I. F. Zhdanov pointed to importance of the ellipsis and fragment for the poetry). Perhaps, this parting with a possibility of usurping of the one and only point of view is not casual in the last quatrain «I».

Keywords: metarealism, I. F. Zhdanov, modern poetry, «If a bird is a shadow of flight …», duality, metametaphorism, neo-baroque.

Если птица – это тень полета,
знаю, отчего твоя рука,
провожая, отпустить кого-то
невольна совсем наверняка.

Есть такая кровь с незрячим взором,
что помимо сердца может жить.
Есть такое время, за которым
никаким часам не уследить.

Мимо царств прошедшие народы
листобоем двинутся в леса,
вдоль перрона, на краю природы,
проплывут, как окна, небеса.

Проплывут замедленные лица,
вскрикнет птица –это лист падет.
Только долго, долго будет длиться
под твоей рукой его полет.
Е. С.

© Егоров М. Ю., 2018

В одном из интервью И. Ф. Жданов признавался: «Я попал на совещание молодых литераторов в Софрино, мне уже было более тридцати. Один из мэтров сказал, что мое нанизывание метафор – эксперимент, который, дескать, напоминает культуризм. Когда мышц много, но такой качок и штангу-то поднять не сможет» [4]. Действительно, нагнетание метафор стало фирменным ходом И. Ф. Жданова, причисленного литературоведами к метареалистам (о проблематичности существования «метареализма» в отечественной поэзии см. например [8; 10, с. 269–272]). В манифесте «Что такое метареализм? Факты и предположения» М. Эпштейн утверждал: «В философском плане – это метафизический реализм, то есть реализм не физической данности, а сверхфизической природы вещей. В стилевом плане – это метафорический реализм, переходящий от условного подобия вещей к их реальной взаимопричастности, то есть от метафоры – к метаболе. Прообраз метаболы в мифологическом искусстве древности – метаморфоза» [7, с. 121].

Стихотворение «Если птица – это тень полета…» не стоит рассматривать только как иллюстрацию обозначенных метареалистических принципов, но несомненно то, что их в стихотворении обнаружить можно.

Одно из центральных свойств разбираемого текста, находящее свое воплощение и на формальном, и на содержательном уровне, – это двойственность.

Ощущение неуверенности, двойственности подкрепляется первым же словом стихотворения, начинающегося с условного союза: «Если птица – тень полета…». Начальное «ес» совпадает с инициалами в посвящении. В первой строфе, представляющей единую синтаксическую конструкцию, сочетание «ес» встретится один раз. Во втором четверостишии, разделенном точкой ровно посередине на две синтаксические конструкции, сочетание «ес» открывает каждую из них. Контрастирующее с условным «если» утвердительное «есть» начинает пятый и седьмой стих: «Есть такая кровь…» и «Есть такое время…». Все три слова акцентированы графически, только они в первых двух строфах написаны с прописной буквы. Представляется, что именно это колебание между двумя противоположными по смыслу словами (условность-утвердительность) определяет специфику построения стихотворения.

Можно согласиться с тем, что «Если…» – стихотворение о прощании, что вполне соответствует эмоциональной элегической партитуре текста, подталкивающей к такому выводу. Однако само слово «прощание» (или любое другое синонимичное, например, «расставание») отсутствует в тексте. Ощущение прощания поддерживается лексическим составом с соответствующей семантической коннотацией ухода, разделения дистанцией (в широком понимании этого слова). В первом четверостишии наиболее показательный случай – «провожая», «отпустить», «полет»; во втором – «помимо» (кровь «вне сердца»), «не уследить» (часы не отсчитывают уходящее время); в третьем – «прошедшие», «проплывут»; в четвертом – «проплывут», «падет», «полет».

Мотивы ухода, расставания, грусти поддерживаются семантическим ореолом стихотворного размера – стихотворение написано пятистопным хореем. Семантика этого стихотворного размера не раз становилась предметом рассмотрения. М. Гаспаров, К. Тарановский, Р. Якобсон указывали на связанную с пятистопным хореем тематику пути и скорбные мотивы одиночества [3; 6; 9].

Тем не менее тематическая поэтическая инерция нарушена в данном случае. М. Гаспаров указывает на пять семантических «окрасок», связанных с размером, «это (с убывающей значимостью): Ночь, Пейзаж, Любовь, Смерть (торжествующая или преодолеваемая) и Дорога» [3, с. 264]. Ночь у И. Ф. Жданова представлена лишь контекстуальными синонимами, ее «отголоски» можно увидеть в «тени», «незрячести» («незрячий взор»), «крае природы». Схожий результат окажется и при рассмотрении остальных «красок». Любовь откликнется ситуацией первого четверостишия (нежелание расставаться), смерть – ситуацией второго (кровь, живущая вне сердца, утекающее время). В третьей строфе сконцентрированы пейзажные приметы – «листобой», «леса», «перрон», «край природы», «небеса».

Рассмотрим функционирование лирического субъекта в описанной специфической ситуации. Доля «я»-высказываний в стихотворении чрезвычайно невелика. Наличие перволичного («я») субъекта определяется только единственным присутствием глагола в первом лице во втором стихе: «…знаю, отчего твоя рука». Как видно из приведенного примера, одновременно с появлением субъективированной формы «я» возникает и объективированное «ты», словно бы существование «я» без «ты» невозможно [1, с. 86], местоимение «твой» соотносимо с прилагательным. В последующих двух строфах ни «я», ни «ты» (в каких бы то ни было формах) не обнаруживаются.

Пытаясь описать сложность интерпретации поэзии метареалистов, С. Сандлер указывает, что чтение таких стихотворений равнозначно проникновению в особый поэтический мир, где образы пережитого ускоряются в головокружительном слайд-шоу воображаемого или бессознательно ощущаемого [11, p. 3] (см., например, также [5, с. 451–455; 12]). Сознавая всю принципиальную неполноту читательского толкования метаметафорического текста, не претендуя на исчерпанность интерпретации, попытаемся приблизиться к пониманию принципиальных, на наш взгляд, моментов, касающихся, в частности, субъектной сферы, также связанной с двойственностью. Для этого вернемся к первой строфе.

Предположение: «Если птица – это тень полета…» – озвучивается перволичным субъектом: «Если птица – это тень полета, / **знаю**…». С одной стороны, такое предположение можно рассмотреть как метафору, приравнивающую птицу к части некой высокой умозрительной, философской идеи полета (есть Полет, а птица одно из его воплощений). С другой стороны, первый стих отсылает к поговорке, фиксируемой фразеологическими словарями: «Видно птицу по полету» – судить о человеке по его облику, делам, поступкам. Изящное метафизическое значение соприкасается с приземленным, расхожим. И в том, и в другом случае возникают отношения, заменяющие целое частью. И в том, и в другом случае постулируются положения вовсе не очевидные, которые тем не менее приводят субъекта стихотворения к возможности утверждения: «Если птица – это тень полета, / **знаю**…». Неоспоримость же такого утверждения (или его двойственность для внешнего по отношению к тексту наблюдателя), следующего за «знаю», подтверждается именно его субъективностью, выражением подчеркнуто личного мнения. Да и сам субъект возникает как «тень полета» – личное местоимение «я» все равно отсутствует, а «личность» появляется лишь как форма глагола «знаю», оставаясь бесполой (категория рода у глагола настоящего времени отсутствует).

Схожие отношения описываются во второмчетвертом стихах, где такой же «тенью» возникает «ты», и в качестве метонимии использована рука: «…знаю, отчего **твоя рука**, / провожая, отпустить кого-то / невольна совсем наверняка».

При этом грамматика текста позволяет предположить не обращение к внешнему субъекту, а еще и высокопарное обращение к самому себе во втором лице.

Возврат к субъектной ситуации произойдет лишь в последней, четвертой строфе, где намеченный диалог приобретет совершенно иной оттенок. «Закольцованность» текста создается также возвратом к «птице», «полету», «руке», «твоему», синтаксической конструкции со словом «это» и тире (но уже без условности «если»), все это встречалось еще раз только в первом четверостишии.

Благодаря пиррихиям пятистопный хорей претерпевает в стихотворении некоторые метаморфозы. Все строфы, за исключением финальной, заканчиваются стихом с одинаковым ритмическим рисунком (пиррихии в первой и четвертой стопах, мужское окончание).

В четвертой строфе не только нарушается ритмическое ожидание, но и, несмотря на указанную обращенность к началу стихотворения, остается в ней только «ты»: «…под **твоей** рукой…». Субъект «я» разрушается, растворяется в метафорических образах, которыми особенно насыщены второе и третье четверостишия. Исчезает не только грамматическая личная форма, но и чувство, ощущение лирического «я», которое может только угадываться. Чувства, ощущения не проговариваются, а замещаются рядом сложных иносказательных образов. В качестве примера рассмотрим фрагмент третьей строфы: «Мимо царств прошедшие народы / листобоем двинутся в леса…».

Отмечаемая нами двойственность реализуется здесь, например, в использовании слова «листобоем». Одно из значений слова листобой – осенний холодный ветер, срывающий листья. Таким образом, «листобоем» (сравнение, возникающее с помощью творительного падежа) народы двинутся в лес, как ветер. Но листобой – это также по славянским верованиям определенная календарная дата, 20 сентября, когда отмечалось Стрибожье Осеннее (день Стрибога-Листобоя). С этой точки зрения, «листобоем» – форма творительного падежа от существительного «листобой», обозначающая время действия, – народы двинутся в лес в сентябре. Возможно, что ситуация, послужившая поводом для лирического высказывания, приписана к сентябрю.

Славянская тематика, заявленная словом «листобой», соседствует с библейской, к чему отсылает начало фрагмента: «Мимо царств прошедшие народы…». Здесь видится намек и на хождения народа Израилева, и на Царство Небесное, и на Тысячелетнее царство, и на Книги Царств.

Получается сложная контаминация разнонаправленных семантик, работающих вместе на угадывание эффекта печального восприятия пер-

воначально заявленного действия: соединяется славянское и библейское (а чуть ниже появится резко выбивающееся из контекста иноязычное слово «перрон»), определение временной координаты (осень) и образное выражение, связанное с падением листа, о чем будет сказано уже в четвертой строфе.

В цитированном выше манифесте «Что такое метареализм? Факты и предположения» М. Эпштейн указывал на отсутствие в метареализме «явно выраженного лирического героя, который заменяется, плохо это или хорошо, суммой видений, геометрическим местом точек зрения, равноудаленных от «я», или, что то же самое, расширяющих его до «сверх-я», состоящего из множества очей. Полистилистика, стереоскопия, металиризм» [7, с. 124].

Ситуация прощания, использованная в «Если птица – это тень полета…», потакает такому видению вещей. Может быть, это расставание с жестким соответствием означаемого означающему, переход и к ускользающему означающему, и к ускользающему означаемому (интересно в этой связи, что И. Ф. Жданов указывал на важность для своей поэзии эллипсиса и фрагмента. [2]). Может быть, это прощание с возможностью узурпирования одной-единственной точки зрения, неслучайно же в последнем четверостишии «я» исчезает.

P. S. Не могу не добавить мнение самого И. Ф. Жданова о предложенном здесь разборе стихотворения: «Образы ошарашивают [исследователя], и он сразу уходит куда-то не туда. А мне казалось, что стишок очень простой. И за сюжетом следить нетрудно. Провожающая не может отпустить провожаемого потому, что провожаемый для провожающего переходит в образ, т.е. из физически присутствующего становится присутствующим вечно, но идеально. И это происходит на глазах. Поэтому кровь уже идеальна, а сердце еще физическое. Так же со временем и с часами. Дальше все остальное в этом ключе рассматривать нетрудно. Тут важно и самому читателю задуматься. В самом первичном смысле метареализм – это игра реального с идеальным. А разве не бывает недоразумения в человеческих отношениях из-за путаницы идеального с реальным. [Интерпретатор] вроде бы как-то понимает, но его подкарауливает беда всех исследователей, которые исходят не из простого осмысления текста, а из копаний в собственных ассоциациях по поводу прочитанного» (из личной переписки поэта). Указанный И. Ф. Ждановым ракурс не разрушает интерпретацию. По моему мнению, и авторская, и исследовательская концепции взаимодополняют друг друга (в духе метареализма), они обе связаны с мотивом двойственности, с тем, что И. Жданов называет «игрой реального с идеальным».

Библиографический список

1. Бройтман, С. Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики. Субъектно-образная структура [Текст] / С. Н. Бройтман. – М. : РГГУ, 1997. – 307 с.

2. Гальперин, И. Возможность канона. Интервью с Иваном Ждановым [Электронный ресурс] / И. Гальперин. – Режим доступа: http://www.litkarta.ru/dossier/vozm-kanona/dossier_1589/

3. Гаспаров, М. Л. Метр и смысл [Текст] / М. Л. Гаспаров. – М. : Фортуна ЭЛ, 2012. – 416 с.

4. Кручик, И. О герметизме и жгучей проблеме свободы. Интервью с Иваном Ждановым [Электронный ресурс] / И. Кручик. – Режим доступа: http://www.litkarta.ru/dossier/o-germetizme-i-zhguchei-probleme-svobody/dossier_1589/

5. Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература: 1950–1990-е годы [Текст]. В 2 т. : Т. 2. 1968–1990 / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – 688 с.

6. Тарановский, К. Русские двусложные размеры [Текст] / К. Тарановский. – М. : Языки славянской культуры, 2010. – 552 с.

7. Эпштейн, М. Постмодерн в России [Текст] / М. Эпштейн. – М. : Издание Р. Элинина, 2000. – 368 с.

8. Epstein, T. Metarealism / T. Epstein // Crossing Centuries: The New Wave in Russian Poetry – Jersey City, NJ : Talisman, 2000. – P. 87–88.

9. Jakobson, R. K popisu Machova verse (1938) / R. Jakobson // Jakobson R. Selected Writings 5. – The Hague, 1979. – P. 433–485. [English translation].

10. Lutzkanova-Vassileva, A. Toward a Meta Understanding of Reality: The Problem of Reference in Russian Metarealist Poetry / A. Lutzkanova-Vassileva // Studies in 20th & 21st Century Literature. – 2005. – Vol. 29. Iss. 2. – P. 246–281.

11. Sandler, S. Mirrors and Metarealists: The Poetry of Ol'ga Sedakova and Ivan Zhdanov / S. Ssandler // Slavonica. – 2006. – Vol. 12. – № 1. – P. 3–23.

12. Shatunovsky, M. Charmed Pilgrim. – Режим доступа: http://www.poet.forum.ru/archiv/ezhdbio.htm.

Bibliograficheskij spisok

1. Brojtman, S. N. Russkaja lirika XIX – nachala XX veka v svete istoricheskoj pojetiki. Sub#ektno-obraznaja struktura [Tekst] / S. N. Brojtman. – M. : RGGU, 1997. – 307 s.

2. Gal'perin, I. Vozmozhnost' kanona. Interv'ju s Ivanom Zhdanovym [Jelektronnyj resurs] / I. Gal'perin. – Rezhim dostupa: http://www.litkarta.ru/dossier/vozm-kanona/dossier_1589/

3. Gasparov, M. L. Metr i smysl [Tekst] / M. L. Gasparov. – M. : Fortuna JeL, 2012. – 416 s.

4. Kruchik, I. O germetizme i zhguchej probleme svobody. Interv'ju s Ivanom Zhdanovym [Jelektronnyj

resurs] / I. Kruchik. – Rezhim dostupa: http://www.litkarta.ru/dossier/o-germetizme-i-zhguchei-probleme-svobody/dossier_1589/

5. Lejderman, N. L. Sovremennaja russkaja literatura: 1950–1990-e gody [Tekst]. V 2 t. : T. 2. 1968–1990 / N. L. Lejderman, M. N. Lipoveckij. – M. : Izdatel'skij centr «Akademija», 2003. – 688 s.

6. Taranovskij, K. Russkie dvuslozhnye razmery [Tekst] / K. Taranovskij. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2010. – 552 s.

7. Jepshtejn, M. Postmodern v Rossii [Tekst] / M. Jepshtejn. – M. : Izdanie R. Jelinina, 2000. – 368 s.

8. Epstein, T. Metarealism / T. Epstein // Crossing Centuries: The New Wave in Russian Poetry – Jersey City, NJ : Talisman, 2000. – P. 87–88.

9. Jakobson, R. K popisu Machova verse (1938) / R. Jakobson // Jakobson R. Selected Writings 5. – The Hague, 1979. – P. 433–485. [English translation].

10. Lutzkanova-Vassileva, A. Toward a Meta Understanding of Reality: The Problem of Reference in Russian Metarealist Poetry / A. Lutzkanova-Vassileva // Studies in 20th & 21st Century Literature. – 2005. – Vol. 29. Iss. 2. – R. 246–281.

11. Sandler, S. Mirrors and Metarealists: The Poetry of Ol'ga Sedakova and Ivan Zhdanov / S. Ssandler // Slavonica. – 2006. – Vol. 12. – № 1. – R. 3–23.

12. Shatunovsky, M. Charmed Pilgrim. – Rezhim dostupa: http://www.poet.forum.ru/archiv/ezhdbio.htm.

Reference List

1. Broytman S. N. The Russian lyrics of the XIX – the beginning of the 20th century in the light of historical poetics. Subject and figurative structure / S. N. Broytman. – M. : RSHU, 1997. – 307 pages.

2. Galperin I. Possibility of a canon. Interview with Ivan Zhdanov [An electronic resource] / I. Galperin. – Access mode: http://www.litkarta.ru/dossier/vozm-kanona/dossier_1589/

3. Gasparov M. L. Master and sense / M. L. Gasparov. – M. : Fortuna EL, 2012. – 416 pages.

4. Kruchik I. O Hermetism and burning problem of freedom. Interview with Ivan Zhdanov [An electronic resource] / I. Kruchik. – Access mode: http://www.litkarta.ru/dossier/o-germetizme-i-zhguchei-probleme-svobody/dossier_1589/

5. Leyderman N. L. Modern Russian literature: 1950-1990-s. In 2 v.: V. 2. 1968–1990 / N. L. Leyderman, M. N. Lipovetsky. – M. : Publishing center «Akademiya», 2003. – 688 pages.

6. Taranovsky K. Russian disyllabic sizes / K. Taranovsky. – M. : Yazyki Slavyanskoi Kultury, 2010. – 552 pages.

7. Epstein M. Postmodern in Russia / M. Epstein. – M. : R. Elinin's edition, 2000. – 368 pages.

8. Epstein, T. Metarealism / T. Epstein // Crossing Centuries: The New Wave in Russian Poetry – Jersey City, NJ : Talisman, 2000. – P. 87–88.

9. Jakobson, R. K popisu Machova verse (1938) / R. Jakobson // Jakobson R. Selected Writings 5. – The Hague, 1979. – P. 433–485. [English translation].

10. Lutzkanova-Vassileva, A. Toward a Meta Understanding of Reality: The Problem of Reference in Russian Metarealist Poetry / A. Lutzkanova-Vassileva // Studies in 20th & 21st Century Literature. – 2005. – Vol. 29. Iss. 2. – P. 246–281.

11. Sandler, S. Mirrors and Metarealists: The Poetry of Ol'ga Sedakova and Ivan Zhdanov / S. Ssandler // Slavonica. – 2006. – Vol. 12. – № 1. – P. 3–23.

12. Shatunovsky, M. Charmed Pilgrim. – Режим доступа: http://www.poet.forum.ru/archiv/ezhdbio.htm.

Дата поступления статьи в редакцию: 11.03.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

УДК 82

В. И. Мокляк
https://orcid.org/0000-0002-2377-8646

Ритмическая организация фантастических циклов в русской литературе

Работа рассматривает проблему ритмической организации в прозаических циклах русской литературы. В русской литературе, как и в мировой, начиная с XI в., отчетливо прослеживается структурирование фантастических повестей путем циклизации, что может рассматриваться как стремление к адаптации фантастических (непредсказуемых) явлений к нормам человеческой жизни. Статья опирается на представления древнегреческих философов об устройстве мирового единства. Стремление философов милетской школы отказаться от мифологического сознания рассматривается как пример преодоления мифологизированной картины мира посредством построения структурно организованной целостной модели вселенной. Данная работа рассматривает ритмизацию в качестве основного способа структурной организации в литературных циклах. Особое внимание в статье уделяется произведениям писателей-романтиков, на творчестве которых особым образом отразилось влияние ранней античной философии. Особого рода структурная организация литературных циклов писателей-романтиков видится автору предопределяющей поэтику XX–XXI вв. (модернизма и постмодернизма). В статье делается вывод, что, подобно стремлению первейших античных философов, в творчестве писателей-романтиков прием ритмизации фантастических повестей в повествовательных литературных циклах рассматривается как способ преодоления иррациональных сил путем монтажности, то есть структурной организации текста.

Ключевые слова: цикл, циклизация, ритм, поэтика фантастического, поэтика тайны, поэтика иномирного, древнегреческая философия, романтизм, иррациональность.

V. I. Moklyak

Rhythmic Organization of Fantastic Cycles in Russian Literature

The article considers the problem of the rhythmic organization in prosaic cycles of the Russian literature. In the Russian literature, as well as in the world, since the 11th century, structuring of fantastic stories by means of cyclization is distinctly traced, that can be considered as aspiration to adapt fantastic (unpredictable) phenomena to norms of human life. The article relies on ideas of Ancient Greek philosophers on the structure of the world unity. The Milesian philosophers' aspiration to refuse mythological consciousness is considered as an example of overcoming the mythologized world picture by means of creation of a structurally organized complete model of the Universe. This work considers rhythmization as the main way of the structural organization in literary cycles. A special attention in the article is given to writer-romantics' works, whose creativity was influenced by early ancient philosophy in a special way. A special type of the structural organization of writer-romantics' literary cycles seems to the author predetermining poetics of the XX–XXI centuries (modernism and postmodernism). In the article the conclusion is drawn that it is similar to aspiration of foremost antique philosophers, in writer-romantics' works a means of rhythmization of fantastic stories in narrative literary cycles is considered as a way of overcoming irrational forces by means of arranging, that is a structural organization of the text.

Keywords: cycle, cyclization, rhythm, the poetics of fantastic, poetics of mystery, poetry of foreign, antique philosophy, romanticism, irrationality.

Прозаические тексты с древности были ритмизованы, то есть системно организованы. В данном случае речь идет не только о системной организации самого текста, но и о структурной организации составляющих его частей. Подобная тенденция может быть объяснена стремлением человечества к торжеству над хаосом, его извечными попытками обрести твердую основу в зыбком, непредсказуемом мире, изначально основанном на мифологическом, следовательно, фантастическом сознании.

В диалоге Платона [20] «Кратил» высказывание Сократа выражает античное представление о фантастической, непредсказуемой, изменчивой природе олимпийских богов: *«Сократ. Итак, вот что я здесь подозреваю. Мне представляется, что первые из людей, населявших Элладу, почитали только тех богов, каких и теперь еще почитают многие варвары: Солнце, Луну, Землю, Звезды, Небо. А поскольку они видели, что все это всегда бежит, совершая круговорот, то от этой-то природы бега (θεῖν) им и дали имя богов (θεούς). Позднее же, когда они узнали всех других богов, они стали их величать уже этим готовым именем. Ну как? Похоже на правду то, что я говорю? Или нисколько?»* [10, с. 630].

Совершенно очевидно, что античное представление о фантастичном было связано с понятиями

© Мокляк В. И., 2018

изменчивости, текучести, иррациональности: «*Сократ. Что же? Ты полагаешь, далек был от этой мысли Гераклита тот, кто установил прародителям всех остальных богов имена Реи и Кроноса? Или, по-твоему, у Гераклита случайно, что имена обоих означают течение? Да и Гомер в свою очередь указывает на происхождение всех богов от Океана и «матери Тефии»*» [10, с. 636].

Извечное стремление человека к порядку, организации, рациональности привело к тому, что древнегреческие философы в стремлении найти первоматерию, основание всего сущего, стремились увидеть мир как момент единства. Именно в устойчивом единстве виделся гарант существования как мира, так и любой вещи в нем. В роли первоосновы этого единства могли выступать совершенно разные элементы: вода (Фалес Милетский), огонь (Гераклит), апейрон (Анаксимандр). Таким образом, природа вещества была не существенна: главное в том, что это единство гарантировало устойчивость и мыслилась вне компетенции олимпийских богов, олицетворяющих иррациональные силы. То есть мировоззрение, основанное на божественной воле Олимпа, представлявшейся непредсказуемой, а следовательно, не дающей гарантий устойчивого существования мира, заменялось мировоззрением, основанным на научных, философских взглядах.

Понятие «непредсказуемости» в данном случае может пониматься тождественным понятию «фантастического», а понятие «целостности» как единства системно организованных частей, восходящее к философским воззрениям милетской школы, является центральным в определении словесного цикла.

Э. Бенвенист [12], выдающийся филолог XX в., писал: *«Ритм обозначает ту форму, в которую облекается в данный момент нечто движущееся, изменчивое, текущее…это форма мгновенного становления, сиюминутная, изменчивая»* [2, с. 383]. Именно движение от части к части в цикле, его изменчивость связывает его с понятием фантастического. И в то же время ритм, как основополагающий критерий упорядоченной целостности, предполагает ограничение непредсказуемости текста, его фантастичности.

Как уже было сказано выше, одним из центральных понятий в определении литературного цикла является «целостность». М. М. Гиршман в своей «Теории художественной целостности» отождествляет понятие целостности с «полнотой бытия»: *«Произведение как художественная целостность – это орган постижения творческой природы бытия, орган формирования человеческого созерцания и понимания, человеческой мысли и чувства в их первоначальном единстве, саморазвивающемся обособлении, глубинной неразрывности и общении друг с другом»* [4, с. 15]. Данное определение с полной уверенностью можно отнести также и к понятию литературного цикла.

Словесный цикл при этом определяется как реализация словесного развертывания в пространстве и времени, обладающего определенным единством, а «фантастическое» предстает как «непредсказуемое», преодоление которого ведет к утверждению словесного фундаментального единства, исключающего господство случая, произвола, непредсказуемости.

Явление циклизации встречается во всех эпохах развития литературы (в античности ярким примером служат киклические поэмы, в эпоху Возрождения – «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера [16], «Декамерон» Дж. Боккаччо [13]; в период романтизма – «Еврейские мелодии» Дж. Байрона [14], «Римские элегии» И. В. Гете [17]).

Циклизация – довольно распространенное явление и в русской литературе. Первые русские циклические образования – фольклорные циклы (былины), народные предания. Примеры циклизации можно найти на всех этапах развития русской литературы: в древнерусской литературе («Сказание о чудесах святых страстотерпцев Христовых Романа и Давида» XII в.), литературе эпохи романтизма («Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя [5], «Пестрые сказки с красным словцом» В.Ф. Одоевского[8]). Феномен циклизации получает особое развитие к концу XIX – началу XX вв. (А. М. Ремизов «Посолонь», «К Морю-Океану»).

Особым этапом развития фантастических циклов в русской литературе является период начала XIX в. У романтиков целостность имела особое значение с точки зрения особой связи и взаимодействия противоположностей бытия, которые не только контрастировали, но и где-то соединялись в общую картину мира. Жанр повести естественно соотносился с эпическими жанрами, и циклы повестей связаны с явлением эпической целостности, уходящей корнями в архаику и древнейшие представления и явления мировой культуры. В циклической художественной форме важна не только подчиненность части целому, но и своеобразное перетекание части в целое, также важно подчеркнуть непоследнюю роль сцепления и монтажа частей. В структуре прозаического цикла возникает не просто художественный эффект мо-

заичности, но и главное, что характеризует поэтику романтизма, – тайна как одно из основных понятий романтической поэтики. Оно реализуется не только внутри повестей, но и на стыках, разрывах повестей, что мы можем наблюдать в цикле повестей О. М. Сомова «Малороссийские были и небылицы» [5].

Цикличность творчества была свойственна О. М. Сомову на протяжении 20-х и начала 30-х гг. XIX столетия. После «малороссийской были» он начал «малороссийскую повесть» и полагал, что она выльется в роман в четырех-пяти томах. Но, тем не менее, большой повествовательной формы – романа – Сомов так и не создал. Фрагменты, которые время от времени появлялись в журналах и альманахах более или менее тяготели к логической законченности и сближались с малым жанром, повестью, и единственное, что они могли сформировать, – определенное целостное единство, то есть цикл.

Должно уделить внимание и тому моменту, что с 1827 г. в творчестве Сомова-повествователя отчетливо обозначается несколько тематических линий. Из них самую большую, самую обширную и важную в литературном отношении группу образуют сочинения, которые сам О. М. Сомов характеризовал как «малороссийские были и небылицы» и подписывал псевдонимом Порфирий Байский [11].

Уже в одной из своих первых повестей – «Гайдамаке» – автор вложил в уста главного героя «страшную быль» о пане, знавшемся с нечистой силой, а также описал доверчивых слушателей, которые, затаив дух, принимают на веру все, что повествует лукавый рассказчик, который играет роль проводника в поэтике пограничья и романтического двоемирия.

У Сомова рассказчик в цикле «Малороссийские были и небылицы» – это Порфирий Байский. Имя повествователя фигурирует в подписи в конце повестей и выполняет функцию своеобразной композиционной рамки произведения.

В каждой отдельной главе четко и ясно очерчен для читателя основной круг мотивов, ориентированных на малороссийские легенды, предания, сказки или были. В каком-то смысле каждая глава является своего рода экспозицией цикла вообще и последующей главы в частности.

Как уже было сказано выше, главное для Сомова-романтика – дух народа, с его повериями и мифологическими представлениями. На основе этих народных поверий и мифологических представлений О. М. Сомову и удается воплотить один из основных принципов цикла, то есть создать особые отношения между произведением и контекстом, позволяющие воплотить в системе определенным образом организованных произведений целостную и как угодно сложную систему авторских взглядов.

Подобного эффекта добивались многие авторы-романтики в русской литературе. Например, принято считать, что в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя, изданных двумя годами позже «Малороссийских былей», циклообразующим является образ Рудого Панько, якобы он объединяет отдельные повести. Это только внешний показатель. На самом деле в повести «Вечера на хуторе близ Диканьки» объединяет не столько образ рассказчика – Рудого Панько, сколько фольклорно-романтическая поэтика тайны, иномирного. Здесь стоит учитывать, что для читателя важно не только пространство самого текста, но и пространство за текстом, которое интегрирует и составляет прерогативу романтического текста.

Таким образом, суть художественных циклов состоит не столько в непосредственном перетекании одной повести в другую, сколько в их взаимосвязи и взаимодействии на границе одного произведения с другим. Речь идет о своеобразной монтажности поэтики циклизации. В том числе в романтических повестях Н. В. Гоголя, О. М. Сомова, В. Ф. Одоевского. В плане монтажности эта особенность обращена вперед – в поэтику XX и XXI вв. (модернизм, постмодернизм), но традиции этой поэтики зародились в эпоху романтизма.

Особое значение имеет принцип свободы различных произведений в рамках цикла. Все это, конечно, имеет авторский характер, но само расположение достаточно свободно, хотя в чем-то и закономерно. Стоит заметить, что речь здесь идет о творческой свободе, а не о рациональной скованности, как в классицизме.

Свобода повестей в цикле опирается не на рациональное, а на иррациональное. Иррациональное – одно из основных понятий в поэтике романтизма. Все это обеспечивает иррациональное, в какой-то степени суггестивное влияние на читателя. Таким способом достигается особая связь между текстом и читателем, и эта связь резко отличается у романтиков от предшественников и последователей.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что в поэтике циклизации на первое место выходят аспекты структуры цикла, аспекты повторов, перекличек, межтекстовых связей. Относительно фантастических повестей прием циклизации мо-

жет рассматриваться как прием преодоления иррациональных сил путем структуризации текста.

Библиографический список

1. Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 7 [Текст] / В. Г. Белинский. – М., 1955.

2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. – М., 1974.

3. Виноградов, В. В. Гоголь и натуральная школа [Текст] / В. В. Виноградов. – Л., 1925.

4. Гиршман, М. М. Литературное произведение: Теория художественной целостности [Текст] / М. М. Гиршман. – 2-е изд., доп. – М., 2007.

5. Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 томах : Т. 1 [Текст] / Н. В. Гоголь; [РАН. Ин-т мировой литературы имени А.М. Горького]. – М., 2003.

6. Дарвин, М. Н. Русский лирический цикл: Проблемы истории и теории [Текст] / М. Н. Дарвин. – Красноярск, 1988.

7. Кессиди, Ф. Х. От мифа к логосу [Текст] / Ф. Х. Кессиди. – М. : Мысль, 1972.

8. Трубецкой, С. Н. Сочинения [Текст] / С. Н. Трубецкой. – М. : Мысль, 1994.

9. Одоевский, В. Ф. Сочинения. В 2-х т. [Текст] / В. Ф. Одоевский. – М. : Худож. лит., 1981.

10. Платон. Собрание сочинений в четырех томах : Т. 1. [Текст] / Платон. – М. : «Мысль», 1990.

11. Сомов, О. М. Малороссийские были и небылицы. [Текст] / О. М. Сомов. – М. : Советская Россия, 1984.

12. Benveniste E., Problèmes de linguistique générale, 1, 1966; 2, 1974.

13. Boccaccio G. Decameron. – Torino, 1956. – С. 896.

14. Byron G. G., Poetical works. – Oxford : Oxford University Press, 1970.

15. Cassel's Encyclopedia of Literature. – L., 1953.

16. Chaucer G., The Canterbury tales. – New York, 1947.

17. Goethe J. W. Poetische Werke. («Lucrări poetice») 4 vol. – Editura Phaidon, Essen, 1999.

18. Lem St., Fantastica I futurologia, t.1–2. – Kr, 1970.

19. Plato, The Dialogues of Plato, translated into English with Analyses and Introductions by B. Jowett, M. A. in Five Volumes. 3rd edition revised and corrected. – vol 1. – Oxford University Press, 1892.

20. Plato, The Dialogues of Plato, translated into English with Analyses and Introductions by B. Jowett, M. A. in Five Volumes. 3rd edition revised and corrected. – vol 2. – Oxford University Press, 1892.

21. Plato, The Dialogues of Plato, translated into English with Analyses and Introductions by B. Jowett, M. A. in Five Volumes. 3rd edition revised and corrected. – vol 3. – Oxford University Press, 1892.

22. Plato, The Dialogues of Plato, translated into English with Analyses and Introductions by B. Jowett, M. A. in Five Volumes. 3rd edition revised and corrected. – vol 4. – Oxford University Press, 1892.

23. Todorov Tz. Introduction à la littérature fantastique. – P., 1970.

24. The aesthetics of fantasy literature and art. Notre Dame, 1982.

Bibliograficheskij spisok

1. Belinskij, V. G. Polnoe sobranie sochinenij. T. 7 [Tekst] / V. G. Belinskij. – M., 1955.

2. Benvenist, Je. Obshhaja lingvistika [Tekst] / Je. Benvenist. – M., 1974.

3. Vinogradov, V. V. Gogol' i natural'naja shkola [Tekst] / V. V. Vinogradov. – L., 1925.

4. Girshman, M. M. Literaturnoe proizvedenie: Teorija hudozhestvennoj celostnosti [Tekst] / M. M. Girshman. – 2-e izd., dop. – M., 2007.

5. Gogol', N. V. Polnoe sobranie sochinenij i pi-sem: V 23 tomah : T. 1 [Tekst] / N. V. Gogol'; [RAN. In-t mirovoj literatury imeni A. M. Gor'kogo]. – M., 2003.

6. Darvin, M. N. Russkij liricheskij cikl: Problemy istorii i teorii [Tekst] / M. N. Darvin. – Krasnojarsk, 1988.

7. Kessidi, F. H. Ot mifa k logosu [Tekst] / F. H. Kessidi. – M. : Mysl', 1972.

8. Trubeckoj, S. N. Sochinenija [Tekst] / S. N. Trubeckoj. – M. : Mysl', 1994.

9. Odoevskij, V. F. Sochinenija. V 2-h t. [Tekst] / V. F. Odoevskij. – M. : Hudozh. lit., 1981.

10. Platon. Sobranie sochinenij v chetyrjoh to-mah : T. 1. [Tekst] / Platon. – M. : «Mysl'», 1990.

11. Somov, O. M. Malorossijskie byli i nebylicy. [Tekst] / O. M. Somov. – M. : Sovetskaja Rossija, 1984.

12. Benveniste E., Problèmes de linguistique générale, 1, 1966; 2, 1974.

13. Boccaccio G. Decameron. – Torino, 1956. – C. 896.

14. Byron G. G., Poetical works. – Oxford : Oxford University Press, 1970.

15. Cassel's Encyclopedia of Literature. – L., 1953.

16. Chaucer G., The Canterbury tales. – New York, 1947.

17. Goethe J. W. Poetische Werke. («Lucrări poetice») 4 vol. – Editura Phaidon, Essen, 1999.

18. Lem St., Fantastica I futurologia, t.1–2. – Kr, 1970.

19. Plato, The Dialogues of Plato, translated into English with Analyses and Introductions by B. Jowett, M. A. in Five Volumes. 3rd edition revised and corrected. – vol 1. – Oxford University Press, 1892.

20. Plato, The Dialogues of Plato, translated into English with Analyses and Introductions by B. Jowett, M. A. in Five Volumes. 3rd edition revised and corrected. – vol 2. – Oxford University Press, 1892.

21. Plato, The Dialogues of Plato, translated into English with Analyses and Introductions by B. Jowett, M. A. in Five Volumes. 3rd edition revised and corrected. – vol 3. – Oxford University Press, 1892.

22. Plato, The Dialogues of Plato, translated into English with Analyses and Introductions by B. Jowett,

M. A. in Five Volumes. 3rd edition revised and corrected. – vol 4. – Oxford University Press, 1892.

23. Todorov Tz. Introduction à la littérature fantastique. – P., 1970.

24. The aesthetics of fantasy literature and art. Notre Dame, 1982.

Reference List

1. Belinsky V. G. Complete works. V. 7 / V. G. Belinsky. – M., 1955.

2. Benvenist A A. General linguistics / E. Benvenist. – M, 1974.

3. Vinogradov V. V. Gogol and natural school / V. V. Vinogradov. – L., 1925.

4. Girshman M. M. Literary work: Theory of art integrity / M. M. Girshman. – 2nd edition, added – M., 2007.

5. Gogol N. V. Complete works and letters: In 23 volumes: V. 1 / N. V. Gogol; [RAS Institute of the world literature named after A. M. Gorky]. – M, 2003.

6. Darwin M. N. Russian lyrical cycle: Problems of history and theories / M. N. Darwin. – Krasnoyarsk, 1988.

7. Kessidi F. H. From the myth to Lagos / F. H. Kessidy. – M. : Mysl, 1972.

8. Trubetskoy S. N. Compositions / S. N. Trubetskoy. – M. : Mysl, 1994.

9. Odoevsky V. F. Compositions. In 2 v. / V. F. Odoevsky. – M. : Khudohestvennaya Literatura., 1981.

10. Platon. Collected works in four volumes: V. 1. / Platon. – M. : «Mysl», 1990.

11. Somov O. M. Malorussian fairy tales. / O. M. Somov. – M. : Sovetskaya Rossiya, 1984.

12. Benveniste E., Problèmes de linguistique générale, 1, 1966; 2, 1974.

13. Boccaccio G. Decameron. – Torino, 1956. – C. 896.

14. Byron G. G., Poetical works. – Oxford : Oxford University Press, 1970.

15. Cassel's Encyclopedia of Literature. – L., 1953.

16. Chaucer G., The Canterbury tales. – New York, 1947.

17. Goethe J. W. Poetische Werke. («Lucrări poetice») 4 vol. – Editura Phaidon, Essen, 1999.

18. Lem St., Fantastica I futurologia, t.1–2. – Kr, 1970.

19. Plato, The Dialogues of Plato, translated into English with Analyses and Introductions by B. Jowett, M. A. in Five Volumes. 3rd edition revised and corrected. – vol 1. – Oxford University Press, 1892.

20. Plato, The Dialogues of Plato, translated into English with Analyses and Introductions by B. Jowett, M. A. in Five Volumes. 3rd edition revised and corrected. – vol 2. – Oxford University Press, 1892.

21. Plato, The Dialogues of Plato, translated into English with Analyses and Introductions by B. Jowett, M. A. in Five Volumes. 3rd edition revised and corrected. – vol 3. – Oxford University Press, 1892.

22. Plato, The Dialogues of Plato, translated into English with Analyses and Introductions by B. Jowett, M. A. in Five Volumes. 3rd edition revised and corrected. – vol 4. – Oxford University Press, 1892.

23. Todorov Tz. Introduction à la littérature fantastique. – P., 1970.

24. The aesthetics of fantasy literature and art. Notre Dame, 1982.

Дата поступления статьи в редакцию: 17.03.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

Журналистика

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10047
УДК 811.161.1'42

Л. В. Селезнева
https://orcid.org/0000-0002-8546-6496

И. А. Тортунова
https://orcid.org/0000-0003-0428-4090

А. В. Люликова
https://orcid.org/0000-0002-7842-4618

Фармаконим как маркетинговый феномен информационно-коммуникационного пространства

В статье исследуются функциональные особенности фармаконима как словесной номинации концепта «Лекарство» вне профессиональной сферы его употребления. С помощью методов лингвистической прагматики и герменевтики были определены смысловые доминанты фармаконима – здоровье, семья, время, спорт – которые образуют его фреймовую структуру и обеспечивают привлекательность лекарственных средств перед потребительской аудиторией.

Авторы исследуют и описывают процессы проникновения фармацевтической лексики в обиходно-бытовую коммуникативную сферу. Это является актуальным, потому как привело к возникновению новых ономастических единиц медицинского дискурса. Безусловный научный интерес вызывает и исследование манипулятивных возможностей рекламного текста, в котором употребляется фармаконим. На возникновение и развитие этих возможностей влияют ассоциативные значения, складывающиеся в сознании реципиента, который их и реконструирует в зависимости от речевой ситуации.

Авторы доказывают, что в соответствии с коммуникативной направленностью рекламного текста фармаконим является ономастической единицей фармацевтических препаратов в рекламном и PR-дискурсе. У фармаконима несколько базовых функций. С одной стороны, важна его номинативная функция, благодаря которой происходит называние лекарственного препарата и в то же время раскрытие содержания медицинских концептов. С другой стороны, интересной представляется функция воздействия, поскольку от того, как пациент воспринимает название лекарства зависит и его популярность, и желание лечиться именно этим препаратом. Нельзя также не отметить и транслирующую функцию фармаконима, которая очень важна в передаче маркетингового значения рекламного текста.

В исследовании описаны способы выбора речевого воздействия на адресата при составлении фармаконимов, которые определяются коммуникативной установкой, заданной рекламным текстом и реализуемой рекламным дискурсом.

Ключевые слова: фармаконим, дискурс, концепт, фармацевтический, лекарство, реклама, PR.

Journalism

L. V. Selezneva, I. A. Tortunova, A. V. Lyulikova

Pharmaconym as a Marketing Phenomenon of Information and Communication Space

The article studies functional peculiarities of a pharmaconym as a verbal nomination of the concept «Medication» outside of the professional sphere of its use. Using methods of linguistic pragmatics and hermeneutics here were determined semantic dominants of pharmaconym – health, family, time, sport – which form its frame structure and provide attraction of drugs before the consumer audience.

The authors prove that, in accordance with the communicative orientation of the advertising text, pharmaconym is an onomastic unit of pharmaceuticals in advertising and PR-discourse. Pharmaconyms have a few basic functions. On the one hand, its nominative function is important, thanks to which the name of the drug occurs and at the same time the disclosure of the content of medical concepts. On the other hand, it is interesting to see the function of exposure, because the drug popularity depends on how the patient perceives the name of the drug, and the desire to be treated with this drug. It is impossible not to note a feature of the pharmaconym, which is very important in the transfer of the marketing value of the advertising text.

The study describes how the choice of speech influence on the recipient in constructing pharmaconyms, which are determined by the communicative setting, the specified ad copy and sold advertising discourse.

Keywords: pharmaconym, discourse, concept, pharmaceutical, medicine, advertising, PR.

© Селезнева Л. В., Тортунова И. А., Люликова А. В., 2018

Sit cibus esse tuis medicine,
et medicina erit vobis in cibum
Гиппократ

Введение

В настоящее время фармацевтическая лексика выходит за пределы профессиональной среды своего формирования и активно используется в разных коммуникативных сферах. Общефармацевтическая терминология является предметом специальных исследований фармацевтического профиля. Опыт осмысления особенностей функционирования фармацевтической лексики представлен в работах И. Б. Масловой и Э. А. Коржавых, отмечающих наиболее интенсивное развитие в последние десятилетия науки о лекарственных растениях – фармакогнозии. Непрекращающиеся попытки российских ученых стандартизировать и систематизировать фармацевтическую терминологию объясняются, в первую очередь, тем, что фармация является одной из наиболее «терминогенных» дисциплин [7, с. 29].

Наименования лекарственных средств, используемые вне профессиональной сферы их употребления, являются актуальным предметом дискурсологического исследования, которое позволяет определить основные онтологические параметры современной коммуникации. Проникновение фармацевтической лексики в обиходно-бытовую коммуникативную сферу привело к возникновению новых ономастических единиц медицинского дискурса с целью обеспечить большую привлекательность лекарственных средств перед широкой аудиторией потребителей.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы определить функциональные особенности фармаконимов вне профессиональной сферы их употребления.

Для достижения цели исследования были использованы методы лингвистической прагматики и герменевтики, фреймовый анализ, позволяющие выявить реальный смысл языковых единиц, выражающих идею исследуемых текстов, выстроить модели текстообразования от замысла говорящего к его вербализации.

Материалом для исследования послужили PR-тексты фармацевтической компании ОАО «Эвалар», размещенные на интернет-сайте, использованы материалы телевизионной рекламы, транслируемой каналами российского телевидения, радиорекламы, а также тексты печатной рекламы, представленные печатной рекламной продукцией лекарственных препаратов. Выбор материала исследования обусловлен тем, что указанные тексты, во-первых, отражают коллективные представления о мире, а во-вторых, в той или иной степени формируют языковую картину мира.

Термин «фармаконим» был введен в научный оборот австрийским ученым П. Анрейтером [10], который обратил внимание на мотивационный потенциал, заложенный в названии лекарственного препарата. Поэтому изучение фармаконима как средства репрезентации лекарственного средства представляется особенно актуальным с учетом прагматической направленности рекламного текста.

Фармаконим как средство репрезентации лекарства в рекламном дискурсе

Наименования лекарственных средств, репрезентируемые в дискурсивных практиках рекламы, утрачивают свою имманентную принадлежность к фармацевтической сфере в результате элиминации их первоначального значения, которое в определенной степени призвано раскрыть состав лекарства и те или иные фармацевтические характеристики. Основная роль в презентации лекарственного средства принадлежит маркетинговой составляющей фармаконима, способного сформировать в сознании потребителя представление о лекарственном препарате как действенном средстве в борьбе с недугом. Назначение лекарственного средства актуализируется в дополняющем его название слогане и являющем собой композит онима фармацевтического средства, например:

Йдомарин. Йод для жизни необходим.
Формула сна. Усиленная фито-мелатонином.
Кардиомагнил. Дарит Вам время.

Слоган усиливает эмоционально-экспрессивную функцию фармаконима, в результате чего действенность рекламируемого лекарственного препарата определяется как основная смысловая доминанта фреймовой структуры фармаконима.

Для привлечения внимания к фармацевтическому препарату риторика рекламного текста апеллирует к мотивационной сфере зрительской аудитории за счет выделения эмоциональных аргументов в качестве доминантной формы речевого воздействия.

Основным признаком рекламного текста является «единство заложенной в нем маркетинговой и эстетической (художественной) информации» [3, с. 7]. Транслируемые рекламным сценарием смыслы структурируются в результате взаимодействия ряда экстралингвистических факторов, к

которым относятся музыка, язык, параязык, «другая реклама и другие дискурсы» [12, с. 6]. Реклама не просто «объединяет в себе динамически взаимодействующие элементы, но и сама детерминирована ими» [12, с. 6].

Предпочтительной риторической формой для достижения перлокутивного эффекта в процессе речевой репрезентации фармаконима является императив, который регламентирует выбор реципиента. Примерами императивного речевого акта являются следующие рекламные слоганы: *Примите Лазолван. Проводите время с семьей, а не с кашлем; Лазолван Рино. Дышите свободно; Капсикам. Задай боли перца.*

Синтагматическая организация рекламного текста, включающая номинативную часть и императив, выполняет коммуникативно-прагматическую функцию. Императивные по форме рекламные слоганы ориентируют реципиента действовать в соответствии с рекламным сюжетом. Эффективность как семантическая доминанта фармаконима усиливается за счет визуального ряда – сцены занятия спортом, подвижных игр для всей семьи или активного семейного отдыха.

Привлекательность как один из признаков фармаконимов формируется за счет аттрактивно-эмотивной лексики: «свободно» (*Лазолван Рино. Дышите свободно*), «забота» (*Виброцил. Бережная забота о дыхании с маслом лаванды*; *Фосфоглив. Забота о печени с удвоенной силой*), «боль» (*Изжога, боль и отравление. Фосфалюгель – одно решение!*), «быстро» (*Фастум гель. Быстро побеждает воспаление и боль!*).

Манипулятивные возможности рекламного текста во многом зависят от ассоциативных значений, которые способно реконструировать сознание реципиента. Восприятие информации и принятие реципиентом рекламного образа будет происходить только в том случае, если медиаобраз «соответствует уже сформированным предпочтениям» [11, с. 157]. Поэтому выбор способа речевого воздействия на адресата определяется коммуникативной установкой, заданной рекламным текстом и реализуемой рекламным дискурсом.

Альтернативной формой социально-бытового сценария является сюжет, иммитирующий научное объяснение действию предлагаемого фармацевтического препарата. Принцип научного изложения использован в следующих примерах:

Натуральный состав Синуфорте при попадании на слизистую оболочку вызывает интенсивное рефлекторное очищение пазух носа, помогает восстановить носовое дыхание.

Кагоцел. Вызывает образование интерферонов с высокой противовирусной активностью.

Полиоксидоний. Выводит токсины, заряжает антиоксидантами и активирует иммунитет. Это и есть полиэффект от простуды и гриппа.

Употребление специальной лексики *«рефлекторное очищение», «носовое дыхание», «противовирусная активность», «токсины», «антиоксиданты»* и др. обусловлено коммуникативно-прагматической заданностью рекламного текста. В рамках рекламного дискурса наблюдается усиление аксиологического значения терминов за счет их ассоциативного соотнесения с областью медицинского знания.

В рамках рекламного дискурса наблюдается нивелирование смысловой нагрузкой данных терминов, что, в первую очередь, объясняется узкоспециальной сферой их употребления, и усиление их аксиологического значения за счет ассоциативного соотнесения данных терминов с областью медицинского знания. Включение терминологической лексики в текст рекламного сценария обеспечивает эффективный образ фармацевтическому препарату и формирует фреймовую структуру фармаконима как эффективного лекартвенного средства и действенного метода лечения.

Императивная модальность эхо-фрразы лекарственного средства призвана обеспечить рекламируемому товару узнаваемость по прошествии времени. С этой целью используется также прием демонстрации «привлекательных» образов [13, с. 10] героев, которые после принятия лекарственого средства выглядят здоровыми, веселыми, спокойными, уравновешеными, полными сил и энергии (*Афобазол, Ибуклин, Компливит, Септолете тотал*).

Одной из основных смысловых доминант фармаконима является категория времени, которая реализуется в рекламных слоганах, актуализирующих мысль о быстротечности времени (*Кальций-Д3 Никомед. Не упустить момент. Накопить прочность; Кардиомагнил. Дарит Вам время; Не откладывайте лечение. Релиф. Способствует мягкому устранению большинства симптомов болезни и возвращению к нормальной жизни*), о пользе быстро принятых решений (*Фастум гель. Быстро побеждает воспаление и боль! Кагоцел. Работает даже при запоздалом лечении*).

Визуальный ряд рекламного ролика, а также рекламный текст, содержащий аргументы в пользу того или иного лекарственного средства, актуали-

зируют социально-культурные ценности – семья, время, спорт, здоровье, которые являются смысловыми доминантами фармаконима, образующими его фреймовую структуру.

Фармаконим как словесная номинация концепта «Лекарство»

Фармаконим представляет собой словесную номинацию концепта «Лекарство», который является связующим звеном между концептами «Болезнь» и «Здоровье», поскольку лекарство помогает человеку избавиться от болезни или не допустить ее. Концепты «Болезнь» и «Здоровье» в языковой картине мира представляют собой противоположные состояния человека, которые имеют противоположную оценку: здоровье – это хорошо, болезнь – плохо. Как отмечала Н. Д. Арутюнова, «отношение между хорошим (здоровым) и плохим (слабым, больным) в рамках медицинского добра, как и во всех случаях привативных отношений, контрадикторны» [1, с. 68].

Положительный оценочный фон данного концепта объясняется утилитарными свойствами, связанными с тем, что лекарство помогает человеку избавиться от болезни или не допустить ее. Образная сторона данного концепта обусловлена такими действиями лекарства, как защита от болезни и борьба с болезнью, поэтому и ценность лекарства определяет его способностью побороть болезнь. В научной картине мира понятийное содержание данного концепт более детально, оно включает фармакологические свойства, показания к применению и другие характеристики.

Будучи динамическим образованием, концепт формирует вокруг себя кванты знаний, которые выстраиваются по определенной модели или сценарию. Разные сценарии моделируют знания о разных типичных ситуациях и позволяют правильно интерпретировать содержание текста [6]. Так, сценарий развертывания концепта «Болезнь» содержит следующие слоты: заболевание – выявление симптомов – определение диагноза – лечение – уход за больным – выздоровление [8, с. 132]. Такой сценарий характерен для научной картины мира, в которой важное место занимает концепт «Лекарство». В наивной картине мира болезнь связывают со «сглазом», «напускаемостью» [4, с. 113], с отсутствием лечения – «само пройдет». Такое представление закрепилось в паремиях и распространенных фразах, показывающих ненужность и бессмысленность лечения: *Если лечить насморк, он проходит за 7 дней, если не лечить – за неделю; На живом все заживет; Болит голова – остричь догола, посыпать ежовым пухом да ударить обухом; Заболит нос – высунь на мороз: сам отвалится и здоров будет.*

К важным признакам концепта «Лекарство» в русской наивной картине мира можно отнести способность победить болезнь. В соответствии с этим представлением разворачиваются сценарии вокруг данного концепта в PR-дискурсе фармацевтических компаний. Приведем в качестве примера тексты о лекарствах ОАО «Эвалар», размещенные на сайте данной компании:

Атероклефит. Холестерин может быть в норме с Атероклефитом! Натуральное лекарственное средство Атероклефит - пусть сосуды будут чистыми, а сердце здоровым!

Овесол. Способствует бережному очищению печени. Только в нем овес молочной спелости усилен травами и куркумой.

Ротокан. Растительное лекарство для лечения воспалительных заболеваний желудочно-кишечного тракта и слизистой полости рта [9].

Данные тексты составлены по одному сценарию, который автоматически экстраполирует готовые смысловые блоки на узнаваемую ситуацию: *болезнь – лекарство – выздоровление*. Манипулятивная стратегия заключается во введении новых слотов, позволяющих креатору убедить реципиента в возможности быть самому себе доктором. К таким слотам относит «место возможного проявления болезни в организме», в котором используются наименования органов человека. Реципиент экстраполирует данный слот на себя и формирует ложную логическую цепочку: «*У меня есть этот орган (печень, желудок, горло и т.п.), значит, есть (возможна) болезнь, значит, ее надо лечить (предотвратить)».* Помимо этого, креатор актуализирует только одно свойство концепта «лекарство» – его натуральный состав: *натуральное лекарственное средство, растительное лекарство, натуральный йод и лапчатка.* На первый план выходит ценностная сторона концепта, которая формирует отношение к любому лекарству как необходимому компоненту для здоровья: *Атероклефит – пусть сосуды будут чистыми, а сердце здоровым!*

Другой сценарий разворачивается в фармацевтическом дискурсе, проявляющемся в жанре инструкции по применению лекарств. Сценарий разворачивается на основе устойчивой модели текста, включающей смысловые блоки: торговое наименование – лекарственная форма – состав – описание – фармакотерапевтическая группа –

фармакологические свойства (фармакодинамика, фармакокинетика) – показания к применению – противопоказания – способ применения и дозы – побочные действия – передозировка – взаимодействие с другими препаратами – особые указания – форма выпуска – условия отпуска из аптек – владелец регистрационного удостоверения – производитель – условия хранения. На первый план в этом сценарии выходит понятийная сторона концепта, которая включает подробное описание, дефиниции и структуру концепта. Например:

Атероклефит® представляет собой жидкий экстракт из травы клевера красного, полученный путем двойной экстракции сырья 40 % этанолом <…> Механизм действия жидкого экстракта травы клевера красного связан с перераспределением холестерина из ЛПНП в ЛПВП, в составе которых холестерин быстрее метаболизируется и выводится из организма. Жидкий экстракт травы клевера красного также способствует снижению интенсивности перекисного окисления липидов; в результате чего уменьшается перекисная модификация липопротеидов и нормализуется проницаемость сосудистой стенки [5].

В тексте не дается оценка лекарству: сценарий строится на подробном перечислении характеристик, действий и противодействий, последствий приема лекарство, побочных действий. В отличие от текстов компании ОАО «Эвалар», в данном тексте используются информационные стратегии, главной интенцией которых является передача информации о лекарстве. В стилистическом плане текст сложный для неспециалиста, однако его восприятие обусловлено «жанровыми ожиданиями реципиента» [2].

Заключение

Репрезентация лекарственных средств или чаще всего эхо-фразы фармацевтического препарата ориентированы на актуализацию ассоциативных значений фармаконимов в рекламном и PR-дискурсе. Значение фармаконима, используемого для обозначения ономастических единиц фармацевтических препаратов в рекламном и PR-дискурсе, определяется информацией, транслируемой как самим названием лекарственного препарата, так и слоганом, усиливающим его суггестивное воздействие на потребительскую аудиторию. В этой связи прагматическая функция фармаконима обусловлена тем комплексом ассоциативных значений, которые способно реконструировать потребительское сознание. Как словесная номинация концепта «Лекарство» фармаконим не только выполняет номинативную функцию, раскрывая понятийное содержание концептов «Болезнь» и «Здоровье», но и транслирует маркетинговое значение рекламного текста с учетом его коммуникативно-прагматической направленности.

Анализ PR-текстов и текстов, относящихся к фармацевтическому дискурсу, показал, что для репрезентации концепта «Лекарство» используются разные сценарии. В PR-дискурсе на первый план выходит ценностная сторона концепта, которая формирует отношение к любому лекарству как необходимому компоненту для здоровья. Сценарии, по которым составлены тексты, автоматически экстраполируют готовые смысловые блоки на узнаваемую ситуацию: болезнь – лекарство – выздоровление. В фармацевтическом дискурсе на первый план в представления концепта «Лекарство» выходит понятийная сторона, которая включает подробное описание, дефиниции и структуру концепта, что подтверждает анализ инструкции по применению лекарств.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. События. Факт [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.

2. Барышева, С. Ф. Жанровое своеобразие интернет-комуникации [Текст] / С. Ф. Барышева, Л. Т. Касперова, Н. И. Клушина, Л. В. Селезнева, Н. В. Смирнова // Филология и человек. – 2015. – № 4. – С. 121–130.

3. Ежова, Е. Н. К вопросу о семантической организации рекламного текста [Текст] // Активные процессы в социальной и массовой коммуникации: коллективная монография / отв. ред. и сост. Н. В. Аниськина, Л. В. Ухова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2014. – С. 7–21.

4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

5. Лекарства. Атероклефит [Электронный ресурс] // ЯndexЗдоровье. – Режим доступа: https://health.yandex.ru/pills/ateroklefit-37899.

6. Лыткина, О. И. Исследование дискурса в рамках сдвига научной парадигмы: фрейм и концепт [Текст] / О. И. Лыткина, Л. В. Селезнева // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2011. – № 3. – С. 206–213.

7. Маслова, И. Б. Терминологические исследования фармацевтического дискурса: лингводидактический обзор [Текст] / И. Б. Маслова, Э А. Коржавых // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Вопросы образования: языки и специальность. – 2011. – № 1. – С. 24–30.

8. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика [Текст] / А. П. Чудинов. – М. : Флинта: Наука, 2006. – 256 с.

9. Эвалар [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://shop.evalar.ru/catalog/purpose/

10. Anreiter, P. Pharmakonyme: Benennungsmotive und Strukturtypologie von Arzneimittelnamen. – Wien : Ed. Praesens, 2002. – 461 s.

11. Beasley, R. Persuasive Signs: The Semiotics of Advertising / R. Beasley, M. Danesi. – Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 2002. – 204 p.

12. Cook, G. The Discourse of Advertising. – London and New York : Routledge. Taylor and Francis Group, 2001. – 272 p.

13. Goddard, A. The Language of Advertising. – London and New York : Routledge, 2002. – 131 p.

Bibliograficheskij spisok

1. Arutjunova, N. D. Tipy jazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytija. Fakt [Tekst] / N. D. Arutjunova. – M. : Nauka, 1988. – 341 s.

2. Barysheva, S. F. Zhanrovoe svoeobrazie internet-kommunikacii [Tekst] / S. F. Barysheva, L. T. Kasperova, N. I. Klushina, L. V. Selezneva, N. V. Smirnova // Filologija i chelovek. – 2015. – № 4. – S. 121–130.

3. Ezhova, E. N. K voprosu o semanticheskoj organizacii reklamnogo teksta [Tekst] // Aktivnye processy v social'noj i massovoj kommunikacii: kollektivnaja monografija / otv. red. i sost. N. V. Anis'kina, L. V. Uhova. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2014. – S. 7–21.

4. Karasik, V. I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [Tekst] / V. I. Karasik. – Volgograd : Peremena, 2002. – 477 s.

5. Lekarstva. Ateroklefit [Jelektronnyj resurs] // JandexZdorov'e. – Rezhim dostupa : https://health.yandex.ru/pills/ateroklefit-37899.

6. Lytkina, O. I. Issledovanie diskursa v ramkah sdviga nauchnoj paradigmy: frejm i koncept [Tekst] / O. I. Lytkina, L. V. Selezneva // Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta. – 2011. – № 3. – S. 206–213.

7. Maslova, I. B. Terminologicheskie issledovanija farmacevticheskogo diskursa: lingvodidakticheskij obzor [Tekst] / I. B. Maslova, Je A. Korzhavyh // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija : Voprosy obrazovanija: jazyki i special'nost'. – 2011. – № 1. – S. 24–30.

8. Chudinov, A. P. Politicheskaja lingvistika [Tekst] / A. P. Chudinov. – M. : Flinta: Nauka, 2006. – 256 s.

9. Jevalar [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : https://shop.evalar.ru/catalog/purpose/

10. Anreiter, P. Pharmakonyme: Benennungsmotive und Strukturtypologie von Arzneimittelnamen. – Wien : Ed. Praesens, 2002. – 461 s.

11. Beasley, R. Persuasive Signs: The Semiotics of Advertising / R. Beasley, M. Danesi. – Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 2002. – 204 p.

12. Cook, G. The Discourse of Advertising. – London and New York : Routledge. Taylor and Francis Group, 2001. – 272 p.

13. Goddard, A. The Language of Advertising. – London and New York : Routledge, 2002. – 131 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 19.03.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10051
УДК 81.42

П. А. Лекова
https://orcid.org/0000-0002-7725-1137

Парцелляция в системе способов речевого портретирования

В статье исследуются тексты дагестанского публициста Светланы Анохиной, являющейся лауреатом Государственной премии РД, дипломантом журналистских конкурсов, создателем портала «Daptar.ru», чье творчество известно не только в Дагестане, но и за его пределами. В результате анализа газетных статей, опубликованных в различных независимых изданиях, можно констатировать, что С. Анохина относится к разряду журналистов, которым свойственно внимательное отношения к стилистике своих сочинений. Экспрессивность проявляется на всех уровнях ее журналистского текста, в частности, на синтаксическом. Прежде всего, речь идет о явлениях, которые создают эффекты спонтанного построения речи. В рамках данной статьи рассматривается такой прием экспрессивного синтаксиса, характерный для современного журналистского текста, как парцелляция.

Парцелляция, свойственная стилю С. Анохиной, придает текстам разговорный оттенок, указывает на стремление автора быть ближе к адресату информации. В ходе исследования доказывается утверждение о том, что, будучи доминантой стилистической организации текста, указанный прием может рассматриваться в системе средств речевого портретирования. Парцелляция в текстах Светланы Анохиной манифестирует стремление автора-журналиста сократить дистанцию с целевой аудиторией, заявить о таких качествах дискурсивной личности, как оппозитивность мышления, мировоззренческий эклектизм, сигнализирует о целом ряде характеристик языковой, эмоциональной и дискурсивной личности, свидетельствующих, в свою очередь, о способах самоидентификации по отношению к окружающей действительности, об авторских стратегиях формирования картины мира в сознании реципиентов на основе общего эмоционального переживания.

Ключевые слова: экспрессивные синтаксические конструкции, языковая личность, дискурсивная личность, речевой портрет.

P. A. Lekova

Parcellulation in the system of methods of speech portraying

The article examines the texts of the Dagestani publicist Svetlana Anokhina, who is a laureate of the State Prize of the Republic of Dagestan, a diploma of journalistic contests, the creator of the portal «Daptar.ru», whose work is known not only in Dagestan, but also abroad. As a result of the analysis of newspaper articles published in various independent publications, it can be stated that S. Anokhina belongs to the category of journalists, who are characterized by a careful attitude to the stylistics of their writings. Expressiveness is manifested at all levels of her journalistic text, in particular syntactical. First of all, we are talking about phenomena that create the effects of spontaneous speech construction. In the framework of this article, we consider such methods of expressive syntax that are characteristic of a modern journalistic text, such as parcellation, question-answer and plug-in constructions.

The article illustrates the thesis that S. Anokhina's articles are characterized by question-answer constructions, where mutually exclusive statements are presented. So the author seeks to highlight the overlapping opinions. In addition, the alternation of questions and answers forms a semantic complex that represents the position of a journalist seeking to consolidate with readers. Parcellation, inherent in the style of S. Anokhina, gives the texts a colloquial connotation, indicates the author's desire to be closer to the addressee of the information. Using plug-in constructions, the journalist expresses her assessment of the described things. Various inserts inform about the journalistic strategies and the language competence of the author.

In the course of the study, it is proved that, being the dominant of the stylistic organization of the text, these techniques can be considered in the system of means of speech portraying. The indicated methods of expressive syntax manifest the desire of the author-journalist to shorten the distance with the target audience, to declare about such qualities of the discursive personality as oppositional thinking, worldview eclecticism. The methods of expressive syntax, to which the author of the publicistic text appeals, signal a number of characteristics of the linguistic, emotional and discursive personality, which in turn testify to ways of self-identification with respect to the surrounding reality, about the author's strategies for forming a picture of the world in the consciousness of recipients on the basis of a common emotional experience.

Keywords: expressive syntactic constructions, linguistic personality, discursive personality, speech portrait

М. Фуко считал, что дискурс – это освоение реальности. По его мнению, в результате дискурсивных практик «обговаривается», то есть осваивается, мир и правила самого дискурса и, как следствие, формируются соответствующие мыслительные конструкции. По мнению ученого, дискурс – это одновременно процесс и результат, а также способ формирования картины мира («ви-

© Лекова П. А., 2018

дения»), предполагающий упорядочивание явлений действительности во множестве дискурсивных практик [11, с. 30]. Положения теории М. Фуко стали продуктивными для критической лингвистики, оперирующей, в том числе, понятием искаженного представления о действительности в дискурсе. В контексте этого интерпретировалась и проблема нарушения объективности медиасообщения [14]; [15], [16], [17], [22]. Нарушение принципа объективности, в свою очередь, напрямую связано с автором текста и его характеристиками как языковой, дискурсивной, эмоциональной и профессиональной личности.

Журналист осознает себя участником медиадискурса, который требует от него постоянной интеллектуальной и творческой активности, направленных на поиск объективно-субъективных подходов к освоению действительности и интерпретации различных явлений этой действительности в соответствии прагматикой журналистского текста и декодирующими возможностями аудитории. Публицистический дискурс, будучи одним из видов медийного дискурса, представляет собой совокупность журналистских текстов. По мысли З. Йегера, это «тексты определенного направления, которые опираются на социально-историческую ситуацию, сложившуюся в данный момент в обществе» [18, с. 10]. Речь журналиста – это всегда речь коммуниканта, «который стремится быть понятым, а потому умело использует все возможности языка» [8, с. 106]. Анализ синтаксического строя речи автора и персонажа в журналистском тексте – один из способов исследования свойств языковой личности автора и формирования представлений о речевом портрете персонажа. Как правило, синтаксические ресурсы текста дают недостаточное количество информации для формирования представлений об идиостиле автора и речевого портретирования. Но в случае очевидного доминирования одного синтаксического средства мы можем утверждать, что именно оно сигнализирует о речевых стратегиях и тактиках как автора, так и его персонажа. Обращение к приемам экспрессивного синтаксиса, на наш взгляд, свидетельствует о том, как в языковом сознании автора совмещаются рациональные и эмоциональные подходы к восприятию действительности и к способам ее репрезентирования.

Дагестанская журналистка С. Анохина относится к разряду журналистов, которым свойственно внимательное отношение к стилистике авторского высказывания и к себе как к языковой личности. Не случайно в одной из своих публикаций она поднимает проблему формирования объективного отношения к сложным языковым процессам, сопровождающим бытование национальных языков народов Дагестана: «Такая ситуация некоторой частью граждан воспринимается как что-то вполне естественное. Безо всякого надрыва они говорят об «умирании» языка, веселятся, слушая косноязычных политических и религиозных деятелей. Другие предлагают бить в набат и незамедлительно принимать самые что ни на есть решительные меры» [2]. С. Анохина, как видим, ощущает себя в многомерном, сложном языковом пространстве, что требует от нее, как от профессиональной языковой личности, дополнительных усилий по освоению этого пространства и формирования стилистики журналистского высказывания. Обращает на себя внимание установка автора на следование логике естественного развития языковых процессов, которые очевидны для нее как для языковой, коммуникативной и дискурсивной личности.

Журналистский текст не может не демонстрировать качеств экспрессивности, что связано с его прагматическими установками, а также с фактом его функционирования в системе медиакоммуникаций. Экспрессивность свойственна всем уровням организации журналистского текста, в том числе синтаксическому. Прежде всего, речь идет о таких явлениях, которые создают эффекты спонтанного построения речи. Об этой тенденции в языке СМИ говорит И. А. Стернин: «Публицистический дискурс в его письменной форме в целом становится более разговорным, приобретает значительное число устных черт, использует приемы, характерные преимущественно для устной речи. Данное явление обозначается термином «орализация публицистики» [10, с. 100].

Л. Р. Дускаева отмечает, что «процесс „экспансии" разговорной речи вплоть до просторечия и нелитературных языковых средств приобрел поистине небывалые масштабы и интенсивность. По существу, изменилась стилевая норма публицистической речи, она сдвигается в сторону разговорности, раскованности и свободы. Разговорные средства всех языковых уровней используются в самых различных жанрах, существенно изменяя общий лингвостилистический облик публицистики» [5, с. 668].

Консолидируясь с такими исследователями, как Г. Н. Акимова, выделим следующие синтаксические экспрессивные построения: 1) парцеллированные конструкции; 2) сегментированные конструкции; 3) лексиче-

ский повтор с синтаксическим распространением; 4) вопросно-ответные конструкции в монологической речи; 5) цепочки номинативных предложений; 6) вставные конструкции; 7) экспрессивно-стилистическое словорасположение [1, с. 88].

Анализ экспрессивных построений в публикациях С. Анохиной показал, что она тяготеет к использованию парцеллированных конструкций (анализ был проведен на примере 10 выборок, каждая из которых включала в себя 100 синтаксических конструкций). Частотность использования парцелляции в среднем – 8 парцеллированных конструкций на 1000 печатных знаков. Доминирование парцеллированных конструкций не является отличительной характеристикой идиостиля конкретного автора и соответствует стилистике современного журналистского текста. Вот как об этом писала Н. С. Валгина, которая отмечала, что парцелляция является следствием стремления авторов к созданию эффектов разговорности и может рассматриваться как важная тенденция формирования стиля журналистского произведения: «Данная тенденция возросла именно под влиянием живой разговорной речи, которая не нуждалась изначально в выражении сложностей синтаксических взаимоотношений компонентов высказывания, поскольку эти логико-смысловые связи передавались здесь иными средствами – интонацией, паузами. Такие изменения отнюдь не ломали традиционного книжного синтаксического строя, произошла лишь активизация имеющихся в синтаксисе конструкций, заложенных в синтаксисе возможностей» [3, с. 187].

В то же время сам факт актуализации парцеллированных конструкций, преобладание конкретных способов парцелляции не может не свидетельствовать о характеристиках автора как языковой личности, позволяет реконструировать его речевой портрет. По мнению О. В. Шушлебиной, именно «анализ парцеллированных конструкций выдвигает в сферу внимания исследователя новый уровень – уровень лингвистики текста, позволяет открыть новые грани в исследовании художественного текста – авторского стиля писателя, речевой характеристики персонажей, психологической составляющей литературного произведения [13, с. 39].

Мы свели наиболее типичные для анализируемого автора парцеллированные конструкции в **Таблицу 1**, с указанием их функциональной предназначенности в ее текстах (речь от лица автора и от лица героя публикации):

Таблица 1

Типичные парцеллированные конструкции в текстах С. Анохиной

Автор	Герой
СМС не рассылала и не отвечала на присланные. Не постила у себя на стенке в «Фейсбуке» ничего патриотического и не собираюсь. Вот на акцию Бессмертный полк пошла бы. Раньше бы пошла.	Почти все заболели малярией, дрожим, зубы клацают, страшное дело, в общем. Первый курс еще как-то протянули. Даже экзамены сдали. А потом нам всем дали академический отпуск на 2 года. Я больной приехал в Хунзах и сразу свалился в очередном приступе. Пришли друзья отца, медики, первым делом сказали: *«Одеяло закуси, а то останешься без зубов».* Через год вроде полегче стало
И еще я колонки в газету не писала. Ни в прошлом году, ни в позапрошлом, ни пять лет назад такого не делала. А вот сейчас почему-то захотелось. Я потом уже вычитала, что такое со многими. Не говорят. Ну вот и он – обходил тему.	Она привела другого, но тоже наш, хунзахский, оказался. Он меня с трудом узнал, я был худой – одни кости и весь желтый. Опять отпуск двухгодичный. В Воронеж я не вернулся.
О шоколаде говорил охотно, а о том, как составы под откос пускали, железку минировали – только вскользь. И о родителях своих – тоже сухо. Неохотно. Не часто.	Магомед Устаров из Гоцатля. Пожилой уже человек. Такой партизан был. И женщины отважные были. Не хуже мужчин.

Автор	Герой
Дорога… Выехали за город – уже счастье. Говорить не хочется. Ни водителю – Руслану. Ни фотографу – тоже Руслану. Ни мне. Смотрю в окно, будто впервые вижу. Помню, если появились на обочине первые холодильники – скоро Леваши. Холодильников будет много, они живут стадами по 15–25 штук.	А дочери у меня врачи. Патимат – врач, Сакинат – врач, Шамай тоже была врачом… Погибла она. В аварии. Это беда такая, потерять ребенка, не хочу про это.
Сначала мечты и потом – сразу на блюдечке – их воплощение. Никакого конфликта, никаких метаний. Ни одного соперника на горизонте. Пришел. Увидел. Поженился. Для жизни, может быть, и хорошо, но для театра не слишком. Скучно. Пресно.	Фамилия моя с аварского переводится как Железный. Родом я из Хунзаха. Нас было шестеро в семье: трое сыновей и три дочери. Отец был очень требовательный человек. Ни себе поблажек не давал, ни нам. В 6 лет я уже отвечал за отцовского коня.
Сзади шум, выкрики, возня. Выскакиваем из машины. Руслан-фотограф чертыхается – дождь со снегом, снимки могут не получиться. А снимать есть что. Дерутся быки. Черный и белый. Кто-то их стравил, и тут же пустынная улица сделалась людной, шумной, дышащей. Древняя энергетика схватки накаляет воздух.	В коммунистическую идею я верю до сих пор… Только кадры нужны и надо быть честным. А сейчас жуликов много, подхалимов, проходимцев всяких

Функциональная предназначенность этих конструкций в текстах С. Анохиной различна. Прежде всего необходимо указать на то, что для нее парцелляция является способом отражения рационально-чувственных ощущений как самой журналистки, так и героев ее текстов. Тяготение к очерковости, стремление выстроить систему множественных ассоциаций в сознании читателя заставляют автора журналистского текста прибегать к парцелляции как способу структурирования отдельных участков текста, создавая эффект монтажа действительности. Именно этим можно объяснить доминирование в анализируемых текстах таких конструкций, в которых парцеллят реализуется в пределах структуры однородных членов или сложного предложения. Слабая связь парцеллята с базовой частью позволяет автору посредством расчленения синтагматической цепи отразить изображаемую действительность как фрагментированную, а внутреннее состояние самого автора и его персонажа как ассоциативное. Этот прием позволяет автору журналистского текста увеличить смысловую наполняемость текста, не увеличивая объема каждого отдельно взятого высказывания.

Парцелляция способствует актуализации наиболее важных для понимания журналистского произведения смыслов. Не случайно С. Анохина чаще всего прибегает к этому приему в лидер-абзацах, концентрируя внимание реципиентов на принципиально значимых смыслах. Парцелляция как синтатико-стилистический прием в этой части журналистского текста позволяет заявить максимум информации в минимальном объеме текста. Интонационно-смысловое выделение значимых конструкций дает журналисту возможность сформировать систему ключевых позиций, принципиально важных для понимания текста, а также способствуют структурированию текста. Экспрессивно-смысловой потенциал парцелляции как актуального для журналистского текста приема его стилистической и структурной организации заключается, как уже говорилось, в создании эффекта разговорности. Речь героя журналистского текста создает впечатление естественности прежде всего за счет активного использования парцеллированных конструкций, передает эффект напряженности жизни героя, объемности его мироощущения, а также эффект обдумывания фразы в контексте воспоминаний. Можно говорить о том, что «рассказывание какой-либо истории представляет собой осуществляющийся в оперативном режиме интеракциональный процесс, в котором используется ряд стратегий, направленных на адекватное приспособление рассказа к ситуации, его представление, введение, развитие, организацию и завершение описания случая из личной жизни» [20, с. 157].

Следует обратить внимание на то, что в текстах Анохиной количество парцеллятов в речи героя и автора разное: в речи последнего парцеллятов больше (соотношение – 1:3). Этот факт свидетельствует о том, что парцеллированные конструкции используются журналистом с разными целями. В

речи героя – это способ создания разговорности, в речи автора – способ достижения прагматических эффектов: воздействие на реципиента, стремление заявить об авторской индивидуальности. В то же время мы можем говорить о том, что для С. Анохиной – это способ самоидентификации по отношению к герою, которого она позиционирует как близкого по духу и характеру восприятия действительности, то есть на уровне выбора языковых средств заявляет эмпатию, качество автора, которое Куно Сусуму интерпретировал как отождествление автора с героем в процессе выбора языковых стратегий и языковых категорий [19, с. 14].

Явление парцелляции тесно связано с проблемой позиционирования скрытых смыслов. И в этом контексте уместно вспомнить теорию Ван Дейка, который считал, что «важнейшим компонентом процессов построения и восприятия текстов является осмысление стоящих за ними социальных ситуаций и их когнитивная репрезентации» [3, с. 56]. Конструкции обозначенного типа в текстах С. Анохиной сигнализируют о том, что автор заявляет свое скрытое несогласие с такими явлениями социальной действительности, как безразличное отношение государства к гражданам, бесправное положение женщины в обществе. Парцеллированные конструкции особенно активно привлекаются автором для создания эффектов оппозиционности в рамках информационно-аналитических жанров, свидетельствуют об оппозитивности мышления автора. Эффект оппозиционности как противостояния неблагополучной социальной действительности создается в текстах С. Анохиной, как правило, за счет активного использования парцеллированных конструкций с противительными союзами: «Все знакомые очень живо обсуждали это дело. Причем, как правило, крутили пальцем у виска и пожимали плечами: мол, что с них возьмешь, с этих европейцев, делать им нечего, из-за пучка перьев такой шум подняли. А я сидела тихо и думала, что, пожалуй, хотела бы жить там, где шум поднимается по такому поводу»; «Воробьиную историю я как-то с грехом пополам пережила. Похныкала немножко, покричала шепотом: „Мотать отсюда надо!" – и затихла. Но тут новая беда! Сама, в принципе, виновата – спать ночью надо, а не смотреть „Евроньюс". Но я не спала и поэтому узнала: есть в Италии малюсенький городок…»; «Они там улыбались. А я сидела перед телевизором и тихонечко выла в ночи. Нет, я, конечно, рада, что у людей началось солнце и кончилась депрессия. Но такую информацию трудно пережить, если твой адрес – Россия, Республика Дагестан, город Махачкала. Потому что здесь для рядового человека депрессия – непозволительная роскошь» [2].

Неприятие неблагополучной социальной действительности интерпретируется автором как во многом эмоциональный подход, не противоречащий, впрочем, рациональному восприятию действительности. Эмоциональная составляющая языковой личности автора находит свое воплощение на уровне синтаксической организации текста. И приемы экспрессивного синтаксиса, с одной стороны, являются отражением сознания автора, а с другой – способом эмоционального давления на реципиента.

Научные оценки различных исследователей по проблеме функционирования парцеллированных конструкций в газетно-журнальном тексте свидетельствуют о том, что современный журналистский текст демонстрирует устойчивую тенденцию к тому, что парцелляция «находит свое полное выражение на уровне связного текста» [7, с. 14]. Анализируя конкретные примеры в контексте обозначенной проблемы, Е. Г. Сидорова приходит к выводу о том, что «парцелляция не только служит средством связности и членимости как основных текстовых категорий, но и позволяет акцентировать внимание на ключевых частях данного текста» [8, с. 41].

Текстообразующая функция парцелляции находит свое активное применение и в текстах С. Анохиной: «Папу именно на 9 Мая, после третьего-пятого тоста можно было разговорить. Так-то он о войне не любил, практически ничего не рассказывал. Я потом уже вычитала, что такое со многими. Не говорят. Ну вот и он – обходил тему. Если говорил, так про корову. Как утром 22-го выгонял ее пастись, и с неба вдруг посыпались бомбы. И они жались друг к другу – мальчик и корова, ошарашенные, еще не понимающие, что случилось. Совсем немножко о своем партизанстве в их Брянских лесах. Ну, совсем мало! Больше о немецком складе, который они, пацаны, взломали, а там был шоколад, и как они его лопали, все вымазались… О шоколаде говорил охотно, а о том, как составы под откос пускали, железку минировали – только вскользь. И о родителях своих – тоже сухо. Неохотно. Нечасто» [2].

Следует обратить внимание, на то, что реализация композицоонно-текстологической функции парцелляции позволяет автору заявить о ключевых смыслах (говорил – не говорил; вспоминал – не вспоминал), конструировать текст по принципу

объединения различных смысловых блоков.

Таким образом, мы можем утверждать, что в анализируемых журналистских текстах парцеллированные конструкции отражают специфику сознания автора, воспринимающего и репрезентирующего действительность как сегментированную, способствуют формированию скрытых смыслов, отражающих оппозитивные настроения автора. Приемы парцелляции создают эффекты разговорности в речи героя и автора. Следует указать на стремление автора посредством парцеллированных конструкциях интегрироваться с аудиторией, идентифицироваться как ее составляющая.

Библиографический список

1. Акимова, Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка [Текст] / Г. Н. Акимова. – М. : Высшая школа, 1990. – 168 с.

2. Анохина, С. Статьи [Электронный ресурс] / С. Анохина. – Режим доступа: http://www.daptar.ru/

3. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке [Текст] / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2001. – 304 с.

4. Ван Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. А. Ван Дейк. – Благовещенск : Типограф-комплекс, 2000. – 308 с.

5. Дускаева, Л. Р. Языково-стилистические изменения в современных СМИ [Текст] / Л. Р. Дускаева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. – М. : Флинта, Наука, 2003. – С. 668.

6. Невинская, М. Д. Концептуальная оппозиция «народ – власть» в политическом дискурсе [Текст] / М. Д. Невинская. – Волгоград : ВолГПУ, 2006. – 177 с.

7. Пинегина, Я. Н. Парцеллированные конструкции и их коммуникативно-прагматические функции в современных медиатекстах [Текст] / Я. Н. Пинегина. – Ростов н/Д : РГПУ, 2005. – 148 с.

8. Сидорова, Е. Г. Парцеллированные конструкции как средство реализации конструктивно-стилевого вектора современного газетного текста [Текст] // Вестник ВолГУ. – Серия 2. – Вып. 6. – 2007. – С. 40–47.

9. Сиротинина, О. Б. Типы речевых культур и проблема кодификации норм [Текст] / О. Б. Сиротинина // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. – М. : Индрик, 2001. – С. 314–318.

10. Стернин, И. А. Социальные факторы и публицистический дискурс [Текст] / И. А. Стернин // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков. Человек и его дискурс. – М. : Азбуковник, 2003. – С. 91–109.

11. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет [Текст] / М. Фуко. – М. : Касталь, 1996. – 448 с.

12. Шаймиев, В. А. Роль вставных конструкций в реализации текстовых категорий [Текст] / В. А. Шаймиев // Текстовые реализации и текстообразующие функции синтаксических единиц: Межвуз. – Л. : ЛГПИ, 1988. – С. 117–127.

13. Шушлебина, О. В. Парцелляция как явление экспрессивного синтаксиса [Текст] // Вестник КРСУ, 2012. – Том 12. – № 5. – С. 39–41.

14. Van Dijk, T. A. News as Discourse / T. A. Van Dijk // Lawrence Erlbaum Associates, 1988. – 200 p.

15. Fairclough, N. Language and Power / N. Fairclough. – Longman Group UK Limited, 1989. – 253 p.

16. Fairclough, N. Critical discourse analysis. A multidisciplinary introduction / N. Fairlough // Discourse as Social Interaction. Discourse Studies / Ed. by T. A. Van Dijk. – London : Sage, 1997. – P. 271–280.

17. Fowler, R. Language in the News. Discourse and Ideology in the Press. / R. Fowler. – Routledge, 1991. – 224 p.

18. Jäger S. Kritische Diskursanalyse. Eine Einführung / S Jäger. – Duisburg, 1993. – 442 p.

19. Kuno, Susumu Functional Syntax: Anaphora, Discourse, and Empathy / Susumu Kuno. – Chicago : University of Chicago Press, 1987. – 330 p.

20. Polanyi, L. Telling the American story: a structural and cultural analysis of conversational storytelling / L. Polanyi. – Cambridge : Mass., MIT Press, 1989. – 215 p.

21. Schutz, A. Phenomenology and the social sciences // Philosophical Essays in Memory of Edmund Husserl / A. Schutz. – Cambridge : MA, 1940. – P. 164–186.

22. Willis, J. The Shadow World: Life Between the News Media and Reality / J. Willis. – New York : Praeger Publishers, 1991. – 264 p.

Bibliograficheskij spisok

1. Akimova, G. N. Novoe v sintaksise sovremennogo russkogo jazyka [Tekst] / G. N. Akimova. – M. : Vysshaja shkola, 1990. – 168 s.

2. Anohina, S. Stat'i [Jelektronnyj resurs] / S. Anohina. – Rezhim dostupa: http://www.daptar.ru/

3. Valgina, N. S. Aktivnye processy v sovremennom russkom jazyke [Tekst] / N. S. Valgina. – M. : Logos, 2001. – 304 s.

4. Van Dejk, T. A. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija [Tekst] / T. A. Van Dejk. – Blagoveshhensk : Tipografkompleks, 2000. – 308 s.

5. Duskaeva, L. R. Jazykovo-stilisticheskie izmenenija v sovremennyh SMI [Tekst] / L. R. Duskaeva // Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka / pod red. M. N. Kozhinoj. – M. : Flinta, Nauka, 2003. – S. 668.

6. Nevinskaja, M. D. Konceptual'naja oppozicija «narod – vlast'» v politicheskom diskurse [Tekst] / M. D. Nevinskaja. – Volgograd : VolGPU, 2006. – 177 s.

7. Pinegina, Ja. N. Parcellirovannye konstrukcii i ih kommunikativno-pragmaticheskie funkcii v sovremennyh mediatekstah [Tekst] / Ja. N. Pinegina. – Rostov n/D : RGPU, 2005. – 148 s.

8. Sidorova, E. G. Parcellirovannye konstrukcii kak sredstvo realizacii konstruktivno-stilevogo vektora sovremennogo gazetnogo teksta [Tekst] // Vestnik VolGU. – Serija 2. – Vyp. 6. – 2007. – S. 40–47.

9. Sirotinina, O. B. Tipy rechevyh kul'tur i problema kodifikacii norm [Tekst] / O. B. Sirotinina // Slovar' i kul'tura russkoj rechi. K 100-letiju so dnja rozhdenija S. I. Ozhegova. – M. : Indrik, 2001. – S. 314–318.

10. Sternin, I. A. Social'nye faktory i publicisticheskij diskurs [Tekst] / I. A. Sternin // Massovaja kul'tura na rubezhe HH–HHI vekov. Chelovek i ego diskurs. – M. : Azbukovnik, 2003. – S. 91–109.

11. Fuko, M. Volja k istine: po tu storonu znanija, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let [Tekst] / M. Fuko. – M. : Kastal', 1996. – 448 s.

12. Shajmiev, V. A. Rol' vstavnyh konstrukcij v realizacii tekstovyh kategorij [Tekst] / V. A. Shajmiev // Tekstovye realizacii i tekstoobrazujushhie funkcii sintaksicheskih edinic: Mezhvuz. – L. : LGPI, 1988. – S. 117–127.

13. Shushlebina, O. V. Parcelljacija kak javlenie jekspressivnogo sintaksisa [Tekst] // Vestnik KRSU, 2012. – Tom 12. – № 5. – S. 39–41.

14. Van Dijk, T. A. News as Discourse / T. A. Van Dijk // Lawrence Erlbaum Associates, 1988. – 200 p.

15. Fairclough, N. Language and Power / N. Fairclough. – Longman Group UK Limited, 1989. – 253 p.

16. Fairclough, N. Critical discourse analysis. A multidisciplinary introduction / N. Fairlough // Discourse as Social Interaction. Discourse Studies / Ed. by T. A. Van Dijk. – London : Sage, 1997. – P. 271–280.

17. Fowler, R. Language in the News. Discourse and Ideology in the Press. / R. Fowler. – Routledge, 1991. – 224 p.

18. Jäger S. Kritische Diskursanalyse. Eine Einführung / S Jäger. – Duisburg, 1993. – 442 p.

19. Kuno, Susumu Functional Syntax: Anaphora, Discourse, and Empathy / Susumu Kuno. – Chicago : University of Chicago Press, 1987. – 330 p.

20. Polanyi, L. Telling the American story: a structural and cultural analysis of conversational storytelling / L. Polanyi. – Cambridge : Mass., MIT Press, 1989. – 215 p.

21. Schutz, A. Phenomenology and the social sciences // Philosophical Essays in Memory of Edmund Husserl / A. Schutz. – Cambridge : MA, 1940. – P. 164–186.

22. Willis, J. The Shadow World: Life Between the News Media and Reality / J. Willis. – New York : Praeger Publishers, 1991. – 264 p.

Reference List

1. Arutyunova N. D. Types of language values: Assessment. Events. Fact / N. D. Arutyunova. – M. : Nauka, 1988. – 341 pages.

2. Barysheva S. F. Genre originality of Internet communication / S. F. Barysheva, L. T. Kasperova, N. I. Klushina, L. V. Seleznyova, N. V. Smirnova // Philology and person. – 2015. – No. 4. – Page 121–130.

3. Ezhova E. N. To the question of the semantic organization of the advertizing text // Active processes in social and mass communication: collective monograph / editor-in-chief and author N. V. Aniskina, L. V. Ukhova. – Yaroslavl : YSPU Publishing House, 2014. – Page 7–21.

4. Karasik V. I. Language circle: personality, concepts, discourse / V. I. Karasik. – Volgograd : Peremena, 2002. – 477 pages.

5. Drugs. Ateroklefit [An electronic resource] // YandexZdorovie. – Access mode: https://health.yandex.ru/pills/ateroklefit-37899.

6. Lytkina O. I. Research of discourse within shift of a scientific paradigm: frame and concept / O. I. Lytkina, L. V. Seleznyova // Scientific notes of the Russian State Social University. – 2011. – No. 3. – Page 206–213.

7. Maslova I. B. Terminological researches of a pharmaceutical discourse: linguo-didactic review / I. B. Maslova, E A. Korzhavykh // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Questions of education: languages and specialty. – 2011. – No. 1. – Page 24–30.

8. Chudinov A. P. Political linguistics / A. P. Chudinov. – M. : Flinta: Nauka, 2006. – 256 pages.

9. Evalar [An electronic resource]. – Access mode: https://shop.evalar.ru/catalog/purpose/

10. Anreiter P. Pharmakonyme: Benennungsmotive und Strukturtypologie von Arzneimittelnamen. – Wien : Ed. Praesens, 2002. – 461 s.

11. Beasley R. Persuasive Signs: The Semiotics of Advertising / R. Beasley, M. Danesi. – Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 2002. – 204 p.

12. Cook G. The Discourse of Advertising. – London and New York : Routledge. Taylor and Francis Group, 2001. – 272 p.

13. Goddard A. The Language of Advertising. – London and New York : Routledge, 2002. – 131 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 21.03.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10050
УДК 811.161.1'42

Т. П. Куранова
https://orcid.org/0000-0003-1121-674X

Индивидуально-авторские метафоры в телевизионном спортивном репортаже

В статье рассматривается типология индивидуально-авторских метафор в речи спортивного комментатора регионального уровня С. Курицына, определяется их роль в телевизионном спортивном дискурсе. Анализ записей спортивных репортажей позволил сделать вывод, что тематический спектр метафор телеведущего канала «Первый Ярославский» чрезвычайно широк: гастрономические, торговые, юридические, учебные, азартные, любовные, строительные, сельскохозяйственные, автомобильные, железнодорожные, музыкальные, театральные, медицинские, туристические, анималистические, спортивные, морские, силовые, военные.

Отдельное внимание в статье уделено экспрессивным возможностям спортивных метафор, функционирующих в речи тележурналиста. Акцентируется внимание на том, что эффект сознательного воздействия на чувства и эмоции телевизионных болельщиков обеспечивается за счет использования различных видов метафор – от *военных* и *силовых*, высвечивающих эмоционально острые моменты ситуации и создающие эффект присутствия, – до *театральных* и *музыкальных*, используемых с целью эмоционального и эстетического воздействия на зрителя.

Автор приходит к выводу, что при помощи метафор в дискурсе телевизионного спортивного репортажа достигается: 1) богатство языка спортивного комментатора, его красочность, живописность, виртуозность владения словом; 2) расположение телевизионной аудитории к восприятию спортивного комментария; 3) экспрессия, которая появляется в результате выражения тележурналистом собственного отношения к происходящему на игровой площадке; таким образом он воздействует на мнение хоккейных болельщиков; 4) нестандартная трактовка обычного, то есть метафоры воспитывают чувство языка, делают комментарии более разнообразными, яркими, живыми и интересными.

Как показало исследование, употребление метафор – один из приемов языковой выразительности, который всегда дает гарантированный результат воздействия на массовую аудиторию.

Ключевые слова: индивидуально-авторские метафоры, дискурс телевизионного спортивного репортажа, телевизионные трансляции хоккейных матчей.

T. P. Kuranova

Individual and Author's Metaphors in the Television Sport Report

In the article the typology of individual and author's metaphors in the speech of the regional level sportscaster – S. Kuritsyn is considered, their role in the television sport discourse is defined. The analysis of records of sport reports allowed us to draw a conclusion that the thematic range of metaphors of the TV reporter of Pervy Yaroslavsky channel is extremely wide: gastronomic, trade, legal, educational, hazardous, love, construction, agricultural, automobile, railway, musical, theatrical, medical, tourist, animalistic, sports, sea, power, military.

In the article special attention is paid to expressional opportunities of the sport metaphors functioning in the speech of the TV reporter. The attention is focused that the effect of conscious impact on feelings and emotions of television fans is provided due to the use of different types of metaphors – from *military* and *power*, highlighting emotionally critical moments of a situation and creating the effect of presence, – to *theatrical* and *musical* used for the purpose of emotional and aesthetic impact on the viewer.

The author comes to the conclusion that by means of metaphors in discourse of the television sport report is reached: 1) richness of language of the sportscaster, its beauty, picturesqueness, virtuosity of possession of a word; 2) an arrangement of television audience to perception of the sport comment; 3) expression which is caused by the TV reporter's expressions of own relation to resulting on the playground; thus it influences opinion of hockey fans; 4) non-standard treatment of normal, that is metaphors cultivate the feeling of language, make comments more various, bright, live and interesting.

As the research showed, the use of metaphors is one of language expressiveness means which always gives a guaranteed result of impact on mass audience.

Keywords: individual and author's metaphors, discourse of the television sport report, television broadcasts of hockey matches.

В современной общественно-речевой практике спортивный репортаж занимает значительное место. С развитием средств массовой информации популяризация спорта получает все большее значение в жизни общества.

Спортивный репортаж представляет собой «жанр журналистики, оперативно сообщающий для печати, радио и телевидения о каком-либо событии» (цит. по: [1, с. 9]). Если на радио репортер должен словами «нарисовать» событие, то на те-

© Куранова Т. П., 2018

левидении комментатор становится «гидом» телезрителя благодаря живому и образному слову, всестороннему знанию материала.

По определению П. Истрате, спортивный репортаж – это «вид монологической речи, который ведется для массовой аудитории в устном дистантном общении и осуществляется при помощи технических средств» [1, с. 3]. Телевизионный спортивный дискурс является разновидностью устной публичной речи.

В спортивном медиадискурсе ведущий должен убеждать, привлекая, настраивая на себя аудиторию. Спортивные комментаторы призваны быть людьми образованными, с широким кругозором, фантазией, истинными мастерами слова. Каждый телекомментатор стремится иметь свою индивидуальность, манеру, творческую самостоятельность.

В поле нашего исследовательского интереса попали онлайн-трансляции хоккейных матчей на телеканалах НТМ и «Первый Ярославский» в исполнении ведущего-комментатора Сергея Курицына.

В его комментариях, на наш взгляд, удачно сочетаются и талант рассказчика, и дар импровизатора, и остроумие спортивного эрудита.

Телерепортажи С. Курицына отличаются страстностью, увлекательностью и эмоциональностью, раскрывают слушателям красоту, драматизм и внутренний мир спортивных состязаний. В телетрасляциях хоккейных матчей ведущий-репортер умеет жонглировать словами, владея вниманием тысяч телезрителей. Неповторимая интонация, четкая дикция, приятный тембр голоса и необыкновенная эмоциональность помогли региональному комментатору завоевывать симпатии тысяч любителей хоккея.

Репортажи хоккейных матчей С. Курицына отмечаются динамичностью и напряженностью. Его речь характеризуется сознательным построением фигур речи.

В данной статье мы рассмотрим *метафору* как средство создания выразительности в жанре телевизионного спортивного комментария. Для начала дадим определение данному языковому средству.

Метафора – «один из основных приемов познания объектов действительности, их наименования, создания художественных образов и порождения новых значений» (цит. по: [3, с. 166]).

По словам М. Руденко, метафора отбирает признаки одного класса объектов и прилагает их к другому классу или индивиду – актуальному субъекту метафоры.

Со времен Аристотеля метафора рассматривается как сокращенное сравнение: то есть это сравнение, из которого исключены предикаты подобия (похож, напоминает и др.) и компаративные союзы (как, как будто, как бы, словно, точно, ровно и др.). Вместе с ними устраняются основания сравнения, его мотивировка, обстоятельства времени и места, а также другие модификаторы. Метафора лаконична; она сокращает речь, в то время как сравнение ее распространяет [3, с. 166].

Согласно нашим наблюдениям, метафора является важным смыслообразующим фактором телевизионного спортивного дискурса. Придавая оценочную, экспрессивную и эмоциональную тональность комментарию, «она создает в нем фон, второй план, подтекст, который помогает понять действительные намерения автора» [4, с. 139].

Примечателен тот факт, что у С. Курицына есть целый набор предметов для сравнений, реализованных в метафоре. Тематически все его метафоры можно классифицировать следующим образом: *гастрономические (кондитерские), торговые, юридические, учебные, азартные, любовные, строительные, сельскохозяйственные, автомобильные, железнодорожные, музыкальные, театральные, медицинские, туристические, анималистические (зооморфные), спортивные, морские, силовые, военные*.

Из всей типологии индивидуально-авторских метафор самой многочисленной в телевизионных репортажах С. Курицына является группа **военных метафор**. Например:

1) ***Это война / это хоккейная война*** */ победит кто-то один / и дальше пойдет / вперед //*

2) *Опаснейший момент! Сейчас* ***пули свистели / у нас над головой*** *//*

3) *Анисимов* ***заряжает / и принимает на себя бой*** *//*

4) *В формате 5 на 3 /* ***забросают гранатами*** */ Сергея Борисова //* (вратаря ХК «Атлант»)

5) *Здесь* ***артобстрел*** */* ***со всех позиций*** */ подготовленный минчанами //*

6) *Опять /* ***классный прострел****! Егор Аверин //*

Военные метафоры высвечивают эмоционально острые моменты ситуации и создают эффект присутствия.

Метафорическая соотнесенность противостояния хоккейных команд на ледовой площадке с батальными сценами, битвами, войнами составляет самый высокий процент употребления метафор в речи С. Курицына. Телеведущий использует широкий набор лексем, связанных с военной тематикой: *выстрел, прострел, заряд, прицел, бой, крова-*

вая сечь, битва от ножа, дуэль, обстрел, атака, бойцы, свистящие над головой пули, разрывающиеся снаряды, артобстрел, окопы, оборонительные подступы, бастионы, засада, капитуляция, победа и т. д.

Для спортивного дискурса характерна не только борьба в прямом смысле слова, но и своеобразная борьба в сфере обозначения. В этом смысле поступки и состояния игроков нуждаются в образно-выразительном и эмоциональном обозначении, заключающем в себе не просто наименование определенного действия, но и его оценку. Поэтому использование **силовых метафор** (следующей тематической группы) – чрезвычайно широкий способ передачи экспрессивного содержания, особой динамики происходящего.

1) ***Навалился / питерский цунами*** */ на ворота Виталия Колесника //* (активные броски нападающего Алексея Поникаровского при реализации большинства командой СКА)

2) *Кирилл Капустин /* ***подпадает под каток*** */ под названием Юрий Александров //*

3) *Виталий Вишневский /* ***пошел танком / помноженным на бульдозер //***

4) *Тяжелее и тяжелее / игра идет /* ***игра тяжеловесов //***

Игра на повышенных скоростях, особый накал, нерв игры или, наоборот, инертность, отсутствие спортивного азарта, куража передается телевизионным комментатором с помощью **автомобильных метафор:**

1) ***Включил / следующую передачу*** *«Локомотив» / стал двигаться быстрее //*

2) *А здесь* ***реактивный*** *Хлопотов //* (о высоких скоростных возможностях нападающего команды «Локомотив»)

3) ***Быстро бьет по газам*** */ Кирилл Капустин / и так же быстро /* ***тормозит*** *//*

4) *Коньков /* ***пробуксовывает*** *//*

5) *А «Локомотиву» / пора доставать* ***бензин / солярку / топливо / да хоть чистый спирт…*** (надо прибавлять в игре с командой ЦСКА при незавидном счете 3:1).

В следующих игровых ситуациях представление хоккейных команд, взаимоотношения игроков на ледовой площадке также нуждаются в образно-выразительном и эмоциональном обозначении, заключающем в себе оценку репортера-ведущего. Именно поэтому использование **анималистических (зооморфных) метафор** С. Курицыным – чрезвычайно широкий способ создания иронического эффекта:

1) *Сегодня / нам предстоит* ***бодаться*** */ с минским Динамо / за 3 очка //*

2) *Команда [Медвешчак] / которая в последнее время ожила /* ***вылезла из берлоги / если брать во внимание логотип команды*** */ и в городом одиночестве / вот уже 4 игры / не хочет никому уступать //*

3) *В пятницу / отлично сыграли в обороне…* ***Не хватило зубов в атаке // Нет того зуба / чтобы укусить*** */ хабаровский «Амур» //*

4) *У Свитова / конечно /* ***размах крыльев пошире*** *// Драка двух больших парней //* (о драке нападающих ХК «Локомотив» и «Ак-Барс» Яниса Спруктса и Александра Свитова)

5) *Редлихс / время от времени* ***показывает зубы / но укусить не может*** *//*

Как следует из примеров, оригинальная форма речи, нестандартная, ироничная подача материала в данных речевых фрагментах способна эмоционализировать восприятие телезрителей.

Практически в каждом речевом фрагменте спортивных телерепортажей С. Курицына можно заметить использование средств выразительности: метафоры, метонимии, сравнения, эпитетов. Крайне частотно употребление **любовных метафор**, с помощью которых дается оценочная (подчас ироничная) характеристика действиям игроков. Это придает экспрессивности высказыванию и позволяет эффективнее привлечь зрителя к происходящему на арене.

1) *Тут они в какой-то момент /* ***понравились друг другу*** */ катаются индивидуально //* ***Кручинин / приклеился к Зимину //***

2) *У Игоря Мусатова / сейчас не выдержали нервы / и он поедет отдыхать /* ***за объятия*** *с Михаилом Пашниным (в штраф-бокс) //*

3) *Янас Варас /* ***первым эшелоном / улетел на свидание*** *к Сэнфорду //*

4) *Денисов / продолжает* ***охаживать*** *Плотникова / по всем статьям //*

5) ***Они оба / за Плотниковым ухаживали*** */ обрабатывали его клюшечкой //*

6) *И так вот они* ***сошлись в объятиях*** */ нисколько не дружественных //* (об игроках ХК «Локомотив» – СКА)

7) (Об удалении Егора Аверина за удар клюшкой по лицу игрока «Динамо» в плей-офф) *…****приобнял*** */ да еще и фэйс / чуть-чуть не подпортил!*

8) *Да / хоккей перестал* ***возбуждать*** */ в 3-м периоде //*

Как подтверждают примеры, метафорический перенос в речи телекомментатора С. Курицына

порой основан на сходстве несовместимых, далеких друг от друга предметов, отчего его метафоры выглядят еще более смелыми, неожиданными и интригующими. Метафоры в телевизионном спортивном дискурсе служат для создания иронических эффектов.

В спортивных телерепортажах С. Курицына акт коммуникации строится по принципу языковой игры. Своеобразная игра ведущего, заключающаяся в необычном подборе источников метафоризации, призвана, заведомо усложняя путь к смыслу, закодировать информацию таким образом, чтобы ее декодирование стало увлекательной игрой для получателя сообщения. В этом смысле весьма показательны примеры **азартных метафор** (***игорных, карточных***) в телевизионных трасляциях С. Курицына:

1) *Все дело в том / что Мальцев /* ***крутанул вертушечку / и попал!*** *Счет в матче открыт / и автор гола / Дмитрий Мальцев / ровно на экваторе матча //*

2) *Не очень много / мы можем* ***предъявить козырей / СКА / но самый главный туз / это командность //*** *Это может / принести / свои плоды //*

3) *Посмотрим /* ***какие козыри / будут выкладывать гости // Чем будут бить / команду*** */ которая в прошлое воскресенье / выиграла у них?* (о ХК «Рязань»)

Игровое мышление анализируемого комментатора, способное к расширению сферы ассоциирования, обретает возможность продуцировать разные виды метафор. Довольно популярна в спортивных репортажах С. Курицына **учебная** (ученическая) тематика:

1) *Спас ворота / и спокоен* (о вратаре Никите Ложкине) // *Парень-красавец! Он / как Егор Подомацкий / в свое время // Спасет ворота / от какой-нибудь шальной шайбы / и опустит глаза в лед / и такое ощущение /* ***что он двойку по алгебре / в 8 классе получил / и не поступит в высшее / учебное заведение / хотя 3 года еще в перспективе //***

2) *Нет ясности в мыслях / нет / наигранных комбинаций / у «Локомотива» //* ***Вроде бы учебник изучили / от и до / но где какое правило применить / не знаем //***

3) *Бросок… и* ***ошибка / которую в своей тетрадке / так аккуратно / вывел*** *Михаил Пашнин //*

Данные языковые параллели являются оценочными и весьма наглядно представляют комментируемую ситуацию.

«Метафорическая проекция» в следующем фрагменте телерепортажа переносится на область законодательных отношений.

Юридическая метафора:

1) *И будет / отложенный штраф // Атака игрока / не владеющего шайбой // Радулов / тут как тут / конечно /* ***адвокат Всея Руси //*** (выяснял отношения с арбитрами)

Метафорическая соотнесенность нападающего команды ЦСКА Александра Радулова, выяснявшего отношения с арбитрами по поводу игрока своей команды, с работниками юридической сферы обусловлена стремлением комментатора усилить экспрессивную окраску высказывания. А использование приставки к титулу русских великих князей и царей, а также предстоятелей Русской православной церкви *Всея Руси* повышает эффект сознательного воздействия на чувства и эмоции телевизионных болельщиков [2].

Одним из наиболее актуализированных в настоящее время метафорических полей в публицистике является тема болезни общества. Телевизионный спортивный дискурс не является исключением из данного утверждения. Заметим, что большинство **медицинских метафор** у С. Курицына являются развернутыми, например:

1) *Опять накрыла «Локомотив» /* ***старая болезнь / под названием «Нарушение численного состава»*** *// Опять / необходимо* ***принять / антибиотик / под названием «Двухминутный штраф»*** *//*

2) *Защита «Автомобилиста» /* ***сначала / начала хромать на одну ногу / потом на вторую*** */ потом присела / и периодически выскакивала из засады //*

Очередную неудачу в следующем игровом фрагменте, нулевой голевой результат в первом периоде телеведущий комментирует с использованием **аграрной (сельскохозяйственной) метафоры:**

1) *Броски есть / моменты есть / но* ***засуха*** *такая /* ***как в Египте в летние месяцы //***

Использование **спортивных и морских** метафор позволяет украсить текст репортажа, подготовить и заинтересовать, заинтриговать адресата, а также передать максимум информации в минимальном объеме:

1) ***В хорошем стиле пловца / вынырнул из-под ворот*** */ Кертис Сэнфорд //*

2) *Не всегда удается / закрепиться /* ***не всегда удается / бросить якорь*** *// Соперник грызет лед / и старается это делать / на каждом сантиметре площадки //*

3) *Под конец второго периода /* ***получаем пробоину*** *// (счет 2:1 – команде «Локомотив» забивают гол).*

Наибольший интерес в речи анализируемого комментатора вызывают **музыкальные и театральные метафоры**, используемые с целью эмоционального и эстетического воздействия на зрителя. Они позволяют представить новую информацию в интересной и необычной для адресата форме, помогают сделать сообщение более образным, ярким, наглядным и запоминающимся.

1) (представление составов команд, судей) *Вот / кто сегодня отвечает / за* ***действо*** *//* ***Спектакль*** */ должен получиться таким / каким мы его ждем //*

2) *Нет пока еще главных* ***дирижеров*** */ а это отдельная* ***песня //***

2) ***Голевой хит-парад //***

3) ***Плотников поет эту песню / песню матча / но бэк-вокал*** *пока / достается «Динамо» //*

Особое место в телевизионных хоккейных репортажах С. Курицына занимает *оценочная* **гастрономическая** *(вкусовая / кондитерская)* метафора. Данный вид *экспрессивных* метафор призван, прежде всего, создавать эмоционально-оценочный эффект. Метафорические модели создаются преимущественно для того, чтобы перенести оценочное отношение от понятия-источника к метафорическому значению:

1) *Готов предложить вам /* ***прекрасное блюдо / под названием «хоккей» //***

2) (ретроспективный обзор главных моментов второго периода):

Все главные ***конфетки*** */ второго периода / были сейчас / вашему вниманию / но самое главное /* ***с орешками пролине*** */ Алексей Шубин / и Владислав Картаев //*

2) ***Шоколадная передача*** */ но бросок / не получился / шайба прошла над плечом //*

3) *Какой* ***конфетный пас*** */ получился / у Романа Людучина!*

4) *Это Стефан Кронвал /* ***зарядил*** *// Не получился бросок у шведа //* ***Вкусным / смачным*** */ не вышел // Не идеально //*

5) *Мусатов и Апальков /* ***на двоих / сообразить / правда / не сумели*** */ но поразили владения Василия Кошечкина //*

6) *Денис Бодров / продравшийся / во владение железнодорожников… На спине у него надпись //* ***Мы нож / а вы / масло*** */ и этот* ***нож / взрезает нашу оборону*** *//*

Использование *гастрономических метафор* телекомментатором С. Курицыным, на наш взгляд, преследует две особо важные цели: повышение выразительности речи, стремление сделать ее необычной и оригинальной, интересной для зрителя и, безусловно, выражение субъективного отношения к происходящему на игровой площадке и отдельным игрокам.

Комментарии С. Курицына в телевизионных спортивных эфирах изобилует метафорами. И это не случайно, поскольку употребление их делает речь говорящего богаче, выразительнее, экспрессивнее. Журналист не довольствуется простым называние вещей. Он ярко, метко, образно выражает свое суждение по поводу тех или иных игроков, тренеров, разворачивающихся на площадке событий.

Таким образом, мы можем сказать, что при помощи метафор в дискурсе телевизионного спортивного репортажа достигается:

1) богатство языка спортивного комментатора, его красочность, живописность, виртуозность владения словом;

2) расположение телевизионной аудитории к восприятию спортивного комментария;

3) экспрессия, которая появляется в результате выражения тележурналистом собственного отношения к происходящему на игровой площадке. Таким образом он воздействует на мнение хоккейных болельщиков;

4) нестандартная трактовка обычного, то есть метафоры воспитывают чувство языка, делают комментарии более разнообразными, яркими, живыми и интересными.

Подводя итог, следует отметить, что метафоры в дискурсе телевизионного спортивного репортажа выполняют следующие функции. Во-первых, привносят эмоциональность, создают особую экспрессию в речевом комментарии. Во-вторых, привлекают внимание телезрителей, интригуют их, заинтересовывают. Появляется интрига. И как результат – хоккейные болельщики с бóльшим вниманием смотрят телевизионные трансляции хоккейных матчей и получают удовольствие от языковой игры телеведущего.

Библиографический список

1. Истрате, П. Лингвостилистические и риторические особенности спортивного репортажа как жанра СМИ (на материале футбольного репортажа) [Текст] / П. Истрате. – М., 2006. – 24 с.

2. Куранова, Т. П. Роль трансформированных прецедентных текстов в жанре спортивного комментария (на материале репортажей хоккейных матчей С. Курицына) [Текст] / Т. П. Куранова // Человек в информационном пространстве : сборник научных тру-

дов / под общ. ред. Т. П. Курановой. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2016. – С. 232–238.

3. Руденко, М. Использование метафор в заголовках [Текст] / М. Руденко // Понимание в коммуникации: материалы 7 международной междисциплинарной научной конференции, 14–16 мая 2015 г., Москва – Коломна : МГОСГИ, 2015. – С. 165–169.

4. Покровская, Е. В. Понимание современного газетного текста (Прагматический аспект) [Текст] / Е. В. Покровская. – М., 2003. – 274 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Istrate, P. Lingvostilisticheskie i ritoricheskie osobennosti sportivnogo reportazha kak zhanra SMI (na materiale futbol'nogo reportazha) [Tekst] / P. Istrate. – M., 2006. – 24 s.

2. Kuranova, T. P. Rol' transformirovannyh precedentnyh tekstov v zhanre sportivnogo kommentarija (na materiale reportazhej hokkejnyh matchej S. Kuricyna) [Tekst] / T. P. Kuranova // Chelovek v informacionnom prostranstve : sbornik nauchnyh trudov / pod obshh. red. T. P. Kuranovoj. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2016. – S. 232–238.

3. Rudenko, M. Ispol'zovanie metafor v zagolovkah [Tekst] / M. Rudenko // Ponimanie v kommunikacii: materialy 7 mezhdunarodnoj mezhdisciplinarnoj nauchnoj konferencii, 14–16 maja 2015 g., Moskva – Kolomna : MGOSGI, 2015. – S. 165–169.

4. Pokrovskaja, E. V. Ponimanie sovremennogo gazetnogo teksta (Pragmaticheskij aspekt) [Tekst] / E. V. Pokrovskaja. – M., 2003. – 274 s.

Reference List

1. Istrate P. Linguo-stylistic and rhetorical features of the sports report as genre of media (on material of the football report) / P. Istrata. – M, 2006. – 24 pages.

2. Kuranova T. P. Role of the transformed case texts in a genre of the sports comment (on material of reports of hockey matches of S. Kuritsyn) / T. P. Kuranova // Person in information space: the collection of scientific works / under a general edition of T. P. Kuranova. – Yaroslavl : RIO YSPU, 2016. – Page 232–238.

3. Rudenko M. Use of metaphors in headings / M. Rudenko // Understanding in communication: materials of the 7 international cross-disciplinary scientific conference, on May 14-16, 2015, Moscow – Kolomna : MGOSGI, 2015. – Page 165–169.

4. Pokrovskaya E. V. Comprehension of the modern newspaper text (Pragmatical aspect) / E. V. Pokrovskaya. – M, 2003. – 274 pages.

Дата поступления статьи в редакцию: 21.04.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

УДК 811.111.8+81'373.47

Т. В. Леванова
https://orcid.org/0000-0001-9658-6891

Слово *пиар* с позиций неологии

В статье представлен анализ лексемы *пиар* с позиций неологии. Автор статьи указывает, что своим появлением в отечественном дискурсе это слово обязано экстралингвистическим факторам: новые модели и принципы общественных коммуникаций дали толчок к развитию прикладных дисциплин, в том числе теории и практики рекламы и PR. В статье лексема *пиар* характеризуется с разных точек зрения: по своей оформленности новая лексема представляет собой отдельное слово и восходит к англоязычной аббревиатуре *PR;* по назначению понятие *пиар* называет явление, которое уже имело место в жизни общества, но по тем или иным причинам не получило своего наименования; по сфере употребления неологизм *пиар* является межстилевым, употребляемым в различных стилях; по стилистической окраске слово *пиар* относится к нейтральной лексике, однако контекст и способность к активному словопроизводству насыщает концепт *пиар* оттеночными маркерами; По закрепленности в употреблении лексема *пиар* принадлежит к языковой, известной широкому кругу носителей языка и получившей фиксацию в словарной литературе, по продолжительности активного употребления слово *пиар* можно отнести к группе неологизмов постперестроечного периода, вошедших в активный запас и употребляющихся наравне с другими актуальными единицами современного русского языка; по происхождению неологизм является внешним заимствованием из английского языка.

Ключевые слова: неология, неологизм, пиар, социальная обусловленность лексики русского языка.

T. V. Levanova

The Word PR in Terms of Neology

The article presents neologism of PR from the position of neology. The author of the article points out that the appearance of the word PR in the domestic discourse is due to extralinguistic factors, namely: new models and principles of public communications have given impetus to the development of applied disciplines, including the theory and practice of advertising, as well as PR. In the article, the token of PR is characterized from different points of view. 1. By its design, the new lexeme is a separate word. The language unit of PR goes back to the English-speaking abbreviation PR. 2. By appointment, the concept of PR calls a phenomenon that has already taken place in the life of society, but for one reason or another has not received its name. 3. On the sphere of use, the neologism of PR is interstyle, used in different styles. 4. By stylistic coloring, the word PR refers to neutral vocabulary. However, the context and the ability to active word-production saturates the concept of PR with tinted markers. 5. By the tightness in use, the lexeme of PR belongs to the linguistic, known to a wide range of native speakers and received fixation in the dictionary literature. 6. According to the duration of active use, the word PR can be attributed to the neologism group of the post-perestroika period, which is included in the active stock and is used on a par with other actual units of the modern Russian language. 7. By origin, the neologism is an external borrowing from the English language.

Keywords: neology, neologism, PR, social conditioning of the vocabulary of the Russian language.

Литературный язык, характеризующийся признаком устойчивости, тем не менее должен быть отзывчивым к новациям в общественном речеупотреблении. Таким образом проявляется его другое качество – изменчивость, позволяющая языку быть современным. Авторы учебника «Современный русский литературный язык» под ред. акад. В. Г. Костомарова и проф. В. Н. Максимова отмечают, что русский язык беспрерывно и интенсивно пополняется новыми словами, поскольку «последние 10–15 лет - это период исторических изменений в России: в ее политической и экономической системе, в научной, правовой и культурной областях, в менталитете народа... [15, с. 206]. Особенностью новейшего этапа неологизации ученые считают тот факт, что новых слов «до этого не было не только в литературном языке, но и в других ответвлениях национального русского языка (социальных и территориальных диалектах, функциональных стилях)» [15].

Современный русский язык конца второго десятилетия XXI в. продолжает реализовывать потенции, заложенные мощным импульсом социальных изменений постсоветского общества, сменой общественно-политической парадигмы. Основные социальные факторы, определившие современное состояние русского языка, обозначил И. А. Стернин. Среди них: реализация принципов политической и экономической свободы и свободы слова, исчезновение жесткой регламентации жизни обще-

© Леванова Т. В., 2018

ства со стороны государства и административно-командной системы, демократизация, открытость, ликвидация цензуры, политический плюрализм, расширение тематики СМИ, круга писателей, публицистов журналистов и нек. др. [17].

Общественные изменения вызвали и смену коммуникативной парадигмы. С точки зрения эволюции и развития языка, И. А. Стернин отмечает рост коммуникативных функций иностранных, прежде всего английского, языков, активизацию политического и экономического дискурсов, развитие полемических форм диалога, плюрализацию коммуникативного поведения людей, возрастание роли публичной и вообще устной речи, существенные изменения в языке публицистики и др. [17].

Помимо позитивных приращений типа расширения тематики устного общения и активного словарного запаса людей, совершенствования навыков неподготовленной устной речи, ускоренного развития устной формы языка, расширения функций устной и разговорной речи, ученый отмечает и негативные тенденции. Это рост агрессивности диалога, увеличение удельного веса оценочной лексики, вульгарного и нецензурного словоупотребления, жаргонизация речи [17]. Либерализация жизни общества отразилась на языке в виде игнорирования норм культуры речи и культуры общения, увеличения степени публично допустимого в разговорной, публичной и художественной речи.

И. А. Стернин обозначил 4 наиболее заметных языковых процесса: 1) орализация общения, то есть повышение значимости устной речи как формы существования языка; 2) диалогизация общения, то есть расширение функций диалогической речи в структуре общения, развитие новых видов и форм диалога, формирование новых правил диалогического общения; 3) плюрализация общения, то есть сосуществовании дискурсов различного типа; 4) персонификация общения, то есть рост индивидуальной неповторимости личностного дискурса в коммуникативном пространстве языка [17, с. 4–16].

Возможность личностного роста выдвинула на первый план владение коммуникативными компетенциями. У членов общества возникла потребность в развитии и совершенствовании речевых и ораторских навыков, навыков дискуссии, ведения деловых коммуникации, в целом в изменении речевого поведения. Смена вектора в сторону клиентоориентированного сервиса, развитие конкуренции, бизнеса, торговли привели к необходимости диалогизации общения, совершенствованию подъязыка делового общения и речевого этикета. Новые модели и принципы общественных коммуникаций дали толчок к развитию прикладных дисциплин: политической риторики, бизнес-общения, теории и практики рекламы, а также *пиара*. В 90-е гг. XX в. в России стал формироваться институт связей с общественностью (PR, пиар). К настоящему времени это сфера научной, учебной и практической деятельности, которая имеет свой объект, предмет, цели, задачи и метаязык описания. Будучи элементом языка описания профессиональной деятельности, лексема *пиар* и ее производные быстро детерминологизировались и стали активно употребляться в современной публицистике, журналистике, художественной и разговорной речи [1, 2, 13, 14 и др.].

Сферу *пиара* можно назвать одной из «точек роста» современного российского общества и языка. Сама номинация в русле обозначенных тенденций вошла в число англоязычных заимствований в русском языке благодаря тенденции к интернационализации лексики и потребности в наименовании нового социального института, возникшего в российском обществе в период формирования демократических рыночных отношений. Благодаря появлению новой сферы деятельности – *пиара* – в лексике современного русского языка наблюдаются весьма заметные и интенсивные изменения. Лексика *пиара* вошла в коммуникативное ядро новейшего русского лексикона.

В Российской Федерации основы профессиональной *пиар-деятельности* были заложены в самом начале 90-х гг. XX века. Политические и экономические изменения того времени привели к активному формированию российского рынка *пиар-услуг*. Изначально российский *пиар* носил гибридный характер, поскольку, с одной стороны, исторически был тесно связан с советским опытом агитации и пропаганды, с другой – с западными *пиар-технологиями*, прежде всего американскими. Неслучайно в период 1988–1991 гг. на отечественном рынке *пиар-услуг* преобладали исключительно зарубежные *пиар-агентства*. А. Н. Чумиков выделяет несколько этапов развития российского *пиара*.

Период 1990–1995 гг. – это «начальный этап», когда фиксируется формальное возникновение *пиара* в Российской Федерации. В это время выходит российское издание книги С. Блэка «Что такое паблик рилейшнз?», образуются первые *пиар-агентства*, создается Российская ассоциация по связям с общественностью (РАСО, 1991),

открывается специальность «Связи с общественностью» на факультете международной информации МГИМО (1992).

Период 1995–1998 гг. - «золотой этап», когда начинают работать демократические институты, прежде всего в политической сфере. Появляется российский *пиар* со своей спецификой. В это время на рынке *пиар-обслуживания* большим спросом пользуется московский *пиар*, политический консалтинг становится не только важной сферой *пиар-деятельности*, но и реальным игроком на политической сцене. Также возникают *пиар-агентства* «второй волны», которые работают в сфере. Начинает издаваться первый периодический отраслевой *пиар-журнал* «Советник» (1996), ставший впоследствии профессиональным Интернет-порталом www.sovetnik.ru, профессиональной сетевой площадкой для *пиар-специалистов* (*пиар-агентов*, *пиар-менеджеров*). Учреждается Национальная премия в области развития связей с общественностью «Серебряный Лучник» (1997).

Период 1998–1999 гг. – этап «реального пиара». Институты российского *пиара* сталкиваются с кризисом. В результате *пиар-услуги* развиваются по законам рынка. *Пиар-агентствам* приходится доказывать свою профессиональную состоятельность в условиях кризисного и посткризисного состояния рынка. В данных условиях *пиар* вытесняет рекламу из большинства сегментов коммуникативных услуг. С 1999 г. начинают составляться национальные профессиональные рейтинги *пиар-агентств*, получает широкое развитие специализация «Связи с общественностью» в российских вузах, организуется всероссийский конкурс студенческих работ по связям с общественностью «Хрустальный апельсин» (2000), издается научная литература, которая учитывает российский опыт *пиара*, появляется круг специализированных периодических *пиар-изданий*.

Период с 2000-х гг. по настоящее время – этап «управляемой демократии». С одной стороны, по инерции возникают региональные *пиар-агентства*, увеличивается число региональных вузов, где открывается специальность «Связи с общественностью», с другой - государственный *пиар* приходит в упадок, *пиар-технологии* быстро и повсеместно заменяются технологиями пропаганды. Кризис политического *пиара* способствует его трансформации в имитацию, в эрзац-инструмент *пиар-деятельности*. *Пиар-специалисты* вынуждены осваивать новые *пиар-технологии* и интегрированные методы работы. Прежде всего это *пиар-деятельность* в условиях стратегии интегрированных маркетинговых коммуникаций (ИМК), попытка *пиарменов* доминировать в этом процессе: выдвижение *пиар-специалиста* на ключевую роль идеолога и координатора системы ИМК. Ставится этическая задача сохранения *пиар-сообщества* как независимой, самодостаточной, профессиональной структуры [8, с. 8–12].

Охарактеризуем слово *пиар* с разных позиции классификации неологизмов.

1. По своей оформленности новая лексема представляет собой отдельное слово. Языковая единица *пиар* восходит к англоязычной аббревиатуре *PR* (англ. Public Relations [пи-ар] - публичные отношения, связи с общественностью, отношения с общественностью, общественные связи, общественное взаимодействие), которая вошла в русский язык способом фонетической транскрипции. Данная аббревиатура также функционирует в современном русском языке. Собранный языковой материал фиксирует 71 лексему - отаббревиатурных образований и собственно сокращение *PR*: *PR-агентство, PR-активность, PR-акция, PR-баталия, PR-группа, PR-групповуха, PR-департамент, PR-деятельность, PR-директор, PR-заход, PR-заявление, PR-индустрия, PR-кампания, PR-команда, PR-компания, PR-консультант, PR-контора, PR-круги, PR-лавры, PR-материалы, PR-мен, PR-менеджер, PR-мероприятие, PR-метод, PR-направление, PR-ный, PR-обеспечение, PR-обслуживание, PR-овец, PR-овский, PR-отдел, PR-отрасль, PR-пассивность, PR-поддержка, PR-подрядчик, PR-политика, PR-представитель, PR-привкус, PR-привязываемый, PR-программа, PR-продвижение, PR-продукт, PR-проект, PR-профессионал, PR-публикация, PR-реагирование, PR-рекламный, PR-ресурс, PR-рынок, PR-сервис, PR-сеть, PR-ский, PR-служба, PR-службист, PR-сообщество, PR-специалист, PR-стратегия, PR-структура, PR-текст, PR-технолог, PR-технология, PR-усилие, PR-услуга, PR-фирма, PR-ход, PR-центр, PR-шестерка, PR-щик, PR-щица, PR-эффект, полит-PR.*

Семантически обе единицы тождественны, являются абсолютными синонимами. Мы отмечаем два функциональных отличия. Во-первых, разница сфер употребления. Лексика *PR* в большей степени тяготеет к терминологическому употреблению, научному стилю общения. 54 % лексики *PR* нашло отражение в словарной литературе. Лексика *пиар* более предпочтительна в публицистической и художественной литературе, массовой

культуре, разговорной речи. 39 % лексики *пиар* зафиксировано в словарях. Во-вторых, это отношение к нейтральности / оценочности. Только 13 % лексики *PR* имеет дополнительные негативные или ироничные коннотации, как-то: *PR-баталия, PR-групповуха, PR-заход, PR-контора, PR-круги, PR-лавры, PR-привкус, PR-службист, PR-шестерка.* Среди производной лексики *пиар* таких маркированных единиц в 2 раза больше – 27 %: *мальчик-пиарщик, пиар-амнистия, пиараст, пиар-война, пиар-десант, пиардесса, пиар-инкогнито, пиар-менеджер, пиар-нуар, пиар-пир, пиар-раздача, пиар-спурт, пиар-травля, пиар-ум, пиар-фронт, селф-пиар, впиаривать, впиарить, подпиарить, попиарить, попиариться, пропиаренный, пропиаривание, пропиарить, пропиариться, распиаренный, распиарить,* нек. др.

2. По назначению понятие *пиар,* с нашей точки зрения, называет явление, которое уже имело место в жизни общества, но по тем или иным причинам не получило своего наименования. Обоснуем нашу позицию. Начало современного пиара принято связывать с моментом возникновения государств в древнейших цивилизациях, а корни данного явления следует искать в самой природе коммуникации человеческих сообществ. Еще в эпоху палеолита этнографы находят протокоммуникативные приемы, которые использовали лидеры, чтобы обозначить свой высокий общественный статус. Первые татуировки, особые знаки на одежде – первые пиар-маркеры, которые использовал древний человек, чтобы обозначить свою позицию в социальной иерархии.

Новые экономические и политические условия эпохи античности способствовали развитию массовой коммуникации, где можно проследить уже сознательную установку на *пиар*. Рекламное творчество, протожурналистика, ораторское искусство, монументальная пропаганда, культура зрелищ – все это античные истоки современных *пиар-инструментов*. Кроме того, античность во много предвосхитила не только практику *пиара*, но и дала теоретическую рефлексию данного общественного явления.

Средневековье привнесло в общественную практику религиозный символизм и ритуал, что предопределило семиотических характер всех будущих *пиар-коммуникаций*. Религиозное воздействие на аудиторию эффективно сочетало информирование и пропаганду, что свойственно и современной *пиар-манипуляции*.

Возрождение реабилитирует самоценность человеческой личности, поэтому на смену средневековой анонимности приходит приоритет индивидуального авторства и стиля во всех формах и жанрах коммуникативной деятельности.

Новое время – это прежде всего переход к новой культурной парадигме, которая стала возможной благодаря двум революциям и одной войне. Английская буржуазная революция 1649 г., Великая французская революция 1789–1794 гг., война между Англией и ее североамериканскими колониями, завершившаяся в 1789 г. образованием Соединенных Штатов Америки, – навсегда изменили экономический и политический ландшафт человечества. Технический прогресс предопределил не только средства, но типы массовой коммуникации. Церковная политика уступила место прагматичному государственному управлению, что привело к возникновению демократических институтов и к повышению роли общественного мнения. Быстро сформировавшийся институт журналистики стал прямым предшественником института *пиара*. Генезис *пиара* достаточно древний. Каждая эпоха оставила свои историко-культурные коды, которые в трансформированном виде реализуются и в современной *пиар-коммуникации* [6, с. 17–26].

3. По сфере употребления неологизм *пиар* является межстилевым, употребляемым в различных стилях.

− **В публицистическом стиле.** Очевидно, что именно публицистический стиль в большей мере способствует продвижению во всеобщее употребление и в литературный язык слова *пиар.* Если раньше главную роль в пополнении лексики русского языка играла разговорная речь, то в настоящий период, отмечает О. А. Лаптева, импульс развития сместился в сторону газеты. Заимствования «распространяются двумя путями: непосредственно при обозначении новых, входящих в жизнь реалий и через газету, которая активно использует их не только в номинативной функции, но и в их экспрессивных качествах, возникающих из-за их необычности...» [7, с. 52].

Приведем примеры словоупотребления.

(1) *Проигрывает же передача в другом. В организации* ***пиара.*** *В этом отношении «За стеклом» выигрывает по всем статьям* (Богомолов Ю. Играем в слабое звено (2001) // «Известия», 2001.11.23).

(2) *Но это воспринимается уже только как* ***пиар*** *перед выборами* (Синцов А. На красный свет (2001) // «Завтра», 2001.03.15).

(3) *Вместо дискуссии, однако, начался* ***пиар****: в разных изданиях за разными подписями практически одновременно появились статьи, подверга-*

ющие предложения «яблочников» уничтожающей (и поразительно похожей) критике. (Вишневский Б. Квартрасплата (2003) // «Новая газета», 2003.01.16).

(4) *Идет имитация деятельности власти, работа заменяется* ***пиаром*** (Зюганов Г. Неутешительный диагноз положения страны (2003) // «Советская Россия», 2003.08.09).

(5) *Впрочем, возможно, главной задачей экскурсии была вовсе не реклама военных достижений, а, наоборот,* ***пиар*** *депутатов, приглашенных в Псков* (Калинина Ю. Есть такая профессия (2003) // «Московский комсомолец», 2003.01.14).

(6) *Ну да, не сильно Виктор Черкесов укрепил вертикаль власти на северо-западе, мало что сделал, разве что агентство «Росбалт», принадлежащее его супруге, стало лидером регионального рынка* ***пиара****...»* (Латынина Ю. Самурайская дружба (2003) // «Еженедельный журнал», 2003.03.17).

(7) *У правительства не может быть своего* ***пиара*** *на выборах* (Офитова С. Главная задача - ослабление государства (2003) // «Независимая газета», 2003.04.09).

(8) *Он давал только на съезды, на гостиницы, залы, банкеты, на телемосты - на* ***пиар****, на пропаганду себя самого* (Сидорова Г. Новая маска олигарха (2003) // «Совершенно секретно», 2003.02.06) и др.

− **В художественной литературе и массовой культуре:**

(9) ***«Пиар»*** *по-английски означает «public relations», то есть «отношения с публикой»* (Журбин А. Как это делалось в Америке. Автобиографические заметки (1999)).

(10) *Большевистский* ***пиар*** *образца 1917 года: «Вся власть Советам!»* (Быков В., Деркач О. Книга века (2000)).

(11) *Но ни вы, ни я ничего не понимаем в политическом* ***пиаре*** (Устинова Т. Персональный ангел (2002)).

(12) *Хорошо, что профессор не дожил до тех лет, когда в нашу речь, словно слоны в посудную лавку, вломились словечки «спичрайтер»,* ***«пиар»****, «мерчендайзинг», «лейбл» и иже с ними* (Донцова Д. Уха из золотой рыбки (2004)).

(13) *Он стал неспешно освещать факты, с легкостью пересыпая известными и не очень известными фамилиями, названиями региональных политических блоков и общественных объединений, а также затейливыми комбинациями черно-белого* ***пиара*** (Сахарова Т. Добрая фея с острыми зубками (2005)).

(14) *Есть принципиальная договоренность с телевизионными каналами и крупнейшими радиовещателями, создана группа профессионалов для организации* ***пиара*** *в Интернете* (Дежнев Н. Принцип неопределенности (2009)).

(15) *Особенно на кухонном столе. Такой роскошный* ***пиар*** *дал побочный эффект. На Петрова залипла совершенно лишняя в этой драме поэтесса Ковалева, математичка из его же школы* (Слава Сэ. Другие опусы… (2010)) и др.

− **В научном стиле:**

(16) Антимонов М. Ю. Государственный пиар и политический контроль в советской школе 1930-х гг. // Современный научный вестник. 2016. - Т. 11. - № 1. - С. 38–42.

(17) Корнилова К. С., Гурьева М. П. Пиар-технологии в современной индустрии спорта (на примере Олимпийских игр в Сочи) // МедиаАльманах. 2016. - № 5. - С. 99–106.

(18) Мехдиева У.М. Политический пиар как средство влмяния на общественное сознание // Juvenis scientia. 2017. - № 1. - С. 36-39.

(19) Трофименко Д.А., Сорокина Ю.В. Черный пиар // Наука и бизнес: проблемы и перспективы развития предпринимательской деятельности. 2016. - С. 225-227 и др.

− **В разговорном стиле.**

Особенностью современной разговорной речи стала ее так называемая виртуальная форма, виртуальный дискурс - интернет-форумы, чаты. М. И. Махракова отмечает, что тематически пространство интернет-форумов делится на две сферы: профессиональную и бытовую, однако на специальных интернет-форумах предусмотрено свободное общение, обмен информацией, поздравления, обсуждение увлечений и проч. [9, с. 89–90]. Смысловое наполнение форумов - это прозаические высказывания пользователей, адресованные участникам коммуникации и выражающие мысли собеседника. Подобные инетрнет-форумы предназначены как для общения специалистов, так и непрофессионалов, заинтересованных в определенной проблеме. Поскольку виртуальное общение анонимно, а его участники презентируют себя через никнеймы (*никнейм, ник; англ. nickname* - первоначально «кличка, прозвище», от средне-английского an eke name - «другое имя», перешедшее в a nick name. Это сетевое имя-псевдоним, используемое лицом в Интернете, в блогах, форумах, чатах) и ориджины (подпись пользователя, автоматически публикуемая после каждого его сообщения), определить личные данные участников сложно. Однако можно предпо-

ложить, что это активные пользователи, специализирующиеся в некой предметной области, в возрасте 20–40 лет. Обсуждаемые темы адресованы широкому кругу лиц.

Общение в чате характеризуется высокой степенью спонтанности речи. Анализ реплик коммуникантов показывает, что они сами рассматривают виртуальное общение как устное, при обращении к собеседнику используют глаголы слушания и говорения «*слышать», «слушать», «говорить», «рассказывать»* и под. Собеседники уподобляют компьютерно-опосредованное общение непосредственно межличностному в реальной действительности. Речевые высказывания сознательно создаются по законам разговорной фонетики, лексики, словообразования.

К. В. Овчарова считает, что применительно к интернет-общению корректнее говорить «не об отдельном виде дискурса, а о компьютерно-опосредованном общении» [11, с. 4]. Отдаленность участников общения друг от друга и наличие специальной техники, по наблюдениям исследователя, делают это общение своеобразным: «Оно приобретает следующие основные признаки, характерные для любого жанра компьютерно-медийной коммуникации: виртуальность (то есть возможность общаться с условным, незнакомым собеседником), глобальность (то есть возможность установить контакт с любым пользователем в сети), гипертекстуальность (то есть дополнительность передачи информации в различных режимах записи (текстовом и мультимедийном) в приложениях к сообщениям)» [11].

Приведем примеры речевого общения в интернет-пространстве коммуникации:

(20) *Только в густых водочных парах могла родиться идея столь идиотского* ***пиара*** *чекистской бдительности* (Обсуждение статьи «Чеченских студентов признали террористической группировкой» (форум)« (2007)).

(21) [Сергей Викторович, nick] *У человека, который так ведет себя в Форуме, нет смысла работать, - и Вы себе сделали плохой* ***пиар*** *своими руками* (Новая тема, которую никто пока не трогает (форум) (2008)).

(22) [Истредд, nick] *И вот это действительно бич нашего современного общества: не секс и не его культ, не пошлый* ***пиар,*** *а неумение и нежелание людей мирно сосуществовать друг с другом и прислушиваться* (коллективный. Форум: Основной инстинкт (2010–2011)).

(23) [parfenov-l, муж] *Институционально это и не информация вовсе, а властный* ***пиар*** *или* ***антипиар*** *- чего стоит эфирная артподготовка снятия Лужкова - и, конечно, самопиар власти* (коллективный. Форум: Премия имени Владислава Листьева (2010)) и др.

4. По стилистической окраске слово *пиар* относится к нейтральной лексике, однако контекст и способность к активному словопроизводству насыщает концепт *пиар* оттеночными маркерами.

5. По закрепленности в употреблении лексема *пиар* принадлежит к языковой. Языковыми считаются неологизмы, известные широкому кругу носителей языка и получившие фиксацию в словарной литературе. С 2000-х гг. лексическая единица *пиар* «получила прописку» в толковых и орфографических словарях русского языка. Среди них: «Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения» Г. Я. Солганика (2002) [16], «Толковый словарь иноязычных слов» Л. П. Крысина (2006) [5], «Русский орфографический словарь» (2012) [12], «Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты» (2012) [3], «Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века» (2014) [10].

6. По продолжительности активного употребления слово *пиар* можно отнести к группе неологизмов постперестроечного периода, вошедшее в активный запас и употребляющееся наравне с другими актуальными единицами современного русского языка. Так, во введении кандидатской диссертации Е. Ю. Чилингир пишет: «В настоящее время термин «пиар» (связи с общественностью) распространился во все слои российской жизни. Если в 90-х годах прошлого века пиар ассоциировался почти исключительно с политическими кампаниями, то сейчас практически любое информационное сообщение о деятельности субъекта политической, экономической или общественной жизни воспринимается как удачный или неудачный пиар данного субъекта - независимо от того, ставилась ли такая цель создателями и распространителями информационных сообщений» [19, с. 3]. Поисковик Google по запросу *«пиар»* выдает 9 280 000 результатов. Здесь можно вспомнить о понятиях языкового вкуса и моды, введенных в лингвистический оборот В. Г. Костомаровым [4]. Российское общество с точки зрения вкуса выбрало русифицированное слово *пиар*; с подачи журналистов, публицистов, писателей, политиков, специалистов в области массовых коммуникаций это слово еще и приобрело качества модности, престижности.

7. По происхождению неологизм является внешним заимствованием из английского языка. В науке и практике связей с общественностью принято положение, что выражение «public relations» появилось в Америке в 1807 г. в черновике «Седьмого обращения к конгрессу» третьего президента США Томаса Джефферсона. Он заменил сочетание «состояние мысли» на «общественные отношения». Однако достаточно долгое время понятие оставалось авторским неологизмом. Считается, что активное использование термина началось благодаря деятельности юриста Дормана Итона, который в публичной речи в 1882 году призывал выпускников Йельского университета посвятить себя служению общественному благу. Авторы «Толкового словаря современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» отметили, что новейшая история отличается «социальной ситуацией – открытостью современного общества для международных контактов, что обусловило массовое вхождение в русский язык заимствований (преимущественно из американского варианта английского языка» [18, с. 9].

Таким образом, неологизм *пиар* - это лексическое новообразование (собственно неологизм, сильный неологизм), который в системе современного русского литературного языка с конца 80 - начала 90-х гг. XX в. обозначил новое понятие – институт связей с общественностью и стал служить новым средством общественной коммуникации.

Библиографический список

1. Иванова, М. В. Речь журналистов электронных СМИ [Текст] / М. В. Иванова // Учимся говорить по-русски. Проблемы современного языка в электронных СМИ : Сб. науч. ст. - М., 2016. - С. 86–94.

2. Иванова, М. В. Русская культура в «Аксиологическом фразеологическом словаре русского языка» [Текст] / М. В. Иванова, Л. К. Байрамова // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. - № 3 (45). - С. 10–12.

3. Каленчук, М. Л. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты [Текст] / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. - М. : Аст-пресс книга, 2012. - 1008 с.

4. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа [Текст] / В. Г. Костомаров. - М. : Педагогика-пресс, 1994. - 247 с.

5. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов [Текст] / Л. П. Крысин. - М. : Эксмо, 2006. - 944 с.

6. Кузнецов, В. Ф. Связи с общественностью: Теория и технологии [Текст] / В. Ф. Кузнецов. – 2-е изд., доп. и перер. – М. : Аспект Пресс, 2007. – 302 с.

7. Лаптева, О. А. Жизнь слова: учебное пособие по лексикологии русского языка [Текст] / О. А. Лаптева. – М. : Высш. шк., 2009. - 556 с.

8. Марков, А. А. Теория и практика связей с общественностью / А. А. Марков. – СПб. : СПбГИЭУ, 2011. – 163 с.

9. Махракова, М. И. Портретирование языковой личности экономиста (на материале интернет-форумов) [Текст] / М. И. Махракова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. - № 1–1 (31). - С. 89–93.

10. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. : Т. 3 [Текст] / Т. Н. Буцева и др.; ред.: Т. Н. Буцева, Ю. Ф. Денисенко, Е. А. Левашов. - СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. - 1356 с.

11. Овчарова, К. В. Компьютерные чаты в Интернет-коммуникации: содержание и особенности функционирования [Текст] / К. В. Овчарова. - Краснодар, 2008. - 240 с.

12. Русский орфографический словарь [Текст] / О. Е. Иванова и др.; отв. ред. В. В. Лопатин. - 3-е изд., стер. - М. : Аст-пресс книга, 2012. - 960 с.

13. Сложеникина, Ю. В. Средневековая литература и современное телевидение: семиотическая оппозиция и общая структурообразующая основа [Текст] / Ю. В. Сложеникина, А. В. Растягаев // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. - № 2. - С. 265–270.

14. Сложеникина, Ю. В. Философский диалог об именах: Платон, Сумароков, современное состояние [Текст] / Ю. В. Сложеникина, А. В. Растягаев // Онтология проектирования. – 2015. – Т. 5. – № 4 (18). – С. 463–471.

15. Современный русский литературный язык [Текст] / под ред. В. Г. Костомарова, В. И. Максимова. – М. : Гардарики, 2003. – 780 с.

16. Солганик, Г. Я. Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения / Г. Я. Солганик.- М. : Аст: Астрель, 2002. - 752 с.

17. Стернин, И. А. Социальные факторы и развитие современного русского языка / И. А. Стернин // Теоретическая и прикладная лингвистика. - Вып. 2. Язык и социальная среда. - Воронеж, 2000. - С. 4–16.

18. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия: более 7000 слов и устойчивых сочетаний [Текст] / под ред. Г. Н. Скляревской. - СПб. : Фолио-Пресс, 1998. - 700 с.

19. Чилингир, Е. Ю. Российский пиар как гипертекст: исторические и социокультурные аспекты [Текст] / Е. Ю. Чилингир. - М., 2011. - 163 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Ivanova, M. V. Rech' zhurnalistov jelektronnyh SMI [Tekst] / M. V. Ivanova // Uchimsja govorit' po-russki. Problemy sovremennogo jazyka v jelektronnyh SMI : Sb. nauch. st. – M., 2016. – S. 86–94.

2. Ivanova, M. V. Russkaja kul'tura v «Aksiologicheskom frazeologicheskom slovare russkogo jazyka» [Tekst] / M. V. Ivanova, L. K. Bajramova // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2014. – № 3 (45). – S. 10–12.

3. Kalenchuk, M. L. Bol'shoj orfojepicheskij slovar' russkogo jazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee varianty [Tekst] / M. L. Kalenchuk, L. L. Kasatkin, R. F. Kasatkina. – M. : Ast-press kniga, 2012. – 1008 s.

4. Kostomarov, V. G. Jazykovoj vkus jepohi: Iz nabljudenij nad rechevoj praktikoj mass-media [Tekst] / V. G. Kostomarov. – M. : Pedagogika-press, 1994. – 247 s.

5. Krysin, L. P. Tolkovyj slovar' inojazychnyh slov [Tekst] / L. P. Krysin. – M. : Jeksmo, 2006. – 944 s.

6. Kuznecov, V. F. Svjazi s obshhestvennost'ju: Teorija i tehnologii [Tekst] / V. F. Kuznecov. – 2-e izd., dop. i perer. – M. : Aspekt Press, 2007. – 302 s.

7. Lapteva, O. A. Zhizn' slova: uchebnoe posobie po leksikologii russkogo jazyka [Tekst] / O. A. Lapteva. – M. : Vyssh. shk., 2009. 556 s.

8. Markov, A. A. Teorija i praktika svjazej s obshhestvennost'ju / A. A. Markov. – SPb. : SPbGIJeU, 2011. – 163 s.

9. Mahrakova, M. I. Portretirovanie jazykovoj lichnosti jekonomista (na materiale internet-forumov) [Tekst] / M. I. Mahrakova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 1–1 (31). – S. 89–93.

10. Novye slova i znachenija: slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-h godov XX veka: v 3 t. : T. 3 [Tekst] / T. N. Buceva i dr.; red.: T. N. Buceva, Ju. F. Denisenko, E. A. Levashov. – SPb. : Dmitrij Bulanin, 2014. – 1356 s.

11. Ovcharova, K. V. Komp'juternye chaty v Internet-kommunikacii: soderzhanie i osobennosti funkcionirovanija [Tekst] / K. V. Ovcharova. – Krasnodar, 2008. – 240 s.

12. Russkij orfograficheskij slovar' [Tekst] / O. E. Ivanova i dr.; otv. red. V. V. Lopatin. – 3-e izd., ster. – M. : Ast-press kniga, 2012. – 960 s.

13. Slozhenikina, Ju. V. Srednevekovaja literatura i sovremennoe televidenie: semioticheskaja oppozicija i obshhaja strukturoobrazujushhaja osnova [Tekst] / Ju. V. Slozhenikina, A. V. Rastjagaev // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2012. – № 2. – S. 265–270.

14. Slozhenikina, Ju. V. Filosofskij dialog ob imenah: Platon, Sumarokov, sovremennoe sostojanie [Tekst] / Ju. V. Slozhenikina, A. V. Rastjagaev // Ontologija proektirovanija. – 2015. – T. 5. – № 4 (18). – S. 463–471.

15. Sovremennyj russkij literaturnyj jazyk [Tekst] / pod red. V. G. Kostomarova, V. I. Maksimova. – M. : Gardariki, 2003. – 780 s.

16. Solganik, G. Ja. Tolkovyj slovar': Jazyk gazety, radio, televidenija / G. Ja. Solganik. – M. : Ast: Astrel', 2002. – 752 s.

17. Sternin, I. A. Social'nye faktory i razvitie sovremennogo russkogo jazyka / I. A. Sternin // Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika. – Vyp. 2. Jazyk i social'naja sreda. – Voronezh, 2000. – S. 4–16.

18. Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka. Jazykovye izmenenija konca HH stoletija: bolee 7000 slov i ustojchivyh sochetanij [Tekst] / pod red. G. N. Skljarevskoj. – SPb. : Folio-Press, 1998. – 700 s.

19. Chilingir, E. Ju. Rossijskij piar kak gipertekst: istoricheskie i sociokul'turnye aspekty [Tekst] / E. Ju. Chilingir. – M., 2011. – 163 s.

Reference List

1. Ivanova M. V. The journalists' speech of electronic media / M. V. Ivanova // We learn to speak Russian. Problems of the modern language in electronic media: Collection of articles, 2016. – Page 86–94.

2. Ivanova M. V. The Russian culture in «he axiological phraseological dictionary of Russian» / M. V. Ivanova, L. K. Bayramova // Problems of history, philology, culture. 2014. No. 3 (45). – Page 10–12.

3. Kalenchuk M. L. Big orthoepic dictionary of Russian. Literary pronunciation and accent of the beginning of the 21st century: norm and its options / M. L. Kalenchuk, L. L. Kasatkin, R. F. Kasatkina. – M. : ACT Press Kniga, 2012. – 1008 pages.

4. Kostomarov V. G. Language taste of the era: From observations over speech practice of mass media / V. G. Kostomarov. – M. : Pedagogika-press, 1994. – 247 pages.

5. Krysin L. P. Explanatory dictionary of foreign-language words / L. P. Krysin. – M. : Eksmo, 2006. – 944 pages.

6. Kuznetsov V. F. Public relations: Theory and technologies / V. F. Kuznetsov. – 2nd edition, added and overworked. – M. : Aspekt Press, 2007. – 302 pages.

7. Lapteva O. A. Life of a word: the manual on Russian lexicology / O. A. Lapteva. – M. : Vysshaya Shkola., 2009. – 556 pages.

8. Markov A. A. Theory and practice of public relations / A. A. Markov. – SPb. : SPbGIEU, 2011. – 163 pages.

9. Makhrakova M. I. Portraiture of the language identity of the economist (on material of Internet forums) / M. I. Makhrakova // Philological sciences. Questions of the theory and practice. 2014. No. 1–1 (31). – Page 89–93.

10. New words and values: the dictionary reference on materials of the press and literature of the 90-s of the 20th century: in 3 v.: V. 3 / T. N. Butseva, etc.; editorship: T. N. Butseva, Yu. F. Denisenko, E. A. Levashov. – SPb. : Dmitry Bulanin, 2014. – 1356 pages.

11. Ovcharova K. V. Computer chats in Internet communication: contents and features of functioning / K. V. Ovcharova. – Krasnodar, 2008. – 240 pages.

12. Russian spelling dictionary / O. E. Ivanova, etc.; editor-in-chief V. V. Lopatin. 3rd edition. – M. : ACT Press Kniga, 2012. – 960 pages.

13. Slozhenikina Yu. V. Medieval literature and the modern television: semiotics opposition and general structure-forming basis / Yu. V. Slozhenikina, A. V. Rastyagaev // Problems of history, philology, culture. – 2012. – No. 2. – Page 265–270.

14. Slozhenikina Yu. V. A philosophical dialogue

about names: Platon, Sumarokov, the current state / Yu. V. Slozhenikina, A. V. Rastyagaev // Design Ontology. – 2015. – V. 5. – No. 4 (18). – Page 463–471.

15. The modern Russian literary language / under the editorship of V. G. Kostomarov, V. I. Maximov. – M. : Gardarika, 2003. – 780 pages.

16. Solganik G. Ya. Explanatory dictionary: Language of the newspaper, radio, television / G. Ya. Solganik. – M. : Ast: Astrel, 2002. – 752 pages.

17. Sternin I. A. Social factors and development of the modern Russian(s). A. Sternin // Theoretical and application-oriented linguistics. Issue 2. Language and social environment. – Voronezh, 2000. – Page 4–16.

18. Explanatory dictionary of the modern Russian. Language changes of the end of the XX century: more than 7000 words and steady combinations / under the editorship of G. N. Sklyarevskaya. – SPb. : Folio-Press, 1998. – 700 pages.

19. Chilingir E. Yu. Russian public relations as hypertext: historical and sociocultural aspects / E.Yu. Chilingir. – M., 2011. – 163 pages.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.04.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Русский язык

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10040
УДК 811.161.1: 81'42

З. Ю. Петрова
https://orcid.org/0000-0001-5390-8029

О. И. Северская
https://orcid.org/0000-0002-6277-9756

Говорящий мир человека в русской поэзии XVIII–XX вв.

Статья представляет собой вторую часть работы, в которой анализируется употребление слов со значением речи в метафорических и сравнительных конструкциях в русской поэзии конца XVIII–XX вв. Цель представленного в ней и проведенного на материале Национального корпуса русского языка исследования – описать «говорящий» внутренний мир человека и «речевые» проявления категорий, значимых для социума. В ходе анализа образных контекстов, выделенных и классифицированных по предметам сравнения и олицетворяющим предикатам, авторам удалось выявить универсальные и дифференциальные «речевые» характеристики внутреннего и внешнего поэтических миров. Им в равной степени свойственно *говорить, шептать, лепетать,* что-то *твердить, вещать*. Однако для внутреннего мира более характерна профетичность (он чаще, чем внешний, *вещает* и *пророчит*), а некоторая его идеализация находит отражение в более редком использовании в компаративных тропах стилистически сниженных предикатов *болтать, брюзжать*. Более важна для внутреннего мира, чем для внешнего, градация «говорения» по силе звучания от *шепота* до *крика, вопля*, что можно объяснить соответствием диапазону вкладываемых в «сообщение» эмоций. Отмечено, что сущности внутреннего мира человека гораздо чаще *шепчут, лепечут, бормочут*, а неполная артикулированность «внутреннего голоса» соответствует характеру разговора человека с самим собой. Логично, что метафорический перенос в ряде случаев поддерживается метонимией, чего нет в олицетворениях мира, окружающего человека. Таким образом, в статье представлены выводы, важные для различения представлений о характерном для поэзии внутреннем диалоге и поэтической коммуникации с внешним миром.

Ключевые слова: метафора, сравнение, олицетворение, лексико-семантическая группа «Речь», внутренний диалог, внутренний мир человека, социальный план, поэтический язык, русская поэзия, корпусный анализ.

LINGUISTICS

Russian language

Z. Yu. Petrova, O. I. Severskaya

Speaking Human World in the Russian Poetry of the 18–20th centuries

The article is the second part of the work which examines the use of words with the meaning of speech in metaphors and similes in the XVIII–XX centuries Russian poetry. The aim of the study conducted on the material of the Russian National Corpus is to describe «talking» inner human world and the «voice» of social categories. The analysis of the figurative contexts, selected and classified by tenors and vehicles of metaphors has identified common and differential «speech» characteristics of internal and external poetic worlds. Both of them *speak, whisper, babble, say over and over again, pontificate*. However, the inner world is more prophetic (it pontificates and prophesies more often). Some kind of its idealization is reflected in the rare use of stylistically «low» predicates *chatter, grumble*. The gradation of «talking» according to the sound volume is more important for the inner world than for the outer world, from whisper to shout, scream, which can be explained by the according range of emotions embedded in the «message». It is noted that the entities of the inner human world are much more likely to whisper, babble, murmur, and incomplete articulation of the «inner voice» corresponds to the nature of the inner speech. Metaphorical transfer in some cases is supported by metonymy, which is not present in the personifications of the external world. Thus, the article presents the conclusions that are important for distinguishing between the ideas about the internal dialogue in poetry and poetic communication with the outside world.

Keywords: metaphor, simile, personification, lexical-semantic group «Speech», internal dialogue, inner human world, social plan, poetic language, Russian poetry, corpus-based analysis.

© Петрова З. Ю., Северская О. И., 2018

В поэзии «говорит» буквально все. Слова лексико-семантической группы (ЛСГ) «Речь» в метафорических и сравнительных употреблениях сочетаются с весьма широким кругом предметов сравнения. В первой части нашего исследования материала Национального корпуса русского языка (НКРЯ [2]), результаты которого уже опубликованы [3], рассматривались семантические классы «Окружающий мир» и «Время». Вторая же часть посвящена «говорящим» сущностям внутреннего мира, жизненного цикла, судьбы человека, «речевым» проявлениям социума и истории.

Класс «Внутренний мир человека» включает такие подклассы, как «Душа, сердце», «Интеллект», «Чувства», «Свойства характера и способности человека». Сочетая эти слова-понятия с лексемами со значением речи, говорящий (лирический герой) начинает прислушиваться к тем сообщениям, которые «звучат» в его внутреннем мире. И это логическим образом дополняет подробно описанную И. И. Ковтуновой [1, с. 72–77] поэтическую традицию обращения поэта к мечте, мысли, памяти, сердцу и душе, в которых эти сущности предстают не как субъекты, а как адресаты речи во внутреннем диалоге.

Сердце и душу часто характеризует основной, нейтральный в отношении громкости, предикат *говорить*: *Что есть всему Творец, сомненья не имею; Мне* ***сердце говорит*** *о Нем* (Николев, 1795); *Поэт – наставник всех влюбленных: Он учит* ***сердце говорить****, В молчанье уст запечатленных Понятным для другого быть* (Карамзин, 1796); *Язык мой скован – и молчит; <…> А* ***сердце*** *внятно* ***говорит****, Чего язык не произносит* (Бенедиктов, 1837); *И* ***сердце*** *гордое, что билось так спокойно,* ***Заговорило*** *вдруг сильней и горячей…* (Апухтин, 1885); *Где* ***сердце хочет говорить****, Молчать там должен робко ум* (Горький, 1891); ***Сердце*** *давно* ***говорило*** *мне: верь* (Кузьмина-Караваева, 1912); *Правду* ***сердце*** *мое* ***говорило*** (Блок 1914–1915); *Тревогой странною и радостью томимо, Мне* ***сердце говорит****: «Вернись, вернись назад!»* (Бунин, 1916); *ясней моя* ***душа заговорила****…* (Дельвиг, 1826); ***Душа*** *притворствует, лукавит И* ***говорит****: «Вперед!»* (Блок, 1899); *Но упрямая* ***душа Говорит****, что лишь вначале, В утро, чуждое печали, Радость счастья хороша* (Бальмонт, 1903); *Почему же вновь,* ***душа*** *немая, О любви* ***заговорила*** *ты?* (Баркова, 1954), – в этих случаях звук проявляется на фоне тишины, а степень громкости и отчетливость «говорения» обозначается дополнительно, определяющими глагол наречиями *сильнее, яснее* и под.

Используются в образах и относящиеся к противоположным полюсам шкалы громкости слова *шептать, шепот: Владыки нет… Да, – нет его, – мне* ***шепчет дух*** (Бобров, 1801–1804); *Нам* ***сердце*** *так ясно* ***шепчет*** *порой: Рождены мы для чего-то иного* (Григорьев, 1845); *А когда нам* ***шепчет сердце****, Мы не боремся, не ждем* (Гумилев, 1908); *Только* ***сердце*** *под ветхой одеждой* ***Шепчет*** *мне, посетившему твердь: «Друг мой, друг мой, прозревшие вежды Закрывает одна лишь смерть»* (Есенин, 1921); *А* ***сердце*** *еще не сгорело в страданье, Все просит и молит, стыдясь и* ***шепча****, Певучих богатств и щедрот мирозданья На этой земле, золотой как парча* (Д. Андреев 1941); и *кричать, крик*: *Напрасный* ***сердца крик****!* (Пушкин, 1817); *И в сердце сдавленные речи, Навеки смолкшие слова Безумно ждут желанной встречи, И* ***сердце не кричит едва*** (Брюсов, 1901); *И было время – я молился Слезами горькими, Зевес; Но ты с высот своих небес На* ***крик души*** *не преклонился* (Губер, 1845); *Я смотрю в немую ночи тьму, И* ***душа*** *моя* ***кричит*** *невольно: Почему мне тяжело и больно?* (Горький, 1904); *И робкий вздох, и* ***крик души*** *Язык-могильщик поджидает…* (Барт, 1918); *Ну, а ты действительно услышал* ***Крик души*** *веселой и больной И на миг тоску мою утишил, Сделался игрушкой заводной* (Межиров, 1974); *вопить, вопль*: *Кто сам, преданья раб послушный, Готов оковы был носить И* ***вопли сердца*** *малодушно В забавах света заглушить…* (Плещеев, 1846); *Не внемлешь ты сужденьям света, Затем что выше ты его, Что он не может дать ответа На* ***вопли сердца*** *твоего* (Щербина, 1851); *и ухо волной снесено / и* ***дух мой вопит*** *безголосый…* (Крученых, 1913); *В слезах, в занозах, в судорогах* ***Вопит душа****, которой нет* (Барт, 1936). Как можно заметить, поэты стараются уйти от стертой метафоры *крик души,* которая имеет общеязыковое значение ‘возглас, порожденный непосредственной сильной эмоцией / выстраданное, наболевшее’, либо заменяя субъект, *душу – сердцем*, либо смещая акцент с абстрактного состояния на конкретное действие, либо изменяя предикат, превращая *крик* в *вопль*.

Различаются олицетворяющие сердце и душу предикаты по артикулированности, четкости «высказываний». Изредка сердце *лепечет***,** как бы говоря невнятно, несвязно: *Там видел я пару божественных глаз; И* ***сердце лепечет****, воспомня тот взор: Люблю я Кавказ!..* (Лермонтов,

1830); *А* ***сердце*** *все – люблю тебя! –* ***лепечет*** (Бенедиктов, 1835); звучит и ***душ*** *легких* ***лепет*** (В. Иванов, 1904). Но гораздо чаще душа и сердце что-то *твердят,* твердо и настойчиво что-то повторяя: *«Грустно!» –* ***сердце****, ты* ***твердишь****, А любить ее велишь* (Дмитриев, 1803); *Мне* ***сердце*** *все* ***твердит****: любовь в ее груди, А опыт говорит: уйди, уйди, уйди!* (Апухтин, 1862); *Только* ***сердце твердит и твердит****, Что второе пришествие будет* (Одарченко, 1948); *И сих речей отзывы, как во сне,* ***Твердит душа*** *с собой наедине* (Вяземский, 1831); *А ты,* ***душа****, усталая, глухая, О счастии* ***твердишь****, – который раз?* (Блок, 1912). Возможно, эти образы основываются на впечатлении от биения, ритма сердца, зависящего от силы эмоций.

Сердцу и душе поэты между тем не разрешают *прекословить* предначертанному: *О* ***сердце****, будь как этот камень: Своей судьбе* ***не прекословь*** (Мережковский, 1904); ***Не прекословь, душа, не прекословь****, Не ты запутала, не ты развяжешь петли* (Тихонов, 1913–1919). Однако признают за ними способность *пророчить: И явно* ***в сердце дрожь пророчит****…* (Ломоносов, 1741); ***Сердце пророчит*** *забвенье целящее* (Клюев, 1912); *И тайный трепет* ***сердце*** *гложет,* ***Пророчит*** *явь, несет беду* (Кузьмина-Караваева, 1916); *Но* ***сердце*** *темное* ***пророчит****. Что ждет меня – какая чаша?* (Хлебников, 1921); *О* ***сердце, не пророчь*** *О близости волнующих касаний, О шелесте цветов в глухой ночи!* (Вега, 1936); *О чем же ты грустном* ***Пророчишь, душа****?* (Кольцов, 1829); *К чему* ***душа*** *ослепшая* ***пророчит****?* (Голенищев-Кутузов, 1943); а также *вещать* – эта лексема с высокой поэтической стилистической окраской употребляется и в самом начале рассматриваемого временного периода, и в современной поэзии: *В тебе мне есть все благо,* ***Сердце вещает*** (Тредиаковский, 1730), *Что ткешь ты мне,* ***душа****, из вздора и святыни,* ***Вещаешь мне о чем****?* (В. Блаженный, 1972).

Часто в русской поэзии встречаются конструкции, в которых предикат указывает на речевое взаимодействие – д у ш и с д у ш о й : *И каждый час Друг с друга не спускали глаз; Все вместе; только ночь одна их разводила; Но нет, и в ночь* ***душа с душою говорила*** (Дмитриев, 1795); ***Двух душ*** *неслышный* ***разговор****, Боюсь, понятен всем…* (Лохвицкая, 1896–1898); *Еще мы чужие в мгновенье при встрече, Лепечем банально ненужные речи, Не смеем спросить, не хотим отвечать, Но* ***души успели друг друга узнать*** *И взором единым (но полным печали!)* ***О всем расспросили, на все отвечали****.* ***Шепнули упреки*** *с минутной мольбой И снова* ***беседу ведут меж собой*** (Брюсов, 1898), или с е р д ц а с с е р д ц е м : *Только слышно, как колотят белье на пруду, Да как падает где-то яблоко звуком тугим, Да как* ***шепчется чье-то сердце*** *тихо* ***с сердцем моим*** (П. Соловьева (Allegro), 1908). Возможен и разговор *души* и *тела* (например, в стихотворении Н. А. Некрасова «Разговор», построенном как диалог тела и души), д у ш и и с е р д ц а с я в л е н и я м и в н е ш н е г о м и р а : ***С ветрами шепчется Душа*** *скитальная* (Герцык, 1906–1909); *Вздыхают* ***вешние вершины*** *И* ***с ними шепчется душа*** (Герасимов, 1919); *Тихо* ***сердце****, как осень, горит, / словно в красное зеркало леса / загляделось, не чувствуя веса, /* ***с отраженьем своим говорит*** (Жданов, 1978–1991).

К речевым проявлениям д у ш и и с е р д ц а близка «речь» такой сущности внутреннего мира человека, как в н у т р е н н и й г о л о с , которая может присутствовать как *тайный голос, чей-то голос, кто-то* (*в сердце, душе* и т. д.)*, все во мне*: *И* ***тайный голос*** *мне* ***твердит,*** *не умолкая: «Безумец!»* (Надсон, 1881); *Отчего, когда так страстно Жаждем мы запретной встречи,* ***Чей-то голос шепчет*** *властно Укоризненные речи?* (Льдов, 1896); *Надежду сменит сладостная грусть, <…> И* ***кто-то тихий шепчет****: «Ну и пусть!»* (Кузмин, 1908–1909); *Но* ***все во мне кричит, вопит****: Я жив, я жив, я жив!* (Амари, 1920).

Класс предметов сравнения «И н т е л л е к т » включает элементы *ум, разум, рассудок, сознание, память, воображение* и обозначения «продуктов» их деятельности – *мысль, дума, мечта, греза* и др. Все эти сущности поэты наделяют речью, употребляя при этом предикаты *говорить*: ***Рассудок говорит****: «Все в мире есть мечта!»* (Карамзин, 1796); ***Ум*** *сам* ***заговорит,*** *когда пора придет!* (Случевский, 1889); *Мой* ***разум говорит****: все цепью неизменной Ведет к Его добру, величью и гордыне…* (Лозина-Лозинский, 1912); ***Мысль говорит****: «Твоих стихов Что голос, еле слышный, может?»* (Брюсов, 1915); *твердить*: *«Пора вам с рифмами расстаться!» –* ***Рассудок мне твердит*** *сегодня и вчера* (Батюшков, 1817); *На хладный свой язык мне* ***разум*** *переводит, Что втайне чувство создает; Оно растет, оно восходит, А он* ***твердит****: оно пройдет!* (Бенедиктов, 1837); *Для лучшего нам время не пришло, А то, что есть, толпе необходимо, –* ***Твердит наш ум****… но сердцу тяжело: Законность зла ему невыносима!* (Щербина, 1853); *Хоть* ***память*** *и* ***твердит****, что между нас могила, <…> Не в силах верить я, чтоб ты*

меня забыла... (Фет, 1887); *Тебе* ***мечта твердит****: «исполни!»* (Брюсов, 1916); *вещать*: *Смутные* ***мысли*** *бегут и* ***вещают****: Там, с поднебесной, другой стороны Светлые краски теперь проступают; Тучи обласканы, жизни полны* (Случевский, 1901); *беседовать*: ***Приди, Мечта, беседовать со мною****, Игривая наперсница небес* (Загорский, 1824).

Голос интеллектуальных сущностей, как правило, довольно тих и не вполне артикулирован, им свойственно *лепетать,* издавать *лепет*: *Уныло всхлипывали волны, И я под их волшебный шум, Их вздохи и неясный ропот Настроил* ***лепет*** *первых* ***дум*** *И первых чувств любовный шепот* (Бенедиктов, 1837); *И вот* ***мечта****, вскрывая сумрак дальний,* ***Лепечет*** *свой рассказ* (Брюсов, 1918); *Потуплены ресницы И трепетны уста – Иль это небылицы* ***Лепечет*** *мне* ***мечта****?* (Верховский, 1921). Но еще чаще они *шепчут*, будь то мечта: *Тихо мне* ***шепчет мечта*** *неотлучная: Вот наша жизнь пред тобой, Та же комедия, длинная, скучная, Разве что автор другой* (Апухтин, 1857); *Только* ***мечта*** *золотая* ***Шепчет****: «Я здесь, я с тобой!»* (Лохвицкая, 1896–1898); *И* ***шепчет*** *гордо и невинно Мне про стихи мои* ***мечта****...* (Ходасевич, 1919), надежда: ***Надежды шепчут*** *мне с улыбкой молодою: «Гроза пройдет, гроза, как сон, пройдет!»* (Будищев, 1890), дума: *О, когда б ты могла, дорогая, Знать, как тягостно борется* ***дума*** *моя С обаяньем наставшего рая, Сколько* ***шепчет*** *она мне язвительных слов...* (Надсон, 1883), сознанье: ***Сознанье шепчет*** *мне так гордо: «Ты – звук всемирного аккорда, Ты – цепи жизненной звено»* (Мережковский, 1894), ум: ***Ум шепчет****: перестань* (Бальмонт, 1899), память: *О чем-то* ***память шепчет*** *мне…* (Блок, 1902); *Мне* ***память шепчет*** *вновь минувшего рассказ* (Голохвастов, 1903); *А* ***память шепчет****: «Друг, поверь»* (Кузмин, 1920); *Лет пять, должно быть, не был там, / а* ***память шепчет*** *еле: «Тогда / в кафе / журчал фонтан / и плавали форели»* (Маяковский, 1921). Однако эти сущности могут заявить о себе и во весь голос, *кричать*: *Ты видишь: я душой не лицемерю, Хоть* ***разум*** *мне* ***кричит****, что нет тебя!* (Бальмонт, 1897); *И* ***мысль****, прожженная огнем,* ***Кричит*** *невольно и кому-то: «Не надо вспоминать об нем!»* (Брюсов, 1923). Как можно заметить, для поэтов важна именно сила звучания подобной внутренней речи, а ее содержание раскрывают распространяющие предикаты дополнения – либо прямая речь, либо существительные со значением сообщения: *рассказ, небылицы*, определенные *слова* и т. п.

Особо надо отметить разговоры *разума* (*рассудка*) и *души* (*сердца*), в которых часто представлена борьба двух начал в человеке – рационального и эмоционального. Лирический герой воспринимает речь и того, и другого начала, но часто разум, рассудок замолкает перед доводами сердца: ***Умолкнет разум*** *беспристрастный – Лишь* ***сердце будет говорить*** (Карамзин, 1796). Победителем рассудка может быть и чувство, например, речь Эрота звучит убедительнее**:** ***«Молчи, молчи!» – Рассудок говорил****,* ***А плут Эрот: «Скажи: ты сердцу мил!»*** *<…> «Будь счастлива!» –* ***Эрот*** *ей* [пастушке] ***прошептал****, Рассудок что ж?* ***Рассудок уж молчал*** (Пушкин, 1814). Рассудок и душа ведут между собой спор: *прекословит рассудок голосу души* у В. Иванова (1913–1918), но и душа рассудку противоречит: *«Да!» – грозно говорил рассудок, / «Нет!» – ответила душа неукротимо* (Берггольц, 1934). Но при этом разум и душа не обязательно ссорятся: ***сердцу*** *вновь, как легковерный друг,* ***рассудок шепчет утешенье***, например, у К. Фофанова (1896).

В XIX в. в этом классе тропов встречаются и производные существительные – обозначения субъекта речи по его речевым характеристикам: *рассудок – брюзгливец* (Жуковский, 1809)*, воображение – говорун* (Жуковский, 1820)*, мысль – болтунья* (Баратынский, 1837–1838).

Элементы следующего класса предметов сравнения – «Чувства» (*любовь, страх, ужас, тоска, горе, надежда* и др.) – встречаются с теми же предикатами: *говорить, вещать, твердить, шептать, кричать,* использующимися в течение всего исследуемого периода. В XX в. появляется сочетание обозначений эмоций с глаголом *бормотать*: в груди *бормочут счастье и жалость*, в частности, в стихах И. Чиннова (1965), – так же, как и в олицетворениях внешнего мира, о которых шла речь в первой части публикации наших результатов [3, с. 88].

Глагол наиболее широкого значения – *говорить* – сочетается с предметами сравнения *страсти, горе и радость*: *Не судит ни об ком рассудок беспристрастный, Лишь* ***страсти говорят*** (Карамзин, 1796); *Надежды нет, мечта молчит, <…> Лишь* ***горе с сердцем говорит*** (Ростопчина, 1848); *Какое дело, Когда* ***любовь в душе заговорит****…?* (Апухтин, 1860–1865); *Даже* ***радость и гордость*** *даже Нынче громко* ***не говорят*** (Тихонов, 1920–1921).

У любви спектр «речевых действий» наиболее широк: она не только *говорит* (например, *песней – любовь говорит* у Ю. Верховского), но и *вещает*: *Весь дух мой в скорби унывает, И смерть* ***вещает мне любовь*** (Хемницер, 1782); *твердит: Вражда твердила мне: Оснельде он злодей,* ***Любовь твердила мне****, что верный друг он ей* (Сумароков, 1768); *шепчет: Вот непокорная* ***любовь Им шепчет****: вы свободны оба* (Тимофеев, 1834); *лепечет: если я позову – / «приди», / ты приди / и коснись груди, / где* ***любовь лепечет*** *– / «жива еще», / и скажи: / «Человек, гряди!»* (Кирсанов, 1967); *кричит: Влекусь к Любви, – заносит ржавый нож, Грозя гангреной, мстительная Слава. К ней поверну, молю ее, – «Направо! –* ***Кричит Любовь****: – А я-то что ж?»* (Северянин, 1912).

Твердить, то есть настойчиво что-то повторять человеку, способны также и другие эмоции – *вражда* (как в приведенном выше примере из Сумарокова), *отрадное* чувство: *Но* ***отрадное чувство твердило*** *Там внутри, в глубине: – Может быть, хоть одну из морщин этих ранних родило Сожаленье ко мне…* (Минский, 1890); *тревога*: *И мне* ***тревога*** *тайная* ***твердит****, Что ты уже смертельно жизнью ранен* (Полонская, 1936). Иногда субъектом речи предстает некое смешанное чувство, как в этом случае: *То* ***ревность по дому, тревогою сердце снедая, Твердит*** *неотступно: Что делаешь, делай скорее* (Блок, 1914), где *тревога* смешивается с *ревностью,* за которой стоит не столько «сомнение в любви и верности» (что тоже возможно, если *дом* – это метонимия), сколько, в соответствии с устаревающим значением, «горячая приверженность» дому, тоже яркое чувство.

Такие о т р и ц а т е л ь н ы е э м о ц и и , как *страх*, *ужас* и *тоска* характеризуются глаголами речи противоположных полюсов громкости. Страх *шепчет* и *орет*: *«Быть может, это сновиденье?» – Рассудку* ***шепчет*** *тайный* ***страх*** (Подолинский, 1834–1836), ***Страх орет*** *из сердца* (Маяковский, 1916); ужас *шепчет* и *кричит*: *Глухою ночью* ***ужас*** *громко* ***шепчет****…* (Эрбер, 1918), *В сердце бедном моем <...> горе кричит на страсть,* ***ужас кричит*** *на горе* (Бродский, 1964); тоска *шепчет* и *кричит*: *Только мне с* ***тоскою*** *Справиться невмочь, Как ее прогнать я Ни стараюсь прочь. Где б я ни был – всюду* ***Шепчет*** *мне она: «А твоя на веки Отцвела весна!»* (Плещеев, 1873), *Когда душа в цепях, в душе* ***кричит тоска****, И сердцу хочется к безбрежному приволью* (Бальмонт, 1903).

Среди других сущностей внутреннего мира человека наибольшей «разговорчивостью» отличается с о в е с т ь . Она *говорит*: ***Заговорила*** *громко* ***совесть*** *В душе...* (Масальский, 1828); ***Заговорила*** *вслух встревоженная* ***совесть*** (Жемчужников, 1856), *вещает*: *Флор, смутны взоры обращая, Так близко Лизы зреть не мнит; Но* ***совесть****, дух его смущая,* ***Вещает****, кто пред ним лежит* (Княжнин, 1778); *твердит*: *И* ***совесть*** *укорно* ***твердила****: Погибли с ним – И Вы и вскрывший письмо судьбы!* (Шершеневич, 1913–1915), *вопит*: ***Вопль совести****, упреки бесполезны; Поэт заснул в губительном чаду* (Вяземский, 1829), *шепчет*: *Везде, как неотступный страж, за мной, Как злой, неумолимый гений, Влачится [****совесть****] вслед – и* ***шепчет*** *мне порой Невнятно повесть преступлений!..* (Рылеев, 1821–1822); *О, если б мог я заглушить Укор, что часто* ***шепчет совесть!*** (Плещеев, 1857), *бормочет*: ***Бормочет совесть****, шевелясь во сне...* (Поплавский, 1931–1935); лирический герой ведет с ней переговоры: *Одни глядятся в ласковые взоры, Другие пьют до солнечных лучей,* ***А я всю ночь веду переговоры С неукротимой совестью своей*** (Ахматова, 1936).

Умением разговаривать поэты наделяют и способность следовать подсознательным, безотчетным чувствам – и н с т и н к т : *Шагни, и еще раз, –* ***твердил мне инстинкт*** *И вел меня мудро, как старый схоластик, Чрез путаный, древний, сырой лабиринт Нагретых деревьев, сирени и страсти* (Пастернак, 1916), и с в о й с т в а л и ч н о с т и человека – например, *гордость: В нем* ***гордость говорила*** *Сильней любви* (Мережковский, 1890), *отвагу: Но* ***кричит отвага****: «Попробуй!», Шагни-ка через «нельзя»!* (Колосова, 1920–1937).

Отличительной особенностью олицетворений эмоций (и некоторых других проявлений и свойств человека) является их употребление в таких высказываниях, где наблюдается их экстериоризация, переход из внутреннего мира человека в мир внешний, функционирование в качестве самостоятельных сущностей. Такие контексты можно встретить и с глаголами речи, например: *Но с Вакхом румяным обрел я былое: Златой виноградник я сам рассадил. <...> И холодом смерти в нем время не дует, И сердце не видит обманчивых снов, Лишь шумно порою в нем Дружба пирует Иль* ***скромная шепчет приветы Любовь*** (Коншин, 1821), ср.: *В огромном разобщении людей Одна* ***любовь кричит о единенье****, И потому благодаренье ей!* (Самойлов, 1965); ***Заговорила сдержанная злоба*** *Вдогонку шествию доврем-*

ного гроба! (Случевский, 1881). В этом случае метафорический перенос сочетается с метонимией, также мотивирующей олицетворение.

В семантическом классе «Жизненный цикл, судьба человека, различные жизненные обстоятельства» (*жизнь, смерть, юность, младость, старость, несчастье, лихо* и пр.) самый широкий диапазон глаголов речи характеризует смерть. Она *говорит*: *Пока живем пьянящею игрою, Мы думаем, что жизни нет конца, Но* ***Смерть*** *к нам неожиданно приходит И* ***говорит:*** *«Ты должен умереть»* (Бальмонт 1902); *И к каждому развязно по приезде Подходит* ***смерть*** *и* ***говорит*** *на ты* (Поплавский, 1920–1924); *Легким голосом иного мира* ***Смерть*** *со мной все время* ***говорит*** (Адамович, 1929), *восклицает*: *Тоска, мрача мой век постылый, Падет на сердце, как гора; Застынет кровь в груди унылой, И* ***смерть воскликнет*** *мне: пора*!.. (Гнедич, 1806), *шепчет*: *[****Смерть****] Тем, кого* ***она*** *полюбит крепче, Кто ужален в душу злой тоскою, Как* ***она*** *любовно ночью* ***шепчет*** *О великой радости покоя!* (Горький, 1892); ***Ты*** *шлешь очам бессонным сон могильный, Несчастному, кто к пыткам присужден, Как вольный ветер,* ***шепчешь*** *в келье пыльной, И свет даришь тому, кто тьмой стеснен* (Бальмонт, 1894); *Прильнула и* ***шепчет*** *невнятно Мне бледная, бледная* ***смерть*** (Белый, 1906), *бормочет*: *Протоколы жизни расследывая,* ***Смерть бормочет*** *что-то бессвязно* (Шершеневич, 1913–1915).

Лексемы ЛСГ «Речь» используются в олицетворении и других понятий этого класса – жизнь: *Порою улыбнется счастье, Ответно* ***жизнь заговорит*** (Кольцов, 1829); *Тут не одно воспоминанье, Тут* ***жизнь заговорила*** *вновь…* (Тютчев, 1870); *Мне* ***говорила жизнь****: «Не верь!»* (Якубович, 1898); ***Жизнь твердит*** *мне: «Стыдись, малодушный!»* (Надсон, 1882); *Правдива смерть, а* ***жизнь бормочет*** *ложь…* (Гумилев, 1916); судьба, рок: *В снах утра и в бездне вечерней Лови, что* ***шепнет*** *тебе* ***Рок*** (Брюсов 1907); *Но сквозь приветливую речь* ***Судьба твердит*** *одно и то же* (Кузмин, 1911–1912); *И в шелестиных голосах Все то же* ***бормотанье рока****…* (Сологуб, 1923); *Факел, ночь, последнее объятье, За порогом дикий* ***вопль судьбы*** (Ахматова, 1936); ***Говорит Судьба****: – Не плачь, сейчас помилую* (Чиннов, 1984). Наделяются речью и циклы человеческой жизни – юность, младость: *О славе ли, о гордой ли свободе Доверчиво мне* ***юность говорит*** (Тепляков, 1836); *Спиридону* ***шепчет младость****: «Наскочи скорей – и в бой, Драться где ему с тобой!»* (Некрасов, 1840), старость: *Старость* ***бездушная шепчет*** *напрасно: Бойся любви молодой!* (Голенищев-Кутузов, 1877); [**Старость**] *Увы, не отогнать докучную старуху! Без устали она все движется вперед, То* ***шепчет и язвит****, к его склонившись уху, То за руку его хватает и ведет* (Апухтин, 1886).

В поэтическом подкорпусе НКРЯ нам встретились и отдельные примеры сочетания глаголов говорения с существительными, за которыми стоят некоторые абстрактные понятия социального плана, – такие как истина: *Когда же* ***истина*** *любезна Тебе* ***вещает****, как труба, Внимай, – она тебе полезна, Хотя и кажется груба* (Херасков, 1769); слава: *«Молчи!» – ему* ***вещает слава*** (Сумароков, 1769); *И мирных Муз минутные дары, И* ***лепетанье славы*** *шумной…* (Пушкин, 1822); история: ***История*** *– / врун даровитый, /* ***бубнит*** *лишь, / что были / царьки да князьки: / Ираклии, / Нины, / Давиды* (Маяковский, 1924); *Когда он обращался к фактам, То знал, что, полоща им рот Его голосовым экстрактом, Сквозь них* ***история орет*** (Пастернак, 1923–1928) и др. Что касается нравственных категорий, то добро предстает молчаливым, *говорят* и *вещают* в поэзии *о нем* другие; а вот лихо и зло – это активные «речевые деятели»: ***Лихо*** *ко мне прижимается,* ***шепчет мне тихо****: «Я – бесталанное, всеми гонимое Лихо!»* (Сологуб, 1891–1893); *Я духом слаб, и нет кругом опоры.* ***Зло шепчет мне****: «Свой факел погаси!» – Нет, нет!* (Федоров, 1896).

Кроме того, метафоры речи характеризуют такие порождения ума и духа человека, как молва и сплетни (особые формы речи), а также стихи (плоды творчества).

В сочетании с первыми употребляются такие слова ЛСГ «Речь», как *шептать, шепот*: *Из дома в дом по улицам столицы Страшилищем скитается* ***Молва****; Уж прорвалась к убежищу царицы; Уж* ***шепчет*** *там* ***ужасные слова*** (Жуковский, 1819); *Смутно* ***шепчет молва*** *о великом бойце, Полном диких страстей и порывов прекрасных…* (Якубович, 1892); *Что мне этот шорох, что мне лепет, Что мне* ***шепот*** *будничной* ***молвы***! (Самойлов, 1962); *кричать, крик*: *И что* ***молва кричит*** *о мне… боюсь!* (Лермонтов, 1830); *Не спорил я. Что значит* ***крик молвы****?* (Огарев, 1842); *говор: Смолкнул яркий* ***говор сплетней****…* (Фет, 1847); производные от глагола *болтать*: ***Болтливыя молвы*** *не требуя похвал, Я подвиг бытия означил тесным кругом: Пред алтарем души в смиренье*

клятву дал Тирану быть врагом и жертве верным другом (Вяземский, 1819); *Где пресыщаются умы За недостатком аппетитов* ***Болтаньем сплетницы-молвы!*** (Полежаев, 1830).

С т и х и и связанные с ними понятия (*рифма, ямб, хорей, цезура*) отличаются *говорливостью*: *Тебя, звезду мою, найдет Поэта вестник расторопный, Мой бойкий* ***ямб четверостопный****, Мой* ***говорливый скороход****: Тебе он скажет весть благую* (Языков, 1831); *Положился На* ***белый стих, – свободный, говорливый****, Вместительный и к прозе не брезгливый, – Чтоб рассказать о том, о сем, – зараз Все помянуть – и дело, и безделье* (В. Иванов, 1912), и *болтливостью: Меж тем, быть может, среди них, Кто знает – кто узнает? – Прошла… (Но тут* ***болтливый стих*** *Стыдливо умолкает)* (Д. Кнут, 1938). И эти качества стихи иногда заимствуют у внешнего мира, поэтическим воплощением которого они и являются: *А* ***хорей говорлив, как весной Ручеек*** *серебристый и зыбкий:* ***Как дитя****, омрачится тоской И опять озарится улыбкой…* (Якубович, 1885), – здесь налицо не только двойное олицетворение, но и оживление стертой общеязыковой метафоры, стоящей за глаголом *говорить* в его значениях ‘свидетельствовать о чем-либо, указывать на что-либо; проявляться в чем-либо’.

Это заметно и в других контекстах, где олицетворяющий с т и х и глагол *говорить* имеет синкретичное значение, объединяющее прямые и переносные смыслы: ***Цезура говорит*** *молчаньем…* (Ходасевич, 1916); *Лишь ветер злей и злей Бьет локтем в переплеты рам Шутливый прерывая разговор, И кажется – один он верен той, О ком* ***заговорил Развязно Седой насмешник ямб*** (Мариенгоф, 1921).

Кроме того, стихосложению сопутствует *лепет рифм*: ***Рифма****, звучная подруга... <…> В прежни дни* ***твой милый лепет*** *Усмирял сердечный трепет – Усыплял мою печаль* (Пушкин, 1828); *О,* ***Рифма****, / бедное дитя, / у двери найденный подкидыш, /* ***лепечешь****, / будто бы хотя / спросить: / «И ты меня покинешь?»* (Кирсанов, 1971), но им доводится и *брюзжать*: *Ведь последний стих разительно прекрасен! Воображению он сильно говорит; Но* ***рифма*** *вздорная косится и* ***брюзжит!*** (Жуковский, 1815). А самому *стиху* свойственно *шептать* и *шептаться* с другими: *И каждый* ***стих*** *с другим, как близкий брат, хоть* ***шепчет*** *другу друг: чуть-чуть подвинься* (Бродский, 1963).

Зачастую слова ЛСГ «Речь», в метафорическом значении характеризующие внутренний мир человека, его жизненный цикл, социальные сущности, сочетаются с другими лексемами семантической категории «Человек», что усиливает антропоморфность образов.

Это могут быть сочетания с различными обозначениями лица, с олицетворяющими предикатами, не относящимися к ЛСГ «Речь», например, в приводившихся выше олицетворениях с о в е с т и в образе *неотступного стража,* р а с с у д к а – в образе *легковерного друга сердца*, с т а р о с т и – в образе *докучной старухи*, или же с м е р т и и с т р а х а: ***Смерть и страх*** *По подворотням, незаметно,* ***Толкутся, как биржевики****,* ***Бормочут****, ссорятся и поют* (Багрицкий, 1921–1923) и т. д.

Такие сочетания характерны и для предметов сравнения семантической категории «Окружающий мир» («Природа», «Предметы»). Чаще всего в подобных контекстах олицетворяются л и с т ь я: ***Точно друзья*** *<…>* ***Листья друг друга лобзают*** *с рыданием,* ***Шепчут*** *горячий привет* (Фофанов, 1893), д е р е в ь я: ***Шепчет пихта, как старуха*** (Клюев, 1916), ***верба-старуха*** *поросли* ***крестит*** *и* ***шепчет*** *под нос* (Клычков, 1923), ***Тополь-ленивец, разбужен, / жмется от холода****, листьями что-то* ***лопочет*** (С. Петров, 1940), ***Березы****, вы* ***школьницы****! Полно* ***калякать****, Довольно* ***скакать, задирая подолы!*** (Заболоцкий, 1946), в е т е р (в е т р ы): *Там <…>* ***ветра-ключаря гнусавый разговор*** (Клюев, 1916–1918), ***Шепчут*** *мне* ***странники ветры****: / брат, вспоминаешь ли ты?* (Набоков, 1922), *За окном* ***бормочет ветер, Безответственный дурак****…* (Саша Черный, 1931); ч а с ы: ***Часы стенные*** *в тишине Одно и то же* ***сипло, глухо Лепечут в мерной болтовне, Как сумасшедшая старуха*** (Огарев, 1854–1855), ***Словно старый антикварий****, Тихо* ***шепчутся часы*** (Саша Черный, 1910).

При этом можно говорить о некоторой устойчивости сочетаний метафорических предикатов и образов сравнения. Так, глагол *лепетать* при разных предметах сравнения дополняется одним и тем же образом – *дети*: ***Ивы плакучей серебристые листья, как малые дети****, Над головою моей* ***лепетали*** *невнятные речи* (Щербина, 1854), *Дремало море в неге сладких грез, И,* ***как дитя, волна чуть лепетала****, Плескаясь мерно об утес* (Якубович, 1882), *[****листья****] Мы* ***лепечем*** *пред смертью,* ***как дети больные*** (Минский, 1896), *О,* ***Рифма****, / бедное дитя, // у двери найденный* ***подкидыш****, //* ***лепечешь****, / будто бы хотя // спросить: / «И ты меня покинешь?»* (Кирсанов, 1971).

Важное место в ряду дополнительных средств

олицетворения занимают обозначения эмоциональных состояний и действий.

Это могут быть глаголы, среди которых по частоте лидирует *ласкать* (*дарить ласками, ласкаться*): *Вешний резвый* ***ветерок*** *<…> приветно* ***шепчется*** *с листами* ***и дарит ласками*** *цветок* (Кольцов, 1830), *Лишь у ног* ***Говорил ручеек*** *И прозрачной волной к ней* ***ласкался*** (Ершов, 1834), *У Черного моря чинара стоит молодая; С ней* ***шепчется ветер****, зеленые* ***ветви лаская*** (Лермонтов, 1841) и под.; представление о ласках может и конкретизироваться: ***Дождь*** *всего* ***исцеловал****, <…>* ***Заболтал, заговорил*** *взахлеб* (Самойлов, 1986). «Говоря», мир может также *рыдать, грустить, ликовать, хохотать*: *Об чем беспрестанно, шумя и бушуя, Ты,* ***море****, так сладко душе* ***говоришь****, Об чем, то* ***рыдая****, то буйно* ***ликуя****, Порою* ***хохочешь****, порою* ***грустишь****?* (Некрасов, 1839), *смеяться*: *И* ***смеясь, лепетала волна****…* (Ф. Сологуб, 1897), *улыбаться:* ***Улыбается солнце*** *и* ***шепчет*** *без слов…* (А. Коринфский, 1892), ***Осень*** *живет на свободе,* ***улыбается, шепчет*** *и ягодой рядит кусты* (Поплавский, 1934), *бояться: И* ***сердце*** *забилось, робея.* ***Боится и шепчет****: «Оазис!»* (Бальмонт, 1897), *тосковать:* ***Тоскуя****, Тихонько* ***шепчется*** *с осиной* ***ветерок****…* (А. Федоров, 1898) и др.

Для метафорических глаголов речи еще более характерны сочетания с наречиями, обозначающими эмоциональные состояния, – как внутренний, так и, в особенности, внешний мир может «говорить» *грустно, горестно, печально, угрюмо, уныло, тоскливо* (*с тоской*), *безотрадно, тревожно* (*в тревоге*), *в страхе, испуганно, жалобно*, или, напротив, *весело, радостно, в восторге*. При этом отрицательные эмоции, приписываемые поэтами «говорению», сопутствуют ему чаще и более разнообразны, чем положительные. Довольно много в подобных олицетворениях наречий, образованных от прилагательных, обозначающих те или иные черты характера человека: *смело, робко, кротко, гордо, властно* и т. п., или же указывающих на чувства, проявляющиеся в отношениях и диалоге: *ласкательно, любовно, нежно, томно, страстно, ревниво* и т. д. Часто в двойных олицетворениях используются и наречия, характеризующие эмоциональность высказывания: *мирно, грозно, строго, изумленно, насмешливо, вкрадчиво* и под.

Имена существительные – производные от глаголов речи – сочетаются с прилагательными, обозначающими эмоции: ***томный говор*** *водопада* встретился нам у Майкова (1838), *мельницы* ***говор унылый*** – у А. К. Толстого (1840–1849), ***жалобный говор*** *чингури* – у Полонского (1848), ***грустный говор*** *топоров* – у Луговского (1956), а ***веселый говор*** *хмельной струи* – у Эренбурга (1912); *листвы* ***веселый разговор*** упоминает Молчанов (1926); ***грустный лепет*** *листка* найдем у Фета (1842), ***страстный лепет*** *моря* – у Мея (1844), *колосьев* – у Белоцветова (1936), *листьев* ***робкий лепет*** – у Червинского (1893), *листьев* ***задумчивый лепет*** – у Бродского (1962) и т. д.

«Эмоциональное» определение может в тропеическом контексте относиться не к предикату, а к субъекту: *Шепчет* ***нахмуренный лес****…* (Никитин, 1858); ***Старость бездушная*** *шепчет…*(Голенищев-Кутузов, 1877); *О чем-то детском шепчет* ***ключ веселый****…* (Мережковский, 1890).

Дополнительные эмоционально-оценочные смыслы могут быть выражены и в содержании сообщения. Так, в уже приводившихся раньше примерах *совесть – укоряет* и шепчет что-то *в укор, укоризненные речи* произносит и *чей-то голос*; *дума* шепчет *язвительные слова; рассудок* – шепча, *утешает…* В природе звучат, например, *грозные, невнятные слова* моря (Мережковский, 1889), *слова рокового укора* волн (Гумилев, 1910), *нежные слова* звезд (Мережковский, 1890–1892) и травы (Горький, 1910), *ласковые речи* ярко-красного заката (Брюсов, 1918), *радостный псалтырь* реки (Саша Черный, 1917); кроме того, *качаются старые ели,* ***о тревоге*** *своей* ***говоря*** (Г. Иванов, 1917); *метель знакомыми словами* ***о любви*** *так* ***нежно говорит*** (Уткин, 1944); *мир <…> снова* ***что-то страшное бормочет*** (Бродский, 1961). Заметим, что эмоциональный компонент «речевого действия» может и подразумеваться, как, в частности, *радость* при приветствии, когда у Фофанова *листья шепчут горячий привет* (1893), у Червинского *листьев робкий лепет шлет таинственный привет* (1893), у Брюсова *звезды, колдуньи мечтательные, приветствия шепчут мечтам* (1912), у Есенина *крапива шепчет шаловливо: «С добрым утром!»* (1914), или же *грусть* при прощании – имплицитная у Федорова: *Тихонько шепчется с осиной ветерок* (1898), эксплицированная у Брюсова: *Ветер порывистый, ветер чуть слышный Горестно шепчет прощальную речь* (1907).

Слова ЛСГ «Речь» могут сопровождаться в тропах и обозначениями особых психофизических состояний.

Чаще всего это элементы ЛСГ «Сон»: *И, **дремля** в волшебной грезе, Липа дубу шепчет тайно: «Посмотри, как в чаще леса Хорошо необычайно!* (Фофанов, 1887); *Слыша тихий стон метели, шепчут сосны, шепчут ели, В мягкой бархатной постели им отрадно **почивать*** (Бальмонт, 1893); *Смутно травы шепчутся сухие, – Сладкий **сон** их нарушает ветер* (Бунин, 1894); *И, закрыв золотые ресницы, Звезды шепчут **в таинственном сне**…* (Тиняков, 1904); *И ветер шепчет слов бессвязных вереницы, **Как спящий человек*** (Лившиц, 1934); *Лепет струйки **полусонной**…* (Случевский, 1880); *А листья робкие застенчивой осины Все так же трепетно лепечут **в полусне**…* (Фофанов, 1892); *Но, как словам лжеца, прошептанным **во сне**, Я верю лепету объятой сном природы* (Минский, 1893); *древней рощи **усыпленный** лепет* (В. Иванов, 1902); *Под сенью ив зеленых дремлет заводь, Тростник над ней лепечет, **как во сне*** (Тиняков, 1910); *Мы едем в город, вспоминая безмолвно о лете… Скрипят рессоры и **сонно** бормочет багаж* (Саша Черный, 1914); *Мельница бормочет **спросонок*** (Кузмин, 1918); *Лист бормочет **ото сна*** (Платонов, 1919–1922); *Тополя бормочут, **засыпая**…* (Вс. Рождественский, 1924); *Раскачиваются тополя лениво, бормоча **«засни»*** (Юрков, 1927); *И ветер в листьях, **не досыпая**, лопотал* (Лавров, 1932) и др. Редко, но все же упоминается в поэзии XX в. *сон* со знаком «минус»: *лепет волн **бессонных*** мы нашли у Голенищева-Кутузова (1925–1926), *ручейков **бессонных** болтовня* встретилась у Пастернака (1946).

Особое внимание поэты обращают на измененные и пограничные состояния, такие как *бред, безумие, дурь, сумасшествие, опьянение, болезнь,* переход от *жизни* к *смерти*: ***в бреду*** что-то шепчут *листья* (К. Р., 1885) и *деревья* (Федоров, 1898), слышится ***бред** торопливый полубезумного ручья* (Пастернак, 1941) и ***бред** воды* (Берггольц, 1944), *бормочет **сумасшедший** лист* (Луговской, 1927), *бормочут* и ***пьяный** ветерок* (Саша Черный, 1919), и ***пьяная** березка* (Вега, 1963–1969), *сад, **от бронхита свистя**, шепчет непонятное имя* (Багрицкий, 1927); *травы **предсмертный** лепет* улавливает, например, Баркова (1954). Но и сами эти состояния наделяются речью в воссоздающих внутренний мир человека образах, – например, «говорят» болезнь, сон: *Но глухо мне **болезнь вещает; Слова ее мрут на устах*** (Пнин, 1805); *О говори же мне скорей: что **шепчут сны**?* (Случевский, 1888); ***Сонмы снов** моей покорны власти, Лишь **один**, непокоренный мной, О каком-то необъятном счастье Мне **лепечет** каждою весной* (Лохвицкая, 1902–1904).

В компаративных тропах, характеризующих «говорящий» окружающий мир, наряду с обозначениями эмоций, чувств и состояний сознания и организма в целом используются и лексемы семантического поля «Интеллект», также усиливающие антропоморфность образов: *дубы столетние <…> **шепчут** ветвями **с глубокою думой** / О давней, забытой поре* (Пальмин, 1875); *В тени обманчивой и шаткой Как будто шепчется листва, И **полны** позднею **догадкой** Ее **предсмертные слова**…* (Льдов, 1892); *колеса все **лопочут** / не в угоду, **наугад*** (Петров, 1934); ***в недоуменье** / и вслух – сам с собой **разговаривал** парк* (Мансветов, 1933); *И когда Он в воду ноги опустил, вода **Заговорила** с ним, **не понимая**, Что он не знает языка ее* (Тарковский, 1954).

Таким образом, внутренний мир человека «заражает» своей эмоциональностью, способностью чувствовать и осмысливать мир внешний, еще больше его «очеловечивая» и одновременно вступая с ним в диалог.

Исследованный материал показывает, что в метафорах, олицетворяющих внутренний мир человека, его жизнь и смерть, жизненный цикл – от юности до старости, принятые в обществе нравственные категории и социально-значимые понятия, а также время в его социальном аспекте, используются практически те же самые «универсальные» предикаты, что и в компаративных тропах, представляющих «говорящий» окружающий мир: *говорить (разговор), шептать (шепот), лепетать (лепет), твердить.* Между тем внутреннему миру в большей мере, чем внешнему, присуща способность к предсказанию, что выражается в более частом употреблении с различными предметами сравнения глаголов *вещать* и *пророчить*. Поэты, по нашим наблюдениям, слегка идеализируют мир человека и реже, чем это делается по отношению к внешнему миру, используют для его характеристики стилистически сниженную лексику, хотя она и присутствует в отдельных контекстах: позволяя внутреннему миру и творческим началам *болтать* и *брюзжать*, поэты тем самым способствуют фамилиаризации внутреннего диалога. Несмотря на то, что олицетворяющие тропы могут экстериоризировать эмоции, чувства и мысли, эти сущности чрезвычайно часто *шепчут* [4, с. 284–291], *лепечут, бормочут,* и не вполне артикулированное их звучание соответствует интериоризированной, представленной «внутренним голосом», человеческой речи.

Важнее, чем для внешнего, для внутреннего мира оказывается градация «говорения» по силе звучания: все сущности мира человека способны «высказываться» в диапазоне от *шепота* до *крика, вопля, ора*, что соответствует как накалу передаваемых их «речью» эмоций, так и важности самого сообщения.

В целом же набор предикатов со значением речи, используемый при создании образов сущностей внешнего мира, оказывается гораздо более обширным и разнообразным [3]. По-видимому, это объясняется конкретностью и многообразием мира, окружающего человека, и некоторой абстрактностью категорий и сущностей его внутреннего мира и социального плана.

Библиографический список

1. Ковтунова, И. И. Поэтический синтаксис [Текст] / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : «Наука», 1986. – 205 с.

2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru.

3. Петрова, З. Ю., Северская, О. И. Говорящий мир русской поэзии XVIII-XXI вв. [Текст] // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 1. – С. 78–90.

4. Северская, О. И. «Шепот, робкое дыханье…»: концепт ШЕПОТ в русской поэзии XVIII–XX вв. [Текст] / О. И. Северская // Корпусный анализ русского стиха-2. Сб. научных статей / отв. ред. В. А. Плунгян, Л. Л. Шестакова. – М. : Азбуковник, 2014. – С. 277–303.

Bibliograficheskij spisok

1. Kovtunova, I. I. Pojeticheskij sintaksis [Tekst] / otv. red. N. Ju. Shvedova. – M. : «Nauka», 1986. – 205 s.

2. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: www.ruscorpora.ru.

3. Petrova, Z. Ju., Severskaja, O. I. Govorjashhij mir russkoj pojezii XVIII-XXI vv. [Tekst] // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. – 2018. – № 1. – S. 78–90.

4. Severskaja, O. I. «Shepot, robkoe dyhan'e…»: koncept ShEPOT v russkoj pojezii XVIII–XX vv. [Tekst] / O. I. Severskaja // Korpusnyj analiz russkogo stiha-2. Sb. nauchnyh statej / otv. red. V. A. Plungjan, L. L. Shestakova. – M. : Azbukovnik, 2014. – S. 277–303.

Reference List

1. Kovtunova I. I. Poetic syntax / editor-in-chief N. Yu. Shvedov. – M. : «Nauka», 1986. – 205 pages.

2. National case of Russian [An electronic resource]. – Access mode: www.ruscorpora.ru.

3. Petrova Z. Yu., Severskaya O. I. The speaking world of the Russian poetry the 18–21st centuries // Verkhnevolzhsky Philological Bulletin. – 2018. – No. 1. – Page 78–90.

4. Severskaya O. I. «Whisper, shy breath …»: a concept SHOPOT (WHISPER) in the Russian poetry of the 18–20th centuries / O. I. Severskaya // Case analysis of the Russian verse-2. Collection of scientific articles / editor-in-chief V. A. Plungyan, L. L. Shestakova. – M. : Azbukovnik, 2014. – Page 277–303.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.04.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10041
УДК 81:42

О. А. Титов
https://orcid.org/0000-0002-7469-3300

Лексико-семантическое поле «огонь – дым» в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»

Статья посвящена анализу структуры и функций обширного лексико-семантического поля «*огонь – дым*» в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». В основной состав поля входит не менее 25 лексем, при этом ключевые, ядерные лексемы употребляются в тексте по 2–3 раза, что способствует актуализации не только самих этих слов, но и всего поля в целом. Состав поля значительно расширяется за счет многочисленных ассоциативных связей – как общеязыковых, так и контекстуальных. В его состав органично включаются «говорящие» фамилии персонажей, этимология которых непосредственно связана с понятиями огня и дыма.

В результате анализа выясняется, что рассредоточенные по всему пространству текста лексемы данного поля употребляются преимущественно в переносном значении и вступают в сложные взаимосвязи, благодаря чему возникают имплицитные метафоры «огонь – эмоции, жизнь», «холод – бездушие, безжизненность», «дым – затемнение сознания». Последовательное развитие этих метафор не только углубляет образы основных персонажей, но и формирует еще один важнейший конфликт произведения – борьбу духовного, живого начала с бездушием и прагматизмом. В отличие от идеологического столкновения и любовной коллизии, где задействованы в основном по два-три героя, в этот конфликт вовлечены практически все персонажи комедии, а сам он проявляется не только во внешней борьбе носителей полярных качеств, но и во внутреннем разладе, прежде всего в постепенном душевном «охлаждении» персонажей, переходящих из одной противоборствующей группы в другую.

В ходе анализа также доказывается, что за внешней простотой формы, маскирующейся под непринужденную светскую речь. скрывается сложная языковая организация текста, благодаря которой создается система взаимосвязанных мотивов, чрезвычайно расширяющих и углубляющих содержание комедии А. С. Грибоедова.

Ключевые слова: А. С. Грибоедов, комедия «Горе от ума», лексико-семантическое поле, лексема, сема, переносное значение, мотивы огня и дыма, имплицитная метафора, конфликт.

O. A. Titov

The Lexical-Semantic Field «Fire-Smoke» in A. S. Griboedov's Comedy «The Mischief of Being Clever»

The article is devoted to the analysis of structure and functions of the extensive lexical-semantic field «fire-smoke» in A. S. Griboedov's comedy «The Mischief of Being Clever». Not less than 25 lexemes are the main part of the field, at the same time key, nuclear lexemes are used in the text 2–3 times, that promotes updating not only these words, but also the whole field in general. The structure of the field considerably extends due to numerous associative communications – both common-language, and contextual. Its structure organically comprises «speaking» surnames of characters, which etymology is directly connected with concepts of fire and smoke.

The result of the analysis makes it clear that the lexemes of this field dispersed in the whole space of the text are used mainly in a figurative sense and enter difficult interrelations due to what there are implicit metaphors «fire – emotions, life», «cold – callousness, lifelessness», «smoke – black-out». Consecutive development of these metaphors not only deepens images of the main characters, but also forms one more major conflict of the work – fight of the spiritual, live beginning against callousness and pragmatism. Unlike ideological collision and a love collision, where mainly two – three heroes are involved, practically all characters of the comedy are involved in this conflict, and it is shown not only in the external fight of carriers of polar qualities, but also in inner tensions, first of all in gradual sincere «cooling» of the characters passing from one contradictory group into the other.

During the analysis it is also proved that behind external simplicity of the form masking under the easy secular speech, that there is a complex language organization of the text due to which the system of the interconnected motives, which are extremely expanding and deepening contents of A. S. Griboedov's comedy is created.

Keywords: A. S. Griboedov, comedy «The Mischief of Being Clever», lexical-semantic field, lexeme, sema, figurative sense, motives of fire and smoke, implicit metaphor, conflict.

Блестящий афористичный стиль комедии «Горе от ума» безоговорочно отмечается всеми исследователями этого произведения. Однако следует добавить, что при всей своей внешней «легкости» текст пьесы обладает чрезвычайно сложной структурой, определяющей глубину его содержа-

© Титов О. А., 2018

ния. И если раньше при изучении данной комедии приоритет отдавался ее идейно-тематическому содержанию, а особенности формы казались лишь органичным средством его отражения и «попытка разделить их и рассмотреть обособленно» была «не столь популярна в науке» [4, с. 7], то в настоящее время появляется все больше исследований, которые основаны прежде всего на глубоком лингвистическом анализе, благодаря которому в произведении А. С. Грибоедова приоткрываются такие смысловые уровни, которые ранее практически не замечались. Весьма интересны наблюдения над именами персонажей в работе Д. Б. Терешкиной, отмечающей среди прочего трех «далеких от авторской симпатии» персонажей «с отчествами, повторяющими имя» (Сергей Сергеич Скалозуб, Антон Антоныч Загорецкий, Фома Фомич). По мнению исследователя, это «авторский сигнал» о том, что сам персонаж ничего собой не представляет, он «копия отца» с «отсутствием индивидуальной судьбы» [8, с. 121–122]. Повышение внимания к формальной организации грибоедовского текста отмечается и у зарубежных исследователей. Так, в статье Джорджа Кабусса «Rhyming Patterns in Griboedov ̆s Gore ot uma» рассматриваются особенности рифмы и способов рифмовки в комедии, благодаря которым создается своеобразный «орнамент» из рифм. В то же время автор работы подчеркивает особое игровое начало, что лежит в основе таких опытов с формой [9, с. 39]. Весьма интересные наблюдения над взаимосвязями формы и содержания представлены в статье С. М. Козловой и М. А. Зиминой «Историческая динамика дискурса безумия в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»». Опираясь на глубокий анализ текста, авторы работы выявляют «двойственность художественного мира “Горя от ума”», в котором реальный быт московского дворянства показан как фантасмагория масок смерти – *«какие-то уроды с того света»:* Фамусов – *«угорелый»,* Скалозуб – *«удавленник»,* Горич – *«смертельный неохотник», «ночь – светопреставленье»* [3, с. 35]. Таким образом открывается еще один мотив, актуализированный в тексте за счет «рассыпанных» в нем лексем, связанных общей семантикой (в данном случае семой «смерть»).

Действительно, все пространство грибоедовского текста пронизано системой сквозных мотивов, которая создается прежде всего взаимопересекающимися лексико-семантическими полями, многие из которых до последнего времени не становились предметом подробного анализа, несмотря на то, что зачастую они актуализированы самим автором уже в афише пьесы посредством семантики «говорящих» имен и фамилий. Цель данной статьи – рассмотреть структуру и функции одного из наиболее важных полей с ключевыми лексемами «*огонь*» и «*дым*».

Лексико-семантическое поле «*огонь – дым*» оказывается чрезвычайно широким по своему составу, благодаря чему оно активно участвует в организации практически всех уровней содержания произведения. При этом ключевые его слова («*огонь*», «*дым*», «*пожар*», «*согреть*») употребляются в тексте по 2–3 раза, что несомненно становится способом актуализации не только этих лексем, но и поля в целом.

Ядро лексико-семантического поля составляют слова со значением огня, разнообразных его проявлений, а также процесса горения. Это существительные «*огонь*», «*полымя*», «*пожар*», «*искра*», глаголы «*гореть*», «*сгореть*», «*сжечь*». Сюда же входят лексемы, обозначающие результаты горения («*свет*», «*жар*», «*дым*», «*чад*», «*кипеть*», «*согреть*») и признаки, связанные с огнем и его воздействием («*пылкость*», «*пылкий*», «*теплый*», «*угорелый*»). Ближе к периферии находятся названия явлений и признаков, связанных с огнем опосредованно («*свеча*», «*фонарь*» «*гроза*», «*туча*», «*громовый*», «*отдушничек*», «*громовой отвод*»). На периферии поля располагаются лексемы, имеющие дальнее и не всегда воспринимаемое при поверхностном чтении отношение к огню («*карбонари*»), а также связанные с ним за счет устойчивых ассоциаций и метафор («*страсть*», «*волненье*», «*грозный*», «*упечь*», «*возбудить*», «*истребить*»). Таким образом, основной состав лексико-семантического поля «*огонь – дым*» насчитывает около 25 лексем, но при этом существенно увеличивается за счет многочисленных ассоциативных связей – как общеязыковых, так и контекстуальных.

Важнейшей особенностью слов, входящих в состав поля «*огонь – дым*», является то, что на протяжении всего текста пьесы они употребляются преимущественно в переносном значении, становясь прежде всего средством создания характеров и состояний персонажей. При этом отдельные фамилии как главных, так и второстепенных действующих лиц актуализируют свою этимологию, связанную с огнем и дымом, и тоже вовлекаются в состав лексико-семантического поля. К ним в первую очередь следует отнести такие фамилии, как «*Чацкий*», «*Фамусов*», «*Горич*», «*Загорецкий*».

Наибольшая часть лексем поля «*огонь – дым*» концентрируется вокруг образа главного героя комедии. Само появление Чацкого соотносится со светом и огненной стихией, что подтверждается первой же его фразой «*Чуть свет – уж на ногах! и я у ваших ног*» и ремаркой «*С жаром целует руку*». Ассоциация «Чацкий – огонь» почти сразу же закрепляется бесстрашным предложением героя «*Велите ж мне в огонь: пойду как на обед*» и ответной репликой Софьи, где звучит ироническое сомнение по поводу того, что пламя может представлять для Чацкого какую-либо угрозу: «*Да, хорошо – сгорите, если ж нет?*» Огонь не может повредить герою, поскольку он сам подобен огню. Неслучайно в его репликах и монологах постоянно употребляются слова с семой «огонь». Они подобны выплескам пламени, искрам, вылетающим наружу из пылающей души героя («*...Не истребят / Ни годы их, ни моды, ни пожары*», «*Или в душе его сам бог возбудит жар…*», «*Они тотчас: разбой! пожар!*», «*Теперь во мне кипит, волнует, бесит…*», «*Ах! голова горит, вся кровь моя в волненьи*»). Жар, тепло для Чацкого – признаки истинной жизни. Именно с теплом соотносит герой положительные реалии. «*Там стены, воздух – все приятно! / Согреют, оживят…*», – говорит он Софье о ее комнате. «*В деревню, в теплый край*» советует он уехать Горичу для излечения от недугов, приобретенных в светском обществе. Однако же Чацкий олицетворяет собой не тепло, несущее уют, а почти неконтролируемую им самим стихию, подобную грозе. Неслучайно он готовил «*княжнам*» «*ответ громовый*» и в дом Фамусова, по словам последнего, «*грянул вдруг как с облаков*». Про его «*грозный взгляд*» и пользу от «*грозы*» над ним самим говорит и Софья. Размах этой стихии и опасность ее для окружающих Фамусов выражает фразеологизмом «*Теперь… да в полмя из огня…*». А потому в это поле легко вписывается и лексема «*карбонари*». Фамусов употребляет ее в значении «вольнодумец», «революционер», однако первоначальное значение этого слова в итальянском языке – «угольщик» (от латинского *«carbo» – «уголь»* [3, с. 83]). Весьма примечательно, что сам уголь оказывается как результатом трансформации органического вещества, так и превосходным материалом для горения, дающим чрезвычайно сильное и жаркое пламя. Здесь прослеживается аналогия с метаморфозой в мировоззрении главного героя. По отдельным его репликам можно догадаться, что раньше он во многом разделял взгляды «фамусовского общества», они были вполне естественными для него. Достаточно вспомнить его рассуждение о мундирах. В разговоре со Скалозубом (а точнее – обращаясь в зрительный зал) герой объясняет, что «*расшитый и красивый*» мундир зачастую скрывает «*малодушие, рассудка нищету*» и вообще подменяет собой личность человека. Однако при этом Чацкий признается: «*Я сам к нему давно ль от нежности отрекся?*» А следовательно, и он был не чужд стремления подняться по служебной лестнице, получив при этом соответствующие знаки отличия, прежде всего дабы удовлетворить собственное тщеславие. Однако очищающий огонь выжег в герое ложные представления о жизни, трансформировал его личность и в то же время превратил его в материал для иного, более благородного горения. Жизнь-горение посвящена теперь не удовлетворению собственных амбиций, а направлена на достижение общего блага – для всего народа, для Отечества. Таким образом, пламя, бушующее в душе героя, обусловлено не одними лишь его чувствами по отношению к Софье, но и так называемым «вольнодумством», прежде всего выражающемся в негативным отношении к фальши, чинопочитанию, глупости, а также в стремлении изменить существующее положение в стране, расчистив место для чего-то нового, позитивного, но пока смутно осознаваемого самим героем.

В одном из монологов Чацкий высказывает «*желанье*», чтобы «*Господь*» среди прочего «*искру заронил … в ком-нибудь с душой*», дабы тот «*словом и примером*» мог удержать сограждан от бездумного подражания всему иностранному. Однако Чацкий и является этим божественным избранником, пытается (не столь уж безуспешно) реализовать данную задачу. «*Искра*» божия, зароненная на благодатный материал его сразу вспыхнувшей души, делает героя своеобразным пророком, мессией. При этом и сам он имплицитно уподобляется той же искре, которая уже вспыхнула в обществе и грозит ему пожаром. Именно такой, духовный пожар требуется для искоренения старых «*предрассудков*», которые не смог уничтожить огонь реальный – пожар 1812 года: «*Дома новы, но предрассудки стары. / Порадуйтесь, не истребят / Ни годы их, ни моды, ни пожары*», – заявляет Чацкий. И в той же сцене, говоря о «*жáре*» «*к искусствам творческим, высоким и прекрасным*», который «*сам бог возбудит*» «*в душе*» человека, использует слово «*пожар*» в ином смысле: «*Они тотчас: разбой! пожар! / И прослывет у них мечтателем! опасным!!!*» Подобно тому как изменяется один человек, должно измениться и общество. «*Жар к искусствам творче-*

ским» распространяется и охватывает все больше людей, о чем свидетельствуют замечания о двоюродном брате Скалозуба, который, «*набравшись*» «*каких-то новых правил*», отказался от выгод службы, «*в деревне книги стал читать*», или рассказ княгини Тугоуховской о своем племяннике – князе Федоре: «*Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник…*».

Однако естественным продуктом горения является дым. И с дымом метафорически соотносится причина неадекватного поведения Чацкого. Его ум затуманен чадом от его же эмоций. Герой не хочет верить в очевидное, поскольку оно не соответствует ни здравому смыслу, ни его собственным желаниям. Мечты и планы Чацкого, являясь следствием его эмоций, мешают принять абсурд реальной ситуации. «*Все призраки, весь чад и дым / Надежд, которые мне душу наполняли*», – говорит о них Чацкий. Лишь в финале этот «*дым*» ложных представлений развеивается, сопоставляясь уже с «*пеленой*», закрывавшей ранее взгляд: «*Мечтанья с глаз долой и спала пелена…*» Очевидно, эта «замутненность» восприятия героем событий и обусловила в первую очередь выбор основной его номинации – «*Чацкий*». Безусловно, она созвучна и соотносима с реальной фамилией «Чаадаев» (что отмечается всеми исследователями творчества А. С. Грибоедова, например Е. А. Бурцевой, Д. И. Мавриной, Н. Ф. Гарифуллиной [1, с. 14], А. Л. Крупчановым [5, с. 46] и др.), однако этот факт нисколько не противоречит пониманию ее как производной от слова «чад», на что также попутно указывают те же самые авторы. Следует лишь особо подчеркнуть семантическую многослойность фамилии героя. Весьма примечательно, что в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой слово «чад» трактуется как *«удушливый дым от недогоревшего угля»*, а также (в переносном смысле) как нечто *«одурманивающее, затемняющее сознание»* [2, с. 876]. В этом определении объединились и процесс горения *(«огонь»),* и уголь *(«карбонари»)*, и *«дым»,* и его воздействие на сознание. Таким образом, фамилия «*Чацкий*» оказывается наиболее удачной в плане выбора производящего слова.

В рамках той интерпретации, которая вытекает из анализа лексико-семантического поля «*огонь – дым*», главным антагонистом Чацкого оказывается не Фамусов, а Молчалин. Он персонифицирует душевную холодность, полное отсутствие внутреннего жара, соотносимого с душой и самой жизнью. Неслучайно, говоря о Молчалине, Чацкий высказывает вполне обоснованное сомнение: «*Но есть ли в нем та страсть, то чувство, пылкость та…*». Более того – Молчалин воплощает ту силу, которая гасит огонь. Софья рассказывает о том, как он «*обезоруживает*» своим «*безмолвием*» сердитого Фамусова. Пример такого поведения дан и в сцене с «*разгневанной гостьей*» Хлестовой. Неслучайно Чацкий сравнивает Молчалина с «*громовым отводом*», присовокупив к тому же метафору «*тучу разогнал*». И сам Молчалин открыто заявляет о своей холодности по отношению к Софье: «*Готовлюсь нежным быть, а свижусь и простыну*». Тем самым этот персонаж оказывается прямой противоположностью Чацкому, олицетворяя бездушие и безжизненность. В этом контексте более глубокое значение приобретает и упрек Лизы, обращенный к Молчалину: «*Вы, сударь, камень, сударь, лед*». В этих словах мотивы бездушия и холода, концентрирующиеся в образе Молчалина, достигают наибольшей силы выражения. Примечательно, что именно Лиза, а не «остывающая душой» София привлекает Молчалина. Весьма сложно представить те «чувства», которые испытывает этот хладнокровный человек к своей истинной избраннице, но она притягивает и удивляет его в первую очередь своей жизненной энергией. «*Веселое созданье ты! живое!*» – именно эти черты, столь редкие в фамусовском обществе, отмечает в Лизе Молчалин и тянется к этой настоящей жизни. Однако «жизнь» в лице Лизы отвергает его как нечто чуждое и неестественное.

Весьма своеобразной в рамках анализа поля «*огонь – дым*» оказывается и трактовка образа Фамусова. Фамилия этого персонажа так же обладает семантической многослойностью. Помимо греческого и латинского *«fama» («молва»),* она может восходить и к другому латинскому слову – *«fumus» («дым»)* [3, с. 269]. Неслучайно Фамусов говорит о себе: «*…День весь целый / Нет отдыха, мечусь как словно угорелый*». «*Чад*», которым одурманен Чацкий, и «*дым*», среди которого находится Фамусов, сближают этих героев. Оба они в первую очередь пытаются решить загадку: кому же отдала предпочтение Софья? Далеко неслучайной в этой связи оказывается и перефразировка Чацким слов Г. Р. Державина о «*дыме Отечества*», который кажется «*сладким*» по возвращении из дальних странствий. Ее можно понять так, что герой рад видеть даже Фамусова. При этом помимо «*дыма*» Фамусов, как и Чацкий, связан и со стихией огня. Он стремится опекать родных, и забота его распространяется даже на Скалозуба – потенциального зятя. Фамусов старается усадить Сергей-Сергеича, где «*теплее*», отвернуть «*от-*

душничек» («*согреем вас*»). Но тот же согревающий огонь может перерасти у Фамусова в страшную уничтожающую силу, когда он отстаивает свои позиции. Видя в просвещении угрозу для того строя и образа жизни, к которым он привык, Фамусов предлагает: «*Уж коли зло пресечь: / Забрать все книги бы, да сжечь*». В финале комедии огонь, связанный с его появлением («*Свечей побольше, фонарей!*») соотносится и с эмоциями, его охватившими, и с выяснением ответа на вопросы, давно мучившие героев, хотя Фамусову эта картина представляется в искаженном свете. Таким образом, Фамусов оказывается вполне «живым» персонажем, имеющим собственные убеждения и готовым с жаром отстаивать их, что вызвает к нему если не симпатию, то хотя бы уважение. Страшен не консерватизм сам по себе – страшно бездушие. Что же касается консерваторов, то они столь же необходимы для поддержания жизни в обществе, сколь и новаторы, а потому и конфликт между ними неразрешим и вечен. Главным отрицательным качеством Фамусова становится бездумное, неразборчивое возвеличивание старых традиций, особенно тех, что дают человеку материальную выгоду. В консерватизме – если он вполне здравый – нет ничего плохого. И тот же новатор Чацкий дает в своем монологе «*В той комнате незначущая встреча*» пример такого «патриотического консерватизма», возвеличивая исконно русские национальные традиции – *«и нравы, и язык, и старину святую / и величавую одежду*». То есть все дело в «положительности» этих традиций, их применимости в настоящем.

Примечательно, что герои пьесы – вопреки закону единства времени – показаны в развитии. Притом развитие их разнонаправленное. Если Чацкий и внесценические князь Федор и двоюродный брат Скалозуба «загорелись» новыми идеями, то такие персонажи, как Софья и Горич, наоборот, утрачивают свой внутренний жар. Особенно заметно представлено «остывание» души на примере Платона Михайловича Горича, который отказался от своей индивидуальности, смирился с обстоятельствами и полностью подчинился обществу. Этот процесс Чацкий пытается остановить, напоминая своему старому другу о прошлом его жаре и давая совет уехать в деревню, «*в теплый край*». Неосознанно пытается сохранить в муже остатки «жизни» и Наталья Дмитриевна, приказывая ему застегнуться, уйти со сквозняка. Ответ же Платона Михайловича сопровождается ремаркой «*хладнокровно*», что характеризует не только манеру речи, но и состояние души героя. Горение у Горича заменяется горем. Тем самым происходит переосмысление фамилии и понимание ее в двух значениях одновременно. В то же время в состав лексико-семантического поля «*огонь – дым*» начинают вовлекаться этимологически связанные со словом «*гореть*» лексемы «*горе*», «*горевать*». Благодаря этому еще раз актуализируется мысль о том, что внутреннее «горение» души в любом случае порождает «горе», но к еще более страшному горю приводит ее угасание.

Тем не менее и огонь не всегда идет на пользу самому человеку. Особенно если это огонь чрезмерный, неуправляемый, становящийся разрушительной стихией, сметающей без разбору все на своем пути и не имеющего единого вектора в своем движении. Пример тому – образ Загорецкого. Здесь мотив «горения» достигает своего логического завершения. Огонь как символ жизни оборачивается своей противоположной стороной – выжигающей все живое – дочерна, дотла. Неслучайно рассказ о Загорецком сопровождается упоминанием «*двоих арапченков*», подаренных им Хлестовой и ее сестре. Внешняя чернота «арапов» соотносится с внутренней чернотой «выжженной» фальшью души самого Загорецкого. По всей видимости, и в «горячем» жизненном начале должна быть своя мера.

В целом анализ обширного лексико-семантическое поля «*огонь – дым*» позволяет выявить в тексте комедии «Горе от ума» систему важнейших имплицитных метафор *«огонь – эмоции, жизнь», «холод – бездушие, безжизненность», «дым – затемнение сознания».* Благодаря этому не только углубляются сами образы основных персонажей, но и открывается еще один конфликт, представленный в произведении, – борьба духовного, живого начала с бездушием и прагматизмом. И если, по словам А. Л. Крупчанова, «общественное противостояние выстраивается прежде всего по линии Чацкий – Фамусов, а любовная интрига основывается преимущественно на взаимоотношениях Чацкого, Софьи и Молчалина» [5, с. 47], то в имплицитный конфликт *«огонь» – «холод»* вовлечены практически все действующие лица комедии. При этом он может быть как внешним, в который втянуты носители противоположных начал, так и внутренним, например, у Софьи и Горича – персонажей, переходящих из одной группы в другую, постепенно «охладевающих» душой. Таким образом, анализ лексико-семантических полей в тексте комедии «Горе от ума» в очередной раз подтверждает глубину содержания комедии, скрытую во внешне

простой форме, замаскированной под живую, непринужденную речь остроумного и ироничного представителя светского общества.

Библиографический список

1. Бурцева, Е. А., Маврина Д. И., Гарифуллина, Н. Ф. Проблема любви и предательства в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»: опыт нового прочтения образа Софьи Фамусовой [Текст] / Е. А. Бурцева, Д. И. Маврина, Н. Ф. Гарифуллина // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2016. – № 12–2 (66). – С. 13–15.

2. Грибоедов, А. С. Горе от ума [Текст] / В кн. А. С. Грибоедов. Сочинения. Воспоминания современников. – М., 1989.

3. Козлова, С. М., Зимина, М. А. Историческая динамика дискурса безумия в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» [Текст] / С. М. Козлова, М. А. Зимина // Сибирский филологический журнал. 2009. – № 3. – С. 33–36.

4. Колесникова, С. А. А.С. Грибоедов «Горе от ума»: методы анализа текста и его интерпретации [Текст] / С. А. Колесникова // Научные труды Кубанского государственного технологического университета, 2014. – № 4. – С. 1–12.

5. Крупчанов, А. Л. А. С. Грибоедов [Текст] / А. Л. Крупчанов // Русская литература XIX–XX веков. Т. 1. – М., 2000. – С. 33–52.

6. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 2004. – 944 с.

7. Петрученко, О. Латинско-русский словарь [Текст] / О. Петрученко. – М., 1994.

8. Терешкина, Д. Б. «Где, укажите нам, Отечества отцы?» (минейный код в системе персонажей комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» [Текст] / Д. Б. Терешкина // Культура и текст. 2013. – № 2 (15). – С. 117–126.

9. Kalbouss, G. Rhyming Patterns in Griboedov's Gore ot uma / G. Kalbouss // The Slavik and East European J. Cambridge, 1995. – № 1. – Vol. 39.

Bibliograficheskij spisok

1. Burceva, E. A., Mavrina D. I., Garifullina, N. F. Problema ljubvi i predatel'stva v komedii A. S. Griboedova «Gore ot uma»: opyt novogo prochtenija obraza Sof'i Famusovoj [Tekst] / E. A. Burceva, D. I. Mavrina, N. F. Garifullina // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2016. – № 12–2 (66). – S. 13–15.

2. Griboedov, A. S. Gore ot uma [Tekst] / V kn. A. S. Griboedov. Sochinenija. Vospominanija sovremennikov. – M., 1989.

3. Kozlova, S. M., Zimina, M. A. Istoricheskaja dinamika diskursa bezumija v komedii A. S. Griboedova «Gore ot uma» [Tekst] / S. M. Kozlova, M. A. Zimina // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2009. – № 3. – S. 33–36.

4. Kolesnikova, S. A. A. S. Griboedov «Gore ot uma»: metody analiza teksta i ego interpretacii [Tekst] / S. A. Kolesnikova // Nauchnye trudy Kubanskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta, 2014. – № 4. – S. 1–12.

5. Krupchanov, A. L. A. S. Griboedov [Tekst] / A. L. Krupchanov // Russkaja literatura XIX–XX vekov. T. 1. – M., 2000. – S. 33–52.

6. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Tekst] / S. I. Ozhegov, N. Ju. Shvedova. – M., 2004. – 944 s.

7. Petruchenko, O. Latinsko-russkij slovar' [Tekst] / O. Petruchenko. – M., 1994.

8. Tereshkina, D. B. «Gde, ukazhite nam, Otechestva otcy?» (minejnyj kod v sisteme personazhej komedii A. S. Griboedova «Gore ot uma» [Tekst] / D. B. Tereshkina // Kul'tura i tekst. 2013. – № 2 (15). – S. 117–126.

9. Kalbouss, G. Rhyming Patterns in Griboedov's Gore ot uma / G. Kalbouss // The Slavik and East European J. Cambridge, 1995. – № 1. – Vol. 39.

Reference List

1. Burtseva E. A., Mavrina D. I., Garifullina N. F. Problem of love and treachery in A. S. Griboedov's comedy «Woe from Wit»: experience of new reading of the image of Sofya Famusova / E. A. Burtseva, D. I. Mavrina, N. F. Garifullina // Philological sciences. Questions of the theory and practice, 2016. – No. 12–2 (66). – Page 13–15.

2. Griboedov A. S. Woe from Wit / In book A. S. Griboedov. Compositions. Memoirs of contemporaries. – M., 1989.

3. Kozlova S. M., Zimina M. A. Historical dynamics of the loudspeaker of madness discourse in A. S. Griboedov's comedy «Woe from Wit» / S. M. Kozlova, M. A. Zimina // Siberian Philological Magazine. 2009. – No. 3. – Page 33–36.

4. Kolesnikova S. A. A. S. Griboedov «Woe from Wit»: methods of the analysis of the text and its interpretations / S. A. Kolesnikova // Scientific works of Kuban State Technological University, 2014. – No. 4. – Page 1–12.

5. Krupchanov A. L. A. S. Griboedov / A. L. Krupchanov // Russian literature of the 19–20th centuries. V. 1. – M, 2000. – Page 33–52.

6. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of Russian / S. I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. – M., 2004. – 944 pages.

7. Petruchenko O. Latin-Russian dictionary / O. Petruchenko. – M, 1994.

8. Tereshkina D. B. «Where are, specify to us, the Fatherland fathers?» (a linear code in the system of characters of A. S. Griboedov 's comedy «Woe from Wit» / D. B. Tereshkina // Culture and the text. 2013. – No. 2 (15). – Page 117–126.

9. Kalbouss G. Rhyming Patterns in Griboedov's Gore ot uma / G. Kalbouss // The Slavik and East European J. Cambridge, 1995. – № 1. – Vol. 39.

Дата поступления статьи в редакцию: 13.04.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10042
УДК 81.161.1' 367

Н. В. Патроева
https://orcid.org/0000-0003-3836-6393

Обособленные обороты с отрицанием в русском литературном языке середины XVIII – первой половины XIX в.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Синтаксический словарь русской поэзии XIX века», № 17-04-00168

Традиционное разделение негативных высказываний на обще- и частноотрицательные учитывает ту позицию, которую занимает в предложении основное средство отрицания – частица *не*. Бинарная оппозиция негативных конструкций не позволяет, однако, адекватно и непротиворечиво оценить статус предложений, содержащих так называемый осложнитель элементарной модели предложения – обособленную синтагму как носитель имплицитной предикативности: структурно-семантическая иерархизация предложения при введении в модель вторично-предикативных элементов формирует потенциальные позиции для выражения общего отрицания на дополнительном пропозициональном и рематическом ярусе. В связи с возникающей при появлении вторично-предикативного элемента у предложения двухъярусностью коммуникативного, семантического и структурного членения в статье предлагается новая классификация, уточняющая традиционное деление предложений на обще- и частноотрицательные путем введения дополнительных рубрик: общеотрицательные первой и второй степени предложения. Наблюдения над предложениями с негативными обособленными синтагмами на материале «Синтаксического словаря русской поэзии» XVIII – первой половины XIX в. показывают, что большинство подобных конструкций характеризуется отношениями обусловленности, складывающимися между основной и добавочной предикациями (каузативно-результативными, уступительными, реже условными или целевыми). Задействованные в организации обособленных групп вербоиды (причастия, деепричастия), адъективы и субстантивы, в отличие от спрягаемых глагольных форм, не имеют парадигматических возможностей для морфологического выражения неиндикативного модального смысла, для установления предполагаемой связи обусловленного и обусловливающего событий. Верным в связи с этим представляется заключение, что именно негативная модальная частица в структуре обособленного оборота является тем языковым средством, которое привносит в осложняющую синтагму требуемый для воплощения идеи обусловленности событий ирреальный смысловой подтекст (вероятности, гипотетичности, оптативности как характеристик добавочной ситуации).

Ключевые слова: синтаксис русского языка, обособленные конструкции, отрицание, отрицательные предложения, синтаксический словарь русской поэзии.

N. V. Patroeva

Isolated Constructions with Negation in the Russian Literary Language of the middle of the XVIII – the first half of the 19th century

The traditional division of negative utterances into general- and private-negatives takes into account the position taken by the main means of negation – the particle *NOT*. The binary opposition of negative constructions does not allow us, however, to assess adequately and consistently the status of the sentences containing the so-called complicator of the elementary model of the sentence – a separate syntagma as a carrier of the implicit predicativity: the structural-semantic hierarchy of the sentence when introduced into the model of the secondary-predicative elements forms potential positions for expressing the common negation on the additional propositional and rhematic layer. Due to the two-layer communicative, semantic and structural division that arises when the second-predicative element appears, the article shows a new classification that clarifies a traditional division of sentences into the general- and private-negative ones by introducing additional columns: the negative sentence of the first and second degree. The observations of the sentences with the negative unattached syntagmas on the material of the «Syntactic Dictionary of the Russian Poetry» of the XVIII – the first half of the XIX century show that most of these constructions are characterized by the conditionality relations that are developed between the basic and additional predicates (causative-resultative, concessive, less often conditional or purpositive). The verboids (participles, gerunds), adjectives and substantives are involved in the organization of the isolated groups; unlike the conjugated verbal forms, they do not have paradigmatic possibilities for the morphological expression of the non-indicative modal meaning for establishing the supposed connection between the determined and determining events.

The correct conclusion in this connection is that it is the negative modal particle in the structure of an unattached phrase is the language means that introduces the unreal notional underlying theme (of probability, hypothetical characters, optativity as the characteristics of the additional situation) required for the implementation of the idea of the conditionality into the complicating syntagma.

Keywords: syntax of the Russian language, isolated constructions, negation, negative sentences, syntactic dictionary of Russian poetry.

© Патроева Н. В., 2018

С 2015 г. при поддержке РГНФ и РФФИ на кафедре русского языка Петрозаводского государственного университета идет работа над словарем синтаксических конструкций, используемых русскими поэтами XVIII – первой половины XIX вв. (в 2017 г. из печати вышел первый том словаря, посвященный синтаксису Антиоха Кантемира и Василия Тредиаковского [18]). Объектом систематизации и описания в «нелексическом» словаре поэтической речи стали простые и сложные предложения, участвующие в построении стихотворных текстов, поэтому синтаксический словарь русской поэзии по своему предназначению является сводным писательским словарем, демонстрирующим основные тенденции в эволюции синтаксических доминант русской поэтической речи, отдельных поэтических идиостилей, а также в развитии русского литературного языка пушкинской поры в целом (поскольку преобладающими жанрами данного периода были именно поэтические жанры) и представляющим общую картину формирования синтаксических норм русской силлабической и силлабо-тонической поэзии XVIII–XIX вв. в их тесной связи с динамикой норм жанрово-стилистических и ритмо-метрических. Создание словаря готовит необходимые предпосылки для уточнения особенностей синтаксического устройства стихотворного текста, а значит, и содержательного наполнения широко используемого, но не имеющего пока четкой дефиниции термина «поэтический синтаксис», а также для создания в более или менее отдаленном будущем исторической грамматики русского литературного языка ломоносовской, карамзинской и пушкинской эпохи. Кроме того, материалы словаря могут стать хорошим стимулом для продолжения исследований в активно и плодотворно развивающейся в течение последних десятилетий области лингвистики стиха.

Разработанная научным коллективом Петрозаводского государственного университета еще при подготовке к изданию «Синтаксического словаря русской поэзии XVIII века» методика лексикографического представления поэтических контекстов предоставляет возможность отбора единиц: 1) по структурной схеме или типологической рубрике (неосложненное или осложненное простое предложение, бинарное или многокомпонентное сложное предложение); 2) по типу синтаксических связей; 3) по виду синтаксических отношений (для сложных предложений); 4) по модальной характеристике; 5) по полноте / недостаточности состава; 6) по длине (количеству слов, строк-стихов, строф, составляющих конструкцию); 7) по принадлежности к так называемым «элементам текста» (заглавиям, нечленимым, выраженным частицами, междометиями, модальными словами синтагмам, обращениям, сегментам типа именительного или инфинитива темы, парцеллятам, межфразовым парантезам); 8) по соотнесенности с жанром, видом строфы или астрофической композицией, метрической схемой, с указанием наличия анжанбемана; 9) по риторическому приему (фиксируются тропы или фигуры речи).

Примененная в настоящем лексикографическом опыте традиционная грамматическая классификация, разумеется, давала некоторые «сбои» в ходе проведения синтаксической разметки поэтических высказываний: участникам проекта нередко приходилось сталкиваться с «темноватыми», «непрозрачными» для анализа построениями – примерами как структурной, так и семантической контаминации (конденсации, «компрессии» лирического текста). Например, принятия специальных решений требовал и такой, казалось бы, вполне очевидный, вопрос, как модальная характеристика предложений с обособленными оборотами, содержащими негацию: традиционно предложения делятся на обще- и частноотрицательные, в зависимости от того, к предикату или иному члену предложения относится частица *не*.

«Отрицание в языке – одна из важнейших проблем общего языкознания, прежде всего в плане именно соотношения <…> структуры предложения и выражаемой им мысли. Издавна отрицание было объектом исследования форм логики и лингвистики. И тем не менее проблема отрицания исследована еще недостаточно» [3, с. 3], – это высказанное почти три десятилетия назад замечание представителя отечественной академической науки В. Н. Бондаренко, на наш взгляд, не утратило своей актуальности за прошедшие годы (об этом ярко говорит количество отечественных и зарубежных статей и монографий, появившихся за последние четыре десятилетия – см., напр.: [4–8, 10, 20–26]), несмотря на то что разделение предложений по общему модальному значению на утвердительные и отрицательные давно стало общим местом в традиционных синтаксических классификациях (один из последних опытов, напр.: [19, с. 623]).

Известный представитель русского неограмматизма начала XX в. А. М. Пешковский первым перенес «категорию отрицания» из области логи-

ки в сферу синтаксиса русского языка, указав при этом, что «сущность этой категории, имеющей колоссальное психологическое и главным образом логическое значение.., с синтаксической точки зрения сводится к тому, что связь между теми или иными двумя представлениями при помощи этой категории сознается отрицательно, то есть сознается, что такая-то связь, выраженная такими-то формами слова и словосочетаний, реально не существует» [15, с. 386]. Получившее известность со времени выхода в свет «Русского синтаксиса в научном освещении» А. М. Пешковского противопоставление обще- и частноотрицательных высказываний в формальном отношении зависит от того, какое место занимает в предложении основное средство отрицания – частица *не*: в случае локализации негативной частицы перед сказуемым двусоставного предложения или при главном компоненте односоставной конструкции возникает общее отрицание; постановка *не* перед любым другим членом предложения порождает частное отрицание, что свидетельствует о тесной связи негации с анализируемой в той же работе А. М. Пешковским категорией сказуемости. С точки зрения коммуникативной грамматики, тип отрицательного значения обусловлен актуальным членением: средство отрицания подчеркивает рематический элемент высказывания. В терминах современного семантического синтаксиса, постановка *не* в предикате высказывания, являющемся основным выразителем главной пропозиции («положения дел», о котором сообщается в предложении), создает общее, или полное, отрицание. Отрицание частного характера распространяется на непредикатные позиции субъекта, объекта, атрибута или сирконстанта.

В научной литературе уже высказывались критические замечания в отношении этой бинарной классификации отрицательных предложений, проводящейся исключительно в связи с положением негативной частицы при сказуемом или же не при сказуемом: «В анализируемой концепции разграничение „общего” и „частного” отрицания производится только на <…> синтаксическом уровне членения предложений, и практически не учитывается семантический критерий» [3, с. 150]. Освященная традицией бинарная оппозиция негативных конструкций не позволяет, на наш взгляд, например, четко и непротиворечиво оценить статус предложений, содержащих так называемый осложнитель элементарной модели высказывания – обособленную синтагму как носитель имплицитной (вторичной, скрытой) предикативности. Например: *Поодаль музы между тем, Таяся в сумраке дубравы, Глядят,* ***не зримые никем****, На их невинные забавы…* (Баратынский). В учебной литературе по синтаксису русского языка анализ роли отрицательной частицы при различного рода осложняющих обособленных синтагмах вообще не представлен. В научной литературе содержатся только спорадические, краткие указания на статус негации при обособленных элементах: так, Е. В. Падучева относит конструкции типа *Принимаются люди, не умеющие плавать* к «семантически частноотрицательным предложениям с присловным отрицанием» [11, с. 151]. И. М. Богуславский указывает, что деепричастия несовершенного вида со значением образа действия допускают как не противопоставительное, так и противопоставительное отрицание; деепричастия несовершенного вида со значением времени допускают только противопоставительное отрицание [2, с. 72]. Зададимся в связи с этим вопросом, каков статус негации при элементе, вводящем в предложение номинацию добавочной пропозиции (ситуации), и рассмотрим далее, какое грамматическое значение получает содержащий частицу *не* обособленный оборот, на материале включенных в синтаксический поэтический словарь конструкций.

В обособленных оборотах, содержащих негативную частицу, мы имеем дело, скорее, с общим отрицанием, но на дополнительном ярусе синтаксической иерархии, поэтому в словаре негация в обособленных вторично-предикативных, или полупредикативных, в терминах В. В. Виноградова, оборотах характеризуется нами как общее отрицание второй степени в отличие от общего отрицания первой степени, выражаемого предикатом (см. подробнее об общем отрицании второй степени, выражаемом обособленными конструкциями, в работе [12]): *Иной, последуя несчастливой охоте, С своею музою ползет в пыли и в поте И,* ***грубости своей не чувствуючи сам****, Дивится прибранным на рифму он стихам* (М. М. Херасков). Квалификация подобной синтагмы как примера частного, а не общего отрицания не позволила бы разграничить обычные второстепенные члены предложения и осложняющие модель полупредикативные компоненты, обладающие целым набором параметров, отличающим их от обычных распространителей предикативного центра (определений, дополнений, обстоятельств).

Поскольку в осложненном предложении присутствуют как минимум две пропозициональных номинации, семантическая, коммуникативная и грамматическая структуры предложения оказы-

ваются двухъярусными: на первом уровне синтаксических связей и отношений выявляется негативное значение основного предикативного признака (= рема *1*), а на втором ярусе структурно-семантического членения полупредикативный оборот с частицей *не* содержит отрицание вторичной предикации (= рема *2*). При этом обособленный оборот демонстрирует негацию общего плана, но выявляемую при добавочной предикации, которая путем трансформации согласно применявшемуся Л. В. Щербой методу лингвистического эксперимента может быть преобразована в основную: **Так как сам своей грубости не чувствует, то дивится прибранным на рифму стихам*. Подобное условное преобразование ярко выявляет скрытую полимодальность, полипропозитивность, полирематичность простого, с точки зрения традиционной формально-грамматической классификации, предложения, осложненного обособленным оборотом.

В связи с возникающим при появлении вторично-предикативного элемента углублением семантической, коммуникативной и грамматической структур предложения, следовало бы, на наш взгляд, уточнить традиционную схему деления предложений на обще- и частноотрицательные введением дополнительных рубрик:

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

/ \

общеотрицательные **частноотрицательные**

/ \

первой степени *второй степени*

Наблюдения над предложениями с негативными обособленными синтагмами показывают (см. *Таблицу 1*, в которую включены количественные данные, основанные на анализе материалов только опубликованного первого и подготовленных к печати второго и третьего томов словаря, посвященных синтаксису А. Кантемира, В. Тредиаковского, М. Ломоносова и А. Сумарокова: первая цифра в скобках означает процентное соотношение по горизонтали, вторая – по вертикали), что подавляющее большинство подобных конструкций характеризуются отношениями обусловленности (каузативно-результативными, уступительными, реже условными или целевыми), складывающимися между основной и добавочной предикациями и наслаивающимися в качестве дополнительных оттенков («обертонов») на значения иного рода – атрибутивные (у причастных, субстантивных и адъективных оборотов), таксисные (у деепричастных и причастных синтагм). Например: *Там можно пошептать в беседах И,* ***казни не боясь****, в обедах За здравие царей не пить* (Державин); *…* ***не терпящая смешенья В слепых стихиях вещества****, На хаос нравственный воззренья Не бросит мудрость божества?* (Баратынский); *Но* ***не нашед блаженства ваших дней****, Вы встретили по крайней мере славу…* (Пушкин). У более чем четверти негативных оборотов совмещаются причинно-следственные оттенки с функцией присоединения добавочного замечания, поэтому возможна трансформация оборота в часть сложной конструкции с релятом *(так что даже и*, например: *… нужно потащиться Из дому в дом на поклон, в переднях томиться, Утро все торча в ногах с холопы в беседе,* ***Ни сморкнуть, ни кашлянуть смея*** (Кантемир); *Часто счастливый случай, что у пальцев края Моих лежал, упустил,* ***не посмев вжать в руку****…* (Кантемир).

Таблица 1

Предложения с негативными обособленными синтагмами

Тип обособленной синтагмы	Тип грамматического значения оборота						*ВСЕГО*
	причинное	условное	уступительное	целевое	определительное (для причастных и адъективных оборотов собственно атрибутивное, для деепричастных – образа и способа действия)	недифференцированное	
деепричастный оборот	28 (35% / **77%**)	3 (4% / **75%**)	18 (22% / **82%**)	2 (3% / **100%**)	7 (9% / **64%**)	22 (27% / **100%**)	80 (100% / **81%**)
причастный оборот	2 (29 % / **5%**)	1 (13% / **25%**)	2 (29% / **9%**)	-	2 (29% / **18%**)	-	7 (100% / **8%**)
адъективный оборот	7 (64 % / **18%**)	-	2 (18% / **9%**)	-	2 (18% / **18%**)	-	11 (100% /

							11%)
ИТОГО	37 (39% / **100%**)	4 (4% / **100%**)	22 (22% / **100%**)	2 (2% / **100%**)	11 (11% / **11%**)	22 (22% / **100%**)	98 (100% / **100%**)

Как видно из табличных данных, очень редки, по данным «Синтаксического словаря русской поэзии», негативные субстантивные (аппозитивные) обороты: наличие отрицательной частицы здесь всегда сигнализирует о выдвижении на первый план каузативного смысла, объясняющего основную предикацию: ***Не христианин и не раб***, *Прощать обид я не умею (*Рылеев).

Подобные обстоятельственные оттенки значения осложняют смысл и утвердительных обособленных конструкций, но при наличии негативной частицы рядом с опорным словом оборота семантика обусловленности и вследствие этого многозначность обособленной синтагмы возникают *как правило*. Если элементы однородных сочинительных рядов, сопровождаемые отрицательной частицей («НЕ X и НЕ Y», «НЕ X, а Y» и т. п.), расширяют семантическую структуру предложения, находясь на одном с грамматической основой ярусе синтаксического членения, линейными отношениями соединения, со- и противопоставления, отрицание в конструкциях с обособлением носит совершенно иной характер: очевидно, возникающая при появлении в предложении осложнителя элементарной модели иерархичность структуры не терпит паратаксических по своей природе отношений рядоположенности двух и более ситуаций (основного и добавочного предиката) и, напротив, требует гипотаксической, в дополнение к темпоральной (таксисной), взаимосвязи пропозиций, а частица *не* в осложняющей синтагме выступает маркером подобной ситуативной взаимообусловленности и способствует вместе с акцентирующим текстовый фрагмент обособлением структурно-смысловой компрессии текста: *Были же и такие, которы,* ***не зная Радости****, что на сердце у них есть,* ***причины****, «Не приезд ли царевны к нам Екатерины?» –* ***Вопияли*** *от сердца, у всех вопрошая!* (Тредиаковский).

Попутно отметим случаи архаичной уже для языка предломоносовской эпохи, старославянской и греческой по происхождению, мононегативной конструкции (см. подробнее: [16]): *... нужно потащиться Из дому в дом на поклон, в переднях томиться, Утро все торча в ногах с холопы в беседе,* ***Ни сморкнуть, ни кашлянуть смея*** (Кантемир); *Когда вредить той кому лише сможет, Вредит,* ***никую имея причину****…* (Кантемир); *И знал то высшим умом монарх одаренный, Петр, отец наш,* ***никаким трудом утомленный****, Когда труды его нам в пользу были нужны* (Кантемир).

Возникает вопрос: как связаны между собой семантика обусловленности и негация, коль скоро появление частицы НЕ в обороте обычно служит сигналом осложнения смысла добавочным обстоятельственным оттенком? Негация уже сама по себе представляет связь между логическими субъектом и предикатом как не существующую в реальности «здесь» и «сейчас», поэтому со-участие *не* в выражении ирреальных смыслов, тесно связанных со значениями условия, уступки, потенциальной причины, следствия или цели, вполне закономерно (некоторые размышления на тему взаимосвязи негации и каузации представлены в работе: [7]). Задействованные в организации обособленных групп вербоиды (причастия, деепричастия), адъективы и субстантивы, в отличие от спрягаемых глагольных форм, не имеют парадигматических возможностей для морфологического выражения не индикативного модального смысла, для установления предполагаемой связи обусловленного и обусловливающего событий. В обособленные обороты обычно не включаются, в отличие от придаточных частей сложных предложений, и показатели связи – гипотаксические союзы со значением обусловленности. Верным в связи с этим представляется заключение, что именно негативная модальная частица в структуре обособленного оборота является тем языковым средством-маркером, которое привносит в осложняющую синтагму требуемый для воплощения идеи обусловленности событий ирреальный смысловой подтекст (вероятности, гипотетичности, оптативности как характеристик добавочной ситуации, связанной с главной отношениями обусловленности) – ср. с замечанием А. М. Пешковского о том, что отрицательное значение «должно напомнить читателю значение категории косвенных наклонений» [15, с. 387], поскольку в обоих случаях подчеркивается не- / ирреальность связи между подлежащим и сказуемым: *Прочтя мою систему лени, Но* ***неизвестный о друзьях****, По почте мне отправит пени…* (Державин); *И слава возрастет моя,* ***не увядая****…* (Державин); *Наверно льзя сказать,* ***не делая обиды Ретивым господам****, питомцам русских муз, Что должен быть у них и особливый вкус…* (Дмитриев); *Был с нами он,* ***теперь уж не земной****…* (Жуковский); *Но иногда, мечтой воспламененный, Он видит свет,*

другим не откровенный? (Баратынский). В приведенных контекстах в осложняющих синтагмах с частицей *не* содержатся номинации ирреальных (об ирреальности конструкций со значением уступки, описывающих нестандартные, с точки зрения говорящего, ситуации, см., напр.: [1]) событий, предстающих в версии субъекта коммуникации как возможные, требуемые, желаемые и при этом обусловливающие те ситуации, которые названы главным компонентом. Выражение частицей *не* значения «неуверенного отрицания, неопределенного признака» [9, с. 213], то есть субъективно-модальных гипотетических смыслов, возможно, например, по данным «Объяснительного словаря русского языка», и в конструкциях иного типа – с повтором лексемы и союзом *а*: *Подхожу и вижу: дом не дом, а какое-то строение*. Персуазивно-модальной семой достоверности / недостоверности сообщаемого обладают также вводные конструкции с частицей *не*: *не спорю, не правда ли* и т. п.

Не случайно, на наш взгляд, что негативная частица часто сопровождает при обособлении лексемы со значением мысли или чувства, называющие процессы неверифицируемые, неавтореферентные, то есть события, только предполагаемые уже по самой своей сути, и эта синтаксическая семантика нередко поддерживается лексическим значением вербоида – дериватом ментального глагола: *И будешь помнить прежнюю беспечность,* ***Не зная воскресить****…* (Лермонтов); ***Не зная ничего****, оставленный, забвенный, Ни славы зов, ни голос твой Не возмутит надежный мой покой!* (Лермонтов); *Томлюсь, беспечен и один, Без цели, действий и причин И* ***не надеясь перемены****!* (Языков); *Я,* ***невнимаемый****, довольно награжден За звуки звуками, а за мечты мечтами* (Баратынский).

Отрицание предполагает скрытый диалог, спор, обмен мнениями между адресантом и адресатом речи, в том числе и автокоммуникацию, а также наличие общих «фоновых знаний» о сообщаемом «положении дел», поэтому появление частицы *не* в тексте насыщает его «полифонизмом» (в терминах М. Бахтина), создает подтекст: *Уж он и в комнате, а верная жена Сидит,* ***не думая о нем****, и* ***не одна*** (Дмитриев); *Пламя,* ***не сердце****, билось во мне, И* ***не в персях****, а в целом разлитое теле* (Дельвиг). Например, характеризуя скрепляющий однородные члены показатель связи *не…а / но* в качестве особого, заместительного по значению, союза, В. З. Санников отмечал, что этот прагматически насыщенный союз содержит «элемент полемики говорящего с существующим мнением» [17, с. 335].

Если сопоставить регулярность появления обстоятельственного значения у обособленных оборотов утвердительных и отрицательных, то выясняется, что оттенки обусловленности свойственны только не более чем трети осложняющих синтагм без негации (см. подробнее раздел «Таблицы» (таблицы № 5, 14, 21 в [13, с. 60]). Таким образом, структурно-семантическая иерархизация предложения при введении в модель вторично-предикативных элементов формирует потенциальные позиции для выражения общего отрицания на дополнительном модальном, пропозициональном и рематическом ярусе. Появление негативной частицы в обособленных оборотах регулярно связано с формированием отношений обусловленности между основным и вторичным предикатами.

Библиографический список

1. Апресян, В. Ю. Уступительность как способ говорить о будущем [Текст] // Логический анализ языка: Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Изд-во «Индрик», 2011. – С. 16–21.

2. Богуславский, И. М. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов [Текст] / И. М. Богуславский. – М. : Наука, 1985. – 175 с.

3. Бондаренко, В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория [Текст] / В. Н. Бондаренко. – М. : Наука, 1983. – 212 с.

4. Волошина, Т. Г., Шейфель, Н. А. Отрицательные конструкции в английском языке: некоторые особенности развития мононегативности [Текст] / Т. Г. Волошина, Н. А. Шейфель // Новая наука: От идеи к результату. – 2017. – Т. 2. – № 3. – С. 128–130.

5. Лиходкина, И. А. Отрицательные конструкции во французском языке и особенности их передачи на русский, итальянский и английский языки [Текст] // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – 2016. – № 10. – С. 200–205.

6. Логический анализ языка. Ассерция и негация [Текст] / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2009. – 560 с.

7. Малинович, М. В., Малинович, Ю. М. Ассерция. Негация. Причинность [Текст] // Логический анализ языка. Ассерция и негация / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2009. – С. 34–43.

8. Маркова, Н. В. Двусоставные отрицательные бытийные предложения в одном современном северно-русском говоре [Текст] / Н. В. Маркова // Северно-русские говоры. – 2010. –№ 11. – С. 25–33.

9. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные,

связочные глаголы [Текст] / под ред. В. В. Морковкина. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 421 с.

10. Озолинь, Л. В. Отрицательные конструкции: способы и средства выражения отрицания в орокском и русском языке [Текст] // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2017. – № 3 (19). – С. 42–48.

11. Падучева, Е. В. О семантике синтаксиса (материалы к трансформационной грамматике русского языка) [Текст] / Е. В. Падучева. – М. : Наука, 1974. – 292 с.

12. Патроева, Н. В. Отрицательные вторично-предикативные конструкции [Текст] // Русский язык в школе. – 2011. – № 10. – С. 57–61.

13. Патроева, Н. В. Поэтический синтаксис: категория осложнения [Текст] / Н. В. Патроева. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2002. – 334 с.

14.Патроева, Н. В. Русское осложненное предложение [Текст] : учебное пособие : в 3-х ч. : Ч. 1 / Н. В. Патроева. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2016. – 60 с.

15. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении [Текст] / А. М. Пешковский. – М. : Учпедгиз, 1956. – 512 с.

16. Савельева, Л. В. Формы отрицания в русском языке донационального периода [Текст] / Л. В. Савельева; науч. ред. Н. А. Мещерский; Петрозаводский госуниверситет им. О. В. Куусинена. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. – 159 с.

17. Санников, В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве [Текст] / В. З. Санников. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 624 с

18. Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века : в 4 т. : Т. 1 [Текст] / под ред. Н. В. Патроевой. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2017. – 578 с.

19. Современный русский литературный язык [Текст] : учебник / П. А. Лекант, Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, Л. П. Крысин / под ред. П. А. Леканта. – М. : Аст-Пресс Книга, 2013. – 766 с.

20. Штернина, Е. С. Категория отрицания: логико-лингвистический аспект [Текст] / Е. С. Штернина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 9. – Ч. 2. – С. 211–214.

21. Comrie B. Negation and other verb categories in the Uralic languages // Congressus quintus internationalisfenno-ugristarum. Ikola O. (ed.). Pars VI. – Turku : Suomen Kielen Seura, 1981. – P. 350–355.

22. Dahl O. Typology of sentence negation. Linguistics. – 1979. – Vol. 17. – No. 1–2. – P. 79–106.

23. Honti L. Die Negation im Uralischen I // Linguistica Uralica. – 1997. – No. 2. – P. 81–96.

24. Honti L. Die Negation im Uralischen II // Linguistica Uralica. – 1997. – No. 3. – P. 161–176.

25. Honti L. Die Negation im Uralischen III // Linguistica Uralica. – 1997. – No. 4. – P. 241–252.

26. M. Miestamo, A. Tamm, B. Wagner-Nagy (eds). Negation in Uralic Languages. – Amsterdam: John Benjamins, 2015. – 667 p.

Bibliograficheskij spisok

1. Apresjan, V. Ju. Ustupitel'nost' kak sposob govorit' o budushhem [Tekst] // Logicheskij analiz jazyka: Lingvofuturizm. Vzgljad jazyka v budushhee / otv. red. N. D. Arutjunova. – M. : Izd-vo «Indrik», 2011. – S. 16–21.

2. Boguslavskij, I. M. Issledovanija po sintaksicheskoj semantike: sfery dejstvija logicheskih slov [Tekst] / I. M. Boguslavskij. – M. : Nauka, 1985. – 175 s.

3. Bondarenko, V. N. Otricanie kak logiko-grammaticheskaja kategorija [Tekst] / V. N. Bondarenko. – M. : Nauka, 1983. – 212 s.

4. Voloshina, T. G., Shejfel', N. A. Otricatel'nye konstrukcii v anglijskom jazyke: nekotorye osobennosti razvitija mononegativnosti [Tekst] / T. G. Voloshina, N. A. Shejfel' // Novaja nauka: Ot idei k rezul'tatu. – 2017. – T. 2. – № 3. – S. 128–130.

5. Lihodkina, I. A. Otricatel'nye konstrukcii vo francuzskom jazyke i osobennosti ih peredachi na russkij, ital'janskij i anglijskij jazyki [Tekst] // Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovanija. – 2016. – № 10. – S. 200–205.

6. Logicheskij analiz jazyka. Assercija i negacija [Tekst] / otv. red. N. D. Arutjunova. – M. : Indrik, 2009. – 560 s.

7. Malinovich, M. V., Malinovich, Ju. M. Assercija. Negacija. Prichinnost' [Tekst] // Logicheskij analiz jazyka. Assercija i negacija / otv. red. N. D. Arutjunova. – M. : Indrik, 2009. – S. 34–43.

8. Markova, N. V. Dvusostavnye otricatel'nye bytijnye predlozhenija v odnom sovremennom severnorusskom govore [Tekst] / N. V. Markova // Severnorusskie govory. – 2010. –№ 11. – S. 25–33.

9. Ob#jasnitel'nyj slovar' russkogo jazyka: Strukturnye slova: predlogi, sojuzy, chasticy, mezhdometija, vvodnye slova, mestoimenija, chislitel'nye, svjazochnye glagoly [Tekst] / pod red. V. V. Morkovkina. – M. : OOO «Izdatel'stvo AST», 2003. – 421 s.

10. Ozolin', L. V. Otricatel'nye konstrukcii: sposoby i sredstva vyrazhenija otricanija v orokskom i russkom jazyke [Tekst] // Nauchnoe obozrenie Sajano-Altaja. – 2017. – № 3 (19). – S. 42–48.

11. Paducheva, E. V. O semantike sintaksisa (materialy k transformacionnoj grammatike russkogo jazyka) [Tekst] / E. V. Paducheva. – M. : Nauka, 1974. – 292 s.

12. Patroeva, N. V. Otricatel'nye vtorichno-predikativnye konstrukcii [Tekst] // Russkij jazyk v shkole. – 2011. – № 10. – S. 57–61.

13. Patroeva, N. V. Pojeticheskij sintaksis: kategorija oslozhnenija [Tekst] / N. V. Patroeva. – Petrozavodsk : Izd-vo PetrGU, 2002. – 334 s.

14. Patroeva, N. V. Russkoe oslozhnennoe predlozhenie [Tekst] : uchebnoe posobie : v 3-h ch. : Ch. 1 / N. V. Patroeva. – Petrozavodsk : Izd-vo PetrGU, 2016. – 60 s.

15. Peshkovskij, A. M. Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii [Tekst] / A. M. Peshkovskij. – M. : Uchpedgiz, 1956. – 512 s.

16. Savel'eva, L. V. Formy otricanija v russkom jazyke donacional'nogo perioda [Tekst] / L. V. Savel'eva; nauch. red. N. A. Meshherskij; Petrozavodskij gosuniversitet im. O. V. Kuusinena. – L. : Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1989. – 159 s.

17. Sannikov, V. Z. Russkij sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve [Tekst] / V. Z. Sannikov. – M. : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2008. – 624 s

18. Sintaksicheskij slovar' russkoj pojezii XVIII veka : v 4 t. : T. 1 [Tekst] / pod red. N. V. Patroevoj. – SPb. : Dmitrij Bulanin, 2017. – 578 s.

19. Sovremennyj russkij literaturnyj jazyk [Tekst] : uchebnik / P. A. Lekant, L. L. Kasatkin, E. V. Klobukov, L. P. Krysin / pod red. P. A. Lekanta. – M. : Ast-Press Kniga, 2013. – 766 s.

20. Shternina, E. S. Kategorija otricanija: logiko-lingvisticheskij aspekt [Tekst] / E. S. Shternina // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2015. – № 9. – Ch. 2. – S. 211–214.

21. Comrie B. Negation and other verb categories in the Uralic languages // Congressus quintus international-isfenno-ugristarum. Ikola O. (ed.). Pars VI. – Turku : Suomen Kielen Seura, 1981. – P. 350–355.

22. Dahl O. Typology of sentence negation. Linguistics. – 1979. – Vol. 17. – No. 1–2. – P. 79–106.

23. Honti L. Die Negation im Uralischen I // Linguistica Uralica. – 1997. – No. 2. – P. 81–96.

24. Honti L. Die Negation im Uralischen II // Linguistica Uralica. – 1997. – No. 3. – P. 161–176.

25. Honti L. Die Negation im Uralischen III // Linguistica Uralica. – 1997. – No. 4. – P. 241–252.

26. M. Miestamo, A. Tamm, B. Wagner-Nagy (eds). Negation in Uralic Languages. – Amsterdam: John Benjamins, 2015. – 667 p.

Reference List

1. Apresyan V. Yu. Concession as a way to speak about the future // the Logical analysis of language: Linguofuturizm. A language look in the future. Editor N. D. Arutyunov. – M. : Indrik Publishing House, 2011. – Page 16–21.

2. Boguslavsky I. M. Researches on syntactic semantics: spheres of logical words / I. M. Boguslavsky. – M. : Nauka, 1985. – 175 pages.

3. Bondarenko V. N. Denial as a logical-grammatical category / V. N. Bondarenko. – M. : Nauka, 1983. – 212 pages.

4. Voloshina T. G., Sheyfel N. A. Negative constructions in English: some features of development of mononegativity / T. G. Voloshina, N. A. Sheyfel // New science: From the idea to result. – 2017. – V. 2. – No. 3. – Page 128–130.

5. Likhodkina I. A. Negative constructions in French and feature of their transfer in the Russian, Italian and English languages // the scientific review: humanitarian researches. – 2016. – No. 10. – Page 200–205.

6. Logical analysis of language. Assertion and negation / editor-in-chief N. D. Arutyunov. – M. : Indrik, 2009. – 560 pages.

7. Malinovich M. V., Malinovich Yu. M. Assertion. Negation. Causality // Logical analysis of language. Assertion and negation / editor-in-chief N. D. Arutyunov. – M. : Indrik, 2009. – Page 34–43.

8. Markova N. V. Two-member negative existential sentences in one modern North Russian dialect / N. V. Markova//North Russians dialects. – 2010. – № 11. – Page 25–33.

9. Explanatory dictionary of Russian: Structural words: pretexts, the unions, particles, interjections, parenthesises, pronouns, numerals, copulative verbs / under the editorship of V. V. Morkovkin. – M. : OOO ACT Publishing House, 2003. – 421 pages.

10. Ozolin L. V. Negative designs: ways and means of expression of denial in Orok and Russian // Scientific review of Sayano-Altai. – 2017. – No. 3 (19). – Page 42–48.

11. Paducheva E. V. On semantics of syntax (materials to transformational grammar of Russian) / E. V. Paducheva. – M. : Nauka, 1974. – 292 pages.

12. Patroeva N. V. Negative secondary and predicative constructions // Russky Yazyk v shkole. – 2011. – No. 10. – Page 57–61.

13. Patroeva N. V. Poetic syntax: category of complication / N. V. Patroeva. – Petrozavodsk : PetrSU Publishing House, 2002. – 334 pages.

14. Patroeva, N. V. The Russian complicated sentence: manual: in 3 p: P.1 / N. V. Patropyeva. – Petrozavodsk : PetrSU Publishing House, 2016. – 60 pages.

15. Peshkovsky A. M. The Russian syntax in a scientific view / A. M. Peshkovsky. – M. : Uchpedgiz, 1956. – 512 pages.

16. Savelieva L. V. Denial forms in Russian of the pre-national period / L. V. Savelieva; scientific editor N. A. Meshchersky; Petrozavodsk State University named after O. V. Kuusinen. – L. : Leningrad University Publishing House, 1989. – 159 pages.

17. Sannikov V. Z. The Russian syntax in semantic-pragmatical space / V. Z. Sannikov. – M. : Yazyki Slavyanskoy Kultury, 2008. – 624 p

18. Syntactic dictionary of the Russian poetry of the 18th century: in 4 v.: V. 1 / under the editorship of N. V. Patroyeva. – SPb. : Dmitry Bulanin, 2017. – 578 pages.

19. Modern Russian literary language: textbook / P. A. Lekant, L. L. Kasatkin, E. V. Klobukov, L. P. Krysin / under the editorship of P. A. Lekant. – M. : Ast-Press Kniga, 2013. – 766 pages.

20. Shternina E. S. Category of denial: logic-linguistic aspect / E. S. Shternina // Philological sciences. Questions of the theory and practice. – 2015. – No. 9. – P. 2. – Page 211–214.

21. Comrie B. Negation and other verb categories in the Uralic languages // Congressus quintus international-isfenno-ugristarum. Ikola O. (ed.). Pars VI. – Turku : Suomen Kielen Seura, 1981. – P. 350–355.

22. Dahl O. Typology of sentence negation. Linguistics. – 1979. – Vol. 17. – No. 1–2. – P. 79–106.

23. Honti L. Die Negation im Uralischen I // Linguistica Uralica. – 1997. – No. 2. – P. 81–96.

24. Honti L. Die Negation im Uralischen II // Linguistica Uralica. – 1997. – No. 3. – P. 161–176.

25. Honti L. Die Negation im Uralischen III // Linguistica Uralica. – 1997. – No. 4. – P. 241–252.

26. M. Miestamo, A. Tamm, B. Wagner-Nagy (eds). Negation in Uralic Languages. – Amsterdam : John Benjamins, 2015. – 667 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 21.04.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

УДК 811.161.1

А. П. Ушакова
https://orcid.org/0000-0002-8080-306X

Средства выражения неодобрения в синтаксических фразеологизмах современного русского языка

Статья посвящена исследованию модального значения неодобрения, реализующегося в синтаксических фразеологизмах современного русского языка различных типов: *Хорош друг!, Тоже мне помощник!, Ох, уж эти мне экзамены!, Буду / стану тебе помогать!, Охота тебе работать!, Нет чтобы помочь!, Нашел, кого слушать!* и т. д. Показано, что модальное значение неодобрения является дополнительным к основному значению синтаксического фразеологизма и способно реализовывать диапазон значений: осуждение, порицание, неудовлетворенность и отрицательное отношение говорящего к действительности. На примере различных моделей построения синтаксических фразеологизмов в работе определены и проанализированы основные средства создания неодобрения: порядок следования постоянного и переменного компонентов, десемантизация постоянного компонента, лексическое наполнение переменного компонента и контекста, интонация, словообразовательные особенности переменного компонента. Продемонстрировано, что переменный компонент, являющийся лексически свободным, может быть выражен как стилистически нейтральным словом и изначально не нести значения неодобрения и отрицательной оценки, так и словом со стилистически сниженной окраской. Каждая из моделей построения синтаксических фразеологизмов имеет особенности при реализации значения неодобрения, что продемонстрировано в данной статье. Особое внимание уделено анализу роли контекста при реализации модального значения неодобрения в синтаксических фразеологизмах, использования слов с ложной положительной оценкой, сниженной стилистической окраской в качестве переменного компонента. Анализ проведен на материалах современных средств массовой информации и современной русской литературы.

Ключевые слова: синтаксический фразеологизм, постоянный и переменный компоненты, неодобрение, ложная положительная оценка, десемантизация, контекст, интонация, модель.

A. P. Ushakova

The Means of Expressing Disapproval in Syntactic Idioms of the Modern Russian Language

The article deals with the research modal meaning disapproval, which is implemented in syntactical idioms of different types in the modern Russian language: Хорош друг!, Тоже мне помощник!, Ох, уж эти мне экзамены!, Буду / стану тебе помогать!, Охота тебе работать!, Нет чтобы помочь!, Нашёл, кого слушать! etc. The modal meaning disapproval is the additional meaning for the main meaning of syntactical idioms. It is possible to realize the range of meanings: damnation, reprobation, stricture, disapprobation, frustration, negative attitude of the speaker's attitude to reality. The author has analyzed syntactical idioms of different types of syntactical idioms and has identified basic means of creating disapproval in a sentence: order of constant and variable components, desemantization of a constant component, lexical content of a variable component and context, intonation, derivational features of the variable component. In the article it is demonstrated that the variable component is free semantically and can be expressed in a neutral word stylistically, this component does not have disapproval initially and negative evaluation, also it can be represented stylistically by informal verbal subtleties. The article is devoted to the problem of demonstrating features of the implementation of the disapproval meaning. Particular attention is paid to the analysis of the role of the context in the implementation of the modal meaning of disapproval in syntactical idioms, the analysis of the word with a false positive assessment and informal verbal subtleties stylistically as the variable component. The analysis has been carried out on the materials of modern mass media and modern fiction.

Keywords: syntactical idioms, constant and variable components, disapproval, desemantization, assessment, context, intonation, a model.

В современной лингвистике интерес представляет изучение прагматического начала высказываний, теории речевых актов (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева, Н. И. Формановская и др.), следовательно, актуальным представляется изучение единиц с конкретным интенциональным значением. Одним из интенциональных значений синтаксических фразеологизмов является значение неодобрения.

Состояние современного общества характеризуется высоким уровнем агрессивности речевого поведения. Одним из проявлений речевой агрессии является неодобрение. Обращение к неодобрению как виду речевой агрессии объясняется, во-первых, частотностью употребления высказыва-

© Ушакова А. П., 2018

ний с соответствующей интенциональной семантикой, во-вторых, тем, что неодобрение осложняет коммуникацию, приводя общающихся к конфронтации.

В современном русском языке активно используются многообразные средства негативной оценки поведения и личности адресата, включающие экспрессивные слова, обороты, грубую просторечную и бранную лексику. Употребление подобных средств в устной и книжно-письменной речи является следствием негативных процессов, происходящих во внеязыковой действительности.

По мнению исследователей, неодобрение является самым рациональным из всего отрицательного диапазона эмоционально-оценочных отношений, формирующим модальную семантику; самым продуктивным значением, переплетенным с оценкой [9, с. 118]. Семантика оценки, осознаваемая в оппозиции «одобрение / неодобрение», признается сопутствующей, недифференцированной, отвлеченной [9, с. 118].

Т. В. Маркелова [11] при характеристике синтаксических средств выражения модальной семантики в русском языке отмечает оценочные высказывания с одобрительным / неодобрительным отношением говорящего в диктуме, выраженным эксплицитно, лексическими средствами оценочного предиката; в них преобладает рациональная составляющая высказывания, они выражают объективную и субъективную модальность, взаимодействующую с «оттеночными смыслами» отношения, формируемыми лексическим содержанием предикатного знака.

П. А. Лекант [9, с. 114] обращает внимание на то, что речевое взаимодействие можно определить как согласие – несогласие. Синтаксические фразеологизмы типов *Хорош друг!*, *Какой там друг!*, *Нашел, кого слушать!*, *Что за ерунда!* и др., употребляясь в речи говорящего, являются одним их типизированных средств выражения несогласия, близкого к негативной оценке предмета речи и ситуации в целом.

Являясь значением сферы модальности и субъективности, несогласие обнаруживается в частных значениях: 1) негативная оценка; 2) возражение; 3) отклонение предполагаемого (невысказанного) [9, с. 115]. В синтаксических фразеологизмах возможно проявление следующих значений: 1) *Нет, пусть это будет жестоко. Судья* ***нашлась****… Пусть подумает…* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого); ***Ох уж эти*** *русские!* (Коммерсантъ, 05.01.2018); ***Ох уж эти*** *понты!* (Комсомольская правда, 21.04.2018); 2) *Дело прошлое, пойду я, не надо из меня «клоуна» делать, так бы любой поступил, тоже мне –* ***нашли*** *героя…* (Комсомольская правда, 2011.12.11); 3) ***Буду*** *я еще нервы трепать за эту мизерную зарплату…* (Комсомольская правда, 2002); *Не стыдно?* ***Охота*** *тебе позориться?* (А. Кучаев); *И* ***охота*** *вам после уроков на стройке вкалывать?* (Комсомольская правда, 2003.04.04) и др. Реализация в структуре синтаксических фразеологизмов представленных значений возможна за счет выражения ими субъективного отношения говорящего к ситуации речи, чему способствует устоявшаяся структура, лексическое наполнение переменного компонента и контекста и т. д.

Модальное значение неодобрения является выражением субъективного мнения, обозначения позиции говорящего в отношении описываемого. Ситуация и предмет речи относятся к категории реальности, отрицательная оценка реального положения дел относится к сфере ирреальности. «Говорящий отрицает то, что не соответствует его рациональным, эмоциональным, этическим, эстетическим критериям» [5, с. 20].

Выражение неодобрения в современном русском языке проявляется как эксплицитно, так и имплицитно. Для выражения имплицитного неодобрения используются некоторые слова, словосочетания, конструкции, в которых отсутствуют отрицательные компоненты, которые строятся не по имеющимся в языке законам, фразеологические обороты с отрицательной семантикой, которые не имеют соответствующих положительных форм.

Выражение неодобрения на уровне предложения возможно в условиях определенного порядка слов, интонации и контекста, что присуще и синтаксическим фразеологизмам. При этом неодобрение не является чисто синтаксической категорией – оно является и лексической, и грамматической одновременно. Лексически выражается словами с отрицательной семантикой либо словами с отрицательными аффиксами в составе переменного компонента или контекста; грамматическое проявление отрицания и неодобрения возможно с помощью синтаксиса. Неодобрение не приписывается отдельному слову в структуре синтаксического фразеологизма, оно принадлежит конструкции в целом.

В синтаксических фразеологизмах значение неодобрения является дополнительным оттенком основного оценочного значения синтаксического фразеологизма. Неодобрение представляет собой «порицание, отрицательную оценку чего-либо» [3; 14; 21] или «неудовлетворенность чьими-либо

действиями, поступками и т. п.; порицание, осуждение» [14; 20].

Синтаксические фразеологизмы, употребляясь в речи говорящего в качестве реакции на происходящее, содержат в себе отношение к действительности. Сам выбор говорящим синтаксических фразеологизмов является субъективным явлением, связанным с оценочностью, эмоциональным отношением к предмету и ситуации речи.

Значение неодобрения в границах синтаксического фразеологизма является выражением целого диапазона оттенков: осуждения, порицания, неудовлетворенности, негативного и отрицательного отношения (оценочного значения) говорящего к действительности.

«Неодобрение выражается конкретно, разнообразно, экспрессивно, а зачастую и эмоционально» [9, с. 118]. Неодобрение в составе синтаксического фразеологизма переплетается с эмоциональной оценкой и экспрессией. Заключая отрицательные эмоции, не выраженные формальными средствами, синтаксические фразеологизмы типов *Нашел, кого слушать!*, *Что за друг!*, *Хорош друг!*, *Тоже мне друг!*, *Ох уж эти мне экзамены!* реализуют значение иронического неодобрения.

В синтаксическом фразеологизме неодобрение заключено не в каком-то отдельном компоненте синтаксического фразеологизма, а в построении конструкции, во взаимодействии с контекстом, интонации и др. Выражается неодобрение в структуре синтаксических фразеологизмов экспрессивно. Средствами выражения неодобрения в синтаксических фразеологизмах являются: модель построения синтаксического фразеологизма, лексическое наполнение переменного компонента и контекста, интонация, словообразовательные особенности переменного компонента. Для каждого типа синтаксических фразеологизмов характерен определенный набор средств создания неодобрения.

Синтаксические фразеологизмы типов *Хорош друг!*, *Буду я тебя слушать!*, *Нашел, кого слушать!* и др. реализуют значение неодобрения за счет структуры, предполагающей наличие в препозиции постоянного компонента с ложной положительной оценкой. При таком порядке слов синтаксические фразеологизмы реализуют значения неодобрения, отрицательной оценки предмета и ситуации речи. В синтаксических фразеологизмах представленных моделей неодобрение реализуется за счет контекста, который поясняет и конкретизирует значение неодобрения.

Синтаксические фразеологизмы содержат имплицитно выраженную оценку и отношение к ситуации или предмету речи, отрицание представленной информации, несоответствие объектов заявленным качествам и т. д. В их структуре отрицательная оценка не выражена общеоценочным словом *плохо* или его синонимами.

Согласно шкале оценки «хорошо» / «нормально» / «плохо» в структуре синтаксического фразеологизма типа *Хорош друг!* присутствует краткое прилагательное *хорош*, выражающее в высшей степени положительный признак. *Хороший* – ‘вполне положительный; такой, какой должен быть, нужен, необходим; обладающий каким-либо или большим преимуществом среди других таких же’. Формально конструкция соответствует в высшей степени положительному признаку. Однако, исследуя контекст, в котором употребляется заявленная конструкция, высший положительный признак стоит классифицировать как низшее положение шкалы оценки, то есть «плохой». Ср.: 1) ***Хорош*** *губернатор, на воровском жаргоне балакает, у нас вообще сверху видят, кто там князьки местные?* (Коммерсантъ, 2017.06.05); 2) *Счета у него заграничные, недвижимость зарубежная,* ***хорош коммунист*** *– защитник угнетенных* (Коммерсантъ, 2018.02.05).

Формально переменные компоненты *губернатор*, *коммунист* наделены положительными признаками: *губернатор* – ‘начальник какой-нибудь большой административно-территориальной единицы’ [14, с. 152]; *коммунист* – ‘член коммунистической партии, приверженец идей коммунизма’ [14, с. 288]. В контексте им присваиваются отрицательные признаки, так как в первом предложении употреблены слова со сниженной стилистической окраской *воровской жаргон*, *балакает*. Во втором предложении объект оценки понимается как негативный, так как налицо несоответствие его статуса тому, чем он обладает: *заграничные счета*, *зарубежная недвижимость*. При этом предложение имеет инверсированный порядок слов: *счета у него заграничные, недвижимость зарубежная*, что также способствует усилению негативного оценочного значения. Переменный компонент, являющийся семантически свободным, изначально не несет оценочного значения, становится таковым только в структуре синтаксического фразеологизма и контексте. Синтаксический фразеологизм данного типа характеризуется асимметрией между структурой и значением [22, с. 126].

Синтаксический фразеологизм *Хорош друг!* реализует неодобрительное отношение к предмету речи и в таком контексте: ***Хорош Трамп***, *продол-*

жает недружественную политику. А ведь обещал сближение, деньги собирался экономить. Так нет, расширяет военное присутствие в Европе (Коммерсантъ, 13.02.2018). Значение неодобрения реализуется за счет порядка следования компонентов, лексического наполнения переменного компонента, ложного положительного значения постоянного компонента и контекста. Без контекста и при обратном порядке слов *Трамп хорош* негативное значение не реализуется. Контекст играет решающую роль при описании данного синтаксического фразеологизма, так как в нем объясняется причина отрицательного отношения к предмету речи. Синтаксический фразеологизм данного типа, как и другие, функционирует в контексте, поэтому именно в нем реализуется оценочное значение. Исследуемые конструкции обладают максимальной структурной сжатостью, поэтому выражение ими оценочного значения можно установить только при наличии контекста.

Постоянный компонент может быть выражен знаменательными и незнаменательными частями речи, подвергающимися десемантизации и дерграмматикализации. Знаменательные части речи в составе постоянного компонента часто меняют свое значение на противоположное, таким образом, например, происходит реализация значения негативной оценки или отрицания.

«Отрицательно-неодобрительное общее значение в соединении с инфинитивом» [9, с. 122] и модальная оценка неодобрения / осуждения выражается в синтаксических фразеологизмах типа ***Нашел,*** *кого слушать!* за счет десемантизации опорного компонента, лексического наполнения переменного компонента и контекста, порядка следования компонентов. Ср.: ***Нашли*** *о чем спрашивать у филолога, который не рулит* (Комсомольская правда, 2006.08.08); *Ольга мысленно прокляла себя.* ***Нашла*** *о чем говорить* (Е. Романова). В современном русском языке функционирует разновидность модели построения данных синтаксических фразеологизмов, в которой постоянный компонент представлен словом с ложной положительной оценкой: *Дело прошлое, пойду я, не надо из меня «клоуна» делать, так бы любой поступил, тоже мне –* ***нашли*** *героя…* (Комсомольская правда, 2011.12.11). В них отрицается не действие, выраженное инфинитивом, а объект действия, его характеристика и т. д. Глагол *найти* в данных синтаксических фразеологизмах не имеет прямого лексического значения, употребляется только для реализации неодобрения, отрицательной оценки и ее усиления. Значения, реализуемые в синтаксическом фразеологизме, выражены имплицитно, они подразумеваются говорящим.

Переменный компонент *герой* имеет значение ‘человек, совершающий подвиги, необычный по своей храбрости, доблести, самоотверженности; тот, кто привлек к себе внимание (чаще о том, кто вызывает восхищение, подражание)’ [14, с. 132]. Данное слово имеет оценку «хороший», однако в структуре синтаксического фразеологизма подвергается иронической оценке.

Важно обратить внимание на такое функционирование синтаксического фразеологизма, как *Герой нашелся* (пример – А. У.), когда постоянный компонент, занимающий обычно препозицию, находится в постпозиции. Таким сочетанием глагола в форме прошедшего времени и лексически варьируемого свободного компонента нейтрализуется значение последнего. Ср.: *Помощничек* ***нашелся!*** (Советский спорт, 2013.07.22).

В подобных синтаксических фразеологизмах переменный компонент представляет собой уже изначально стилистически сниженное имя существительное – слово *помощничек.* Образованное от *помощник* при помощи суффикса *ек*, оно реализует значение пренебрежительности, неодобрения.

Неодобрение, реализуемое с помощью словообразовательных особенностей переменного компонента, является распространенным явлением, которое можно проследить в синтаксических фразеологизмах различного типа. Ср.: *«****Тоже мне****, работничек», – усмехнулся про себя Химин* (А. Маринина); *«****Нашел*** *работенку,* ***тоже мне****! Это ж света белого не видеть!»* (А. Моторов); ***Что за*** *народец, не только мальчишки, но и девчонки, собраны были под одной крышей – это нужно было видеть!* (Комсомольская правда, 2014); ***Что за*** *дурацкая интеллигентщина?* (Е. Гришковец).

Переменные компоненты *работничек, работенка, народец, интеллигентщина* за счет словообразовательных особенностей приобретают сниженную стилистическую окраску. При этом модели построения синтаксических фразеологизмов имеют значение негативной оценки предмета речи, использование подобных переменных компонентов усиливает значение неодобрения.

Синтаксические фразеологизмы могут реализовывать целый спектр модальных репрезентаций, включающий презрение, уничижение, пренебрежение, оскорбление, порицание, осуждение, упрек, общим для которых является признание обстоятельства как несущественного. При этом слова в составе переменного компонента синтак-

сического фразеологизма и контекста могут иметь стилистические пометы, указывающие на эмоциональную окраску *презр.*, *уничиж.*, *пренебр.*, сопровождающиеся пометами *бран.*, *ирон.*, *шутл.* и т. д. Это характерно для большого количества синтаксических фразеологизмов, реализующих значение неодобрения. Ср.: ***Буду*** *я еще нервы трепать за эту мизерную зарплату…* (Комсомольская правда, 2002); *Как же, признается она.* ***Нашли дуру****. Вчера, когда Киреева возвращалась после чаепития от Буровой и поднималась по запасной лестнице с четвертого на пятый, на площадке между этажами решила постоять у окошка и покурить* (М. Зосимкина, 2015); *Не стыдно?* ***Охота*** *тебе позориться?* (А. Кучаев); *И* ***охота*** *вам после уроков на стройке вкалывать?* (Комсомольская правда, 2003.04.04); ***Тоже мне****, еще один показушник, будто не может ездить в нормальном, современном автомобиле…* (С. Лукьяненко); ***Что за*** *чушь у вас пишут?!* (Комсомольская правда, 2014).

Слова в составе переменного компонента и контекста в приведенных конструкциях имеют разные пометы: *нервы трепать* (разг., экспресс.), *мизерный* (разг.), *дура* (разг., бран.), *позориться* (разг.), *вкалывать* (разг., прост.), *показушник* (разг.), *чушь* (разг.).

По мнению М. В. Петрушиной [16], модальное значение неодобрения как дополнительный оттенок основного модального значения сочетается и взаимодействует с модальными аспектами предложения – объективным (реальным или ирреальным), субъективным (достоверность / недостоверность), внутрисинтаксическим.

Особенностью синтаксических фразеологизмов типов *Ох уж эти мне экзамены!, Тоже мне помощник!, Охота тебе работать!, Нет чтобы помочь!* и др. является возможность реализовывать значение неодобрения без наличия контекста. Ср.: 1) ***Ох уж эти*** *русские!* (Коммерсантъ, 05.01.2018); ***Ох уж эти*** *мои друзья со своими разговорами о том, кто кого сделал на очередном перекрестке!* (Коммерсантъ, 18.08.2017); ***Ох уж эти*** *понты!* (Комсомольская правда, 21.04.2018); 2) ***Охота*** *тебе лезть на рожон (Т. Устинова); И* ***охота*** *вам после уроков на стройке вкалывать?* (Комсомольская правда, 2003.04.04); 3) ***Нет чтобы*** *остановиться вовремя* (Е. Гришковец); ***Нет чтобы*** *проверить!* (Комсомольская правда, 2012). Значение неодобрения реализуется за счет десемантизации опорного компонента, порядка следования компонентов, идеоматизации конструкции. Значение синтаксического фразеологизма не выводится из значения входящих в него компонентов. Приведенные фразеологизмы обладают смысловой неразложимостью, максимальной смысловой наполненностью в сжатой структуре. Синтаксические фразеологизмы ***Ох уж эти*** *русские!* (Коммерсантъ, 05.01.2018); ***Ох уж эти*** *понты!* (Комсомольская правда, 21.04.2018) за счет идеоматизации, семантической целостности могут использоваться в качестве заголовков газетных статей.

Указанные выше условия делают возможным реализацию значения неодобрения без наличия контекста и в синтаксических фразеологизмах типа *Тоже мне помощник!*: ***Тоже мне*** *Куклачев!* (Литературная газета, 18.04.2018); ***Тоже мне*** *проблема* (М. Трауб). Однако значение некоторых построений невозможно определить без контекста. Ср.: *Знаков различия не знает,* ***тоже мне*** *разведчик!* (К. Феоктистов); *Нет, я тебя не осуждаю, так что перестань себя бичевать.* ***Тоже мне*** *виноватый! Тебя государство облапошило, все вклады твои забрало и на ветер пустило – а ты сидишь и переживаешь, что чемодан еще в придачу им не отдал?* (А. Грачев). Показатели неодобрения, негативной оценки находятся в контексте, тем самым в составе переменного компонента слово *разведчик* оценивается негативно (плохой разведчик, так как не знает знаков различия), а общепринятое значение слова *виноватый* вовсе отрицается (невиноватый, так как сам является обманутым).

В синтаксических фразеологизмах типов *Какой там друг!, Что за ерунда!, Тоже мне друг!* и др. в качестве постоянного компонента используются «прономинальные формальные компоненты составных аналитических частиц» [7, с. 5–6], что обусловливает риторическую структуру высказывания [5; 7]. «Ими выражается не только отрицательный, но и модально-оценочный смысл вне связи с остальным лексическим составом» [5, с. 21]. Ср.: *Трое суток Виктор Юльевич не выходил из дома и не выпускал мать. Хлеба не было, но он говорил ей: «Мама,* ***какой*** *хлеб? У нас даже водки нет»* (Л. Улицкая); *«Пусть малец останется на перевале… Пусть для связи». / «****Какой*** *еще связи!» – Руслан был не в духе* (В. Маканин); ***Тоже мне****, полиция называется, ничего вы не знаете!* (А. Маринина); *Ну,* ***что за*** *глупости, папа!* (М. Шишкин); *Папа часто говорил о том, что не хочет, чтобы его похоронили в земле. «Ну* ***что за радость*** *знать, что ты не исчез вовсе, а лежишь где-то под двумя метрами песка и гниешь потихоньку? Да еще под камнем! Камни ведь клали на могилы, чтобы покойники не вылезали!»*

(М. Шишкин). Подобные компоненты в составе синтаксического фразеологизма являются следствием компрессии, они являются максимально информационно наполненными, так как в них заключено содержание неназванного высказывания.

Субъективно-модальное значение неодобрения выражается синтаксическими и словесными средствами, интонация при этом усиливает это значение и осложняет его дополнительными оттенками: подчеркивается ирония, неодобрение, интенсивность оценки, выделяется какой-либо компонент и т. д. При анализе синтаксических фразеологизмов справедливым считается положение Д. Н. Шмелева о том, что «употребление слова в интонационно обусловленной конструкции в отдельных случаях способствует возникновению у слова нового значения» [25, с. 317]. Распространенным типом интонационных конструкций в синтаксических фразеологизмах является ИК-7, употребляющийся при возникновении у высказывания дополнительных семантических оттенков, свидетельствующий о наличии отрицательного, негативного значения, значения невозможности, нежелательности и т. д. Однако при исследовании синтаксических фразеологизмов письменных текстов интонация не является определяющим механизмом создания модального значения неодобрения, так как синтаксические фразеологизмы, вовлекаясь в сферу письменной речи, функционируют в контексте.

Синтаксические фразеологизмы в современном русском языке имеют закрепленное значение, которое реализует каждая из моделей построения. В зависимости от порядка компонентов, контекста, лексического наполнения переменного компонента, словообразовательных особенностей переменного компонента к основному значению синтаксического фразеологизма добавляются оттенки значения, в том числе значение неодобрения. Неодобрение связано с ложной положительной оценкой предмета речи, ситуации и может считаться проявлением речевой агрессии, показателем которой становится лексическое наполнение высказывания.

Библиографический список

1. Величко, А. В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке [Текст] : монография / А. В. Величко. – М. : МАКС Пресс, 2016. – 411 с.

2. Герасименко, И. А. Разговорные единицы в дискурсе современной мультипликации [Текст] / И. А. Герасименко // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XII Международной научной конференции (Владимир, 26–28 сентября 2017 года), посвящённой 65-летию кафедры русского языка. – Владимир : Транзит-ИКС, 2017. – С. 105–109.

3. Ефремова, Т. Ф. Современный словарь русского языка три в одном: орфографический, словообразовательный, морфемный [Текст] : около 20 000 слов, около 1200 словообразовательных единиц. – М. : АСТ, 2010. – 699 с.

4. Канафьева, А. В. Мотивация отрицания в вопросительно-исторических конструкциях [Текст] / А. В. Канафьева // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XII Международной научной конференции (Владимир, 26–28 сентября 2017 года), посвящённой 65-летию кафедры русского языка. – Владимир : Транзит-ИКС, 2017. – С. 190–196.

5. Канафьева, А. В. Отрицание: варианты форм и вариации смысла [Текст] / А. В. Канафьева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2018. – № 2. – С. 19–25.

6. Лагузова, Е. Н. Синтаксические фразеологизмы с союзом хоть в современном русском языке [Текст] / Е. Н. Лагузова, О. Н. Прокопова // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – № 2. – С. 8–10.

7. Лекант, П. А. Аналитизм в категории русских частиц [Электронный ресурс] / П. А. Лекант // Электронный журнал «Вестник МГОУ». – 2013. – № 1. – Режим доступа: www/evestnik-mgou.ru

8. Лекант, П. А. Категория рационального и эмоционального в русском языке и культуре речи [Текст] / П. А. Лекант // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2012. – № 5. – С. 44–48.

9. Лекант, П. А. Очерки по грамматике русского языка [Текст] / П. А. Лекант. – М. : Издательство МГОУ, 2002. – 312 с.

10. Маркелова, Т. В. Оценочная семантика как область сопряжения языковой и медийной картин мира [Текст] / Т. В. Маркелова // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи : сб.ст.по материалам международной научной конференции. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2016. – С. 15–39.

11. Маркелова, Т. В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке [Текст] / Т. В. Маркелова. – М. : МГПУ Ивана Фёдорова, 2013. – 357 с.

12. Меликян, В. Ю. Синтаксический фразеологический словарь русского языка [Текст] / В. Ю. Меликян. – М. : Флинта, 2013. – 400 с.

13. Нагорный, И. А. Коммуникативно-прагматические свойства русских частиц: особенности отражения коммуникационных процессов [Текст] / И. А. Нагорный // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. – 2017. – № 14 (263). – Вып. 34. – С. 26–33.

14. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 22-е изд., стер. – М. : Русский язык, 1990. – 924 с.

15. Падучева, Е. В. О семантике синтаксиса [Текст] / Е. В. Падучева. – М. : ЛИБРОКОМ, 2016. – 296 с.

16. Петрушина, М. В. Модальное значение неодобрения и его речевая реализация [Текст] / М. В. Петрушина. – М., 2005. – 257 с.

17. Посиделова, В. В. Проблемы синтаксической фразеологизации в системе русского языка [Текст] / В. В. Посиделова // Филологические науки в России и за рубежом: материалы Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). – СПб. : Реноме, 2012. – С. 168–170.

18. Русская грамматика [Текст] : в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. – Т. II. – 710 с.

19. Современный русский язык. Синтаксическая фразеология [Текст] / В. Ю. Меликян. – М. : Флинта : Наука, 2014. – 231 с.

20. Современный толковый словарь русского языка [Текст] / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2001.

21. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. 18 0000 слов и словосочетаний [Текст] / Д. Н. Ушаков. – М. : Альта-Принт, 2005. – 1240 с.

22. Ушакова, А. П. Синтаксические фразеологизмы типа Хорош друг! в современном русском языке / А. П. Ушакова // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: сборник статей по материалам международной конференции. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2016. – С. 124–130.

23. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису разговорной речи / Н. Ю. Шведова // РАН Институт русского языка. – М. : Азбуковник, 2003. – 378 с.

24. Шмелёв, Д. Н. О связанных синтаксических конструкциях в русском языке [Текст] / Д. Н. Шмелёв // Избранные труды по русскому языку. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – С. 413–439.

25. Шмелёв, Д. Н. Экспресссивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке [Текст] / Д. Н. Шмелёв // Избранные труды по русскому языку. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 888 с. – С. 311–336.

26. Элатик, А. А. Элементы разговорного синтаксиса в языке современных российских электронных СМИ [Текст] / А. А. Элатик // Филологические науки. Вопросы теории и практики : научн.-теорет. и прикладной журн. – 2016. – № 10. – Ч. 3. – С. 161–168.

27. Baker, C.-L. Double negatives // Lingvistic inqury 1, 1970.

28. Leech, G. N. Principles of pragmatics / G. N. Leech. – L., NY., 1983. – 250 pp.

29. Jespersen, O. The Plilosophy of Grammar. – London : New York, 1929. – P. 129–130.

Bibliograficheskij spisok

1. Velichko, A. V. Predlozhenija frazeologizirovannoj struktury v russkom jazyke [Tekst] : monografija / A. V. Velichko. – M. : MAKS Press, 2016. – 411 s.

2. Gerasimenko, I. A. Razgovornye edinicy v diskurse sovremennoj mul'tiplikacii [Tekst] / I. A. Gerasimenko // Jazykovye kategorii i edinicy: sintagmaticheskij aspekt. Materialy XII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Vladimir, 26–28 sentjabrja 2017 goda), posvjashhjonnoj 65-letiju kafedry russkogo jazyka. – Vladimir : Tranzit-IKS, 2017. – S. 105–109.

3. Efremova, T. F. Sovremennyj slovar' russkogo jazyka tri v odnom: orfograficheskij, slovoobrazovatel'nyj, morfemnyj [Tekst] : okolo 20 000 slov, okolo 1200 slovoobrazovatel'nyh edinic. – M. : AST, 2010. – 699 s.

4. Kanaf'eva, A. V. Motivacija otricanija v voprositel'no-istoricheskih konstrukcijah [Tekst] / A. V. Kanaf'eva // Jazykovye kategorii i edinicy: sintagmaticheskij aspekt. Materialy XII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Vladimir, 26–28 sentjabrja 2017 goda), posvjashhjonnoj 65-letiju kafedry russkogo jazyka. – Vladimir : Tranzit-IKS, 2017. – S. 190–196.

5. Kanaf'eva, A. V. Otricanie: varianty form i variacii smysla [Tekst] / A. V. Kanaf'eva // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. – 2018. – № 2. – S. 19–25.

6. Laguzova, E. N. Sintaksicheskie frazeologizmy s sojuzom hot' v sovremennom russkom jazyke [Tekst] / E. N. Laguzova, O. N. Prokopova // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. – 2016. – № 2. – S. 8–10.

7. Lekant, P. A. Analitizm v kategorii russkih chastic [Jelektronnyj resurs] / P. A. Lekant // Jelektronnyj zhurnal «Vestnik MGOU». – 2013. – № 1. – Rezhim dostupa: www/evestnik-mgou.ru

8. Lekant, P. A. Kategorija racional'nogo i jemocional'nogo v russkom jazyke i kul'ture rechi [Tekst] / P. A. Lekant // Vestnik MGOU. Serija «Russkaja filologija». – 2012. – № 5. – S. 44–48.

9. Lekant, P. A. Ocherki po grammatike russkogo jazyka [Tekst] / P. A. Lekant. – M. : Izdatel'stvo MGOU, 2002. – 312 s.

10. Markelova, T. V. Ocenochnaja semantika kak oblast' soprjazhenija jazykovoj i medijnoj kartin mira [Tekst] / T. V. Markelova // Semantika i funkcionirovanie jazykovyh edinic v raznyh tipah rechi : sb.st.po materialam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2016. – S. 15–39.

11.Markelova, T. V. Pragmatika i semantika sredstv vyrazhenija ocenki v russkom jazyke [Tekst] / T. V. Markelova. – M. : MGPU Ivana Fjodorova, 2013. – 357 s.

12. Melikjan, V. Ju. Sintaksicheskij frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka [Tekst] / V. Ju. Melikjan. – M. : Flinta, 2013. – 400 s.

13. Nagornyj, I. A. Kommunikativno-pragmaticheskie svojstva russkih chastic: osobennosti otrazhenija kommunikacionnyh processov [Tekst] / I. A. Nagornyj // Nauchnye vedomosti. Serija Gumanitarnye nauki. – 2017. – № 14 (263). – Vyp. 34. – S. 26–33.

14. Ozhegov, S. I. Slovar' russkogo jazyka [Tekst] / pod red. N. Ju. Shvedovoj. – 22-e izd., ster. – M. : Russkij jazyk, 1990. – 924 s.

15. Paducheva, E. V. O semantike sintaksisa [Tekst] / E. V. Paducheva. – M. : LIBROKOM, 2016. – 296 s.

16. Petrushina, M. V. Modal'noe znachenie neodobrenija i ego rechevaja realizacija [Tekst] / M. V. Petrushina. – M., 2005. – 257 s.

17. Posidelova, V. V. Problemy sintaksicheskoj frazeologizacii v sisteme russkogo jazyka [Tekst] / V. V. Posidelova // Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, fevral' 2012 g.). – SPb. : Renome, 2012. – S. 168–170.

18. Russkaja grammatika [Tekst] : v 2 t. / gl. red. N. Ju. Shvedova. – M. : Nauka, 1980. – T. II. – 710 s.

19. Sovremennyj russkij jazyk. Sintaksicheskaja frazeologija [Tekst] / V. Ju. Melikjan. – M. : Flinta : Nauka, 2014. – 231 s.

20. Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Tekst] / gl. red. S. A. Kuznecov. – SPb. : Norint, 2001.

21. Ushakov, D. N. Bol'shoj tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka. 18 0000 slov i slovosochetanij [Tekst] / D. N. Ushakov. – M. : Al'ta-Print, 2005. – 1240 s.

22. Ushakova, A. P. Sintaksicheskie frazeologizmy tipa Horosh drug! v sovremennom russkom jazyke / A. P. Ushakova // Semantika i funkcionirovanie jazykovyh edinic v raznyh tipah rechi: sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj konferencii. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2016. – S. 124–130.

23. Shvedova, N. Ju. Ocherki po sintaksisu razgovornoj rechi / N. Ju. Shvedova // RAN Institut russkogo jazyka. – M. : Azbukovnik, 2003. – 378 s.

24. Shmeljov, D. N. O svjazannyh sintaksicheskih konstrukcijah v russkom jazyke [Tekst] / D. N. Shmeljov // Izbrannye trudy po russkomu jazyku. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. – S. 413–439.

25. Shmeljov, D. N. Jekspresssivno-ironicheskoe vyrazhenie otricanija i otricatel'noj ocenki v sovremennom russkom jazyke [Tekst] / D. N. Shmeljov // Izbrannye trudy po russkomu jazyku. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. – 888 s. – S. 311–336.

26. Jelatik, A. A. Jelementy razgovornogo sintaksisa v jazyke sovremennyh rossijskih jelektronnyh SMI [Tekst] / A. A. Jelatik // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki : nauchn.-teoret. i prikladnoj zhurn. – 2016. – № 10. – Ch. 3. – S. 161–168.

27. Baker, C.-L. Double negatives // Lingvistic inqury 1, 1970.

28. Leech, G. N. Principles of pragmatics / G. N. Leech. – L., NY., 1983. – 250 rr.

29. Jespersen, O. The Plilosophy of Grammar. – London : New York, 1929. – P. 129–130.

Reference List

1. Velichko A. V. Sentences of phrazeological structures in Russian : monograph / A. V. Velichko. – M. : MAKS Press, 2016. – 411 pages.

2. Gerasimenko I. A. Colloquial units in a discourse of modern animation / I. A. Gerasimenko // Language categories and units: syntagmatic aspect. Materials of the XII International scientific conference (Vladimir, on September 26–28, 2017) devoted to the 65 anniversary of the Department of Russian. – Vladimir : Transit IKS, 2017. – Page 105–109.

3. Efremova T. F. The modern dictionary of Russian three in one: spelling, word-formation, morphemic : about 20 000 words, about 1200 word-formation units. – M. : ACT, 2010. – 699 pages.

4. Kanafieva A. V. Motivation of denial in interrogative and historical constructions / A. V. Kanafieva // Language categories and units: syntagmatic aspect. Materials of the XII International scientific conference (Vladimir, on September 26–28, 2017) devoted to the 65 anniversary of department of Russian. – Vladimir: Transit IKS, 2017. – Page 190–196.

5. Kanafieva A. V. Denial: options of forms and variation of sense / A. V. Kanafieva // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. – 2018. – No. 2. – Page 19–25.

6. Laguzova E. N. Syntactic phraseological units with the conjunction though in modern Russian / E. N. Laguzova, O. N. Prokopova // Vekhnevolzhsky Philological Bulletin. – 2016. – No. 2. – Page 8–10.

7. Lekant P. A. Analitizm in category of the Russian particles [An electronic resource] / P. A. Lekant // Bulletin of MSRU Online magazine. – 2013. – No. 1. – Access mode: www/evestnik-mgou.ru

8. Lekant P. A. Rrational and emotional Category in Russian and the standard of speech / P. A. Lekant // Bulletin of MSRU. Russian Philology series. – 2012. – No. 5. – Page 44–48.

9. Lekant P. A. Essays on grammar of Russian / ItePm. A. Lekant. – M. : MSRU Publishing House, 2002. – 312 pages.

10. Markelova T. V. Estimated semantics as field of interface of language and media pictures of the world / T. V. Markelova // Semantics and functioning of language units in different types of the speech: articles on materials of the international scientific conference. – Yaroslavl : RIO YSPU, 2016. – Page 15–39.

11. Markelova T. V. Pragmatics and semantics of means of assessment expression in Russian / T. V. Markelova. – M. : Ivan Fyodorov's MSPU, 2013. – 357 pages.

12. Melikyan V. Yu. Syntactic phraseological dictionary of Russian / V. Yu. Melikyan. – M. : Flinta, 2013. – 400 pages.

13. Nagorny I. A. Communicative and pragmatical properties of the Russian particles: features of reflection of communication processes / I. A. Nagorny // Scientific notes. Series Humanities. – 2017. – No. 14 (263). – Issue 34. – Page 26–33.

14. Ozhegov S. I. The dictionary of Russian / under the editorship of N.Yu. Shvedova. – 22nd edition. – M. : Russky Yazyk, 1990. – 924 pages.

15. Paducheva E. V. On semantics of syntax / E. V. Paducheva. – M. : LIBROKOM, 2016. – 296 pages.

16. Petrushina,M. V. Modal value of disapproval and its speech realization / M. V. Petrushina. – M, 2005. – 257 pages.

17. Posidelova V. V. Problems of a syntactic phraze-ologization in the system of Russian / V. V. Posidelova//Philological sciences in Russia and abroad: materials of the International scientific conference (St. Petersburg, February, 2012). – SPb. : Renome, 2012. – Page 168–170.

18. Russian grammar: in 2 v. / editor-in-chief N. Yu. Shvedova. – M. : Nauka, 1980. – V. II. – 710 pages.

19. The modern Russian. Syntax phraseology / V.Yu. Melikyan. – M. : Flinta: Nauka, 2014. – 231 pages.

20. Modern explanatory dictionary of Russian / editor-in-chief S. A. Kuznetsov. – SPb. : Norint, 2001.

21. Ushakov D. N. Big explanatory dictionary of the modern Russian. 18 0000 words and phrases / D. N. Ushakov. – M. : Alta-Print, 2005. – 1240 pages.

22. Ushakova A. P. Syntax phraseological units of type Khorosh drug! in the modern Russian / A. P. Ushakova // Semantics and functioning of language units in different types of the speech: the collection of articles on materials of the international conference. – Yaroslavl : RIO YSPU, 2016. – Page 124–130.

23. Shvedova N. Yu. Essays on syntax of informal conversation / N. Yu. Shvedova // RAS Institute of Russian. – M. : Azbukovnik, 2003. – 378 pages.

24. Shmeliov D. N. On connected syntax constructions in Russian / D. N. Shmeliov//selects on Russian. – M. : Yazyki Slavyanskoy Kultury, 2002. – Page 413–439.

25. Shmeliov D. N. Expressive-ironic expression of denial and the negative assessment in the modern Russian / D. N. Shmeliov // selecta on Russian. – M. : Yazyki Slavyanskoy Kultury, 2002. – 888 pages – Page 311–336.

26. Elatik A. A. Elements of speech syntax in language of the modern Russian electronic media / A. A. Elatik // Philological sciences. Questions of the theory and practice: scientific-applied magazine. – 2016. – No. 10. – P. 3. – Page 161–168.

27. Baker C.-L. Double negatives // Linguistic inqury 1, 1970.

28. Leech G. N. Principles of pragmatics / G. N. Leech. – L., NY., 1983. – 250 pp.

29. Jespersen O. The Philosophy of Grammar. – London : New York, 1929. – P. 129–130.

Дата поступления статьи в редакцию: 05.04.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

УДК 80/81

Е. А. Сипрова
https://orcid.org/0000-0002-2743-7494

«Нравственные ценности»: языковое и концептуальное членение мира

В статье затрагивается вопрос о границах языкового и концептуального членения мира на уровне предельно абстрактных категорий, отличающихся от категорий базового уровня меньшим набором категориальных признаков и большей открытостью, позволяющей им постоянно изменять семантический объем и коннотативный потенциал. Предпринята попытка выяснить, как проецируются системные отношения на зону абстрактных понятий. В качестве материала исследования выбрана суперкатегория НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ (ДОБРОДЕТЕЛЬ), которая рассматривается в оппозиции к суперкатегории ГРЕХ. Была поставлена задача описать не только особенности систематизации знаний в рамках суперкатегории, но и диахронические изменения в этой систематизации. Было выявлено, что развитие суперкатегории ДОБРОДЕТЕЛЬ пережило три культурно-исторически обусловленных периода и характеризовалось направленностью от преобладания смыслов, сформированных религиозным мышлением (XVIII – начало XX вв.), через их постепенное вытеснение компонентами, сформированными бытовым мышлением (20–80-е гг. XX в.), до полной десакрализации (1990-е гг. – по настоящее время). Была поставлена задача проанализировать структуру антиномических суперкатегорий ДОБРОДЕТЕЛЬ и ГРЕХ и проследить, какое воплощение она получила в языке, менялась ли вслед за описанными выше изменениями в самой категории. Мы сузили область нашего анализа до семи смертных грехов, которые в своем развитии проходят те же три этапа, и поставили перед собой задачу установить, какие добродетели им противопоставлены. В данной статье содержится анализ категорий ТЩЕСЛАВИЕ и ЗАВИСТЬ. Результаты исследования показывают неравномерность распределения смыслов между суперкатегориями. Доказывается, что системные языковые связи не тождественны концептуальным.

Ключевые слова: абстрактные категории, категоризация, языковое членение мира, концептуальное членение мира, добродетель, грех, противопоставление, тщеславие, зависть.

E. A. Siprova

«Moral Values»: Linguistic and Conceptual Division of the World

The article touches upon the issue of boundaries of linguistic and conceptual division of the world at the level of extremely abstract categories that differ from basic categories by the smallest set of categorical attributes and the greatest openness, which allows the category to change its semantic volume and connotative potential. We tried to figure out how systemic relations are projected onto the zone of abstract concepts. A research material was the supercategory MORAL VALUES (VIRTUE), which is considered in opposition to the supercategory SIN. The task was to describe not only the features of the systematization of knowledge within the supercategory, but also the diachronic changes in this systematization. It was revealed that the development of the supercategory VIRTUE had three cultural-historically conditioned periods and was characterized by directionality from the prevalence of meanings formed by religious thinking (18th century – early 20th century), through their gradual replacement by components formed by everyday thinking (20–80-s of the 20-th century), until complete desacralization (the 1990-s – until now). The task was to analyze the structure of the antinomic supercategories of WITNESS and SIN, and to trace how it was embodied in the language, whether it changed after the changes described above in the category itself. We narrowed the area of our analysis to seven deadly sins, which in their development pass through the same three stages, and we set ourselves the task of determining which virtues they are opposed to. This article contains the analysis of the categories CONCEIT and ENVY. The results of this research showed uneven distribution of meanings between supercategories. It is proved that systemic language connections are not identical with conceptual ones.

Keywords: abstract categories, categorization, linguistic division of the world, conceptual division of the world, virtue, sin, opposition, conceit, envy.

Наше сознание членит мир, аккумулируя знания, которые объективируются с помощью языка. Границы между единицами знания и единицами языка совпадают на уровне базовых категорий, в которых фиксируются постоянные, конститутивные признаки объектов. В рамках данной работы рассматривается вопрос о том, будут ли совпадать границы языкового и концептуального членения действительности на уровне предельно абстрактных категорий, характеризующихся меньшим набором категориальных признаков и большей открытостью, позволяющей таким категориям постоянно изменять семантический объем и коннотативный потенциал.

Поскольку большая часть наших знаний систематизируется на уровне базовых категорий, они

© Сипрова Е. А., 2018

являются наиболее дифференцированными [5, с. 81] и характеризуются наличием относительно устойчивых системных отношений между воплощающими их словами. Мы решили выяснить, насколько четки и неизменны во времени логические отношения между абстрактными категориями.

Основоположник теории прототипов Э. Рош подчеркивала, что категории существуют в системе, и такая система включает в себя противопоставленные категории [5, с. 79]. Мы выбрали для изучения противопоставление как яркое проявление системных отношений. На поверхностном языковом уровне оно должно выражаться в антонимии. Известно, что категории базового уровня «характеризуются максимальной дистинктивностью – воспринимаемое подобие между членами категории в них максимизируется, в то же время воспринимаемое подобие между противопоставленными категориями минимизируется» [8, с. 37]. Важным для нашего исследования является то, как будут проецироваться системные отношения (синонимия и антонимия) на зону абстрактных понятий.

Мы будем опираться на тезис, что область смыслов в языке организована не как система, а как плазма, через которую непрерывно, по все время изменяющимся направлениям, проходят токи ассимилятивных и ассоциативных взаимодействий [2, с. 14]. Справедливость этого утверждения становится явной при обращении к уровню предельно абстрактных понятий, границы которых подвержены постоянным изменениям. Смысловые компоненты содержания этих категорий под влиянием меняющейся культуры, научных знаний, накапливающегося опыта и горизонтов ожидания в каждый переломный момент «контаминируются, сливаются, перетекают друг в друга, включаются во все новые соположения, высвечивающие в каждом из них все новые аспекты и свойства, подвергаются всевозможным модификациям и перефокусировкам» [2, с. 14]. Важным является тот факт, что значимое для нашей работы противопоставление при таком подходе не нейтрализуется: «полярные по своему изначальному значению элементы оказываются не чем иным, как различными поворотами этой непрерывно движущейся смысловой плазмы» [2, с. 341]. Происходящее в каждый отдельный период изменение объема категорий приводит лишь к корректировке системных связей, вызванной изменением смысловых компонентов категорий.

В данной работе рассматривается предельно абстрактная суперкатегория НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ (ДОБРОДЕТЕЛЬ) в оппозиции к суперкатегории ГРЕХ. Языковым материалом исследования послужило номинативное поле каждой из категорий. Рассматривалась сочетаемость и системные связи языковых единиц, воплощающих обе категории.

Поскольку ставилась задача описать не только особенности систематизации знаний в рамках суперкатегорий НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ (ДОБРОДЕТЕЛЬ) и ГРЕХ, но и диахронические изменения в этой систематизации, мы проанализировали изменения в понимании ДОБРОДЕТЕЛИ и определились с периодизацией.

Как показывают данные Национального корпуса русского языка, на первом этапе (XVIII – начало XX вв.) суперкатегория ДОБРОДЕТЕЛЬ, сформированная религиозным мышлением (*Божественный закон, нравственный закон)* переживает постепенные изменения под влиянием бытового (светского) мышления (здесь и далее все примеры приводятся по Национальному корпусу русского языка [6]). Это проявляется в метафорической проекции отвлеченного понятия на конкретные, освоенные жизненным опытом реалии. Сначала это метафора ДОРОГИ (*стезя добродетели, путь добродетели, дорога добродетели),* ориентационная метафора *(высшая добродетель),* с помощью которых задаются пространственно-временные характеристики. Аксиологические характеристики опосредуются с помощью метафоры ДРАГОЦЕННОСТЬ: *добродетель – золото, алмаз*. К ним добавляется прагматическая оценка: *польза добродетели*. Во второй половине XIX в. формируется антропоморфная метафора: *лицо добродетели* (М. Е. Салтыков-Щедрин, 1872), которая будет развиваться и в начале следующего – советского – периода (*путешествие добродетели* – Г. В. Плеханов, 1916–1918; *голос добродетели* – Ю. Н. Тынянов, 1935). Впрочем, несмотря на то, что светские компоненты приобретают все больший объем в содержательном наполнении категории, перевес на первом этапе остается за теми смыслами, которые сформированы религиозным мышлением.

Интересно, что в середине XIX в., в период адаптации идей Французской революции, периферия суперкатегории ДОБРОДЕТЕЛЬ попадает в суперкатегорию СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ. Появляется субкатегория ГРАЖДАНСКАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ: *«Петр, уважил представление Долгорукого, отменил указ. Вот черты* ***добродетели граждан-***

***ской**, черты, непонятные и не понимаемые настоящим временем»* (Н. Кутузов).

Второй этап развития супекатегории ДОБРОДЕТЕЛЬ приходится на советский период (20–80-е гг. XX в.). Христианские ценности заменяет «Моральный кодекс строителей коммунизма». В довоенный период (1925–1940 гг.) ДОБРОДЕТЕЛЬ начинается оцениваться с позицией СТАРЫЙ (ЛОЖНЫЙ) / НОВЫЙ (ИСТИННЫЙ), и языковая единица попадает в контексты отрицательной оценки: *фальшивая добродетель, напускная добродетель*. Слово часто употребляется в кавычках.

Под влиянием отчасти ницшеанских идей, отчасти осмысления библейской и российской истории русские философы-эмигранты открыли для себя антиномичность суперкатегории: *«По своей природе» порок от добродетели ничем не отличается»* (Л. И. Шестов, 1929). Так, языковые антонимы *добродетель – порок/грех* на концептуальном уровне слились в субкатегорию ЕСТЕСТВЕННАЯ СВОБОДА.

В военное время в суперкатегорию ДОБРОДЕТЕЛЬ попадают новые компоненты – *мужество, сила, исполнительность*.

В послевоенное время наступает кризис ценностей. *Добродетель* оказывается в рабстве у *порока*. Она *вынуждена склонять колени, просить разрешения, просить прощения* и проч. Снова актуализируются смыслы ИСТИННЫЙ/ЛОЖНЫЙ, из-за чего множатся контексты с негативными коннотациями: *притворная добродетель, мишурная добродетель, маска добродетели*. В 1980–90-е гг. антропоморфная метафора приобретает агрессивные черты: *воинствующая добродетель, по приказу добродетели, наказание добродетели.*

Третий, постсоветский, период развития суперкатегории ДОБРОДЕТЕЛЬ (1990-е гг. – по настоящее время) характеризуется окончательной десакрализацией понятия, что проявляется в речи следующим образом:

− растет число отрицательных контекстов употребления: *жалкая добродетель, мнимые добродетели, добродетель мертва и малоценна, добродетели деградировали, фашистские добродетели и др.* К ним можно добавить контексты иронического употребления: *«…замужняя женщина, довольствующаяся только двумя любовниками – образец добродетели»* (коллективный форум: Древний Рим и общество потребления); *«Женщины к нему так и липли, и это жутко отвлекало от добродетели»* (А. Иванов);

− добродетель и ее противоположность порок укладываются в модель ПРИЧИНА – СЛЕДСТВИЕ или осмысляются как составляющие одного целого: *«Бывает, что достоинства перерастают в недостатки, и чрезмерная добродетель давит на близких, раздражает не меньше, чем порок»* (Н. В. Кожевникова);

− осуществляется перенос с человека на неодушевленные предметы и явления: *«Российские частные нефтяные компании прославляют свои **добродетели** и продвинутый менеджмент, но «горячей нефтью», когда 30 долларов за баррель, не брезгуют»* (В. Попов);

− суперкатегория включается в другую суперкатегорию ПОТРЕБЛЕНИЕ (добродетели потребителя) или в метафору ПОТРЕБЛЕНИЕ: *одноразовая добродетель, цены на добродетель, добродетели отпускаются напрокат;*

− выделяются субкатегории ЖЕНСКАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ и МУЖСКАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ. Гендерные различия говорят о переходе от духовной к биологической интерпретации понятий;

− становятся возможными профессиональные добродетели: *добродетели научного сотрудника, добродетель сыщика, добродетель тюремщика.*

Десакрализация, вероятнее всего, связана с получившим широкое распространение нравственным релятивизмом.

Подводя итог первого этапа исследования, можно сказать, что развитие суперкатегории ДОБРОДЕТЕЛЬ пережило три культурно-исторически обусловленных периода и характеризовалось направленностью от преобладания смыслов, сформированных религиозным мышлением, через их постепенное вытеснение компонентами, сформированными бытовым мышлением, до полной десакрализации.

Для реализации целей нашего исследования необходимо проанализировать структуру антиномических суперкатегорий ДОБРОДЕТЕЛЬ и ГРЕХ и проследить, какое воплощение она получила в языке, менялось ли ее языковое воплощение вслед за описанными выше изменениями в самой категории. Необходимо подчеркнуть, что суперкатегории ДОБРОДЕТЕЛЬ и ГРЕХ изначально асимметричны: в Евангелии упоминается 73 греховных дела, а добродетелей всего 23. Асимметрия грехов и добродетелей в Новом Завете обычно трактуется как характеристика сил зла в земном мире и несовершенства природы падшего человека, которому необходимо через покаяние и очищение восстановить утраченную связь с Богом, то есть обрести свое духовное естество, это и

есть высоконравственный, добродетельный, истинный путь жизни. [4, с. 103]. Мы сузили область нашего анализа до семи смертных грехов и поставили перед собой задачу установить, какие добродетели им противопоставлены.

Стоит отметить, что список семи смертных грехов основан не на библейских, а на богословских текстах и что на начальном этапе выделения категорий нам пришлось решать вопрос о критериях отбора слов, которые можно считать общими наименованиями соответствующих категорий. Достаточно частотным является представление, что в качестве наименования выбираются слова, объективирующие информацию, важную для данной культуры. Но определение степени важности такой информации требует отдельного большого исследования, выходящего за рамки нашей работы, поэтому мы решили опираться на формальный показатель отбора ключевых слов – частоту употребления. С помощью такого метода нами выделены следующие категории: ТЩЕСЛАВИЕ, ЗАВИСТЬ, ГНЕВ, УНЫНИЕ, АЛЧНОСТЬ, ЧРЕВОУГОДИЕ, БЛУД. Исследование показало, что в своем развитии они проходят те же три этапа, которые были выделены нами для суперкатегории ДОБРОДЕТЕЛЬ. В данной статье представлен анализ категорий ТЩЕСЛАВИЕ и ЗАВИСТЬ.

Для того чтобы определить, какие категории им противопоставлены, то есть наполняют суперкатегорию ДОБРОДЕТЕЛЬ, мы проанализировали ближайшее контекстное окружение соответствующих слов, их системные и ассоциативные связи. Продуктивным оказалось обращение к «образ-схеме» [5, с. 368], [7, с. 240] ИСТОЧНИК – ПУТЬ – ЦЕЛЬ, которая на нашем материале получила выражение ГРЕХ – ПОКАЯНИЕ – ДОБРОДЕТЕЛЬ. При анализе каждой категории частные варианты этой образ-схемы организуют оппозиции.

Категория ТЩЕСЛАВИЕ на первом этапе (период господства религиозного осмысления пороков) противопоставлена двум категориям – ЛЮБОВЬ и СМИРЕНИЕ: *людское / человеческое / суетное тщеславие* – покаяние – *ангельское смирение* и *людское / человеческое / суетное тщеславие* – покаяние – *Божественная / святая любовь*.

Тщеславие оказывается синонимичным *славолюбию* (*«...льстить человеческому тщеславию и славолюбию»* – М. А. Корф). Это указывает на смысловое пересечение с категорией ЛЮБОВЬ. Любовь к собственной славе – это проявление любви к себе. Неслучайно ТЩЕСЛАВИЕ осмысляется через метафору контейнера, двояко связанного с человеком: он либо является вместилищем тщеславия (*в оном таится гордыня*), либо сам в него вмещается (*гордыня нас обымет*). Тесная связь с субъектом проявляется и в сочетаемости слов с буквальным значением: *личное тщеславие, мое тщеславие*. Если *тщеславие* – это любовь, направленная на себя, то *Божественная / святая любовь* – это любовь, направленная на весь мир, то есть от себя. В этом проявляются различия греха и добродетели.

В то же время концептуальные метафоры выдают начавшееся уже на первом этапе вытеснение религиозного осмысления категорий светским. Проявлением этого служит сходное восприятие любви и тщеславия как эмоциональных состояний: *«Любовь в душе, пылкой, страстной есть* ***болезнь****»* (Ф. В. Булгарин) и *«Тщеславие вообще опасная* ***болезнь****, но она становится неизлечимою, когда поселится в душе плохого стихотворца»* (А. В. Никитенко).

Тот факт, что ЛЮБОВЬ и СМИРЕНИЕ являются последним компонентом единой образной схемы, позволяет нам поставить вопрос о наличии пересечений этих категорий. Действительно, СМИРЕНИЕ (*покорность, кротость*) является структурным компонентом концепта ЛЮБОВЬ [3, с. 394]. Их роднит, в частности, ориентационная метафора: оба состояния направлены от человека: ср.: *любовь к ближнему, к миру, к Богу* и *«…когда смирение твое не могло* ***тронуть*** *ожесточенного врага»* (Н. М. Карамзин).

На втором этапе развития категории ТЩЕСЛАВИЕ разрушается образ-схема ИСТОЧНИК – ПУТЬ – ЦЕЛЬ. Прежде всего, это связано с тем, что ПОКАЯНИЕ утрачивает деятельностный характер. Противопоставление ТЩЕСЛАВИЯ и ЛЮБВИ минимизируется.

Меняется метафорическое осмысление *тщеславия*. Теперь это надутый, наполненной пустотой шар: *пустое тщеславие, гордыня как дыра, дутое тщеславие, гордыня изверглась* (= шар лопнул). В основе этих метафор лежат физиологические ощущения, а не душевные переживания, как прежде.

Оппозиция ТЩЕСЛАВИЕ – СМИРЕНИЕ оказывается прочной, так как она поддерживалась советской идеологией. Если ТЩЕСЛАВИЕ моральным кодексом и правовыми документами никак не регламентировалось, то СМИРЕНИЕ отвечало принципу «Свобода, равенство, братство!», поскольку, по сути, было умением не демонстрировать свои таланты на фоне других, менее способных людей. Напротив, ТЩЕСЛАВИЕ не может

не выказывать превосходство одного над другими (неравенство).

Размежевание религиозного и светского мышления проявляется в том, что оппозиция ДОБРОДЕТЕЛЬ – ГРЕХ начинает маркироваться: *религиозное смирение*. Немаркированное светское (советское) мышление оппозицию нейтрализует: *тщеславие как законная черта*. Категория ТЩЕСЛАВИЕ приобретает градуальность: *невинное тщеславие, обыкновенное тщеславие, чрезмерное тщеславие*. Градуальность проявляется и на лексическом уровне: *гордыня – гордость*. Показательно, что и при таком обозначении оппозиция ДОБРОДЕТЕЛЬ – ГРЕХ нейтрализована: *гордыня смиренна, смиренная гордость*.

Устаревание лексемы *тщеславие* и вытеснение ее словом *гордость* оказывает значительное влияние на структуру категории, так как *гордость*, в отличие от однозначного *тщеславия*, имеет четыре значения, три из которых наделены положительными коннотациями и одно отрицательным. С одной стороны, это 1) чувство собственного достоинства, самоуважения, 2) чувство удовлетворения от сознания достигнутых успехов, 4) о том, кем (чем) гордятся, с другой – 3) гордыня [1], то есть высокое мнение о себе и пренебрежение к другим, высокомерие. Перевес значений с положительными коннотациями приводит к тому, что на третьем этапе тщеславие из самой пагубной страсти переходит в *«одно из наиболее простительных качеств»* (В. Санин). Теперь оно понимается как амбициозность, желание занять лучшее положение в своей сфере деятельности: *тщеславие литератора, педагогическое тщеславие, тщеславие актера*.

В рамках нашего исследования был проведен опрос, в котором информантам предлагалось подобрать антоним к слову *тщеславие*. Среди ответов оказались *милосердие* (часто входит в микроконтекст слова *любовь*, см. [3, с. 90, 335], *скромность, робость* (ассоциаты СМИРЕНИЯ), *великодушие, самоотречение* (входят в категорию АЛЬТРУИЗМ, противопоставленную АЛЧНОСТИ – четвертому греху из нашего списка).

Этот эксперимент показал, с одной стороны, сохранение следов оппозиции ТЩЕСЛАВИЕ – ЛЮБОВЬ / СМИРЕНИЕ, а с другой – смещение фокуса внимания на периферию категорий ЛЮБОВЬ и СМИРЕНИЕ и даже на другие категории, входящие в ту же суперкатегорию. Таким образом, мы подтвердили, что рационально-логическое структурирование концептуального содержания сознания оказывается нестойким, границы между категориями с течением времени размываются.

Другой смертный грех – ЗАВИСТЬ – это градуированная категория, обозначающая различные уровни неприязни и вражды от *соревнования* (*зависть – сестра соревнования* – А. С. Пушкин) через *ревность* (подробнее см. [3, с. 210–256]) вплоть до *ненависти*. Градацию отражает и ассоциативно-образный признак категории: она осмысляется через цвета с противоположными символическими значениями – *черная* и *белая*.

Для анализа данной категории мы взяли два крайних члена – *чувство соревновательности* (вызывающее досаду из-за невозможности достичь чужого уровня) *и ненависть* (вызывающую злобу).

Чувству *соревновательности* с семантической точки зрения оказались противопоставлены *доброжелательность* (входит в категорию ДОБРОТА), *дружелюбие* (ДРУЖБА), *уважение к сопернику* (УВАЖЕНИЕ). Две последние категории древнегреческие философы включали в категорию ЛЮБОВЬ: они выделяли любовь-дружбу (φιλία), и любовь-уважение (συμπάθεια) [Цит. по: 3, с. 57].

Если мы говорим о *зависти,* граничащей с *ненавистью*, то в качестве добродетели ей противопоставляется ЛЮБОВЬ (выражается языковой антонимией *ненависть – любовь*). Анализ концептуальных метафор позволяет выявить противопоставление *любви*-союзника (каузатора) *зависти*-противнику: *любовь побуждает/заставляет/доводит до*, но *подавить зависть, бороться с завистью, зависть обовьет тебя и сдавит, как змеи*.

Мы видим, что градуальность категории накладывает отпечаток на членение концептуального содержания сознания: чем меньше проявляется чувство зависти, тем больше корреляций у категории ГРЕХ с категорией ДОБРОДЕТЕЛЬ, и наоборот, чем чувство сильнее, тем оппозиций меньше, но они проявляются отчетливее. Кроме того, выяснилось, что ЛЮБОВЬ оказывается добродетелью, противопоставленной как минимум двум грехам – ТЩЕСЛАВИЮ и ЗАВИСТИ.

Своеобразие категории ЗАВИСТЬ проявляется в том, что диахронически она не изменяется. Так что и по этому показателю симметрия суперкатегории с ее частями, а также частей (категорий) между собой отсутствует.

Результаты исследования, включая и результаты анализа не представленных в данной статье оппозиций, обобщены в виде таблицы (см. *Таблица 1*).

Таблица 1

Противопоставление суперкатегорий ДОБРОДЕТЕЛЬ и ГРЕХ

Добродетель / Грех	Любовь	Смирение	Доброта	Щедрость	Жажда знаний	Аскетизм	Верность	Целомудрие	Радость	Трудолюбие
Тщеславие	+	+								
Зависть	+		+							
Гнев	+	+								
Алчность				+	+					
Чревоугодие						+				
Блуд	+						+	+		
Уныние									+	+

Таблица показывает неравномерность распределения смыслов между суперкатегориями ДОБРОДЕТЕЛИ (не менее 10 включенных категорий) и ГРЕХИ (7 категорий). Одной категории из группы грехов могут быть противопоставлены 1 или 2 категории из группы добродетелей, одной добродетели противостоят от 1 до 4 грехов. Кроме того, наше исследование не выявило в суперкатегории ГРЕХИ смысловых компонентов, которые можно было бы противопоставить обнаруженным нами в контексте сочетаний *нравственные ценности, вечные ценности* понятиям *честь, достоинство; долг, служение; самосовершенствование; ответственность*.

Можно сделать вывод, что системные языковые связи не тождественны концептуальным. На концептуальном уровне противоположное со временем может становиться подобным или тождественным, а таксономия выстраивается в соответствии с законом относительности.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2004. – 1534 с.

2. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования [Текст] / Б. М. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.

3. Евтушенко, О. В. Художественная речь как инструмент познания [Текст] / О. В. Евтушенко. – М. : Языки славянской культуры, 2010. – 552 с.

4. Куркина, Т. Н. Семантика добродетели в русской литературе XVIII века [Текст] / Т. Н. Куркина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – М. : Изд-во МГОУ, 2011. – № 5. – С. 102–108.

5. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении [Текст] / Дж. Лакофф. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 792 с.

6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru

7. Gibbs, R. W. The Cognitive psychological reality of image schemas and their transformations / H.-L. Colston, R. W. Gibbs // Cognitive linguistics: basic readings / ed. by D. Geeraerts. – Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 2006. – P. 239–268.

8. Rosch, E. H. Principles of Categorization / E. H. Rosch // Cognition and Categorization. – Hillsdale, N. J. : Lawrence Erlbaum, 1978. – P. 27–48.

Bibliograficheskij spisok

1. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Tekst] / gl. red. S. A. Kuznecov. – SPb. : Norint, 2004. – 1534 s.

2. Gasparov, B. M. Jazyk, pamjat', obraz. Lingvistika jazykovogo sushhestvovanija [Tekst] / B. M. Gasparov. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. – 352 s.

3. Evtushenko, O. V. Hudozhestvennaja rech' kak instrument poznanija [Tekst] / O. V. Evtushenko. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2010. – 552 s.

4. Kurkina, T. N. Semantika dobrodeteli v russkoj literature XVIII veka [Tekst] / T. N. Kurkina // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. – M. : Izd-vo MGOU, 2011. – № 5. – S. 102–108.

5. Lakoff, Dzh. Zhenshhiny, ogon' i opasnye veshhi. Chto kategorii jazyka govorjat nam o myshlenii [Tekst] / Dzh. Lakoff. – M. : Jaz. slavjan. kul'tury, 2004. – 792 s.

6. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [Jelek-tronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.ruscorpora.ru

7. Gibbs, R. W. The Cognitive psychological reality of image schemas and their transformations / H.-L. Colston, R. W. Gibbs // Cognitive linguistics: basic readings / ed. by D. Geeraerts. – Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 2006. – P. 239–268.

8. Rosch, E. H. Principles of Categorization / E. H. Rosch // Cognition and Categorization. – Hillsdale, N. J. : Lawrence Erlbaum, 1978. – P. 27–48.

Reference List

1. Big explanatory dictionary of Russian / editor-in-chief S. A. Kuznetsov. – SPb. : Norint, 2004. – 1534 pages.

2. Gasparov B. M. Language, memory, image. Linguistics of language existence/ B. M. Gasparov. – M. : Novoe Literaturnoe Obozrenie, 1996. – 352 pages.

3. Evtushenko, O. V. Artistic speech as knowledge instrument / O. V. Evtushenko. – M. : Yazyki Slavyanskoy Kultury, 2010. – 552 pages.

4. Kurkina T. N. Semantics of virtue in the Russian literature of the 18th century / T. N. Kurkina // Bulletin of Moscow State Regional University. – M. : MSRU Publishing House, 2011. – No. 5. – Page 102–108.

5. Lakoff J. Women, fire and dangerous things. What categories of language tell us about thinking / J. Lakoff. – M. : Yazyki Slavyanskoy Kultury, 2004. – 792 pages.

6. National case of Russian [An electronic resource]. – Access mode: http://www.ruscorpora.ru.

7. Gibbs R. W. The Cognitive psychological reality of image schemas and their transformations / H.-L. Colston, R. W. Gibbs // Cognitive linguistics: basic readings / ed. by D. Geeraerts. – Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 2006. – P. 239–268.

8. Rosch E. H. Principles of Categorization / E. H. Rosch // Cognition and Categorization. – Hillsdale, N. J. : Lawrence Erlbaum, 1978. – P. 27–48.

Дата поступления статьи в редакцию: 12.04.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

Германские языки

10.24411/2499-9679-2018-10043
УДК 81

Э. Б. Арутюнян
https://orcid.org/0000-0002-2177-1635

И. Б. Руберт
https://orcid.org/0000-0002-8140-7069

Интерпретация художественного текста как его десакрализация (на примере романа В. Вульф «Волны»)

Творческий процесс создания художественного текста можно трактовать как нечто тайное, противопоставляемое профанному и мирскому, другими словами, как некий сакральный акт. Сакральный смысл текстов в древности был доступен замкнутой группе носителей магических знаний, поверхностное, профанное значение понималось широким кругом реципиентов. При этом стремление к сакральному, поиск истины и желание разгадать, познать неизведанное остается неотъемлемой чертой человека и сегодня. В статье делается попытка десакрализовать, реконструировать роман В. Вульф «Волны» с тем, чтобы ответить на вопрос, о чем он был написан. В статье выделяется несколько основных тем, звучащих в романе: (1) проблема идентификации человека, (2) роман-автобиография или роман-биография друзей В. Вульф, (3) роман-эпитафия старшему брату В. Вульф, (4) роман-поэма, (5) роман-молчание, (6) роман-ничто. При этом сквозной темой романа, его лейтмотивом, механизмом, порождающим весь текст, устанавливающим связи между фрагментами и определяющим целостность романа как такового, становятся волны. Они присутствуют в романе и физически, и угадываются в ритме размышлений героев, в цикличности и повторяемости мыслительного процесса, и становятся его блистательной метафорой. Герои романа, подобно волнам, отличаются друг от друга, но подвластные единому ритму, они сливаются в единое мыслительное, языковое пространство.

Ключевые слова: десакрализация, идентификация, внутренний монолог, волны, роман-молчание, роман-ничто.

Germanic languages

E. B. Arutyunyan, I. B. Rubert

Interpretation of a Literary Text as an Act of Desacralization (based on «The Waves» by V. Woolf)

The creation of a literary text can be rendered as something mysterious, opposite to the profane and mundane, as a sacred act in other words. The sacred meaning of the ancient texts was available only to the closed circle of the medium of the sacred knowledge; the superficial, profane meaning was open to the masses. But the craving for the sacred knowledge, the pursuit for truth stays humane and natural. The article attempts to desacralize, to reconstruct the novel, trying to answer the major question what the novel was written about. It is focused on the following dominant themes: (1) an identification of a person, (2) an autobiography or biography of V. Woolf's friends, (3) a novel as an epitaph to V. Woolf's eldest brother, (4) a novel as a poem, (5) a novel – silence, (6) a novel – nothingness. Apart from the above themes, the waves become a major motif of the novel, a through theme, a mechanism that recreates the text, that states the links between the episodes, that defines the integrity of the novel as it is. The waves exist in the novel physically and can be heard in the thoughts of the main characters, in the repetition and cyclicity of their cogitative processes. The waves become a brilliant metaphor of their contemplations. The main characters differ from each other as waves but being orchestrated by the rhythm of the novel, they become united in one cogitative and language space.

Keywords: desacralization, identification, inner soliloquy, waves, a novel-silence, a novel-nothingness.

Текст обладает способностью возбуждать в реципиенте эстетические и эмоциональные переживания, порождать в его сознании новые смыслы и эмоции. «Подобно тому, как биосфера при помощи солнечной энергии перерабатывает неживое в живое, так и семиосфера при помощи энергии человеческого интеллекта и слова создает по принципу дополнительности новые идеи и смыслы из ранее уже оформленных в виде текстов» [1, с. 19].

Парадигматика текста вследствие гибкости его структуры векторна и имплицитна, в то время как

© Арутюнян Э. Б., Руберт И. Б., 2018

синтагматика задана навсегда, эксплицитна и конечна. Не случайно автор или переписчик древней рукописи редко использовал то, что мы знаем как заглавие, он писал непрерывным текстом, обычно отмечая начало фрагмента или отрывка большой заглавной буквой или *имплицитом (implicit)*, а конец – *эксплицитом (explicit)* или словом *«amen» (истина)* [4, с. 22]. Письменное произведение до его прочтения содержит в себе некую «тайну», которая раскрывается «посвященному» читателю. Самые ранние тексты, древние надписи обладали сакральным характером, магические функции приписывались и графическим элементам, составляющим такие тексты. Например, рунический знак являлся не только графическим, имеющим звуковое соответствие, но соотносился с определенным референтом, который мог символизировать божество или мифологически значимое понятие. Так, руна b (berkana) со значением «береза» соотносилась с деревом Фригг, богини любви, брака, домашнего очага; руна o (othal) означала огороженное пространство человека, его «срединный мир» на оси Мирового дерева. За такими графемами, имевшими звуковое соответствие, «кроется несколько семантических уровней» [2, с. 54]. Сакральный смысл древних надписей был доступен замкнутой группе носителей магических знаний, поверхностное «профанное» значение понималось более широким кругом реципиентов. В дальнейшем графические символы обрели лишь звуковое соответствие, но стремление к сакральному, поиск истины и желание разгадать, познать неизведанное остается неотъемлемой чертой Homo Sapience.

Поскольку художественный текст «следовало бы рассматривать как феномен, непосредственно примыкающий к мыслительным процессам в таинственной и непредсказуемой подкорке», творческий процесс его создания следует трактовать как нечто тайное, чудесное, с благоговением почитаемое и противопоставляемое профанному и мирскому, другими словами, как некий сакральный акт [3, с. 89]. Неоднозначные приемы актуализации, амбивалентность семантики, полифония – смысловая игра, возникающая благодаря системам перекодировки в современных литературных текстах, предполагает множественность интерпретаций сообщения и принципиально исключает однозначность. Интерпретация любого художественного текста является, своего рода, десакрализацией творческого процесса автора, попыткой «размотать» его многослойный творческий клубок с тем, чтобы сделать произведение понятным и доступным читателю.

Десакрализация текста приводит к его пониманию в качестве некоторой последовательности тем, образов, смыслов; происходит попытка реконструкции произведения – читатель разбирает, раскладывает его на понятные составляющие и вновь собирает в единое целое, но уже в удобной для пересказа форме, лишая его основной сакральной творческой составляющей. Происходит, своего рода, «обесценивание» авторского творческого процесса, направленного ровно в противоположную сторону процессу интерпретации художественного текста.

Рассмотрим данный процесс десакрализации художественного текста на примере романа «Волны», написанного В. Вульф в 1931 г. Роман «Волны» считается лучшей из книг В. Вульф, кульминацией ее оригинальных и инновационных экспериментов с литературной формой. При этом роман остается одним из трудных произведений, требующим от читателя большой концентрации и усилий, чтобы не только преодолеть сам текст, но и по-настоящему осознать прочитанное. О чем же этот роман?

В своем дневнике писательница называла роман «абстрактной мистической книгой: пьесой-поэмой», отсюда и невозможность его пересказа. Точнее, пересказу поддается только та фактическая, «сюжетная» линия произведения, которая повествует о «внешней» жизни семи героев – Бернарда, Сьюзен, Роды, Невила, Джинни, Луи и Персиваля, – охватывая их детство, школьный возраст, затем юность и студенчество, зрелость, старение и увядание, когда в последнем фрагменте Бернард подводит итог своей жизни и жизни своих друзей, олицетворяя собой их всех. Мы узнаем, что Луи – сын банкира из Брисбена и говорит с австралийским акцентом, так же, как и Бернард, он становится успешным бизнесменом; Бернард женится и заводит семью; Рода становится возлюбленной Луи и заканчивает жизнь самоубийством; Сюзан, в которую влюблен Персифаль, выходит замуж за фермера и рожает детей; Джинни принадлежит Лондону и меняет возлюбленных одного за другим; Невил, тайно влюбленный в Персиваля, скрывает свою любовь к нему за стихами и отношениями с другими мужчинами. В романе приводится несколько ярко кинематографичных сцен, описывающих наиболее интенсивные моменты из жизни друзей, тем самым показывая, как мог бы писаться этот роман, если бы он был о внешних фактах жизни героев – прием повествования, на котором держа-

лась литература XIX в. Это и отъезд Бернарда из дома в школу, возвращение на поезде из школы после ее окончания, сцена, когда Бернард делает предложение своей будущей жене, встреча с Персивалем в ресторане Лондона и их последний совместный ужин, поездка в Хемптон-Корт и тризна по Персивалю и т. д.

Но роман совсем не о внешних событиях из жизни героев. Роман построен на их внутренних монологах. Формулы, открывающие монологи каждого героя: «said Neville», «said Susan», «said Jinny», «said Bernard», «said Rhoda», «said Louis», – совсем не означают, что монологи произносятся вслух, наоборот, это роман, который называют романом-молчанием, поэтому это монологи, произносимые внутри, в сознании каждого из героев, и направленные вовнутрь. Слова, лишенные звука и эмоции, предстают в своем первобытном и очищенном смысле.

Автор старается убрать все внешнюю атрибутику героев, чтобы не отвлекать читателя от их внутренних монологов; идентификация героев происходит посредством их языка, их мыслей, навязчивых образов, которые постоянно возвращаются в их монологи и позволяют безошибочно угадывать, кому из шести «звучащих» героев принадлежат те или иные размышления. Так, например, в монологи Роды все время возвращается образ кораблей: «All my ships are white… I have a fleet now sailing from shore to shore.» / «I can think of my Armadas sailing on the high waves». Луи пытается зафиксировать мгновение своей жизни в истории: «in the long, long history that began in Egypt, in the time of the Pharaohs, when women carried red pitchers to the Nile», и образ древних египтянок, несущих красные кувшины к Нилу, становится сквозным в его монологах. К нему он всегда обращается, чтобы определить начало истории, наравне с образом верблюдов, топающих копытами по берегу моря – «the chained beast stamps and stamps on the shore». Бернард все время обращается к образу слов – «words and words and words, how they gallop – how they lash their long manes and tales, but for some fault in me I cannot give myself to their backs; I cannot fly with them, scattering women and string bags».

Действительно, язык и образы у каждого героя свои, поэтому формулы «сказала Рода», «сказал Луи», «сказал Бернард» и т. д. становятся довольно условными: даже без их участия читатель догадывается, кто говорит в этот момент. Но связь между героями невероятно тесная – «but when we sit together, close, we melt into each other with phrases», «I am not one and simple but complex and many». Поэтому постепенно навязчивые, характерные образы одного героя заимствуются в монологи другого, границы между ними стираются, происходят переходы из одного монолога в другой, монологи переплетаются между собой. И несмотря на то, что язык, с одной стороны, помогает идентифицировать каждого из героев, с другой стороны, именно язык и усиливает проблему их идентификации, предлагая им общее языковое пространство, стирая все грани и различия. Именно поэтому в последнем монологе Бернарда его образ сливается с остальными героями романа, превращая личное местоимение ***«я»*** в полифонию шести голосов.

И как бы мы ни старались узнавать в каждом из героев друзей и близких В. Вульф, нельзя не забывать ее собственное признание в одном из писем: «I did mean that in some way we are the same person, and not separate people. The six characters were supposed to be one».

Наряду со множеством интерпретаций самого содержания романа «Волны», прочтение романа как элегии, литературной эпитафии, посвященной старшему, рано умершему брату В. Вульф, также имеет право на существование. Тоби Стивенс выведен в романе под именем Персиваля. Героическое имя Персиваль в романе определяет роль этого персонажа: он – рыцарь, идеал, лидер, герой, языческий идол, бог. Именно поэтому Персиваль всегда отстранен и молчалив, не вливается в авторское шестиголосие и предстает перед нами только в сознании его друзей, их глазами, их размышлениями, их воспоминаниями, даже спустя много лет после его смерти в романе. Его удаленность и противопоставление остальным героям объясняется и тем, что между годом смерти Тоби и годом написания романа почти четверть века.

Физическое присутствие Персиваля в романе очень кратковременно: он появляется во втором фрагменте, посвященном школьным, осознанным годам героев, и погибает в Индии в 25 лет, упав с лошади, в пятом эпизоде – середине романа. При этом Персиваль остается центральной фигурой романа, «an absent centre», предопределяющей его композицию и структуру, обеспечивающей все необходимые связи среди героев и сюжетных линий [5, с. xxxv].

С самого первого появления Персиваля в романе, когда мы его видим глазами влюбленного в него Невила, ему сразу же отводится доминирующее положение среди героев («*upright among the smaller fry*»), как способного объединять вокруг

себя всех остальных. Именно поэтому Невил, Луи и Бернард видят его то ветхозаветным проповедником, то блистательным средневековым полководцем, то сосредоточенным на крикете игроком – всегда в окружении других, готовых раболепно следовать за ним, куда бы он их ни повел (*«everybody follows Percival», «look at us trooping after him, his faithful servants, to be shot like sheep», «with the small fry trotting subservient after him», «the little boys trooped after him across the playing-fields»*).

Подобно патриарху, Персиваль всегда выделяется среди друзей своей высокой и тяжеловесной фигурой *(«He breathes through his straight nose rather* ***heavily****», «He is* ***heavy****. He walks* ***clumsily down*** *the field, through the long grass, to where the* ***great*** *elm trees stand. His* ***magnificence*** *is that of some mediaeval commander», «and then we all feel Percival lying* ***heavy*** *among us», «that is Percival, lounging on the cushions,* ***monolithic,*** *in* ***giant*** *repose»*). Его лексическое сопровождение передает его мощь и грубость порой: *«Percival* ***destroys*** *it, as he* ***blunders off****,* ***crushing*** *the grass»; «he is* ***brutal*** *in the extreme».*

Студенческие годы заканчиваются, и «шестиголосье» рассыпается (каждый «голос» сосредоточивается на своей жизни), и именно Персиваль вновь собирает всех вместе на последний ужин, подобно последней трапезе Христа, в Лондоне перед своим отъездом в Индию. Он выполняет ‘соборную’ роль, объединяя всех героев вокруг себя, наполняя их жизни смыслом и светом, защищая их стенами дома, который он для них построил («*this globe whose walls are made of Percival, of youth and beauty*»). Мотивы света и огня, сопровождающие каждое появление Персиваля в романе, перекликаются здесь с рыцарем Персивалем и Священным Граалем и придают образу Персиваля в романе еще больше геройства и блеска («*how fan the fire so that it blazes for ever?.. Now Percival is gone*»). Персиваль, по сути, является символом света, к которому стремятся шесть героев романа, как мотыльки на огонь лампы. В. Вульф была увлечена этим образом при создании романа, который она изначально планировала назвать «Мотыльки» .

В середине романа Персиваль погибает в Индии, и таким образом его смерть становится центральным событием произведения, вызывая шок (*«there stands the tree that I can not pass» (Neville), «there is a puddle and I can not cross it» (Rhoda)*), опустошение и кризис в жизни остальных героев (*«but without Percival there is no solidity. We are silhouettes, hollow phantoms moving mistily without a background*»). Они остаются без своего героя и лидера, место, где раньше восседал их бог, опустело, свет погас, и ‘мотыльки’ перестают быть видимыми, как будто бы перестают существовать.

Но в восьмом эпизоде, уже пожилыми людьми, они вновь воссоединяются на тризну по Персивалю в Хемптон Корте, и это место встречи друзей, которые не видели друг друга многие годы, неслучайно. Когда-то Бернард отказался от приглашения Персиваля поехать в Хемптон Корт, именно там он и собирает всех на последний совместный ужин, ужин без Персиваля (*«the door will not open; he will not come»*). В Хемптон Корте они оказываются ближе всего к месту его гибели, здесь закончил свои дни один из английских королей, упав с лошади, споткнувшейся о нору крота («*we deserve then to be tripped by molehills*», «*a King, riding, fell over a molehill here»*), и эта бесславная королевская смерть перекликается со случайной не-геройской гибелью Персиваля в Индии.

В романе образ Персиваля выполняет текстообразующую функцию, он является внутренней опорной частью всего «сюжетного» повествовательного корпуса, на котором укрепляются остальные персонажи и с помощью которого выстраиваются основные сюжетные линии и связи.

И если в тексте девяти «сюжетных» эпизодов Персиваль является центральным текстопорождающим механизмом, связывающим и персонажи и «события» внутри них, то интерлюдии, предшествующие каждому повествовательному эпизоду, предопределяют сами сюжеты.

Десять интерлюдий, выполненных в импрессионисткой манере, представляют собой целый природный цикл и описывают разное время суток – от восхода солнца до его заката, отрезок времени, длиной в один день. Каждая из них начинается с определения местонахождения солнца не небосклоне: «*The sun had not risen yet» / «The sun rose higher» / «The sun rose»* / «*The sun, risen…bared its face and looked straight over the waves»* / «*The sun had risen to its full height»* / «*The sun no longer stood in the middle of the sky»* / «*The sun had now sunk lower in the sky»* / «*The sun was sinking»* / «*Now the sun had sunk».* Положение солнца фиксирует не только момент суток, описанный в интерлюдии, но и соответствует определенному периоду жизни шести героев: детству, школьному возрасту, юности, студенчеству, зрелости и старению.

Продолжая «разматывать» творческое полотно В. Вульф, нельзя не упомянуть о главном дей-

ствующем лице интерлюдий – о волнах. Волны – это тема времени, безличности природы, неуловимости и изменчивости жизни, неминуемости смерти и, одновременно, бесконечности движения и существования. Именно поэтому роман заканчивается последней десятой интерлюдией («*The waves broke on the shore*»), предназначением которой является не порождение соответствующего повествовательного эпизода в романе, но философского послевкусия романа – размышлений о неминуемости смерти, но в то же время и неминуемости новой волны, нового движения и новой жизни.

Волны становятся сквозной темой романа, его лейтмотивом, механизмом, порождающим весь текст, устанавливающим связи между фрагментами и определяющим целостность романа как такового. И если в интерлюдиях волны присутствуют физически, то в монологах героев волны угадываются в ритме размышлений героев, в цикличности и повторяемости мыслительного процесса и становятся его блистательной метафорой. Герои романа, подобно волнам, отличаются друг от друга, но подвластные единому ритму (в данном случае, ритму их размышлений), они сливаются в единое мыслительное, языковое, «морское» пространство.

В. Вульф неслучайно называла роман поэмой, поскольку именно ритм, ритм набегающих волн или ритм приходящих мыслей лежит в основе структуры, композиции и семантики текста романа. Волны создают определенный текстовой ритм, передают его музыкальность и звучание, обеспечивают роман постоянным движением и нескончаемой энергией: *«the grey cloth (=the sea) became barred with* ***thick strokes*** *moving,* ***one after another****, beneath the surface,* ***following each other****,* ***pursuing each other****,* ***perpetually****» / «the* ***concussion*** *of the waves breaking fell* ***with muffled thuds****, like logs falling, on the shore» /* «*the thin swift waves as the raced fan-shaped over the beach. …as* ***they splashed and drew back****…» /* «*The waves* ***drummed*** *on the shore, like turbaned warriors…» /* «*They* ***fell with a regular thud****. They fell with* ***the concussion of horses'hooves on the turf****. …They drew in and out with the energy, the muscularity, of an engine which sweeps it force out and in again» /* «*The waves* ***broke*** *and spread their waters swiftly over the shore. One after another they* ***massed themselves and fell****;* ***the spray tossed itself back with the energy of their fall.*** *…The waves fell; withdrew and fell again, like* ***the thud of a great beast stumping****» /* «*The waves massed themselves, curved their backs and* ***crashed****. Up spurted stones and shingle. They swept round the rocks, and the spray, leaping high, spattered the walls of a cave that had been dry before, and left pools inland, where some fish stranded lashed its tail as the wave drew back» / «The waves* ***breaking*** *spread their white fans far out over the shore, sent white shadows into the recesses of* ***sonorous*** *caves and then rolled back* ***sighing*** *over the shingle».*

Из этого шума, шепота, шуршания и грохота волн и рождаются шесть «беззвучных» монологов, происходящих на уровне сознания главных героев и открывающих их подлинную сущность и индивидуальность, которые затем сливаются в единый голос Бернарда, единое человеческое сознание («*I am not one and simple, but complex and many*»). В этом приеме угадывается метафорическое преломление *волн*, разбивающихся на множество брызг и вновь собирающихся в единый поток.

Беззвучные монологи, растворяющиеся в едином пространстве человеческого сознания, подводят нас к еще одной интерпретации романа «Волны» как романа-ничто. Превращения в ничто боится Рода, цепляясь за перила кровати: «but I will stretch my toes so that they touch the rail at the end of the bed; I will assure myself, touching the rail, of something hard. Now I cannot sink».

В вышеприведенной попытке «разобрать», «размотать», реконструировать и таким образом десакрализировать роман «Волны», чтобы ответить на вопрос, о чем он был написан, мы выделяем несколько прозвучавших выше тем: (1) проблема идентификации человека, (2) роман-автобиография или роман-биография друзей В. Вульф, (3) роман-эпитафия старшему брату В. Вульф, (4) роман-поэма, (5) роман-молчание, (6) роман-ничто. Мы не можем быть уверенными, что только эти темы «вплетались» автором в вязь романа, но они являются наиболее прочитываемыми и узнаваемыми в процессе его интерпретации и, тем самым, помогают понять это совершенное, оригинальное и остающееся до сих пор – почти сто лет спустя – инновационным литературное произведение.

Библиографический список

1. Арнольд, И. В. Герменевтика, эстетика и риторика [Текст] // Лингвистические и дидактические аспекты анализа текста. – СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. – С. 19–27.

2. Курчанов, Н. Л. Древнегерманские руны: магический текст как символико-поэтическое единство [Текст] // Лингвистические и дидактические аспекты анализа текста. – СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. – С. 53–59.

3. Смирнов, Г. Метафизика Венеции [Текст] / Г. Смирнов. – М. : ОГИ, 2017. – 368 с.

4. Sampson G. The Cambridge Book of Prose and Verse in Illustration of English Literature from the Beginnings to the cycles of Romance. – Cambr. Univ. Press, 1924.

5. The diary of Virginia Woolf. Volume IV. – Edited by Anne Olivier Bell, 1983. – 402 p.

6. Woolf, V. The waves. – Edited with an introduction and notes by Kate Flint. – Penguin Books, 2000. – 240 p.

Bibliograficheskij spisok

1. Arnol'd, I. V. Germenevtika, jestetika i ritorika [Tekst] // Lingvisticheskie i didakticheskie aspekty analiza teksta. – SPb. : RGPU im. A. I. Gercena, 1999. – S. 19–27.

2. Kurchanov, N. L. Drevnegermanskie runy: magicheskij tekst kak simvoliko-pojeticheskoe edinstvo [Tekst] // Lingvisticheskie i didakticheskie aspekty analiza teksta. – SPb. : RGPU im. A. I. Gercena, 1999. – S. 53–59.

3. Smirnov, G. Metafizika Venecii [Tekst] / G. Smirnov. – M. : OGI, 2017. – 368 s.

4. Sampson G. The Cambridge Book of Prose and Verse in Illustration of English Literature from the Beginnings to the cycles of Romance. – Cambr. Univ. Press, 1924.

5. The diary of Virginia Woolf. Volume IV. – Edited by Anne Olivier Bell, 1983. – 402 p.

6. Woolf, V. The waves. – Edited with an introduction and notes by Kate Flint. – Penguin Books, 2000. – 240 p.

Reference List

1. Arnold I. V. Hermeneutics, aesthetics and rhetoric // Linguistic and didactic aspects of the analysis of the text. – SPb. : Herzen RSPU, 1999. – Page 19–27.

2. Kurchanov N. L. Old German runes: magic text as symbolic and poetic unity //Linguistic and didactic aspects of the analysis of the text. – SPb. : Herzen RSPU, 1999. – Page 53–59.

3. Smirnov G. Metaphysics of Venice / G. Smirnov. – M. : OGI, 2017. – 368 pages.

4. Sampson G. The Cambridge Book of Prose and Verse in Illustration of English Literature from the Beginnings to the cycles of Romance. – Cambr. Univ. Press, 1924.

5. The diary of Virginia Woolf. Volume IV. – Edited by Anne Olivier Bell, 1983. – 402 p.

6. Woolf V. The waves. – Edited with an introduction and notes by Kate Flint. – Penguin Books, 2000. – 240 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.04.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

УДК 81'38

А. В. Петрушкина
https://orcid.org/0000-0003-0174-1735

Гендерный аспект фразеологической номинации лица с компонентом-антропонимом в современном немецком языке

Актуальность исследования обусловлена возросшим интересом в современной лингвистике к вопросу гендера и его проявления на лексическом уровне. Настоящая статья посвящена исследованию гендерного макрокомпонента в семантике фразеологической номинации лица (ФНЛ) с компонентом-антропонимом. Каждый объект жизнедеятельности человека обладает каким-либо наименованием, что необходимо для возможности передавать информацию от человека человеку. События в жизни общества, исторические процессы и т.д. влияют на появление новых лексических единиц. Кроме того, происходит ассоциация уже имеющихся слов с новыми явлениями. Однако такие процессы фиксируются языком в том числе и за счет фразеологизации. Устойчивые словосочетания отражают народную мысль, то есть то, что является опытом предыдущих поколений. Происходит ассоциация и имен собственных с новыми явлениями и процессами. В статье рассматриваются группы фразеологизмов, в которые удалось объединить отобранные номинации относительно их значений. Часть ФНЛ является символами, часть характеризует человека относительно каких-либо характеристик и особенностей, отдельно рассмотрена группа «глупый человек», а также обозначения профессий. Предпринята попытка обосновать неравную языковую репрезентацию, что во многом связано как с широким полем деятельности мужчин, так и с тем фактом, что оценка женщин осуществляется мужчинами. Обнаружено сходство значений фразеологизмов с определенной структурой. Андроцентризм современного немецкого языка подтверждается наличием большего количества фразеологических номинаций мужчин, чем номинаций женщин. Вариативность мужских имен собственных, перешедших в нарицательные, также шире.

Ключевые слова: гендер, языковая картина мира, фразеологическая картина мира, коммуникация, номинация лица, андроцентризм, фразеологическая номинация лица, антропоним, символ, десемантизация, гендерная ассиметрия, гендерный макрокомпонент.

A. V. Petrushkina

Gender Aspect of the Phraseological Nomination of a Person with the Anthroponymic Component in the Modern German Language

The research is relevant due to the increase of modern linguistics interest to gender and its manifestation at the lexical level. This article is devoted to the study of the gender macrocomponent in the semantics of the phraseological nomination of a person with a component – anthroponym. Each object of a human life has a name, which is necessary for the ability to transfer information from person to person. Events in the life of society, historical processes, etc., affect the appearance of new lexical units. There is also an association of already existing words with new phenomena. However, such processes are recorded in the language, including through phraseology. Set expressions reflect people's thought, what is the experience of previous generations. There is also the association of proper names with new phenomena and processes. The variability of the male proper names, which become common names, is also wider. In the article, groups of phraseological units were considered, where it was possible to combine the selected nominations in relation to their meanings. One Part of the phraseological nomination of a person is a symbol, another part characterizes a person with respect to any characteristics and features, the group «stupid person» is separately considered, and also the group «job titles» is studied. An attempt was made to substantiate an unequal language representation, which is largely due to the wide field of men's activities, as well as to the fact that the characteristics of women is also carried out by men. The similarity of meanings of phraseological units with a certain structure was found. Androcentrism of the modern German language is confirmed by the fact, that there are more phraseological nominations of men than the nominations of women.

Keywords: gender, language picture of the world, phraseological language picture of the world, communication, nomination of a person, androcentrism, phraseological nomination of a person, anthroponym, symbol, desemantization, gender asymmetry, gender macro component.

Долгое время в лингвистике объектом изучения был язык «в самом себе и для себя». С начала XX в. стала наблюдаться тенденция изучения языка во взаимосвязи с обществом, а не как обособленное от человека явление. Появились исследования, посвященные описанию проблемы взаимодействия языка и культуры, соотношения языковой и фразеологической картин мира.

За каждым объектом действительности в языке закреплено определенное обозначение, воспроизведение и восприятие которого необходимо для успешной коммуникации. Согласно В. Н. Телия,

© Петрушкина А. В., 2018

термином «номинация» обозначают как образование языковых единиц, служащих для называния и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений, так и результат процесса номинации – значимую языковую единицу [8, с. 336].

Номинации лица, включая фразеологические номинации (далее ФНЛ), в немецком языке активно исследовались Петером Брауном [10], Дитером Меном [11], С. Ю. Потаповой [4], Л. А. Нефедовой [3].

Одним из значимых направлений в развитии фразеологии и лингвистических исследований в конце XX – начале XXI вв. является изучение гендерных аспектов языка и коммуникации. В лингвистике под гендером понимается социально-культурный пол, определяемый различиями между женщинами и мужчинами на социальном уровне.

Изучением антропонимов, или имен собственных, как единиц русского языка занимались в отечественной лингвистике такие ученые, как В. Д. Бондалетов [1], А. В. Суперанская [7] и др. Немецкая антропонимика, в том числе в составе фразеологизмов, становилась объектом изучения Д. Г. Мальцевой [2], И. Г. Стерлигова [6], И. В. Селивановой [5].

В данной статье представлены результаты исследования, объектом которого являются ФНЛ немецкого языка с компонентом-антропонимом с точки зрения отражения в них гендера, что обусловило актуальность и научную новизну темы.

Как и любое слово, антропоним принадлежит определенному народу, цивилизации. Такие лексические единицы содержат в себе национально-культурный компонент, они являются одной из универсалий культуры, хранят и передают традиции народа.

С особенностями данных языковых единиц так же связано явление символа. Ассоциация какого-либо имени с определенными характеристиками, особенностями или объектами жизнедеятельности происходит в течение времени и объясняется историческими процессами и событиями в обществе, а также обладает экстралингвистическим характером.

Так, например, ФЕ *der deutsche* Michel (‘weltfremder, unpolitischer, etwas schlafmütziger Deutscher’ – ‘не от мира сего, далекий от политики, сонный немец’) и *Lieschen Müller (‘die durch schnittliche, keine großen Ansprüche stellende Frau’– ‘среднестатистическая немецкая женщина, без высоких запросов’)* содержат мужское имя собственное *Michel* и женское *Lieschen*, которые являются символическими обозначениями немецкого мужчины и женщины. Закрепление этих образов связано с высокой распространенностью на территории Германии этих имен. Начиная со средневековья, имя Михаэль стало одним из самых популярных. Во многом этому способствовал тот факт, что образ Архангела Михаила связан с принятием христианства. Имя Лизе и ее производное Лизхен получают свое распространение в XX в. Связано это с тем, что так называли домашнюю прислугу, и имя было распространено как раз в низших слоях общества.

Распространение получил и фразеологизм, включающий компонент-антропоним *Otto* в сочетании с апеллятивом *Normalverbraucher*, который дословно переводится как «обычный потребитель». Такой ФЕ обозначается *‘der durchschnittliche, keine großen Ansprüche stellende Mensch, Bürger’– ‘средний\рядовой потребитель без высоких запросов; человек с улицы’*.

Помимо того, что сами компоненты являются символами *обычных людей, обывателей,* в культуре происходит их дальнейшая фиксация через язык посредством фразеологизации. Рассматривая данную группу устойчивых словосочетаний можно выделить их следующие особенности:

1) на два маскулинных фразеологизма приходится одна фемининная фразеологическая единица. Фразеологизм *der deutsche Michel* впервые упоминается в XVI в. писателем Себастьяном Франком (Franck Sebastian, 1499–1542/43) и является самым старым. Появление фразеологизмов *Lieschen Müller и Otto Normalverbraucher* происходит намного позже и практически одновременно. Возможно, появление второго маскулинного варианта связано с тем, что первый в ходе истории приобрел дополнительные значения и коннотации. Более того, компонент атрибут *der deutsche* дополнительно указывает на происхождение образа символа;

2) внутренняя форма фразеологизмов различается тем, что у двух более поздних фразеологизмов *Lieschen Müller и Otto Normalverbraucher* имена *Lieschen* и *Otto* содержат дополнительные компоненты: фамилию *Müller* и апеллятив, характеризующий лицо, хотя у самого раннего фразеологизма *der deutsche Michel,* кроме как прилагательного со значением национальности, других уточняющих компонентов нет. Это может так же быть вызвано и тем, что фразеологизм *der deutsche Michel* является

образом типичного немца, а не человека из немецкоговорящей страны;

3) то, что фемининная фразеологическая единица состоит не только из типичного для начала XX в. имени, но и достаточно распространенной фамилии, усиливает значение обывательской обыденности референта, по отношению к которому применяется данная языковая единица. Важным с точки зрения феминистской лингвистики является и то, что символом является только фразеологизм *der deutsche Michel*. Фемининной параллели в немецком языке не существует. Можно предположить, что самым вероятным фразеологизмом, который мог появиться с подобным значением и внутренней формой, мог бы быть фразеологизм *die deutsche Liese*.

Кроме того, стоит отметить, что из трех разбираемых нами антропонимов только один образован суффиксальным способом. Суффикс *-chen* используется для образования уменьшительно-ласкательной формы какого-либо слова, в том числе и имени. Им может быть выражено пренебрежение, или же наоборот, трепетное отношение к исходным референтам, то есть к тем, благодаря кому и появился фразеологизм *Lieschen Müller*. Тем не менее, такого мы не наблюдаем на примере маскулинных фразем.

Смысловые ассоциации и коннотации, которые приобретают антропонимы, связаны с семантикой и прагматикой данных лексических единиц. Они также приобретают социальную значимость. Символизация возможна в случае каждой языковой единицы, и антропонимы, в том числе, достигают этого за счет прохождения пути от имени собственного к значению апеллятива.

Важно отметить, что одно и то же значение может быть передано разными фразеологизмами со схожими внутренними формами, но в случае с маскулинными номинациями вариантов компонентов больше, чем у фемининных номинаций.

Рассмотрим группу примеров с общим значением *‘глупый человек’*. Такие ФНЛ могут быть представлены как моделированные образования, то есть типовые структуры (модели) языка [9]: прилаг. со значением *‘глупый’ ein dummer/alberner/blöder/doofer* + антропоним (мужское имя собственное).

К маскулинным вариантам модели с общим значением *‘глупый человек’* относятся:

− *Ein dummer August* (‘Zirkusclown, Spassmacher, dummerNarr’ – разг. пренебр. ‘дурачок, придурок;шут,паяц,клоун’ (перен.))

− *Ein dummer Jan* (‘Dummkopf ’– разг. пренебр. ‘дурачок, придурок’)

− *Ein dummer/alberner Peter* (‘Dummkopf ’– разг. ‘дурачок’)

− *Ein alberner Fritz* (‘Dummkopf’ – разг. пренебр. ‘дурачок, придурок’)

− *Ein blöder Heini* (‘Dummkopf’ –разг. ‘баран, придурок, идиотик, кретин’).

С данной группой маскулинных вариантов можно соотнести фемининные варианты модели прилаг. со значением *‘глупая’ eine dumme/blöde/doofe alberne* + антропоним (женское имя собственное):

− *eine dumme/blöde/doofe/alberne Liese;*

− *eine dumme/blöde/alberne Trine;*

− *eine dumme Griete (Grete);*

− *eine dumme Suse* (‘dumme Frau’ – разг. пренебр. ‘дурочка’).

Стоит отметить, что немецкой фразеологии свойственна негативная оценка умственных способностей в большей части женщин. Однако в ФНЛ с компонентом-антропонимом мы наблюдаем гендерную симметрию. Богатая вариативность маскулинных номинаций связана с их различиями относительно распространенности имен. Так, например, антропонимами *Fritz, Fritze* чаще всего обозначают берлинцев.

Закрепление в языковом употреблении ФНЛ с характеристикой глупого или недалекого человека связано с тем, что антропонимы употребляются с определениями, трансформируясь в деантропонимические апеллятивы, которые не содержат ничего индивидуального.

Так как многие маскулинные деантропонимические апеллятивы имеют обобщающее значение *‘человек, мужчина’,* они могут употребляться с различными определениями и обозначать людей с какими-либо определенными признаками (умственные способности, особенности характера и т. д.). К таким деантропонимическим апеллятивам относится мужское имя *Hans*. С этим именем в связи с его распространенностью известны многие ФНЛ модели антропоним (мужское имя *Hans, Heini, Peter*) + определение (большей частью отрицательное), характеризующие человека, например:

− *Hans Guckindieluft ротозей, Hans Hasenfuß трусишка, Hans Liederlich разгильдяй, Hans Taps неотесанный человек, Hans im Glück счастливчик, der große Hans шутл. важный человек;*

− *lahmer Heini слабак, schlapper Heini тряпка, frecher Heini наглец* (Heini – сокращение от Heinrich);

– *ein langweiliger Peter зануда, ein ungeschickter Peter неумеха.*

Фемининный вариант модели – ФНЛ, представляющие собой антропоним (женское имя *Liese, Trine)* + определение (большей частью отрицательное), характеризующие женщину, например:

– *eine liederliche Trine неряха, eine faule Trine лентяйка, ленивая баба; eine ungeschickte Trine неумеха;*

– *eine liederliche Liese неряха, eine faule Liese ленивая баба, eine ungeschickte Liese неумеха.*

Деантропонимический апеллятив *Eva* становится обозначением женщины / девушки в общем и может быть компонентом ФНЛ. Это связано с историей о создании всех людей на земле, а именно с появлением праматери Евы, жены первого мужчины Адама. В Большом толковом словаре современного немецкого языка DUDEN представлена следующая словарная статья: *Eva – 'Mädchen, Frau, besonders als typische Vertreterin des weiblichen Geschlechts bzw. als Partnerin des Mannes' – 'девочка, женщина, особенно как типичная представительница женского пола или как партнер мужчины'* [10]. Этим объясняется наличие в немецком языке ФНЛ с общим значением *какая-либо женщина*:

– *eine junge Eva* ('ein Mädchen/ eine junge Frau' – 'девушка, молодая женщина');

– *eine hübsche Eva* ('eine schöne Frau' – 'красивая, привлекательная женщина/молодая красотка');

– *eine kokette Eva* ('eine die Aufmerksamkeit anregende Frau' – 'кокетка')

– *eine typische Eva* ('eine typische Frau' – 'типичная женщина')

– *eine kesse Eva* ('sexy Mädchen, junge Frau' – 'сексуальная девушка/ молодая женщина').

ФНЛ с данным антропонимом не свойственна негативная окраска, что может быть связано с образом праматери Евы. В данном случае маскулинной параллели с компонентом-антропонимом *Adam* немецкий язык не фиксирует.

Для обозначения людей, которые всегда повсюду вместе, служит ФНЛ *Hans und Franz,* в значении 'всякий встречный и поперечный, кто попало' употребляется ФНЛ *Hinz und Kunz* (*Hinz* – сокращение от *Heinrich, Kunz* – от *Konrad).* В составе данных ФНЛ имеются два антропонимических компонента, которые были распространены на территории современной Германии.

Отдельную группу ФНЛ образуют фразеологизмы, обозначающие профессию или род деятельности, например: *feiner Emil – офицер-щеголь; öliger Max – авиатехник Meister Hans – палач*. В связи с тем, что типично женских профессий еще в начале прошлого века было не так много, как мужских, наличие в языке фемининных ФНЛ не так много: *Christel von der Post* – eine Briefträgerin; *(женщина) почтальон,* разг. *почтальонша.*

Поскольку переход имени собственного в апеллятив, или имя нарицательное, происходит путем включения в его семантику качеств, основанных на устоявшихся ассоциативных связях между именем и референтом, наличие многочисленных наименований типично или исконно мужских профессий, большее количество областей реализации мужской деятельности в немецком обществе подтверждает тенденцию к гендерной асимметрии фразеологической системы в сторону маскулинных фразеологических номинаций.

Таким образом, в данной статье нами было проведено исследование ФНЛ немецкого языка с компонентом-антропонимом с точки зрения отражения в них гендерного макрокомпонента. Нами было выявлено и подтверждено, что одно и то же значение могут передавать фразеологизмы со схожими структурными формами. Однако маскулинных фразеологических номинаций лица больше, чем фемининных. Данный факт указывает на проявление во фразеологии андроцентричности немецкого языка.

Библиографический список

1. Бондалетов, В. Д. Русская антропонимика [Текст] // Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. – М., 1983. – С. 210–321.

2. Мальцева, Д. Г. Страноведение через фразеологизмы. Пособие по немецкому языку [Текст] / Д. Г. Мальцева. – М. : Высшая школа, 1991.

3. Нефедова, Л. А. Явление девиации в лексике современного немецкого языка [Текст] : монография / Л. А. Нефедова. – М. : Прометей, 2002. – 260 с.

4. Потапова, С. Ю. Номинация лица в обиходном дискурсе [Текст] / С. Ю. Потапова. – Ярославль : Междунар. ун-т бизнеса и новых технологий, 2003. – 275 с.

5. Селиванова, И. В. Словарь деантропонимических апеллятивов [Текст] / И. В. Селиванова. – М. : МАКС Пресс, 2008.

6. Стерлигов, С. Г. Немецкая антропонимика как лингвострановедческая проблема [Текст] / С. Г. Стерлигов // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2003. – № 1. – С. 131–137.

7. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного [Текст] / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 366 с.

8. Телия, В. Н. Номинация [Текст] / В. Н. Телия // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. –

М. : Большая Российская энциклопедия. – 1998. – С. 336.

9. Чернышева, И. И. Немецкая фразеология и принципы ее научной систематизации [Текст] // Л. Э. Бинович, Н. Н. Гришин. Немецко-русский фразеологический словарь / под ред. д-ра Малиге-Клаппенбах и К. Агрикола. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Русский язык, 1975. – 656 с.

10. Braun, Peter. Personenbezeichnungen. Der Mensch in der deutschen Sprache / Peter Braun. – Berlin : De Gruyter. – 1997.

11. Duden. Redewendungen: Wörterbuch der deutschen Idiomatik. 4., neubearb. und aktualisierte Auflage, hrsg. v. der Dudenredaktion. – Berlin : Bibliograph. Instit. Gmbh. – 2013.

12. Möhn, Dieter. Determinativkomposita und Mehrwortbenennungen im deutschen Fachwortschatz. Hinweise auf einen vernachlässigten Benennungstyp / Dieter Möhn. – Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache. – 1986. – S. 111–133.

Bibliograficheskij spisok

1. Bondaletov, V. D. Russkaja antroponimika [Tekst] // Russkaja onomastika / V. D. Bondaletov. – M., 1983. – S. 210–321.

2. Mal'ceva, D. G. Stranovedenie cherez frazeologizmy. Posobie po nemeckomu jazyku [Tekst] / D. G. Mal'ceva. – M. : Vysshaja shkola, 1991.

3. Nefedova, L. A. Javlenie deviacii v leksike sovremennogo nemeckogo jazyka [Tekst] : monografija / L. A. Nefedova. – M. : Prometej, 2002. – 260 s.

4. Potapova, S. Ju. Nominacija lica v obihodnom diskurse [Tekst] / S. Ju. Potapova. – Jaroslavl' : Mezhdunar. un-t biznesa i novyh tehnologij, 2003. – 275 s.

5. Selivanova, I. V. Slovar' deantroponimicheskih apelljativov [Tekst] / I. V. Selivanova. – M. : MAKS Press, 2008.

6. Sterligov, S. G. Nemeckaja antroponimika kak lingvostranovedcheskaja problema [Tekst] / S. G. Sterligov // Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N. I. Lobachevckogo. – 2003. – № 1. – S. 131–137.

7. Superanskaja, A. V. Obshhaja teorija imeni sobstvennogo [Tekst] / A. V. Superanskaja. – M. : Nauka, 1973. – 366 s.

8. Telija, V. N. Nominacija [Tekst] / V. N. Telija // Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar'. Jazykoznanie. – M. : Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija. – 1998. – S. 336.

9. Chernysheva, I. I. Nemeckaja frazeologija i principy ee nauchnoj sistematizacii [Tekst] // L. Je. Binovich, N. N. Grishin. Nemecko-russkij frazeologicheskij slovar' / pod red. d-ra Malige-Klappenbah i K. Agrikola. – Izd. 2-e, ispr. i dop. – M. : Russkij jazyk, 1975. – 656 s.

10. Braun, Peter. Personenbezeichnungen. Der Mensch in der deutschen Sprache / Peter Braun. – Berlin : De Gruyter. – 1997.

11. Duden. Redewendungen: Wörterbuch der deutschen Idiomatik. 4., neubearb. und aktualisierte Auflage, hrsg. v. der Dudenredaktion. – Berlin : Bibliograph. Instit. Gmbh. – 2013.

12. Möhn, Dieter. Determinativkomposita und Mehrwortbenennungen im deutschen Fachwortschatz. Hinweise auf einen vernachlässigten Benennungstyp / Dieter Möhn. – Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache. – 1986. – S. 111–133.

Reference List

1. Bondaletov V. D. Russian anthroponymics // Russian onomastics / V. D. Bondaletov. – M, 1983. – Page 210–321.

2. Maltseva D. G. Country study through phraseological units. Handbook on German / D. G. Maltseva. – M. : Vysshaya Shkola, 1991.

3. Nefedova L. A. Phenomenon of deviation in modern German lexicon : monograph / L. A. Nefedova. – M. : Prometei, 2002. – 260 pages.

4. Potapova S. Yu. Nomination of the person in everyday discourse / Page Yu. Potapova. – Yaroslavl: International University of Business and New Technologies, 2003. – 275 pages.

5. Selivanova I. V. Dictionary of deanthroponymic appellatives / I. V. Selivanova. – M. : MAKS. Press, 2008.

6. Sterligov S. G. The German antroponymics as a linguo-country study problem / S. G. Sterligov// Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. – 2003. – No. 1. – Page 131–137.

7. Superanskaya A. V. General theory of a proper name / A. V. Superanskaya. – M. : Nauka, 1973. – 366 pages.

8. Telia V. N. Nomination / V. N. Telia//Big encyclopedic dictionary. Linguistics. – M. : Bolshaya Russkaya Entsyklopediya. – 1998. – Page 336.

9. Chernysheva I. I. German phraseology and principles of its scientific systematization // L. E. Binovich, N. N. Grishin. The German-Russian phraseological dictionary / under the editorship of Dr. Malige-Klappenbakh and C. Agrikol. – The 2nd. edition, corrected and added – M. : Russky Yazyk, 1975. – 656 pages.

10. Braun Peter. Personenbezeichnungen. Der Mensch in der deutschen Sprache / Peter Braun. – Berlin : De Gruyter. – 1997.

11. Duden. Redewendungen: Wörterbuch der deutschen Idiomatik. 4., neubearb. und aktualisierte Auflage, hrsg. v. der Dudenredaktion. – Berlin : Bibliograph. Instit. Gmbh. – 2013.

12. Möhn Dieter. Determinativkomposita und Mehrwortbenennungen im deutschen Fachwortschatz. Hinweise auf einen vernachlässigten Benennungstyp / Dieter Möhn. – Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache. – 1986. – S. 111–133.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.03.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10044
УДК 81'373

Ю. А. Евграфова
https://orcid.org/0000-0002-4201-5281

Структурно-семантические особенности паремий: вербализация константы *внешность человека* в русском и английском языках

В данной статье рассматриваются пословицы и поговорки, описывающие внешний облик женщины в русском и английском языках, выделяются структурные и семантические особенности. Для проведения исследования используется метод систематизации и классификации паремиологических единиц, разработанный Г. Л. Пермяковым. Анализируется логическая и семиотическая структуры паремий, составляющие логико-семиотический план, а также заключенные в них инвариантные пары реалий. В ходе исследования выделяются высшие логико-семиотические инварианты, далее в их в составе логико-тематические группы, а в них логические схемы (*трансформы*). Далее в *плане реалий* выделяются «инвариантные пары противопоставлений» – *тематические группы*, в каждой из которых представлены все ВЛСИ и их структурные элементы. План логико-семиотический и план реалий дополняют друг друга: первый раскрывает логическую форму содержания, указывая, в каких отношениях между собой находятся объекты действительности, а вторая характеризует логическую субстанцию содержания, то есть называет сами эти объекты. Таким образом, выступая как целое, они выстраивают единый план паремий, анализ которого позволяет выявить их структурно-семантические особенности. Необходимо отметить, что пословицы и поговорки исследуются в данной статье без учета «индивидуальной семиотики», то есть вне актуализации и обретения ими «вторичной» реальности в сознании личности/получателя сообщения, а как лингвокультурологические единицы, содержащие в себе код «традиции» и вербализующие константы культуры.

Ключевые слова: паремия, пословица, поговорка, логико-семиотический план, план реалий, константа, лингвокультурология, прескрипция-стереотип, образец-сюжет.

Yu. A. Evgrafova

Structural-Semantic Features of Paroemias: Verbalization of a Constant *Human Appearance* in the Russian and English Languages

This article deals with the structural and semantic peculiarities of proverbs that articulate Constant «Human appearance» (of a female). To focus on the structural characteristics the method designed by Permyakov is employed which helps systemize and classify paroemiological units. From there, logical and semantic structures that comprise two-fold unity of the logical-semiotic plane and its invariant pairs of realia are analyzed. As a part of a study supreme logical-semiotic invariants (SLSI) are singled out, onward inside them there are found logical-thematic groups and in them – logical schemes. As the next step plane of realia is scrutinized as the result of which «invariant binary pairs», or thematic groups, are picked. Each thematic pair contains all SLSI and its structural elements. These two planes, of logic-semiotic and of realia, complement each other: the first discloses the logical form of content, demonstrating the relations between the real-life objects, and the second describes the logical substance of content, i.e. naming the objects themselves. Thus, being a whole, they construct the unified plane of proverbs, the analysis of which enables to uncover their structural and semiotic peculiarities. It is important to underline that in this article paroemias are viewed regardless of their «individual semiotics», i.e. beyond their actualization and acquisition of the «second» reality in the consciousness of the individual (addressant/addressee), but they are studied as linguocultural unities that contain the code of «tradition» and that articulate the constant of culture.

Keywords: paroemia, proverb, saying, logical-semiotic plane, plane of realia, Constant, cultural linguistics, linguoculture, female, appearance, prescription-stereotype, pattern-plot.

1. Введение

Заданное прошлое является одной из форм реализации культурных императивов, осмысляемое при помощи готовых сюжетов. Интерпретируя прошлое и настоящее, мы наделяем их сюжетом, возводя жизненную ситуацию к тому или иному образцу [2]. Подобные императивы и сюжеты проявляются в константах культуры. Впервые термин «константа» был введен в обиход лингвистики Э. А. Макаевым для типологического описания грамматики германских языков [6]. Ю. С. Степанов употребляет данный термин для представления явлений культуры. В своем словаре он дает такое определение: «Константа в культуре – это концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» [12, с. 84]. В. А. Маслова трактует константу как концепт,

© Евграфова Ю. А., 2018

берущий начало в древности и существующий и по сей день в той или иной языковой общности [7]. Современные ученые-лингвисты рассматривают константу как лингвокультурологический концепт, имеющий обобщенные и идиоэтнические признаки [1], [5], [11], [13] и др. В данной работе термин «константа» понимается как некий долгое время существующий концепт, имеющий в своей основе неизменный фрагмент картины мира, аккумулирующий представления и стереотипы носителей лингвокультурного сообщества. В том числе, в ее состав входят готовые «образцы-сюжеты», взятые из фольклорных текстов, которые помогают конструировать носителям лингвокультуры свое собственное «я» и отношения к другим членам общества.

Изучение структурно-семантических особенностей фольклорных текстов, а именно пословиц и поговорок, является целью настоящей статьи. В качестве примера была выбрана константа «Внешность человека», поскольку индивид судит и делает выводы об окружающих его людях зачастую по внешнему виду, что «включает» механизм стереотипизации: начинают «работать» готовые «образцы-сюжеты», имеющие антпростереотипичный характер, то есть связанный с обликом индивида. Круг набираемых паремиологических единиц было решено ограничить внешностью женщины ввиду более богатой репрезентации в исследуемых языках облика женского, чем облика мужского.

Необходимо отметить, что в данной работе не учитывается тот факт, что при попадании в семиотическое пространство личности паремии обретают дополнительное смысловое измерение и множественность смысла. Поскольку в пословицах и поговорках «традиция» реализуется всегда как частный случай, рассматриваемый как прецедент, норма или правило, то было бы интересно проанализировать ее без учета «индивидуальной семиотики» личности, а как обобщенные представления и установки той или иной лингвокультурной общности. В данной работе паремии исследуются как прескрипции-стереотипы, содержащие в себе код «традиции», «образцы-сюжеты» и существующие в общей памяти носителей данной культуры в потенциальном состоянии, то есть вне актуализации и обретения ими «вторичной» реальности в сознании личности/получателя сообщения.

Материалом для исследования послужил корпус паремий, созданный в результате сплошной выборки по принципу гендерной маркированности, из лексикографических источников паремий русского языка и английского языка.

2. Структурный метод систематизации и анализа паремий

С целью выделения структурно-семантических особенностей паремий использовался метод структурной систематизации, разработанный Г. Л. Пермяковым, согласно которому, в состав любой паремиологической единицы входит два плана: логико-семиотический (состоящий из логического и семиотического) и реалий. Подробный пример анализа паремиологической единицы по данному методу см. у Ю. А. Закировой [4].

Логико-семиотический план паремии – это единство логического строения и смыслового значения. Смысловое значение (семиотический план) выражается через логико-тематические группы и их подгруппы и входит в состав логического плана: логико-тематические группы, на основании сходства их логической структуры, объединяются в *Высший логико-семиотический инвариант* (ВЛСИ), широкий класс, охватывающий все изречения, построенные по одной логической схеме [9, с. 21–23]. Таким образом, любая пословица или поговорка на основании схожести логической структуры может быть отнесена к тому или иному ВЛСИ, и в ней могут быть выделены логико-тематические группы / подгруппы, логические трансформации, их типы, формы и разновидности.

План реалий отображается в пословицах и поговорках через «инвариантную пару противопоставлений», которые можно назвать также и *тематической группой* [9, с. 32]. В каждой тематической группе представлены все высшие логико-семиотические инварианты и их логические трансформы. План логико-семиотический и план реалий дополняют друг друга, поскольку первый раскрывает «логическую форму содержания, показывая, в каких отношениях между собой находятся те или иные объекты действительности», а вторая «характеризует логическую субстанцию содержания, то есть называет сами эти объекты» [9, с. 33]. Такова, вкратце, суть структурного анализа паремий, разработанного Г. Л. Пермяковым.

3. Логико-семиотический план

Всего в ходе исследования была набрана 81 пословица и поговорка, из них 57 единиц – в русском языке, 24 – в английском языке. Подобная разница в объеме корпуса объясняется тем, что паремии являются продуктом интеллектуальной

деятельности человека, что неизбежно связано с асимметрией, в данном случае квантитативной, а при дальнейшем их анализе и культурной. Систематизируем логико-семиотический план набранного корпуса (см. *Таблица 1*).

Таблица 1

Логико-семиотический план

(число стоящее по левую сторону от косой черты относится к русскому языку, по правую – к английскому. Если числа не стоит вообще, это означает, что премии в данном языке для данного трансформа отсутствуют).

Логические трансформации				**о Нейтральные формы**			**а Положительные формы**			**б Отрицательные формы**			**в Смешанные формы**		
Логико-тематические группы / подгруппы				α	β	γ	α	β	γ	α	β	γ	α	β	γ
I A	Обычность –Необычность	Правильность – Неправильность	**А**	**5**/2			**7**/								
			Б				**1**/			**1**/					
		Полноценность– Неполноценность	**А**	**6**/				/2							
			Б		/3					/2					
	Неизменность – Изменчивость	~ отдельных признаков вещи	**Б**				**1**/						**1**/1		
			В	**1**/											
Всего:				23/10											
I B	Взаимозависимость – Независимость	Бытийная ~	**А**				/2								
	Проявление – Непроявление	~ одной вещи в другой	**А**				/1								
Всего:				0/3											
II A. Тип 1	Качественные Соответствия – Несоответствия	~ вещей	**А**				**1**/								
			Б							**13**/1			**1**/1		
		~ (характера) действий	**А**				/1			/1					

Логические трансформации				о Нейтральные формы			а Положительные формы			б Отрицательные формы			в Смешанные формы		
			Б	**3**/	**2**/		/1			/2					
	Природно-качественные Соответствия – Несоответствия	~ вещей	**А**	/2											
	Количественные соответствия – Несоответствия	~ по величине	**Б**	**2**/			/2								
		~ по количеству времени	**Б**	**1**/											
	Актантные Соответствия – Несоответствия	Субъектное	**Б**				**2**/								
		Объектное	**Б**	**1**/											
Всего:				26/11											
II В. Тип 1	Качественное превосходство – непревосходство вещей.	Собственно ~ вещей	**Б**				**2**/								
		~ по значимости (эффективности)	**А**				**2**/								
			Б											**2 /**	
	Превосходство – Непревосходство вещей по степени качества или ценности	Более или Менее ценное? (Для вещей, различающихся по ценности)	**А**										**2**/		
Всего:				8/0											

Как видно из **Таблицы 1**, логическую структуру паремий, репрезентирующих константу «Внешность человека» (женщины), в русском языке конструируют три ВЛСИ: IА, IIА (тип 1), IIВ (тип 1), в английском языке это ВЛСИ IА, IВ, IIА (тип 1). Наблюдается квантитативная асимметрия в обоих языках: в русском наиболее заполнен инвариант IIА (тип 1) – 26 единиц, а в английском это инварианты IА и IIА (тип 1) – 10 и 11 единиц соответственно. В обоих языках внешность женщины вербализуется неполным набором ВЛСИ и моделируется через описание присущих

вещи качеств и свойств и через зависимость между этими свойствами. Анализ данных, представленных в **Таблице 1**, позволяет выделить три логико-тематические группы, общие для обоих языков: *Обычность – Необычность,* 20 единиц в русском, 9 – в английском; *Качественные соответствия – Несоответствия,* 20 единиц в русском, 7 – в английском; *Количественные соответствия – Несоответствия*, 3 единицы в русском и 2 единицы в английском. Обнаруживают себя и логико-тематические группы, присутствующие только в паремиях русского языка: *Неизменность – Изменчивость* (3), *Актантные соответствия – Несоответствия* (3), *Качественное превосходство – Непревосходство* (6), *Превосходство – Непревосходство вещей по степени качества или ценности* (2). В английском языке это логико-тематические группы *Взаимозависимость – Независимость* (2) и *Проявление – Непроявление* (1).

4. План реалий

План реалий исследуемого паремиологического поля формируется такими инвариантными оппозициями: *Вещь – Признак, Красивый – Уродливый, Мужчина – Женщина, Ум – Рост, Красота – Любовь, Содержание – Форма* (см. *Таблица 2*).

Таблица 2

План реалий русского и английского языков (в количественном и процентном соотношениях)

Предметно-образная оппозиция	Русский язык	Английский язык
Вещь-Признак	23 (41 %)	12 (52%)
Содержание-Форма	21 (37 %)	6 (26%)
Красивый-Уродливый	4 (7 %)	2 (4%)
Мужчина-Женщина	5 (8 %)	0 (0%)
Ум-Рост	1 (2 %)	0 (0%)
Красота-Любовь	3 (5 %)	4 (17%)
Всего:	57 (100 %)	24 (100%)

Результаты, приведенные в **Таблице 2,** демонстрируют, что константа «Внешность человека» (женщины) конструируется входящими в разнообразные предметно-образные оппозиции паремиями, в плане реалий которых можно выделить обобщенные черты вербализации исследуемой константы. Облик женщины вербализуется не только через номинацию непосредственно физических характеристик: *Коса – девичья краса* [8, с. 41]; *Лицом красавица, а нравом только черту нравится* [3, с. 164]; *While the tall maid is stooping, the little one hath swept the house* [14, p. 567]; *Пока высокая девушка наклонится, невысокая уже подметет весь дом,* – но и через прямую референцию мужчины и социального статуса: *Расти, коса, до пола, расти, коса, до пят – женихи торопят* [8, с. 41]; *A poor beauty finds more lovers than husbands* [14, p. 29] *Бедная красавица находит больше любовников, чем женихов*.

Таким образом, в *английском языке* образ-отпечаток внешнего вида женщины конструируется из представлений о внешнем облике, с конкретизацией черт фигуры. Похожий процесс происходит и в *русском языке* – образ-отпечаток женской внешности вербализируется номинацией отдельных частей тела (в основном волос и глаз). В обоих языках «рисуется» внешний облик вообще, с выделением в русском языке особой роли косы. Красавицам приписывается «трепетное» отношение к себе, неумение вести хозяйство, глупость – подобное в текстах пословиц и поговорок высмеивается.

5. Структурно-семиотические особенности

Инвариантные пары противопоставлений (план реалий) и логико-тематические группы (логико-семиотический план), выступая как диалектическое единство, составляют структурно-семантический план паремиологических единиц (см. *Таблица 3*).

Таблица 3

Структурно-семантический план паремий

Инвариантные пары противопоставлений (план реалий) / Логико-тематическая группа (Логико-семиотический план)	**Содержание – Форма**	**Вещь – Признак**	**Красивый – Уродливый**	**Мужчина – Женщина**	**Ум – Рост**	**Красота – Любовь**
Обычность – Необычность	/2	**19**/6	**1**/		**1**/	**1**/
Неизменность – Изменчивость		**2**/	**1**/			
Совместимость – Несовместимость	**1**/					
Проявление – Непроявление	/1					
Качественные соответствия – Несоответствия	**20**/2	/6	/2	**1**/		**1**/
Количественные соответствия – Несоотвествия		/2		**1**/		/1
Актантные соответствия – Несоответствия			**3**/	**2**/		
Качественное превосходство – Непревосходство вещей		**1**/				
Превосходство – Непревосходство вещей		**1**/				**1**/
Бытийная зависимость – Независимость						/2

Данные, приведенные в **Таблице 3,** демонстрируют, что основные предметно-образные оппозиции, обнаруженные при конструировании константы «Внешность человека» (женщины) в английском языке – это *Содержание – Форма, Вещь – Признак, Красивый – Уродливый, Красота – Любовь.* В русском же языке к перечисленным выше добавляется *Мужчина – Женщина, Ум – Рост.* Противопоставление содержания и формы, вещи и признака наблюдается в обоих языках, однако в рамках данных реалий актуализируются разные логико-тематические группы. Так, в русском языке соотношения формы и содержания раскрывается, в основном, через описание ***качественного несоответствия*** красоты внешней и внутренней: *Красивая как елка; колючая как иголка* [3, с. 143], а в английском языке ***качественное соответствие – несоответствие*** раскрывает бинарность *Вещь – Признак: While the tall maid is stooping, the little one hath swept the house* [14, p. 567]. *Пока высокая девушка наклонится, невысокая уже подметет весь дом*. Интересно, что данная бинарность в русском языке вербализуется представлениями / наблюдениями о внешности женщины (ее ***обычности – необычности***): *Бабий век — сорок лет* [8, с. 82]; подчеркивается ***изменчивость*** внешней красоты: *Какова не будь красна девка, а придет пора — выцветет* [10, с. 63]. В паремиях английского языка при противопоставлении вещи и признака также актуализируются и ***обычность – необычность***: *A handsome hostess is bad for the purse* [15, p. 232]. *Красивая хозяйка вредит кошельку*.

Обобщая все сказанное выше, можно заключить, что в паремиологическом поле русского и английского языков при вербализации константы «Внешность человека» (женщины) обнаруживаются как инвариантные, так и вариативные черты. Инвариантные черты таковы: женская привлекательность не так важна, как добродетели и умение вести хозяйство; некрасивой женщине тяжело выйти замуж. Скорее всего в паремиях зафиксирована «универсальная» жизненная ситуация, когда женщина вынуждена быть умной, деловой, хозяйственной и обязательно красивой (следить за собой), чтобы быть любимой / выйти замуж. Помимо отрицательной или положительной, в плане выражения обнаруживается и нейтральная коннотация – отвлеченные наблюдения о внешности женщины. Вербализация происходит, в основном, через противопоставления внешнего и внутреннего, физического облика и личностных качеств, «движений души».

6. Заключение и выводы

В процессе семиотического осознания окружающей действительности в паремиях выделяются культурно-релевантные явления, моделирующие культуру. Таким образом, можно говорить об объективации в текстах паремий следующих «образцов-сюжетов» о внешности, в частности, женской: 1) красота внутренняя важнее красоты внешней; 2) чаще всего за красивой внешностью скрывается уродливая душа; 3) личностные качества (ум, деловитость, добрый нрав) ценнее красоты; 4) волосы (коса) выступают как символом жизненной силы, так и предметом насмешек. В русском языке особенно богато конструируются представления о внешних признаках красоты – веселые глаза, белое лицо, русая, длинная и густая коса, а также присутствуют указания на скоротеч-

ность и изменчивость красоты, прекращающуюся либо с годами, либо с трудами, после вступления в брак. В русском и в английском языках женщина выступает как объект действия – мужчина «торопит» расти косу и выбирает женщину за личные качества (ум и трудоспособность).

Познавая реальность, человек научился выделять в ее континууме и трактовать семантически некие дискретные единицы, которые в фольклорных текстах, в частности пословицах и поговорках, приобретают форму «образцов-сюжетов», при помощи которых происходит моделирование и кодирование культуры. В данной статье было рассмотрено их потенциальное состояние в общей памяти носителей культуры, однако хотелось бы отметить, что паремии, обладая мотивировочным потенциалом внутренней формы, также нуждаются в исследовании в различных контекстах их употребления, создающих условия для генерирования новых смыслов, что позволит проследить динамику изменений, происходящих в коде «традиции».

Библиографический список

1. Аврамова, В. Константа любовь в лингвокультуре [Текст] / В. Аврамова // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : XIII конгресс МАПРЯЛ (Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 г.). – СПб. : МАПРЯЛ, 2015. – С. 14–20.

2. Адоньева, С. Дух народа и другие духи [Текст] / С. Адоньева. – СПб. : ООО «Издательство «Пальмира» ; ООО «Книга по Требованию», 2016. – 287 с.

3. Аникин, В. П. Русские пословицы и поговорки [Текст] / В. П. Аникин. – М. : Худож. лит., 1983. – 431 с.

4. Закирова, Ю. А. Структурный анализ паремий, репрезентирующих образы отца и матери в русскоязычной картине мира (по методу Г. Л. Пермякова) [Электронный ресурс] / Ю. А. Закирова // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та (электронный журнал). – 2016. – No 1. – Режим доступа: www.evestnik-mgou.ru

5. Захарова, Н. Е., Николаева, Н. П. Образ человека-женщины аси как константа культуры эвенков [Текст] / Н. Е. Захарова, Н. П. Николаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – №7(61) : в 3-х ч. – Ч. 1 – С. 86–88.

6. Макаев, Э. А. Отбор констант для построения типологической грамматики германских языков [Текст] / Э. А. Макаев // Структурно-типологическое описание современных германских языков : сб. науч. тр. – М., 1966. – С. 34–43.

7. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика [Текст] : учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск : «ТетраСистемс», 2004.

8. Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г., Николаева, Е. К. Большой словарь русских пословиц [Текст] / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.

9. Пермяков, Г. Л. Пословицы и поговорки народов Востока: Систематизированное собрание изречений двухсот народов [Текст] / Г. Л. Пермяков; отв. ред. Е. М. Мелетинский. Изд. 3-е. – М. : Книжный дом «Либроком», 2012. – 672 с.

10. Русский народ. Пословицы. Загадки. Сказки / В. И. Даль, Д. Н. Садовников, А. Н. Афанасьев. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 383 с.

11. Силаков, Е. С. Женский образ как константа русской культуры [Текст] / Е. С. Силаков // Славянские языки и культура. История и современность : международ. научн.-практич. конф. (Санкт-Петербург, 15–17 мая 2015 г.); под общ. ред. В. Н. Скворцова; отв. ред. Т. Е. Лебедева. – СПб. : Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. – С. 50–54.

12. Степанов, Ю. С. Константы : Словарь русской культуры [Текст] / Ю. С. Степанов. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М. : Академический проект, 2004. – 992 с.

13. Тоуз, Н. Б. Язык культуры как константа [Текст] / Н. Б. Тоуз // Культурное пространство и культурная среда восточной Сибири и Монголии как фактор развития человеческого капитала : V международн. научн. симпозиум; науч. ред. Р. И. Пшеничникова. – Улан-Удэ : Изд-во ИПК ВСГАКИ, 2014. – С. 35–42.

14. Apperson, G. L., Manser, M. H. Dictionary of Proverbs / G. L. Apperson, M. H. Manser. – Ldn. : Wordsworth Editions, 2007. – 656 p.

15. Strauss, E. Dictionary of European Proverbs / E. Strauss. – Ldn. : Routledge, 2012. – 2200 p.

Bibliograficheskij spisok

1. Avramova, V. Konstanta ljubov' v lingvokul'ture [Tekst] / V. Avramova // Russkij jazyk i literatura v prostranstve mirovoj kul'tury : XIII kongress MAPRJaL (Granada, Ispanija, 13–20 sentjabrja 2015 g.). – SPb. : MAPRJaL, 2015. – C. 14–20.

2. Adon'eva, S. Duh naroda i drugie duhi [Tekst] / S. Adon'eva. – SPb. : OOO «Izdatel'stvo «Pal'mira» ; OOO «Kniga po Trebovaniju», 2016. – 287 s.

3. Anikin, V. P. Russkie poslovicy i pogovorki [Tekst] / V. P. Anikin. – M. : Hudozh. lit., 1983. – 431 s.

4. Zakirova, Ju. A. Strukturnyj analiz paremij, reprezentirujushhih obrazy otca i materi v russkojazychnoj kartine mira (po metodu G. L. Permjakova) [Jelektronnyj resurs] / Ju. A. Zakirova // Vestn. Mosk. gos. obl. un-ta (jelektronnyj zhurnal). – 2016. – No 1. – Rezhim dostupa: www.evestnik-mgou.ru

5. Zaharova, N. E., Nikolaeva, N. P. Obraz cheloveka-zhenshhiny asi kak konstanta kul'tury jevenkov [Tekst] / N. E. Zaharova, N. P. Nikolaeva // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2016. – №7(61) : v 3-h ch. – Ch. 1 – S. 86–88.

6. Makaev, Je. A. Otbor konstant dlja postroenija tipologicheskoj grammatiki germanskih jazykov [Tekst] / Je. A. Makaev // Strukturno-tipologicheskoe opisanie sov-

remennyh germanskih jazykov : sb. nauch. tr. – M., 1966. – S. 34–43.

7. Maslova, V. A. Kognitivnaja lingvistika [Tekst] : ucheb. posobie / V. A. Maslova. – Minsk : «Tetra-Sistems», 2004.

8. Mokienko, V. M., Nikitina, T. G., Nikolaeva, E. K. Bol'shoj slovar' russkih poslovic [Tekst] / V. M. Mokienko, T. G. Nikitina, E. K. Nikolaeva. – M. : ZAO «OLMA Media Grupp», 2010. – 1024 s.

9. Permjakov, G. L. Poslovicy i pogovorki narodov Vostoka: Sistematizirovannoe sobranie izrechenij dvuhsot narodov [Tekst] / G. L. Permjakov; otv. red. E. M. Meletinskij. Izd. 3-e. – M. : Knizhnyj dom «Librokom», 2012. – 672 s.

10. Russkij narod. Poslovicy. Zagadki. Skazki / V. I. Dal', D. N. Sadovnikov, A. N. Afanas'ev. – M. : OLMA Media Grupp, 2010. – 383 s.

11. Silakov, E. S. Zhenskij obraz kak konstanta russkoj kul'tury [Tekst] / E. S. Silakov // Slavjanskie jazyki i kul'tura. Istorija i sovremennost' : mezhdunarod. nauchn.-praktich. konf. (Sankt-Peterburg, 15–17 maja 2015 g.); pod obshh. red. V. N. Skvorcova; otv. red. T. E. Lebedeva. – SPb. : Izd-vo LGU im. A. S. Pushkina, 2015. – S. 50–54.

12. Stepanov, Ju. S. Konstanty : Slovar' russkoj kul'tury [Tekst] / Ju. S. Stepanov. – Izd. 3-e, ispr. i dop. – M. : Akademicheskij proekt, 2004. – 992 s.

13. Touz, N. B. Jazyk kul'tury kak konstanta [Tekst] / N. B. Touz // Kul'turnoe prostranstvo i kul'turnaja sreda vostochnoj Sibiri i Mongolii kak faktor razvitija chelovecheskogo kapitala : V mezhdunarodn. nauchn. simpozium; nauch. red. R. I. Pshenichnikova. – Ulan-Udje : Izd-vo IPK VSGAKI, 2014. – C. 35–42.

14. Apperson, G. L., Manser, M. H. Dictionary of Proverbs / G. L. Apperson, M. H. Manser. – Ldn. : Wordsworth Editions, 2007. – 656 p.

15. Strauss, E. Dictionary of European Proverbs / E. Strauss. – Ldn. : Routledge, 2012. – 2200 p.

Reference List

1. Avramova V. Constant love in language culture / V. Avramova // Russian and literature in space of world culture: XIII congress of MAPRYaL (Granada, Spain, on September 13–20, 2015). – SPb. : MAPRYaL, 2015. – C. 14–20.

2. Adonieva S. Spirit of the people and other spirits / S. Adonieva. – SPb. : OOO Palmira Publishing House; OOO Kniga po Trebovaniyu, 2016. – 287 pages.

3. Anikin V. P. Russian proverbs and sayings / V. P. Anikin. – M. : Khudozhestvennaya Literatura, 1983. – 431 pages.

4. Zakirova Yu. A. The structural analysis of the paroemias representing images of the father and mother in a Russian-speaking picture of the world (by G. L. Permyakov's method) [An electronic resource] / Yu. A. Zakirova // Bulletin of Moscow State Regional Universit (online magazine). – 2016. – No 1. – Access mode: www.evestnik-mgou.ru

5. Zakharova N. E., Nikolaeva N. P. Image of Asya's female person as constant of Evenk culture / N. E. Zakharova, N. P. Nikolaeva // Philological sciences. Questions of the theory and practice. – 2016. – No. 7(61): in 3 p – P.1 – Page 86–88.

6. Makaev E. A. Selection of constants for creation of typological grammar of the German languages / E. A. Makaev // Structural and typological description of modern German languages: scientific works. – M, 1966. – Page 34–43.

7. Maslova V. A. Cognitive linguistics: manual / V. A. Maslova. – Minsk : «TetraSistems», 2004.

8. Mokienko V. M., Nikitina T. G, Nikolaeva, E. K. Big dictionary of the Russian proverbs / V. M. Mokienko, T. G. Nikitina, E. K. Nikolaeva. – M. : ZAO OLMA Media Grup, 2010. – 1024 pages.

9. Permyakov G. L. Proverbs and sayings of the people of the East: The systematized meeting of sayings of two hundred people /. L. Permyakov; editor-in-chief E. M. Meletinsky. The 3rd edition – M. : Book house «Librokom», 2012. – 672 pages.

10. Russian people. Proverbs. Riddles. Fairy tales / V. I. Dahl, D. N. Sadovnikov, A. N. Afanasiev. – M. : OLMA Media Grup, 2010. – 383 pages.

11. Silakov E. S. Female image as constant of the Russian culture / E. S. Silakov // Slavic languages and culture. History and present: international scientific conference (St. Petersburg, on May 15–17, 2015); under general editorship of V. N. Skvortsov; editor-in-chief T. E. Lebedev. – SPb. : A. S. Pushkin LSU Publishing House, 2015. – Page 50–54.

12. Stepanov Yu. S. Constants: Dictionary of the Russian culture / Yu. S. Stepanov. – The 3rd edition, corrected. and added. – M. : Akademichesky Proekt, 2004. – 992 pages.

13. Touz N. B. Language of culture as constant / N. B. Touz // Cultural space and cultural environment of Eastern Siberia and Mongolia as a factor of development of the human capital: V international scientific symposium; scientific editor R. I. Pshenichnikov. – Ulan-Ude : IPK VSGAKI Publishing House, 2014. – C. 35–42.

14. Apperson G. L., Manser, M. H. Dictionary of Proverbs / G. L. Apperson, M. H. Manser. – Ldn. : Wordsworth Editions, 2007. – 656 p.

15. Strauss E. Dictionary of European Proverbs / E. Strauss. – Ldn. : Routledge, 2012. – 2200 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.03.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10045
УДК 80

А. В. Лоза
https://orcid.org/0000-0001-6351-6109

О жизни и творческом пути лингвофилософа К. Германна

Настоящее исследование располагается в фокусе внимания историографии языкознания и лингвофилософии. В статье автор обращается к новым, ранее не публиковавшимся сведениям из биографии и обстоятельствам творческого пути Конрада Германна, немецкого лингвофилософа и одного из первых историографов языкознания XIX в., чье имя известно лишь узкому кругу специалистов.

Данная статья разделена на три тематические части, первая из которых повествует о нарративном подходе в лингвоисториографии, разработанном П. Шмиттером, известным немецким ученым, теоретиком лингвоисториографии, специалистом по гумбольдтианству. Указанный подход также послужил методологической основой для проведенной нами работы. В рамках второй части статьи автор представляет сведения из жизни семьи Германна, описывает родственные связи. Это стало возможным благодаря обнаруженным материалам из архивов университета города Лейпцига. В третьей части статьи предложены основные особенности научно-исследовательской парадигмы К. Германна, а также затронута философская грамматика, многоаспектная дисциплина о языке, разработанная ученым, в задачи которой входит всестороннее изучение сущности, а также сфер существования языка (в устной и письменной форме, как средства общения, выражения поэтической мысли и т. п.).

Результаты исследования являются особенно важными для историографии лингвистики и лингвофилософии, поскольку направлены на восполнение пробелов в научном знании.

Ключевые слова: языкознание, лингвоисториография, нарративный подход, нарративность, философия языка, философская грамматика, язык и мышление, язык и познание.

A. V. Loza

About Life and Career of Linguophilosopher C. Hermann

The real research is in the focus of historiography of linguistics and linguophilosophy. In the article the author appeals to new, earlier not published data from the biography and career circumstances of Conrad Hermann, he is a German linguophilosopher and one of the first historiographers of linguistics of the 19th century, whose name is known only to a narrow circle of experts.

This article is divided into three subject parts, the first one narrates about the narrative approach in linguophilosophy developed by P. Shmitter, by a famous German scientist, theorist of linguohistoriography, specialist in the Humboldt movement. The specified approach was a methodological basis for work carried out by us. Within the second part of the article the author represents data from the Hermanns' life, describes family relations. It became possible thanks to the found materials from archives of the university and the city of Leipzig. In the third part of the article are offered the main features of the research and development paradigm of C. Hermann, and also the philosophical grammar is touched upon, a multiaspect discipline about language developed by the scientist, its tasks are comprehensive study of the essence and also spheres of language existence (in the oral and written form as means of communication, expression of the poetic thought, etc.).

Results of the research are especially important for historiography of linguistics and linguophilosophy as it is directed to complete gaps in scientific knowledge.

Keywords: linguistics, linguohistoriography, narrative approach, narrativity, language philosophy, philosophical grammar, language and thinking, language and knowledge.

Конрад Германн (1819–1897) – профессор философии Лейпцигского университета, философ языка, один из первых лингвоисториографов XIX в. В рамках своей научной деятельности он рассматривал вопросы, обладавшие ключевым значением для становления языкознания как отдельной науки, а также занимался разработкой его методологических основ: представил новую дисциплину, получившую название философская грамматика.

В задачи нашего исследования входило, среди прочего, не только изучение его лингвофилософской концепции и определение места, занимаемого ей в научно-исследовательской парадигме XIX в., но и представление К. Германна как личности, составление его «портрета».

Методологической основой для нашего исследования стал нарративный подход, предложенный П. Шмиттером, известным специалистом в обла-

© Лоза А. В., 2018

сти лингвистики, философии языка и гумбольдтианства.

Нарративный подход в лингвоисториографическом исследовании

Нарративный подход предполагает разделение исследуемого исторического вопроса на отдельные составляющие и их последующий анализ. Предмет изучения в рамках нарративной историографии рассматривается на нескольких уровнях: текстовом «textuell», исторически-логическом «geschichtslogisch» и антропологическом «anthropologisch» [10, S. 42–43].

Текстовая составляющая нарративного исследования включает в себя языковую презентацию результатов проделанной работы.

На историко-логическом уровне исследователь определяет основу и структуру анализируемой проблемы, выстраивает свои действия по реконструкции исторических событий.

Антропологическая составляющая представляет собой форму объяснения действительности, основанную на опыте ученого [10, S. 44–46].

Предусматривая включение в исследование как можно более полного собрания сочинений автора (авторский текст), широкого исторического и личностного контекста изучаемого вопроса, а также анализ интеллектуального климата эпохи, современником которой был автор, нарративный подход обеспечивает всесторонность и объективность исследования [4, с. 124].

Имя К. Германна известно лишь узкому кругу специалистов, а информация о его жизни, его интересах совсем не получала освещения.

Его имя очень редко можно найти в работах историографов, философов и лингвистов, поэтому представление лингвофилософской парадигмы К. Германна, а также знакомство с ним как с ученым и просветителем, безусловно, составляет новизну работы. В самом начале исследовательского пути в нашем распоряжении были лишь данные о годах его жизни и о том, что он преподавал в университете Лейпцига. В дальнейшем в ходе кропотливой работы нами были найдены исторические материалы, в которых содержалась не только информация о работе К. Германна в Лейпцигском университете, но и сведения биографического характера. Данные материалы, бережно оцифрованные и хранящиеся в архиве университета Лейпцига (Universitätsarchiv Leipzig), стали отправной точкой в нашем «архивном поиске». Последовавшая за этим работа в архивах города Лейпцига (Stadtarchiv Leipzig) и библиотеке университета (Bibliotheca Albertina) помогла составить «портрет ученого», воссоздать образ К. Германна как ученого и как личности [3, с. 117].

Таким образом, материалом для нашего исследования послужили основные произведения К. Германна, в которых он обращается к проблемам языкознания, лингвофилософские и историографические труды его современников (И. Г. Гердера, В. фон Гумбольдта, А. Шлейхера, Т. Бенфея, И. Дройзена, Ф. Шлегеля, Г. Пауля и др.), а также материалы из архивов университета и города Лейпцига, библиотеки университета, а также размещенные на сайте университета Лейпцига.

Биографические сведения о жизни К. Германна

К. Германн родился 30 мая 1819 г. в местечке Ангер под Лейпцигом в благородной, преуспевающей семье. Его дед Иоганн Якоб Генрих Геррманн (1731–1798) был уважаемым ученым, доктором юридических наук, адвокатом, председателем суда шеффенов в Лейпциге [5, S. 339].

Дядя К. Германна, Христиан Фридрих Швегрихен (1775–1853), занимал должность профессора естественной истории на философском факультете Лейпцигского университета (1815–1852), управлял местным ботаническим садом [11].

Родителями К. Германна были Иоганн Готтфрид Якоб Германн (1772–1848) и Христиана Вильгельмина Германн (в девичестве Швегрихен) (1777–1841).

Отец К. Германна был известным ученым, классическим филологом, профессором Лейпцигского университета, а также инициатором университетской реформы 1830 г. Он удостоился множества почестей, за его заслуги его называли Stolz Sachsens («гордостью Саксонии»), Zierde Germaniens («украшением Германии»). Множество наград отмечали его успехи в исследовательской и просветительской деятельности, а также его активную гражданскую позицию; он был первым рыцарем ордена Civil-Verdienst-Orden («За гражданские заслуги») в Лейпциге, обладателем St. Stanislaus-Orden («ордена Св. Станислава»), который он получил от царя Николая I [5, S. 335, 342].

Готтфрид и Вильгельмина Германн вступили в брак 29 сентября 1803 г.; в их семье родилось шестеро детей: три сестры (Матильда, Луиза-Гертруда и Вильгельмина) и три брата (Отто (скончался в возрасте 25 лет), Рудольф (умер на первом году жизни) и Конрад). Сыновья были

названы в честь германских императоров, живших в Средневековье, поскольку Г. Германн очень сильно переживал по поводу упразднения Германской империи в 1806 г. [8, p. 162].

К. Германн учился в школе Святого Фомы Thomasschule zu Leipzig, изучал философию и филологию в университетах Берлина и Лейпцига.

В 1837 г. он поступил на философский факультет университета Лейпцига. В архивных документах имеется запись от 25 апреля 1837 г., в которой сообщается, что К. Германн, семнадцати лет, из Лейпцига (Саксония), евангелически лютеранского вероисповедания, окончивший школу Святого Фомы, записан на курс филологии [3, с. 118].

В 1846 г. К. Германн получил ученую степень кандидата наук *Dr. phil.*. В 1849 г. он представил на суд докторскую диссертацию на тему «Пролегомена к философии истории» (“Prolegomena zur Philosophie der Geschichte”).

В этом же году К. Германн начал работу на философском факультете Лейпцигского университета сначала в должности приват-доцента PD für Philosophie, с 1860 по 1881-е гг. он преподавал в качестве экстраординарного, нештатного профессора ao Prof für Philosophie, а с 1881 г. и вплоть до своей кончины в 1897 г. занимал должность почетного ординарного профессора oHonProf für Philosophie.

На заре своей академической карьеры основное внимание К. Германн уделял истории философии, логике, философии истории. В дальнейшем его все больше стали занимать вопросы происхождения языка, языка в контексте истории, языкотворчества, языка как средства познания, соотношения языка и мышления и др. Начиная с 1860-х гг., К. Германн читал лекции по грамматике и философии языка, психологии, эстетике, философской грамматике [11].

К. Германн был женат на Августе Винер; в семье не было детей. Всю свою жизнь он посвятил науке и за особые заслуги был награжден Королевским Саксонским Орденом Альбрехта der königlich-sächsische Albrecht-Orden.

В связи с этим еще более несправедливым является тот факт, что, в силу определенных исторических обстоятельств, его творчество долгое время оставалось забытым [1, с. 168].

Парадигма исследований К. Германна

Среди множества работ К. Германна можно выделить следующие три произведения, в которых рассматриваются вопросы языка:

«Философская грамматика», Лейпциг, 1858 г. («Philosophische Grammatik»),

«Проблема языка и ее разработка на протяжении истории», Дрезден, 1865 г. («Das Problem der Sprache und seine Entwicklung in der Geschichte»),

«Языкознание в его связи с логикой, становлением человеческого духа и философией», Лейпциг, 1875 г. («Die Sprachwissenschaft nach ihrem Zusammenhange mit Logik, menschlicher Geistesbildung und Philosophie»).

Важное место в научно-исследовательской парадигме К. Германна занимает изучение взаимосвязи и взаимодействия вопросов философии и языкознания. Отмечая их тесное переплетение, он представил новую дисциплину – философскую грамматику, научное знание, в котором проблемы философского характера призваны были решаться не в отрыве, а совместно с данными науки о языке.

К. Германн писал об этом: «…ist die Sprache ihrer Natur nach das gegebene Instrument oder die allgemeine Vorbedingung alles unseres Denkens…ein Denken außerhalb und unabhängig von diesen gegebenen Formen und Mitteln seines Ausdruckes überhaupt jedes Haltes und jeder Bestimmtheit für uns entbehren würde» [6, S. 37–38].

Философская грамматика К. Германна включает шесть разделов: введение, философию языка, этимологию, синтаксис, метрику и герменевтику. Каждый из них направлен на познание сущности языка с определенной точки зрения: его формы, структуры и истории развития; наполнения и взаимосвязи с человеческим мышлением и познанием; форм существования языка (проза, поэзия); упорядоченности и исключительности его словарного состава.

Философская грамматика соединяет в себе множество подходов к рассмотрению природы языка, которые исходят из общих представлений К. Германна о культуре, искусстве и истории [2, с. 210].

В процессе анализа лингвофилософских воззрений ученых в Германии XIX в. были обнаружены общие закономерности между отдельными положениями концепции К. Германна и научными идеями, представленными в трудах Г. Гегеля, Ф. Шлегеля, И. Г. Гердера, В. фон Гумбольдта, А. Шлейхера [3, с. 127].

Исходя из этого, стало возможным сделать вывод о широте взглядов К. Германна, о многоаспектности, многообразии его лингвофилософской концепции, в которой сосуществуют идеи философии идеализма Гегеля, романтического течения, духовности и историзма Гердера, философии язы-

ка Гумбольдта, сравнительно-исторического языкознания и естественных наук (натуралистической концепции Шлейхера).

В общем и целом лингвофилософская концепция К. Германна располагается в русле романтической концепции языка, но с точки зрения временной характеристики она создавалась в период между романтизмом и зарождавшимся позитивизмом, таким образом включив в свое содержание особенности последнего [7, с. 260].

Основной тезис лингвофилософской парадигмы К. Германна состоит в том, что между языком и мышлением существует тесная взаимосвязь и взаимовлияние, а также в том, что язык играет важную роль в процессе познания.

Отношения, связывающие язык и мышление, сложные, требующие привлечения в работу и изучения множества сведений из области логики, синтаксиса, истории культуры. Лингвофилософская парадигма исследований К. Германна представляет собой многоаспектную, многогранную систему знания, где каждый элемент выполняет определенную функцию. Для понимания природы языка в его концепции большую роль играют понятия: история, культура, духовность, развитие и их взаимосвязь [3, с. 211–212].

Исследование, направленное на восполнение лакун в области истории языкознания и лингвофилософии, обладает большой ценностью для современной науки, так как позволяет раскрыть обстоятельства возникновения тех или иных лингвофилософских идей, установить, как и почему научные воззрения ученых претерпевали изменения, объяснить суть этих изменений, а также определить место той или иной научной концепции в рамках научно-исследовательской парадигмы определенного периода времени.

Изучение творчества, а также биографии К. Германна будет продолжено; мы надеемся получить доступ к новым архивным материалам, которые позволят пролить свет на обстоятельства его жизни и научной деятельности.

Библиографический список

1. Лоза, А. В. Лингвистическая мысль второй половины XIX в.: К. Германн и Лейпцигский университет [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 3. – С. 167–171.

2. Лоза, А. В. Разделы философской грамматики как науки о языке, разработанной К. Германом [Текст] // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2014. – №4(35). – С. 89–96.

3. Лоза, А. В. Лингвофилософская парадигма исследований К. Германна [Текст] / А. В. Лоза. – Ярославль, 2015. – 228 с.

4. Радченко, О. А. Нарративная лингвоисториография: поиски нового объективизма [Текст] // Язык: теория, история, типология. – 2000. – С. 124–130.

5. Benecke-Deltaglia I., Schmidt E. G. Zum 150. Todestag von Gottfried Hermann. Stücke aus dem Nachlass // Philologus – Zeitschrift für antike Literatur und ihre Rezeption. – 1998. – № 142 (2). – S. 335–358.

6. Hermann C. Philosophische Grammatik. – Leipzig. Friedrich Fleischer Verlag, 1858. – 428 s.

7. Loza A. The spiritual and natural in the concept of language be Conrad Hermann // Proceedings of the 3rd International conference on European Conference on Languages, Literature and Linguistics. – 2014. – P. 258–265.

8. Schmidt E. G. Gottfried Hermann // Classical Scholarship: a bibliographical encyclopedia. – 1990. – P. 160–175.

9. Schmitter P. Untersuchungen zur Historiographie der Linguistik.Gunter Narr Verlag. – 1980. – 232 s.

10. Schmitter P. Historiographie und Narration: metahistorische Aspekte der Wissenschaftsgeschichtsschreibung der Linguistik. – Tübingen, 2003. – 187 s.

11. Hehl U., Augustin Ch. Professorenkatalog der Leipziger Universität. – URL: http://www.uni-leipzig.de/unigeschichte/

Bibliograficheskij spisok

1. Loza, A. V. Lingvisticheskaja mysl' vtoroj poloviny XIX v.: K. Germann i Lejpcigskij universitet [Tekst] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2013. – № 3. – S. 167–171.

2. Loza, A. V. Razdely filosofskoj grammatiki kak nauki o jazyke, razrabotannoj K. Germanom [Tekst] // V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedenija i kul'turologii. – 2014. – №4(35). – S. 89–96.

3. Loza, A. V. Lingvofilosofskaja paradigma issledovanij K. Germanna [Tekst] / A. V. Loza. – Jaroslavl', 2015. – 228 s.

4. Radchenko, O. A. Narrativnaja lingvoistoriografija: poiski novogo ob#ektivizma [Tekst] // Jazyk: teorija, istorija, tipologija. – 2000. – S. 124–130.

5. Benecke-Deltaglia I., Schmidt E. G. Zum 150. Todestag von Gottfried Hermann. Stücke aus dem Nachlass // Philologus – Zeitschrift für antike Literatur und ihre Rezeption. – 1998. – № 142 (2). – S. 335–358.

6. Hermann C. Philosophische Grammatik. – Leipzig. Friedrich Fleischer Verlag, 1858. – 428 s.

7. Loza A. The spiritual and natural in the concept of language be Conrad Hermann // Proceedings of the 3rd International conference on European Conference on Languages, Literature and Linguistics. – 2014. – P. 258–265.

8. Schmidt E. G. Gottfried Hermann // Classical Scholarship: a bibliographical encyclopedia. – 1990. – P. 160–175.

9. Schmitter P. Untersuchungen zur Historiographie der Linguistik.Gunter Narr Verlag. – 1980. – 232 s.

10. Schmitter P. Historiographie und Narration: metahistorische Aspekte der Wissenschaftsgeschichtsschreibung der Linguistik. – Tübingen, 2003. – 187 s.

11. Hehl U., Augustin Ch. Professorenkatalog der Leipziger Universität. – URL: http://www.uni-leipzig.de/unigeschichte/

Reference List

1. Loza A. V. Linguistic thought of the second half of the 19th century: C. Hermann and Leipzig University // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. – 2013. – No. 3. – Page 167–171.

2. Loza A. V. Sections of philosophical grammar as the science about language developed by C. Hermann // In the world of science and art: questions of philology, art criticism and cultural science. – 2014. – No. 4(35). – Page 89–96.

3. Loza A. V. Linguophilosophical paradigm of C. Hermann's researches / A. V. Loza. – Yaroslavl, 2015. – 228 pages.

4. Radchenko O. A. Narrative linguohistoriography: search of new objectivism//Language: theory, history, typology. – 2000. – Page 124–130.

5. Benecke-Deltaglia I., Schmidt E. G. Zum 150. Todestag von Gottfried Hermann. Stücke aus dem Nachlass // Philologus – Zeitschrift für antike Literatur und ihre Rezeption. – 1998. – № 142 (2). – S. 335–358.

6. Hermann C. Philosophische Grammatik. – Leipzig. Friedrich Fleischer Verlag, 1858. – 428 s.

7. Loza A. The spiritual and natural in the concept of language be Conrad Hermann // Proceedings of the 3rd International conference on European Conference on Languages, Literature and Linguistics. – 2014. – P. 258–265.

8. Schmidt E. G. Gottfried Hermann // Classical Scholarship: a bibliographical encyclopedia. – 1990. – P. 160–175.

9. Schmitter P. Untersuchungen zur Historiographie der Linguistik.Gunter Narr Verlag. – 1980. – 232 s.

10. Schmitter P. Historiographie und Narration: metahistorische Aspekte der Wissenschaftsgeschichtsschreibung der Linguistik. – Tübingen, 2003. – 187 s.

11. Hehl U., Augustin Ch. Professorenkatalog der Leipziger Universität. – URL: http://www.uni-leipzig.de/unigeschichte/

Дата поступления статьи в редакцию: 25.03.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

Теория языка

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10046
УДК 811.929.3:140.8:006.1

А. Д. Петренко
https://orcid.org/0000-0002-3481-1130

Д. М. Храбскова
https://orcid.org/0000-0002-2700-3661

Лингвистическая формализация науки в контексте учения В. И. Вернадского о ноосфере

Активизация процессов международного взаимодействия и прогрессирующие темпы развития технологий искусственного интеллекта актуализируют философскую интерпретацию планетного научного мировоззрения, выполненную В. И. Вернадским. Ноосферное пространство, как одна из возможных перспектив развития человечества, представляется все более реалистичным. Цель исследования заключается в аналитическом осмыслении истоков и форм коммуникативного кода метанауки, а также перспектив его проектирования. Основные теоретические задачи формулируются в пределах трех отраслей знаний: филологии, философии, математики. Гипотетико-дедуктивный метод, применяемый в работе, сопровождается элементами языкового проектирования и статистической оценки формальных моделей. Абстрактный подход к построению логических заключений в пределах положений философии обыденного языка позволяет сформулировать гипотезу о плановой формализации социолекта Homo intellegens: ноосферное пространство, семантически отображающееся в логической модели формальной действительности, формируется посредством апостериорного метаязыка, определенного над алфавитом международного общения в пределах естественного грамматического аналитизма замкнутого типа. Дальнейшая разработка гипотезы предполагает эмпирические исследования в пределах формальной системы с заданными лингвистическими параметрами. Разработка пилотного проекта контролируемого языка планетной науки в конкретном многопрофильном образовательном учреждении высшего образования, а также его формализация позволят минимизировать трудоемкость освоения научной коммуникации, а также провести апробацию работы искусственной интеллектуальной системы в естественной среде.

Ключевые слова: ноосфера, формальные системы, искусственные языки, языковое планирование, парадигматика языка, интерлингвистика, искусственный интеллект.

Theory of Language

A. D. Petrenko, D. M. Khrabskova

Linguistic Formalization of Science in the Context of V. I. Vernadsky's Doctrine about a Noosphere

The activation of international interaction processes and the progressive pace of development of artificial intelligence technologies actualize the philosophical interpretation of the planetary scientific worldview made by V. I. Vernadsky. Noospheric space, as one of the possible prospects for human development, seems increasingly realistic. The purpose of the study lies in analytical comprehension of the origins and forms of the meta-science communication code as well as in assessment of the prospects of its project planning. The main theoretical problems are formulated within three branches of knowledge: Philosophy, Philology and Mathematics. The hypothetical-deductive method used in the work is accompanied by elements of lingual project planning and statistical estimation of formal models. An abstract approach to the construction of logical conclusions within the provisions of the ordinary language philosophy allows us to formulate a hypothesis about the planned formalization of the sociolect Homo intellegens: noospheric space, semantically displayed in the logical model of formal reality is formed by a posteriori meta-language defined over the alphabet of international communication within the limits of natural grammatical analytics of a closed type. Further development of the hypothesis presupposes empiric researches within a formal system of the given linguistic project. Such a formal system can be a classic educational space for training highly qualified personnel, involving the development of universal competencies based, inter alia, on the system of scientific worldview and the ability to solve research and practical problems in interdisciplinary fields. The development of the pilot project of the controlled language of planetary science in the multidisciplinary educational institution of higher education as well as its formalization will minimize the complexity of teaching of scientific communication and also test the work of the artificial intellectual system in the natural environment.

Keywords: noosphere, formal systems, constructed language, language planning, language paradigm, interlinguistics, artificial intelligence.

© Петренко А. Д., Храбскова Д. М., 2018

Интердисциплинарность научных исследований актуализируется как методологический прием в начале XXI в. и находит отображение в принципах и механизмах НБИКС-конвергенции. Подобное устремление к систематизации и синтезу результатов научного *«прорыва»* XX в. (*здесь и далее:* тезаурус В. И. Вернадского – курсивом в кавычках) обусловлено объективными факторами, на развитие которых указывает В. И. Вернадский в рукописи 1936–1938 гг. «Научная мысль как планетное явление» [2]:

− осознание единства истории человечества, как следствие Первой мировой войны;

− исследовательский интерес к «*проблемам*», а не конкретным научным отраслям;

− социальная универсальность науки как мировоззрения, интерпретирующего «*формальную действительность*».

В пределах изложенной аксиоматики постулируется гипотеза о *«планетном»* научном мировоззрении как условии прогрессивного изменения биосферы, ее эволюции в ноосферу. «*Гипотеза о ноосфере*», как новой стадии развития планеты в целом, где научный разум представляет собой *«геологическую силу»*, отсутствующую в пределах биосферы, формулируется В. И. Вернадским, не будучи воспринятой современниками.

Идейное обоснование и раскрытие возможных параметров формализованного кода *«планетной»* научной коммуникации в пределах заданной мировоззренческой метасистемы является *целью* настоящей работы. Поставленная цель предполагает решение ряда *задач*, представляющих такие отрасли научного знания, как филология, философия, математика:

− семантическое осмысление понятия ноосфера как философской категории, а также анализ его концептуальной составляющей в пределах гипотезы В. И. Вернадского;

− определение явлений ноосферного пространства в контексте теории познания;

− изучение показателей взаимодействия естественных систем в синтагматике и парадигматике на примере сущностей **наука** и **язык;**

− лингвофилософская интерпретация перспектив глобализации языка как всеобщей коммуникативной системы человечества;

− статистическая оценка развития искусственных языков;

− раскрытие механизмов построения контролируемого языка как транзитивной эволюционной модели коммуникативного кода;

− проектирование базовой парадигмы формальных параметров *«планетного»* научного языка.

Методика исследования представлена в разрезе абстрактного подхода к решению научной проблематики. Первичная модель заданного коммуникативного кода формируется путем гипотетико-дедуктивных выводов с использованием элементов языкового проектирования и статистической оценки параметров устойчивости формальных систем.

Идея о существовании «разумной оболочки Земли» зарождается в начале XX в. в среде ученых-энциклопедистов. Дж. Мюррей определяет ее как психосферу, Э. Леруа и П. Тейяр де Шарден, вдохновленные лекциями В. И. Вернадского, предлагают термин «ноосфера». В 1938 г. В. И. Вернадский определяет ноосферу как «область проявления научной мысли и технической деятельности» [2, с. 16], ближе к 1945 г. его ноосфера суть рациональный конгломерат человечества и природной среды. В 1990-х гг. формирование ноосферы В. И. Вернадского представляется как потенциальный результат стратегии устойчивого развития человечества. Термин официально фиксируется в «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» (утв. Указом Президента РФ от 01.04.1996 г. №440) [4].

Содержание термина ноосфера раскрывается путем анализа семантической трансформации древнегреческого существительного ὁ νους в античной, а затем европейской коммуникативной традиции. Концепт ноосфера в русскоязычной терминологической системе устойчиво соотнесен с понятием «разумная оболочка Земли», поскольку древнегреческое ὁ νους традиционно переводится как «разум» (А. Д. Вейсман, И. Х. Дворецкий). Однако греческо-латинский лексикон, изданный в 1908 г. в Афинах (Α. Δ. Φεξης) [11], указывает на следующую параллель: ὁ νους = mens ≈ intellectus, что подтверждается в этимологическом словаре древнегреческого языка 1968 года издания (P. Chantraine) [9]. При подобной интерпретации ὁ νους соотносится по значению с русским словом «рассудок», субъектом же ноосферы становится не Homo sapiens – «человек разумный», а Homo intellegens – «человек рассудочный», который, по определению А. Г. Дугина, «на основании рационального подхода формулирует истины о природе окружающей его реальности» [3, с. 29]. В контексте указанной дихотомии разум рассматривается как «способ-

ность человека **логически и творчески** мыслить, обобщать результаты познания» [1], а рассудок понимается как форма мышления, основанная на способности «**логически** обрабатывать материал познания» [1]. Подобным образом на современном этапе осмысляется идея В. И. Вернадского о синкретизме мировоззренческой триады *«наука – философия – религия»*. В. И. Вернадский изначально оговаривает, что «обязательность вывода для всех без исключения людей мы встречаем только в некоторых частях мировоззрения – в областях, доступных его методам, образующих формальную действительность, хотя бы они раньше и были охвачены религиозными или философскими концепциями» [2, с. 219].

Первичной и единственной ныне плоскостью унификации деятельности человечества, непосредственно взаимодействующего с биосферой Земли, представляется научное мировоззрение, поскольку научные истины формулируются на основании рационального подхода, а научные факты должны подчиняться причинно-следственной логике [3]. Таким образом, *«планетное»* научное мировоззрение суть основа ноосферного пространства. Представляя собой «социальную модель познания» [3, с. 29], наука формируется в пределах социально ориентированной коммуникативной системы. Следовательно, формирование «*планетной»* науки обусловлено существованием *«планетного»* языка науки, социолекта ноосферного Homo intellegens.

Идея о едином / всеобщем / глобальном / международном / *«планетном»* языке сопровождает человеческое сообщество на протяжении всей истории его существования. Единство коммуникативного кода свидетельствует о единстве пространства взаимодействия и обусловлено единством концептосферы. Унифицирующую роль могут выполнять как естественные (латинский, персидский, русский, английский), так и искусственные языки (эсперанто, Globish, C/C++, PHP, Python). Однако, как свидетельствует история, глобальная унификация недоступна ни одному из известных на сегодняшний день коммуникативных кодов: любой язык, претендующий на всеобщность коммуникации, реализуется в функционально ограниченных пределах, будь то наддиалектная стандартизованная койне, спонтанные лингва франка, формальные языки логики и т. д. В любом случае, отмечается наличие субъектов, объединенных коммуникативной системой, и существование субъектов за пределами заданной системы, что объясняется Первым законом диалектики. Таким образом, единый язык есть явление преходящее и по природе прескриптивное.

Существование единого языка возможно в пределах строго ограниченной системы с заданными параметрами. Подобное условие зафиксировано в синтагматике слова «язык», которое в значении «коммуникативный код» всегда сопровождается определением: национальный / этнический язык, язык социальной группы, язык профессиональной отрасли и т. д. Следует также отметить, что естественные языки являются открытыми системами избыточного типа. Претендуя на унифицирующую роль, любой естественный язык непроизвольно подвержен формализации. Чем более формализован язык, тем более он универсален. Общепризнанно универсальной коммуникативной системой сегодня выступают математические обозначения.

В свою очередь универсальный язык может функционировать исключительно в пределах формальной системы, такой устойчивой замкнутой среды, в которой элементы подчинены четкой структурно-логической связи. Подобной системой и является ноосферное пространство В. И. Вернадского, выступающее на начальной стадии развития в виде научного мировоззрения. Философские и религиозные системы, обладающие национальными, этническими, культурно-историческими и другими маркерами, остаются за пределами формализации. Таким образом, вполне объективной представляется разработка и стандартизация *«планетного»* языка науки, то есть коммуникативного кода, функционирующего в пределах системы единой (*«планетной»*) науки.

Теория лингвистического проектирования формулируется в работах Р. Декарта и Г. В. Лейбница. Широкое распространение она получает со II половины XIX в., а к концу XX в. лингвистические проекты приобретают регулярный массовый характер. Первый, известный современности, искусственный язык, разработанный во II в. древнеримским медиком и философом Галеном, носит имя своего автора и нашел некоторое отображение в переводах армянских ученых VI–VII вв. Следующей в хронологии представлена Ignota lingua, зафиксированная в XII в. в рукописи аббатисы Хильдегарды Бингенской. Однако современная текстология определяет данный язык как криптолалию. Оба названных языка функционально ограничены, являясь исключительно системой письменных знаков. Первый искусственный язык, обеспечивающий автоматизацию вычислительных операций, разработан в 1880-х гг.

А. Лавлейс для «аналитической машины» Ч. Бэббиджа. Согласно статистическим данным, 74 % ныне зафиксированных искусственных языков разработаны в XX в., 19 % – в первом десятилетии XXI в., 4 % – в XIX в. и 3 % – в период до XIX в.

В разрезе современной интерлингвистики и теории моделей искусственный язык определяется как семиотическая система специального назначения с контролируемой коммуникативной функцией. Все искусственные языки по целевой направленности могут быть разделены на гуманитарно ориентированные или плановые и механистически ориентированные, или языки программирования. Плановые языки составляют предмет интерлингвистики, языки программирования функционируют в пределах теорем математической логики и информатики. Структурные параметры плановых языков разрабатывались в соответствии с языковыми уровнями и нашли отображение в работах О. Есперсена, А. Мартине, Э. Сепира, Н. С. Трубецкого, Н. Хомского, Н. В. Юшманова. На сегодняшний день известно более 1000 плановых языков, из которых наиболее социализированным считается эсперанто Л. Л. Заменгофа [10]. В актуальной базе данных HoPL (History of Programming Languages) зафиксировано более 8500 языков программирования [12]. «Энциклопедия языков программирования» указывает на цифру 2500-10000 [7], обусловливая расхождение транспарентностью уровней структурной градации: языки (25 %), диалекты (4 %), реализации (22 %), версии (49 %).

Во II половине XX в. вокабуляр интерлингвистики пополняется термином «контролируемый язык». По структурной организации – это формализованный подвид естественного языка, полученный путем целенаправленного устранения многозначности на лексическом и/или грамматическом уровне. Таким образом, пригодный для автоматического использования, контролируемый язык переходит в разряд искусственных плановых. Характеризующая же его потенциально открытая структурная организация позволяет носителям беспрепятственно переходить на естественный уровень коммуникации. Именно эта характеристика придает контролируемым языкам интерсистемный статус, обусловливая функцию транзитивности и обеспечивая психологическое доминирование над собственно искусственными языками в современном обществе.

Одним из первых контролируемых языков, созданных на основе английского, признан Basic English, разработанный Ч. Огденом в 1925–1932 гг. [6]. Далее по заданной схеме развиваются Simple English, Special English, Blitz English, Basic Global English, Lango, Espering, Globish. Однако по различным формальным (отсутствие официальной стандартизации) либо идеологическим причинам (зафиксированная торговая марка, этническая направленность целевой аудитории) ни один из названных языков не получил официальной общепризнанной социализации. Кроме того, подобные эксперименты не являются изобретением XX в. Известна Κοινὴ Ἑλληνική постклассической античной эпохи; разработанные на латинской основе Lingua universalis или Язык Лаббе (XVII в.), Carpophorophilus (XVIII век), Kosmos (XIX век), Latino sine flexione (XX в.); язык Шипфера, созданный в XIX в. в пределах системы французского языка.

Современное предпочтение, отдаваемое английскому языку, обусловлено как внеязыковыми, так и внутриязыковыми факторами. Внеязыковые факторы заключаются как в преобладающем количестве пользователей разных версий английского языка (по данным «Всемирной книги фактов» ≈ 6 млрд., что в 20 раз превышает количество естественных носителей) [8], его социальной и экономической престижности, так и в многолетнем целенаправленном языковом планировании (начало активной фазы финансирования определяется 1950-и гг.); формировании англо-саксонского научного потенциала, ведущего свою историю с середины XVIII в.; а также в выполненной Н. Хомским в 1970-х гг. формализации английской грамматики в соответствии с логикой первого порядка, что позволяет принимать английский язык как основу большинства языков программирования.

К внутриязыковым факторам относятся:

− латинское алфавитное письмо, визуально распознаваемое ≈ 100% образованного населения планеты [1];

− высокий уровень аналитизма грамматики английского языка (коэффициент Дж. Гринберга 1,68, что является вторым показателем среди языков международного общения после китайского);

− прогрессирующая интернационализация лексики: по разным оценкам от 50 до 70% активной лексики английского языка составляют интернационализмы, что обусловлено продуктивным заимствованием латинской лексики (до 30%) и развитием лингвистических проектов контролируемого типа [1; 4].

Основными условиями формирования искусственных плановых контролируемых языков, которые получают название **апостериорные**, являются:

− на уровне алфавита: международная распространенность и четкость отождествления;

− на уровне лексики: ограничение использования синонимов и многозначных слов;

− на синтаксическом уровне: минимизация частотности личных глагольных форм, предпочтение активного залога и настоящих вневременных форм, построение предложений с повествовательным утверждением, четкое соблюдение последовательности событий.

Теория лингвистического проектирования различает три типа апостериорных языков: упрощенный, натуралистический, автономный [1]. Из языков трех названных типов лишь к натуралистическим предъявляется наиболее жесткое требование использовать максимально возможное количество интернациональной лексики.

По структурным показателям синтагматического порядка апостериорный язык натуралистического типа приближается к формальным маркерам научного стиля речи:

− использование интернациональной терминологической лексики;

− минимизация экспрессивных и образных средств выражения;

− преобладание однозначных слов либо слов с одним заданным значением;

− нейтрализация грамматического значения времени;

− снижение формальной и семантической избыточности синтаксических структур [1].

Следует отметить, что подобные характеристики наиболее ярко выражены в собственно научном стиле речи, который единственно и рассматривается как объект потенциальной формализации.

Апостериорные языки, относясь к разряду контролируемых, характеризуются формализацией синтаксиса и семантики, что сближает их с языком логики первого порядка, составляющей структурно-семантическую основу формальных языков механистического типа.

Формальный язык формируется как контролируемая завершенная математическая модель естественного языка по заданной схеме:

− алфавит: замкнутая система знаков;

− слово: конечный набор знаков, заданных в определенной последовательности с целью кодировки информации;

− синтаксис: система правил синтагматической организации языковых конструкций, созданных согласно логике первого порядка;

− семантика: принципы и формальные правила однозначной интерпретации отдельных языковых конструкций, формирующих замкнутую систему [6].

На основе изложенных характеристик, исходя из функционального предназначения формальных языков, следует, что контролируемый апостериорный язык натуралистического типа, разработанный для собственно научной коммуникации, может быть подвержен механистической трансформации.

Изложенные логические заключения позволяют сформулировать следующую *гипотезу*: ноосферное пространство, семантически отображающееся в логической модели формальной действительности, формируется посредством апостериорного метаязыка, определенного над алфавитом международного общения в пределах естественного грамматического аналитизма замкнутого типа.

Дальнейшая разработка гипотезы предполагает эмпирические исследования в пределах формальной системы заданного лингвистического проекта. Подобной формальной системой может выступать классическое образовательное пространство по подготовке кадров высшей квалификации, предполагающее развитие универсальных компетенций, основанных в том числе на системности научного мировоззрения и способности решать исследовательские и практические задачи в междисциплинарных областях (УК-1 – УК-3 ФГОС ВО) [5]. Разработка пилотного проекта контролируемого языка *«планетной»* науки в конкретном многопрофильном образовательном учреждении высшего образования, а также его формализация позволят минимизировать трудоемкость освоения УК-4 (осуществление научной коммуникации) по ФГОС ВО аспирантуры, а также провести апробацию работы искусственной интеллектуальной системы в естественной среде.

Библиографический список

1. Академик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/

2. Батура, Т. В. Математическая лингвистика и автоматическая обработка текстов на естественном языке [Текст] : учебное пособие / Т. В. Батура. – Новосибирск : Издательство Новосибирского национального исследовательского университета, 2016. – 166 с.

3. Белоглазова, Л. Б., Белоглазов, А. А. Информационные технологии как основа обучения научному

стилю речи [Текст] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования / Л. Б. Белоглазова, А. А. Белоглазов. – М. : Издательство РУДН, 2015. – № 2. – С. 49–56.

4. Вейсман, А. Д. Греческо-русский словарь [Текст] / А. Д. Вейсман. – СПб. : Издание автора, 1899. – С. 851.

5. Вернадский, В. И. Научная мысль как планетное явление [Текст] / В. И. Вернадский / отв. ред. А. Л. Яншин. – М. : Наука, 1991. – 271 с.

6. Гончарова, А. А. Вклад Рене Декарта в современную лингвистическую философию [Текст] // Социально-гуманитарные знания / А. А. Гончарова. – М. : Редакция журнала «Социально-гуманитарные знания», 2016. – № 4. – С. 211–216.

7. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь [Текст] / И. Х. Дворецкий. – М. : Русский язык, 1976. – С. 540.

8. Дугин, А. Эволюция парадигмальных оснований науки [Текст] / А. Дугин. – М. : Арктогея-Центр, 2002. – 418 с.

9. Дуличенко, А. Д. Между африканистикой и космоглоттикой: к концепции всемирного языка Николая Владимировича Юшманова [Текст] // Вопросы языкознания / А. Д. Дуличенко. – М. : Наука, 2015. – № 1. – С. 118–132.

10. Исираилова, А. М. Пути применения инновационных методов в обучении научному стилю [Текст] // Известия вузов Кыргызстана / А. М. Исираилова. – Бишкек : Наука и новые технологии, 2017. – № 1. – С. 241–243.

11. Исмагилов, Р. С., Мастихина, А. А., Филиппова, Л. Е. О числовых характеристиках формальных языков [Текст] // Вестник Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана. Серия: Естественные науки / Р. С. Исмагилов, А. А. Мастихина, Л. Е. Филиппова. – М. : Издательство МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2017. – № 4 (73). – С. 4–15.

12. Комарова, З. И. Философия лингвистического познания и образования: к постановке проблемы [Текст] // Педагогическое образование в России / З. И. Комарова. – Екатеринбург : Издательство Уральского государственного педагогического университета, 2017. – № 7. – С. 24–37.

13. Концепция перехода РФ к устойчивому развитию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ipravo.info/russia2/law8/603.htm

14. Косырева, М. С. Глобализация английского языка: причины и последствия [Текст] // Филологические науки. Вопросы теории и практики / М. С. Косырева. – Тамбов : ООО «Грамота», 2016. – № 7–3 (73). – С. 138–140.

15. Кузнецов, А. Глобализация по-англосаксонски [Электронный ресурс] / А. Кузнецов. – Режим доступа: http://my-banks.info/analitics_globalizaciya-po-anglosaksonski/

16. Кузнецов, С. Н. Интерлингвистика и синтезирующее языкознание [Текст] // Современная наука / С. Н. Кузнецов. – М. : ООО «Законные решения», 2015. – № 4. – С. 96–100.

17. Малявко, А. А. Формальные языки и компиляторы [Текст] : учебное пособие / А. А. Малявко. – М. : Издательство Юрайт, 2017. – 429 с.

18. Мамченко, А. А., Редюхин, В. И. Путь в ноосферу: сложностные характеристики моделей миропонимания [Текст] // Материалы ежегодных Моисеевских чтений / А. А. Мамченко, В. И. Редюхин. – М. : Издательство МНЭПУ, 2017. – № 5. – С. 94–99.

19. Меликян, М. А. Между техносферой и ноосферой: в поисках человеческого качества [Текст] // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки / М. А. Меликян. – Иваново : Издательство Ивановского государственного университета, 2015. – № 2 (15). – С. 30–35.

20. Никитина, И. Н. Исследование естественного языка с позиций формальной логики (на материале английского языка) [Текст] // Научные исследования в сфере социально-экономических и гуманитарных наук: междисциплинарный подход и конвергенция знаний / И. Н. Никитина. – Самара : Поволжская научная корпорация, 2016. – С. 93–105.

21. Осминин, П. Г. Модель автоматического реферирования на основе базы знаний, ориентированная на автоматический перевод [Текст] // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика» / П. Г. Осминин. – Челябинск : Издательский центр Южно-Уральского государственного университета, 2014. – Т. 11. – № 2. – С. 65–68.

22. Петренко, А. Д., Храбскова, Д. М., Петренко, Д. А. Проблемы социолингвистической вариативности языка в немецкоязычных автохтонных ареалах [Текст] // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки / А. Д. Петренко, Д. М. Храбскова, Д. А. Петренко. – Симферополь : Издательство Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, 2016. – Т. 2 (68). – № 2–1. – С. 3–16.

23. Петренко, А. Д., Храбскова, Д. М., Петренко, Д. А., Исаев, Э. Ш. Актуальные проблемы языковой вариативности в аспекте мировой интеграции и глобализации [Текст] : коллективная монография / А. Д. Петренко, Д. М. Храбскова, Д. А. Петренко, Э. Ш. Исаев. – Симферополь : Издательство Таврического национального университета имени В.И. Вернадского, 2011. – 274 с.

24. Петренко, О. Д., Храбскова, Д. М. Об'єктивне і прескриптивне в мовній еволюції. Досвід прибалтійсько-біломорського комунікативного ареалу [Текст] // Записки по романо-германской филологии / О. Д. Петренко, Д. М. Храбскова. – Одесса : Феникс, 2011. – Вып. 26. – С. 199–207.

25. Портал Федеральных государственных образовательных стандартов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fgosvo.ru/fgosvo/95/91/7

26. Представление информации. Естественные и формальные языки. – [Электронный ресурс]. – Режим

доступа:
http://sites.google.com/site/informacia2013/dopolnenie

27. Савин, Л. Геополитика классическая и постсовременная. Материал лекции, прочитанной в Южном федеральном университете (г. Ростов-на-Дону) 15 декабря 2009 г. [Электронный ресурс] / Л. Савин. – Режим доступа:
http://konservatizm.org/seminars/sotsiologiya-geopoliticheskih-protsessov/230110105141.xhtml

28. Шувалова, О. Н. Обзор видов деятельности, возникающих вокруг проектов вымышленных языков в интернете [Текст] // Современная филология: теория и практика. Материалы XIX международной научно-практической конференции, Москва, 9-10 апреля 2015 года / О. Н. Шувалова. – М. : Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований», 2015. – С. 240–245.

29. Энциклопедия языков программирования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://progopedia.ru/

30. Andrews, E. Language Planning: Theoretical Background // Language Planning in the Post-Communist Era. The Struggles for Language Control in the New Order in Eastern Europe, Eurasia and China / E. Andrews. – Bloomington : Palgrave Macmillan, 2018. – P. 37–67.

31. Carton, O. Langages formels, calculabilité et complexité / O. Carton. – Paris : Vuibert, 2008. – 240 p.

32. Central intelligence agency. The World Factbook. – Режим доступа: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/

33. Chantraine, P. Dictionnaire étimologique de la langue grecque / P. Chantraine. – Paris : Ed. Klincksieck, 1968. – P. 773.

34. Comment parler l'anglais Globish pour se faire comprendre à l'international. – Режим доступа: https://www.mosalingua.com/blog/2010/09/23/comment-parler-langlais-globish-pour-se-faire-comprendre-a-linternational-2/

35. Conlang Atlas of Language Structures. – Режим доступа: http://cals.conlang.org/value/1/

36. Couturat, L., Jespersen, O., Lorenz, R., Ostwalkd, W., Pfaundler, L. International Language and Science: Considerations on the Introduction of an International Language into Science / L. Couturat, O. Jespersen, R. Lorenz, W. Ostwalkd, L. Pfaundler. – London : Constable & company, 1910. – P. 118.

37. David, R., Nour, K., Raffalli, C. Introduction à la logique. Théorie de la démonstration. Cours et exercices corrigés / R. David, K. Nour, C. Raffalli. – Dunod, 2001. – 334 p.

38. Ertel, W. Introduction to Artificial Intelligence. 2nd edition / W. Ertel. – Weingarten. – Cham. – Heidelberg. – New York. – Dordrecht. – London : Springer, 2017. – 356 p.

39. Ethnologue. Esperanto. – Режим доступа: https://www.ethnologue.com/language/epo

40. Gorter, D., Cenoz, J. Language education policy and multilingual assessment // Language and Education / D. Gorter, J. Cenoz. – UK: Taylor & Francis Group, 2017. – Vol. 31, Issue 3: Education and multilingualism: navigating policy and assessment. – P. 231–248.

41. Greenberg, J. H., Ferguson, Ch. A., Moravcsik, E. A. Universals of human language / J. H. Greenberg, Ch. A. Ferguson, E. A. Moravcsik. – Stanford : Stanford University Press, 1978. – Vol. 2. Phonology. – 590 p.

42. Greenberg, J. H., Ferguson, Ch. A., Moravcsik, E. A. Universals of human language / J. H. Greenberg, Ch. A. Ferguson, E. A. Moravcsik. – Stanford : Stanford University Press, 1978. – Vol. 1. Method & Theory. – P. 249–295.

43. Grzega, J. Globish and Basic Global English (BGE): Two Alternatives for a Rapid Acquisition of Communicative Competencein a Globalized World? // Journal for Euro LinguistiX. – No. 3. – 2006. – Pp. 1-13. – Режим доступа: http://www1.ku-eichstaett.de/SLF/EngluVglSW/ELiX/grzega-061.pdf

44. Hatch, M. J. Organization Theory: Modern, Symbolic, and Postmodern Perspectives / M. J. Hatch. – 4th edition. – Oxford : University Press, 2018. – 407 p.

45. Heller, M. Dr. Esperanto, or Anthropology as Alternative Worlds // American Anthropologist / M. Heller. – Arlington : American Anthropological Association, 2017. – Vol. 119, Issue 1. – P. 12–22.

46. History of Programming Languages. – Режим доступа:
http://web.cs.iastate.edu/~cs104/notes/histlanguage.html

47. Hughes, G. E., Cresswell, M. J. A New Introduction to Modal Logic / G. E. Hughes, M. J. Cresswell. – London. – New York : Routledge, 1996. – 421 p.

48. Ideopedia [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
http://www.europalingua.eu/ideopedia/index.php5?title=Accueil

49. Israel, N. Esperantic Modernism: Joyce, Universal Language, and Political Gesture // Modernism / modernity / N. Israel. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2017. – Vol. 24, No. 1. – P. 1–21.

50. John, A. C. A section from the Greek-Armenian lexicon to Galen // Medieval Armenian Culture / A. C. John. – Samuelian T. & Stone M., 1983. – P. 3–12.

51. Lecherbonnier, B. Pourquoi veulent-ils tuer le français? / B. Lecherbonnier. – Paris : Albin Michel, 2005. – 249 p.

52. Lemaignan, S., Warnier, M., Sisbot, E. A., Clodic, A., Alami, R. Artificial cognition for social human-robot interaction: An implementation // Artificial Intelligence / S. Lemaignan, M. Warnier, E. A. Sisbot, A. Clodic, R. Alami. – Elsevier B. V., 2017. – Vol. 247. – P. 45–69.

53. Linguistique et Traitement Automatique des Langues (TAL). Université de Franche-Comté Centre de Recherche Lucien Tesnière. – Режим доступа: http://tesniere.univ-fcomte.fr/index.html

54. Merlini, M. La classificazione tipologica delle lingue di J. H. Greenberg: valutazione critica e saggi di applicazione / M. Merlini. – Firenze : La Nuova Italia, 1985. – 170 p.

55. Pennycook, A. The Cultural Politics of English as an International Language / A. Pennycook. – London. – New York : Routladge – Taylor & Francis Group, 2017. – 365 pp.

56. Peterson, D. J. The art of language invention: From horse-lords to dark elves, the words behind the world-building // Language Problems and Language Planning / D. J. Petterson. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2018. – Vol. 41, Issue 3. – P. 304–306.

57. Rosé, C. P. Artificial intelligence: A social spin on language analysis // Nature. International journal of science / C. P. Rosé. – Macmillan Publishers Limited, 2018. – Vol. 545. – Pp. 166–167.

58. Sapir, E. The Function of an International Auxiliary Language / E. Sapir. – Режим доступа: http://interlanguages.net/sapir.html

59. Schor, E. Bridge of Words: Esperanto and the Dream of a Universal Language / E. Schor. – New York : Metropolitan Books, 2016. – 384 p.

60. Seidlhofer, B. English as a Lingua Franca and Multilingualism // Language Awareness and Multilingualism. Encyclopedia of Language and Education / B. Seidlhofer. – Cham. – Heidelberg. – New York. – Dordrecht. – London : Springer, 2015. – P. 1–14.

61. Sokolovska, Z. Languages in “the United Nation of Europe: debating a postwar language policy for Europe // Language Policy / Z. Sokolovska. – Cham. – Heidelberg. – New York. – Dordrecht. – London : Springer, 2017. – Vol. 16, Issue 4. – P. 461–480.

62. Wilson, A. Biosphere, Noosphere, Infosphere: Epistemo-Aesthetics and The Age Of Big Data // Parallax / A. Wilson. – Leeds : University of Leeds, 2017. – Vol. 23, No. 2. – P. 202–219.

63. Wright, S. Language policy and language planning. From nationalism to globalisation (2nd edition) / S. Wright. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2016. – 385 p.

64. Φεξης, Α. Δ. Λεξικον Ελληνο-Λατινικον / Α. Δ. Φεξης. – Εν Αθηναις: Εκ των βιβλιεκδοτικων καταστηματων, 1908. – Σ. 325.

Bibliograficheskij spisok

1. Akademik [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://dic.academic.ru/

2. Batura, T. V. Matematicheskaja lingvistika i avtomaticheskaja obrabotka tekstov na estestvennom jazyke [Tekst] : uchebnoe posobie / T. V. Batura. – Novosibirsk : Izdatel'stvo Novosibirskogo nacional'nogo issledovatel'skogo universiteta, 2016. – 166 s.

3. Beloglazova, L. B., Beloglazov, A. A. Informacionnye tehnologii kak osnova obuchenija nauchnomu stilju rechi [Tekst] // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Informatizacija obrazovanija / L. B. Beloglazova, A. A. Beloglazov. – M. : Izdatel'stvo RUDN, 2015. – № 2. – S. 49–56.

4. Vejsman, A. D. Grechesko-russkij slovar' [Tekst] / A. D. Vejsman. – SPb. : Izdanie avtora, 1899. – S. 851.

5. Vernadskij, V. I. Nauchnaja mysl' kak planetnoe javlenie [Tekst] / V. I. Vernadskij / otv. red. A. L. Janshin. – M. : Nauka, 1991. – 271 s.

6. Goncharova, A. A. Vklad Rene Dekarta v sovremennuju lingvisticheskuju filosofiju [Tekst] // Social'no-gumanitarnye znanija / A. A. Goncharova. – M. : Redakcija zhurnala «Social'no-gumanitarnye znanija», 2016. – № 4. – S. 211–216.

7. Dvoreckij I. H. Latinsko-russkij slovar' [Tekst] / I. H. Dvoreckij. – M. : Russkij jazyk, 1976. – S. 540.

8. Dugin, A. Jevoljucija paradigmal'nyh osnovanij nauki [Tekst] / A. Dugin. – M. : Arktorgeja-Centr, 2002. – 418 s.

9. Dulichenko, A. D. Mezhdu afrikanistikoj i kosmoglottikoj: k koncepcii vsemirnogo jazyka Nikolaja Vladimirovicha Jushmanova [Tekst] // Voprosy jazykoznanija / A. D. Dulichenko. – M. : Nauka, 2015. – № 1. – S. 118–132.

10. Isirailova, A. M. Puti primenenija innovacionnyh metodov v obuchenii nauchnomu stilju [Tekst] // Izvestija vuzov Kyrgyzstana / A. M. Isirailova. – Bishkek : Nauka i novye tehnologii, 2017. – № 1. – S. 241–243.

11. Ismagilov, R. S., Mastihina, A. A., Filippova, L. E. O chislovyh harakteristikah formal'nyh jazykov [Tekst] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta imeni N. Je. Baumana. Serija: Estestvennye nauki / R. S. Ismagilov, A. A. Mastihina, L. E. Filippova. – M. : Izdatel'stvo MGTU im. N. Je. Baumana, 2017. – № 4 (73). – S. 4–15.

12. Komarova, Z. I. Filosofija lingvisticheskogo poznanija i obrazovanija: k postanovke problemy [Tekst] // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii / Z. I. Komarova. – Ekaterinburg : Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2017. – № 7. – S. 24–37.

13. Koncepcija perehoda RF k ustojchivomu razvitiju [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://ipravo.info/russia2/law8/603.htm

14. Kosyreva, M. S. Globalizacija anglijskogo jazyka: prichiny i posledstvija [Tekst] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki / M. S. Kosyreva. – Tambov : OOO «Gramota», 2016. – № 7–3 (73). – S. 138–140.

15. Kuznecov, A. Globalizacija po-anglosaksonski [Jelektronnyj resurs] / A. Kuznecov. – Rezhim dostupa: http://my-banks.info/analitics_globalizaciya-po-anglosaksonski/

16. Kuznecov, S. N. Interlingvistika i sintezirujushhee jazykoznanie [Tekst] // Sovremennaja nauka / S. N. Kuznecov. – M. : OOO «Zakonnye reshenija», 2015. – № 4. – S. 96–100.

17. Maljavko, A. A. Formal'nye jazyki i kompiljatory [Tekst] : uchebnoe posobie / A. A. Maljavko. – M. : Izdatel'stvo Jurajt, 2017. – 429 s.

18. Mamchenko, A. A., Redjuhin, V. I. Put' v noosferu: slozhnostnye harakteristiki modelej miroponimanija [Tekst] // Materialy ezhegodnyh Moiseevskih chtenij / A. A. Mamchenko, V. I. Redjuhin. – M. : Izdatel'stvo MNJePU, 2017. – № 5. – S. 94–99.

19. Melikjan, M. A. Mezhdu tehnosferoj i noosferoj: v poiskah chelovecheskogo kachestva [Tekst] // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki / M. A. Melikjan. – Ivanovo : Izdatel'stvo Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015. – № 2 (15). – S. 30–35.

20. Nikitina, I. N. Issledovanie estestvennogo jazyka s pozicij formal'noj logiki (na materiale anglijskogo jazyka) [Tekst] // Nauchnye issledovanija v sfere social'no-jekonomicheskih i gumanitarnyh nauk: mezhdisciplinarnyj podhod i konvergencija znanij / I. N. Nikitina. – Samara : Povolzhskaja nauchnaja korporacija, 2016. – S. 93–105.

21. Osminin, P. G. Model' avtomaticheskogo referirovanija na osnove bazy znanij, orientirovannaja na avtomaticheskij perevod [Tekst] // Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Lingvistika» / P. G. Osminin. – Cheljabinsk : Izdatel'skij centr Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. – T. 11. – № 2. – S. 65–68.

22. Petrenko, A. D., Hrabskova, D. M., Petrenko, D. A. Problemy sociolingvisticheskoj variativnosti jazyka v nemeckojazychnyh avtohtonnyh arealah [Tekst] // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki / A. D. Petrenko, D. M. Hrabskova, D. A. Petrenko. – Simferopol' : Izdatel'stvo Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo, 2016. – T. 2 (68). – № 2–1. – S. 3–16.

23. Petrenko, A. D., Hrabskova, D. M., Petrenko, D. A., Isaev, Je. Sh. Aktual'nye problemy jazykovoj variativnosti v aspekte mirovoj integracii i globalizacii [Tekst] : kollektivnaja monografija / A. D. Petrenko, D. M. Hrabskova, D. A. Petrenko, Je. Sh. Isaev. – Simferopol' : Izdatel'stvo Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo, 2011. – 274 s.

24. Petrenko, O. D., Hrabskova, D. M. Ob'єktivne i preskriptivne v movnij evoljucії. Dosvid pribaltijs'ko-bilomors'kogo komunikativnogo arealu [Tekst] // Zapiski po romano-germanskoj filologii / O. D. Petrenko, D. M. Hrabskova. – Odessa : Feniks, 2011. – Vyp. 26. – S. 199–207.

25. Portal Federal'nyh gosudarstvennyh obrazovatel'nyh standartov [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://fgosvo.ru/fgosvo/95/91/7

26. Predstavlenie informacii. Estestvennye i formal'nye jazyki. – [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://sites.google.com/site/informacia2013/dopolnenie

27. Savin, L. Geopolitika klassicheskaja i postsovremennaja. Material lekcii, prochitannoj v Juzhnom federal'nom universitete (g. Rostov-na-Donu) 15 dekabrja 2009 g. [Jelektronnyj resurs] / L. Savin. – Rezhim dostupa: http://konservatizm.org/seminars/sotsiologiya-geopoliticheskih-protsessov/230110105141.xhtml

28. Shuvalova, O. N. Obzor vidov dejatel'nosti, voznikajushhih vokrug proektov vymyshlennyh jazykov v internete [Tekst] // Sovremennaja filologija: teorija i praktika. Materialy XIX mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 9-10 aprelja 2015 goda / O. N. Shuvalova. – M. : Nauchno-informacionnyj izdatel'skij centr «Institut strategicheskih issledovanij», 2015. – S. 240–245.

29. Jenciklopedija jazykov programmirovanija [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://progopedia.ru/

30. Andrews, E. Language Planning: Theoretical Background // Language Planning in the Post-Communist Era. The Struggles for Language Control in the New Order in Eastern Europe, Eurasia and China / E. Andrews. – Bloomington : Palgrave Macmillan, 2018. – P. 37–67.

31. Carton, O. Langages formels, calculabilité et complexité / O. Carton. – Paris : Vuibert, 2008. – 240 p.

32. Central intelligence agency. The World Factbook. – Rezhim dostupa: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/

33. Chantraine, P. Dictionnaire étimologique de la langue grecque / P. Chantraine. – Paris : Ed. Klincksieck, 1968. – P. 773.

34. Comment parler l'anglais Globish pour se faire comprendre à l'international. – Rezhim dostupa: https://www.mosalingua.com/blog/2010/09/23/comment-parler-langlais-globish-pour-se-faire-comprendre-a-linternational-2/

35. Conlang Atlas of Language Structures. – Rezhim dostupa: http://cals.conlang.org/value/1/

36. Couturat, L., Jespersen, O., Lorenz, R., Ostwalkd, W., Pfaundler, L. International Language and Science: Considerations on the Introduction of an International Language into Science / L. Couturat, O. Jespersen, R. Lorenz, W. Ostwalkd, L. Pfaundler. – London : Constable & company, 1910. – P. 118.

37. David, R., Nour, K., Raffalli, C. Introduction à la logique. Théorie de la démonstration. Cours et exercices corrigés / R. David, K. Nour, C. Raffalli. – Dunod, 2001. – 334 p.

38. Ertel, W. Introduction to Artificial Intelligence. 2nd edition / W. Ertel. – Weingarten. – Cham. – Heidelberg. – New York. – Dordrecht. – London : Springer, 2017. – 356 p.

39. Ethnologue. Esperanto. – Rezhim dostupa: https://www.ethnologue.com/language/epo

40. Gorter, D., Cenoz, J. Language education policy and multilingual assessment // Language and Education / D. Gorter, J. Cenoz. – UK: Taylor & Francis Group, 2017. – Vol. 31, Issue 3: Education and multilingualism: navigating policy and assessment. – P. 231–248.

41. Greenberg, J. H., Ferguson, Ch. A., Moravcsik, E. A. Universals of human language / J. H. Greenberg,

Ch. A. Ferguson, E. A. Moravcsik. – Stanford : Stanford University Press, 1978. – Vol. 2. Phonology. – 590 p.

42. Greenberg, J. H., Ferguson, Ch. A., Moravcsik, E. A. Universals of human language / J. H. Greenberg, Ch. A. Ferguson, E. A. Moravcsik. – Stanford : Stanford University Press, 1978. – Vol. 1. Method & Theory. – P. 249–295.

43. Grzega, J. Globish and Basic Global English (BGE): Two Alternatives for a Rapid Acquisition of Communicative Competencein a Globalized World? // Journal for Euro LinguistiX. – No. 3. – 2006. – Pp. 1-13. – Rezhim dostupa: http://www1.ku-eichstaett.de/SLF/EngluVglSW/ELiX/grzega-061.pdf

44. Hatch, M. J. Organization Theory: Modern, Symbolic, and Postmodern Perspectives / M. J. Hatch. – 4th edition. – Oxford : University Press, 2018. – 407 p.

45. Heller, M. Dr. Esperanto, or Anthropology as Alternative Worlds // American Anthropologist / M. Heller. – Arlington : American Anthropological Association, 2017. – Vol. 119, Issue 1. – P. 12–22.

46. History of Programming Languages. – Rezhim dostupa: http://web.cs.iastate.edu/~cs104/notes/histlanguage.html

47. Hughes, G. E., Cresswell, M. J. A New Introduction to Modal Logic / G. E. Hughes, M. J. Cresswell. – London. – New York : Routledge, 1996. – 421 p.

48. Ideopedia [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.europalingua.eu/ideopedia/index.php5?title=Accueil

49. Israel, N. Esperantic Modernism: Joyce, Universal Language, and Political Gesture // Modernism / modernity / N. Israel. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2017. – Vol. 24, No. 1. – P. 1–21.

50. John, A. C. A section from the Greek-Armenian lexicon to Galen // Medieval Armenian Culture / A. C. John. – Samuelian T. & Stone M., 1983. – P. 3–12.

51. Lecherbonnier, B. Pourquoi veulent-ils tuer le français? / B. Lecherbonnier. – Paris : Albin Michel, 2005. – 249 p.

52. Lemaignan, S., Warnier, M., Sisbot, E. A., Clodic, A., Alami, R. Artificial cognition for social human-robot interaction: An implementation // Artificial Intelligence / S. Lemaignan, M. Warnier, E. A. Sisbot, A. Clodic, R. Alami. – Elsevier B. V., 2017. – Vol. 247. – P. 45–69.

53. Linguistique et Traitement Automatique des Langues (TAL). Université de Franche-Comté Centre de Recherche Lucien Tesnière. – Rezhim dostupa: http://tesniere.univ-fcomte.fr/index.html

54. Merlini, M. La classificazione tipologica delle lingue di J. H. Greenberg: valutazione critica e saggi di applicazione / M. Merlini. – Firenze : La Nuova Italia, 1985. – 170 p.

55. Pennycook, A. The Cultural Politics of English as an International Language / A. Pennycook. – London. – New York : Routladge – Taylor & Francis Group, 2017. – 365 pp.

56. Peterson, D. J. The art of language invention: From horse-lords to dark elves, the words behind the world-building // Language Problems and Language Planning / D. J. Petterson. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2018. – Vol. 41, Issue 3. – P. 304–306.

57. Rosé, C. P. Artificial intelligence: A social spin on language analysis // Nature. International journal of science / C. P. Rosé. – Macmillan Publishers Limited, 2018. – Vol. 545. – Pp. 166–167.

58. Sapir, E. The Function of an International Auxiliary Language / E. Sapir. – Rezhim dostupa: http://interlanguages.net/sapir.html

59. Schor, E. Bridge of Words: Esperanto and the Dream of a Universal Language / E. Schor. – New York : Metropolitan Books, 2016. – 384 p.

60. Seidlhofer, B. English as a Lingua Franca and Multilingualism // Language Awareness and Multilingualism. Encyclopedia of Language and Education / B. Seidlhofer. – Cham. – Heidelberg. – New York. – Dordrecht. – London : Springer, 2015. – P. 1–14.

61. Sokolovska, Z. Languages in “the United Nation of Europe: debating a postwar language policy for Europe // Language Policy / Z. Sokolovska. – Cham. – Heidelberg. – New York. – Dordrecht. – London : Springer, 2017. – Vol. 16, Issue 4. – P. 461–480.

62. Wilson, A. Biosphere, Noosphere, Infosphere: Epistemo-Aesthetics and The Age Of Big Data // Parallax / A. Wilson. – Leeds : University of Leeds, 2017. – Vol. 23, No. 2. – P. 202–219.

63. Wright, S. Language policy and language planning. From nationalism to globalisation (2nd edition) / S. Wright. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2016. – 385 p.

64. Φεξης, Α. Δ. Λεξικον Ελληνο-Λατινικον / Α. Δ. Φεξης. – Εν Αθηναις: Εκ των βιβλιεκδοτικων καταστηματων, 1908. – Σ. 325.

Reference List

1. Academician [An electronic resource]. – Access mode: http://dic.academic.ru/

2. Batura T. V. Mathematical linguistics and automatic processing of texts in a natural language: manual / T. V. Batura. – Novosibirsk: Publishing house of Novosibirsk National Research University, 2016. – 166 pages.

3. Beloglazova L. B., Beloglazov A. A. Information technologies as basis of training in scientific style of the speech //Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Educ ation / L. B. Beloglazova, A. A. Beloglazov. – M. : RUDN Publishing House, 2015. – No. 2. – Page 49–56.

4. Veysman A. D. Greek-Russian dictionary / A. D. Veysman. – SPb. : Izdanie Avtora, 1899. – Page 851.

5. Vernadsky V. I. Scientific thought as planetary phenomenon / V. I. Vernadsky / editor-in-chief A. L. Yanshin. – M. : Nauka, 1991. – 271 pages.

6. Goncharova A. A. Rene Descartes’ impact in modern linguistic philosophy // Social and humanitarian knowledge / A. A. Goncharova. – M. : Editorial office

«Sotsialno-gumanitarnye Znaniya», 2016. – No. 4. – Page 211–216.

7. Dvoretsky I. H. Latin-Russian dictionary / I. H. Dvoretsky. – M. : Russky Yazyk, 1976. – Page 540.

8. Dugin A. Evolution of the paradigmatic bases of science / A. Dugin. – M. : Arktorgeya-Tsentr, 2002. – 418 pages.

9. Dulichenko A. D. Between African Studies and cosmoglotics to the concept of the world language by Nikolay Vladimirovich Yushmanov // Linguistics Questions / A. D. Dulichenko. – M. : Nauka, 2015. – No. 1. – Page 118–132.

10. Isirailova A. M. Ways of application of innovative methods in training in scientific style // News of higher education institutions of Kyrgyzstan / A. M. Isirailova. – Bishkek: Nauka i Novye tekhnologii, 2017. – No. 1. – Page 241–243.

11. Ismagilov R. S., Mastikhina A. A., Filippov L. E. On numerical characteristics of formal languages//Bulletin of Bauman Moscow State Technical University. Series: Natural sciences / R. S. Ismagilov, A. A. Mastikhina, L. E. Filippova. – M.: Bauman MSTU Publishing House, 2017. – No. 4 (73). – Page 4–15.

12. Komarova Z. I. Philosophy of linguistic knowledge and education: to statement of the problem // Pedagogical education in Russia / Z. I. Komarova. – Ekaterinburg : Ural State Pedagogical University Publishing House, 2017. – No. 7. – Page 24–37.

13. Concept of transition of the Russian Federation to sustainable development [An electronic resource]. – Access mode: http://ipravo.info/russia2/law8/603.htm

14. Kosyreva M. S. Globalization of English: reasons and consequences // Philological sciences. Questions of the theory and practice / M. S. Kosyreva. – Tambov: OOO Gramota, 2016. – No. 7–3 (73). – Page 138–140.

15. Kuznetsov A. Globalization in Anglo-Saxon [Electronic resource] / A. Kuznetsov. – Access mode: http://my-banks.info/analitics_globalizaciya-po-anglosaksonski/

16. Kuznetsov S. N. Interlinguistics and the synthesizing linguistics // Modern science / S. N. Kuznetsov. – M. : OOO Zakonnye Resheniya, 2015. – No. 4. – Page 96–100.

17. Malyavko A. A. Formal languages and compilers: manual / A. A. Malyavko. – M. : Yurait Publishing House, 2017. – 429 pages.

18. Mamchenko A. A., Redyukhin V. I. Way to a noosphere: difficult characteristics of outlook models //Materials of annual Moiseevsky's readings / A. A. Mamchenko, V. I. Redyukhin. – M.: MNEPU Publishing House, 2017. – No. 5. – Page 94–99.

19. Melikyan M. A. Between a technosphere and a noosphere: in search of human quality // Bulletin of Ivanovo State university. Series: Humanities / M. A. Melikyan. – Ivanovo: Ivanovo State University Publishing House, 2015. – No. 2 (15). – Page 30–35.

20. Nikitina I. N. Research of a natural language from positions of formal logic (on English material) //Scientific research in the sphere of social and economic and the humanities: cross-disciplinary approach and convergence of knowledge / I. N. Nikitina. – Samara: Povolzhskaya Nauchnaya Korporatsiya, 2016. – Page 93–105.

21. Osminin P. G. Model of automatic text summarization on the basis of the knowledge base focused on machine translation // Bulletin of Southern Ural State University. Linguistics series / P. G. Osminin. – Chelyabinsk : Southern Ural State University Publishing Center, 2014. – V. 11. – No. 2. – Page 65–68.

22. Petrenko A. D., Khrabskova D. M., Petrenko D. A. Problems of sociolinguistic variability of language in German-speaking autochthonic areas // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Philological sciences / A. D. Petrenko, D. M. Khrabskova, D. A. Petrenko. – Simferopol: the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky Publishing House, 2016. – T. 2 (68). – No. 2–1. – Page 3–16.

23. Petrenko A. D., Khrabskova D. M., Petrenko D. A., Isaev E. Sh. Current problems of language variability in aspect of world integration and globalizations: collective monograph / A. D. Petrenko, D. M. Khrabskova, D. A. Petrenko, E.Sh. Isaev. – Simferopol: Taurian National University named after V. I. Vernadsky Publishing House, 2011. – 274 pages.

24. Petrenko O. D., Khrabskova, D. M. Objective and perspective in language evolution of Baltic-and White sea communicative areal //Notes on the Roman-German philology / O. D. Petrenko, D. M. Khrabskova. – Odessa : Feniks, 2011. – Issue 26. – Page 199–207.

25. Portal of Federal state educational standards [An electronic resource]. – Access mode: http://fgosvo.ru/fgosvo/95/91/7

26. Submission of information. Natural and formal languages. – [Electronic resource]. – Access mode: http://sites.google.com/site/informacia2013/dopolnenie

27. Savin L. Classical and post-modern geopolitics. Material of the lecture given in the Southern Federal University (Rostov-on-Don) on December 15, 2009 [An electronic resource] / L. Savin. – Access mode: http://konservatizm.org/seminars/sotsiologiya-geopoliticheskih-protsessov/230110105141.xhtml

28. Shuvalova O. N. The review of the kinds of activity arising around projects of fictional languages in the Internet // Modern philology: theory and practice. Materials of the XIX international scientific and practical conference, Moscow, on April 9–10, 2015 / O. N. Shuvalova. – M. : Scientific and information publishing center «Institute Strategicheskikh Issledovanii», 2015. – Page 240–245.

29. Encyclopedia of programming languages [An electronic resource]. – Access mode: http://progopedia.ru/

30. Andrews E. Language Planning: Theoretical Background // Language Planning in the Post-Communist Era. The Struggles for Language Control in the New Order in Eastern Europe, Eurasia and China / E. Andrews. – Bloomington : Palgrave Macmillan, 2018. – P. 37–67.

31. Carton O. Langages formels, calculabilité et complexité / O. Carton. – Paris : Vuibert, 2008. – 240 p.

32. Central intelligence agency. The World Factbook. – Access mode: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/

33. Chantraine P. Dictionnaire étimologique de la langue grecque / P. Chantraine. – Paris : Ed. Klincksieck, 1968. – P. 773.

34. Comment parler l'anglais Globish pour se faire comprendre à l'international. – Access mode: https://www.mosalingua.com/blog/2010/09/23/comment-parler-langlais-globish-pour-se-faire-comprendre-a-linternational-2/

35. Conlang Atlas of Language Structures. – Режим доступа: http://cals.conlang.org/value/1/

36. Couturat L., Jespersen O., Lorenz R., Ostwalkd W., Pfaundler L. International Language and Science: Considerations on the Introduction of an International Language into Science / L. Couturat, O. Jespersen, R. Lorenz, W. Ostwalkd, L. Pfaundler. – London : Constable & company, 1910. – P. 118.

37. David R., Nour K., Raffalli C. Introduction à la logique. Théorie de la démonstration. Cours et exercices corrigés / R. David, K. Nour, C. Raffalli. – Dunod, 2001. – 334 p.

38. Ertel W. Introduction to Artificial Intelligence. 2nd edition / W. Ertel. – Weingarten. – Cham. – Heidelberg. – New York. – Dordrecht. – London : Springer, 2017. – 356 p.

39. Ethnologue. Esperanto. – Access mode: https://www.ethnologue.com/language/epo

40. Gorter D., Cenoz J. Language education policy and multilingual assessment // Language and Education / D. Gorter, J. Cenoz. – UK: Taylor & Francis Group, 2017. – Vol. 31, Issue 3: Education and multilingualism: navigating policy and assessment. – P. 231–248.

41. Greenberg J. H., Ferguson Ch. A., Moravcsik E. A. Universals of human language / J. H. Greenberg, Ch. A. Ferguson, E. A. Moravcsik. – Stanford : Stanford University Press, 1978. – Vol. 2. Phonology. – 590 p.

42. Greenberg J. H., Ferguson Ch. A., Moravcsik E. A. Universals of human language / J. H. Greenberg, Ch. A. Ferguson, E. A. Moravcsik. – Stanford : Stanford University Press, 1978. – Vol. 1. Method & Theory. – P. 249–295.

43. Grzega J. Globish and Basic Global English (BGE): Two Alternatives for a Rapid Acquisition of Communicative Competencein a Globalized World? // Journal for Euro LinguistiX. – No. 3. – 2006. – Pp. 1–13. – Access mode: http://www1.ku-eichstaett.de/SLF/EngluVglSW/ELiX/grzega-061.pdf

44. Hatch M. J. Organization Theory: Modern, Symbolic, and Postmodern Perspectives / M. J. Hatch. – 4th edition. – Oxford : University Press, 2018. – 407 p.

45. Heller M. Dr. Esperanto, or Anthropology as Alternative Worlds // American Anthropologist / M. Heller. – Arlington : American Anthropological Association, 2017. – Vol. 119, Issue 1. – P. 12–22.

46. History of Programming Languages. – Access mode: http://web.cs.iastate.edu/~cs104/notes/histlanguage.html

47. Hughes G. E., Cresswell M. J. A New Introduction to Modal Logic / G. E. Hughes, M. J. Cresswell. – London. – New York : Routledge, 1996. – 421 p.

48. Ideopedia [An electronic resource]. – Access mode: http://www.europalingua.eu/ideopedia/index.php5?title=Accueil

49. Israel N. Esperantic Modernism: Joyce, Universal Language, and Political Gesture // Modernism / modernity / N. Israel. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2017. – Vol. 24, No. 1. – P. 1–21.

50. John A. C. A section from the Greek-Armenian lexicon to Galen // Medieval Armenian Culture / A. C. John. – Samuelian T. & Stone M., 1983. – P. 3–12.

51. Lecherbonnier B. Pourquoi veulent-ils tuer le français? / B. Lecherbonnier. – Paris : Albin Michel, 2005. – 249 p.

52. Lemaignan S., Warnier M., Sisbot E. A., Clodic A., Alami R. Artificial cognition for social human-robot interaction: An implementation // Artificial Intelligence / S. Lemaignan, M. Warnier, E. A. Sisbot, A. Clodic, R. Alami. – Elsevier B. V., 2017. – Vol. 247. – P. 45–69.

53. Linguistique et Traitement Automatique des Langues (TAL). Université de Franche-Comté Centre de Recherche Lucien Tesnière. – Режим доступа: http://tesniere.univ-fcomte.fr/index.html

54. Merlini, M. La classificazione tipologica delle lingue di J. H. Greenberg: valutazione critica e saggi di applicazione / M. Merlini. – Firenze : La Nuova Italia, 1985. – 170 p.

55. Pennycook A. The Cultural Politics of English as an International Language / A. Pennycook. – London. – New York : Routladge – Taylor & Francis Group, 2017. – 365 pp.

56. Peterson D. J. The art of language invention: From horse-lords to dark elves, the words behind the world-building // Language Problems and Language Planning / D. J. Petterson. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2018. – Vol. 41, Issue 3. – P. 304–306.

57. Rosé C. P. Artificial intelligence: A social spin on language analysis // Nature. International journal of science / C. P. Rosé. – Macmillan Publishers Limited, 2018. – Vol. 545. – Pp. 166–167.

58. Sapir E. The Function of an International Auxiliary Language / E. Sapir. – Access mode: http://interlanguages.net/sapir.html

59. Schor E. Bridge of Words: Esperanto and the Dream of a Universal Language / E. Schor. – New York : Metropolitan Books, 2016. – 384 p.

60. Seidlhofer B. English as a Lingua Franca and Multilingualism // Language Awareness and Multilingualism. Encyclopedia of Language and Education / B. Seidlhofer. – Cham. – Heidelberg. – New York. – Dordrecht. – London : Springer, 2015. – P. 1–14.

61. Sokolovska Z. Languages in “the United Nation of Europe: debating a postwar language policy for Europe // Language Policy / Z. Sokolovska. – Cham. – Heidelberg. – New York. – Dordrecht. – London : Springer, 2017. – Vol. 16, Issue 4. – P. 461–480.

62. Wilson A. Biosphere, Noosphere, Infosphere: Epistemo-Aesthetics and The Age Of Big Data // Parallax / A. Wilson. – Leeds : University of Leeds, 2017. – Vol. 23, No. 2. – P. 202–219.

63. Wright S. Language policy and language planning. From nationalism to globalisation (2nd edition) / S. Wright. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2016. – 385 p.

64. Φεξης Α. Δ. Λεξικον Ελληνο-Λατινικον / Α. Δ. Φεξης. – Εν Αθηναις: Εκ των βιβλιεκδοτικων καταστηματων, 1908. – Σ. 325.

Дата поступления статьи в редакцию: 25.02.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

УДК 81

П. А. Сумарокова
https://orcid.org/0000-0003-4559-1986

Влияние романтизма на лингвистические взгляды Ф. Ж. М. Ренуара

В данной статье рассматривается влияние романтизма на лингвистические взгляды французского филолога Ф. Ж. М. Ренуара. Романтизм пришел на смену эпохи Просвещения и знаменовал глобальный поворот. Его истоком принято считать движение «Бури и натиска», которое возникло в 70-х гг. XVIII столетия и быстро распространилось по Европе. В основе эпохи лежало представление о мире как о явлении противоречивом. Происходит изживание логоцентрической парадигмы, ориентированной на однозначность смысла. Романтики говорили о священной ценности творческого гения, не предполагающей связи с божественным. Для классической эпохи был характерен этноцентризм, когда культура собственного этноса рассматривалась в качестве эталона. Главной идеей романтизма стал культурный релятивизм, который предполагал отказ от придания чему-либо абсолютного значения. По мнению сторонников этой идеи, все культурные типы условны. Поскольку культура собственного этноса перестает быть образцом, интерес к культуре других этносов повышается. Возможно, именно это становится точкой отсчета для расширения лингвистического кругозора, что впоследствии приводит к возникновению компаративистики. Ф.Ж.М. Ренуар занимался исследованием романских языков. Его теория об их происхождении значительно отличается от теорий других исследователей. Захваченный динамикой нового времени, значительно расширившим перспективы, Ренуар сделал ошибочный вывод о том, что провансальский стал предшественником романских языков. Позднее ученые доказали, что источником возникновения романских языков была народная латынь. Несмотря на то, что многие исследователи критиковали Ренуара, его теория о происхождении романских языков была признана важным научным достижением.

Ключевые слова: Ф. Ж. М. Ренуар, романтизм, движение «Бури и натиска», эпоха Просвещения, И. Г. Гердер, этноцентризм, компаративистика, «Митридат», романские языки, провансальский, К. Ф. Диц, А. В. Шлегель.

P. A. Sumarokova

The Influence of Romanticism on François Just Marie Raynouard's Linguistic Views

This article is related to the influence of Romanticism on French linguist F. J. M. Raynouard's linguistic views. Romanticism replaced the Enlightenment and became the global turn. The movement «Sturm and Drang» is considered its source. It arose in the seventies of the XVIII century and spread rapidly across Europe. The epoch was based on the thought about the world like the contradictory phenomenon. It was a new paradigm that was not oriented on the absolute meaning. The Romantics spoke about the sacred value of the creative genius that was not already divine. The feature of the classical epoch was ethnocentrism when the culture of its ethos was considered as a standard. The main idea of Romanticism is cultural relativism that proposed the refusal of attaching absolute significance to anything. In opinion of the supporters of this idea, all the cultural types are conditional. As the culture of own ethnos is not already the sample, the interest to culture of other ethnoses is increased. It is possible that this became the starting point of the expansion of the linguistic views and afterward of the origin of the comparative method. F. J. M. Raynouard studied the Romance languages. His theory of the origin of the Romance languages differs much from the theories of other researchers. He was captured by the dynamics of the new time of expanded perspectives and made the erroneous conclusion that Provençal became a predecessor of the Romance languages. Afterwards the scientists proved that it was Vulgar Latin that became the source of the origin of the Romance languages. In spite of the fact that many scientists criticized Raynouard, his theory of the origin of the Romance languages was recognized as the important scientific attainment.

Keywords: F. J. M. Raynouard, Romanticism, movement «Sturm and Drang», Enlightenment, J. G. Herder, ethnocentrism, comparative method, «Mithridates», Romance languages, Provençal, C. F. Diez, A. W. Schlegel.

Романтизм, как известно, пришел на смену эпохи Просвещения и знаменовал глобальный поворот. Его истоком принято считать движение «Бури и натиска», которое возникло в 70-х гг. XVIII столетия, получив название по драме немецкого писателя Фридриха Максимилиана фон Клингера (1752–1831). Представителей этого движения принято называть «штюрмерами» (от нем. *Stürmer* 'бунтарь'). Понятие «Бури и натиска» было подхвачено людьми искусства и быстро распространилось по Европе. Иногда его называют репетицией Великой французской революции, аллергией на крайность Просвещения [4, с. 3]. Течения натурализм, реализм, символизм можно рассматривать, как варианты «большого» романтизма [2, с. 6].

Просветители утверждали, что существуют абсолютные образцы искусства, которые были созданы мастерами, максимально развившими свои

© Сумарокова П. А., 2018

способности. Основную задачу современного художника они видели в приближении к этим образцам через подражание, считая совершенными творцами античных художников.

В основе романтизма лежало представление о мире как о явлении противоречивом. Происходит изживание логоцентрической парадигмы, ориентированной на однозначность и окончательность смысла. Деистическому понятию божественного как высшего разума противопоставляется пантеизм, согласно которому человек всесилен и имеет неограниченные возможности. В сакральных образцах видели лишенные содержания знаки, вымыслы, поэтому они теряют свое значение [4, с. 4]. Романтики говорили о священной ценности творческого гения, не предполагающей никакой связи с божественным. Таким образом, они снова открыли природу как всемогущую силу, избавив творца от навязанных правил.

Французский философ А. Сен-Симон (1760–1825) сравнивал романтизм с эпохой Возрождения: «…священные реликвии перестали считаться лучшими образцами; шедевры живописи и скульптуры начали казаться самыми ценными вещами, какими только может владеть человек» [2, с. 14].

Одним из значительных деятелей эпохи «Бури и натиска» был немецкий мыслитель И. Г. Гердер (1744–1803). В 1781 году он в своем труде «О влиянии поэтического искусства на нравы народов в старые и новые времена» выдвинул теорию гения, главной идеей которой стала следующая мысль: творчество гения должно быть всегда абсолютно свободным и самобытным [7, с. 217].

Испокон веков происходящая действительность отражалась в творчестве людей, живущих в тот или иной временной период. Пожалуй, лучшим ее «зеркалом» всегда была литература: на ней лучше всего проиллюстрировать особенности исторического промежутка. Одной из важных черт представителей романтизма было состояние внутреннего дискомфорта, что служило почвой для конфликта с реальностью, от которой они бежали [4, с. 6].

Романтический герой – человек беспокойный, настроенный пессимистично из-за критического взгляда на мир. Он враждебно относится ко всему застойному и косному. Его тяготит ограниченность и узость социума. Совершая попытку вырваться на широкий простор, герой вступает в более сложные связи. Но поскольку он не может как абстрагироваться от установок прежнего общества, так и принять новое, царит хаос, который идет от внутренних противоречий. Дисгармония усиливает критическое отношение к миру, тем самым повышая уровень одиночества. В итоге герой совсем отрывается от реальности и начинает жить в своих мечтах [3, с. 10].

Для классической эпохи был характерен этноцентризм, когда культура собственного этноса рассматривалась в качестве эталона. Главной идеей романтизма стал культурный релятивизм, который предполагал отказ от придания чему-либо абсолютного значения. По мнению сторонников этой идеи, все культурные типы условны, так как сама культура – явление неприродное, а значит, многовариантное. Она создается творческой деятельностью людей независимо от какого-либо закона [2, с. 13].

Поскольку культура своего этноса перестает быть образцом, интерес к культуре других этносов повышается. Можно предположить, что новая установка способствовала возрастанию интереса и к языкам, которое проявилось, прежде всего, в печати многоязычных словарей. Первый словарь был издан императрицей Екатериной II (1729–1796). Составив списки слов, которые должны были переводиться на как можно большее количество языков, она рассылала их по странам. В 1787 г. вышла первая часть труда под названием «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей всевысочайшей особы», куда вошли списки слов по 200 языкам, а также диалектам Азии и Европы [6, с. 46].

Еще одним крупным трудом была работа испанского иезуита Лоренцо Эрвас-и-Пандуро (1735–1809), которая получила название «Идея вселенной» (1778–1792). Однако наиболее известным стало издание немецкого филолога Иоганна Кристофа Аделунга (1732–1806) «Митридат» (1793–1801), имеющее в качестве языкового примера «Отче наш на почти 500 языках и диалектах» [6, с. 138].

По мнению датского лингвиста В. Томсена (1842–1927), во всех этих работах обнаруживается большое количество ошибок и недочетов, в силу чего весьма заметно, что авторы на тот момент не имели обширных и глубоких лингвистических знаний [6, с. 48]. Однако именно они способствовали развитию сравнительно-исторического метода, видными представителями которого стали немецкий филолог Франц Бопп (1791–1867), датский ученый Расмус Кристиан Раск (1787–1832), немецкий лингвист Якоб Гримм (1785–1863) и другие. В основном ученые занимались изучением разных языковых групп. Например, исследования Боппа охватывают очень многие индоевро-

пейские языки. В 1816 г. вышла его книга «О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германских языков» [6, с. 59].

Однако некоторые лингвисты специализировались на одной группе языков. Так, французский филолог Франсуа Жюст Мари Ренуар (1761–1836) занимался исследованием романских языков. Его теория о происхождении романских языков значительно отличается от теорий других исследователей, например, немецких филологов К. Ф. Дица (1794–1876), А. В. Шлегеля (1767–1845).

Ренуар родился 18 сентября 1761 года в городе Бриньоле. Учился в семинарии, расположенной в Экс-ан-Прованс, затем на факультете права. Окончив учебу, он становится адвокатом и вскоре начинает политическую деятельность в Законодательном Собрании. В 1807 г. был избран членом Французской академии. Будучи не только лингвистом, но и драматургом, Ренуар вел театральную деятельность, однако успеха добиться ему не удалось, вследствие чего он покинул театр и всецело посвятил себя филологии. Об этом событии он написал так: «Я возвращаюсь к происхождению нашего прекрасного языка. Я стану тем, кто напишет о нем историю…» (фр. «Je retourne à l'origine de notre belle langue, j'en deviendrai l'historien…») [10, с. 439].

Главной идеей творчества Ренуара было утверждение о том, что провансальский стал предшественником романских языков [14, с. 40]. Изучая манускрипты средневековых авторов, ученый обнаружил, что наряду со старофранцузским во Франции существовал еще один романский язык, более древний, так называемый примитивный романский. Причем на нем было написано довольно много произведений, о которых почти никто не слышал [1, с. 8].

Под этим языком Ренуар подразумевает язык, возникший из испорченной латыни. Его памятником являются, например, «Страсбургские клятвы» 842 года. Ученый был уверен, что именно на нем когда-то говорила вся Западная Европа. Позднее возникли другие романские языки.

В своем труде «Основы грамматики романского языка» (1816) Ренуар обращается к истории Римской империи, официальным языком которой была латынь. Но поскольку народы, жившие на завоеванных землях, имели свой язык, возникло много новых говоров [11, с. 5–8]. В этот период латинский спас только культ христианства. Он являлся универсальным языком декретов и всего, что было связано с церковью [11, с. 9].

Количество иностранцев на территории Римской империи не переставало увеличиваться, из-за чего к XVI в. официальный язык превратился в хаос. Особенно это было заметно на грамматическом уровне. Франкский епископ Григорий Турский (538–594) в предисловии к своему труду «Слава духовникам» выражает опасение по поводу того, что в неправильном употреблении рода его не упрекнут [11, с. 22]. Например, появились два предлога: *«ad»* и *«de»*. Значение предлога *«ad»* было сопоставимо с дательным падежом, *«de»* – с родительным. В результате этого окончания имен существительных стали использоваться произвольно и, утратив тем самым свое значение, были со временем отменены [11, с. 25].

На взгляд Ренуара, провансальский сформировался раньше всех, а значит, другие романские языки наполнились его лексикой [15, с. 3]. Причем примитивный романский язык продолжил совершенствоваться в провансальском [13, с. 384; 16, с. 11].

Ученый утверждал, что провансальский язык распространялся по северу Франции. Подтверждений его точки зрения было мало, однако филолог ее не изменил, в результате чего провансальский стал «матерью» старофранцузского, испанского, итальянского, а также португальского и каталонского вместо того, чтобы быть одним из «братьев», появившимся на свет раньше других [18, с. 18].

Поначалу теория Ренуара была поддержана, однако более глубокое изучение языков вскоре заставило ученых поставить ее под сомнение. Наконец, исследования народной латыни доказали, что именно она является источником возникновения романских языков [8, с. 8–9].

Ренуара критиковали многие исследователи. Французский филолог Г. Парис (1839–1903) пишет: «…впрочем, немного ослепленный патриотизмом, Ренуар не постеснялся объявить о том, что провансальский язык в какой-то момент был общим языком Латинской Европы и о том, что этот язык был „матерью" французского, итальянского, испанского» (фр. «… un peu aveuglé d'ailleurs par l'esprit patriotique, n'hésita pas à proclamer que le provençal avait été à un certain moment la langue commune de l'Europe romane, et que cette langue, fille du latin, était mère du français, de l'italien et de l'espagne») [8, с. 8].

Французский лингвист К. Ш. Форьель (1772–1844) также не соглашался с Ренуаром, утверждая, что романские языки не могли родиться из одного примитивного языка [11, с. 365]. Бельгийский фи-

лолог и писатель Ф.О.Ф.Т. де Райфенберг (Рейфенберг) (1795–1850) в своей работе «Очерк о Ренуаре» [16] выражает сомнение относительно того, что когда-то использовался один романский язык, на котором теперь говорят провансальцы [16, с. 11]. Действительно, теории ученого противоречит уже тот факт, что португальский не имеет ничего общего с провансальским языком.

Несмотря на многочисленную критику, теория Ренуара была признана важным научным достижением. Сравнительный анализ грамматического строя и лексического состава романских языков, выполненный французским филологом, открыл новый путь их изучения. Подчеркнем, что основателем романской филологии принято считать Ф. Дица, однако сам немецкий лингвист называл таковым Ренуара [8, с. 1].

Аргументы ученого по поводу того, что романский язык был посредником между латынью и вышедшими из него романскими языками, не убедили немецкого филолога А. В. Шлегеля (1767–1845) [15, с. 39]. Однако наследие Ренуара оказало немалое влияние на его творчество. В научно-литературном журнале Европы «Журналь дэ саван» («Journal des savants») 1818 года находим следующее высказывание немецкого филолога: «Я с давних пор собирал материал для труда „Исторический очерк о формировании французского языка”. Исследования Ренуара на многое пролили свет. Они лишают мои заметки новизны, но все же не делают их бесполезными…» (фр. «J’avois préparé depuis plusieurs années les matériaux d’un «Essai historique sur la formation de la langue française». Les recherches de M. Raynouard m’ont fourni beaucoup de lumières. Elles ôtent à mes observations une partie de leur nouveauté; mais elles ne les rendent peut être pas entièrement inutiles…») [6, с. 586].

Наиболее известными трудами Ренуара являются следующие: «Основы грамматики романского языка» (1816), «Избранная оригинальная поэзия трубадуров» (1816–1821), «Грамматика языков Латинской Европы в сравнении с языком трубадуров» (1821), «Словарь языка трубадуров, или Романская лексика в ее сравнении с лексикой других языков Латинской Европы» (1838–1844). Следует отметить, что работы Ренуара заполняют и лакуну в истории средневековой литературы. Благодаря ему поэзия трубадуров изучена даже лучше, чем та, что была создана на старофранцузском языке.

Годы жизни ученого совпадают с периодом зарождения и развития романтизма. Французский писатель и политический деятель Луи де Фонтан (1757–1821) так говорил о Ренуаре: «Провансалец оригинальный, а главное, независимый» [5, с. 32]. Из-за того, что романтики активно выступали против консервативных точек зрения, появилась возможность мыслить не стереотипно, а свободно и даже чрезмерно свободно. Такая позиция, в итоге, приводила к неправильным выводам, как это произошло с Ренуаром, а также прослеживается в «Митридате» Аделунга и других работах, изданных в эпоху романтизма.

Романтизм возник среди людей, переживавших события революции. Она разразилась в 1789 г. Через три года во Франции пала монархия и была провозглашена республика. Можно сказать, что гильотина стала символом укора просвещенному разуму [4, с. 3]. Партии жирондистов и якобинцев стали противоборствующими сторонами политического конфликта. Ренуар разделял взгляды жирондистов, за что был заключен в одну из старинных парижских тюрем. Кроме того, интересно, что в период своего заточения он написал трагедию «Катон Утический» (1794), которая имела антиякобинскую направленность и, представляя собой протест против тирании, прославляла свободу.

Таким образом, романтизм оказал влияние на языкознание XIX в. В центре эпохи была идея культурного релятивизма, которая послужила точкой отсчета для расширения лингвистического кругозора, что впоследствии привело к возникновению сравнительно-исторического метода. Французский компаративист Ф. Ж. М. Ренуар занимался изучением романских языков. Будучи захваченным динамикой нового времени, значительно расширившим перспективы, ученый сделал ошибочный вывод о том, что провансальский стал предшественникам романских языков. В своем видении относительно их происхождения Ренуар был одинок. В этом проявилась его самобытность, что еще в большей степени характеризует ученого как истинного представителя эпохи романтизма.

Библиографический список

1. Алисова, Т. Б. Старопровансальский язык и поэзия трубадуров [Текст] : учебное пособие / Т. Б. Алисова, К. Н. Плужникова. – М. : МАКС Пресс, 2011. – 176 с.

2. Зенкин, С. Н. Французский романтизм и идея культуры: (аспекты проблемы) [Текст] / С. Н. Зенкин. – М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 144 с.

3. Обломовский, Д. Д. Французский романтизм: очерки [Текст] / Д. Д. Обломовский, А. I. Цейтлин, Р. В. Циппо. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1947. – с. 354.

4. Реале, Д. Западная философия от истоков до наших дней. От романтизма до наших дней [Текст] / Д. Реале, Д. Антисери, С. Мальцева, Ю. А. Кимелев. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 774 с.

5. Реизов, Б. Г. Между классицизмом и романтизмом. Спор о драме в период первой империи [Текст] / Б. Г. Реизов. – СПб. : Издательство Ленинградского университета, 1962 г. – 253 с.

6. Томсен, В. История языковедения до конца XIX века: (краткий обзор основных моментов) [Текст] / В. Томсен. – М. : Учпедгиз, 1938. – 160 с.

7. Тураев, С. В. История всемирной литературы [Текст] : в 9-и т. : Т. 5 / С. В. Тураев. – М. : «НАУКА», 1988. – 784 с.

8. Diez F. Introduction à la grammaire des langues romanes / Frédéric Diez; trad. de l'allemand par Gaston Paris. – Paris : Albert L. Hérold, 1863. – 163 p.

9. Journal de savans: janvier – décembre 1818. – Paris : Imprimerie Royale, 1818. – 768 p.

10. Journal de savans: année 1837. – Paris : Imprimerie Royale, 1837. – 768 p.

11. Lühr R. Claude Fauriel, précurseur des études indo-éuropeennes en France // Claude Fauriel et l'Allemagne: idées pour une philologie des cultures. – Paris, 2014. – P. 349–394.

12. Raynouard F. J.M. Éléments de la grammaire de la langue romane avant l'an 1000, précédés de recherches sur origine et la formation de cette langue. – Paris : Firmin Didot, 1816. – 105 p.

13. Raynouard F. J.M. Grammaire comparée des langues de l'Europe latine, dans leurs rapports avec la langue des troubadours. – Paris : Firmin Didot, 1821. – 412 p.

14. Raynouard F. J.M. Lexique roman, ou Dictionnaire de la langue des troubadours comparée avec les autres langues de l'Europe latine: précédé de nouvelles recherches historiques et philologiques, d'un résumé de la grammaire romane, d'un nouveau choix des poésies originales des troubadours et d'extraits de poèmes divers: en 6 vol. T. 1. Recherches. Grammaire. Poesie. – Paris : Silvestre, 1844. – 583 p.

15. Raynouard F. J.M. Observations philologiques et grammaticales sur le «Roman de Rou» et sur quelques règles de la langue des trouvères au douzième siècle. – Rouen: Édouard Frère, 1829. – 140 p.

16. Reiffenberg F. A.F. T. de. Notice sur François-Juste-Marie Raynouard. – Bruxelles : M. Hayez, 1839. – 15 p.

17. Sainte-Beuve C.-A. Causeries du lundi: en 15 vol. T. 5. – Paris : Garnier Frêres, 1852. – 319 p.

18. Schlegel A. W. von. Observations sur la langue et littérature provençales. – Paris : Librairie grecquelatine-allemande, 1818. – 136 p.

Bibliograficheskij spisok

1. Alisova, T. B. Ctaroprovansal'skij jazyk i pojezija trubadurov [Tekst] : uchebnoe posobie / T. B. Alisova, K. N. Pluzhnikova. – M. : MAKS Press, 2011. – 176 s.

2. Zenkin, S. N. Francuzskij romantizm i ideja kul'tury: (aspekty problemy) [Tekst] / S. N. Zenkin. – M. : Rossijsk. gos. gumanit. un-t, 2001. – 144 s.

3. Oblomovskij, D. D. Francuzskij romantizm: ocherki [Tekst] / D. D. Oblomovskij, A. I. Cejtlin, R. V. Cippo. – M. : Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1947. – s. 354.

4. Reale, D. Zapadnaja filosofija ot istokov do nashih dnej. Ot romantizma do nashih dnej [Tekst] / D. Reale, D. Antiseri, S. Mal'ceva, Ju. A. Kimelev. – SPb. : TOO TK «Petropolis», 1997. – 774 s.

5. Reizov, B. G. Mezhdu klassicizmom i romantizmom. Spor o drame v period pervoj imperii [Tekst] / B. G. Reizov. – SPb. : Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1962 g. – 253 s.

6. Tomsen, V. Istorija jazykovedenija do konca XIX veka: (kratkij obzor osnovnyh momentov) [Tekst] / V. Tomsen. – M. : Uchpedgiz, 1938. – 160 s.

7. Turaev, S. V. Istorija vsemirnoj literatury [Tekst] : v 9-i t. : T. 5 / S. V. Turaev. – M. : «NAUKA», 1988. – 784 c.

8. Diez F. Introduction à la grammaire des langues romanes / Frédéric Diez; trad. de l'allemand par Gaston Paris. – Paris : Albert L. Hérold, 1863. – 163 p.

9. Journal de savans: janvier – décembre 1818. – Paris : Imprimerie Royale, 1818. – 768 p.

10. Journal de savans: année 1837. – Paris : Imprimerie Royale, 1837. – 768 p.

11. Lühr R. Claude Fauriel, précurseur des études indo-éuropeennes en France // Claude Fauriel et l'Allemagne: idées pour une philologie des cultures. – Paris, 2014. – P. 349–394.

12. Raynouard F. J.M. Éléments de la grammaire de la langue romane avant l'an 1000, précédés de recherches sur origine et la formation de cette langue. – Paris : Firmin Didot, 1816. – 105 p.

13. Raynouard F. J.M. Grammaire comparée des langues de l'Europe latine, dans leurs rapports avec la langue des troubadours. – Paris : Firmin Didot, 1821. – 412 p.

14. Raynouard F. J.M. Lexique roman, ou Dictionnaire de la langue des troubadours comparée avec les autres langues de l'Europe latine: précédé de nouvelles recherches historiques et philologiques, d'un résumé de la grammaire romane, d'un nouveau choix des poésies originales des troubadours et d'extraits de poèmes divers: en 6 vol. T. 1. Recherches. Grammaire. Poesie. – Paris : Silvestre, 1844. – 583 p.

15. Raynouard F. J.M. Observations philologiques et grammaticales sur le «Roman de Rou» et sur quelques règles de la langue des trouvères au douzième siècle. – Rouen: Édouard Frère, 1829. – 140 p.

16. Reiffenberg F. A.F. T. de. Notice sur FrançoisJuste-Marie Raynouard. – Bruxelles : M. Hayez, 1839. – 15 p.

17. Sainte-Beuve C.-A. Causeries du lundi: en 15 vol. T. 5. – Paris : Garnier Frêres, 1852. – 319 p.

18. Schlegel A. W. von. Observations sur la langue et littérature provençales. – Paris : Librairie grecquelatine-allemande, 1818. – 136 p.

Reference List

1. Alisova T. B. Old Province language and poetry of troubadours : manual / T. B. Alisova, K. N. Pluzhnikova. – M. : MAKS Press, 2011. – 176 pages.

2. Zenkin S. N. French romanticism and idea of culture: (aspects of a problem) / S. N. Zenkin. – M. : Russian State Humanitarian University, 2001. – 144 pages.

3. Oblomovsky D. D. French romanticism: essays / D. D. Oblomovsky, A. I. Tseitlin, R. V. Tsippo. – M. : Gosudarstvennoe Izdatelstvo Khudozhestvennoi Literatury, 1947. – page 354.

4. Reale D. The western philosophy from sources up to present. From romanticism up to present / Reale D. Antiseri, S. Maltseva, Yu.A. Kimelev. – SPb. : TOO TK Petropolis, 1997. – 774 pages.

5. Reizov B. G. Between classicism and romanticism. A dispute on the drama in the period of the first empire / B. G. Reizov. – SPb. : Leningrad University Publishing House, 1962 – 253 pages.

6. Tomsen V. History of linguistics until the end of the 19th century: (short review of highlights) / V. Tomsen. – M. : Uchpedgiz, 1938. – 160 pages.

7. Turaev S. V. History of the world literature: in 9 v.: V. 5 / S. V. Turaev. – M. : «NAUKA», 1988. – 784 p.

8. Diez F. Introduction à la grammaire des langues romanes / Frédéric Diez; trad. de l'allemand par Gaston Paris. – Paris : Albert L. Hérold, 1863. – 163 p.

9. Journal de savans: janvier – décembre 1818. – Paris : Imprimerie Royale, 1818. – 768 p.

10. Journal de savans: année 1837. – Paris : Imprimerie Royale, 1837. – 768 p.

11. Lühr R. Claude Fauriel, précurseur des études indo-européennes en France // Claude Fauriel et l'Allemagne: idées pour une philologie des cultures. – Paris, 2014. – P. 349–394.

12. Raynouard F. J. M. Éléments de la grammaire de la langue romane avant l'an 1000, précédés de recherches sur origine et la formation de cette langue. – Paris : Firmin Didot, 1816. – 105 p.

13. Raynouard F. J. M. Grammaire comparée des langues de l'Europe latine, dans leurs rapports avec la langue des troubadours. – Paris : Firmin Didot, 1821. – 412 p.

14. Raynouard F. J. M. Lexique roman, ou Dictionnaire de la langue des troubadours comparée avec les autres langues de l'Europe latine: précédé de nouvelles recherches historiques et philologiques, d'un résumé de la grammaire romane, d'un nouveau choix des poésies originales des troubadours et d'extraits de poèmes divers: en 6 vol. T. 1. Recherches. Grammaire. Poesie. – Paris : Silvestre, 1844. – 583 p.

15. Raynouard F. J. M. Observations philologiques et grammaticales sur le «Roman de Rou» et sur quelques règles de la langue des trouvères au douzième siècle. – Rouen: Édouard Frère, 1829. – 140 p.

16. Reiffenberg F. A. F. T. de. Notice sur FrançoisJuste-Marie Raynouard. – Bruxelles : M. Hayez, 1839. – 15 p.

17. Sainte-Beuve C.-A. Causeries du lundi: en 15 vol. T. 5. – Paris : Garnier Frêres, 1852. – 319 p.

18. Schlegel A. W. von. Observations sur la langue et littérature provençales. – Paris : Librairie grecquelatine-allemande, 1818. – 136 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 17.03.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10048
УДК 81.27

Н. А. Карлик
https://orcid.org/0000-0002-3525-548X

Интертекстуальные связи романа А. Нотомб «Сладкая ностальгия»

Настоящая статья посвящена интертекстуальности как характеристике индивидуального стиля А. Нотомб. Интертекстуальность рассматривается с позиций лингвистики. Особое внимание уделяется исследованию интертекстуальности как элемента общей структуры художественного текста. Отмечается многообразие подходов к интерпретации данного явления. В статье анализируется роль интертекстуальных включений в романе «Сладкая ностальгия», определяются функции этих включений в его художественную структуру. Для обозначения всех интертекстуальных включений, значимых для языковой личности А. Нотомб, в статье используется термин «прецедентный текст». В процессе анализа примеров устанавливается, что интертекстуальность отсылает читателя к содержанию других произведений и используется в романе для привлечения внимания читателя. Автор подчеркивает в своих выводах, что один и тот же текст может вызвать у разных читателей разные ассоциации. На примере интертекстуального заглавия романа показаны варианты запуска ассоциативного механизма. Использование «чужого слова» в заглавии рассматривается как одна из черт текстов женской прозы. В традициях современной герменевтики интертекстуальность как средство отражения лингвокультурного сознания личности автор статьи связывает с гендерным аспектом. Помимо прецедентных текстов, с которыми роман имеет интертекстуальные связи, в статье уделяется внимание связям интердискурсивным, а именно, связям с сообщениями видеовербального характера. В ходе исследования интермедиальных связей романа показано, как диалогические отношения, в которые вступает текст, оказываются значимыми для понимания особенностей темпорального сознания автобиографической героини романа. Национальная специфика интертекстуальных и интермедиальных включений оказывается также значима для данного исследования, так как идостиль Нотомб формировался под влиянием двух разных традиций – японской и европейской – это нашло отражение в выборе и характере использования при построении текста «чужого слова».

Ключевые слова: интертекстуальность, роман, межтекстовые отношения, диалогичность текста, цитата, «чужое слово», функции интертекстуальности, интертекст, текст в тексте, «прецедентный текст», темпоральное сознание, гендер.

N. A. Karlik

Intertextual Links of A.Nothomb’s Novel «Sweet Nostalgia»

The article is devoted to intertextuality as characteristics of A.Nothomb’s style. Intertextuality is considered from the standpoint of linguistics. Special attention is paid to the research of intertextuality as an element of the general structure of the literary text. The diversity of various approaches is stressed. The role of intertextuality insertions in the novel «Sweet nostalgia» is analyzed. To denote all the intertextual inclusions that are significant for the language personality of A. Nothomb, the article uses the term «case law». The author defines the functions of these insertions in the general text structure. The analysis of the examples shows that intertextuality in the novel is used to attract readers’ attention and to send the reader to the content of other texts. The author emphasizes in his findings that the same text can cause different associations for a different reader. On the example of the intertextual title of the novel, options for starting an associative mechanism are shown. The use of «someone else`s word», in the title is regarded as one of the features of the texts of women's prose. In the traditions of modern hermeneutics, the intertextuality as a means of reflecting the linguistic and cultural consciousness of the individual is associated with the gender aspect. In addition to the precedent texts with which the novel has intertextual connections, the article focuses on interdiscursive communications, namely, links to video-verbal messages. In the course of the study of the intermedial connections of the novel, it is shown how the dialogical relations, in which the text enters, are significant for understanding the features of the temporal consciousness of the autobiographical heroine of the novel. The national specificity of intertextual and intermedial inclusions is also significant for this study, since Nothomb was formed under the influence of two different traditions – Japanese and European: this is reflected in the choice and nature of the use when constructing the text of «someone else's word».

Keywords: intertextuality, novel, intertextual relations, dialogue text, quote, «someone else`s word», functions of intertextuality, intertext, text in text, «case text», temporal consciousness, gender.

Не только литературоведение, но и лингвистические разделы филологии на протяжении последних десятилетий активно исследуют феномен интертекстуальности.

При том, что единый терминологический аппарат у исследователей данного феномена до сих пор не сформирован, в традициях родоначальников теории (Ю. Кристева, П. Тороп), под интер-

© Карлик Н. А., 2018

текстуальностью, как показывает анализ работ данной тематики, все понимают все-таки одно и то же – диалогические взаимодействия, в которые вступает тот или иной текст с другими текстами. По поводу того, как называть эти другие тексты, консенсус пока не достигнут. Наиболее распространенными являются термины «текст-источник» (А. А. Проскурина, Е. П. Черногрудова), «текст-ассоциат» (А. А. Васильева), «текст-донор» (Ж. Деррида, Ю. А. Кокошко, Е. Л. Лысенкова), «предтекст» (И. П. Ильин, А. А. Журбин, А. В. Попова, Е. В. Чернявская), «претекст» (О. М. Гасникова, А. Г. Новикова, А. В. Щербакова), «опорный текст» (Н. В. Петрова, Н. А. Фатеева) [4].

В данной работе, где речь будет идти о межтекстовых взаимодействиях, мы будем использовать наиболее распространенный термин – «прецедентный текст». При этом сразу отметим, что будем обозначать этим термином не только интертекстуальные явления, которые включают тексты, имеющие хрестоматийный общеизвестный характер, но и другие «включения», значимые для языковой личности автора, роману которого посвящена данная статья, а именно для Амели Нотомб.

Вслед за Ю. Н. Карауловым, который ввел в научный обиход данный термин, долгое время под «прецедентным текстом» понимали текст, значимый для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющий сверхличностный характер, то есть хорошо известный широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такой, обращение к которому возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [8].

Впоследствии сторонники дифференцированного подхода к изучению прецедентных текстов дополнили исследования Ю. Н. Караулова существенными уточнениями, связанными с наличием зависимости прецедентных феноменов от уровня языковой личности. В частности, в работах Ю. Е. Прохорова можно найти четыре таких уровня прецедентности: автопрецедентный, социумно-прецедентный, национально-прецедентный и универсально-прецедентный [16].

Расширение значения термина «прецедентный текст», изначально заложенного Ю. Н. Карауловым, позволяет все интертекстуальные включения, в том числе значимые только для того или иного писателя и характеризующие только конкретный идиостиль, рассматривать в зоне прецедентности.

В данной работе мы обратимся к творчеству Амели Нотомб, романы которой густо населены прецедентными текстами разных уровней. Ее индивидуальная интертекстуальная энциклопедия (термин из классификации Денисовой [4, с. 248]) состоит не только из классических текстов мировой литературы, но и текстов, значимых только для ее картины мира.

Текст автобиографического романа Амели Нотомб «Сладкая ностальгия» будет нас интересовать с точки зрения возможностей приема важных для его автора прецедентных включений. Кроме того, в ходе исследования мы попытаемся определить механизмы и способы интертекстуальных взаимодействий.

Роман А. Нотомб, как текст художественный, демонстрирует большое количество инородных «включений»: можно говорить о том, что интертекстуальность в данном случае является одной из важнейших стратегий текстопорождения, используемых данным автором. Среди общего количества отобранных нами примеров интертекстуальных взаимодействий основная масса случаев относится к синтагматическим видам, а именно: аллюзия, реминисценция, цитата и интекст-цитатное имя.

На первых же страницах романа читатель сталкивается с такими интекст-цитатными именами, как Токио, Мацуно, Ринри. Их использование носит в данном случае моделирующую функцию. Отсылая к текстам предшествующих романов, в которых действие происходит в Японии и в которых один из персонажей имеет процитированные имя и фамилию, Нотомб настраивает читателя на восприятие новых событий, происходящих в созданной ею модели окружающей действительности.

В других эпизодах романа интекст-цитатные имена выполняют уже другую функцию – оценочную. Например, в беседе героев о поэзии звучат имена, которых оказывается достаточно, чтобы дать характеристику героям, их называющим. Так, Ринри в качестве любимого автора называет Омара Хайяма, что повышает его оценку в глазах окружающих: его бывшая невеста Амели, услышав его выбор, сияет от гордости. Данный эпизод позволяет отметить и разные способы ввода интертекстуальных включений, которыми пользуется Нотомб. Если Омар Хайям «вошел» в текст репликой диалога, то атрибутивный текст Жерара де Нерваля – цитата из его «El Desdichado», как впрочем и само его имя собственное, были включены в состав внутреннего монолога героини.

Биография и творчество французского поэта Жерара де Нерваля становятся призмой, через которую Амели смотрит на свое настоящее и будущее. Через строки этого поэта, любимого с юности, она позиционирует себя. Ее реакция на поэтические строки оказывается более бурной, чем на воспоминания прошлого: «По независящим от меня причинам любое стихотворение этого поэта ворошит во мне что-то потаенное, и я плачу». Воспоминания о прошлом рождают ощущение сладкой ностальгии, Нирваль же поворачивает героиню к ее настоящему: «не-невеста», «несветлая», его строки звучат в ее голове во время встречи с бывшим женихом, она с трудом сдерживается, чтобы «не сказать, что я сумрачен, я вдов, я неутешен, у бывшей башни аквитанский князь…».

Это интертекстуальное включение открывает в романе и окно в гипотетическое будущее героини: «Я закончу свои дни, как Лабрюни повесившись в Париже на фонарном столбе». Биографию поэта Нотомб соотносит с перспективами развития собственной жизни: в настоящим момент проживая в Париже, она уверенно заявляет, что в будущем тоже хочет умереть там, выбрав тот же способ, что и ее любимы поэт, чтобы уйти в мир иной. Подчеркнем, что здесь Нотомб уже не использует псевдоним поэта – Нерваль: в контексте вечности, говоря о последних днях поэта, она называет его настоящим именем – Лабрюни.

Интертекстуальные включения наиболее частотны в сильных позициях, к каким, в частности, относятся названия произведений. Словосочетание «сладкая ностальгия» имеет слабую степень атрибутивности, и, если бы не эпизод, где его концептуализация в японском языковом сознании становится темой беседы героини и переводчицы, оно вряд ли бы для большинства читателей потянуло за собой какие-то ассоциативные связи с другими текстами. Тем не менее, на уровне парадигматики связь названия романа Нотомб с определенным претекстом существует. Когда героиня акцентирует внимание на неправильное определение ее эмоционального состояния, связанного с переживаниями по поводу детских лет, проведенных в Японии (вместо «нацукасии» – прилагательного, означающего «счастливую, сладкую ностальгию», переводчица использует прилагательное «ностальгический», лишенное положительной коннотации), она опирается в своей оценке на японский культурный контекст. Лингвокультурная специфика Амели не расшифровывается, но манифестируется: «нацукасии» «я считаю одним из наиболее символических японских слов». Тем не менее, благодаря запускаемому инетертекстуальному механизму, японская символика может быть воссоздана через подключаемые к данному интексту тексты-доноры. Автором одного из таких текстов, с которыми вступает в диалог «Счастливая ностальгия», является Кэндзабуро Оэ: один из его известнейших романов, как раз переведенный на французский, так и называется «*Нацукасии тосиэ но тэгами*» (яп. 懐かしい年への手紙). В русскоязычной литературе роман известен под названием «Письма былому», хотя более правильное – «Письма к милому прошлому» тоже использовалось в одном из переводов. Вероятно, Нотомб вдохновлялась при написании «Счастливой ностальгии» романом Кэндзабуро Оэ, написанном в 1987 году, и реплика о «нацукасии» стала неким реверансом в его сторону. Идея небытия, состояния вне времени, так называемого «всегда», противопоставленного «когда-то» – раньше, сейчас или в будущем, которая присутствует у Нотомб, в несколько другой вариации разрабатывалась Кэндзабуро Оэ: его темпоральное сознание рождает абстрактную модель вечного времени сна, в которой стерты границы между временными пластами и единство которой оказывается фундируемо пространством. Япония, которая у Нотомб стирает границы между настоящим, прошлым и будущим в жизни героини, можно сказать, является воплощением этой модели, только не во сне, а в реальном мире.

Следует отметить, что для современной герменевтики характерно связывать отражение лингвокультурного сознания языковой личности с гендерным аспектом [12]. Так исследователями было замечено, что данное проявление интертекстуальности, включение «чужого слова» в заголовок художественного текста, является характерной чертой текстов женской прозы. «Наличие «чужого текста» в заглавии […] еще в большей степени подчеркивает интенцию автора выйти на уровень интертекстуального диалога, внести свою лепту в разработку общих проблем» [13, с. 76]. Помимо черт, связанных со спецификой дискурса женской прозы, в заглавии романа Нотомб, имеющем интертекстуальный знак, можно увидеть и дополнительный эффект образности и эмоциональности, который исследователи также связывают с использованием в художественных текстах «чужого слова»: именно оно позволяет привлечь внимание коммуникантов «к определенным моментам и смыслам высказывания» [6].

При том, что языковая игра с интертекстуаль-

ным знаком, использованным в заглавии, может быть доступна не всем – все-таки произведения Кэндзабуро Оэ не столь широко распространены за пределами Японии, реализация гедонистической функции в данном случае все равно будет реализована стопроцентно. Исследователи считают, что использование «чужого текста» в заголовках позволяет читателям, пытающимся «расшифровать цитату», испытать удовольствие «от решения «трудной» загадки» [11, с. 62]. В данном случае А. Нотомб подстраховалась, использовав интертекстуальный знак, включающий в свой состав определение, имеющее положительную коннотацию – «сладкая»: если интертекстуальной компетенции читателю не хватит, чтобы получить удовольствие от воссоздания логической связи между заглавием-цитатой и текстом романа, гедонистическая функция будет реализована за счет богатого ассоциативного потенциала прилагательного.

Если рассматривать интертекстуальность с позиции читателей, как это делает культурная семиотика, то запуск разных механизмов интерпретации заглавия романа выведет на разные «текстовые аллюзии, активизированные различными группами читателей» [21, с. 814]. Как показывает лингвистический эксперимент, для большинства реципиентов разных возрастных групп «сладкая ностальгия» вызывает ассоциацию со «сладкой жизнью». Причем следует подчеркнуть, что в ряде случаев возникает и интердискурсивная связь, правда, уже не с Киндзабуро Оэ: в единичных случаях –- с классикой итальянского кинематографа, в подавляющем большинстве – с современным сериалом.

Принцип организации материала, основанный на апелляции к разным по происхождению прецедентным текстам, объединенным общей темой, связан с использованием А. Нотомб «обзорной композиции». Этот термин В. Е. Евгеньева-Максимова используется современными исследователями как раз для описания построений, в которых организующим центром становится «единство идейно-тематического задания, проблематика, угол зрения, под которым и в соответствии с которым собирается и группируется материал» [7, с. 59]. Для большинства авторов произведений «обзорной композиции», использующих «чужое», объединяющим началом становится интерес к окружающей действительности в ее многообразных проявлениях. Для А. Нотомб, внешне следующей этой традиции, более близким становится опыт предшественников, использующих дополнительные интертекстуальные механизмы для более детального изучения внутреннего мира человека, его мыслей, чувств, его веры и безверия [9].

Интертекстуальные связи объединяют «Сладкую ностальгию» и с другими прецедентными текстами. Так, например, в романе есть ссылки на два произведения, названия которых значимы для понимания особенностей темпорального сознания героини и ее сложных взаимоотношений с прошлым, с которым она и пытается разобраться в процессе создания текста.

В самом начале романа читатель натыкается на эпизод, который, на первый взгляд, мало связан с дальнейшим ходом повествования: после абзаца, в котором Нотомб определяет поездку в Японию как «спасение от многих вещей» и в котором сетует на свой рассудок, отказывающийся представить это ближайшее будущее, неожиданно идет пространный рассказ про бонсай.

Подаренное Амели растение решает умереть. Для героини бонсай является чем-то вроде символа существа, которое в прошлом пережило насилие, поэтому это желание, после перенесенных в прошлом страданий, она воспринимает с пониманием. Тем не менее, случается чудо и бонсай возрождается для новой жизни после того, как с него снимает заклятие мелкотравчатости ни много ни мало, как сам режиссер Скорсезе: растение после того, как посетило вместе с хозяйкой фильм «Хранитель времени», раздумало умирать. Эта история, никак не связанная ни с прошлым, ни с настоящим Нотомб и ее автобиографической героини, может быть интерпретирована только через внутреннюю связь с фильмом.

Эту связь правильнее будет определять как интердискурсивную, хотя и проявляющуюся, как это происходит чаще всего, по мнению исследователей, через интертекстуальные сигналы текста [19]. Понятие интердискурсивное оказывается более подходящим для определения данного явления, так как происходит «переключение» реципиента на другой тип восприятия. Учитывая тот факт, что интердискурсивность, как и интертекстуальность, исследователи могут трактовать по-разному, уточним, что для нас главный показатель, позволяющий отнести процесс именно к интердискурсу, – характер его протекания вне рамок взаимодействия функциональных стилей [6]. Эти процессы имеют, как правило, интермедиальный или метадискурсивный характер, как в данном случае, когда специфика диалога «Хранителя времени» со «Сладкой ностальгией» заключается в том, что текст вступает во взаимодействие с семиотически

сложным синкретичным видеовербальным сообщением.

Помимо великой силы искусства, способного производить терапевтический эффект, этот интермедиальный диалог позволяет увидеть и последствия врачевания другого лекаря – времени. Если с временем бережно обращаться, хранить его, не транжирить, то оно в благодарность может вернуть в прошлое, в котором произошли какие-то трагические событие, чтобы их пересмотреть, изменить, произвести новый отсчет событиям. Так «Хранитель времени» дал возможность бонсаю вернуться в прошлое, в котором растение пережило муки, чтобы его изменить. В итоге бонсай, хотя и остался тщедушным, после фильма стал иметь листья большие, как у баобаба. Можно предположить, что для Нотомб Япония тоже является неким «хранителем времени», в своих запасниках оставившим детство и молодость Амели, которые она хотела бы подкорректировать, чтобы тем самым изменить свое настоящее, получить для себя новые листья. Для этого она и отправляется в Японию. Для расширения возможностей интерпретации темпорального поведения героини А. Нотомб в «Сладкой ностальгии», как и в первых автобиографических романах, прибегает к возможностям интертекстуальности и интермедиальности [5].

Второе произведение, название которого не упоминается, но вполне подходит для названия романа Нотомб, – это «В поисках утраченного времени». Название романа не упоминается, но упоминается автор, причем в том самом ключевом эпизоде, где дается объяснение названию произведения Нотомб. Обсуждая с переводчицей разницу между видами ностальгий, Амели задает ей вопрос о том, «является ли прустовская мадленка ностальгической или нацукасии». Переводчица, которая определила тоску Амели как ностальгическую, ее французскому собрату по перу в этом «японском» переживании не отказала. С некоторой долей нескрываемой зависти Нотомб замечает: «Выходит, Пруст – автор японский» [14, с. 75].

При том, что Прусту в романе отдано всего три строки, за ними скрывается очень важная для Нотомб тема, на которую она выводит читателя через упоминание его «мадленки». Интертекстуальный механизм здесь должен запустить ассоциативный ряд, который выстроит параллель: детство Пруста в Комбре – детство Амели в Японии. Правда, для русского читателя запуск этого механизма может происходить не так легко, как для французского читателя: крылатое выражение «мадленка Пруста» во французском языке относится к тем устойчивым выражениям, декодирование которых ни у кого не вызывает проблем. Про «мадленку Пруста» говорят не только в том случае, когда что-то воссоздает вкус детства; эта метафора в принципе подходит для обозначения любой вещи, которая способствует воспоминаниям о счастливых моментах прошлого.

Важно, что печенка, которую в ложке с липовым чаем вкушает герой романа Пруста, воссоздает в памяти не реальное детство героя, а его идеальный образ. То есть память способна из утраченного прошлого выбрать то, что стоит сохранить. У Пруста так происходит обретение времени, переход из его измеряемого состояния в неизменяемое – вечное. Этот эффект знаком и Нотомб: вещественное, а также запахи и звуки способны напомнить о невещественном, то есть о том, что живо только в воспоминаниях.

«Мадленка Пруста» – интертекстуальное включение универсального характера, открытое для декодирования образованным читателям, независимо от того, представителями какой национальной культуры они являются. Такие включения не только не разрушают многокомпонентное образование «Сладкой ностальгии», но способствуют созданию его целостности. Благодаря использованию этого принципиально важного приема художественного смыслообразования из элементов разных текстов, вступающих друг с другом в диалогические отношения, вырастает новое художественное единство, которое вслед за Р. Бартом можно интерпретировать как классический интертекст: «другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры». [1, с. 83].

Таким образом, для того чтобы «мадленка Пруста» была адекватно воспринята, читатель должен иметь соответствующий культурный код. Этот код должен быть усвоен им через другой текст, уже не А. Нотомб, а Пруста. Именно через дешифровку благодаря наличию соответствующего кода, полученного извне, и создается интертекстуальная связь [20, с. 1380–1396].

Нотомб, бельгийка по происхождению, активно вводит в контекст своих произведений не только универсальные прецедентные тексты, но и японские, так как годы детства, проведенные в Японии, сформировали ее картину мира, совмещающую европейские и восточные элементы [10]. Кроме того, в ее произведения включаются национальные европейские прецедентные тексты –

бельгийские и французские: обращение к ним связано с тем, что теперь Нотомб живет в Париже и пишет на французском языке. При этом для европейских читателей национальные японские прецедентные тексты (если это, конечно, не универсальный уровень реминисценций таких классиков, как Мисима и Кобо Абэ) воспринимаются как тексты автопрецедентные, закрытые для декодирования. С такими же проблемами могут столкнуться и японские читатели, но уже в отношении интертекстуальных включений европейского происхождения. Таким образом, элементы автопрецедентного уровня имеют меньше шансов быть узнанными и декодированным реципиентами, так как определенные смысловые пласты, значимые для автора, могут не вызвать у читателей желаемых ассоциаций.

Библиографический список

1. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика [Текст] / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.

2. Бобырева, Е. В., Карасик, В. И. Прецедентность религиозного дискурса / Е. В. Бобырева, В. И. Карасик [Текст] // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография. – М. : Флинта; Наука, 2014. – С. 255–279.

3. Воркачев, С. Г. Интертекстуальность, прецедентность и лингвокультурный концепт [Текст] / С. Г. Воркачев // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография. – М. : Флинта; Наука, 2014. – С. 52–70.

4. Денисова, Г. В. В мире интертекста: язык, память, перевод [Текст] / Г. В.Денисова. – М. : Азбуковник, 2003. – 298 с.

5. Залипаева, Ж. П. Этнокультурная специфика темпорального поведения в произведениях А. Нотомб (на материале романов «Страх и трепет» и «Токийская невеста») [Текст] / Ж. П. Залипаева // Вестник Брянского государственного университета. – № 4 (34). – 2017. – С. 290–298.

6. Иерусалимская, А. О. Интертекстуальность vs интердискурсивность как сложившийся дискурс [Текст] / А. О.Иерусалимская // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2016.

7. Кабаньян, Б. С. Лучинская, Е. Н. Интертекстуальность в общественно-политическом журнале / Б. С. Кабаньян, Е. Н. Лучинская // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2012. – С. 206–211.

8. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – 6-е изд. – М. : ЛКИ, 2007.

9. Карлик, Н. А. Интертекстуальные взаимодействия как основа построения рецептивных афористических циклов [Текст] / Н. А. Карлик // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – № 9 (29). – 2012. – С. 108–112.

10. Карлик, Н. А. Национальные особенности коммуникативного поведения (по романам Амели Нотомб) [Текст] / Н. А. Карлик // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе: Сборник научных трудов. – СПб. : Санкт-Петербургский горный университет. – С. 237–240.

11. Корнилова, Е. В. Способы трансформации цитат в заголовках современного медиатекста [Текст] // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе: сборник научных трудов. – СПб. : Санкт-Петербургский горный университет. – С. 61–65.

12. Лучинская, Е. Н., Хачмафова, З. Р. Интертекстуальность как отражение лингвокультурного сознания женской языковой личности [Текст] / Е. Н. Лучинская, З. Р. Хачмафова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – 2012. – Вып. 2. – С. 324–332.

13. Мальченко, А. А. «Чужое слово» в заглавии художественного текста // Интертекстуальные связи в художественном тексте [Текст] / А. А. Мальченко. – СПб. : Образование, 1993. – С. 76–82.

14. Нотомб А. Счастливая ностальгия. Петронилла [Текст] / Амели Нотомб. – СПб. : Азбука, 2017. – 288 с.

15. Петрова, Н. В. Эволюция понятия «прецедентный текст» [Текст] / Н. В. Петрова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2010. – Вып. 2 (10). – С. 176–183.

16. Прохоров, Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс [Текст] / Ю. Е. Прохоров. – М. : Флинта: Наука, 2004.

17. Старыгина, Н. Н. Циклизация в русской литературе XIX века и творчество Н. С. Лескова [Текст] / Н. Н. Старыгина // Модификации художественных форм в историко-литературном процессе: Сб. науч. тр. – Свердловск : Урал. ун-т, 1983. – С. 59–72.

18. Худолей, Н. В. Интертекстуальность и интертекст как феномены художественной коммуникации: теоретический аспект [Текст] / Н. В. Худолей // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота. – 2015. – № 11. – Ч. 1. – С. 195–198.

19. Чернявская, В. Е. Текст в медиальном пространстве [Текст] / В. Е. Чернявская. – М. : URSS, 2017. – 232 с.

20. Culler, J. Presupposition and Intertextuality / J. Culler // MLN. – 1976. – Vol. 91. – № 6. – P. 1380–1396.

21. Orr, L. Intertextuality and the Cultural Text in Recent Semiotics / L.Orr // Coll. Engl. – 1986. – Vol. 48. – № 8. – P. 811–823.

Bibliograficheskij spisok

1. Bart, R. Izbrannye raboty. Semiotika. Pojetika [Tekst] / R. Bart. – M. : Progress, 1989. – 616 s.

2. Bobyreva, E. V., Karasik, V. I. Precedentnost' religioznogo diskursa / E. V. Bobyreva, V. I. Karasik [Tekst] // Intertekstual'nost' i figury interteksta v diskursah raznyh tipov: kollektivnaja monografija. – M. : Flinta; Nauka, 2014. – S. 255–279.

3. Vorkachev, S. G. Intertekstual'nost', precedentnost' i lingvokul'turnyj koncept [Tekst] / S. G. Vorkachev // Intertekstual'nost' i figury interteksta v diskursah raznyh tipov: kollektivnaja monografija. – M. : Flinta; Nauka, 2014. – S. 52–70.

4. Denisova, G. V. V mire interteksta: jazyk, pamjat', perevod [Tekst] / G. V.Denisova. – M. : Azbukovnik, 2003. – 298 s.

5. Zalipaeva, Zh. P. Jetnokul'turnaja specifika temporal'nogo povedenija v proizvedenijah A. Notomb (na materiale romanov «Strah i trepet» i «Tokijskaja nevesta») [Tekst] / Zh. P. Zalipaeva // Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta. – № 4 (34). – 2017. – S. 290–298.

6. Ierusalimskaja, A. O. Intertekstual'nost' vs interdiskursivnost' kak slozhivshijsja diskurs [Tekst] / A. O.Ierusalimskaja // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Cerija: Gumanitarnye i social'nye nauki. – 2016.

7. Kaban'jan, B. S. Luchinskaja, E. N. Intertekstual'nost' v obshhestvenno-politicheskom zhurnale / B. S. Kaban'jan, E. N. Luchinskaja // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Filologija i iskusstvovedenie. – 2012. – S. 206–211.

8. Karaulov, Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' [Tekst] / Ju. N. Karaulov. – 6-e izd. – M. : LKI, 2007.

9. Karlik, N. A. Intertekstual'nye vzaimodejstvija kak osnova postroenija receptivnyh aforisticheskih ciklov [Tekst] / N. A. Karlik // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Novye gumanitarnye issledovanija. – № 9 (29). – 2012. – S. 108–112.

10. Karlik, N. A. Nacional'nye osobennosti kommunikativnogo povedenija (po romanam Ameli Notomb) [Tekst] / N. A. Karlik // Aktual'nye problemy gumanitarnogo znanija v tehnicheskom vuze: Sbornik nauchnyh trudov. – SPb. : Sankt-Peterburgskij gornyj universitet. – S. 237–240.

11. Kornilova, E. V. Sposoby transformacii citat v zagolovkah sovremennogo mediateksta [Tekst] // Aktual'nye problemy gumanitarnogo znanija v tehnicheskom vuze: sbornik nauchnyh trudov. – SPb. : Sankt-Peterburgskij gornyj universitet. – S. 61–65.

12. Luchinskaja, E. N., Hachmafova, Z. R. Intertekstual'nost' kak otrazhenie lingvokul'turnogo soznanija zhenskoj jazykovoj lichnosti [Tekst] / E. N. Luchinskaja, Z. R. Hachmafova // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologija i iskusstvovedenie. – 2012. – Vyp. 2. – S. 324–332.

13. Mal'chenko, A. A. «Chuzhoe slovo» v zaglavii hudozhestvennogo teksta // Intertekstual'nye svjazi v hudozhestvennom tekste [Tekst] / A. A. Mal'chenko. – SPb. : Obrazovanie, 1993. – S. 76–82.

14. Notomb A. Schastlivaja nostal'gija. Petronilla [Tekst] / Ameli Notomb. – SPb. : Azbuka, 2017. – 288 s.

15. Petrova, N. V. Jevoljucija ponjatija «precedentnyj tekst» [Tekst] / N. V. Petrova // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. – 2010. – Vyp. 2 (10). – C. 176–183.

16. Prohorov, Ju. E. Dejstvitel'nost'. Tekst. Diskurs [Tekst] / Ju. E. Prohorov. – M. : Flinta: Nauka, 2004.

17. Starygina, N. N. Ciklizacija v russkoj literature XIX veka i tvorchestvo N. S. Leskova [Tekst] / N. N. Starygina // Modifikacii hudozhestvennyh form v istoriko-literaturnom processe: Sb. nauch. tr. – Sverdlovsk : Ural. un-t, 1983. – S. 59–72.

18. Hudolej, N. V. Intertekstual'nost' i intertekst kak fenomeny hudozhestvennoj kommunikacii: teoreticheskij aspekt [Tekst] / N. V. Hudolej // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov : Gramota. – 2015. – № 11. – Ch. 1. – S. 195–198.

19. Chernjavskaja, V. E. Tekst v medial'nom prostranstve [Tekst] / V. E. Chernjavskaja. – M. : URSS, 2017. – 232 s.

20. Culler, J. Presupposition and Intertextuality / J.Culler // MLN. – 1976. – Vol. 91. – № 6. – P. 1380–1396.

21. Orr, L. Intertextuality and the Cultural Text in Recent Semiotics / L.Orr // Coll. Engl. – 1986. – Vol. 48. – № 8. – P. 811–823.

Reference List

1. Bart R. Chosen works. Semiotics. Poetics / R. Bart. – M. : Progress, 1989. – 616 pages.

2. Bobyreva E. V., Karasik V. I. Precedence of a religious discourse / E. V. Bobyreva, V. I. Karasik // Intertekstualnost and figures of the intertext in discourses of different types: collective monograph. – M. : Flinta; Nauka, 2014. – Page 255–279.

3. Vorkachev S. G. Intertextuality, precedence and a linguocultural concept / S. G. Vorkachev // Intertextuality and figures of the intertext in discourses of different types: collective monograph. – M. : Flinta; Nauka, 2014. – Page 52–70.

4. Denisova G. V. In the world of the intertext: language, memory, translation / G. V. Denisova. – M. : Azbukovnik, 2003. – 298 pages.

5. Zalipaeva Zh. P. Ethnocultural specifics of temporal behavior in works by A. Nothomb (on material of novels «Fear and Awe» and «Tokyo Bride») / Zh. P. Zalipaeva // Bulletin of Bryansk State University. – No. 4 (34). – 2017. – Page 290–298.

6. Erusalimskaya A. O. Intertextuality vs interdiscourse as the developed discourse / A. O. Erusalimskaya // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences. – 2016.

7. Kabanyan B. S. Luchinskaya E. N. Intertextuality in the social and political magazine / B. S. Kabanyan, E. N. Luchinskaya // Bulletin of Adygei State University. Series 2: Philology and art criticism. – 2012. – Page 206–

211.

8. Karaulov Yu. N. Russian and language personality / Yu. N. Karaulov. – 6th edition. – M. : LKI, 2007.

9. Karlik N. A. Intertextual interactions as basis of creation of receptive aphoristic cycles / N. A. Karlik // Bulletin of Oriol State University. Series: New humanitarian researches. – No. 9 (29). – 2012. – Page 108–112.

10. Karlik N. A. National peculiarities of communicative behavior (according to novels by Amelie Nothomb) / N. A. Karlik // Current problems of humanitarian knowledge in technical college: Collection of scientific works. – SPb. : St. Petersburg Mining University. – Page 237–240.

11. Kornilov E. V. Ways of transformation of quotes in headings of the modern media text // Current problems of humanitarian knowledge in technical college: collection of scientific works. – SPb. : St. Petersburg Mining University. – Page 61–65.

12. Luchinskaya E. N., Khachmafova Z. R. Intertextuality as reflection of linguocultural consciousness of the female language personality / E. N. Luchinskaya, Z. R. Khachmafova // Bulletin of Adygei State University. Series.: Philology and art criticism. – 2012. – Issue 2. – Page 324–332.

13. Malchenko A. A. «Other word» in the title of the art text // Intertextual communications in the art text / A. A. Malchenko. – SPb. : Obrazovanie, 1993. – Page 76–82.

14. Nothomb A. Happy nostalgia. Petronilla / Amelie Nothomb. – SPb. : Azbuka, 2017. – 288 pages.

15. Petrova N. V. Evolution of the concept «case text» / N. V. Petrova // Bulletin of Irkutsk State Linguistic University. – 2010. – Issue 2 (10). – P. 176–183.

16. Prokhorov Yu. E. Reality. Text. Discourse / Yu. E. Prokhorov. – M. : Flinta: Nauka, 2004.

17. Starygina N. N. Cyclization in the Russian literature of the 19th century and N. S. Leskov / N. N. Starygin's creativity // Modifications of art forms in historic-literary process: Collection of scientific works. – Sverdlovsk : Ural University, 1983. – Page 59–72.

18. Khudoley N. V. Intertextuality and intertext as phenomena of art communication: theoretical aspect / N. V. Khudoley // Historical, philosophical, political and jurisprudence, cultural science and art criticism. Questions of the theory and practice. – Tambov : Gramota. – 2015. – No. 11. – P.1. – Page 195–198.

19. Chernyavskaya V. E. The text in medial space / V. E. Chernyavskaya. – M. : URSS, 2017. – 232 pages.

20. Culler J. Presupposition and Intertextuality / J. Culler // MLN. – 1976. – Vol. 91. – № 6. – P. 1380–1396.

21. Orr L. Intertextuality and the Cultural Text in Recent Semiotics / L.Orr // Coll. Engl. – 1986. – Vol. 48. – № 8. – P. 811–823.

Дата поступления статьи в редакцию: 13.04.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10049
УДК 811.13

М. С. Бурак
https://orcid.org/0000-0002-8204-8213

Аналитические конструкции с глаголом «делать» в современных испанском и итальянском языках

Данное исследование проводится в русле сопоставительного анализа ряда конструкций с глаголом «делать» в двух романских языках с целью выявления их общих черт и индивидуальных характеристик. В ходе анализа указанные сочетания распределяются между коллокациями и необразными идиомами. Автор дает подробную характеристику структурам обоих типов в двух рассматриваемых языках, выделяя типологически общие моменты и отмечая особенности функционирования необразных идиом с глаголом *fare* в итальянском языке в структурном и семантическом аспектах. Результаты исследования могут быть использованы в рамках теоретических и практических курсов обоих языков, а также в рамках общего курса теории языка и в будущих исследованиях. Автор приходит к выводу о том, что объект исследования лежит на стыке фразеологии и теоретической грамматики. В связи с этим различные подходы к его изучению взаимно дополняют друг друга. Несмотря на наличие общих особенностей у двух родственных романских языков, глагол «делать» *fare* в итальянском языке имеет подчеркнуто агентивный характер и представляет широчайший диапазон сочетаемости, что не характерно в такой степени для испанского языка, где наиболее частотным является глагол «давать» *dar*. Рассматриваемые сочетания демонстрирует также и общие черты в обоих языках, что позволяет их отнести к единому типу конструкций.

Ключевые слова: аналитические конструкции, коллокации, идиомы, глагол «делать», испанский язык, итальянский язык.

M. S. Burak

Analytical Constructions with the Verb «Do» in Modern Italian and Spanish Languages in Structural and Semantic Aspects

The purpose of the present paper is to compare the above structures in 2 Romance languages, thus defining their common features and individual characteristics. The general structuring helps to distribute the light verb constructions with the verb *to do* in both languages between collocations and a special kind of idioms. The other method refers to the *fare* light verb constructions distribution between various semantic fields in the Italian language and to their analyses. The results can be used in the practical and theoretical courses with reference to both languages and to theoretical linguistics as well as in future investigation research works. The author concludes that the subject of this paper occupies a meeting point of phraseology and theoretical grammar. In this concern various kinds of approaches to it complement each other. Despite common features between the two Romance languages regarding also the light verb constructions, the Italian construction with the verb *fare* (*to do*) covers a great number of semantic fields showing the strongly pronounced agentive character inherent to this verb, which is not so evident with regards to the Spanish language, where the verb *dar* (*to give*) has the highest usage frequency. Since the light verb constructions show strong similarities in both languages as well, it looks reasonable to designate them as structures of the same type.

Keywords: light verb constructions, collocations, idioms, the verb «to do», Spanish language, Italian language.

Введение

Данная статья посвящена аналитическим конструкциям с глаголом «делать» в современных испанском и итальянском языках. Заявленная тема представляется актуальной и значимой, поскольку на материале указанных сочетаний оказывается возможным выделить как общие черты, свойственные двум родственным романским языкам, так и их индивидуальные характеристики.

Аналитические конструкции образуются при участии глаголов предельно широкой семантики, как, например, глагол «делать», и имен существительных, определяющих общее лексическое значение всей структуры. Сам термин был введен А. А. Зюгановой на материале испанского языка [1, с. 56].

По степени фразеологической спаянности компонентов аналитические конструкции делятся на коллокации и необразные идиомы.

Коллокации

Коллокации характеризуются минимальной степенью идиоматичности. Их смысл прозрачен. И с этой точки зрения они близки к свободным сочетаниям. Но при этом они отличаются устойчивостью. В ряде случаев с точки зрения лексического состава компонентов они могут совпадать в

© Бурак М. С., 2018

разных языках. В частности коллокация *совершать путешествие* образуется идентичным способом не только в основных романских языках, но и в некоторых других и звучит буквально как «делать путешествие». *Hacer un viaje* по-испански, *fare un viaggio* по-итальянски, *faire un voyage* по-французски, *reise machen* по-немецки, а также в некоторых других, в том числе неиндоевропейских, например, в венгерском: *utazas tenni*.

В связи с этим представляется интересной и значимой теория «смысл-текст», разработанная И. А. Мельчуком. Согласно одной из ее моделей *базой* или *ключевым словом* в глагольно-именной коллокации является имя существительное, которое в известной степени обуславливает употребление того или иного глагола-*коллоката*. Здесь играет первостепенную роль *лексическая функция*, которая в рамках данной модели приобретает универсальный характер. Принцип действия данной лексической функции определяется с помощью общего уравнения: $Oper_1(S)=V$, где V – глагол, S – существительное. В соответствии с данным уравнением вышеприведенные коллокации будут иметь вид *нем.* $Oper_1$ (*reise* «*путешествие*») = *machen* «*делать*», *фр.* $Oper_1$ (*voyage* «*путешествие*») = *faire* «делать», *исп.* $Oper_1$ (*viaje* «*путешествие*») = *hacer* «*делать*», *ит.* $Oper_1$ (*viaggio* «*путешествие*») = *fare* «*делать*», *венгр.* $Oper_1$ (*utazas* «*путешествие*») = *tenni* «*делать*» и др [4, с. 70–76].

Разумеется, при этом принцип действия *лексической функции* не означает стопроцентную обусловленность употребления глагола *делать* или другого глагола широкой семантики в том или ином случае, но лишь говорит о большой степени вероятности, связанной с использованием данного глагола в соответствующей коллокации. При этом возможны синонимические замены различного плана. Английский язык, например, предпочитает варианты: *to go on a trip* или *to take a trip*. Однако, допускается также *to make a trip*. Во всех трех случаях будет действовать вышеприведенное уравнение. В испанском и итальянском языках также возможны синонимические замены. Например, по-испански *hacer un viaje* можно заменить на *realizar un viaje* (букв. «*реализовывать*», то есть совершать путешествие) и т. д.

С точки зрения формальной структуры и в итальянском, и в испанском языках *коллокации* включают базовый тип аналитических конструкций с глаголом *делать*. Это *hacer/fare* + отглагольное существительное, образованное от непереходного глагола (*действие* при отсутствии объекта). Например, *ит.* *fare un salto* – *сделать прыжок*, *исп.* *hacer un viaje* – *совершить путешествие* (букв. «*сделать путешествие*») и др.

От данного типа радиально отходят его дериваты. Прямой дериват вышеуказанной структуры также включает, прежде всего, *коллокации* в обоих языках: *hacer/fare* + отглагольное существительное, образованное от переходного глагола со значением действия, направленного на объект (на пациенса). Например, *ит.* *fare una carezza* – *приласкать* (букв. «*сделать ласку*»), *исп.* *hacer una inversión* – *сделать вклад* и др.

Поскольку коллокации, с одной стороны, являются устойчивыми структурами, а с другой – демонстрируют минимальную степень фразеологической спаянности, именно на их материале можно привести наиболее наглядные примеры типологического сходства между двумя родственными романскими языками, что было продемонстрировано выше.

Необразные идиомы

Что касается необразных идиом, это такие идиомы, в которых переосмысливается значение только одного из компонентов, в данном случае, глагола «делать», за счет чего имеет место «семантическое несогласование или рассогласование компонентов структуры» [3, с. 22]. Если сравнивать аналитические конструкции с глаголом «делать» в испанском и итальянском языках, то именно на материале необразных идиом можно привести наиболее интересные примеры межъязыкового различия.

В частности, в итальянском языке возможны необразные идиомы с глаголом «делать», относящиеся к каждодневным бытовым моментам, таким как принятие пищи или душа. С нашей точки зрения, они представляет собой своего рода *онтологическую метафору* [10, с. 25–32]. *Fare colazione* дословно «*делать завтрак*» обозначает «завтракать», *fare pranzo* дословно «*делать обед*» обозначает «обедать», *fare la doccia* дословно «*делать душ*» обозначает «принимать душ». В этих случаях существительное, обозначающее материальный объект или результат действия, переосмысливается как «событие» или процесс. И этот процесс является формальным объектом действия. Все эти выражения невозможны для испанского и для значительного числа других языков.

Овеществление события или процесса в глагольно-именных сочетаниях, или, иначе говоря, номинализация, также имеет место в итальянском языке в аналитических конструкциях с глаголом

«делать», где формальный объект действия играет роль инструмента данного действия или локатива, то есть обстоятельства места. Во всех подобных случаях, связанных с номинализацией, Р. Лангакер в рамках когнитивного подхода говорит об отождествлении процесса как абстрактной категории с конкретной вещественной единицей [11]. Например, *fare benzina* дословно «*делать бензин*» означает «заправляться бензином», а *fare palestra* дословно «*делать спортзал*» означает «заниматься в спортзале».

И в итальянском, и в испанском языках присутствует множество аналитических конструкций с глаголом «делать», в которых действие отождествляется с качеством. Больш**а**я часть этих аналитических конструкций связана с различными типами оценки.

Например, *fare lo scemo* буквально «*делать дурака*» означает по-итальянски «вести себя как дурак». *Fare il furbo* дословно «*делать хитреца*» означает по-итальянски «быть хитрецом». Выражения аналогичного плана присутствуют и в испанском языке, однако в гораздо меньшем количестве, и относятся, в основном, к подчеркнуто разговорному стилю. В итальянском же языке они имеют более универсальный характер и относятся ко всем стилевым регистрам. Например, в итальянском языке очень распространено выражение *non fare il cretino* – буквально «*не делай кретина*», то есть «не будь им». Данное выражение, как и ему подобные, означающие как бы формальное запрещение вести себя определенным образом, может переводиться на испанский язык различными способами, однако, вероятнее всего, без участия глагола «делать».

Особый интерес представляет серия аналитических конструкций с глаголом «делать» в итальянском языке, которой в испанском языке соответствуют выражения с глаголом «давать». Эта серия очень многочисленна и включает разные фразео-семантические поля. В частности, речь идет о каузации эмоционального состояния. *Fare piacere* дословно «*делать удовольствие*» означает в итальянском языке доставлять удовольствие и соответствует испанскому *dar gusto*, буквально «давать удовольствие» с тем же значением; *fare schifo* дословно «*делать отвращение*» означает в итальянском языке «вызывать отвращение» и соответствует испанскому *dar asco,* буквально «*давать отвращение*» с тем же фактическим значением; *fare compassione* дословно «*делать сочувствие*» означает в итальянском языке «вызывать сочувствие» и соответствует испанскому *dar compasión*, буквально «*давать сочувствие*» с тем же значением «вызывать сочувствие» и т. д.

В ряде случаев на материале итальянского языка можно привести примеры, свидетельствующие о ярком своеобразии языковой картины мира данного языкового коллектива, заключающемся не просто в качественном, но в кардинальном переосмыслении роли субъекта действия в необразных идиомах с глаголом «делать» – *fare*.

Речь идет, в частности, о выражениях со словом «смерть» *morte* и со словом «голод» *fame*. В итальянском языке существует несколько идиом со словом *morte*, таких как *fare una morte serena* (букв. «*сделать безмятежную смерть*»), *fare una morte coraggiosa* (букв. «*сделать храбрую смерть*»), *fare una bella morte* (букв. «*сделать хорошую, красивую смерть*») и др., которые означают соответственно «умереть спокойно», «умереть как герой», «умереть красиво» (или «умереть хорошей смертью»). Итальянское языковое сознание предполагает, что человек может в метафорическом смысле «делать» *смерть* тем или иным образом. Процесс, который обычно не зависит от человека, становится почти что «актом его воли».

Это утверждение также справедливо в случае с выражением *fare la fame*, которое означает «*голодать*» (букв. «*делать голод*»). Голод, который является физиологическим или психофизиологическим состоянием, теоретически нельзя «сделать». Однако для итальянского языкового сознания это возможно, так как действие может ассоциироваться, в том числе, с ощущением в данном языке.

В обоих языках есть целый ряд выражений, которые находятся на стыке коллокаций и необразных идиом. Прежде всего, в итальянском языке в некоторых случаях можно наблюдать естественный переход аналитической конструкции из первой категории во вторую. Например, выражение *fare un passo* «сделать шаг» является типичной коллокацией. Однако выражение *fare 2 passi*, являющееся формальным дериватом предыдущего (букв. «сделать два шага»), приобретает фигуральный смысл «пойти прогуляться». В испанском языке есть несколько серий аналитических конструкций с глаголом *dar – давать*. Наиболее характерные примеры можно привести на материале семантических полей, связанных как с каузацией чувств и эмоций, так и с движением. В обоих случаях аналитические структуры с этим глаголом в испанском языке обладают высокой степенью фразеологической спаянности, но при этом являются относительно прозрачными в смысловом отношении, т.к. образуют целую серию подобных

им выражений. Исходя из этого, даже не зная смыла данного конкретного выражения, иностранец, хорошо владеющий испанским языком, догадается о его значении по аналогии со значением типологически сходных с ним выражений, относящихся к тому же фразео-семантическому полю. Например, *dar gusto* – «доставлять удовольствие» (букв. «*давать удовольствие*»), *dar risa* – «смешить, вызывать смех» (букв.«*давать смех*»), *dar lástima* – «вызывать жалость» (букв.«*давать жалость*»); *dar un paso* – «шагнуть» (букв.«*дать шаг*»), *dar un paseo* – «прогуляться» (букв.«*дать прогулку*»), *dar un salto* – «прыгнуть» (букв.«*дать прыжок*») и др.

Специфика всех вышеприведенных выражений с глаголами «делать» и «давать» заключается в том, что они могут быть рассмотрены с разных точек зрения. В широком плане они находятся на стыке теоретической грамматики и фразеологии.

Выводы

Аналитические конструкции с глаголами «делать» и «давать» в рассматриваемых языках представляют собой сложное и многоплановое явление.

Вербоцентрический подход в рамках формального синтаксиса дополняется грамматикой конструкций, в русле которой все выражение является единым целым. Оба этих подхода в отношении глагольно-именных коллокаций дополняются теоретической моделью И. А. Мельчука «смысл-текст», в соответствии с которой базой или ключевым словом в них является существительное, а не глагол.

В рамках теоретической грамматики аналитические конструкции рассматриваются как конструкции с *десемантизированными глаголами*. В связи с этим представляется релевантным противопоставление реляционной грамматики и подхода, связанного с прагматикой высказывания. В первом случае связь глубинной и поверхностной структур является зачастую формальной. В то время как подход, связанный с прагматикой высказывания, рассматривает *номинализацию* как способ *экспликации* говорящего своего отношения к содержанию иллокутивного акта в том или ином контексте [6]. Например, это может иметь место при сопоставлении итальянской фразы *Mi fa fare piacere sentirlo* (букв. «Мне *делает* (т.е. доставляет) *удовольствие это слышать*») и итальянской лексемы *piacere*, которая как глагол означает «нравиться», а как существительное означает «удовольствие». В рамках реляционной грамматики представляется значимой формально-синтаксическая деривация *fare piacere* (доставлять удовольствие) от *piacere* (нравиться). В рамках концепции, связанной с *естественной морфологией языка* и с прагматикой высказывания, обращается особое внимание на отсутствие смысловой эквивалентности между данной аналитической конструкцией и данной лексемой, в связи с чем факт формально-синтаксической деривации при отсутствии прямой семантической корреляции становится несущественным [6].

В рамках *лексической грамматики* З. Харриса и М. Гросса принцип композиционности сводится к минимуму и заменяется принципом констекстуальной сочетаемости [7; 8]. Исходя из этого, синтагма, представляющая собой аналитическую структуру с глаголом *делать* или с глаголом *давать*, становится минимальной смысловой единицей, где глагол является *оператором*, а остальные члены синтагмы (определения и дополнения к существительному-формальному объекту действия) – его *аргументами*. При этом на семантико-синтаксическом уровне именно существительное – формальный объект действия – задает в данном случае аргументную структуру высказывания, а не глагол [9, с. 1–3].

Кроме того, представляется значимым валентный анализ, в рамках которого выявляется колоссальный потенциал итальянского глагола *fare*, что выражается в нарушении привычных валентных связей и в регулярном «изменении иерархии актантов и их денотативной соотнесенности» [2, с. 69] в необразных идиомах по сравнению со свободными сочетаниями и с коллокациями. Характер данных изменений находится в прямой зависимости от высокой степени фразеологической спаянности компонентов структуры.

Рамки данной статьи позволяют привести лишь небольшую часть наиболее репрезентативных примеров. Проанализированные нами 3000 аналитических конструкций в обоих рассматриваемых языках позволяют констатировать следующее. Глагол «делать» fare в итальянском языке имеет подчеркнуто агентивный характер [5, с. 93] и представляет широчайший диапазон сочетаемости, что не характерно в такой степени для испанского языка, в котором наиболее фразеологически частотным является глагол *dar* («давать»). При этом часть рассматриваемых сочетаний, несмотря на присущий им гетерогенный характер, демонстрирует сходные черты в обоих языках, что позволяет определить их в целом типологическое тождество и отнести к единому типу аналитических конструкций.

В обоих языках коллокации обнаруживают минимальную степень фразеологической спаянности компонентов структуры, а необразные идиомы характеризуются качественным переосмыслением в них роли субъекта действия. Вследствие чего, прежде всего, в итальянском языке категория действия оказывается непосредственно связанной с целым рядом других категорий.

Библиографический список

1. Зюганова, А. А. К вопросу о лексико-грамматической характеристике аналитических конструкций с глаголом hacer [Текст] / А. А. Зюганова // Вопросы фразеологии. – 1970. – № 3. – С. 54–61.

2. Долинина, И. Б. Маркировка субъектно-объектных отношений у валентностных категорий английского глагола [Текст] / И. Б. Долинина // Категория субъекта и объекта в языках различных типов: межвуз. сб. науч. тр. – Л. : Наука, 1982. – С. 65–101.

3. Кириллова, Н. Н. Сопоставительная фразеология романских языков [Текст] : монография / Н. Н. Кириллова. – Л. : Изд-во Ленинградского Государственного Педагогического Института им. А.И. Герцена, 1986. – 81 с.

4. Мельчук, И. А. Язык: от смысла к тексту [Текст] : монография / И. А. Мельчук. – М. : Языки славянской культуры, 2012. – 176 с.

5. Рылов, Ю. А. О семантических доминантах в языковой картине мира. На материале итальянского и русского языков [Текст] / Ю. А. Рылов // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2003. – № 1. – С. 80–94.

6. Gaeta, L. Quando i verbi compaiono come nomi. – Milano : Franco Angeli Editore, 2002. – 256 p.

7. Gross, M. Méthodes en syntaxe. Régime des constructions complétives. – Paris : Hermann, 1975. – 414 p.

8. Harris, Z. S. Methods in structural linguistics. – Chicago : University of Chicago Press, 1960. – 384 p.

9. Herrero Ingelmo, J. L. Los verbos soportes: ¿gramática o léxico? / J. L. Herrero Ingelmo // Actas del XXII Congreso Internacional de Lingüística y Filología Románica. – Salamanca : Universidad de Salamanca, 2001. – P. 1–13.

10. Lakoff, G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – London : The University of Chicago press, 2003. – 193 p.

11. Langacker, R. Cognitive grammar: a basic introduction. – New York : Oxford University Press, 2008. – 562 p.

Bibliograficheskij spisok

1. Zjuganova, A. A. K voprosu o leksiko-grammaticheskoj harakteristike analiticheskih konstrukcij s glagolom hacer [Tekst] / A. A. Zjuganova // Voprosy frazeologii. – 1970. – № 3. – S. 54–61.

2. Dolinina, I. B. Markirovka sub#ektno-ob#ektnyh otnoshenij u valentnostnyh kategorij anglijskogo glagola [Tekst] / I. B. Dolinina // Kategorija sub#ekta i ob#ekta v jazykah razlichnyh tipov: mezhvuz. sb. nauch. tr. – L. : Nauka, 1982. – C. 65–101.

3. Kirillova, N. N. Sopostavitel'naja frazeologija romanskih jazykov [Tekst] : monografija / N. N. Kirillova. – L. : Izd-vo Leningradskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Instituta im. A. I. Gercena, 1986. – 81 s.

4. Mel'chuk, I. A. Jazyk: ot smysla k tekstu [Tekst] : monografija / I. A. Mel'chuk. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2012. – 176 s.

5. Rylov, Ju. A. O semanticheskih dominantah v jazykovoj kartine mira. Na materiale ital'janskogo i russkogo jazykov [Tekst] / Ju. A. Rylov // Vestnik VGU. Serija Gumanitarnye nauki. – 2003. – № 1. – S. 80–94.

6. Gaeta, L. Quando i verbi compaiono come nomi. – Milano : Franco Angeli Editore, 2002. – 256 p.

7. Gross, M. Méthodes en syntaxe. Régime des constructions complétives. – Paris : Hermann, 1975. – 414 p.

8. Harris, Z. S. Methods in structural linguistics. – Chicago : University of Chicago Press, 1960. – 384 p.

9. Herrero Ingelmo, J. L. Los verbos soportes: ¿gramática o léxico? / J. L. Herrero Ingelmo // Actas del XXII Congreso Internacional de Lingüística y Filología Románica. – Salamanca : Universidad de Salamanca, 2001. – P. 1–13.

10. Lakoff, G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – London : The University of Chicago press, 2003. – 193 p.

11. Langacker, R. Cognitive grammar: a basic introduction. – New York : Oxford University Press, 2008. – 562 p.

Reference List

1. Zyuganova A. A. To the question of the lexical and grammatical characteristic of analytical constructions with the verb hacer / A. A. Zyuganova//Phraseology Questions. – 1970. – No. 3. – Page 54–61.

2. Dolinina I. B. Marking of the subject and object relations at valence categories of the English verb / I. B. Dolinina // Category of the subject and object in languages of different types: interhigher education institution. Collection of scientific works – L.: Nauka, 1982. – C. 65–101.

3. Kirillova N. N. Comparative phraseology of Romance languages : monograph / N. N. Kirillova. – L. : Publishing House of Herzen Leningrad State Pedagogical College, 1986. – 81 pages.

4. Melchuk I. A. Language: from a sense to the text : monograph(s). A. Melchuk. – M. : Yazyki Slavyanskoi Kultury, 2012. – 176 pages.

5. Rylov Yu. A. On semantic dominants in a language pattern of the world. On material of the Italian and Russian languages / Yu.A. Rylov // Bulletin of VSU. Series Humanities. – 2003. – No. 1. – Page 80–94.

6. Gaeta L. Quando i verbi compaiono come nomi. – Milano : Franco Angeli Editore, 2002. – 256 p.

7. Gross M. Méthodes en syntaxe. Régime des constructions complétives. – Paris : Hermann, 1975. – 414 p.

8. Harris Z. S. Methods in structural linguistics. – Chicago : University of Chicago Press, 1960. – 384 p.

9. Herrero Ingelmo, J. L. Los verbos soportes: ¿gramática o léxico? / J. L. Herrero Ingelmo // Actas del XXII Congreso Internacional de Lingüística y Filología Románica. – Salamanca : Universidad de Salamanca, 2001. – P. 1–13.

10. Lakoff G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – London : The University of Chicago press, 2003. – 193 p.

11. Langacker R. Cognitive grammar: a basic introduction. – New York : Oxford University Press, 2008. – 562 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 18.04.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008 94 (100)

С. С. Поликарпов
https://orcid.org/0000-0003-4199-2475

Направленность времени в «картине мира» древних индийцев (по эпосу «Махабхарата» и «Рамаяна»)

На основе эпических произведений «Махабхарата» и «Рамаяна» проводится культурологический анализ проблемы направленности времени в *imago mundi* древних индийцев. Доказывается, что для объяснения темпоральной длительности мироздания «своей «картины мира» народы Древнего Индостана прежде всего использовали цикличную модель квалификации временного потока, которая артикулировалась санскритским словом *cakra* («колесо»). Это понятие определяло время как аксиологически неравноценный, дискретный, аритмичный, предметно и событийно наполненный поток. В ранних (середина I тысячелетия до н. э) и в поздних (начало I тысячелетия н. э.) пластах «Махабхараты» и «Рамаяны» встречались мотивы похищения символов плодородия, идея мировых веков (*yugas*) и размышления о сансаре (*saṃsāra*), обусловленной действием всеобщего космического закона – кармы (*karma*). Вместе с тем обосновывается точка зрения о том, что в «картине мира» древних индийцев эксплицировалась и линейная модель направленности времени. Она характеризовалась санскритской лексемой *kāla* (буквальный перевод – «смерть») и манифестировала темпоральный поток в качестве необратимого, однообразного и целенаправленного процесса. Сведения о ней мы можем обнаружить только в поздних пластах «Махабхараты» и «Рамаяны» (начало I тысячелетия н. э.), где присутствовали такие линеарные сюжеты и мотивы, как «порча» мироздания, Великий Потоп и судьба (*karman*). Подчеркивается, что в начале I тысячелетия н. э., когда в «картине мира» древних индийцев активизировались рационально-логические способы мышления, *cakra* стала активно взаимодействовать с *kāla*. Эта ситуация постулировала факт того, что время в *imago mundi* древних индийцев продолжало оставаться цикличным в перспективе, но уже осмыслялось в его линейной проекции.

Ключевые слова: время, направленность времени, «картина мира», «Махабхарата», «Рамаяна», линейная модель, цикличная модель, *cakra, kāla*.

CULTURAL SCIENCE

S. S. Polikarpov

Time Focus in «the World Picture» of Ancient Indians (according to the epos «Mahabharata» and «Ramayana»)

On the basis of the epic works «Mahabharata» and «Ramayana» here is carried out a culturological analysis of the problem of time focus in *imago mundi* of ancient Indians. It is proved that in order to explain temporal duration of the universe of «own „picture of the world”» the peoples of Ancient Hindustan first of all used a cyclic model of qualifying the temporary stream, which was articulated by the Sanskrit word *cakra* («wheel»). This concept defined time as an axiological unequal, discrete, arrhythmic, full of subjects and events stream. In early (the middle of the I millennium B. C.) and in late (the beginning of the I millennium A. D.) layers of «Mahabharata» and «Ramayana» there were motives of stealing symbols of fertility, the idea of world centuries (*yugas*) and ideas about *sansara* (*saṃsāra*), caused by action of the general space law – karma (*karma*). At the same time the point of view is proved that in «the world picture» of ancient Indians the linear model of time focus was explicated. It was characterized by a Sanskrit lexeme *kāla* (wordbyword translation – «death») and demonstrated a temporal stream as an irreversible, monotonous and purposeful process. The information about it can be found only in late layers of «Mahabharata» and «Ramayana» (the beginning of the I millennium AD) and there were such linear plots and motives as «damage» of the universe, the Great Flood and destiny (*karman*). It is emphasized that at the beginning of the I millennium A. D. when in «the world picture» of ancient Indians rational and logical ways of thinking activated, *cakra* began to interact actively with *kāla*. This situation postulated the fact that time in *imago mundi* of ancient Indians continued to be cyclic in the long term, but was already comprehended in its linear projection.

Keywords: time, time focus, «world picture», «Mahabharata», «Ramayana», linear model, cyclic model, *cakra, kāla*.

Время – определяющий показатель *imago mundi* народов Древнего Индостана [9, с. 12]. Мы полагаем, что, как и сегодня, каждый представитель древнеиндийской культуры воспринимал темпо-

© Поликарпов С. С., 2018

ральную длительность бытия по-разному [16, с. 211]. Однако чтобы пользоваться преимуществами, которые давала жизнь среди соплеменников, человек Древней Индии должен был сообразовывать свои мысли, чувства и поступки с психологическими и поведенческими нормативами окружающих, а для этого постоянно считаться с их темпоральными ориентирами, хорошо знать все условности, связанные с коллективными представлениями о времени [15, с. 126]. Разумеется, время определенным образом согласовывалось с астрономическими и земными физическими явлениями, но на эти общие представления народы Древнего Индостана накладывали свои специфические формы мировосприятия, которые были связаны с особенностями жизни в привычной им природно-географической среде [15, с. 128]. Иными словами, естественное ощущение времени перекрывалось социокультурным.

Вследствие этого актуальной становится проблема изучения направленности времени в «картине мира» древних индийцев, так как мало найдется других показателей культуры, которые в такой же степени характеризовали бы ее сущность и специфику [16, с. 10]. «В ней воплощалось, с ней связывалось мироощущение эпохи, поведение людей, их сознание, ритм жизни, отношение к вещам» [16, с. 10]. Не зря в современной историко-культурной и философской литературе можно встретить интенцию классифицировать народы по их отношению к организации временнóго потока в определенную структурную модель [13, с. 23].

По вопросу направленности древнеиндийского времени нет единого мнения. В работах В. Б. Алаева [1], Г. М. Бонград-Левина [3], А. Бэшема [4], Р. Генона [8], Л. Гонсалес-Реймана [28], П. А. Гринцера [10], А. М. Пятигорского [22] и Д. Е. Фурмана [2] отмечалось, что древние индийцы воспринимали время как множество повторяющихся циклов. Подобный циклизм, по их мнению, был опосредован логикой восприятия окружающей действительности, где органично взаимодействовали три разнонаправленных ритма – суточный, климатический и космический. Однако в исследованиях Е. Ю. Ваниной [5], Я. В. Василькова [6], И. П. Глушковой [9], В. Лала [29], С. Л. Невелевой [20], С. Ф. Ольденбурга [21], С. Соренсена [31] и Р. Тхапар [32] констатировалась линейная направленность времени в *imago mundi* народов Древнего Индостана. В основе данного утверждения лежало предположение, что древние индийцы, как и современные люди, могли в своей творческой фантазии отмежевываться от наличной реальности и создавать самобытную «картину мира», в которой важное место занимало антропоцентрическое, линейное измерение темпоральной длительности мироздания [19, с. 61].

По нашему мнению, в изучении направленности древнеиндийского времени вовсе не следует занимать крайних позиций. С одной стороны, это не дает возможности адекватно учитывать то, что исследователи мифологического типа мышления назвали «древним плюрализмом» [19, с. 214], то есть взаимодействия самых разнообразных и противоречивых представлений древних индийцев о тенденциях темпорального потока. С другой стороны, категоричное отношение к данной проблеме чревато недооценкой динамики развития представлений древних индийцев о тенденциях движения времени.

Поэтому целью данного исследования является изучение направленности времени в «картине мира» древних индийцев. В решении данной проблемы мы сочли необходимым обратиться к текстам национального эпоса Индии – «Махабхарате» [33] и «Рамаяне» [34], которым в силу длительного существования в устной традиции [10, с. 147] удалось зафиксировать артикуляцию и взаимодействие различных моделей направленности времени в *imago mundi* народов Древнего Индостана.

Методологической основой данного исследования стали такие подходы к изучению и пониманию прошлого, которые характерны для «новой» культурной истории. Поэтому к числу значимых оснований данного исследования принадлежат культурологическая и антропологическая концепции истории (И. П. Вейнберг [7], Ж. Ле Гофф [18], А. Я. Гуревич [11], Ж. Дюби [12], Г. С. Кнабе [17]), а также понимание личности как субъекта ценностного осмысления действительности, в том числе и в доиндустриальную эпоху (Э. Кассирер [15], Е. М. Мелетинский [19], Й. Хейзинга [27]).

Сведения, которые предоставляют ранние и поздние пласты эпических произведений «Махабхарата» и «Рамаяна», позволяют утверждать, что в «картине мира» древних индийцев особое место занимали представления о цикличной направленности времени. Они квалифицировались санскритской лексемой *cakra* («колесо») и характеризовали временной поток как замкнутый, качественно неоднородный, конкретный, дискретный и одновременно безостановочный процесс.

По-видимому, первоначальное представление о времени как множестве повторяющихся циклов складывалось под влиянием природной среды с ее

чередованием дня и ночи, времен года, солнечных и лунных ритмов, а также повторяемости непосредственно связанных с ней видов деятельности, прежде всего – сельскохозяйственной [25, p. 177]: «***У мудреца Бхригу была супруга*** […] ***Пулома*** […] / И вот однажды ***Бхригу*** […] ***ушел*** из дома для омовения […] / В его обитель ***тогда пришел ракшас*** […] / ***Он влюбился в Пулому*** […] / ***Ракшас решил похитить ее*** […]/ ***После*** [похищения. – С. П.] ***наступила засуха***» [34, II. 5. 11–26]

Принимая во внимание замечание П. А. Гринцера о том, что мотив похищения в древнеиндийском эпосе символизировал очевидные темпоральные ритмы [10, с. 211], мы полагаем, что в данном фрагменте манифестировался определяющий цикл древнеиндийского времени – цикл сельскохозяйственных работ. На это указывает образный ряд повествования: мудрец Бхригу выражал благоприятный климатический сезон; его супруга Пулома – землю; безымянный ракшас – неблагоприятный климатический сезон. Взаимодействие этих героев по ассоциации напоминало слушателям древнеиндийского эпоса о диалектике окружающей среды, когда жаркие весенне-летние месяцы пахоты и сева сменялись муссонными дождями и относительно холодной зимой, непригодной для сельскохозяйственных работ [4, с. 21].

Однако с развитием производящего хозяйства, становлением варно-кастовой структуры общества и усложнением психической активности в сознании древних индийцев начала проявляться потребность в систематизации исторического опыта предков [3, с. 55]. Отсюда – формирование представлений о глобальных темпоральных ритмах, которым были подвержены политические, экономические, социальные и религиозно-этические явления прошлого. Они артикулировались санскритским словом *yuga* («ярмо»): «И все существующее, движущееся и неподвижное […] / ***Все повторяется вновь,*** когда ***по истечении юги мир разрушится*** […] / Как разнообразные признаки обнаруживаются с изменением времен года, / Так и ***все существа появляются вновь в начале следующей юги.*** / Так ***вечно вращается в мире это колесо,*** / ***Не имеющее ни начала, ни конца***» [33, III. 66. 71–74].

Комментируя данный текст, отметим, что на определенном этапе развития древнеиндийского общества время стало пониматься как совокупность четырех качественно неоднородных, дискретных и аритмичных «формаций», или мировых веков (*yugas*), безостановочно сменяющих друг друга, подобно спицам в колесе. Это были крита-юга (1 728 000 лет), трета-юга (1 296 000 лет), двапара-юга (864 000 лет) и кали-юга (432 000 лет) [5, с. 89]. Обратная логика данных циклов предполагала, что с каждой последующей югой понимание «истины уменьшалось, а невежество росло» [33, III. 67. 82].

Соответственно, окончание каждого темпорального отрезка сопровождалось обновлением мироздания в «нулевой» точке наличного универсума. Из нее формировался новый временно́й цикл [8, с. 32]. При этом медиаторами данного процесса являлись главные сакральные события национального эпоса Индии – Великий Потоп, вознесение бога Кришны и битва на Курукшетре.

В конце I тысячелетия до н. э. – начале I тысячелетия н. э. кардинальным образом меняется ситуация на территории индийского субконтинента. Возросшая техническая вооруженность человека в борьбе с природой способствовала высвобождению личности из-под контроля родоплеменных образований и влияний окружающей среды [3, с. 71]. Активные духовные искания буддистов, джайнов, локаятиков и многочисленных последователей ортодоксальной ведической традиции свидетельствовали о том, что в «картине мира» древних индийцев особое место стало отводиться человеку [22, с. 111].

Поэтому цикличные ритмы темпорального потока, как отмечают «Махабхарата» и «Рамаяна», начали распространяться на жизнь конкретного индивида. Это особенно ярко выразилось в идее сансары (*saṃsāra*): «***Человек*** […] ***ввергается он в сансару*** […] / И, ***крутясь словно колесо, переходит под воздействием неведения***, жажды и груза прошлых деяний ***из одного лона в другое,*** / ***Вновь и вновь возрождаясь в различных видах существ,*** / От Брахмы до стебля травы, то на земле, то в воде, то в воздушном пространстве» [33, III. 56. 13–21].

Мы видим, что в глазах древних индийцев конца I тысячелетия до н. э. – начала I тысячелетия н. э. жизнь уже стала представлять собой постоянную смену воплощений, согласно которой душа человека после смерти переходила в иные формы существования – животных, растений, минералов или – в порядке повышения – в тела людей или в божеств. Таким образом, индивид оказывался ввергнутым в «океан рождений и смертей» [34, I. 68. 6], а его жизнь интерпретировалась как череда бесконечного страдания [34, I. 68. 7]. При этом на идею повторных воплощений – реинкарнаций – древние индийцы накладывали пред-

ставления о причинно-следственном законе кармы (*karma*), который регулировал «колесо сансары»: «***Многие рождаются под одной и той же звездой*** и с одинаковым предначертанием, / Но сколь различны ***обретаемые ими плоды из-за превратностей кармы*** […] / Эта ***жизнь*** – лишь ***итог прежних деяний***» [33, III. 57. 25–29].

Итак, перечисленные мотивы национального эпоса Индии позволяют говорить о том, что в «картине мира» древних индийцев господствовала цикличная направленность времени. Она и позволяла древним индийцам, как отмечал Д. Е. Фурман, создать «картины вечного мира, где все движется по неизменным законам и ничего нового не возникает, а есть лишь движение по кругу» [2, с. 31].

Однако, соглашаясь с именитым ученым, все же следует признать, что сведения, которые предоставляет национальный эпос Индии, позволяют говорить о наличии в «картине мира» древних индийцев и другой идеи – линейного ощущения времени. Как показывают поздние напластования «Махабхараты» и «Рамаяны» (начало I тысячелетия н. э.), линейная направленность темпорального потока квалифицировалась санскритским словом *kāla* (буквальный перевод – «смерть»), которое выражало представление о времени как необратимом и строго целесообразном процессе.

Мы уже отмечали, что основой древнеиндийского ощущения времени являлась идея мировых веков – юг (*yugas*). Несмотря на то, что время в данной системе было представлено как совокупность четырех циклов, морально-этическая составляющая данной идеи уже предполагала линейную ориентировку темпорального универсума, так как она отражала нисходящий процесс «порчи» мироздания: «***Древние люди были*** […] / ***Правдоречивы, добродетельны и благонамеренны***. / ***Время шло***, и […] злоба и вожделение овладели ими, / ***Поддались они ослеплению алчности, погрязли во лжи и обмане***. / Боги тогда отвергли людей […] / ***Они преступили дхарму***» [33, I. 181. 9–41].

Таким образом, развитие мира предстает в виде поступательного процесса, который сопровождается деградацией духовно-нравственного состояния человечества. Поэтому и время для слушателей древнеиндийского эпоса могло выглядеть целесообразным, однонаправленным потоком, который ориентировался на акцентуацию деструктивного процесса изменения – от высших форм существования общества к низшим. При этом главным показателем «порчи» окружающего мира являлась дхарма (*dharma*) – закон, порядок, нормы существования и развития космоса, социума и отдельного человека [4, с. 231]. С наибольшей полнотой дхарма проявлялась в первую югу – крита-югу. Однако впоследствии люди нивелировали ее значимость, и лишь герои национального эпоса Индии – Рама и Юдхиштхира – продолжали следовать дхарме.

Линейная направленность времени также эксплицируется в поздних описаниях ключевых историко-мифологических событий прошлого, одним из которых был Великий Потоп, положивший конец «золотому веку»: «***Океан покрыл тогда все небо*** громадами синих облаков. / И те облака […] стали проливать воду в большом изобилии. / И вследствие того […] ***небо словно разверзлось***. / От множества волн, от потоков воды, / ***Небесный свод***, оглашаемый раскатами грома, ***упал на землю***. / И ***земля кругом наполнилась водою***» [33, I. 22. 1–5].

Данный фрагмент показывает ориентировку древнеиндийского времени на определяющее событие мифической древности – Великий Потоп. Он выражал идею обновления Вселенной, ее очищения от появившихся в конце «золотого века» грешников. Поэтому Потоп возвращал времена всеобщей сингулярной неразделенности, перенося первобытный хаос (*asat*) с периферии мироздания в центр макрокосма (*sat*), а точнее – элиминируя первым второе. Следовательно, мы можем предположить, что в этой ориентации на Великий Потоп также проявлялась идея линейной направленности времени. В прошлом, считали древние индийцы, было уникальное событие, которое предопределило существование окружающего мира на столетия вперед, сориентировав все последующие поколения людей на ритуальное осмысление первой в истории человечества катастрофы – Великого Потопа.

Поздние пласты «Махабхараты» и «Рамаяны» также показывают, что линейная модель времени стала восприниматься основой человеческой жизни. В связи с этим следует обратить внимание на мифологему судьбы (*karman*): «***Человек над собою не властен*** и действует не по своей воле; / ***Всесильная, властная судьба его направляет куда хочет.*** / Все накопленное – гибнет, все поднявшееся – падает, / Встреча чревата разлукой, ***жизнь кончается смертью***. / Как у созревших плодов единственный страх – падение, / Так и родившийся ***человек ничего не боится, кроме смерти.*** / ***Так же как рушится со временем дом***

с крепкими стенами, / ***Гибнут со временем все люди***, подвластные старости и смерти» [34, I. 121. 14–18].

Итак, в начале I тысячелетия н. э. древние индийцы стали считать, что высшим и окончательным вершителем человеческой жизнедеятельности является судьба – *karman*. Она объясняла все события, явления и процессы, связывала воедино противоречивые факты и вводила в свои пределы все «движимые и недвижимые» объекты мироздания. Судьба (*karman*) была тотальной, непознаваемой и независимой от человеческой воли неизбежностью. С одной стороны, она ни с кем и ни с чем не считалась, с другой, судьбе (*karman*), при всем предельном отчуждении от тех, кто находился под ее воздействием, «было дело до каждого» [34, I. 112. 3]. Поэтому древние индийцы считали, что *karman* – это внешняя сила, которая сводила человеческую жизнь к всеобщему безличному приговору. В ней был выражен «всенародный опыт осмысления свободы и необходимости, попытка назвать те силы, которые управляют мировым порядком и человеческим поведением» [13, с. 123].

Также необходимо отметить, что поздние текстуальные пласты «Махабхараты» и «Рамаяны» показывают специфическое взаимодействие *cakra* с *kāla*: «***Время уничтожает*** все существа и ***создает*** их вновь, / ***Время*** проходит ***неудержимо, одинаково*** для всех живых существ» [33, I. 17. 25].

Мы видим, что время с устойчивым постоянством то «уничтожает», то «созидает» окружающую действительность, подчиняя ее цикличным законам направленности темпорального универсума. При этом временной поток сохраняет целенаправленность, он лишен дискретности и оторван от предметно-событийной конкретности, что тождественно *kāla*. Сочетание сразу двух данных моделей в одной строфе, по-видимому, следует истолковывать так, что в начале I тысячелетия н. э. в сознании древних индийцев цикличная и линейная модели времени стали органично дополнять другу друга. В связи с этим, следует согласиться с историком Д. Шулманом, который утверждал, что «время „Махабхараты" и „Рамаяны" циклично в перспективе, но оно воспринимается и нами, и самими героями как поступательное движение, причем в худшую сторону» [30, p. 27].

Таким образом, сведения, которые предоставляет национальный эпос Индии, позволяют разрешить проблему направленности времени в *imago mundi* древних индийцев с культурологической точки зрении. «Махабхарата» и «Рамаяна» показывают, что особое место в духовном мире народов Древнего Индостана занимала цикличная модель времени, которая верифицировалась словом *cakra* («колесо»). *Cakra* характеризовала время как безостановочный, аритмичный, дискретный и качественно неоднородный поток. Данная модель направленности времени проявлялась как в ранних, так и в поздних сюжетах «Махабхараты» и «Рамаяны». Это были сельскохозяйственные мотивы похищения символа плодородия – супруги, представления о чередовании мировых веков (*yugas*), идея сансары (*saṃsāra*), обусловленная действием причинно-следственного закона кармы (*karma*). Вместе с тем, в *imago mundi* древних индийцев эксплицировалась модель линейной направленности времени, которая в поздних пластах «Махабхараты» и «Рамаяны» (начало I тысячелетия н. э.) артикулировалась лексемой *kāla*. Она определяла время как безостановочный, однородный и целенаправленный процесс, поэтому сведения о ней проявлялись в таких сюжетах и мифологемах национального эпоса Индии, как «порча» мироздания, Великий Потоп и судьба. При этом в начале I тысячелетия н. э. *cakra* стала активно взаимодействовать с *kāla*.

Библиографический список

1. Алаев, Л. Б. Средневековая Индия [Текст] / Л. Б. Алаев. – СПб. : Алетейя, 2003. – 304 с.

2. Бельский, А. Г., Фурман, Д. Е. Сикхи и индусы: Религия, политика, терроризм [Текст] / А. Г. Бельский, Д. Е. Фурман. – М. : Восточная литература, 1992. – 128 с.

3. Бонгард-Левин, Г. М. Древнеиндийская цивилизация [Текст] / Г. М. Бонагрд-Левин. – М. : Наука, 1980. – 333 с.

4. Бэшем, А. Цивилизация Древней Индии [Текст] / А. Бэшем. – Екатеринбург : У-Фактория, 2006. – 496 с.

5. Ванина, Е. Ю. Средневековое мышление: индийский вариант [Текст] / Е. Ю. Ванина. – М. : Восточная литература, 2007. – 375 с.

6. Васильков, Я. В. Земледельческий миф в древнеиндийской эпосе (Сказание о Рашьяшринге) [Текст] / Я. В. Васильков // Литература и культура Древней Средневековой Индии. – М. : Восточная литература, 1979. – С. 99–133.

7. Вейнберг, И. П. Человек в культуре Древнего Ближнего Востока [Текст] / И. П. Вейнберг. – М. : Наука, 1986. – 208 с.

8. Генон, Р. Кризис современного мира [Текст] / Р. Генон. – М. : Эксмо, 2003. – 784 с.

9. Глушкова, И. П. Индийское паломничество. Метафора движения и движение метафоры [Текст] / И. П. Глушкова. – М. : Восточная литература, 2000. – 264 с.

10. Гринцер, П. А. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология [Текст] / П. А. Гринцер. – М. : Наука, 1974. – 418 с.

11. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры [Текст] / А. Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1972. – 318 с.

12. Дюби, Ж. Трехчастная модель, или представления средневекового общества о самом себе [Текст] / Ж. Дюби. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 320 с.

13. Зубов, А. Б. Лекции по истории религии [Текст] / А. Б. Зубов. – М. : Альпина нон-фикшн, 2016. – 202 с.

14. Индийская философия: Энциклопедия [Текст] / отв. ред. М. Т. Степанянц. – М. : Восточная литература, 2009. – 950 с.

15. Кассирер, Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры [Текст] / Э. Кассирер. – М. : Прогресс, 1988. – 280 с.

16. Клочков, И. С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время [Текст] / И. С. Клочков. – М. : Восточная литература, 1983. – 206 с.

17. Кнабе, Г. С. Историческое пространство и исторического время // Культура Древнего Рима – в 2 т. – Т. 2 / под ред. Е. М. Штаерман. – М. : Наука, 1985. – С. 167–258.

18. Ле Гофф, Ж. Средневековый мир воображаемого [Текст] : Ж. Ле Гофф. – М. : Наука, 2001. – 320 с.

19. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа [Текст] / Е. М. Мелетинский. – М. : Наука, 1976. – 350 с.

20. Невелева, С. Л. Мифология древнеиндийского эпоса (пантеон) [Текст] / С. Л. Невелева. – М. : Наука, 1975. – 118 с.

21. Ольденбург, С. Ф. Культура Индии [Текст] / С. Ф. Ольденбург. – М. : Наука, 1991. – 277 с.

22. Пятигорский, А. М. Материалы по истории индийской философии [Текст] / А. М. Пятигорский. – М. : Восточная литература, 1962. – 255 с.

23. Сапронов, П. А. Феномен героизма [Текст] / П. А. Сапронов. – М. : Гуманитарная академия, 2005. – 512 с.

24. Флиер, А. Я. Культурология для культурологов [Текст] / М. : Академический проект, 2000. – 496 с.

25. Франкфорт, Г., Уилсон, Д., Якобсен, Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека [Текст] / Г. Фракнфорт, Д. Уилсон, Т. Якобсен. – М. : Наука, 1984. – 236 с.

26. Хасанов, А. И. Феномен времени [Текст] / А. И. Хасанов. – М. : ИПКгосслужбы, 1998. – 79 с.

27. Хейзинга, Й. Осень средневековья [Текст] / Й. Хейзинга. – М. : Издательство Ивана Лимбаха, 2013. – 320 с.

28. Gonzalez-Reimann, L. The Mahabharata and the Yugas / L. Gonzalez-Reimann. – New York : Peter Lang, 2002. – 186 p.

29. Lal, V. The History of History. Politics and Scholarship in Modern India / V. Lal. – Delhi : Oxford University Press, 2003. – 321 p.

30. Shulman, D. Studies in Tamil, Telugu and Sanskrit / D. Shulman. – Delhi : Oxford University Press., 2004. – 334 p.

31. Sorensen, S. An Index to the Names in the Mahabharata / S. Sorensen. – Delhi : Oxford University Press, 1963. – 210 p.

32. Thapar, R. Asokan Indian and the Gupta Age / R. Thapar. – Dehli : Oxford University Press, 1986. – 245 p.

33. The Mahäbhärata / ed. by V. S. Sukthankara. – Poona, 1933–1936.

34. The Rämäyana of Välmiki / publ. by N. Ramaratnam. – Madras, 1958.

Bibliograficheskij spisok

1. Alaev, L. B. Srednevekovaja Indija [Tekst] / L. B. Alaev. – SPb. : Aletejja, 2003. – 304 s.

2. Bel'skij, A. G., Furman, D. E. Sikhi i indusy: Religija, politika, terrorizm [Tekst] / A. G. Bel'skij, D. E. Furman. – M. : Vostochnaja literatura, 1992. – 128 s.

3. Bongard-Levin, G. M. Drevneindijskaja civilizacija [Tekst] / G. M. Bonagrd-Levin. – M. : Nauka, 1980. – 333 s.

4. Bjeshem, A. Civilizacija Drevnej Indii [Tekst] / A. Bjeshem. – Ekaterinburg : U-Faktorija, 2006. – 496 s.

5. Vanina, E. Ju. Srednevekovoe myshlenie: indijskij variant [Tekst] / E. Ju. Vanina. – M. : Vostochnaja literatura, 2007. – 375 s.

6. Vasil'kov, Ja. V. Zemledel'cheskij mif v drevneindijskoj jepose (Skazanie o Rash'jashringe) [Tekst] / Ja. V. Vasil'kov // Literatura i kul'tura Drevnej Srednevekovoj Indii. – M. : Vostochnaja literatura, 1979. – S. 99–133.

7. Vejnberg, I. P. Chelovek v kul'ture Drevnego Blizhnego Vostoka [Tekst] / I. P. Vejnberg. – M. : Nauka, 1986. – 208 s.

8. Genon, R. Krizis sovremennogo mira [Tekst] / R. Genon. – M. : Jeksmo, 2003. – 784 s.

9. Glushkova, I. P. Indijskoe palomnichestvo. Metafora dvizhenija i dvizhenie metafory [Tekst] / I. P. Glushkova. – M. : Vostochnaja literatura, 2000. – 264 s.

10. Grincer, P. A. Drevneindijskij jepos. Genezis i tipologija [Tekst] / P. A. Grincer. – M. : Nauka, 1974. – 418 s.

11. Gurevich, A. Ja. Kategorii srednevekovoj kul'tury [Tekst] / A. Ja. Gurevich. – M. : Iskusstvo, 1972. – 318 s.

12. Djubi, Zh. Trehchastnaja model', ili predstavlenija srednevekovogo obshhestva o samom sebe [Tekst] / Zh. Djubi. – M. : Jazyki russkoj kul'tury, 2000. – 320 s.

13. Zubov, A. B. Lekcii po istorii religii [Tekst] / A. B. Zubov. – M. : Al'pina non-fikshn, 2016. – 202 s.

14. Indijskaja filosofija: Jenciklopedija [Tekst] / otv. red. M. T. Stepanjanc. – M. : Vostochnaja literatura, 2009. – 950 s.

15. Kassirer, Je. Opyt o cheloveke: vvedenie v filosofiju chelovecheskoj kul'tury [Tekst] / Je. Kassirer. – M. : Progress, 1988. – 280 s.

16. Klochkov, I. S. Duhovnaja kul'tura Vavilonii: chelovek, sud'ba, vremja [Tekst] / I. S. Klochkov. – M. : Vostochnaja literatura, 1983. – 206 s.

17. Knabe, G. S. Istoricheskoe prostranstvo i istoricheskogo vremja // Kul'tura Drevnego Rima – v 2 t. – T. 2 / pod red. E. M. Shtaerman. – M. : Nauka, 1985. – S. 167–258.

18. Le Goff, Zh. Srednevekovyj mir voobrazhaemogo [Tekst] : Zh. Le Goff. – M. : Nauka, 2001. – 320 s.

19. Meletinskij, E. M. Pojetika mifa [Tekst] / E. M. Meletinskij. – M. : Nauka, 1976. – 350 s.

20. Neveleva, S. L. Mifologija drevneindijskogo jeposa (panteon) [Tekst] / S. L. Neveleva. – M. : Nauka, 1975. – 118 s.

21. Ol'denburg, S. F. Kul'tura Indii [Tekst] / S. F. Ol'denburg. – M. : Nauka, 1991. – 277 s.

22. Pjatigorskij, A. M. Materialy po istorii indijskoj filosofii [Tekst] / A. M. Pjatigorskij. – M. : Vostochnaja literatura, 1962. – 255 s.

23. Sapronov, P. A. Fenomen geroizma [Tekst] / P. A. Sapronov. – M. : Gumanitarnaja akademija, 2005. – 512 s.

24. Flier, A. Ja. Kul'turologija dlja kul'turologov [Tekst] / M. : Akademicheskij proekt, 2000. – 496 s.

25. Frankfort, G., Uilson, D., Jakobsen, T. V preddverii filosofii. Duhovnye iskanija drevnego cheloveka [Tekst] / G. Fraknfort, D. Uilson, T. Jakobsen. – M. : Nauka, 1984. – 236 s.

26. Hasanov, A. I. Fenomen vremeni [Tekst] / A. I. Hasanov. – M. : IPKgossluzhby, 1998. – 79 s.

27. Hejzinga, J. Osen' srednevekov'ja [Tekst] / J. Hejzinga. – M. : Izdatel'stvo Ivana Limbaha, 2013. – 320 s.

28. Gonzalez-Reimann, L. The Mahabharata and the Yugas / L. Gonzalez-Reimann. – New York : Peter Lang, 2002. – 186 p.

29. Lal, V. The History of History. Politics and Scholarship in Modern India / V. Lal. – Delhi : Oxford University Press, 2003. – 321 r.

30. Shulman, D. Studies in Tamil, Telugu and Sanskrit / D. Shulman. – Delhi : Oxford University Press., 2004. – 334 r.

31. Sorensen, S. An Index to the Names in the Mahabharata / S. Sorensen. – Delhi : Oxford University Press, 1963. – 210 r.

32. Thapar, R. Asokan Indian and the Gupta Age / R. Thapar. – Dehli : Oxford University Press, 1986. – 245 r.

33. The Mahäbhärata / ed. by V. S. Sukthankara. – Poona, 1933–1936.

34. The Rämäyana of Välmiki / publ. by N. Ramaratnam. – Madras, 1958.

Reference List

1. Alaev L. B. Medieval India / L. B. Alaev. – SPb. : Aleteya, 2003. – 304 pages.

2. Belsky A. G., Furman D. E. Sikhs and Hindus: Religion, policy, terrorism / A. G. Belsky, D. E. Furman. – M. : Vostochnaya Literatura, 1992. – 128 pages.

3. Bongard-Levin G. M. Old Indian civilization / G. M. Bonagrd-Levin. – M. : Nauka, 1980. – 333 pages.

4. Beshem A. Civilization of Ancient India / A. Beshem. – Ekaterinburg : U-Faktoriya, 2006. – 496 pages.

5. Vanina E. Yu. Medieval thinking: Indian option / E. Yu. Vanina. – M. : Vostochnaya Literatura, 2007. – 375 pages.

6. Vasilkov Ya. V. The agricultural myth in the Old Indian epos (The legend on Rashyashring) / Ya. V. Vasilkov // Literature and culture of Ancient Medieval India. – M. : Vostochnaya Literatura, 1979. – Page 99–133.

7. Veynberg I. P. Man in the culture of the Ancient Middle East / I. Veynberg. – M. : Nauka, 1986. – 208 pages.

8. Genon R. Crisis of the modern world / R. Genon. – M. : Eksmo, 2003. – 784 pages.

9. Glushkova I. P. Indian pilgrimage. Metaphor of the movement and movement of a metaphor / I. P. Glushkova. – M. : Vostochnaya Literatura, 2000. – 264 pages.

10. Grintser P. A. Old Indian epos. Genesis and typology / P. A. Grintser. – M. : Nauka, 1974. – 418 pages.

11. Gurevich A. Ya. Categories of medieval culture / A. Ya. Gurevich. – M. : Iskusstvo, 1972. – 318 pages.

12. Dyubi J. Three-part model, or ideas of medieval society / J. Dyubi. – M. : Yazyki Russkoi Kultury, 2000. – 320 pages.

13. Zubov A. B. Lectures on religion history / A. B. Zubov. – M. : Alpina non-fiction, 2016. – 202 pages.

14. Indian philosophy: Encyclopedia / editor-in-chief M. T. Stepanyants. – M. : Vostochnaya Literatura, 2009. – 950 pages.

15. Kassirer E. Experience about the person: introduction to human culture philosophy / E. Kassirer. – M. : Progress, 1988. – 280 pages.

16. Klochkov I. S. Spiritual culture of Babylonia: person, destiny, time / I. S. Klochkov. – M. : Vostochnaya Literatura, 1983. – 206 pages.

17. Knabe G. S. Historical space and historical time // Culture of Ancient Rome – in 2 v. – V. 2 / under the editorship of E. M. Shtaerman. – M. : Nauka, 1985. – Page 167–258.

18. Le Goff J. The medieval world of imagined J. Le Goff. – M. : Nauka, 2001. – 320 pages.

19. Meletinsky E. M. Poetics of the myth / E. M. Meletinsky. – M. : Nauka, 1976. – 350 pages.

20. Neveleva S. L. Mithology of the Old Indian epos (pantheon) / S. L. Neveleva. – M. : Nauka, 1975. – 118 pages.

21. Oldenburg S. F. Culture of India / S. F. Oldenburg. – M. : Nauka, 1991. – 277 pages.

22. Pyatigorsky A. M. Materials on stories of the Indian philosophy / A. M. Pyatigorsky. – M. : Vostochnaya Literatura, 1962. – 255 pages.

23. Sapronov P. A. Phenomenon of heroism / P. A. Sapronov. – M. : Gumanitarnaya Akademiya, 2005. – 512 pages.

24. Flier A. Ya. Culturology for culturologists / A. Ya. Flier. – M. : Akademichesky Proekt, 2000. – 496 pages.

25. Frankfort G., Wilson D., Jacobsen T. In anticipation of philosophy. Spiritual searches of the ancient person / G. Fraknfort, D. Wilson, T. Jacobsen. – M. : Nauka, 1984. – 236 pages.

26. Khasanov A. I. Phenomenon of time / A. I. Khasanoff. – M. : IPKgossluzhba, 1998. – 79 pages.

27. Heyzing Y. Autumn of the Middle Ages / Y. Heyzinga – M. : Ivan Limbakh's Publishing House, 2013. – 320 pages.

28. Gonzalez-Reimann L. The Mahabharata and the Yugas / L. Gonzalez-Reimann. – New York : Peter Lang, 2002. – 186 p.

29. Lal V. The History of History. Politics and Scholarship in Modern India / V. Lal. – Delhi : Oxford University Press, 2003. – 321 p.

30. Shulman D. Studies in Tamil, Telugu and Sanskrit / D. Shulman. – Delhi : Oxford University Press., 2004. – 334 p.

31. Sorensen S. An Index to the Names in the Mahabharata / S. Sorensen. – Delhi : Oxford University Press, 1963. – 210 p.

32. Thapar R. Asokan Indian and the Gupta Age / R. Thapar. – Dehli : Oxford University Press, 1986. – 245 p.

33. The Mahäbhärata / ed. by V. S. Sukthankara. – Poona, 1933–1936.

34. The Rämäyana of Välmiki / publ. by N. Ramaratnam. – Madras, 1958.

Дата поступления статьи в редакцию: 21.04.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10052
УДК 008(091)

М. В. Новиков
https://orcid.org/0000–0002–2013–1919

Т. Б. Перфилова
https://orcid.org/0000–0002–2498–8688

Генезис мифа в аспекте языкового мировидения: научное мнение Ф. И. Буслаева

Выполнено по государственному заданию Минобрнауки России, проект 33.7591.2017/8.9

Данная статья является продолжением серии публикаций, посвященных анализу творчества незаслуженно забытого в советский период великого русского ученого Федора Ивановича Буслаева. В статье постулируется, что концепция мифа Буслаева складывалась под влиянием философской антропологии В. Гумбольдта. Как и классик немецкой трансцендентальной философии, Буслаев использовал смысловое пространство слова или текста для описания скрытых от науки механизмов эмоционального переживания человека – источника мифотворчества; считал язык (слово) и миф сущностно и генетически неразделимыми; подчеркивал в слово- и мифообразовании непреднамеренный, неотрефлексированный характер; был убежден в совершенстве лексикона первобытного человечества. Отмечается, что на конкретном материале Буслаев дал дополнительную аргументацию концепции языкового мировидения архаических и древних народов: как поклонник органистической теории языка ученый проиллюстрировал способность лексем создавать новый мир образной реальности при помощи антропоморфных идей и форм; доказал, что миф присутствовал при зарождении языка, наполняя его первоначальными воззрениями на природный и социальный Универсум; обосновал неотделимость мифологического мышления от эмоциональной, аффективно-моторной функции мозга; подчеркнул значение художественных тропов при создании мифологических образов, выявив источник их появления – «языковое и мифологическое мышление». В статье особо отмечается, что исследование семантических переносов в ходе словообразования приблизило Буслаева к осознанию своеобразной логики первобытных людей, в основе которой лежали ассоциативные цепи и коды, то есть такое свойство мифологического сознания, которое позже получит название комплексности и диффузности.

Ключевые слова: миф, мифологическое мышление, язык, слово, языковое мировидение, тропы, лингво-психологические процессы и механизмы.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

Genesis of the Myth in the Aspect of the Language World View: F. I. Buslaev's Scientific Opinion

This article is continuation of a series of publications devoted to the analysis of great Russian scientist Fiodor Ivanovich Buslaev's creativity unfairly forgotten during the Soviet period. In the article it is postulated that the concept of the myth by Buslaev was developed under the influence of W. Humboldt's philosophical anthropology. As well as the classic of the German transcendental philosophy, Buslaev used semantic space of the word or the text to describe mechanisms of the person's emotional experience hidden from science – a source of myth formation; he considered a language (word) and the myth ontologically and genetically inseparable; he emphasized inadvertent, non-reflective character in word – and myth formation; was convinced in perfection of the primitive mankind lexicon. It is noted that on certain material Buslaev gave the additional argument of the language world view concept of archaic and ancient peoples: being an admirer of the organistic theory of language the scientist illustrated the ability of lexemes to make a new world of figurative reality by means of the anthropomorphous ideas and forms; he proved that the myth was present at the birth of language, filling it with initial views on the natural and social Universum; he proved inseparability of mythological thinking from the emotional, affective and motor function of the brain; he accented a meaning of art tropes in creation of mythological images, having revealed a source of their origin – «language and mythological thinking». In the article it is emphasized that the research of semantic transfers during word formation made Buslaev closer to understanding of a peculiar logic of primitive people, its cornerstones were associative chains and codes, i.e. such property of mythological consciousness which later will receive the name of complexity and diffusion.

Keywords: myth, mythological thinking, language, word, language world view, tropes, linguo-psychological processes and mechanisms.

© Новиков М. В., Перфилова Т. Б., 2018

Ф. И. Буслаев [11], великолепный знаток результатов изучения процессов мифотворчества в Западной Европе, разделял представления своих главных ученых наставников – немецких филологов и философов первой половины XIX в. – о психологических факторах зарождения религии и мифологии.

Не делая различий между понятиями «эпос (слово)» [8, с. 112] и «миф» (об этом свидетельствуют синкретичные выражения: «эпический миф» [3, с. 251] и «мифологический эпос [9, с. 417]), которые появились в «мифический период» и были порождены «мифическим сознанием», Ф. И. Буслаев объединял в своей теории мифотворчества психологические механизмы, равнозначно повелевавшие как процессом познания первобытным человечеством мира, так и практиками словообразования.

Можно привести немало высказываний ученого, которые недвусмысленно указывают на совпадение во времени древнейших основ мифотворчества и архаических слоев языка.

В статье «Об эпических выражениях украинской поэзии» отмечено, что «образование языка стоит в связи с зарождением народных мифов и сказаний» [4, с. 210]; в работе «Русский народный эпос» Ф. И. Буслаев обращает внимание на первозданную древность и синхронность возникновения мифологии, языка, эпической поэзии (Ф. И. Буслаев сообщал: «Если первоначальное раскрытие народных верований представляет нам мифология, если первоначальные проявления логических законов должны мы искать в построении языка и из наблюдений над его составом, окрепшим уже в эпоху доисторическую, следует выводить данные о философии самого народа и о законах человеческого мышления вообще, то, без сомнения, и первоначальные, неизменные основы поэтической деятельности надобно искать в древнейшем и самом естественном ее проявлении – в народной эпической поэзии» [9, с. 412]); в «Повести о Горе-Злочастии» автор подчеркивает, что эпическая поэзия, в основе которой лежат мифические сказания, и язык вырастают из «таинственной глубины духа народного», причем их рождение происходит так же естественно, но и так же не менее сокровенно, как «зачинается… всякая жизнь в природе, и духовной, и физической» [6, с. 597].

Важнейшие положения буслаевской теории мифотворчества излагаются в работах «Древнейшие эпические предания славянских племен», «Областные видоизменения русской народности», «Мифические предания о человеке и природе», «Эпическая поэзия».

Начало процессов мифотворчества и «созидания самого языка», по мнению Ф. И. Буслаева, теряется в «темной доисторической глубине», «в самой ранней эпохе бытия» народа [10, с. 1]. «Народ не помнит, чтобы когда-нибудь изобрел он свою мифологию, свой язык, свои законы, обычаи и обряды». Эти важнейшие «национальные основы», «главнейшие нравственные» опоры национальности были естественны, как сама жизнь, и на протяжении «многих доисторических веков» они составляли «священное предание, великую родную старину, святой завет предков потомкам» [10, с. 1].

Слово в те первозданные незапамятные времена не могло быть условным знаком для выражения мысли, но и «случайным стечением звуков» язык не являлся – он представлял собой ту «зиждительную силу, помощью которой» народ вносил в свое умственное достояние «всю природу и жизнь», делал первые попытки самопознания [5, с. 166]. Язык зарождался в неразрывном союзе с мифами, обычаями и обрядами – «одним словом, со всем умственным и нравственным бытом народа, сохранившимся по преданию в народных эпических созданиях» [5, с. 161]. Оттого-то в языке отразилась «целостность духовной жизни», нередко проявляющаяся в множественности значений одного и того же слова. Например, предкам современных славян требовалось одно-единственное слово, чтобы выразить следующие понятия: «говорить и думать, говорить и делать; делать, петь, чародействовать; говорить и судить, рядить; говорить и петь; говорить и заклинать; спорить, драться и клясться; говорить, петь, чародействовать и лечить; говорить, видеть и знать; говорить и ведать, решать, управлять» [10, с. 2].

Эта синкретическая функция слова, или языка, вбиравшего в себя все произведения мыслительной и духовной активности народа, его связанного с верованиями быта, имела многочисленные проявления.

− Язык стал «своеобразным мировоззрением человека, третьей реальностью, стоявшей между ним и внешним миром» [13, с. 635]. Это происходило потому, что слово и мысль были в языке тождественны, пояснял Ф. И. Буслаев: «внешняя форма была существенной частью эпической мысли, с которой стояла она в таком неразделенном единстве, что даже возникала и образовывалась в одно и то же время» [10, с. 7].

− Полисемантизм слова, создававшего образ мироздания во всей его полноте и цельности, проявлялся в целостности литературного предания, хотя и представленного многочисленными жанрами народной словесности, но по способу восприятия и осмысления мира имевшего один источник – мифологическое сознание первобытных людей.

«Древнейшая словесность народа, – рассуждал в этой связи Ф. И. Буслаев, – была общим и нераздельным выражением» всех его понятий и убеждений, поэтому многочисленные виды «народной поэзии»: миф, сказка, загадка, пословица, поговорка, клятва, наговор, заклятие, примета – являлись «членами одного общего сказочного предания» и, взятые в совокупности, составляли «то целое, которое, хотя и не высказывалось во всей полноте и нераздельности ни в одной народной поэме, однако всеми чувствовалось и осознавалось как родное достояние предков» [10, с. 5].

− Смысловая емкость слова превратила язык в выражение всех нравственных интересов и духовных потребностей человека, не отделявшего еще своих собственных убеждений от коллективных суждений родного этноса, поэтому такие виды интеллектуальной деятельности, как художественная, законодательная, научная, которые позже будут существовать отдельно, в архаических обществах были слиты воедино. «Синтетическая сила мышления», свойственная «маститой первобытности» [5, с. 180], имела своим «важнейшим духовным деятелем» язык, отмечал Ф. И. Буслаев [10, с. 6].

Ф. И. Буслаев – поклонник органистической концепции языка – относился к этому социокультурному феномену как к живому организму, который, обладая собственными законами внутреннего развития, самосовершенствования, еще и был наделен Всевышним [2, с. 481; 5, с. 178; 7, с. 478] огромной созидательной энергией. Она наполняла язык разумом, волей, целеполаганием, провиденциальными способностями, превращая в мощный двигатель человеческого прогресса. В устах Ф. И. Буслаева язык оживает, одухотворяется, обретает способность к креационистской деятельности, облагораживающей сознание человека и усовершенствующей мыслительные процессы первобытных людей.

Трудно удержаться от желания воспроизвести несколько показательных фраз, созданных Ф. И. Буслаевым под впечатлением философской антропологии В. Гумбольдта и в стилистике немецкой трансцендентальной философии.

«Первоначальный организм» народного языка, – сообщает ученый, – «обладает свойствами первоначального, свежего дара слова: свободен в производстве и образовании слов, необыкновенно чувствителен в сочетании звуков для выражения непосредственных впечатлений, прост и ясен в синтаксическом сложении… упорен и неподатлив чужому влиянию, так что всякая мысль, пришедшая в него извне и несогласная с его обычными представлениями, тогда только входит в его живой и свежий организм, когда вполне подчиняется ему, переработавшись и приноровившись к его воззрениям» [5, с. 156, 157].

«Вся задача языка в первобытном его устройстве состояла в том, – далее рассуждает Ф. И. Буслаев, – чтобы облечь звуками понятие обо всем мире, каким он кажется, а не каков он на самом деле. А так как основой всякому взгляду на вещи бывают убеждения, выработанные верованиями, преданиями и обычаями, то впечатления, от которых язык ведет наименования предметов, действий и свойств, должны стоять в прямой зависимости от тех суеверных убеждений, которые сопутствовали образованию языка в период доисторический» [5, с. 159].

Продолжая перечислять результаты «творчества языка» через прием его антропоморфизации, Ф. И. Буслаев с воодушевлением сообщает, что «язык любит от одного и того же корня производить слова для означения и чувства, и предметов, действующих на чувства» [5, с. 158], что язык может переносить значение слова, «довольствоваться намеком», «называть предметы по эпитетам» [5, с. 159–161]. При всех этих манипуляциях со словами язык «стремится по возможности воссоздать полную картину природы и жизни» [5, с. 163].

«При взгляде на мир язык пользуется эпическим настроением, господствующим в первобытной народной поэзии, которая любит живописать природу постоянным эпитетом» [5, с. 161].

«Язык самому уму приписывает по преимуществу способность различать то… что́ представляется рассуждению» [5, с. 179].

Эти выражения, число которых можно было бы и умножить, ярко свидетельствуют о том, что Ф. И. Буслаев растворял язык в мыслительной деятельности людей, отождествлял разнообразные функции мозга и сложные психические реакции с творческими потенциями «духовного деятеля» народа – языка [10, с. 6]. Очевидно, что с языковым мировидением в духе В. Гумбольдта он свя-

зывал успехи в культурно-историческом развитии архаических обществ.

Руководствуясь идеей тождества языка и мысли (а также языка и духовной культуры) [10, с. 5] первобытного человечества, Ф. И. Буслаев не считал приемлемым для себя дублировать ошибочный, в его понимании, метод объяснения процесса словообразования в «отвлеченных логических категориях». «Сухой анализ звуков и грамматических форм», к которому прежде прибегали его учителя и предшественники-лингвисты, ему казался непригодным для понимания сложного и загадочного процесса мифотворчества, при котором именно язык в «произвольных увлечениях фантазией», а также неудержимой потребности к «своеобразной игре звуков и представлений» давал слову «все свойства художественного произведения» [5, с. 159, 160].

Пусковым механизмом для проявления «закона творческой фантазии» языка было «непосредственное ощущение от соприкосновения с природой», «живое воззрение» на мир, рождавшее «бесконечно разнообразное сцепление впечатлений». Озарявшая при этом сознание человека мысль зарождалась «за один раз с членораздельными звуками» [5, с. 177], затем начинали проявлять себя «слагающие и разлагающие силы рассудка» [5, с. 172], приводя в движение, в свою очередь, законы первоначальной логики Homo Sapiens´а.

Хотя Ф. И. Буслаев не отрицал полностью наличия законов логики, которые могли присутствовать и в деятельности языка, и в процессе мифотворчества, он все-таки не мог избавиться от соблазна видеть именно в языке силу, стоявшую над рассудком человека, повелевавшую его сознанием, руководившую созданием новой – образной, художественной – реальности. Он не мог побороть в себе желание лишить древнейшие формы языка того совершенства, «правильности и глубины логического смысла», которые были ему дарованы «высшей творческой силой», а следовательно, и содержали в себе сверхъестественные и преобразующие реальность способности.

С сожалением исследователь констатирует «порчу» языка по мере удаления человечества от «наидревнейшего, первоначального периода» [2, с. 472]. «История языка, – комментирует он, – различает логику мысли и логику слова. Мысли совокупляет, разделяет и определяет сам человек; смысл языка, разум слова – дело высшей творческой силы; человечество только искажало этот высший дар; народы в историческом своем движении только портили, забывали, подновляли и вновь забывали первобытные, совершеннейшие формы языка» [2, с. 481].

Ф. И. Буслаев использует всю силу своего убеждения и весь дар красноречия, чтобы обосновать идею совершенства лексикона первобытного человечества, где каждое новое слово было одновременно и «мифическим преданием» [5, с. 159]. Такой эффект неразличимости слова и мифа появлялся оттого, что акт номинации, или наименования, предмета осуществлялся «по впечатлению, им производимому на человека», на его «духовную природу» [5, с. 159]. Восстанавливая, насколько это позволяло его воображение, природу психологических процессов в «первобытную, эпическую эпоху», Ф. И. Буслаев рисует картину потрясения «существа мыслящего» [5, с. 179] при осуществлении первых попыток постижения тайн Вселенной: «подобно сотрясенному металлу, [человек. – М. Н., Т. П.] изрекает из себя членораздельные звуки, которыми выражает уже не природу, налагающую на его душу впечатления, но целый мир своих собственных ощущений и представлений» [2, с. 483].

Не имея возможности объяснить шквал свежих и наивных ощущений, а также понять изменения, происходившие в мире природы, человек свои собственные «животрепещущие впечатления», то есть реакцию своих органов чувств, выдавал за качества и свойства окружавшего его пространства. Это свойство первобытного сознания, наделенного творческой фантазией, воплощать в художественные образы свои эмоционально-чувственные реакции и превращало, по утверждению Ф. И. Буслаева, процесс освоения Вселенной в мировидение, мирочувствование, миросозерцание человека.

«Созерцая природу, – писал ученый, – человек приписывает ей качества и действия своих воззрений… по врожденному своему стремлению сблизиться с предметом наблюдения и познания, по свойству самого разума человеческого налагать отпечаток своей деятельности на все то, чего коснется. Язык выражает это действие разума весьма просто, а именно: называет вещи не по тому, что́ они суть на самом деле, а потому, ка́к они кажутся» [5, с. 168]. В процессе словообразования язык руководствуется воззрениями человека, или иначе, его типом мышления, способом воспринимать мир; более того, язык «постоянно имеет в виду человека» [5, с. 187], то есть, создавая новый мир образной реальности, язык творит антропоморфными идеями и формами, сближая продукты сво-

ей деятельности с архетипическим инвариантом – человеком.

Поскольку предмет получал свое название не за содержание, а за живописное непосредственное впечатление, произведенное на человека, далее рассуждал Ф. И. Буслаев, то, естественно, могла создаться ситуация, когда одним и тем же словом язык называл абсолютно несхожие по своим истинным свойствам стихии, различные предметы быта и представителей животного царства, к примеру, ветер, стрелу и быструю птицу [10, с. 7]. Так, крылатый образ ветра, довольно часто встречающийся в индоевропейской мифологии, возник не случайно, пояснял он. В основе уподобления друг другу сущностно различных мифологических персонажей (как в случае создания образа крылатого ветра) находилось «первобытное сочетание впечатлений, производимых быстротою ветра и птицы», а также «потребность олицетворять в видимом образе невидимую силу ветра» [10, с. 8].

Позже в риторике подобные слова получат название тропов, напоминает нам исследователь [5, с. 165], но источником их появления являлось «языковое и мифологическое мышление» [1, с. 138].

В эпоху образования мифического предания был шанс возникнуть и противоположной ситуации, когда «суеверное воображение» одному и тому же предмету давало разные наименования, руководствуясь при этом каскадом эмоций, шедших от действий и свойств наблюдавшегося объекта. «Живописуя предметы со многих сторон», язык в творческом порыве «запасался» синонимами и эпитетами [5, с. 163, 164].

«Взаимное действие образующихся поверий и языка» ярко видно и в таких разновидностях тропов, как метафора, метонимия, синекдоха.

Метафора, олицетворявшая душевные силы человека в «образах вещественной природы», стала «необходимой, существенной оболочкой языческих верований»; помогая реализоваться дару слова через ассоциации и подобия, она давала толчок к осмыслению умственных и нравственных понятий, придавала им легко понятные «народной фантазии… осязательные образы» [5, с. 165, 166].

Метонимия, характеризующая свойство первобытного мышления переносить кажущееся впечатление, производимое предметом, на всю его сущность, «заставляла язычника смешивать» представления об истинных силах природы с их проявлениями: оттого-то Перун был не только божеством, но и молнией, а лихорадка – не только болезнью, но и сверхъестественным существом, вызывавшим хворь, смерть, – страшной Мораной, олицетворявшей кончину [5, с. 169].

Смешение действия с причиной, его вызвавшей, произведения – с производителем, замену абстрактных представлений о пространстве и времени их образными аналогами Ф. И. Буслаев объясняет действиями метонимических приемов слово- и мифообразования, которые позволяли человеку максимально сблизиться с предметами познания, наложить печать своего воззрения на мир на самые яркие, впервые возникавшие ощущения [5, с. 168–170].

«Свободное творчество фантазии» могло способствовать также появлению синекдохи, или переноса индивидуального, иногда и случайного впечатления, выраженного словом, на весь предмет или «общее понятие».

Народная фантазия прибегала к синекдохе, когда употребляла часть вместо целого, единичное вместо множественного, придавала «отвлеченным логическим категориям изобразительные формы». Значение синекдохи было особенно впечатляющим при образовании понятий о множественности, совокупности; в этих случаях «язык берет частный случай – наименование какого-нибудь предмета – и по отношению к целому кругу подобных предметов, или даже по чисто наглядному сближению, иногда случайному, распространяет наименование предмета до понятия о множестве» [5, с. 172].

Рассматривая все разновидности тропов в ключе «взаимного действия» одухотворенной мысли и языка, веры и слова, Ф. И. Буслаев объяснил эту очевидную для него закономерность тем, что формированию «внутреннего организма языка способствовали быт народа и эпический взгляд на мир» первобытных людей [5, с. 173].

Сохраняя первоначальные эмоциональные впечатления народа в виде образов, язык продолжал стимулировать творческую мысль людей к дальнейшей антропоморфизации действительности через присвоение ей человеческих психоэмоциональных свойств. При этом процессе «очеловечивания» природы и Вселенной язык вновь использовал излюбленный прием слово- и мыслеобразования – ассоциации, делился своими наблюдениями Ф. И. Буслаев.

Исследование процессов семантических переносов в ходе словообразования приблизило его к осознанию своеобразной логики первобытных людей, в основе которой лежали ассоциативные

цепи и коды. По существу, Ф. И. Буслаев первым охарактеризовал то свойство мифологического сознания, которое в XX в. Э. Кассирер назовет комплексностью, а Н. Я. Марр – диффузностью [12, с. 112].

Закон релевантности внутриязыковых процессов и «народных верований», выводившийся Ф. И. Буслаевым из признания органической природы языка, позволял ему вплотную подойти к осмыслению глубинных пластов человеческого сознания, что в дальнейшем помогло ему переключить свои научные поиски из регистра сравнительно-исторического языкознания в регистр более широких культурно-исторических обобщений. Никогда не разрывая нити преемственности с языковедением и постоянно апеллируя к своим ранним научным разысканиям, во второй половине XIX в. Ф. И. Буслаев все же сосредоточил фокус своей исследовательской активности на выяснении сущности мифологического сознания и его эманациях. Ему важно было понять причины, которые обусловили появление мифа не как жанра словесности, а как особого способа мыслить, присущего человеку архаических и древних обществ, как парадигму первобытного взгляда на мир.

Библиографический список

1. Буслаев, Ф. И. Мифические предания о человеке и природе, сохранившиеся в языке и поэзии [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: в 2 т. : Т.1 Русская народная поэзия. – СПб. : «Общественная польза», 1861. – С. 137–150.

2. Буслаев, Ф. И. «Мысли об истории русского языка» И. Срезневского [Текст] // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве / сост. А. Л. Топоркова. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – С. 470–493.

3. Буслаев, Ф. И. О сродстве одного русского заклятия с немецким, относящимся к эпохе языческой [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1. – С. 250–256.

4. Буслаев, Ф.И. Об эпических выражениях украинской поэзии [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1. – С. 210–230.

5. Буслаев, Ф. И. Областные видоизменения русской народности [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1. – С. 151–209.

6. Буслаев, Ф. И. Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1.– С. 548–643.

7. Буслаев, Ф. И. Русская поэзия XVII века [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1.– С. 470–547.

8. Буслаев, Ф. И. Русский быт и пословицы [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1.– С. 78–136.

9. Буслаев, Ф. И. Русский народный эпос [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1.– С. 401–454.

10 Буслаев, Ф. И. Эпическая поэзия [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1.– С. 1–77.

11. Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Концептуально-методологические основания второго этапа творчества Ф. И. Буслаева [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 6. – С. 268–275; Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Концепция всеобщих законов развития культуры Ф. И. Буслаева [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 1. – С. 148–155.

12. Топорков, А. Л. Теория мифа в русской мифологической науке XIX века [Текст] / А. Л. Топорков. – М. : Индрик, 1997. – 456 с.

13. Топорков, А. Л. Ф. И. Буслаев: филолог и мыслитель [Текст] // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве. – С. 634–642.

Bibliograficheskij spisok

1. Buslaev, F. I. Mificheskie predanija o cheloveke i prirode, sohranivshiesja v jazyke i pojezii [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva: v 2 t. : T.1 Russkaja narodnaja pojezija. – SPb. : «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 137–150.

2. Buslaev, F. I. «Mysli ob istorii russkogo jazyka» I. Sreznevskogo [Tekst] // Buslaev F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovechestve / sost. A. L. Toporkova. – M. : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2006. – S. 470–493.

3. Buslaev, F. I. O srodstve odnogo russkogo zakljatija s nemeckim, otnosjashhimsja k jepohe jazycheskoj [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. – T. 1. – S. 250–256.

4. Buslaev, F. I. Ob jepicheskih vyrazhenijah ukrainskoj pojezii [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. – T. 1. – S. 210–230.

5. Buslaev, F. I. Oblastnye vidoizmenenija russkoj narodnosti [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. – T. 1. – S. 151–209.

6. Buslaev, F. I. Povest' o Gore i Zlochastii, kak Gore-Zlochastie dovelo molodca vo inocheskij chin [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. – T. 1.– S. 548–643.

7. Buslaev, F. I. Russkaja pojezija XVII veka [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. – T. 1.– S. 470–547.

8. Buslaev, F. I. Russkij byt i poslovicy [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. – T. 1.– S. 78–136.

9. Buslaev, F. I. Russkij narodnyj jepos [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. – T. 1.– S. 401–454.

10 Buslaev, F. I. Jepicheskaja pojezija [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. – T. 1.– S. 1–77.

11. Novikov, M. V., Perfilova, T. B. Konceptual'no-metodologicheskie osnovanija vtorogo jetapa tvorchestva F. I. Buslaeva [Tekst] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2017. – № 6. – S. 268–275; Novikov, M. V., Perfilova, T. B. Koncepcija vseobshhih zakonov razvitija kul'tury F. I. Buslaeva [Tekst] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2018. – № 1. – S. 148–155.

12. Toporkov, A. L. Teorija mifa v russkoj mifologicheskoj nauke XIX veka [Tekst] / A. L. Toporkov. – M. : Indrik, 1997. – 456 s.

13. Toporkov, A. L. F. I. Buslaev: filolog i myslitel' [Tekst] // Buslaev F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovechestve. – S. 634–642.

Reference List

1. Buslaev F. I. The mythical legends about the person and the nature which have remained in language and poetry // Buslaev F. I. Historical essays of the Russian national literature and art: in 2 v.: V.1 Russian national poetry. – SPb. : «Obshchestvennaya Polza», 1861. – Page 137–150.

2. Buslaev F. I. «Thoughts of Russian history» I. Sreznevsky // Buslaev F. I. Guesses and dreams about primitive mankind / author A. L. Toporkova. – M. : Rossiiskaya Politicheskaya Entsyklopediya (ROSSPEN), 2006. – Page 470–493.

3. Buslaev F. I. On affinity of one Russian paternoster with the German relating to the pagan era // Buslaev F. I. Historical essays of the Russian national literature and art. – V. 1. – Page 250–256.

4. Buslaev F. I. About epic expressions of the Ukrainian poetry // Buslaev F. I. Historical essays of the Russian national literature and art. – V. 1. – Page 210–230.

5. Buslaev F. I. Regional modifications of the Russian nationality // Buslaev F. I. Historical essays of the Russian national literature and art. – V. 1. – Page 151–209.

6. Buslaev F. I. The story about Gore and Zlochastiya as Gore-Zlochastiye led a good fellow to the monastic rank // Buslaev F. I. Historical essays of the Russian national literature and art. – V.1. – Page 548–643.

7. Buslaev F. I. Russian poetry of the 17th century // Buslaev F. I. Historical essays of the Russian national literature and art. – V. 1. – Page 470–547.

8. Buslaev F. I. Russian life and proverbs // Buslaev F. I. Historical essays of the Russian national literature and art. – V. 1. – Page 78–136.

9. Buslaev F. I. Russian national epos // Buslaev F. I. Historical essays of the Russian national literature and art. – V. 1. – Page 401–454.

10. 10 Buslaev F. I. Epic poetry // Buslaev F. I. Historical essays of the Russian national literature and art. – V. 1. – Page 1–77.

11. Novikov M. V., Perfilova T. B. Conceptual and methodological bases of the second stage of creativity of F. I. Buslaev / Yaroslavl Pedagogical Bulletin. – 2017. – No. 6. – Page 268–275; Novikov, M. V., Perfilova, T. B. Concept of general laws of cultural development of F. I. Buslaev //Yaroslavl Pedagogical Bulletin. – 2018. – No. 1. – Page 148–155.

12. Toporkov A. L. The theory of the myth in the Russian mythological science of the 19th century / A. L. Toporkov. – M. : Indrik, 1997. – 456 pages.

13. Toporkov A. L. F. I. Buslaev: philologist and thinker // Buslaev F. I. Guesses and dreams about primitive mankind. – Page 634–642.

Дата поступления статьи в редакцию: 21.03.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10053
УДК 008

В. А. Летин
https://orcid.org/0000-0002-3549-3058

Умирающий Поэт как культурный миф: И. Н. Крамской «Некрасов в период „Последних песен”»

Автор обращается к проблеме мифологизации личности поэта (Н. А. Некрасова) в пространстве отечественной культуры. Важным компонентом мифа о Поэте в последний период его изображения, сделанные И. Н. Крамским, стали своеобразным каноном последующих изображений образа Некрасова и его восприятия. В результате вульгарного понимания реализма как творческого метода художественные образы, созданные И. Н. Крамским, стали пониматься к середине XX в. исключительно как «объективное» отображение действительности, что существенно обедняет культурную значимость произведений, лишает их характерного для искусства второй половины XIX в. декларационно-полемического смысла.

В статье раскрывается идейно-художественный замысел знаменитой картины И. Н. Крамского «Некрасов в период „Последних песен”». Высказывается гипотеза о влиянии на концепцию этого произведения творчества художника-неоклассициста Ж.-Л. Давида «Смерть Марата» и «Лепелетье де Сен-Фаржона смертном одре». По мнению автора исследования, для творческого метода И. Н. Крамского было характерно использование композиций предшествующих мастеров с целью акцентирования значимости изображаемого лица. В свою очередь и Ж.-Л. Давид обращался в своих работах к опыту мастеров Ренессанса и маньеризма. Произведения И. Н. Крамского и Ж.-Л. Давида имеют аналогичные композиционные построения, колористическое решения, символические детали.

Своим произведением русский художник вписывает Некрасова в ряд мировых борцов за «свободу, равенство и братство», при этом на создание образа поэта значительное влияние оказывает художественный мир его произведений последнего периода жизни и творчества. Именно тематикой, образностью, атмосферой последнего сборника пронизано пространство картины И. Н. Крамского.

Ключевые слова: Н. А. Некрасов, «Последние песни», лирический дневник, И. Н. Крамской, реализм, Ж.-Л. Давид, неоклассицизм.

V. A. Liotin

A Dying Poet as a Cultural Myth: I. N. Kramskoy «Nekrasov in the Period of „Last Songs”»

The author appeals the problem of mythologization of the poet’s identity (N. A. Nekrasov) in the space of domestic culture. An important component of the myth about the Poet during the last period of his image, made by I. N. Kramskoy, which was a peculiar canon of the subsequent images of the image of Nekrasov and his perception. Caused by vulgar understanding of realism as a creative method the artistic images created by I. N. Kramskoy were understood only as «objective» display of reality in the middle of the 20th century. What significantly impoverishes the cultural importance of works, deprives their declaration and polemic sense, typical for the art of the second half of the 19th century.

In the article is revealed the ideological artistic idea of I. N. Kramskoy’s well-known picture «Nekrasov in the period of „Last Songs”». Here is presented the hypothesis about the influence on the concept of this work of creativity of the artist neoclassicism J.-L. David «Marat's Death» and «Lepeletier de Saint-Fargeau on a mortal bed». According to the author’s point of view I. N. Kramskoy’s creative method was characterized by use of compositions of the previous masters in order to emphasize the importance of the represented person. In turn J.-L. David appealed the Renaissance and mannerism masters’ experience in his works.

Works by I. N. Kramskoy and J.-L. David have similar composite constructions, coloristic solutions, symbolical details.

The Russian artist enters Nekrasov by this work in a row of world fighters for «freedom, equality and brotherhood», at the same time the art world of his works of the last period of life and creativity influenced the creation of the poet’s image. The space of I. N. Kramskoy’s picture is penetrated with the subject, figurativeness, the atmosphere of the last collection.

Keywords: N. A. Nekrasov, «Last Songs», lyrical diary, I. N. Kramskoy, realism, J.-L. David, neoclassicism.

Я памятник себе…
А.С. Пушкин

Николай Некрасов – одна из ключевых фигур русской культуры второй половины XIX века. Мифологизация его личности началась еще при жизни, в результате превращения поэзии в своеобразный «лирический дневник». И через эту призму позже поклонники его творчества и исследователи и стали воспринимать жизнь и смерть Поэта [4]. Наивное понимание реализма как творческого метода позволило воспринимать произведение искусства как объективное отражение ре-

© Летин В. А., 2018

альности. Что повлекло за собой семантическую перекодировку существенно обеднив культурную значимость произведений, лишив их характерного для искусства второй половины XIX века декларационно-полемического смысла.

В данной работе делается анализ картины И. Н. Крамского «Некрасов в период «Последних песен»» как в контексте собственно некрасовских произведений последнего периода жизни, так и в контексте европейской живописи «мемориального» характера.

Мучительная болезнь последних лет жизни Некрасова повлияла на тематику и тональность стихотворений «Последних песен» [14]. А их минорность и философичность, в свою очередь, окрасили умирание Поэта в романтические тона [16]. Именно в этом романтическом ключе и создает свое произведение художник И. Н. Крамской.

Концепция картины формировалась постепенно: портрет – «реалистическая» история – мемориальное произведение. По мере изменения ее жанра увеличивалась площадь холста, и уменьшалось количество бытовых подробностей. Так художник отказался от «охотничьего антуража» (шкаф с оружием, пес), чем акцентировал внимание только на поэтической грани личности Некрасова, как наиболее значимой для истории [9].

С учетом специфики кредо художника-реалиста второй половины XIX века не только фиксирующего в произведении внешнее сходство лиц и обстоятельств, но и высказывающего в связи с этим еще и свою гражданскую позицию, то картина имеет более глубокий смысл, нежели просто сценка из жизни на тему смерти. Тем более что у И. Н. Крамского в связи с портретированием Н. А. Некрасова такой опыт уже был. Так он для портрета Поэта, создаваемого по заказу П. М. Третьякова, использовал позу А. С. Пушкина с портрета О. А. Кипренского [2], чем обозначил место Некрасова-поэта в истории русской литературы [11] задолго до официального некрасоведения, сопоставив его с Пушкиным [12]. Подобный прием цитирования композиций, отдельных поз персонажей или ракурсов их изображения был характерен для искусства живописи, в том числе и XIX – начала XX вв [10].

В картине «Некрасов в период „Последних песен"» художник решает иную задачу – создать памятник Некрасову-гражданину. С натуры им пишется только лицо поэта (кусок холста с головой вшивается в общее полотно). А постельные принадлежности, пластика тела – переработка реалий, запечатленных фотографией В. Каррика. Художник «приподнимает» подушки, чем изменяет положение героя на невозможное при специфике его диагноза [15]. Конвульсивный жест согнутой руки, поднесшей к губам карандаш, становится свободным и спокойным. Растрепанные пряди редких волос укладываются в характерное «гоголевское» каре. Признаки болезни на картине остаются, но уходит зафиксированное на фотографии ощущение болезненности позы. Истощенное тело и отрешенный взгляд Поэта начинают здесь восприниматься уже свидетельствами героической аскезы и духовного просветления, нежели мучительного физического недуга.

Однако, можно предположить, что фотографию В. Краррика художник И. Н. Крамской использует лишь в качестве «подготовительного этюда», в то время как в качестве эталона для композиционного решения своего произведения он выбирает работы Ж.-Л. Давида «Смерть Марата» и «Лепелетье де Сен-Фаржо на смертном одре» [17]. «Мизансцены» в произведениях Крамского и Давида практически идентичны – варианты позы полулежащего героя на одре смерти. К этому типу композиции можно отнести и работу Давида «Андромаха, оплакивающая убитого Гектора». С оригинальным творчеством Давида Крамской мог познакомиться во время заграничных путешествий, в том числе и по Франции в 1876 году, то есть за год до работы над портретами Некрасова.

Гравюры же с давидовых картин, художнику-демократу могли быть известны и ранее. Тем более, что портрет Лепелетье был уничтожен дочерью-монархисткой революционера, а «Смерть Марата» до 1886 года находилась в Бельгии у родственников художника. И только в этом году была передана в Королевский музей изящных искусств в Брюсселе [6]. Давида (наряду с Делакруа, Гро, Жерико) Крамской ставит в первый ряд национального антибуржуазного искусства Франции [8]. Прямого же указания на использование мотивов именно этих картин у Крамского в заметках, письмах, репликах об искусстве нет. Вероятно, так художник проявлял осторожность.

Однако, в них есть то, что его привлекает в классических произведениях европейского искусства («Венере Милосской», «Сикстинской Мадонне» Рафаэля, «Мадонне с кроликом» Тициана), а именно сочетание примет исторической эпохи (элементы костюма, прическа, естественность поз, повседневность занятий, узнаваемость ландшафта), в которую создается произведение, и вневременного компонента, выражающегося в особом

выражении лиц, тонкости световой моделировки, колорите, композиционном построении, символике минимального «реквизита», то есть качествах сугубо профессиональных. Вполне естественно, что создавая портрет-памятник поэту-гражданину, Крамской обращается к опыту знакомого и почитаемого им художника-гражданина, используя характерную живописную «лексику».

Так с «революционными» картинами Ж.-Л. Давида «Некрасова…» кисти Крамского роднят основная идея, композиция и цветовая гамма.

«Вы жертвою пали в борьбе роковой». Основная идея произведений Давида: мемориализация жертвенного подвига героев во славу Отечества. И античный герой, и французские революционеры погибли от рук врагов. При этом их между собой объединяет один из элементов «троянского кода» Революции – символ свободы – фригийский колпак.

И Марат, и Лепелетье были наиболее радикальными представителями революционеров, превращенных, в том числе и полотнами Давида, в зале заседаний Конвента, в образы-символы героического служения Революции. При этом трагедийный пафос жертвенности события подчеркивается художником использованием живописных цитат из религиозной живописи ранних периодов. Убитому Марату, откинувшемуся на край ванны и бессильно опустившему руку с пером за ее край, придается поза, характерная для композиций религиозной живописи «Снятие с креста» или «Положение во гроб». Так Христа писали Рафаэль, Гверчино, Понтормо, Петерциано, Караваджо, Рубенс… Однако, образцом для «Смерти марата» послужила поза Христа с картины Тициана (1559; Мадрид, Прадо). В пользу этого говорят положение и ракурс изображения головы, наклонившейся на правое плечо, и сходная анатомическая проработка мускулатуры руки.

Мертвый Лепелетье изображен Давидом в позе Христа, характерной для сцены «Оплакивания». Наиболее близкие живописные варианты к картине Давида это «Оплакивание мертвого Христа» Бернардо Строцци (ок. 1615–1617; Генуя, Академия Лигустика) и Систо Бадаллокио (ок. 1610; Рим, галерея Боргезе), а так же «Положение во гроб» Рафаэля (1507–1509; Рим, галерея Боргезе). Однако наиболее активно этот сюжет был разработан в религиозной скульптуре Ренессанса и Нового времени. В позе Лепелетье у Давида можно увидеть перекличку с позой Христа из композиции «Пьета» (1497–1499, собор Святого Петра, Ватикан) Микеланджело. Но большее сходство поза Лепелетье с картины Давида обнаружавет со скульптурой «Христос под плащаницей» работы Джузеппее Санмартино (1753, капелла Сан-Северо, Неаполь): запрокинутая на подложенные подушки голов и ее ракурс, безвольно простертая вдоль тела рука.

Как видим, для создания образов героев Революции Давидом используется характерная для религиозного искусства «лексика», что, в принципе, идет в русле процесса формирования пантеона новых «святых» [3]. Марат в контексте революционной мифологии именуется «другом народа», а Лепелетье – «первым мучеником Французской революции». А через месяц после его гибели (23 февраля 1793 года) в парижской Опера-комик состоялась премьера спектакля «Лепелетье де Сен-Фаржо или Первый мученик Французской республики» («Le Peletier de Saint-Fargeau, ou Le premier martyr de la République française») [18]. Автором либретто этого опуса был Огюст-Луи Бертен д'Антилли, композитором – Фредерик Власий.

В отличие от погибших героев Ж.-Л. Давида Некрасов на полотне И. Н. Крамского еще жив! Поэтическим творчеством Некрасов у Крамского противостоит Смерти – врагу более страшному и беспощадному, чем данайцы и контрреволюционеры. В результате чего признаки творчества (карандаш, поднесенный к губам: листы бумаги; созерцательный взгляд), становятся не только знаками жизни, но и символами противостояния смерти. Именно поэтому произведение, законченное уже после смерти Поэта в 1878 году, датируется художником 3 марта 1877 года – днем создания последнего некрасовского стихотворения «Баюшки-баю». Опубликованное в «Отечественных записках» (№ 3, 1877) и имевшее широкий общественный резонанс, оно было высоко оценено современниками. Так сам Крамской в апреле этого же года восторженно писал о нем П. М. Третьякову: «А какие стихи его последние, самая последняя песня 3-го марта, „Баюшки-баю”. Просто решительно одно из величайших произведений русской поэзии!» [7].

Но стихотворение было для публики еще и источником информации об актуальном состоянии здоровья Поэта. Так Н. А. Белоголовый – врач Поэта – вспоминал, что из него «публика, как из бюллетеня […] могла усмотреть, что здоровье поэта все плохо и что опасность близкой смерти его не устранена…» [1].

Поэзия периода «Последних песен» Н. А. Некрасова пронизана темами памяти и

смерти. В это время в его лирическом мире выкристаллизовывается образ поэта-мученика, чуткого к народной жизни разночинца-бессеребренуика, наиболее полно воплотившийся в Григории Добросклонове («Кому на Руси жить хорошо») [5]. И здесь Некрасов, как и в более ранних обращениях к теме народного Поэта (посвящение Н. А. Добролюбову), не только подобно Ж.-Д. Давиду, использует христианскую традицию и соответствующую лексику, но и выводит этого героя из духовного сословия. Но для самого Некрасова попович-поэт был скорее уже недостижимым идеалом, чем alter ego. Ведь ему «борьба мешала быть поэтом, песни… мешали быть борцом». Тем не менее, для Крамского, как и для большинства представителей передовой демократически настроенной интеллигенции, именно в Некрасове и его поэзии воплощался дух революции. Именно это чувствовал художник, именно поэтому по мере работы над произведением он решительно уходил от социально-бытовой версии реализма в сторону героической романтизации своего современника.

«Свобода – тебе наши жизни…». Именно героическая романтизация личности портретируемого подчеркивается композиционным решением и картин Давида, и картины Крамского. Художники представляют тела своих героев словно части монументальных скульптурных композиций – надгробий. Помещенные в центр холста, они даны крупным планом на лишенном примет времени фоне. От чего их тела кажутся более объемными и… живыми. На обнаженных атлетических торсах Лепелетье и Марата художником акцентируются кровавые колющие раны, ставшие причинами смерти героев. Орудия преступлений либо написаны как деталь композиции (нож, брошенный Шарлоттой Корде на полу у ванны Марата) или вынесены за ее границы (меч Филлипа-Николя Мари де Пари, поднятый над Лепелетье по центру картины). Поскольку на картинах это единственные предметы, то они невольно бросаются в глаза, становясь знаками смерти.

Давид делит полотна четкой горизонталью на две половины, простирая тело героя-мученика (Гектор, Лепелетье) вдоль нее. Его герои полулежат на своих одрах, верхние части их тел обнажены, нижние – задрапированы покровами (Гектор и Лепелетье) или скрыты в ванной (Марат). В результате чего создается «скульптурный» эффект: контраст между гладкой – уже бездыханной – поверхностью человеческого тела и складками драпировок, еще хранящих динамику его агонии. Наиболее ярко этот прием выражен в аранжировке «Смерти Лепелетье».

У Крамского принцип соотнесения тела человека и фона аналогичен манере Давида. Здесь то же деление пространства картины четкой горизонталью – бордюром обоев – на две части и то же размещение вдоль нее героя. Но Крамской меняет ракурс изображения, разворачивая свою композицию, чуть по уходящей вправо от зрителя диагонали.

Так же, как и у Давида, написавшего Марата в ванне, а Лепелетье, откинувшимся на подушки, словно во сне, «одр» же Некрасова не соответствует пространству смерти. Поэт написан Крамским, если верить экспозиции петербургского музея-квартиры Н. А. Некрасова (Литейный проспект, 36) в спальне. Хотя реконструированная, в том числе и по работе И. Н. Крамского, обстановка более напоминает гостиную. Поэт изображен на застеленном простынями диване. Этот мебельный атрибут кабинетов и гостиных, предназначавшийся для кратковременного отдыха, словно подчеркивает нежелание лежащего на нем больного верить в летальный исход недуга. Так перед нами предстает не сцена умирания или борьбы с болезнью, а эпизод творческого процесса, который вопреки обстоятельствам не только не прекращается, но еще и становится синонимом жизни.

Русский художник, отталкиваясь от опыта французского коллеги, показывает пребывание Поэта на грани жизни смерти: так же, как Лепелетье, Некрасов полулежит на нескольких подушках с вытянутой вдоль ложа нижней частью тела. Но он еще способен удерживать голову, а одна нога еще согнута в колене. Так же, как Марат, Некрасов левой рукой держит лист бумаги, а в правой руке – письменный прибор. Но правая рука Поэта еще способна поднести карандаш ко рту. В художественном мире Некрасова именно момент творчества для самого поэта становится желанным моментом смерти: «Приди ко мне в часы забвенья / И о страстях и о земле, / Когда святое вдохновенье / Горит в груди и на челе; / …Когда пою, когда мечтаю, / Когда молитву говорю…» (Смерти. 12 ноября 1838). Это романтические настроения юноши через сорок лет обернутся слагаемым культурного мифа о Поэте, формируемого художником, создающим картину-памятник его мужеству.

Но предметный мир вокруг все же Некрасова более разнообразен. И эти предметы в силу своего лаконизма оказываются знаками жизни или смер-

ти, на границе которых и находился Некрасов в период своих «Последних песен».

«Что жизнь – не глоток ли остывшего чая…?» Знаками смерти здесь представлены два, казалось бы, противоположных объекта: портреты над диваном и туфли перед ложем. В верхней части «фоновой» стены кабинета гравюры с изображениями А. Мицкевича и Н. А. Добролюбова, вместе с бюстом В. Г. Белинского эти люди характеризуются лирическим героем как друзья, братьями по духу: «Песни вещие их не допеты, / Пали жертвою насилья, измен / В цвете лет; на меня их портреты / Укоризненно смотрят со стен».

Созданное в 1874, это стихотворение «Скоро стану добычею тленья…» было опубликовано в «Отечественных записках» как раз в период «Последних песен» в 1877 году и вызвало отклик у читателей, поспешивших уверить Некрасова в том, что высказываемые им опасения быстрого забвения его дела, его творчества напрасны.

Таким образом, портреты братьев по перу оказываются не только реалистической деталью интерьера, но частью художественного мира Некрасова периода «Последних песен».

Перед диваном – обувь. Нарочито демонстративно неаккуратно поставленные туфли с положенными на них носками. В европейской культурной традиции снятые башмаки – это символ конца земного пути.

Символами жизни оказываются белые одежды и простыни героя и этажерка с рецептами и флаконами с лекарствами.

Черный цвет и модный фасон туфель у кровати, в свою очередь, контрастируют с белой сорочкой и простынею, укрывающей нижнюю часть тела больного. Такие сорочка и простыня создают эффект классицисткой драпировки, акцентируя, так же как и у Давида, простыни аранжирующие тела Марата и Леплетье, принадлежность героя и реальному времени, и вечности.

Этажерка с медицинскими препаратами, чашкой чая и журналом «Современник» словно противопоставлена этим набором предметов, аппелирующих буквально ко всем органам чувств: зрение (журнал, рецепты), осязание (фактура материалов), вкус и обоняние (лекарства, чай) слух (колокольчик) Крамским бесстрастным изображениям на портретах. Это своеобразное противопоставление в духе философских исканий того времени: как материалистическое – идеальному, подчеркивает пограничное состояние персонажа. Эти лекарства и память о прошлом (журнал) удерживают Поэта в этой реальности, в то время как душа его нащупывает проход в другой мир.

Значимость же этих символических деталей и у Давида, и у Крамского обеспечивается колористическим и световым решением произведения.

Цветовая гамма картин аскетична. При этом художник интенсивными и локальными цветовыми пятнами покрывают нарочито плоские поверхности фоновых декораций, в то время как поток света «направляется» ими на тело героя. В результате чего его объем активно моделируется резкими контастами света и тени. Свет, играет каскадом бликов на складках белых покровов-простыней и в скользит по гладкой поверхности тела, давая нам увидеть на картинах одного угасание жизни (Марат), обретение покоя (Лепелетье), абсолютную апатию (Гектор) и сосредоточенность у другого, чей герой замер над чистой (последней?) страницей словно в осознании того, что финал творческого процесса станет и концом его жизни.

Лаконичность цветовой гаммы: терракотово-красные обои и рисунок пестрого ковра на полу, белая постель, черные акценты (рамки эстампов, этажерка, обувь, бордюр на обоях), – позволяет увидеть мощный световой поток, заполняющий комнату. Он высвечивает болезненный цвет кожи лица и рук, беспощадно акцентируя ее контраст с белым цветом белья. Свет проявляет графику мелких складок сорочки и крупных – простыней, чем словно отделяет предметы этого мира от человека, уже наполовину принадлежащему иному. Такое впечатление усиливается и за счет взгляда гшероя, который не откликается на весенний призыв природы (картина датирована мартом), смотря прямо перед собой.

Тема противостояния света и тьмы является одной из ведущих в «Последних песнях». При этом мотив света тесно переплетается с мотивом памяти: «Быстро я иду к закату дней. / Я умру – моя померкнет слава, / Не дивись – и не тужи о ней! / Знай, дитя: ей долгим, ярким светом. Не гореть на имени моем». И в его предсмертной колыбельной «Баюшки-баю) эта борьба достигает кульминации и разрешается в пользу Поэта: «Уступит свету мрак упрямый, / Услышишь песенку свою / Над Волгой, над Окой, над Камой, / Баю-баю-баю-баю!..». Яркое освещение Крамским Поэта, таким образом, прочитывается не только как «погодные» предлагаемые обстоятельства, но как случившееся свыше признание Поэта, ему пока не заметное. И колыбельная начинает звучать обертонами «Реквиема»…

Таким образом, картина И. Н. Крамского представляет собой миф о смерти Поэта, созданный с аллюзиями на произведения Ж.-Л. Давида, прославляющего героев Великой французской буржуазной революции. При этом изменение композиции дань реальным обстоятельствам комнат Некрасова, а появление бытовых деталей еще и своеобразная маскировка «революционного» пафоса. В результате чего картина имеет двойной смысл: «реалистический» и «героический».

Этим произведением русский художник вписывает Некрасова в ряд борцов за «свободу, равенство и братство», при этом на создание образа поэта оказывает влияние художественный мир его произведений последнего периода жизни и творчества. Тематикой, образностью, атмосферой последнего некрасовского сборника пронизано пространство картины И. Н. Крамского.

Библиографический список

1. Белоголовый, Н. А. Воспоминания и другие статьи [Текст] / Н. А. Белоголовый. – М. : «Типолитография К.Ф. Александрова», 1897.

2. Беляев, М. Д. Заметки на полях книги С. Либровича «Пушкин в портретах» [Текст] / М. Д. Беляев // Лит. наследство – Т. 16. – М. : Журнально-газетное объединение, 1934. – С. 968–979. .

3. Бенуа, Ф. Искусство Франции эпохи Революции и первой Империи [Текст] / Ф. Бенуа. – М.-Л. : Искусство, 1940.

4. Весслинг, Р. Смерть Надсона как гибель Пушкина: «образцовая травма» и канонизация поэта «больного поколения» [Электронный ресурс] // НЛО, 2005. – № 75. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/ba7.html.

5. Житова, Т. А. Образ Гриши Добросклонова в контексте осмысления счастья в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» [Текст] // Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых : материалы четвертой всероссийской конференции молодых ученых. – Москва – Ярославль : Ремдер, 2005. – С. 191–195.

6. Котов, П. Л. Великомученник революции [Электронный ресурс] // Вокруг света, 2010, июнь. – Режим доступа: http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/6964/.

7. Крамской, И. Н. Письма [Текст] / И. Н. Крамской // Статьи. – Т. 1. – М. : Искусство, 1965.

8. Крамской об искусстве [Текст] / И. Н. Крамской; сост., авт. вступ. статьи Т. М. Коваленская. – М. : Изобразительное искусство, 1988.

9. Курочкина, Т. Н. Иван Николаевич Крамской. Русские живописцы XIX века [Текст] / Т. Н. Курочкина. – Л. : «Художник РСФСР», 1989.

10. Леняшин, В. А. Валентин Александрович Серов. Русские живописцы XIX века [Текст] / В. А. Леняшин. – Л. : «Художник РСФСР», 1989. – 248 с.

11. Лётин, В. А. Пушкинская парадигма некрасовского мифа: портрет Н.А. Некрасова работы И. Н. Крамского (1877) [Текст] / В. А. Лётин // Некрасов в контексте русской культуры : сборник материалов научной конференции 2-3 июля 2015. – Ярославль, 2015.

12. Луначарский, А. В. Пушкин и Некрасов. К 100-летию со дня рождения Н. А. Некрасова [Текст] / А. В. Луначарский // Силуэты. – М., 1965. – С. 131–137.

13. Мемориальный Музей-квартира Н. А. Некрасова. Российская Сеть Культурного Наследия (16 марта 2012) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.museum.ru/M139

14. Сорокин, Ю. Э. Болезнь Н. А. Некрасова и хирург Е. И. Богаевский [Текст] / Ю. Э. Сорокин // Вестник хирургии им. Грекова, 1984. – Т 132. – № 3. – С. 143–145.

15. Цвильник, О. В., Небылицин, Ю. С. Болезнь поэта Н.А. Некрасова [Текст] / О. В. Цивильник, Ю. С. Небылицин // История хирургии, 2011. – Т. 19. – № 1. – С. 3–7.

16. Яшина, А. А. Романтизация смерти в стихотворениях Н. А. Некрасова in memoriam [Текст] / А. А. Яшина // Преподаватель XXI век, 2016. – № 4. – С. 589–598.

17. The age of neo-classicism: [catalogue of] the fourteenth exhibition of the Council of Europe [held at] the Royal Academy and the Victoria & Albert Museum, London, 9 September-19 November, 1972

18. Wild N., Charlton D. Théâtre de l'Opéra-Comique Paris: répertoire 1762-1972 / N. Wild, D. Charlton Sprimont, Belgium: Editions Mardaga, 2005.

Bibliograficheskij spisok

1. Belogolovyj, N. A. Vospominanija i drugie stat'i [Tekst] / N. A. Belogolovyj. – M. : «Tipo-litografija K. F. Aleksandrova», 1897.

2. Beljaev, M. D. Zametki na poljah knigi S. Librovicha «Pushkin v portretah» [Tekst] / M. D. Beljaev // Lit. nasledstvo – T. 16. – M. : Zhurnal'no-gazetnoe ob#edinenie, 1934. – S. 968–979. .

3. Benua, F. Iskusstvo Francii jepohi Revoljucii i pervoj Imperii [Tekst] / F. Benua. – M.-L. : Iskusstvo, 1940.

4. Vessling, R. Smert' Nadsona kak gibel' Pushkina: «obrazcovaja travma» i kanonizacija pojeta «bol'nogo pokolenija» [Jelektronnyj resurs] // NLO, 2005. – № 75. – Rezhim dostupa: http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/ba7.html.

5. Zhitova, T. A. Obraz Grishi Dobrosklonova v kontekste osmyslenija schast'ja v pojeme N. A. Nekrasova «Komu na Rusi zhit' horosho» [Tekst] // Filologicheskaja nauka v XXI veke: vzgljad molodyh : materialy chetvertoj vserossijskoj konferencii molodyh uchenyh. – Moskva – Jaroslavl' : Remder, 2005. – S. 191–195.

6. Kotov, P. L. Velikomuchennik revoljucii [Jelektronnyj resurs] // Vokrug sveta, 2010, ijun'. – Rezhim dostupa: http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/6964/.

7. Kramskoj, I. N. Pis'ma [Tekst] / I. N. Kramskoj // Stat'i. – T. 1. – M. : Iskusstvo, 1965.

8. Kramskoj ob iskusstve [Tekst] / I. N. Kramskoj; sost., avt. vstup. stat'i T. M. Kovalenskaja. – M. : Izobrazitel'noe iskusstvo, 1988.

9. Kurochkina, T. N. Ivan Nikolaevich Kramskoj. Russkie zhivopiscy XIX veka [Tekst] / T. N. Kurochkina. – L. : «Hudozhnik RSFSR», 1989.

10. Lenjashin, V. A. Valentin Aleksandrovich Serov. Russkie zhivopiscy XIX veka [Tekst] / V. A. Lenjashin. – L. : «Hudozhnik RSFSR», 1989. – 248 s.

11. Ljotin, V. A. Pushkinskaja paradigma nekrasovskogo mifa: portret N. A. Nekrasova raboty I. N. Kramskogo (1877) [Tekst] / V. A. Ljotin // Nekrasov v kontekste russkoj kul'tury : sbornik materialov nauchnoj konferencii 2-3 ijulja 2015. – Jaroslavl', 2015.

12. Lunacharskij, A. V. Pushkin i Nekrasov. K 100-letiju so dnja rozhdenija N. A. Nekrasova [Tekst] / A. V. Lunacharskij // Silujety. – M., 1965. – S. 131–137.

13. Memorial'nyj Muzej-kvartira N. A. Nekrasova. Rossijskaja Set' Kul'turnogo Nasledija (16 marta 2012) [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.museum.ru/M139

14. Sorokin, Ju. Je. Bolezn' N. A. Nekrasova i hirurg E. I. Bogaevskij [Tekst] / Ju. Je. Sorokin // Vestnik hirurgii im. Grekova, 1984. – T 132. – № 3. – S. 143–145.

15. Cvil'nik, O. V., Nebylicin, Ju. S. Bolezn' pojeta N. A. Nekrasova [Tekst] / O. V. Civil'nik, Ju. S. Nebylicin // Istorija hirurgii, 2011. – T. 19. – № 1. – S. 3–7.

16. Jashina, A. A. Romantizacija smerti v stihotvorenijah N. A. Nekrasova in memoriam [Tekst] / A. A. Jashina // Prepodavatel' XXI vek, 2016. – № 4. – S. 589–598.

17. The age of neo-classicism: [catalogue of] the fourteenth exhibition of the Council of Europe [held at] the Royal Academy and the Victoria & Albert Museum, London, 9 September-19 November, 1972

18. Wild N., Charlton D. Théâtre de l'Opéra-Comique Paris: répertoire 1762-1972 / N. Wild, D. Charlton Sprimont, Belgium: Editions Mardaga, 2005.

Reference List

1. Belogolovy N. A. Memoirs and other articles / N. A. Belogolovy. – M.: «K. F. Aleksandrov's Tipolitografiya», 1897.

2. Belyaev M. D. Marginal notes of the book of S. Librovich «Pushkin in portraits» / M. D. Belyaev / Literaturnoe Nasledstvo – V. 16. – M. : Zhurnalno-gazentje obiedinenie, 1934. – Page 968–979.

3. Benois T. Art of France eras of Revolution and the first Empire / F. Benois. – M.-L. : Iskusstvo, 1940.

4. Vessling R. Nadson's death as Pushkin's death: «a model trauma» and canonization of the poet of «sick generation» [An electronic resource] // UFO, 2005. – No. 75. – Access mode: http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/ba7.html.

5. Zhitova T. A. Image of Grisha Dobrosklonov in the context of judgment of happiness in the poem by N. A. Nekrasov «Who Is Happy in Russia?» // Philological science in the 21st century: look of young people: materials of the fourth All-Russian conference of young scientists. – Moscow – Yaroslavl : Remder, 2005. – Page 191–195.

6. Kotov P. L. Sufferer of revolution [An electronic resource] // Round the world, 2010, June. – Access mode: http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/6964/.

7. Kramskoy I. N. Letters / I. N. Kramskoy // Articles. – V. 1. – M. : Iskusstvo, 1965.

8. Kramskoy about art / I. N. Kramskoy; author, foreword by T. M. Kovalenskaya. – M. : Izobrazitelnoe Iskusstvo, 1988.

9. Kurochkina, T. N. Ivan Nikolaevich Kramskoy. Russian painters of the 19th century / T. N. Kurochkina. – L. : «Khudozhnik of RSFSR», 1989.

10. Lenyashin V. A. Valentin Aleksandrovich Serov. Russian painters of the 19th century / V. A. Lenyashin. – L. : «Khudozhnik of RSFSR», 1989. – 248 pages.

11. Liotin V. A. Pushkin paradigm of Nekrasov's myth: N. A. Nekrasov's portrait of I. N. Kramskoy's work (1877) / V. A. Lyotin // Nekrasov in the context of the Russian culture: collection of materials of a scientific conference on July 2–3, 2015. – Yaroslavl, 2015.

12. Lunacharsky A. V. Pushkin and Nekrasov. To the 100 anniversary since the birth of N. A. Nekrasov / A. V. Lunacharsky // Silhouettes. – M, 1965. – Page 131–137.

13. Memorial Museum apartment of N. A. Nekrasov. Russian Network of Cultural Heritage (on March 16, 2012) [Electron resource]. – Access regimen: http://www.museum.ru/M139

14. Sorokin Yu.E. Disease of N. A. Nekrasov and surgeon E. I. Bogaevsky / Yu. E. Sorokin // Bulletin of surgery of named after Grekov, 1984. – V. 132. – No. 3. – Page 143–145.

15. Tsvilnik O. V., Nebylitsin Yu.S. Disease of poet N. A. Nekrasov / O. V. Tsivilnik, Yu.S. Nebylitsin // History of surgery, 2011. – T. 19. – No. 1. – Page 3–7.

16. Yashina A. A. Romantization of death in poems by N. A. Nekrasov of in memoriam / A. A. Yashina // the Teacher of the 21st century, 2016. – No. 4. – Page 589–598.

17. The age of neo-classicism: [catalogue of] the fourteenth exhibition of the Council of Europe [held at] the Royal Academy and the Victoria & Albert Museum, London, 9 September-19 November, 1972

18. Wild N., Charlton D. Théâtre de l'Opéra-Comique Paris: répertoire 1762–1972 / N. Wild, D. Charlton Sprimont, Belgium: Editions Mardaga, 2005.

Дата поступления статьи в редакцию: 04.03.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10054
УДК 008 (091), 008(1-6)

А. П. Старшова
https://orcid.org/0000-0002-5113-088X

А. В. Параил
https://orcid.org/0000-0002-1186-9794

Коннотации образа ямщика в русской культуре

Данная статья посвящена изучению особенностей формирования провинциального туристического бренда. Город Гаврилов-Ям (Ярославская область) в этой борьбе за туристические ресурсы не стал исключением. Ракурс исследования решен в методологической парадигме изучения таких междисциплинарных категорий, как образ, бренд, имидж в контексте интегративной модели изучения города как культурного универсума.

Целью статьи является изучение проблемы региональной идентичности в ее конкретных составляющих, а основной задачей – анализ совокупности индикаторов региональной идентичности сквозь призму выявления особенностей коннотативного наполнения образа, лежащего в основе бренда города.

Указано, что культура города является интерактивным полем, где человек воплощает собственный потенциал, расширяет ресурсные возможности, создавая для себя все новые социальные и культурные практики.

Определено, что образ ямщика является для отечественной художественной культуры узнаваемым, «родным», его коннотации представляют широкий спектр интерпретаций. Выявлено, что объединяющим различные интерпретации обстоятельством является амбивалентность образа ямщика как явления в отечественной художественной культуре и глобального, и локального.

Наиболее значимые результаты состоят в следующих позициях. Во-первых, осмысляя особенности территориального брендирования, необходимо учитывать процессы как эмоционального, так и когнитивного восприятия на локальном и на глобальном уровне. Во-вторых, в основе создания и в основе восприятия территориального бренда, в нашем случае – бренда провинциального города, лежит система ассоциаций, которая основывается на ментальных, вербальных и на визуальных проявлениях. Практическая значимость исследования связана с выделением символических маркеров территориальных смыслов, региональных городских практик, лежащих в основе изучения территориальной идентичности, рассмотренных на конкретном эмпирическом материале, имеющим отношение к системе исследований объектов и явлений провинциальной культуры.

Ключевые слова: бренд, брендинг территории, территориальная идентичность, провинциальный бренд, туристический бренд, отечественная художественная культура, образа ямщика, коннотации образа.

A. P. Starshova, A. V. Parail

Connotations of the Image of the Coachmen in Russian Culture

This article is devoted to the study of the peculiarities of the formation of the provincial tourist brand. The city of Gavrilov-Yam (the Yaroslavl Region) in this struggle for tourism resources was no exception. The research perspective is considered as a methodological basis for studying such interdisciplinary categories as image, brand, image in the context of the integrative model of studying the city as a cultural universe.

The aim of the article is to study the problem of regional identity in its specific components. Tasks: the analysis of a set of indicators of the regional identity through the prism of revealing features of the connotative filling of the image underlying the city brand.

The culture of the city is an interactive field where a person embodies his own potential, expands his resources, creating for himself all new social and cultural practices.

The image of coachman is for the domestic art culture recognizable and native, its connotations represent a wide range of interpretations, ranging from similar to the directly opposite. There is one thing that unites all these connotations: a coachman is a phenomenon of global and local in the domestic art culture.

The most significant results are in the following positions. Firstly, considering the features of territorial branding, it is necessary to take into account the processes of both emotional and cognitive perception. Moreover, perceptions are both at the local and global levels. Secondly, the basis of creation and perception of the territorial brand, in our case, the brand of a provincial city, is based on the system of associations that is based on mental, verbal and visual manifestations. The practical importance of the study is associated with the allocation of symbolic markers of territorial meanings, regional urban practices that underlie the study of territorial identity, examined on the specific empirical material relevant to the system of researching objects and phenomena of provincial culture.

Keywords: brand, territory branding, territorial identity, provincial brand, tourist brand, domestic art culture, coachman image, image connotations.

© Старшова А. П., Параил А. В., 2018

Конкуренция между странами, регионами, городами в борьбе за инвестиции, приток туристов и рабочей силы, приводит к тому, что каждая из территорий стремится создать свой собственный уникальный имидж, продемонстрировать потенциал и сравнительные преимущества. Территории вынуждены конкурировать между собой и разрабатывать свой уникальный бренд, способствующий дифференциации своей территории среди конкурентов.

Город Гаврилов-Ям (Ярославская область) в борьбе за туристические ресурсы не стал исключением. В связи с этим Управлением Культуры Администрации Гаврилов-Ямского муниципального района было принято решение о разработке собственного туристического бренда. Поскольку идентичность места наилучший путь для развития бренда территории [13], в основу Гаврилов-Ямского бренда положено название города.

Если обратиться к историческим документам, то наиболее часто встречается такая информация: «здесь был основан ям-селение, жители которого назначались ямщиками. Они должны были поставлять лошадей для ямской службы, меняли и ковали их, ремонтировали повозки, чинили упряжь, содержали постоялые дворы.

Первое упоминание о Гаврилов-Яме относится к 1545 году. В списках Троице-Сергиева монастыря значится деревня Гаврилово, в которой было семь дворов.

Для развития города определяющее значение имела сельская дорога, проходившая от Московского тракта через село Великое к Суздальскому тракту. В документах конца XVI – начала XVII вв. поселение именуется как Гавриловский Ям.

Статус ямской слободы деревня приобрела по указу царя Ивана Грозного в 1580 году. Жители Гаврилов-Ямской слободы меняли и подковывали лошадей, чинили упряжь, ремонтировали повозки, содержали постоялые дворы и поставляли лошадей для ямской службы» [4].

Таким образом, можно говорить о том, что в основе бренда Гаврилов-Яма лежит образ Ямщика Гаврилы.

«Слово «ям» (др.-рус. «мъ»), от которого происходит термин «ямщик», согласно исследованиям И. И. Срезневского, встречается в ярлыках ханов Золотой Орды, выдававшихся ими для русских князей. Он обозначает ямскую повинность, денежный сбор на ямскую гоньбу. Тот, кто взимал повинность с гонцов[en], в древнерусском языке назывался «ямник» («ѣмьникъ»), начальник над «ямниками» назывался «ямщик» («ѣмьщикъ»)» [3].

Впоследствии самих гонцов стали называть «ямщиками» («ѣмьщиками»). Как считает Б. М. Кисин, слово «ямщик» восходит к слову «ям», возникшему от тат. «дзям» – «дорога» [5].

Так или иначе, значение слова «Ямщик» в сознании современного русского человека напрямую ассоциируется с лошадьми, почтовыми станциями, извозом, дорогами.

В ходе проведенного исследования, нами было выделено несколько основных коннотаций образа ямщика в русской культуре, а именно:

- Ямщик – символ пути;
- Ямщик – как образ судьбы;
- Ямщик – связующее звено между локациями;
- Ямщик – проводник между мирами – поселениями.

Н. В. Гоголь дает внешнее представление об Ямщиках: «Не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы, и сидит черт знает на чем; а привстал да замахнулся, да затянул песню – кони вихрем, спицы в колесах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход – и вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вон уже видно вдали, как что-то пылит и сверлит воздух» [1].

Образ Ямщика во многих литературных произведениях неразрывно связан с лирикой дорог, часто непростых, трудно преодолимых.

«Степь да степь кругом… Путь далек лежит. В той степи глухой… замерзал Ямщик…»

Желание Ямщика быть схороненным в пути, буквально в той самой степи, где застала его смерть. Слова «В той степи глухой схорони меня» акцентируют внимание на стремлении к вечному единению с дорогой, степью, с тем, с чем «бок о бок» прожил свою жизнь

Тот же Н. В. Гоголь рефлексирует над ямщицким укладом жизни: «Сколько их было! Безымянные, из года в год исправно несли они свою службу и поневоле становились свидетелями бед и горестей человеческих. Позади – родной дом и семья, впереди – «летят версты... летит вся дорога невесть куда в пропадающую даль» [1].

Действительно, в силу большого числа социальных контактов (ямщики часто перевозили людей разных) они становились зачастую единственными собеседниками, и, как следствие, невольными свидетелями людских судеб, и рассказывали о себе:

Так, например, в стихотворении Н. А. Некрасова «В дороге», которое выстроено в форме диалога седока с ямщиком, а по своей жанровой форме напоминает к «ямщицкие песни», седок обращается к ямщику с просьбой разогнать его скуку. В ответ на просьбу, ямщик рассказывает грустную историю собственной жизни, в которой сначала жалуется барину на то, что его «сокрушила злодейка жена». Однако постепенно драматизм в этой истории нарастает. Полна горькой иронии и заключительная реплика седока: «Ну, довольно, ямщик! Разогнал Ты мою неотвязную скуку!» [6].

В стихотворении же «Зимняя дорога» образ ямщика представлен традиционно для русской «дорожной лирики» которая отстранена от лирического героя. Образ ямщика семантически коррелирует с «зимней, скучной» дорогой, звоном колокольчика, «печальными полянами», а не с самим лирическим героем.

Ямщик ассоциируется с внешним миром дороги, и напротив, не принадлежит внутреннему миру переживаний. Кроме того, здесь ямщик, как и в целом в русской поэзии, является своеобразным символом народного лирического и душевного универсума. Не случайно ямщик характеризуется через песню, а песня через воплощенные в ней основные состояния русской души: «разгулье удалое», «сердечная тоска».

Важно заметить, что для русской дворянской культуры ямщик – это связующее звено с миром народной традиции; Песни ямщиков были узнаваемыми, в силу того, что их слушал (или, по-крайней мере, слышал) каждый.

Все вышеизложенное позволяет трактовать образ ямщика как некоего пограничного универсума, способного взаимодействовать с представителями различных сословий на Руси. Так, образ Ямщика можно рассматривать в коннотации связующего или проводника. Будь то проводник между отдельными населенными пунктами или же большепроводник между мирами. Директор Центра Льва Гумилева, специалист по этнопсихологии и истории П. Зарифуллин в своей статье «Ямщик Отпущения» пишет: «Ямщики сроднились с паромщиками в иные миры из античных легенд. Русь – она ведь состоит из тысячи Вселенных, да и сама – тройка. Катит по планете и между планетами, да так что метеоритный лед летит с оглоблей в разные стороны!

Посему Ямщик оказался еще и прототипом Русского Человека, сшитого из лоскутного одеяла тысячи противоречий. Если мир – это священная дорога, а Русь на Млечном Пути – тройка, то и роль ямщика (а также русского человека) возносилась до космических масштабов. Он представал колесничим Гелиосом, погоняющим Россию из одной эпохи в другую» [2].

Образ же Ямщика оказал значительное влияние на культуру России. В настоящее время существует множество песен, ставших народными, в которых упоминается Ямщик, например, «Степь да степь кругом».

Также образ Ямщика продолжает быть востребован в массовой культуре, например, «Рассказ ямщика», более известен в версии группы Агата Кристи как «Когда я на почте служил ямщиком…».

Не являются исключением и многие литературные произведения, раскрывающие образ Ямщика, например: Н. А. Некрасов «В дороге»; А. П. Чехов «Происшествие (Рассказ ямщика)», «Почта»; С. А. Есенин «Ямщик»; Н. Симаков «Рассказ ямщика (Воспоминания, навеянные грустью)».

В изобразительном искусстве так же востребован образ Ямщика, например, картина В. А. Тропинина «Ямщик, опирающийся на кнутовище».

Коннотации образа Ямщика можно рассматривать, словно цветной калейдоскоп. Обращаясь к каждому новому музыкальному или литературному произведению, можно открыть для себя новые грани как самого ямщицкого образа, так и его интерпретации.

Образ Ямщика, несомненно, связан с идеей подвижности, мобильности, движения. «Данный концепт включает в себя:

− подвижность временных границ, открытость настоящего прошлому и будущему;

− подвижность города в рамках страны и в рамках мирового пространства;

− подвижность через ощущение индивида в рамках своего города не как человека провинциального…» [9, с. 31].

Образ Ямщика является для отечественной художественной культуры узнаваемым и родным, его коннотации представляют широкий спектр интерпретаций, варьирующихся от схожих до прямо противоположных. Объединяет все эти коннотации одно: ямщик – явление в отечественной художественной культуре и глобальное и локальное. И если страна или город – это замкнутая локация, то ямщик, курсирующий между ними, есть не что иное, как проводник в нечто глобальное. Подобная интерпретация образа Ямщика придает бренду города не только уникальность, но и глубокий художественный и важный культуро-

логический подтекст.

Поскольку бренд проектирует идентичность места [13], облик города Гаврилов-Ям трансформируется, обретая в своих чертах атрибуты, коррелирующие с тематикой ямщицкого и дорожного образов. Открываются новые музеи, посвященные как крестьянскому народному, так и ямщицкому быту, одно из центральных кафе Гаврилов-Яма имеет название «Трактиръ «В гостя у Ямщика», а на улицах города появляются дорожные указатели, помогающие приезжим туристам сориентироваться в туристическом пространстве Гаврилов-Яма. Поскольку образ Ямщика для отечественной художественной культуры является узнаваемым, можно сделать вывод, что и бренд города, при правильной разработке стратегий его развития, со временем станет узнаваемым и обретет популярность в своей туристической нише.

Библиографический список

1. Гоголь, Н. В. Мертвые души [Текст] / Гоголь Н. В. «Мертвые души» Собрание сочинений в девяти томах. – Т. 1. – Гл. 11. – М. : «Русская книга», 1994.

2. Зарифуллин, П. Ямщик отпущения [Электронный ресурс] / П. Зарифуллин. – Режим доступа: http://www.gumilev-center.ru/yamshhik-otpushheniya/

3. Иванов, П. Синий зипун, красный кушак. Ямская гоньба от монголов до железных дорог [Электронный ресурс] // Родина, 2001. – № 12. – Режим доступа: http://archive.is/1f6cT

4. «Из истории города Гаврилов-Яма». По информации МУК «Гаврилов-Ямская межпоселенческая центральная библиотека» [Электронный ресурс] / Администрация городского поседения Гаврилов-Ям. – Режим доступа: http://gavrilovyam.yaroslavl.ru/gorod/gorod.htm

5. Кисин, Б. М. Страна Филателия [Текст] // Б. М. Кисин / ред. В. Нездвецкий. – М. : Просвещение, 1969. – С. 30.

6. Некрасов, Н. А. В дороге [Текст] / А. Н. Некрасов // Полное собрание сочинений и писем в 15-ти томах : Т. 1. – Л. : Наука, 1981.

7. Пушкин, А. С. Бесы [Текст] / А. С. Пушкин // Собрание сочинений А. С. Пушкина в десяти томах : Т 2.

8. Пушкин А. С. Зимняя дорога [Текст] / А. С. Пушкин // Стихотворения 1823–1836. Т. 2. – М. : ГИХЛ, 1959–1962.

9. Старшова, А. П. Персонологический подход в исследовании бренда города (на материале конкурса на бренд г. Ярославля 2012 г.) [Текст] / А. П. Старшова // Вопросы культурологии. Научно-практический и методический журнал. – 2013. – № 7. – С. 25–32.

10. Anholt, S. The Anholt-GMI City Brands Index: How the World Sees the World's Cities. – Place Branding and Public Diplomacy 2(1): 18–31.

11. Ashworth, G. J. The City of Culture: Can We Create It Through Planning / G. J. Ashworth // H. Ernste and F. Boekema (eds) De cultuur van de locale economie, de economie van de locale cultuur. – Assen, Netherlands : Van Gorcum, 2005. – P. 129–44.

12. Edgar Pieterse Untangling 'Integration' in Urban Development Policy Debates / Edgar Pieterse. – Published in: Urban Forum. – Vol. 15(1), 2004.

13. Mihalis Kavaratzis, Mary Jo Hatch The dynamics of place brands: An identity-based approach to place branding theory / Mihalis Kavaratzis, Mary Jo Hatch. – Marketing Theory 13(1). – P. 69–86.

Bibliograficheskij spisok

1. Gogol', N. V. Mertvye dushi [Tekst] / Gogol' N. V. «Mertvye dushi» Sobranie sochinenij v devjati tomah. – T. 1. – Gl. 11. – M. : «Russkaja kniga», 1994.

2. Zarifullin, P. Jamshhik otpushhenija [Jelektronnyj resurs] / P. Zarifullin. – Rezhim dostupa: http://www.gumilev-center.ru/yamshhik-otpushheniya/

3. Ivanov, P. Sinij zipun, krasnyj kushak. Jamskaja gon'ba ot mongolov do zheleznyh dorog [Jelektronnyj resurs] // Rodina, 2001. – № 12. – Rezhim dostupa: http://archive.is/1f6cT

4. «Iz istorii goroda Gavrilov-Jama». Po informacii MUK «Gavrilov-Jamskaja mezhposelencheskaja central'naja biblioteka» [Jelektronnyj resurs] / Administracija gorodskogo posedenija Gavrilov-Jam. – Rezhim dostupa: http://gavrilovyam.yaroslavl.ru/gorod/gorod.htm

5. Kisin, B. M. Strana Filatelija [Tekst] // B. M. Kisin / red. V. Nezdveckij. – M. : Prosveshhenie, 1969. – S. 30.

6. Nekrasov, N. A. V doroge [Tekst] / A. N. Nekrasov // Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 15-ti tomah : T. 1. – L. : Nauka, 1981.

7. Pushkin, A. S. Besy [Tekst] / A. S. Pushkin // Sobranie sochinenij A. S. Pushkina v desjati tomah : T 2.

8. Pushkin A. S. Zimnjaja doroga [Tekst] / A. S. Pushkin // Stihotvorenija 1823–1836. T. 2. – M. : GIHL, 1959–1962.

9. Starshova, A. P. Personologicheskij podhod v issledovanii brenda goroda (na materiale konkursa na brend g. Jaroslavlja 2012 g.) [Tekst] / A. P. Starshova // Voprosy kul'turologii. Nauchno-prakticheskij i metodicheskij zhurnal. – 2013. – № 7. – S. 25–32.

10. Anholt, S. The Anholt-GMI City Brands Index: How the World Sees the World's Cities. – Place Branding and Public Diplomacy 2(1): 18–31.

11. Ashworth, G. J. The City of Culture: Can We Create It Through Planning / G. J. Ashworth // H. Ernste and F. Boekema (eds) De cultuur van de locale economie, de economie van de locale cultuur. – Assen, Netherlands : Van Gorcum, 2005. – P. 129–44.

12. Edgar Pieterse Untangling 'Integration' in Urban Development Policy Debates / Edgar Pieterse. – Published in: Urban Forum. – Vol. 15(1), 2004.

13. Mihalis Kavaratzis, Mary Jo Hatch The dynamics of place brands: An identity-based approach to place branding theory / Mihalis Kavaratzis, Mary Jo Hatch. – Marketing Theory 13(1). – P. 69–86.

Reference List

1. Gogol N. A. Dead souls / Gogol N. A. «Dead souls» Collected works in nine volumes. – V. 1. – Chapter. 11. – M. : «Russkaya Kniga», 1994.

2. Zarifullin P. Yamschik of remission [An electronic resource] / P. Zarifullin. – Access mode: http://www.gumilev-center.ru/yamshhik-otpushheniya/

3. Ivanov P. Blue homespun coat, red belt. Yamsky chase from Mongols to the railroads [An electronic resource] // the Homeland, 2001. – No. 12. – Access mode: http://archive.is/1f6cT

4. «From history of the city of Gavrilov-Yam». According to MUK «Gavrilov-Yam intersettlement central library» [An electronic resource] / Administration of a city posedeniye Gavrilov-Yam. – Access mode: http://gavrilovyam.yaroslavl.ru/gorod/gorod.htm

5. Kisin B. M. Philatelia Country // B. M. Kisin/editor V. Nezdvetsky. – M. : Prosveshchenie, 1969. – Page 30.

6. Nekrasov N. A. On the way / A. N. Nekrasov // Complete works and letters in 15 volumes: V. 1. – L. : Nauka, 1981.

7. Pushkin A. S. Demons / A. S. Pushkin // Collected works of A. S. Pushkin in ten volumes: V. 2.

8. Pushkin A. S. Winter / A. S. Pushkin // Poems of 1823–1836. V. 2. – M. : GIHL, 1959–1962.

9. Starshova A. P. Personal approach in a city brand research (on competition material on a brand of Yaroslavl 2012) / A. P. Starshova // Culturology Questions. Scientific and practical and methodical magazine. – 2013. – No. 7. – Page 25–32.

10. Anholt S. The Anholt-GMI City Brands Index: How the World Sees the World's Cities. – Place Branding and Public Diplomacy 2(1): 18–31.

11. Ashworth G. J. The City of Culture: Can We Create It Through Planning / G. J. Ashworth // H. Ernste and F. Boekema (eds) De cultuur van de locale economie, de economie van de locale cultuur. – Assen, Netherlands : Van Gorcum, 2005. – P. 129–44.

12. Edgar Pieterse Untangling 'Integration' in Urban Development Policy Debates / Edgar Pieterse. – Published in: Urban Forum. – Vol. 15(1), 2004.

13. Mihalis Kavaratzis, Mary Jo Hatch The dynamics of place brands: An identity-based approach to place branding theory / Mihalis Kavaratzis, Mary Jo Hatch. – Marketing Theory 13(1). – P. 69–86.

Дата поступления статьи в редакцию: 06.05.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

УДК 398

Д. С. Шаваринский
https://orcid.org/0000-0002-5242-6009

Трансформация образа Снегурочки в отечественной художественной культуре

Автор ставит своей целью изучить специфику трансформации фольклорного образа Снегурочки в образ музыкально-художественный. Статья расширяет представление о мифологических смыслах, семантике образа Снегурочки. Значительное внимание уделяется многообразию генеалогических фольклорных истоков образа. Автор упоминает о нескольких вариантах сказочного сюжета, показывает генеалогическую связь образа Снегурочки с Масленицей, русалкой Костромой, польской языческой богиней Марзаной и купальскими обычаями. Отмечает неоднозначность исконной оценочной трактовки образа Снегурочки. В статье основное внимание уделяется интерпретации известным русским драматургом А. Н. Островским фольклорного образа. Особое внимание уделяется созданию оперы Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка» и анализу образа главной героини, а также музыкальным средствам и гармоническим открытиям композитора, создающего яркие народные типы, мифические и природные образы. Фольклорный образ Снегурочки исключительно сложен. Трансформацию фольклорного образа в образ драматический и музыкальный характеризует концентрация мифопоэтической цельности и ценности. Образ обретает положительный смысл. Художественный образ Снегурочки визуализирует поэтическую картину русского мира, при этом абсолютизируя природное начало, органично разводя в ткани оперного пространства вечные антиномии реального и ирреального миров.

Ключевые слова: мифопоэтический образ, Снегурочка, Даль, Афанасьев, Масленица, Кострома, Купала, А.Н. Островский, Н.А. Римский-Корсаков, пьеса-сказка, театральные постановки,

D. S. Shavarinsky

Transformation of the Image of the Snow Maiden in Russian Art Culture

The author sets as the purpose to study specifics of transformation of a folklore image. The article expands representation about mythological meanings, semantics of the mythopoetic image of the Snow Maiden. Considerable attention is paid to variety of genealogical folklore sources of the mythopoetic image. The author mentions several versions of a fantastic plot, shows genealogical communication of the image of the Snow Maiden with Maslenitsa, the mermaid name Kostroma, the Polish pagan goddess Marzana and the customs connected with the holyday Ivan Kupala. The author notes ambiguity of primordial estimated interpretation of the image of the Snow Maiden. In the article the main attention is paid to the interpretation of the folklore image of the Snow Maiden by famous Russian playwright N. A. Ostrovsky. The author especially is interested in the creation of the opera by N. A. Rimsky-Korsakov «Snow Maiden». He analyzes the image of the main character. He also investigates musical means and harmonious discovery of the composer creating bright national types, mythical and natural images. The folklore image of the Snow Maiden is exclusively difficult. Concentration of mythopoetic entirety and value characterizes transformation of a folklore image into a dramatic and musical image. The image receives a positive sense. The artistic image of the Snow Maiden visualizes a poetic picture of the Russian world, at the same time absolutizing the natural beginning, organically parting eternal antinomy of the real and irreal worlds in fabric of opera space.

Keywords: Snow Maiden, Dahl, Afanasyev, Maslenitsa, Kostroma, Ivan Kupala, A. N. Ostrovsky, N. A. Rimsky-Korsakov, play fairy tale, theatrical performances.

В настоящей статье мы рассмотрим специфику трансформации фольклорного образа Снегурочки в образ музыкально-художественный. Миф – один из способов познания мира, его «смыслообразующее» ядро, определяемое «миропониманием и чувственными формами его представления» [7, с. 79]. Под мифопоэтическим образом мы понимаем результат исследования «проекции» мифа (мифологического сюжета, образа, мотива и т. д.) на художественный текст с целью нахождения вложенного первичного смысла [4]. В мифопоэтическом образе соединяются объективное (народное) мифическое значение и мифологическое мировосприятие и субъективное (авторское) начало, следовательно, речь идет об интеграции двух типов культуры – народной и авторской.

Уникальность образа Снегурочки заключается в его зарождении в русской мифологии и в дальнейшем переходе в различные виды искусства. В. И. Даль в 1832 г. впервые зафиксировал историю о Снегурке, спасенной собачкой Жучкой. Позднее А. Н. Афанасьев записал сюжет, где Снегурушку спасает лиса. В 1869 г. он опубликовал сказание о снежной девочке, различая в нем «отголосок предания о происхождении облачных духов из тающих весною льдов и снега»

© Шаваринский Д. С., 2018

[3, с. 639-641]. Логично предположить, что имя Снегурка или Снежевиночка связано и со старинным наименованием месяца ее «рождения», ведь за вторые снега и льды за Февралем закрепились «народны прозвища: Снегосей – снега сеет, и сеет без конца и края; Снежень, Снежен и Снежка – по обилию пышных и снежных сугробов» [12, с. 25].

А. Н. Афанасьев приводит две версии происхождения Снегурочки. В первой – появление из снежка, положенного на печь бездетными стариками. Фольклорист отмечает, что переносом мифа «о рождении облачной нимфы под домовую кровлю, фантазия присвоила благодатное действие весеннего тепла – очагу, как божеству, которое благословляет потомство и охраняет семейное счастие» [3, с. 639-641]. Во второй – у бездетных крестьян ожило вылепленное из снега дитя, за зиму ставшее «словно лет тринадцати», «смышленая, <…> завсегда добрая, послушная, приветливая, а собой белая-белая, как снег» [3, с. 639 - 641]. На Иванов день, прыгая через костер, Снегурка потянулась вверх «легким паром, свилась в тонкое облачко и унеслась в поднебесье» [3, с. 230]. Так народное мифологическое сознание интерпретирует явление природы, когда от солнца / костра тающий снег превращается в дождевые тучи, которые зимой, в свою очередь, становятся снеговыми. «…Прекрасная облачная дева нисходит на землю <…> и поражает всех своею нежною белизною (то есть падает на поля в виде снега); с приходом же лета она принимает новый, воздушный образ и, удаляясь с земли на небо, носится там вместе с другими легкокрылыми нимфами» [3, с. 230-231]. Е. В. Душечкина также увязывает сюжет о гибели Снегурочки от костра, возможно, купальского (инициационного), символизирующего превращение девочки в девушку, с мифом о природных духах, погибающих при смене времени года.

Образ Снегурочки имеет разветвленные мифические «корни» от явлений, символизирующих переход от зимы к весне, Масленицы, похорон Костромы, костра на Ивана Купалу до идолов изо льда и снега на севере языческой Руси. Примечательно, что все прототипы образа Снегурочки подлежат уничтожению. В Нерехте Масленицу сжигают [16, с.727-730], в Саратовской, Симбирской и Костромской губерниях – бросают в воду [16, с. 763]. Повсеместно «большую куклу, сделанную из соломы или тряпья, сжигали, топили в реке или разрывали на части» [12, с. 29]. Свяжем это и с тем, что проводы Масленицы приближены к 15 февраля, когда, по народным повериям, зима с весной борются и последней надо помогать. Так, в Польше «Масленица носит древнеславянское имя забытой языческой богини Мажаны (Маржанны), олицетворяющей мрак. Естественно, ее следовало уничтожить, чтобы под теплыми лучами солнца вырастить обильный урожай» [12, с. 29].

Душечкина связывает сказку о Снегурочке и со славянским обрядом похорон Костромы. «Кострома» однокоренное слово со словом «костер». Соломенное чучело тоже топили или сжигали. По легенде Кострома – дочерь Купальницы и Симаргла, сестра Купалы. Маленькие Кострома и Купала поддались очарованию птицы смерти Сирин, которая и унесла Купалу в Темное царство. Через много лет венок Костромы упал в реку и попал к Купале. «Купала и Кострома <…> поженились, не зная о своем родстве, а когда узнали - решили утопиться. Кострома стала русалкой или мавкой» [10].

По В. Я. Проппу, обрядовые похороны Костромы совершались от Троицы до Петрова дня (29 июня), вероятно, и во Всесвятскую неделю, «воскресенье этой недели известно под именем Русального заговенья» [16, с. 756] или в ночь на Ивана Купалу [14, с. 97]. На это время приходятся проводы весны, похороны Костромы, гульбище Ярилы, развивание троицких венков.

В Костромской губернии похоронам Костромы соответствовал обряд похорон мужского чучела Ярилы [16, с. 748-749, 759]. Умерщвление ритуальной куклы связывалось с земледелием, молитвой о дожде или сенокосе после Иванова дня, как в песне о Костроме:

…Создай, Боже, дождя.
Дождичка частова.
Чтобы травыньку смочило,
Костроме косу остру приручило
(Великорус, № 1259) [14, с. 99].

Похороны Масленицы и русалки Костромы сходны. В заговенье перед Петровым постом старухи «берут ржаной сноп, приделывают руки, обряжают по-бабьи, кладут на носилки, вопят и несут чучело-русалку в ржаное поле, где оставляют на меже. Во время шествия с чучелом-русалкой несколько раз поют песню:

Уж ты свет моя Кострома,
Государыня Костромушка была.
Не Костромушка, кумушка моя!
Не покинула при нужди ты меня.
При нужди, при старости» [14, с. 91].

Обряды похорон Костромы отличались в разных местах. Примечательно, что в Костроме его не знали. В этой форме проходили «зеленые святки» – проводы весны и встреча лета. Кострому изображала молодая женщина, закутанная в белые простыни, с дубовой веткой в руках. При ритуальных похоронах ее заменяло чучело из соломы, которое сжигали, разрывали на части с обрядовым оплакиванием и смехом. «Ритуал призван был обеспечить плодородие» [10], поэтому Кострома обязательно воскресала. В Муромском уезде в шуточной борьбе группа молодежи, захватив чучело Костромы, «срывали с него платье, перевязи, солому топтали ногами и бросали в воду со смехом. <…> После сего обе стороны соединялись вместе и с веселыми песнями возвращались в селения» [16, с. 757]. Автор «Северной пчелы» (1842, № 267) относит этот обряд ко времени князя Владимира, связывая с погребением Костромы «Перуна, утопленного в Днепре, в насмешку киевским язычникам», о чем свидетельствует припев похоронной песни Костромы «Выдыбай, боже». Автор также отмечает связь Костромы с польской Марзаной [16, с. 757–758]. В. Я. Пропп видит сходство земледельческих и купальских обрядов, огромных костров и обрядовых похорон, где любым способом уничтожалось символическое чучело Ивана, на Украине – Марины или Марены, или деревца Купалы [14, с. 92-94].

Мифологические смыслы, семантика образа Снегурочки рассматривают и шире. Так, по мнению С. В. Жарниковой, «Снегурочка – воплощение застывших вод вообще и вод Северной Двины в частности» [9], о чем свидетельствуют ее белые одежды с серебряным орнаментом и восьмилучевой венец на голове, шитый серебром и жемчугом. Душечкина считает Снегурочку ожившей снежной бабой или «одним из символов зимы / смерти, силой враждебной людям» [5]. Кострома соединяет образы аграрной богини и заложного покойника, умершего неестественной смертью, от пьянства, неожиданно, предка, обладавшего огромной силой. К ним причисляли некрещеных младенцев, проклятых родителями. Самоубийца же становился нечистью. Заложный покойник доживал после смерти положенный срок, вредя близким. «Кострома изображалась внезапно умершей, <…> опившись вина на веселом пиру, то есть была заложной покойницей. В одной из обрядовых песен поется так: „Как Костромин-то отец стал гостей собирать, большой пир затевать, Кострома пошла плясать. Костромушка расплясалась, Костромушка разыгралась. Вина с маком нализалась. Вдруг Костромка повалилась. Костромушка померла”» [10]. Так, «смыслообразующее ядро» образа Снегурочки не оставляет ей места под Солнцем.

Однако ее многообразные генеалогические фольклорные истоки при переносе образа в сферу авторской культуры утрачиваются. Исконно неоднозначная смысловая нагрузка образа благодаря драматургическому осмыслению приобрела ряд положительных качеств.

В 1873 г. по предложению Комиссии управления Императорскими Московскими театрами А. Н. Островский сочиняет для драматической, оперной и балетной трупп Большого и Малого театров спектакль-феерию в стихах, пригодных для пения. Автор опирался на труд А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов» (1865-1869). По предложению Островского, музыку к пьесе написал П. И. Чайковский.

Завершив «весеннюю сказку» в день своего 50-летнего юбилея – 31 марта, Островский отправил ее экземпляр Н. А. Некрасову, предложившему за нее небольшой гонорар. Возмущенный автор, считавший «Снегурочку» выходом на «новую дорогу», передал произведение М. М. Стасюлевичу. «Снегурочку» в сентябре 1873 г. напечатал журнал «Вестник Европы», но читатели не оценили Островского-сказочника. Премьера состоялась 11 мая 1873 г. Синхронизировать все элементы спектакля не получилось. Драматург не присутствовал на премьере. Положительную рецензию на нее опубликовал лишь журнал Ф. М. Достоевского «Гражданин» (1873, № 22). После девяти спектаклей «Снегурочку» сняли с постановки.

Исследование весенней сказки «Снегурочка» А. Н. Островского составляет весьма значительную библиографию. Но учитывая интересующую нас авторскую культуру, методологически наиболее важной является работа И. А. Едошиной «„Молитва русская… мудрость пророка” („Снегурочка” А. Н. Островского в культурном ландшафте России последней трети XIX века и не только)» (2001). Культуролог считает, что смыслы этой пьесы Островского опрометчиво сводить к фольклорным мотивам, за словом лежит значение сакральное. За образом неотмирной девы скрыто видение самого духа творчества, отражающего в него смотрящихся и отторгающего плотское воплощение. Так, И. А. Едошина считает Снегурочку символом идеи Красоты в бесплотности духа, то есть

замыслом «бытия, который неожиданно является людям – берендеям – язычникам» [6, с. 263].

Снегурочка Островского, рожденная Морозом и Весной, воплощает в себе антиномии: мороз и жар, смерть и жизнь, хладность чувств и жажду любви. Снегурочка Островского – прекрасная девушка еще в лесу желает узнать людские песни («Без песен жизнь не в радость» [13, с. 21]), водить хороводы, испытать счастье. Мороз узнает от утки, птицы-бабы, о намерении Ярилы погубить Снегурочку, заронив ей в сердце огонь любви.

Спасенья нет Снегурочке, Ярило
Сожжет ее, испепелит, растопит…»
[13, с. 18].

Родители отдают ее бездетному Бобылю, в доме которого она будет лишена соблазнов любви. Примечательно, что ее переход из мифического пространства в реальное сопровождается масленичными гуляниями, берендеи с песнями-веснянками провожают чучело Масленицы [13, с. 27–30].

В образе Островского нет и черты от мифического образа Костромы-мавки или заложенной покойницы. В пьесе Островского Снегурочка «работы не бегает», стыдлива, скромна, остро чувствует прекрасное, готова за песни служить Лелю, однако ей чужды ласки, жаркая страсть. Берендеями же владеет «тщеславие, к чужим нарядам зависть», отсутствует и «горячность любовная». Она бескорыстна, антиномичны ей образы людские. Бобыль с Бобылихой ленивы, завистливы, берут сиротку из корысти. Лель поет ей песни за плату цветком, обещая беречь его на зависть берендейкам, но тут же, бросив цветок, уходит к ним. Девушки завидуют, ревнуют. Неверный жених Купавы всему знает цену, говоря Снегурочке: «Не знаешь ты цены красе своей» [13, с. 71].

Снегурочка, испытав обиды, мучительные ревность и зависть, решает взять у Весны немножечко сердечного тепла. «Чтоб только лишь чуть теплилось сердечко» [13, с. 53]. Хрупкая Снегурочка жертвует собою ради познания любви и красоты:

Пусть гибну я, любви одно мгновение
Дороже мне годов тоски и слез [13, с. 146].

Чудесный венок Весны-Красны открывает ее дочери красоту окружающего мира. Снегурочка вызывает сочувствие, но ее гибель нужна берендеям, которые пятнадцать лет терпели гнев Солнца.

Теперь, с ее чудесною кончиной,
Вмешательство Мороза прекратилось
[13, с. 156].

Так, при трансформации фольклорного образа в авторский Снегурочка концентрирует в себе положительные идейно-эмоциональные смыслы при сохранении антагонизма мира иного и человеческого. Она рождается у Мороза и Весны-Красны, нарушая законы мироздания, слив воедино силы смерти и воскресения. В пятнадцать лет девушка возжелала счастья и любви, от огня которого и погибнет. Благо берендеев нуждается в ритуальной жертве, и гибель Снегурочки – кульминация праздника источника жизни Ярило. Примечательно, что Островский писал пьесу одновременно с работой Чайковского, произведение изначально создавалось как литературно-музыкальное. Однако первичной была драматургия. Музыка композитора следовала за словом драматурга, известно, что слова песен писались в последнюю очередь, с опорой на фольклорные источники. Важно отметить, что Чайковский написал музыку только к отдельным эпизодам. Островский высоко оценил работу Чайковского, а вот к новаторству Римского-Корсакова отнесся с осторожностью, т.к. композитор решил писать либретто, что, по мнению драматурга, могло исказить изначально вложенную в пьесу сверхидею.

Н. А. Римский-Корсаков познакомился со «Снегурочкой» Островского сразу после ее публикации. Впечатление на композитора она не произвела: «царство берендеев мне показалось странным» [15, с. 170]. Он анализировал причины неприятия: «…Живы идеи 60-х годов, требования сюжетов из так называемой жизни, бывшие в ходу в 70-х годах, держали меня в путах? Или захватил меня в свое течение натурализм Мусоргского? Вероятно, и то, и другое, и третье. Словом – чудная, поэтическая сказка Островского не произвела на меня впечатления» [15, с. 170].

Зимой 1879-1880 гг. композитор перечитал «Снегурочку» и «точно прозрел на ее удивительную красоту» [15, с. 170]. «Тяготение к древнему русскому обычаю и языческому пантеизму» [15, с. 170] побудило Римского-Корсакова взяться за оперу. Он тщательно фиксировал ход работы. Первые наброски «Снегурочки» (финальный хор «Слава», монолог Мизгиря «На теплом синем море», «Весна Красна», заклинания и хор цветов) – 27, 28 и 29 февраля, подблюдная песня – январь 1880 г. Черновики Римский-Корсаков показал Островскому, от которого получил экземпляр драмы и разрешение писать собственное либретто. Летом 1980 г. композитор, имея достаточно набросков, снял дачу в деревне Стелево Санкт-Петербургской губернии. Его все вдохновляло: «Я

сочинял каждый день, <…> музыкальные мысли и их обработка преследовали меня неотступно. <…> Ни одно сочинение до сих пор не давалось мне с такой легкостью и скоростью, как „Снегурочка”» [15, с. 174–175]. Опера была написана с 1 июня (вступление к прологу) по 12 августа (заключительный хор). «О сочинении Снегурочки никто не знал, – писал композитор, – ибо дело это я держал в тайне, и, объявив по приезде в Петербург своим близким об окончании эскиза, я тем самым немало их удивил» [15, с. 181].

Осенью 1880 г. Римский-Корсаков представил на суд драматурга либретто. 10 ноября Островский написал: «Я нахожу, что либретто составлено очень хорошо. Я нашел весьма немного стихов, которые, по моему мнению, требуют исправления…» [1, с. 179–180]. Римский-Корсаков делился с С. Н. Кругликовым: «Все поправки так незначительны, что я нахожусь в великом удовольствии: ничего переделывать не придется» [1, с. 181]. Позднее Кругликов сообщал, что писатель полчаса говорил с ним про оперу: «Музыка Корсакова к моей Снегурочке удивительна; я ничего не мог никогда себе представить более к ней подходящего и так живо выражающего всю поэзию древнего русского языческого культа и этой сперва снежно-холодной, а потом неудержимо страстной героини сказки» [1, с. 183].

Оркестровка (партитура в 606 страниц для расширенного оркестра) заняла почти семь месяцев, с 7 сентября 1880 г. по 26 марта 1881 г. Композитор широко использовал народные мелодии, заимствуя их из собственного «Сборника русских народных песен с сопровождением фортепиано», иных фольклорных источников, старинных религиозных песнопений. После «Снегурочки» Римский-Корсаков «почувствовал себя созревшим музыкантом и оперным композитором, ставшим окончательно на ноги» [15, с. 180–181]. Преобразование образа Снегурочки сопровождалось рядом гармонических открытий, использованием лейтмотивов в темах Снегурочки и царя Берендея, свободой плавно льющегося речитатива, особой звучностью оркестра в финальном хоре, сочетавшегося с удачными solo – партиями отдельных инструментов. В начале осени 1881 г. оперу высоко оценили М. А. Балакирев, А. П. Бородин и В. В. Стасов.

29 января (ст.ст.) или 11 февраля (н.ст.) 1882 г. на сцене Мариинского Императорского театра Санкт-Петербурга состоялась премьера. Композитор переживал, впервые столкнувшись с купированием оперы, но публика приняла ее восторженно. Ученик Римского-Корсакова Б. Асафьев писал о «Снегурочке»: «Вдохновение Римского-Корсакова теплится ровным светом, но в иные моменты музыка углубляется для постижения лишь слышимых тайников и истоков жизни, о которых слово, будучи связано явью, невольно должно молчать...» [2, с. 171]. Трогательна в опере сцена таяния Снегурочки, ее светлое прощание с миром и Мизгирем. «О милый мой, твоя, твоя...». Мелодия есть восхищение Снегурочки открывшейся ей красотой природы, жениха, песен Леля.

В опере Римского-Корсакова все музыкальные образы закончены. Звуки, воспроизводящие пение птиц и мотивы народных песен, создают образ возрождающейся природы. Финальный хор «Свет и сила, бог Ярило» – гимн жизни. Асафьев писал, что в «Снегурочке» ощутимы «и весна, и юность, ибо власть чар музыки безгранична <…> музыки русской весны» [2, с. 172]. Чайковский признал превосходство Римского-Корсакова в музыкальном решении идеи произведения.

Лейтмотивы в опере «Снегурочка» углубляют смыслы драмы Островского. Инструменты оркестра (мелодия виолончелей и др.) оттеняют малейшие движения души главной героини. Символичны и внешние детали образа Снегурочки, созданные по эскизам В. М. Васнецова. Венец-кокошник / венок используется в купальских обрядах и передает силу любви. Традиционные цвета одежды Снегурочки белый и голубой означают невинность, чистоту, пространство между небом и землей, ведь и душевное состояние Снегурочки погранично – это слияние тепла и холода, переход от небытия к бытию и обратно.

Так, рассматривая пути становления образа Снегурочки в народном мировосприятии, мы отметили разветвленность генетических истоков образа, выдвинули гипотезу о происхождении имени героини с древним названием месяца Февраля. Прослеживая трансформацию фольклорного образа к драматическому и музыкальному, мы выявили его специфические черты, заключающиеся в постепенном обретении образом все большей мифопоэтической цельности и ценности. Художественный образ Снегурочки визуализирует поэтическую картину русского мира, при этом абсолютизируя природное начало, органично разводя в ткани оперного пространства вечные антиномии реального и ирреального миров.

Библиографический список

1. А. Н. Островский и русские композиторы: письма [Текст] / под общ. ред. дир. музея Е. М. Колосовой

и Вл. Филиппова. – М.; Ленинград : Искусство, 1937. – 249 с.

2. Асафьев, Б. В. Об опере: избр. статьи [Текст] / Б. Асафьев. – Ленинград : Музыка. Ленингр. отделение, 1976. – 336 с.

3. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу [Текст] / А. Н. Афанасьев. – М., 1868. – Т. 2. – С. 639–641.

4. Белокурова, С. П. Словарь литературоведческих терминов [Текст] / авт.-сост. С. П. Белокурова. – СПб. : Паритет, 2006. – 314 с.

5. Душечкина, Е. В. Дед Мороз и Снегурочка [Текст] // Отечественные записки. 2003, № 1 (10). – С. 236–241.

6. Едошина, И. А. «А я, душа театра…» А. Н. Островский [Текст] / И. А. Едошина. – Кострома : Костромаиздат, 2013. – 320 с.

7. Едошина, И. А. Миф, мифема, мифологема в контексте деятельностного подхода к феноменам культуры [Текст] / И. А. Едошина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета : научный журнал. – Киров, 2009. – № 3. – С. 79–82.

8. Ерохина, Т. И., Летина, Н. Н., Злотникова, Т. С. Сферы и уровни массовой культуры: российский дискурс [Текст] / Т. И. Ерохина, Н. Н. Летина, Т. С. Злотникова // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 5. – С. 255–264.

9. Жарникова, С. В. Исторические корни образа Деда Мороза на Русском Севере [Текст] // Сборник статей. Вып. 3 / С. В. Жарникова. – М. : Издательские решения, 2017. – С. 66–84.

10. Как появилась Снегурочка? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://moi-portal.ru/blogi/23737-kak-poyavilas-snegurochka/

11.Киященко, Л. П.,. Злотникова, Т. С. Методологические и эмпирические аспекты изучения массовой культуры в России [Текст] / Л. П. Киященко, Т. С. Злотникова // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 5. – С. 249–254.

12. Миронов, В. А. Двенадцать месяцев года [Текст] / В. А. Миронов. – М. : Сов. Россия, 1991. – 176 с.

13. Островский, А. Н. Снегурочка: весенняя сказка в четырех действиях с прологом [Текст] / А. Н. Островский. – Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд.-во, 1983. – 158 с.

14. Пропп, В. Я. Русские аграрные праздники: опыт историко-этнографического исследования [Текст] / В. Я. Пропп. – СПб. : Терра – Азбука, – 1995. – 176 с.

15. Римский-Корсаков, Н. А. Летопись моей музыкальной жизни [Текст] / Н. А. Римский-Корсаков. – 9-е изд. – М. : Музыка, 1982. – 440 с.

16. Сахаров, И. П. Сказания русского народа [Текст] / И. П. Сахаров / сост. и отв. ред. О. А. Платонов. – М. : Институт русской цивилизации, 2013. – Т. I. – 800 с.

17. Тихомиров, В. В. Научная и социокультурная рецепция пьесы-сказки А. Н. Островского «Снегурочка» в XX и начале XXI веков [Текст] / В. В. Тихомиров // Вестник Костромского государственного университета. – 2017.– № 3. – С. 120–124.

Bibliograficheskij spisok

1. A. N. Ostrovskij i russkie kompozitory: pis'ma [Tekst] / pod obshh. red. dir. muzeja E. M. Kolosovoj i Vl. Filippova. – M.; Leningrad : Iskusstvo, 1937. – 249 s.

2. Asaf'ev, B. V. Ob opere: izbr. stat'i [Tekst] / B. Asaf'ev. – Leningrad : Muzyka. Leningr. otdelenie, 1976. – 336 s.

3. Afanas'ev, A. N. Pojeticheskie vozzrenija slavjan na prirodu [Tekst] / A. N. Afanas'ev. – M., 1868. – T. 2. – S. 639–641.

4. Belokurova, S. P. Slovar' literaturovedcheskih terminov [Tekst] / avt.-sost. S. P. Belokurova. – SPb. : Paritet, 2006. – 314 s.

5. Dushechkina, E. V. Ded Moroz i Snegurochka [Tekst] // Otechestvennye zapiski. 2003, № 1 (10). – S. 236–241.

6. Edoshina, I. A. «A ja, dusha teatra…» A. N. Ostrovskij [Tekst] / I. A. Edoshina. – Kostroma : Kostromaizdat, 2013. – 320 s.

7. Edoshina, I. A. Mif, mifema, mifologema v kontekste dejatel'nostnogo podhoda k fenomenam kul'tury [Tekst] / I. A. Edoshina // Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta : nauchnyj zhurnal. – Kirov, 2009. – № 3. – S. 79–82.

8. Erohina, T. I., Letina, N. N., Zlotnikova, T. S. Sfery i urovni massovoj kul'tury: rossijskij diskurs [Tekst] / T. I. Erohina, N. N. Letina, T. S. Zlotnikova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2016. – № 5. – S. 255–264.

9. Zharnikova, S. V. Istoricheskie korni obraza Deda Moroza na Russkom Severe [Tekst] // Sbornik statej. Vyp. 3 / S. V. Zharnikova. – M. : Izdatel'skie reshenija, 2017. – S. 66–84.

10. Kak pojavilas' Snegurochka? [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://moi-portal.ru/blogi/23737-kak-poyavilas-snegurochka/

11.Kijashhenko, L. P.,. Zlotnikova, T. S. Metodologicheskie i jempiricheskie aspekty izuchenija massovoj kul'tury v Rossii [Tekst] / L. P. Kijashhenko, T. S. Zlotnikova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2016. – № 5. – S. 249–254.

12. Mironov, V. A. Dvenadcat' mesjacev goda [Tekst] / V. A. Mironov. – M. : Sov. Rossija, 1991. – 176 s.

13. Ostrovskij, A. N. Snegurochka: vesennjaja skazka v chetyreh dejstvijah s prologom [Tekst] / A. N. Ostrovskij. – Jaroslavl' : Verh.-Volzh. kn. izd.-vo, 1983. – 158 s.

14. Propp, V. Ja. Russkie agrarnye prazdniki: opyt istoriko-jetnograficheskogo issledovanija [Tekst] / V. Ja. Propp. – SPb. : Terra – Azbuka, – 1995. – 176 s.

15. Rimskij-Korsakov, N. A. Letopis' moej muzykal'noj zhizni [Tekst] / N. A. Rimskij-Korsakov. – 9-e izd. – M. : Muzyka, 1982. – 440 s.

16. Saharov, I. P. Skazanija russkogo naroda [Tekst] /

I. P. Saharov / sost. i otv. red. O. A. Platonov. – M. : Institut russkoj civilizacii, 2013. – T. I. – 800 s.

17. Tihomirov, V. V. Nauchnaja i sociokul'turnaja recepcija p'esy-skazki A. N. Ostrovskogo «Snegurochka» v HH i nachale HHI vekov [Tekst] / V. V. Tihomirov // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017.– № 3. – S. 120–124.

Reference List

1. A. N. Ostrovsky and Russian composers: letters / under a general edition of museum director E. M. Kolosova and V. l. Filippov. – M.; Leningrad : Iskusstvo, 1937. – 249 pages.

2. Asafiev B. V. About the opera: articles / B. Asafiev. – Leningrad : Muzyka. Leningradskoe otdelenie, 1976. – 336 pages.

3. Afanasiev A. N. Poetic views of Slavs on the nature / A. N. Afanasiev. – M., 1868. – V. 2. – Page 639–641.

4. Belokurova S. P. The dictionary of literary terms / author S. P. Belokurova. – SPb. : Paritet, 2006. – 314 pages.

5. Dushechkina E. V. Father Frost and Snow Maiden // Domestic notes. 2003, No. 1 (10). – Page 236–241.

6. Edoshina I. A. «And I, soul of theater …» A. N. Ostrovsky / I. A. Edoshina. – Kostroma : Kostromaizdat, 2013. – 320 pages.

7. Edoshina I. A. The myth, a mythem, a mythotheme in the context of activity approach to phenomena of culture / I. A. Edoshina // Bulletin of Vyatka State Humanities University: scientific magazine. – Kirov, 2009. – No. 3. – Page 79–82.

8. Erokhina T. I., Liotina N. N., Zlotnikova T. S. Spheres and levels of popular culture: Russian discourse / T. I. Erokhina, N. N. Liotina, T. S. Zlotnikova // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. – 2016. – No. 5. – Page 255–264.

9. Zharnikova S. V. Historical roots of the image of Father Frost in the Russian North // the Collection of articles. Issue 3 / S. V. Zharnikova. – M. : Izdatelskie Resheniya, 2017. – Page 66–84.

10. How did a Snow Maiden appear? [Electronic resource]. – Access mode: https://moi-portal.ru/blogi/23737-kak-poyavilas-snegurochka/

11. Kiyashchenko L. P. Zlotnikova T. S. Methodological and empirical aspects of studying popular culture in Russia / L. P. Kiyashchenko, T. S. Zlotnikova // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. – 2016. – No. 5. – Page 249–254.

12. Mironov V. A. Twelve months of year / V. A. Mironov. – M. : Sov.Rossiya, 1991. – 176 pages.

13. Ostrovsky A. N. Snegurochka: the spring fairy tale in four actions with a prolog / A. N. Ostrovsky. – Yaroslavl : Verkhnevolzhskoe knizhnoe izdatelstvo, 1983. – 158 pages.

14. Propp V.Ya. Russian agrarian holidays: experience of a historical and ethnographic research / V. Ya. Propp. – SPb.: Terra – Azbuka, – 1995. – 176 pages.

15. Rimsky-Korsakov N. A. Chronicle of my musical life / N. A. Rimsky-Korsakov. – 9th prod. – M. : Muzyka, 1982. – 440 pages.

16. Sakharov I. P. Legends of the Russian people / I. P.Sakharov / author and editor-in-chief O. A. Platonov. – M. : Institut Russkoy Provintsii, 2013. – V. I. – 800 pages.

17. Tikhomirov V. V. Scientific and sociocultural reception of the play fairy tale of A. N. Ostrovsky «Snow Maiden» in XX and the beginning of the XXI centuries / V. V. Tikhomirov // Bulletin of Kostroma State University. – 2017. – No. 3. – Page 120–124.

Дата поступления статьи в редакцию: 08.04.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10055
УДК 008

О. С. Наумова
https://orcid.org/0000-0002-6387-8342

Гомосфера российских императорских университетов

В статье рассматривается специфика первых российских университетов как важнейших цивилизационных институтов в ракурсе гуманитарных пространств. Обозначенная проблема разрабатывается в данном исследовании как социокультурная интерпретация темпов трансформаций, пройденных отечественными университетами от общих идей и проектов XVII–XVIII столетий до центров национальной культуры и мировой науки XIX–XX вв. Стремительные темпы развития российских дореволюционных университетов и их влияние на отечественную культуру оказались возможными благодаря гуманитарным формам внутренней организации вузов, которые закрепляли специфические национальные культурные коды: национальный язык, формирование кадрового потенциала, опыт интернационализации и развитие отечественной науки. Актуален используемый автором статьи трансдисциплинарный подход, поскольку сегодня в России вновь пересматриваются модели высших учебных заведений. Обращение к опыту российских императорских университетов, сыгравших важную роль в развитии национальных и региональных культур, может способствовать наиболее четкому формулированию миссии университетов, включающую исторические, политические, науковедческие, культурологические аспекты в изучении темпов их развития. Успех первых российских университетов напрямую связан с этическими и социокультурными вызовами, а также с системной модернизацией, проявляющейся в социальных преимуществах и лифтах, интернационализации, научных школах и особой гомосфере высшего учебного заведения как механизма его ускоренного развития. Исследование методологических аспектов университета как цивилизационного института с мощной культурной составляющей и историко-культурной типологии первых российский университетов подтверждает идею автора статьи о том, что полноценное развитие университета сегодня, как и столетия назад, невозможно без гуманитарных стимулов: «длинного времени» (эстафета традиций) и свободы научного творчества (гуманитарный дух и гомосфера вуза).

Ключевые слова: российский университет, миссия университета, гомосфера университета, гуманитарные пространства, хронотопия, «длинное время» университета.

O. S. Naumova

Homosphere of Russian Imperial Universities

The article deals with the specificity of the first Russian universities as the most important civilizational institutions in terms of humanitarian spaces. The problem is developed in this study as a socio-cultural interpretation of the pace of transformation, passed by national universities from the common ideas and projects of the XVII–XVIII centuries to the centers of national culture and world science of the XIX–XX centuries. The rapid pace of development of Russian pre-revolutionary universities and their impact on Russian culture were possible thanks to the humanitarian forms of internal organization of universities, which fixed specific national cultural codes: the national language, the formation of human resources, the experience of internationalization and the development of the domestic science. The author uses the TRANS-disciplinary approach, as the models of higher education institutions are being revised again in Russia. Turning to the experience of the Russian Imperial universities, which played an important role in the development of national and regional cultures, can contribute to the most accurate formulation of the mission of universities, including historical, political, scientific, cultural aspects in the study of the pace of their development. The success of the first Russian universities is directly related to ethical and socio-cultural challenges, as well as to systemic modernization, manifested in social benefits and elevators, internationalization, scientific schools and the special homosphere of higher education as a mechanism for its accelerated development. The study of the methodological aspects of the University as a civilizational Institute with a strong cultural component and a historical and cultural typology of the first Russian universities confirms the author's idea that the full development of the University today, like centuries ago, is impossible without humanitarian incentives: «long time» (relay of traditions) and freedom of scientific creativity (humanitarian spirit and homosphere of the University).

Keywords: Russian University, University mission, University homosphere, humanitarian spaces, chronotopia, «long time» of the University.

В начале XX века В. И. Вернадский писал, что университет относится к самым высоким образцам национальной и глобальной культуры, которые продвигают цивилизацию и приводят ее к «общечеловеческой культуре» [8]. В России университеты появились на несколько столетий позже первых европейских, явившись не городской корпорацией знания, как их предшественники, а императорским учреждением. Университеты развивались не так стремительно, как на Западе, но уже

© Наумова О. С., 2018

к концу XIX в. на базе российских вузов образовались научные школы с мировой известностью, появились именитые выпускники и первые Нобелевские лауреаты. В гуманитарной атмосфере российских университетов сформировался уникальный свободный от патернализма тип ученого-подвижника и интеллигента. Произошло это во многом благодаря особым кодам университета – его гуманитарным стимулам [6]. При их рассмотрении нами используются такие близкие понятия, как «гуманитарные пространства», «среда», «гомосфера», помогающие наиболее метко характеризовать университетский «дух». Граница между внешней средой и внутренними смыслами университетских институций видится нам весьма условной. Введенное Д. С. Лихачевым понятие «гомосферы» [19] указывает на культурные смыслы, созданные людьми: будь то значительные научные достижения, научные школы, издания, коллекции, музеи и проч. Важнейшим методологическим ориентиром являются и исследования Ю. М. Лотмана – в частности, концепция центра и периферии семиотических систем [20]. Гуманитарные пространства в каждом отдельном университете представляли свои стимулы, актуальные для данного региона темы и своих «гениев места». Так складывалась многоуровневая система особенных гуманитарных смыслов, присущих конкретному университету. Вместе с тем, имели место и общенациональные стимулы: гуманитарные пространства первых российских университетов были скреплены русским языком, этосом служения науке и социальными лифтами. Подобное центрирование гуманитарных пространств до известных пределов компенсировало патернализм и несвободы университетского управления в России.

История первых российских университетов традиционно рассматривалась в документоведческом аспекте, представляющем собой фактическую последовательность событий: академии и «протоуниверситеты», вышедшие из монастырей; домашние школы для высокопоставленных молодых людей; наконец, Академия наук в Санкт-Петербурге; открытие университетов в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Харькове и в других городах Российской империи [2; 13]. Такой подход, как правило, лишает возможности рассматривать средовые и градообразующие роли университета в ракурсе развития национальной культуры и типичное для России стремление накапливать научный и культурный слой, порожденный вузами.

Еще одна концепция, растиражированная в советское время, рассматривала университеты как основные очаги освободительной борьбы. «Вся история университетов в царской России рассматривалась как непрерывная конфронтация их с самодержавием и искусственно разделялась на досоветскую и советскую части, отрицали наличие общих университетских традиций, советский период изображали только в восторженных тонах», – отмечает автор обстоятельных очерков по истории Российских университетов А. И. Аврус [1].

При всей значимости подобные подходы уводят на периферию анализ проблемы цивилизационного, национально-культурного и регионального значения университетов. И это серьезный методологический пробел, поскольку именно в России университет был не только образовательно-научным учреждением, но и институтом, порождавшим поколения людей нового типа и новые формы социокультурной жизни. В Москве и Санкт-Петербурге, а тем более в провинциальных городах первые университеты становились не только очагами образования и науки, но и локомотивами развития данного региона и всей России. Чрезвычайно важный вывод формулируют авторы междисциплинарного исследования, посвященного Казанскому университету: «…наряду с бюрократической и военной лестницей в Российской империи была создана еще одна лестница социального происхождения – научная» [7].

Что же дает измерение хронотопа и темпов развития университетов в пространстве российской культуры? Темпы развития первых российских вузов, их влияние на русскую культуру в целом – уникальное явление, которое стало возможно благодаря синергии национального языка, кадров и опыта интернациональной науки для адаптации интернациональных институтов. Важную роль в развитии университетов также сыграли формы внутренней организации, закрепляющие специфические национальные культурные коды. Отметим, что близкий нам подход к исследованию этоса и миссии университета на основе его хронотопа, институтов развития и персонализации, разрабатывали в течение ряда лет культурологические школы в Екатеринбурге, Самаре, Саранске, Ярославле [10; 12; 20; 28; 30].

Актуальным сегодня, когда пересматриваются модели отечественной высшей школы, является трансдисциплинарный подход, формулирующий

миссию университетов, включающий исторические, политические, науковедческие и культурологические аспекты и изучение темпов развития. На этом фоне неслучайно обращение к опыту старейших университетов, сумевших в короткое историческое время завоевать международное признание и дать своей родине выдающуюся плеяду ученых.

Одним из определяющих сюжетов эпохи российских императорских университетов был фактор подготовки кадров для государственной службы как у себя на родине, так и за рубежом. Например, в 1696 г., в соответствии с одним из первых указов царя Петра I, 67 человек «стольников» были отправлены учиться разным наукам в европейские страны мореходству, математике, философии, медицине, иностранные языки, а по возвращении в Россию должны были сдать экзамен [21].

Организация обучения в выбранных странах Европы была самой подходящей формой и институтом, влиявшим на подготовку университетов России. Быстро и качественно организованное обучение российской высокопоставленной молодежи приближало европейские формы образования к России, провоцируя создание множества новых институтов, структур и личных связей. Налицо были процессы, называемые сегодня «интернационализацией» и «глобализацией» – процессы, приводящие «к всеобъемлющему, всемирному связыванию структур, институтов и культур» [4].

Первыми в ряду образовательных проектов Петровской реформы были проекты академий, университетов, школ, обсуждавшиеся в течение нескольких лет выдающимся деятелем Просвещения, немецким философом и ученым Готфридом Лейбницем с царем Петром Первым [11; 22; 29]. В дореволюционных источниках, а также в современных зарубежных и отечественных изданиях дается высокая оценка значимости этого уникального диалога, участники которого выстаивали сложные иерархии «наука – университет – развитие», «Россия – мост между Европой и Китаем». Важно, что первые российские университеты мыслились как участники цивилизационных концепций. Таким было передовое мышление эпохи Просвещения, заявленное и развивавшееся в переписке и беседах русского царя и немецкого энциклопедиста, которые стремились создать проект, системно вписывающий российские университеты и академии наук в управленческие и образовательные системы [16]. При этом российская система образования и управления наукой оказалась значительно более фундаментальной во внутренних связях между ее различными институтами, нежели ее европейские прототипы. Факт деятельного интереса Лейбница к России свидетельствует о снятии с России комплекса «чужой страны» на общеевропейском уровне: «Лейбниц, далеко от России живущий и, по сути дела, ничего о ней не знающий человек, тоже связывал будущее России с будущим всего рода человеческого. Он развивает идею культурной миссии России и всемирно-исторических задач, которые ей предстоит решить» [23].

В контексте проблемы, связанной со становлением российского университета как особого института национальной науки и культуры, нельзя не отметить, что Лейбницу выпала особая роль в формировании научных школ в России и в создании фундаментальных университетских программ, функционирующих и сегодня [3]. Среди научных проектов Лейбница есть самые разнообразные идеи исторического, языкового, физического, организационного направлений, изучая которые можно выявить определенную последовательность: система коллегий (в том числе, полицейской, образования), определяющая степени важности государственного управления; академия и университеты с максимально полным и фундаментальным образованием, готовящие кадры для коллегий и других государственных учреждений; осуществление академией наук физических исследований и экспериментов, в том числе, наблюдений за магнитным полем (впоследствии было реализовано при поддержке А. Гумбольдта); проведение академических географических экспедиций, в том числе, по определению границы между Азиатским и Американским материком (впоследствии экспедиция В. Беринга, посланная Петром I); создание системы школ для детей и подготовки учителей с учетом вышеуказанных научных проектов; придание учителю и профессору университета достойного социального статуса в системе коллегий. «Профессоров поставить наравне с высшими чиновниками в главных городах и при дворе, а учителей уравнять во всем с высшими чиновниками в провинции», - писал Лейбниц [16].

Системность проектов состояла в том, чтобы применить университетские науки к ремеслам, к мануфактурной деятельности и вообще к улучшению народного благосостояния. Проектные идеи Петра I и Лейбница впоследствии были реализованы в разных вариантах и оказались весьма долговременными. Российские университеты в XIX–

XX вв. создали цельный механизм: высокий социальный статус – фундаментальность обучения – экспериментальная работа – прямое участие в практиках. Дух высокой науки, преемственности поколений ученых и гуманитарных пространств внутри и во вне университета сохранялись в России как эталонные на протяжении столетий.

Завершая тему системности университетских проектов, предлагаемых в петровскую эпоху, обозначим вопросы, связанные со средой и гуманитарным пространством вуза, куда впоследствии будут «помещены» совершенные проекты университетов. В 1754 г. М. В. Ломоносов пишет: «Университет Санкт-Петербургский не имеет действия», а за два года до этого: «Извне почти одне развалины, внутрь нет ничего, что бы Академию и Университетом могло называться» [19]. Имеется множество других документов указывают на отсутствие системности и сопротивление социальной среды реализации данных проектов в первой половине XVIII в. В проектах будущих университетов значительную роль играли факторы царского престижа: во всех европейских государствах они уже были – значит, нужны и российской монархии, желавшей выглядеть просвещенной. Между тем, власть ни на начальном этапе, ни позднее не готова была передать университетам их неотъемлемые свободы. Так, существующее во всех европейских университетах свободное присуждение ученых степеней, обладающее до сих пор неповторимой магией, как формулирует П. Бурдье, с большими ограничениями вводилось в России [5]. В этом плане многозначным и ироничным кажется название статьи П. Ю. Уварова «Российская гастроль университетской идеи» [27]: гастроль как единичный показ, случайная демонстрация, не имеющая корней и соответствующей среды. Впрочем, на эту тему еще высказывался В. О. Ключевский, отмечая: «Перед старой романо-германской Европой <…> предстала новая русская Европа <…> с большим количеством рекрутов и вывозного сырья, но без прочих культурных запасов» [15].

Таким образом, поиски моделей российского университета, с которых, по сути, и началось развитие отечественной высшей школы, показали, что в одночасье перенести эту концепцию в среду, которая еще не сформировалась, оказалось сложным и почти неразрешимым делом. Реализация этих идей была долгой, и если другие институциональные проекты Петра I воплощались в течение нескольких десятилетий, то становление Академии наук в Санкт-Петербурге стагнировало, а Московскому университету потребовалось не менее полувека, чтобы завоевать свое место в городе.

Так можно ли измерять вклад социокультурных стимулов и духа университета в становление национальной культуры? Ответом может быть указание на то, что уже 250 лет выпускники приводят новые и новые аргументы в пользу уникального и действенного влияния Московского университета и позднее открытых университетов на всю национальную культуру. В 2005 г. в докладе ректора МГУ им. М. В. Ломоносова В. А. Садовничего, посвященном 250-летию Московского университета, прозвучала мысль, суммировавшая разные научные и общественные векторы: «Создание Московского университета явилось результатом совместных действий трех исторических сил: зарождающейся российской науки, просветительских взглядов и устремлений российского общества и государственной власти» [26].

Очевидно отличие российских университетов от первых европейских вузов, являющихся корпорациями и заимствовавшими организационное устройство у других городских организаций. Как физическое пространство города было плотно застроено домами городских ремесленников, выраставшими вокруг собора, дворца и рынка, так и гуманитарное пространство европейских городов было наполнено ценностями и смыслами, которые отличались от сельских отношений или придворных привычек. Полифония городских пространств [24] предполагала не просто жителей, а горожан с особыми ценностями и предпочтениями, ценившими профессора или студента как производителей особенного «продукта» – знаний.

Российские императорские университеты родились в другой социокультурной ситуации, имели иной этос и миссию. Принятые в западных университетах свободы – от выбора ректора и других должностных лиц до отстаивания собственной точки зрения на диспутах – не прижились в России. Министерства и другие административные структуры патерналистски регламентировали повседневную жизнь российских профессоров и студентов. Кроме того, карьера каждого могла серьезно измениться под влиянием высокопоставленных персон. Патернализм предопределял взлеты и падения любого профессора или студента.

Университет проектировал будущее выпускников на родном языке, расширял сословные границы, сформировав на этой основе высокие пред-

ставления о роли отечественной науки и культуры. В тоже время все университетские подразделения строго контролировались сверху, что значительно отличало российские университеты от западных институтов. Известно, например, что отбор студентов в университеты, в зависимости от времени и места, имел сословные, национальные и гендерные ограничения. И, тем не менее, университет оказывался более открытым, по сравнению с другими институтами дореволюционной России. В этом и состояла его национально-цивилизационная миссия.

Университет изначально являлся «социальным лифтом», давая возможность выпускнику стремительно строить карьеру. В этом состоял и важнейший механизм роста самих университетов, основывавшийся на перспективе для представителей всех сословий. Открытость российских университетов низшим социально-имущественным группам давала колоссальные стимулы развития. Так, к концу XIX в. Россия уже имела оригинальные научные разработки, конкурировавшие с зарубежными открытиями во многих отраслях науки, в том числе, в химии, физике, медицине. В этот период появляются фундаментальные открытия и практические проекты для здравоохранения и индустрии, созданные университетскими профессорами: В. М. Бехтеревым, Д. И. Менделеевым, И. И. Мечниковым, И. И. Сеченовым и др. Отметим, что названные процессы недостаточно изучались именно в гуманитарном аспекте, имеющем высокую практическую значимость для современности.

Культурные коды, регулировавшие университетские профессии в XIX в., известны под общим определением «российская интеллигенция». Свободная деятельность университетской профессуры, несомненно, совершала накопление знания и двигала его в более широкие круги горожан. Просветительская деятельность дореволюционной профессуры практически не регламентировалась: общедоступные лекции в библиотеках или музеях, научных кружках или университетских научных обществах никто не контролировал. Университетские профессора были просветителями, которые читали бесконечное количество общедоступных лекций; руководили городскими научными обществами, издавали не только научные труды, но также выступали в роли публицистов, ездили в экспедиции, поддерживали театры, открывали музеи, руководили музыкальными коллективами города и т. д. Коллекционирование, музеефикация и демонстрация своих собраний широкой публике также являлось свободной формой деятельности. К примеру, ректор Московского университета и выдающийся ученый-историк С. М. Соловьев создал Исторический музей, а профессор И. В. Цветаев был инициатором музея Изящных искусств им. А. С. Пушкина. Естественнонаучные и гуманитарные коллекции кафедр были открыты для горожан. Привлечение широкой аудитории в университет, свободное участие публики в разнообразных акциях профессуры, безусловно, формировало новые институты, с одной стороны, и город – с другой.

Чрезвычайно важна и градообразующая функция российских университетов. «Здесь, в центре Москвы, располагалось самое чувствилище культуры. Пожалуй, только в Московском университете был в такой мере сконцентрирован умственный потенциал нации… Он был сообществом людей, для которых смысл жизни, поиск истины, постижение общих законов мироздания не были пустым звуком, а становились частью их нравственного существа», – пишет профессор И. Л. Волгин [9].

Особое значение имело открытие университетов в провинциальных городах. Казанский университет был построен по повелению Екатерины Великой во вновь завоеванном и многонациональном регионе в 1804 г. [25]. Так, Казанский университет сыграл огромную роль в консолидации культур и интеграции местного населения в русскую культуру и науку. Здесь плодотворно трудились многие поколения специалистов по национальному татарскому языку и культуре. «Случай Казанского университета» был большой просветительской победой Российской империи, нельзя не заключить, что университет стал институтом, завоевавшим и сохранившим границы империи, помирив врагов и превратив в своих «чужие» регионы России [14].

Собирая под одной крышей людей разных сословий, университеты становились первыми учреждениями, которые кардинально меняли сословные и должностные барьеры в обществе. Именно здесь актуализировались новые тенденции, спонтанно возникавшие в общественной и культурной сферах российской жизни, организовывались кружки и научные общества. Идеи об общественной пользе образования, публичное признание ценности абстрактного знания, лекция, кружок и научное общество, публичная диспутация как форма научного суждения, диалогичность самих научных трудов – все эти составляющие университетской культуры были «ноу-хау» своего

времени, входя в общественную практику благодаря первым университетам.

Таким образом, гомосфера первых российских университетов поражает своей стремительностью, а гуманитарные пространства – разнообразием и влиятельностью. Родившись позднее старейших университетов Европы, императорские вузы России вышли на мировую арену в конце XIX столетия, выдвинув на мировую арену немало первоклассных ученых. Личная ответственность и свобода профессуры сыграла стимулирующую роль в названных процессах. Ангажированность профессорской интеллигенции базировалась на ее высоком социальном статусе, полученном не благодаря, а вопреки сословному разделению, на личных свободах ученых в просветительских проектах и реформах.

Патерналистская атмосфера российских университетов не могла регламентировать научную деятельность и просветительство – наука и просветительство были каналами, естественно дополнявшие свободное развитие университета. Природа университетских достижений и стремительной модернизации была системной: социальные преимущества и лифты университетов; научные школы и атмосфера университета как механизмы ускоренного развития; доступная интернационализация и возможность в стенах родного университета участвовать в уникальных научных и просветительских проектах. Успехи первых российских университетов были бы немыслимы без учета этических и социокультурных стимулов, что весьма актуально для современных дискуссий о реформах российских университетов, о путях их качественного и количественного развития.

Библиографический список

1. Аврус, А. И. История российских университетов: Очерки [Текст] / А. И. Аврус. – М. : Московский общественный научный фонд, 2001. – 85 с.

2. Андреев, А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы [Текст] / А. Ю. Андреев. – М. : Знак, 2009. – 45 с.

3. Анри, В. А. Роль Лейбница в создании научных школ в России [Текст] / В. А. Анри // Успехи физических наук. – 1999. – Т. 169. – № 12. – С. 1329–1331.

4. Арчер, М. Реализм и морфогенез [Текст] / М. Арчер // Теория общества. – М. : Кучково поле, 1999. – С. 63–78.

5. Бурдье, П. Запись лекции, прочитанной 23 сентября 1993 года в Геттингене [Текст] / П. Бурдье // Социология социального пространства. – Москва, 2005. – 288 с.

6. Бурлина, Е., Наумова, О. Гуманитарные пространства университета: цивилизационные, национальные и региональные аспекты: монография [Текст] / Е. Я. Бурина, О. С. Наумова. – Самара : Изд-во СамНЦ РАН, 2017. – 210 с.

7. Вишленкова, Е. А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани [Текст] / Е. А. Вишленкова. – Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. – 500 с.

8. Владимир Вернадский: Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков [Текст] / сост. Г. П. Аксёнов. – М. : Современник, 1993. – 688 с.

9. Волгин, И. Л. Предисловие к книге «Московский университет в судьбе русских писателей и журналистов. Статьи. Письма. Речи. Дневники. Воспоминания» [Текст] / И. Л. Волгин. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 2004. – 61 с.

10. Воронина, Н. И. Лики провинциальной культуры [Текст] / Н. И. Воронина. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2006. – 232 с.

11. Герье, В. Лейбниц и его век [Текст] / В. Герье. – СПб. : Печатня В. Головина, 1868–1871. – Т. 1–2. – 621 с.

12. Закс, Л. А. Город как машина культуры: прошлое и современность [Текст] / Л. А. Закс // Современный город: социальность, культуры, жизнь людей. – Екатеринбург : Филантроп, 2014. – С. 17–37.

13. Захаров, И. В. Миссия университетов в европейской культуре [Текст] / И. В. Захаров, Е. С. Ляхович. – М. : Новое тысячелетие, 1998. – 240 с.

14. Казанский университет, 1804–1979: Очерки истории [Текст]. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1979. – 304 с.

15. Ключевский, В. О. Курс русской истории. Лекция LXIX [Электронный ресурс] / В. О. Ключевский. – Режим доступа: http://statehistory.ru/books/Vasiliy-Klyuchevskiy_Kurs-russkoy-istorii.

16. Куренной, В. Лейбниц и Петровские реформы [Текст] / В. Куренной // Отечественные записки. – 2004. – № 6. – С. 94–100.

17. Лихачев, Д. С. Гомосфера – термин наших дней [Текст] / Д. С. Лихачев // Огонек. – 1984. – № 36. – С. 17–19.

18. Лотман, Ю. М. Семиосфера [Текст] / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.

19. Марголис, Ю. Д. Отечеству на пользу, а россиянам во славу. Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII–XIX в. [Текст] / Ю. Д. Марголис, Г. А. Тишкин. – Ленинград : Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1988. – 232 с.

20. Особенности массовой культуры российской провинции [Текст] / Т. С. Злотникова [и др.] // Социсследования. – 2016. – № 5. – С. 110–114.

21. Павленко, Н. И. Петр I [Текст] / Н. И. Павленко. – М. : Молодая гвардия, 2010. – 432 с.

22. Петрушенко, Л. А. Лейбниц. Его жизнь и судьба [Текст] / Л. А. Петрушенко. – М. : Экономическая газета, 1999. – 600 с.

23. Петрушенко, Л. А. Раздвоенный, или Поучительная, но увы, невесёлая история о явной и сокровенной жизни и философии Готфрида Вильгельма фон Лейбница [Текст] / Л. А. Петрушенко. – М. : Знание, 1977. – 351 с.

24. Подшивалова, Е. А. Университеты Лотмана [Электронный ресурс] / Е. А. Подшивалова. – Режим доступа: http://unipress.udsu.ru.

25. Ридингс, Б. Университет в руинах [Текст] / Б. Ридингс / под общ. ред. М. А. Гусаковского. – Минск : Изд-во Белорус. гос. ун-та, 2009. – 248 с.

26. Садовничий, В. А. История Московского университета – история образования и науки в России [Электронный ресурс] : доклад ректора МГУ им. М.В. Ломоносова, акад. В.А. Садовничего на Междунар. науч. конф. «250 лет МГУ им. М.В. Ломоносова» / В. А. Садовничий. – 2005. – 24 янв. – Режим доступа: http://www.luchmir.com/History/MoscowUniversitySadovnichii.htm.

27. Уваров, П. Ю. Российская гастроль университетской идеи [Текст] / П. Ю. Уваров // Вопросы философии. – 1998. – № 11. – С. 74–82.

28. Хронотопия города [Текст] : монография / Е. Я. Бурлина [и др.]. – Самара : Книж. изд-во, 2016. – 240 с.

29. Цыганков, Д. А. В. И. Герье и Московский университет его эпохи [Текст] / Д. А. Цыганков. – М. : Изд-во Православ. Свято-Тихоновского гуманитар. ун-та, 2008. – 256 с.

30. Человек. Хронотоп. Культура [Текст] : учеб. пособие (гриф НМС по культурологии). – Ярославль : Изд-во Ярослав. гос. пед. ун-та, 2011. – 331 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Avrus, A. I. Istorija rossijskih universitetov: Ocherki [Tekst] / A. I. Avrus. – M. : Moskovskij obshhestvennyj nauchnyj fond, 2001. – 85 s.

2. Andreev, A. Ju. Rossijskie universitety XVIII – pervoj poloviny XIX veka v kontekste universitetskoj istorii Evropy [Tekst] / A. Ju. Andreev. – M. : Znak, 2009. – 45 s.

3. Anri, V. A. Rol' Lejbnica v sozdanii nauchnyh shkol v Rossii [Tekst] / V. A. Anri // Uspehi fizicheskih nauk. – 1999. – T. 169. – № 12. – S. 1329–1331.

4. Archer, M. Realizm i morfogenez [Tekst] / M. Archer // Teorija obshhestva. – M. : Kuchkovo pole, 1999. – S. 63–78.

5. Burd'e, P. Zapis' lekcii, prochitannoj 23 sentjabrja 1993 goda v Gettingene [Tekst] / P. Burd'e // Sociologija social'nogo prostranstva. – Moskva, 2005. – 288 s.

6. Burlina, E., Naumova, O. Gumanitarnye prostranstva universiteta: civilizacionnye, nacional'nye i regional'nye aspekty: monografija [Tekst] / E. Ja. Burina, O. S. Naumova. – Samara : Izd-vo SamNC RAN, 2017. – 210 s.

7. Vishlenkova, E. A. Terra Universitatis: Dva veka universitetskoj kul'tury v Kazani [Tekst] / E. A. Vishlenkova. – Kazan' : Izd-vo Kazan. gos. un-ta im. V. I. Ul'janova-Lenina, 2005. – 500 s.

8. Vladimir Vernadskij: Zhizneopisanie. Izbrannye trudy. Vospominanija sovremennikov. Suzhdenija potomkov [Tekst] / sost. G. P. Aksjonov. – M. : Sovremennik, 1993. – 688 s.

9. Volgin, I. L. Predislovie k knige «Moskovskij universitet v sud'be russkih pisatelej i zhurnalistov. Stat'i. Pis'ma. Rechi. Dnevniki. Vospominanija» [Tekst] / I. L. Volgin. – M. : Izd-vo Mosk. gos. un-ta im. M. V. Lomonosova, 2004. – 61 s.

10. Voronina, N. I. Liki provincial'noj kul'tury [Tekst] / N. I. Voronina. – Saransk : Izd-vo Mordov. un-ta, 2006. – 232 s.

11. Ger'e, V. Lejbnic i ego vek [Tekst] / V. Ger'e. – SPb. : Pechatnja V. Golovina, 1868–1871. – T. 1–2. – 621 s.

12. Zaks, L. A. Gorod kak mashina kul'tury: proshloe i sovremennost' [Tekst] / L. A. Zaks // Sovremennyj gorod: social'nost', kul'tury, zhizn' ljudej. – Ekaterinburg : Filantrop, 2014. – S. 17–37.

13. Zaharov, I. V. Missija universitetov v evropejskoj kul'ture [Tekst] / I. V. Zaharov, E. S. Ljahovich. – M. : Novoe tysjacheletie, 1998. – 240 s.

14. Kazanskij universitet, 1804–1979: Ocherki istorii [Tekst]. – Kazan' : Izd-vo Kazan. un-ta, 1979. – 304 s.

15. Kljuchevskij, V. O. Kurs russkoj istorii. Lekcija LXIX [Jelektronnyj resurs] / V. O. Kljuchevskij. – Rezhim dostupa: http://statehistory.ru/books/Vasiliy-Klyuchevskiy_Kurs-russkoy-istorii.

16. Kurennoj, V. Lejbnic i Petrovskie reformy [Tekst] / V. Kurennoj // Otechestvennye zapiski. – 2004. – № 6. – S. 94–100.

17. Lihachev, D. S. Gomosfera – termin nashih dnej [Tekst] / D. S. Lihachev // Ogonek. – 1984. – № 36. – S. 17–19.

18. Lotman, Ju. M. Semiosfera [Tekst] / Ju. M. Lotman. – SPb. : Iskusstvo-SPB, 2000. – 704 s.

19. Margolis, Ju. D. Otechestvu na pol'zu, a rossijanam vo slavu. Iz istorii universitetskogo obrazovanija v Peterburge v HVIII–HIH v. [Tekst] / Ju. D. Margolis, G. A. Tishkin. – Leningrad : Izd-vo Leningrad. gos. un-ta, 1988. – 232 s.

20. Osobennosti massovoj kul'tury rossijskoj provincii [Tekst] / T. S. Zlotnikova [i dr.] // Socissledovanija. – 2016. – № 5. – S. 110–114.

21. Pavlenko, N. I. Petr I [Tekst] / N. I. Pavlenko. – M. : Molodaja gvardija, 2010. – 432 s.

22. Petrushenko, L. A. Lejbnic. Ego zhizn' i sud'ba [Tekst] / L. A. Petrushenko. – M. : Jekonomicheskaja gazeta, 1999. – 600 s.

23. Petrushenko, L. A. Razdvoennyj, ili Pouchitel'naja, no uvy, nevesjolaja istorija o javnoj i sokrovennoj zhizni i filosofii Gotfrida Vil'gel'ma fon Lejbnica [Tekst] /

L. A. Petrushenko. – M. : Znanie, 1977. – 351 s.

24. Podshivalova, E. A. Universitety Lotmana [Jelektronnyj resurs] / E. A. Podshivalova. – Rezhim dostupa: http://unipress.udsu.ru.

25. Ridings, B. Universitet v ruinah [Tekst] / B. Ridings / pod obshh. red. M. A. Gusakovskogo. – Minsk : Izd-vo Belorus. gos. un-ta, 2009. – 248 s.

26. Sadovnichij, V. A. Istorija Moskovskogo universiteta – istorija obrazovanija i nauki v Rossii [Jelektronnyj resurs] : doklad rektora MGU im. M. V. Lomonosova, akad. V. A. Sadovnichego na Mezhdunar. nauch. konf. «250 let MGU im. M. V. Lomonosova» / V. A. Sadovnichij. – 2005. – 24 janv. – Rezhim dostupa: http://www.luchmir.com/History/MoscowUniversitySadovnichii.htm.

27. Uvarov, P. Ju. Rossijskaja gastrol' universitetskoj idei [Tekst] / P. Ju. Uvarov // Voprosy filosofii. – 1998. – № 11. – S. 74–82.

28. Hronotopija goroda [Tekst] : monografija / E. Ja. Burlina [i dr.]. – Samara : Knizh. izd-vo, 2016. – 240 s.

29. Cygankov, D. A. V. I. Ger'e i Moskovskij universitet ego jepohi [Tekst] / D. A. Cygankov. – M. : Izd-vo Pravoslav. Svjato-Tihonovskogo gumanitar. un-ta, 2008. – 256 s.

30. Chelovek. Hronotop. Kul'tura [Tekst] : ucheb. posobie (grif NMS po kul'turologii). – Jaroslavl' : Izd-vo Jaroslav. gos. ped. un-ta, 2011. – 331 s.

Reference List

1. Avrus A. I. History of the Russian universities: Essays / A. I. Avrus. – M. : Moskovsky obshchestvenny nauchny fond, 2001. – 85 pages.

2. Andreev A. Yu. The Russian universities of the XVIII – the first half of the 19th century in the context of university history of Europe / A.Yu. Andreev. – M.: Znak, 2009. – 45 pages.

3. Anri W. A. Role of Lejbniz in creation of schools of sciences in Russia / VA. Anri // Achievements of physical sciences. – 1999. – V. 169. – No. 12. – Page 1329–1331.

4. Archer M. Realizm and morphogenesis / M. Archer // Theory of society. – M. : Kuchkovo Pole, 1999. – Page 63–78.

5. Bourdieu P. Record of the lecture given on September 23, 1993 in Goettingen / P. Bourdieu // Sociology of social space. – Moscow, 2005. – 288 pages.

6. Burlina E., Naumova O. Humanitarian spaces of the university: civilization, national and regional aspects: monograph / E.Ya. Burina, O. S. Naumova. – Samara : SAMNTS RAN Publishing House, 2017. – 210 pages.

7. Vishlenkova E. A. Terra Universitatis: Two centuries of university culture in Kazan / E. A. Vishlenkova. – Kazan : Kazan State University named after V. I. Ulyanov-Lenin Publishing House, 2005. – 500 pages.

8. Vladimir Vernadsky: Biography. Chosen works. Memoirs of contemporaries. Judgments of descendants / author G. P. Aksyonov. – M.: Sovremennik, 1993. – 688 pages.

9. Volgin I. L. The forward to the book «Moscow university in the fate of the Russian writers and journalists. Articles. Letters. Speeches. Diaries. Memoirs» / I. L. Volgin. – M. : Lomonosov Moscow State University Publishing House, 2004. – 61 pages.

10. Voronina N. I. Faces of provincial culture / N. I. Voronina. – Saransk : Mordovia University Publishing House, 2006. – 232 pages.

11. Guerrier W. Leibniz and his century / V. Guerrier. – SPb.: Pechatnya V. Golovina, 1868–1871. – V. 1–2. – 621 pages.

12. Zaks L. A. City as culture car: past and present / L. A. Zaks // Modern city: sociality, cultures, life of people. – Ekaterinburg: Philanthrop, 2014. – Page 17–37.

13. Zakharov I. V. Mission of the universities in the European culture / I. V. Zakharov, E. S. Lyakhovich. – M. : Novoe tysyachiletie, 1998. – 240 pages.

14. Kazan university, 1804–1979: Essays of history. – Kazan : Kazan University Publishing House, 1979. – 304 pages.

15. Klyuchevsky V. O. Course of the Russian history. Lecture LXIX [An electronic resource] / V. O. Klyuchevsky. – Access mode: http://statehistory.ru/books/Vasiliy-Klyuchevskiy_Kurs-russkoy-istorii.

16. Kurennoy V. Leibniz and Petr's reforms V. Kurenna // Otechestvennye zapiski. – 2004. – No. 6. – Page 94–100.

17. Likhachev D. S. Homosphere – the term of our days / D. S. Likhachev // Ogoniok. – 1984. – No. 36. – Page 17–19.

18. Lotman Yu. M. Semiosphere / Yu.M. Lotman. – SPb. : Iskusstvo SPB, 2000. – 704 pages.

19. Margolis Yu. D. Motherland on advantage, and to Russians in glory. From history of university education in St. Petersburg in the 18–19th century / Yu. D. Margolis, G. A. Tishkin. – Leningrad : Leningrad State University Publishing House, 1988. – 232 pages.

20. Features of popular culture of the Russian province / T. S. Zlotnikova [etc.] // Sociological researches. – 2016. – No. 5. – Page 110–114.

21. Pavlenko N. I. Peter I / N. I. Pavlenko. – M. : Molodaya Gvardiya, 2010. – 432 pages.

22. Petrushenko L. A. Leibniz. His life and destiny / L. A. Petrushenko. – M.: Ekonomicheskaya gazeta, 1999. – 600 pages.

23. Petrushenko L. A. Divided, or Instructive, but alas, gloomy story about obvious and intimate life and Gottfried Wilhelm von Leibniz' philosophy / L. A. Petrushenko. – M. : Znanie, 1977. – 351 pages.

24. Podshivalova E. A. Lotman's universities [An electronic resource] / E. A. Podshivalova. – Access mode: http://unipress.udsu.ru.

25. Riddings B. University in ruins / B. Riddings / under a general editorship M. A. Gusakovsky. – Minsk : Belarusian State University Publishing House, 2009. – 248 pages.

26. Sadovnichiy V. A. History of Moscow university – history of science and education in Russia [An electronic resource]: the report of the Rector of Lomonosov Moscow State University, academician V. A. Sadovnichiy on International scientific conference «250 years of Lomonosov Moscow State University» / V. A. Sadovnichiy. – 2005. – 24 January. – Access mode: http://www.luchmir.com/History/MoscowUniversitySadovnichii.htm.

27. Uvarov P. Yu. Russian tour of the university idea / P. Yu. Uvarov // Philosophy Questions. – 1998. – No. 11. – Page 74–82.

28. Chronotopia of the city : monograph / E.Ya. Burlina [etc.]. – Samara: Knizhnoe Izdatelstvo, 2016. – 240 pages.

29. Tsygankov D. A. V. I. Guerrier and Moscow university of his era / D. A. Tsygankov. – M. : Orthodox Sacred and Tychonov Humanitarian University Publishing House, 2008. – 256 pages.

30. Person. Chronotope. Culture : manual (NMS signature stamp on culturology). – Yaroslavl : Yaroslavl State Pedagogical University Publishing House, 2011. – 331 pages.

Дата поступления статьи в редакцию: 28.04.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10056
УДК 008

Т. В. Юрьева
https://orcid.org/0000-0002-1874-5487

Иконостасы Русского Зарубежья: Д. С. Стеллецкий

В статье делается обобщающий анализ творчества одного из выдающихся художников русской эмиграции Д. С. Стеллецкого в области церковного искусства, представлен ряд иконостасов, выполненных художником в течение всего эмигрантского периода его художественной деятельности. Все они составляют важный этап в развитии православного искусства русской эмиграции. Автором сделан подробный анализ данных памятников. Представленные в данной статье иконостасы, так же как и другие произведения Д. С. Стеллецкого: фрески, иконы, – соединяют в себе как черты индивидуальности художника, его авторский почерк, так и правила канонического искусства, как его понимали в русской эмиграции те, кто воссоздавал там церковное искусство. Автор делает вывод, что произведения Д. С. Стеллецкого относятся к ярким страницам жизни Русского Зарубежья, но стоят несколько особняком, не порождая традицию в том смысле, в каком мы понимаем ее по отношению к древнерусскому религиозному искусству. Тем не менее, его творчество, так же как и его деятельность по созданию общества «Икона» в Париже, повлияли на следующие поколения иконописцев русской эмиграции.

Ключевые слова: православный иконостас, церковное искусство, Русское Зарубежье, общество «Икона» в Париже, Д. С. Стеллецкий.

T. V. Yurieva

Iconostases of the Russian Abroad: D. S. Stelletsky

In the article is made a generalizing analysis of creativity of one of outstanding artists of the Russian emigration D. S. Stelletsky in the field of church art, a number of iconostases is presented, made by the artist during the whole emigrant period of his art activity. All of them make an important stage in development of Orthodox art of the Russian emigration. The author of the article made a detailed analysis of these monuments. The iconostases presented in this article, also as well as other works by D. S. Stelletsky, his fresco, icon, combine as well as lines of the artist's identity, his author's handwriting, and rules of initial art, as it was understood by those in the Russian emigration who recreated church art there. The author draws a conclusion that works by D. S. Stelletsky belong to bright pages of life of the Russian Abroad, but stand apart, not generating a tradition in that sense in what we understand it in relation to the Old Russian religious art. Nevertheless, his creativity, also as well as his activities in creating the society «Ikona» in Paris affected the following generations of icon painters of the Russian emigration.

Keywords: an Orthodox iconostasis, church art, the Russian Abroad, society «Ikona» in Paris, D. S. Stelletsky.

Дмитрий Семенович Стеллецкий – имя для культуры русской эмиграции знаковое. С его деятельности начинается история православного иконописания в русском Зарубежье, с его именем связывают возрождение русской иконописи в эмиграции в начале XX в. Ему принадлежит исполнение первого иконостаса и росписей в церкви Сергия Радонежского Сергиева подворья в Париже.

Несмотря на безусловную известность художника за рубежом, в среде русской эмиграции, на его родине его имя открывается лишь сейчас. Революционные катаклизмы начала XX в. не прошли бесследно для судьбы Д. С. Стеллецкого. Творчество Д. С. Стеллецкого пока еще мало изучено, сами произведения художника рассеяны по друзьям и коллекционерам. Ряд его работ находится в России, но лишь некоторые из них опубликованы, а большинство ни разу не было представлено зрителю.

Первая публикация, связанная с его творчеством, появилась в России уже в 1911 г., это была статья А. Бенуа в журнале «Аполлон». [1] Через несколько лет о Стеллецком писал в третьем томе книги «Страницы художественной критики» С. К. Маковский [9, с. 138]. Между тем в советской России имя художника долгое время оставалось практически неизвестно. Можно лишь назвать ряд редких упоминаний в западной эмигрантской литературе. В 1930 г. О Стеллецком написал Г. К. Лукомский [25]. Продолжал писать о художнике Маковский [10]. Имя художника, а также иллюстрацию с изображением сергиевского иконостаса можно найти в исследовании Н. Лебрек-Первухиной. [24, p. 233, 286]. Ряд отдельных икон Стеллецкого демонстрировался на выставках

© Юрьева Т. В., 2018

общества «Икона» в Париже, что отражено в выпущенных к этим выставкам каталогам [21, p. 11,17; 22, p. 24, 32; 23, p. 89].

В последние годы имя художника наконец стало появляться в российских публикациях. Несколько материалов о Д. С. Стеллецком опубликовано в 2002 г. в книге Г. И. Вздорнова, З. Е. Залесской, О. В. Лелековой «Общество „Икона“ в Париже» [4], в 2004 г. была опубликована статья А. Войскун о некоторых атрибуциях произведений художника из израильской коллекции Цетлиных [5], в сентябре этого же года, в девятом выпуске журнала «Хоругвь» вышла статья К. П. Семенова-Тян-Шанского, посвященная творчеству Д. С. Стеллецкого [15]. Иконостасам русской эмиграции, в том числе и иконостасам Д. С. Стеллецкого посвящен раздел в диссертации [17, 18] и глава в монографии [19] автора данной статьи.

Главная заслуга Д. С. Стеллецкого – создание росписей и иконостаса в храме Сергиева подворья в Париже. Но не только. Ряд иконостасов, выполненных художником в течение всего эмигрантского периода его творчества, составляют важный этап в развитии православного искусства русской эмиграции.

Творчество Д. С. Стеллецкого несло в себе все те тенденции, связанные с возрождением русского религиозного искусства, которые уже достаточно отчетливо сформировались в русской культуре рубежа веков. Его работы положили начало так называемой «парижской школе» иконописи. Его творчество определило многие специфические черты церковного искусства XX в., поскольку, в первой половине века, оно оказалось исключительно эмигрантским. О какой-то серьезной иконописной традиции в советской России в этот период говорить просто не приходится. Особенно это касается создания новых иконостасов, которое связано с существованием какого-либо архитектурного пространства (нового или уже существовавшего ранее), где находится храм и идет служба.

В условиях русской эмиграции было мало материальных средств, но достаточно духовной потребности и желания, чтобы открывать новые храмы, писать новые иконы, создавать иконостасы. В частности, В. Н. Сергеев в одной из своих статей пишет, что только во Франции было освящено около 75 русских православных храмов, из которых свыше сорока в Париже и его окрестностях [16, с. 227].

Д. С. Стеллецкий был профессиональным художником и принадлежал к тому поколению эмиграции, которое еще в дореволюционной России успело связать свою жизнь с русской художественной культурой. До 1914 г., когда художник уехал в Европу, он работал в Петербурге, выставлял свои живописные работы вместе с «Миром искусства». В 1903–1904 гг. Стеллецкий работал в Талашкине у М. К. Тенишевой. Здесь он создавал скульптурные произведения, расписывал балалайки, участвовал в росписи декораций для оперы по сказке А. С. Пушкина «Сказка о спящей царевне и семи богатырях», либретто к которой написала М. К. Тенишева, работал в технике гуаши и акварели. Здесь он создал «Соколиную охоту».

В 1908–1910 гг. он создал сценические декорации и костюмы к постановкам «Борис Годунов», «Иоанн Грозный» для русских сезонов Дягилева, «Жар-птица» Стравинского и «Царь Федор Иоаннович» А.К. Толстого для Александринского театра, работал над декорациями к «Снегурочке» для Мариинского театра. В Государственной Третьяковской галерее хранится графическая серия «Слово о полку Игореве», которая все еще ждет своего исследователя [8, с. 544–546]. Его работы этого периода свидетельствуют о переживании художником сильного увлечения национально-романтической темой столь актуального тогда модерна. Под влиянием идей «Мира искусства», связанных с романтическим воспеванием прошлого, Д. С. Стеллецкий создал «узорчатый мир грез и фантазий», наполненный былинными и сказочными героями.

Позже А. Бенуа писал о Стеллецком: «Коненков сооружает дикие идолы, Рерих мечтает о недосягаемых глубинах прошлого, а Стеллецкий – нам, европейцам, западникам и «парижанам» – читает древние церковные причеты и хочет заставить наши гостиные иконами, накадить в них ладаном, навести на нас дурман какого-то не то религиозного, не то колдовского цепенения. Не знаешь, как вырваться из этих чар, как вырваться на свежий воздух; не знаешь, опять-таки потому, что цепенение это сладко, сладки причитания Стеллецкого» [2, с. 8]. В этот период его искусство во многом было еще стилизацией, внешним копированием художественных форм древнерусского искусства, но внутри его зрела мечта художника о создании нового искусства на основе возрождения художественных принципов древней Руси. Возникает это далеко не сразу, поскольку русское общество того времени практически не видело под почерневшей олифой того по-настоящему древнего русского искусства, которое известно нам сейчас. Открытие иконы только начиналось. Бенуа, писавший о декоративности Стеллецкого, именно это качество связывал с сущностью древнерусского искусства, заявляя, что «преимущественный смысл традиционной Церкви – та же ее декоративность, то есть литургические чары <…> пле-

тения каких-то форм с выдохшимся смыслом» [2, с. 8]. Эти слова – свидетельство того, как мироискусники были еще далеки от понимания того, что было сущностью русской иконы. Может быть, у Стеллецкого это понимание стало появляться раньше, чем у многих других. Художник совершал экспедиции на Север, в русскую глубинку, где с карандашом и красками в руках изучал памятники русской старины. Это экспедиции Д. С. Стеллецкого совместно с Б. М. Кустодиевым по Костромской губернии в 1900 г. и по Северу России и Новгородской губернии в 1903 г.

В конечном итоге, увлечение древним церковным искусством выросло в практическую художественную деятельность. Не случайно при создании самого масштабного иконостаса русской эмиграции выбор пал на Д. С. Стеллецкого. Еще, будучи в России, художник успел создать несколько серьезных работ в сфере церковного искусства. В частности, в 1911–1913 гг. совместно с В. А. Комаровским Д. С. Стеллецкий создал иконостас для церкви при имении графа Медема под городом Хвалынском Саратовской губернии, а также, в 1913–1914 гг. – росписи храма-памятника на Куликовом поле [12].

Деятельность Д. С. Стеллецкого по строительству иконостасов продолжалась и в эмиграции. Как указывает В. Зеелер, во время первой мировой войны, будучи в это время уже во Франции, Д. С. Стеллецкий расписал несколько походных церквей для русского экспедиционного корпуса, посланного в помощь Франции и воевавшего на ее территориях с немцами в 1916–1918 гг. Судьба этих церквей, где главную часть составляли именно эти иконостасы, неизвестна [6].

Несмотря на все сложности судеб многих произведений искусства в столь тяжелое время, чудом сохранился иконостас, написанный Д. С. Стеллецким для поместья своих родителей вблизи Беловежской Пущи. Позже, как указывает К. П. Семенов-Тян-Шанский [15, с. 33], художник передал этот иконостас русскому экспедиционному корпусу. После окончания военных действий иконостас оказался в корабельной церкви транспорта «Цесаревич Георгий», принадлежавшего Русскому обществу пароходства и транспорта (РОПИТ), ушедшему из России вместе с Черноморской эскадрой в 1923 г. Когда в 1927 г. транспортный корабль был растакелажен в Марсельском порту, митрополит Евлогий, глава РПЦЗ, попросил Николая Дмитриевича Семенова-Тян-Шанского принять иконостас на хранение. Позже Николай Дмитриевич познакомился и со Стеллецким, который еще раз в 1939–1940 гг. полностью обновил живопись иконостаса. Сейчас этот иконостас принадлежит собранию Семеновых-Тян-Шанских и находится в церкви Петра и Павла в местечке Шатне под Парижем.

По этой работе уже можно судить о сложившейся манере художника, который сочетает в себе умелого декоратора и иконописца. Трудно упрекнуть мастера в каких-либо погрешностях против канона, тем не менее, перед нами предстает законченное целостное авторское произведение, где все его элементы продуманы не только с точки зрения его богословской программы, но и с точки зрения художественно-декоративной. Это и общий для всего иконостаса колорит, выраженный в теплых тонах, где ясность и звучность цвета может вполне заменить сияние золота и драгоценных камней, принятых для украшения древнерусских икон и иконостасов. В этом смысле художник явно предпочитает декоративность народного искусства пышности и вычурности иконостасного декора, царившего в русских церквах, начиная с XVII в. Авторский стиль особо проявляется в деталях: это и орнаментированное тябло, и декоративные панно в нижнем ярусе под иконами. В оригинальных раппортах прослеживается глубокое знание художником русской народной орнаментики.

По технике исполнения – это масляная живопись на холсте. Вероятно, яичная темпера и техника иконописи так и не была до конца освоена художником, о чем еще будет сказано ниже.

Первый иконостас, который был создан для русского храма, возникший уже в условиях эмиграции, это иконостас храма Сергиева подворья. Время его создания: с ноября 1925 г. по 1927 г. Сергиево подворье стало центром православной жизни в Париже, и этот иконостас остается самым обширным и значительным из всех иконостасов парижской эмиграции. Вместе с Д. С. Стеллецким над его созданием работали княгиня Е. С. Львова, которая написала лики на иконах, и И. Никитин – в качестве помощника.

Иконостас Д. С. Стеллецкого для Сергиева подворья состоит из трех рядов, в его составе насчитывается сто десять икон. С. К. Маковский высоко оценил эту работу: «В эмиграции, в Париже, Стеллецкому почти удалось <…> осуществить свою мечту – создать монументальное декоративное целое в излюбленном стиле, то есть в стиле, соединяющем византийскую традицию с творческой свободой в пределах церковного канона. Этот осуществленный замысел Стеллецкого – роспись церкви Сергиева Подворья в Париже. Из всего, что за сорок лет эмиграции создано было в художественной области, эта роспись – значительнейшее явление» [11, с. 36]

Программа иконостаса заслуживает особого внимания. Она соединяет в себе каноничность исполнения с воплощением идей, питавших на тот момент эмигрантской общество. Один из исследователей иконостаса пишет: «Иконостас, представляющий собою собрание образов почти всех наиболее чтимых русским народом святынь, имеет и определенное идейное значение. Здесь сохранена старая церковная традиция русских иконостасов древнего искусства в полном соответствии с требованиями православной церкви. Но, кроме того, здесь символическое воспоминание обо всех мученически погибших во время смуты: о членах российского императорского дома. В числе коих и зверски убитые большевиками отец великой княгини Марии Павловны, великий князь Павел Александрович, и ее тетка-воспитательница великая княгиня Елизавета Феодоровна, о погибших в великой и гражданской войне офицерах и солдатах русской армии и флота, а также и обо всех, кто в борьбе с врагами Христа жизнь свою за веру и родину положили» [7, с. 142].

Иначе говоря, обращает на себя внимание особый подбор образов, впрямую связанных с переживанием случившегося в России катаклизма и идеей утраченной Родины, которая в данном контексте представляется, прежде всего, как Русь христианская, православная. Этот образ Святой Руси поддерживается стремлением к передаче через художественный язык некоей «исконной народности», проявляющейся здесь через орнаментальные сюжеты, образы природы, проникающие в каноническую иконографию (например, икона «Преподобный Серафим Саровский» из местного ряда иконостаса), общий звучный колорит всей иконостасной композиции.

Образ утраченной Родины выражен через череду русских православных святых, которыми наполнен весь иконостас. Все дело в том, что пропорции иконостаса, обусловленные спецификой помещения, таковы, что помимо центральной части он имеет два крыла. И если центр иконостаса выполнен в соответствии с каноническими правилами (здесь образы русских святых появляются только в местном ряду: это преподобные Сергий Радонежский, Серафим Саровский, святитель Тихон Задонский, князь Александр Невский и митрополит Московский Алексий (среди небесных покровителей царской семьи)), то северное и южное крылья иконостаса имеют свою программу, где русская святость еще более подчеркнута количеством образов, заполняющих большую часть иконостаса.

В северном крыле это иконы «Святитель Димитрий Ростовский», «Князья Константин, Федор и Михаил Муромские», «Преподобный Илларион Киевский», «Великомученица царица Александра», «Князь Александр Невский», «Преподобный Сергий Валаамский» (см. Приложение 1).

Южное крыло посвящено образам святых покровителей тех, кто участвовал в пожертвованиях на создание иконостаса. Поэтому неудивительно, что образы некоторых святых появляются здесь неоднократно. Это иконы избранных святых: «Великомученица Екатерина и княгиня Ольга», «Князь Александр Невский», «Мученик Кондратий», «Царь Борис Болгарский», «Святые Анна, Иоанн Предтеча, князь Александр Невский», «Константин Великий, мученица Надежда, преподобный Сергий Радонежский, святитель Димитрий Ростовский», «Князь Александр Невский», «Святитель Стефан Пермский», «Преподобный Феодосий Черниговский», «Преподобный Иоасаф Белгородский». Необходимо отметить достаточную редкость многих образов и их иконографий, помещенных в этом иконостасе.

По структуре иконостас выполнен как тябловый, где нет промежутков между иконами, а ряды отделены доской, украшенной орнаментальной полосой. С художественной точки зрения иконостас решен в одном ключе: единой композиции и колористической гамме. Общий тон теплый. Много красного на фонах, в одеждах святых.

Многие отмечают движение, которым наполнена композиция иконостаса. Например, об этом в свое время писал С. К. Маковский: «Стеллецкий хотел остаться собой, перефразировав по-своему то, что предуказывают иконописные образцы… Фантазия его дружит с цветом, с переливами изумрудных, алых, сапфировых, фиолетовых тонов и подчеркнуто-неожиданными движениями фигур».[10] Отмечалось и то, что Стеллецкий «подчеркивает движение и придает лицам выражение беспокойства, создавая своеобразную атмосферу, чуждую ангельской безмятежности» [4, с. 172].

Те, кто видел иконостас, часто повторяют, что фигуры в иконостасе как бы танцуют. Но точнее было бы сказать, что в иконостасных образах передано отнюдь не танцевальное движение, которое может развиваться на месте или, например, по кругу. Здесь через экспрессию движения передан молитвенный порыв, обращение к Христу на центральной иконе. Обращение святых искренно, а их молитва деятельна.

Стеллецкого часто обвиняли в том, что лики на его иконах недостаточно иконографичны. Поэтому, в качестве помощницы для написания ликов была приглашена княгиня Е. С. Львова, которая сотрудничала со Стеллецким и далее. «Работать с ним – это была весна, это было солнце, это было

высшее духовное наслаждение», – говорила она [4, с. 150].

Также вместе с княгиней Е. С. Львовой в 1928 г. Д. С. Стеллецким был написан иконостас для церкви «Знамения Божьей Матери». Несмотря на то, что храму пришлось сменить несколько помещений, иконостас хорошо сохранился и по-прежнему является главной его святыней. В отличие от предыдущей алтарной преграды, этот иконостас небольшой, однорядный, с вынесенными вперед поклонными образами и иконами местного ряда (см. Приложение 2). Необходимо отметить, что это один из первых дошедших до нас иконостасов, спроектированных Николаем Ивановичем Исцеленновым, который также, в свою очередь, сыграл огромную роль в возрождении русского православного искусства за рубежом. Николай Иванович Исцелленнов (1891–1981) – архитектор и художник, сыграл большую роль в возрождении русского православного искусства за границей. Многие зарубежные храмы были созданы при его участии, долгое время Н. И. Исцеленнов возглавлял общество «Икона» в Париже, много сил и времени отдавал для изучения и сохранения русского православного искусства [13].

Иконостас находится в достаточно стесненном храмовом пространстве. Поэтому он небольшой, имеет всего один ярус. Над Святыми вратами, как бы напоминая об его многоярусной канонической структуре, помещены небольшие иконы: в центре – икона Троицы, которая, по мнению Л. Успенского, должна венчать иконостас, слева – икона Богоматери Казанской, справа – икона Спасителя.

Обращает особое внимание декор Царских врат, за основу которого взята традиция, существовавшая в русском православном искусстве с XIV по XVI вв. Это предпочтение живописи орнаментальной резьбе, ставшей популярной в русских иконостасах с середины XVII в., это и выбор формы завершения створок Царских врат, а также имитация басменных окладов, которые покрывают поля, и, кроме того, являются декоративным украшением всего иконостаса. Сюжеты, помещенные на створках врат, традиционные – Благовещение и четыре евангелиста. Справа и слева над Святыми вратами помещен сюжет Евхаристии, под ней – изображения архангелов, ниже, на столбиках – образы святителей. В целом иконостас производит впечатление исконной русской сказочной древности, Божиим промыслом оказавшейся на берегах Сены.

Последний из сохранившихся иконостасов, выполненных Д.С. Стеллецким, – иконостас церкви князей Владимира, Ольги и Александра Невского. Это домовая церковь национальной организации Витязей в местечке Лаффрей в Альпах. Храм построен А. Н. Федоровым в 1962 г., в нем размещен иконостас 1935 г., написанный маслом на холсте [15, цветная вклейка] (См. Приложение № 3).

Иконостас полностью написан художником. По сторонам от Царских врат традиционные иконы Спасителя и Богоматери. На северных и южных вратах – Архангелы в рост, по сторонам две большие иконы с предстоящими – это собор особо чтимых в России святых. Справа от Царских врат – Николай Чудотворец, Сергий Радонежский, Александр Невский, Борис и Глеб. Слева от Царских врат – Екатерина, Ольга, Мария Магдалина, София и Елена. Иконы подобной иконографии не встречаются в традиционной русской иконописи. Эта иконография – создание художника. Здесь в очередной раз мы сталкиваемся с потребностью эмиграции в создании новых икон, связанных своим содержанием с темой утраченной родины или тяжелых событий, произошедших в России в начале XX в. Так в иконостасе храма Сергиева подворья появились икона «Святые покровители императорской семьи», икона «Всех святых», написанная в 1928 г. в память 10-летия убиения Царской семьи. Местные иконы иконостаса «Витязей» дополняют этот список. Таким образом, иконостас приобретает особое звучание, свойственное ему как созданию эмигрантской православной культуры.

Над местным рядом – деисус и праздники. В апсиде храма большая икона «Богоматерь Оранта». Письму Д. С. Стеллецкого принадлежат также аналойные иконы митрополита Алексия, святых князей Ольги и Александра Невского, святителя Николая Чудотворца. Эти иконы также посвящены святым, принадлежащим русской истории. Несомненно, эти образы были особенно важны там, где русская эмиграция воспитывала подрастающее поколение, прививая ему любовь к родине, русский патриотизм.

Представленные в данной статье иконостасы, также как и другие произведения Д. С. Стеллецкого, его фрески, иконы, конечно, несут в себе черты индивидуальности художника, его авторский почерк. Все они по-своему уникальны. Почерк Д. С. Стеллецкого невозможно не узнать или скопировать. Его творчество относится к ярким страницам православного искусства, но стоит несколько особняком и не порождает традицию в том смысле, в каком мы понимаем ее по отношению к древнерусскому религиозному искусству. Тем не менее, его творчество, также как и его деятельность по созданию общества «Икона» в Париже повлияли на следующее поколения иконописцев русской эмиграции.

Приложение № 1

Д. С. Стеллецкий

Программа иконостаса ц. Сергия Радонежского Сергиевского подворья в Париже (ноябрь 1925 г. – 1927 г.)

Иконостас состоит из 110 икон, центральных врат и врат придела. В состав иконостаса входит три ряда: деисус, местный ряд, пророческий ряд. Лики на иконах написаны княгиней Е. С. Львовой.

Центральная часть (44 иконы без икон на Царских вратах)

Местный ряд

Царские врата (XVI в.) с Благовещением и четырьмя евангелистами.

Над Царскими вратами расписное тябло переходит в «коруну», в центре которой изображена «Тайная вечеря».

В углах надвратной сени – архангелы с рипидами. На столбиках портала – Иисус Христос и Дева Мария, четыре апостола и четыре святителя.

Богоматерь Владимирская	Спас Вседержитель
Свт. Николай Чудотворец	Прп. Сергий Радонежский со святыми на полях
Северные врата — Архангел Михаил в латах	Южные врата — Архангел Гавриил со свитком в руках
Прп. Серафим Саровский	Свт. Тихон Задонский
Святые покровители императорской семьи — вмч. Георгий, кн. Александр Невский, свт. Николай Чудотворец, св. Мария Магдалина, кн. Михаил Черниговский, кн. Ольга, прп. Ксения, свт. Алексий митрополит Московский, мц. Александра, мц. Татьяна, вмц. Анастасия	Свв. Константин и Елена

Деисусный ряд (17 икон)

«Спас в силах» с архангелами

Богоматерь	Иоанн Предтеча
Архангел Михаил	Архангел Гавриил
Апостол Петр	Апостол Павел
Апостол Лука, евангелист	Апостол Марк, евангелист
Апостол Матфей, евангелист	Апостол Иоанн Богослов
Апостол Симон Зелот	Апостол Варфоломей
Апостол Иуда	Апостол Яков
Апостол Фома	Апостол Андрей Первозванный

Пророческий ряд (17 икон)

«Богоматерь «Знамение»

Пророк Давид	Пророк Соломон
Пророк Исайя	Пророк Иона
Пророк Илия	Пророк Моисей
Пророк Иезекииль	Пророк Аввакум
Пророк Иеремия	Пророк Михей
Пророк Даниил	Пророк Захария
Пророк Наум	Пророк Иоиль
Пророк Осия	Пророк Малахия

Кроме центральной части иконостас имеет два крыла, северное и южное, несколько выступающие вперед по сравнению с центральной частью. Каждое крыло также имеет три яруса, северное крыло имеет дополнительные царские врата.

Северное крыло – малый придел (27 икон без врат)

Нижний ярус (7 икон)

Святые (Царские) врата малого придела (XVI в.) с Благовещением и святителями Василием Великим и Иоанном Богословом на створках.

Над вратами «Спас Нерукотворный», «Троица».

В углах надвратной сени – архангелы с рипидами. На столбиках портала – Иисус Христос и Дева Мария, святые.

Богоматерь с припадающим св. Вениамином	Спас с припадающими
Успение Богородицы	Свт. Димитрий Ростовский
	Св. Мария Магдалина
	На завороте — свв. Захария и Елизавета

Второй ярус (10 икон)

«Тайная вечеря»

Архангел Михаил	Архангел Гавриил
Мч. Вацлав и мц. Лидия	Мц. Елизавета и мц. Антонина
Мц. Елизавета	Мц. Лариса и кн. Александр Невский
	На завороте — мц. Александра
	На завороте — прп. Илларион Киевский
	На завороте — кн. Константин, Федор и Михаил Муромские

Третий ярус (10 икон)

«Отечество»

Мч. Евгений и вмч. Георгий	Прп. Сергий Валаамский
Св. Георгий	Св. Мария Магдалина
Мц. Александра, мц. Анна и мц. Стефанида	Вмч. Дмитрий Солунский
	На завороте — св. вмч. Анастасия
	На завороте — вмц. Варвара
	На завороте — Покров Богородицы

Южное крыло (29 икон)

Нижний ярус (7 икон, слева направо)

Свв. Константин и Елена
Вмч. Георгий
Вмч. Пантелеймон
Троица
Воскресение – Сошествие во ад
Прп. Мария Египетская
Врата с изображением прп. Ефрема Сирина

Второй ярус (11 икон, слева направо)

Прав. Иулиания Лазаревская (на завороте)
Свмч. Иерофей Афинский (на завороте)
Свт. Николай Мирликийский (на завороте)
Мч. Вацлав, мц. Вера, свт. Григорий Богослов
Мцц. София, Вера, Надежда и Любовь
Вмц. Екатерина и кн. Ольга
Кн. Александр Невский
Мч. Кондратий
Св. Борис Болгарский
Свв. Анна, Иоанн Предтеча, кн. Александр Невский
Св. Константин Великий, мц. Надежда, прп. Сергий Радонежский, свт. Димитрий Ростовский

Третий ярус южного крыла (11 икон, слева направо)

Св. Иоанн Предтеча
Св. Анна Пророчица
Кн. Александр Невский
Мц. Лидия
Мц. Дария
Мц. Александра, св. Нина, мч. Виктор
Свт. Стефан Пермский
Прп. Феодосий Черниговский
Прп. Иоасаф Белгородский
Ап. Андрей Первозванный
Мц. Таисия

Приложение № 2

Д. С. Стеллецкий. Проект Н. И. Исцеленнова

Программа иконостаса церкви «Знамения Божьей Матери» (1928 г.). Париж. Франция

Иконостас тябловый, однорядный.

Центральные Царские, северные и южные врата.

За основу декорировки Царских врат взята традиция, существовавшая в русском православном искусстве с XIV по XVI вв. На эту традицию опирается и выбор формы завершения створок, а также имитация басменных окладов, которые покрывают поля врат, а также являются декоративным украшением всего иконостаса. Сюжеты, помещенные на створках врат, традиционные – Благовещение и четыре евангелиста. На столбиках – изображения святителей, в углах над вратами – серафимы, справа и слева над Святыми вратами помещен сюжет Евхаристии. Над святыми вратами помещены три небольшие иконы: в центре – «Троица», слева – икона «Богоматерь Казанская», справа – икона Спасителя. Слева от Царских врат – икона «Богоматерь Знамение», справа – икона «Спас Вседержитель».

Далее находятся северные и южные врата с изображением архангелов. Местная икона «Знамение Божьей Матери» поставлена пред иконостасом в отдельном киоте.

Приложение № 3

Д. С. Стеллецкий

Программа походного иконостаса иконостас в летнем лагере «Витязей». Лаффрей. 1930-е гг.

Иконостас тябловый, двухрядный.

Центральные Царские, северные и южные врата.

На Царских вратах – Благовещение и четыре Евангелиста. На северных вратах – образ Архангела Михаила, на южных – образ Архангела Гавриила.

Слева от Царских врат – образ Спаса Вседержителя, справа – Богоматери Владимирской.

За Северными вратами – икона «Собор всех русских святых» (женские образы).

За южными – икона «Собор всех русских святых» (мужские образы).

Иконостас украшен фрагментами, имитирующими тябла, с цветным орнаментом.

Приложение № 4

Д. С. Стеллецкий

Иконостас церкви свт. Николая Чудотворца (1916, 1939–1940 гг.)

Иконостас принадлежит собранию Семеновых-Тян-Шанских. В настоящее время находится в ц. Петра и Павла под Парижем.

Иконостас тябловый, однорядный.

Центральные Царские, северные и южные врата.

На Царских вратах – Благовещение и четыре Евангелиста. В углах над вратами – серафимы. На северных вратах – образ Архангела Михаила, на южных – образ Николая Чудотворца.

Слева от Царских врат – икона «Спас Вседержитель», справа – «Богоматерь Умиление». Под этими образами – орнаментальные панно с символическим изображением Голгофы.

За Северными вратами – икона «Чудо Георгия о змие», за южными – икона «Распятие». Под иконами – орнаментальные панно.

Над иконостасом – широкое расписное тябло. Над Царскими вратами – высокая коруна с шестифигурным деисусом: Спас на престоле, Богоматерь, Иоанн Предтеча, Архангел Михаил, Архангел Гавриил, апостолы Петр и Павел.

Иконостас принадлежит собранию Семеновых-Тян-Шанских. В настоящее время находится в ц. Петра и Павла под Парижем.

Библиографический список

1. Бенуа, А. Искусство Стеллецкаго [Текст] / А. Бенуа // Аполлон. – 1911. – № 4. – С. 5–10.

2. Бенуа, А. Д. Стеллецкий [Текст] / А. Бенуа // Новый мир искусства. – 1998. – № 1. – С. 8–9.

3. Брантом, Моник Вивье. Дмитрий Семенович Стеллецкий [Текст] / Моник Вивье Брантом // Вздорнов Г. И., Залесская З. Е., Лелекова О. В. Общество «Икона» в Париже. – Т. 1. – Москва-Париж, 2002. – С. 171–173.

4. Вздорнов, Г. И., Залесская, З. Е., Лелекова, О. В. Общество «Икона» в Париже [Текст] / Г. И. Вздорнов, З. Е. Залесская, О. В. Лелекова. – Т. 1. – Москва-Париж, 2002.

5. Войскун, А. О некоторых атрибуциях произведений Д. С. Стеллецкого из израильской коллекции Цетлиных [Текст] / А. Войскун // Зарубежная Россия 1917–1945. – СПб., 2004. – С. 373–379.

6. Зеелер, В. Памяти Д. С. Стеллецкого [Текст] / В. Зеелер // Русская мысль, 1947, 19 апреля.

7. Кульман, Н. К. Храм Сергиевского Подворья [Текст] / Н. К. Кульман // Вздорнов Г. И., Залесская З. Е., Лелекова О. В. Общество «Икона» в Париже. – Т. 1. – Москва-Париж, 2002. – С. 141–143.

8. Лейкинд, О. Л., Махров, К. В., Северюхин, Д. Я. Художники Русского Зарубежья. 1917–1939 [Текст] / О. Л. Лейкинд, К. В. Махров, Д. Я. Северюхин. Биографический словарь. – СПб., 1994.

9. Маковский, С. К. Страницы художественной критики [Текст] / С. К. Маковский. – СПб. : Аполлон, 1913. – Кн. III. – 186 с.

10. Маковский, С. К. [Без названия] [Текст] / С. К. Маковский // Русская мысль, 1947.

11. Маковский, С. К. На Парнасе Серебряного века [Текст] / С. К. Маковский. – Мюнхен, 1962.

12. Попова, Е. А. Д. С. Стеллецкий, В. А. Комаровский и иконописцы первой половины XX века в России и эмиграции [Текст] / Е. А. Попова // Вестник МГУП им. Ивана Федорова, № 2. – М. : Московский государственный университет печати имени Ивана Федорова, 2015. – С. 428–439.

13. Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь [Текст]. – М., 1997.

14. Рябушинский, В. П., Лейкинд, О. Л., Махров, К. В., Северюхин, Д. Я. Художники Русского Зарубежья. 1917–1939. [Текст] / В. П. Рябушинский, О. Л. Лейкинд, К. В. Махров, Д. Я. Северюхин. Биографический словарь. – СПб., 1999.

15. Семенов-Тян-Шанский, К. П. Д. С. Стеллецкий [Текст] / К. П. Семенов-Тян-Шанский // Хоругвь. Вып. 9. – М., 2004.

16. Сергеев, В. Н. Иконопись Русского Зарубежья («парижская школа» 1920–1980 гг.) [Текст] / В. Н. Сергеев // Вестник РГНФ. – 2000, № 3. – С. 227–228.

17. Юрьева, Т. В. Православный иконостас как культурный синтез [Текст] / Т. В. Юрьева. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2005.

18. Юрьева, Т. В. Православный иконостас как культурный синтез [Текст] / Т. В. Юрьева. – Саранск, 2006.

19. Юрьева, Т. В. Православный иконостас как культурный синтез [Текст] / Т. В. Юрьева / Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. – Саранск, 2006.

20. Юрьева, Т. В. Иконостасы Д. С. Стеллецкого [Текст] / Т. В. Юрьева // X Научные чтения памяти И.П. Болотцевой. Сборник статей. – Ярославль, 2006. – С. 144–160.

21. Exposition d'Icônes. Icônes traditionelles contemporaines peinters par des iconographes members de L'Association l'Icône à Paris (1925–1996): [Catalogue]. Organisée l'Assotiation l'Icône. – Paris, 1996. – 24 p.

22. Exposition d'Icones: Icônes traditionelles contemporaines peinters par des iconographes members de L'Association l'Icône à Paris : [Catalogue]. Organisée l'Assotiation l'Icône. – Paris, 2007. – 38 p.

23. ICONES. Exposition d'Icônes anciennes et contemporaines. Novembre 1988. – Paris : Printed in Switzerland by Daniel Skira & Partners SA Roto Sadag, Geneva, 1988. – 130 p.

24. Labrecque-Pervouchine N. L'iconostase une évo-

lution hisorique en Russie. – Montréal : LES ÉDITIONS BELLARMIN, 1982. – 294 p.

25. Lukomskij G. K. Dimitri Semenowitsch Stelezkij // Kunst. – 1930. – Bd 61, Apr. – S. 228–232.

Bibliograficheskij spisok

1. Benua, A. Iskusstvo Stelleckago [Tekst] / A. Benua // Apollon. – 1911. – № 4. – C. 5–10.

2. Benua, A. D. Stelleckij [Tekst] / A. Benua // Novyj mir iskusstva. – 1998. – № 1. – C. 8–9.

3. Brantom, Monik Viv'e. Dmitrij Semenovich Stelleckij [Tekst] / Monik Viv'e Brantom // Vzdornov G. I., Zalesskaja Z. E., Lelekova O. V. Obshhestvo «Ikona» v Parizhe. – T. 1. – Moskva-Parizh, 2002. – S. 171–173.

4. Vzdornov, G. I., Zalesskaja, Z. E., Lelekova, O. V. Obshhestvo «Ikona» v Parizhe [Tekst] / G. I. Vzdornov, Z. E. Zalesskaja, O. V. Lelekova. – T. 1. – Moskva-Parizh, 2002.

5. Vojskun, A. O nekotoryh atribucijah proizvedenij D. S. Stelleckogo iz izrail'skoj kollekcii Cetlinyh [Tekst] / A. Vojskun // Zarubezhnaja Rossija 1917–1945. – SPb., 2004. – S. 373–379.

6. Zeeler, V. Pamjati D. S. Stelleckogo [Tekst] / V. Zeeler // Russkaja mysl', 1947, 19 aprelja.

7. Kul'man, N. K. Hram Sergievskogo Podvor'ja [Tekst] / N. K. Kul'man // Vzdornov G. I., Zalesskaja Z. E., Lelekova O. V. Obshhestvo «Ikona» v Parizhe. – T. 1. – Moskva-Parizh, 2002. – S. 141–143.

8. Lejkind, O. L., Mahrov, K. V., Severjuhin, D. Ja. Hudozhniki Russkogo Zarubezh'ja. 1917–1939 [Tekst] / O. L. Lejkind, K. V. Mahrov, D. Ja. Severjuhin. Biograficheskij slovar'. – SPb., 1994.

9. Makovskij, S. K. Stranicy hudozhestvennoj kritiki [Tekst] / S. K. Makovskij. – SPb. : Apollon, 1913. – Kn. III. – 186 s.

10. Makovskij, S. K. [Bez nazvanija] [Tekst] / S. K. Makovskij // Russkaja mysl', 1947.

11. Makovskij, S. K. Na Parnase Serebrjanogo veka [Tekst] / S. K. Makovskij. – Mjunhen, 1962.

12. Popova, E. A. D. S. Stelleckij, V. A. Komarovskij i ikonopiscy pervoj poloviny XX veka v Rossii i jemigracii [Tekst] / E. A. Popova // Vestnik MGUP im. Ivana Fedorova, № 2. – M. : Moskovskij gosudarstvennyj universitet pechati imeni Ivana Fedorova, 2015. – S. 428–439.

13. Russkoe Zarubezh'e. Zolotaja kniga jemigracii. Pervaja tret' HH veka. Jenciklopedicheskij biograficheskij slovar' [Tekst]. – M., 1997.

14. Rjabushinskij, V. P., Lejkind, O. L., Mahrov, K. V., Severjuhin, D. Ja. Hudozhniki Russkogo Zarubezh'ja. 1917–1939. [Tekst] / V. P. Rjabushinskij, O. L. Lejkind, K. V. Mahrov, D. Ja. Severjuhin. Biograficheskij slovar'. – SPb., 1999.

15. Semenov-Tjan-Shanskij, K. P. D. S. Stelleckij [Tekst] / K. P. Semenov-Tjan-Shanskij // Horugv'. Vyp. 9. – M., 2004.

16. Sergeev, V. N. Ikonopis' Russkogo Zarubezh'ja («parizhskaja shkola» 1920–1980 gg.) [Tekst] / V. N. Sergeev // Vestnik RGNF. – 2000, № 3. – S. 227–228.

17. Jur'eva, T. V. Pravoslavnyj ikonostas kak kul'turnyj sintez [Tekst] / T. V. Jur'eva. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2005.

18. Jur'eva, T. V. Pravoslavnyj ikonostas kak kul'turnyj sintez [Tekst] / T. V. Jur'eva. – Saransk, 2006.

19. Jur'eva, T. V. Pravoslavnyj ikonostas kak kul'turnyj sintez [Tekst] / T. V. Jur'eva / Mordovskij gosudarstvennyj universitet im. N. P. Ogareva. – Saransk, 2006.

20. Jur'eva, T. V. Ikonostasy D. S. Stelleckogo [Tekst] / T. V. Jur'eva // X Nauchnye chtenija pamjati I. P. Bolotcevoj. Sbornik statej. – Jaroslavl', 2006. – S. 144–160.

21. Exposition d'Icônes. Icônes traditionelles contemporaines peinters par des iconographes members de L'Association l'Icône à Paris (1925–1996): [Catalogue]. Organisée l'Assotiation l'Icône. – Paris, 1996. – 24 r.

22. Exposition d'Icones: Icônes traditionelles contemporaines peinters par des iconographes members de L'Association l'Icône à Paris : [Catalogue]. Organisée l'Assotiation l'Icône. – Paris, 2007. – 38 r.

23. ICONES. Exposition d'Icônes anciennes et contemporaines. Novembre 1988. – Paris : Printed in Switzerland by Daniel Skira & Partners SA Roto Sadag, Geneva, 1988. – 130 p.

24. Labrecque-Pervouchine N. L'iconostase une évolution hisorique en Russie. – Montréal : LES ÉDITIONS BELLARMIN, 1982. – 294 p.

25. Lukomskij G. K. Dimitri Semenowitsch Stelezkij // Kunst. – 1930. – Bd 61, Apr. – S. 228–232.

Reference List

1. Benois A. Art Stelletsky / A. Benois // Apollon. – 1911. – No. 4. – C. 5–10.

2. Benois A. D. Stelletsky / A. Benois // Novy Mir Iskusstva. – 1998. – No. 1. – C. 8–9.

3. Brantom, Monique Vivier. Dmitry Semyonovich Stelletsky / Monic Vivier Brantom // Vzdornov G. I., Zalesskaya Z. E., Lelekova O. V. Society «Ikona» in Paris. – V. 1. – Moscow-Paris, 2002. – Page 171–173.

4. Vzdornov G. I., Zalesskaya Z. E., Lelekova O. V. Society «Ikona» in Paris / G. I. Vzdornov, Z. E. Zalesskaya, O. V. Lelekova. – V. 1. – Moscow-Paris, 2002.

5. Voyskun A. On some attributions of D. S. Stelletsky's works from the Israeli Tsetlins' collection / A. Voyskun // Foreign Russia 1917–1945. – SPb., 2004. – Page 373–379.

6. Zeeler B. Memories to D. S. Stelletsky / V. Zeeler // Russkaya Mysl, 1947, on April 19.

7. Kulman N. K. Church of Sergiyev Farmstead / N. K. Kulman // Vzdornov G. I., Zalesskaya Z. E., Lelekova O. V. Society "Ikona" in Paris. – V. 1. – Moscow-Paris, 2002. – Page 141–143.

8. Leykind O. L., Makhrov K. V., Severyukhin D. Ya. Artists of the Russian Abroad. 1917–1939 / O. L. Leykind, K. V. Makhrov, D. Ya. Severyukhin. Biographic dictionary. – SPb., 1994.

9. Makovsky S. K. Pages of art criticism / S. K. Makovsky. – SPb. : Apollon, 1913. – Book III. – 186 pages.

10. Makovsky S. K. [Without name] / S. K. Makovsky // Russkaya Mysl, 1947.

11. Makovsky S. K. On Parnassus of the Silver age / S. K. Makovsky. – Munich, 1962.

12. Popova E. A. D. S. Stelletsky, V. A. Komarovsky and icon painters of the first half of the 20th century in Russia and emigrations / E. A. Popova // Bulletin of MSUP named after Ivan Fedorov, No. 2. – M. : Moscow State University of the Press named after Ivan Fedorov, 2015. – Page 428–439.

13. Russian Abroad. Gold book of emigration. First third of the XX century. Encyclopedic biographic dictionary. – M, 1997.

14. Ryabushinsky V. P., Leykind O. L., Makhrov K. V., Severyukhin D.Ya. Artists of the Russian Abroad. 1917–1939. / V. P. Ryabushinsky, O. L. Leykind, K. V. Makhrov, D.Ya. Severyukhin. Biographic dictionary. – SPb., 1999.

15. Semenov-Tyan-Shansky,K. P. D. S. Stelletsky / K. P. Semenov-Tyan-Shansky // Banner. Issue 9. – M., 2004.

16. Sergeev V. N. Icon painting of the Russian Abroad («the Parisian school» of 1920–1980) / V. N. Sergeev // Bulletin of RGNF. – 2000, No. 3. – Page 227–228.

17. Yurieva T. V. Orthodox iconostasis as cultural synthesis / T. V. Yurieva. – Yaroslavl : RIO YSPU, 2005.

18. Yurieva T. V. Orthodox iconostasis as cultural synthesis / T. V. Yurieva. – Saransk, 2006.

19. Yurieva T. V. Orthodox iconostasis as cultural synthesis / t. V. Yurieva / Mordovian State University named after N. P. Ogarev. – Saransk, 2006.

20. Yurieva, T. V. Iconostasis of D. S. Stelletsky / T. V. Yurieva // X Scientific readings memory of I. P. Bolottsev. Collection of articles. – Yaroslavl, 2006. – Page 144–160.

21. Exposition d'Icônes. Icônes traditionelles contemporaines peinters par des iconographes members de L'Association l'Icône à Paris (1925–1996): [Catalogue]. Organisée l'Assotiation l'Icône. – Paris, 1996. – 24 p.

22. Exposition d'Icones: Icônes traditionelles contemporaines peinters par des iconographes members de L'Association l'Icône à Paris : [Catalogue]. Organisée l'Assotiation l'Icône. – Paris, 2007. – 38 p.

23. ICONES. Exposition d'Icônes anciennes et contemporaines. Novembre 1988. – Paris: Printed in Switzerland by Daniel Skira & Partners SA Roto Sadag, Geneva, 1988. – 130 p.

24. Labrecque-Pervouchine N. L'iconostase une évolution hisorique en Russie. – Montréal : LES ÉDITIONS BELLARMIN, 1982. – 294 p.

25. Lukomskij G. K. Dimitri Semenowitsch Stelezkij // Kunst. – 1930. – Bd 61, Apr. – S. 228–232.

Дата поступления статьи в редакцию: 17.04.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

УДК 008

Л. Л. Полушкина
https://orcid.org/0000-0001-5662-1445

Иконы XVIII в. из собрания Ярославского музея-заповедника в контексте церковного искусства Нового времени

В статье рассматривается коллекция икон из Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника, которая представляет вторую по величине, но мало изученную группу ярославских икон. Автор впервые вводит в научный оборот новый ряд иконографических памятников XVIII в. Увеличение общего количества произведений церковной живописи этого периода дает, в свою очередь, возможность делать общие выводы о стиле ярославской иконописи Нового времени. Автор приходит к выводу, что ярославское собрание иконописи XVIII в. из Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника подтверждает общую тенденцию в развитии церковного искусства в России, которая характеризуется как сохранением иконописных канонов, так и влиянием западноевропейской живописи, следованием западным образцам. При этом происходит гармоничное соединение устойчивой традиции ярославской иконописной школы предшествующего XVII в. и новых западноевропейских веяний. Основные положения статьи были опубликованы в виде доклада на конференции «Герасим Лебедев (1749–1817) и его время», состоявшейся 27–28 ноября 2013 г. на факультете русской филологии и культуры ЯГПУ им. К.Д. Ушинского.

Ключевые слова: культура Ярославля XVIII в., иконопись, Новое время, собрание Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника.

L. L. Polushkina

Icons of the 18th century from the Collection of the Yaroslavl Museum and Reserve in the Context of New Time Church Art

In the article is considered the collection of icons from the Yaroslavl Historical and Architectural Museum and Reserve, which is the second-large, but a little studied group of Yaroslavl icons. The author for the first time introduces for the scientific use a new number of iconographic monuments of the 18th century. Increase in total number of church painting works of this period gives, in turn, a chance to draw general conclusions about the style of the Yaroslavl iconography of new time. The author comes to the conclusion that the Yaroslavl collection of the 18th century iconography from the Yaroslavl Historical and Architectural Museum and Reserve confirms the general tendency in development of Russian church art, which is characterized both by preservation of icon-painting canons, and influence of the Western European painting, following to the western samples. At the same time there is a harmonious connection of a steady tradition of the Yaroslavl icon-painting school of the 17th century and new Western European trends. Basic ideas of the article have been published in the form of the report at the «Gerasim Lebedev (1749–1817) and His Time» conference, which took place on November 27-28, 2013 at the Faculty of the Russian Philology and Culture of YSPU named after K. D. Ushinsky.

Keywords: culture of Yaroslavl in the 18th century, iconography, new time, collection of the Yaroslavl Historical and Architectural Museum and Reserve.

Одной из самых крупных художественных коллекций Ярославского музея-заповедника является собрание икон XVI – начала XXI в. В настоящее время оно насчитывает около 1150 произведений. Большую его часть – около 700 предметов составляют памятники XVII в., вторую по величине – более 200 произведений – иконы XVIII столетия.

Наиболее изученной частью собрания являются иконы XVI–XVII вв. К ним неоднократно обращались известные исследователи древнерусской живописи – С. И. Масленицын, В. Г. Брюсова, И. Л. Бусева-Давыдова, Т. Е. Казакевич, И. П. Болотцева, и другие. Эти памятники экспонировались на столичных выставках, они представлены в экспозициях музея-заповедника, опубликованы в различных изданиях и каталогах.

Иконопись XVIII в. длительное время не привлекала внимание отечественных специалистов. Объясняется это отчасти тем, что большая часть огромного массива икон находилась под поздними записями или в неудовлетворительном состоянии. В редких случаях на выставках и, тем более, на музейных экспозициях можно было увидеть произведения этого периода. При этом надо отметить, что частные коллекционеры уже в 1970-х гг. собирали иконы XVIII столетия, имеющие авторские

© Полушкина Л. Л., 2018

подписи, даты, надписи, редкую иконографию или высокий художественный уровень.

Произведения русских мастеров конца XVII – начала XVIII в. одни из первых опубликовали в 1963 г. В. И. Антонова и Н. Е. Мнева в каталоге икон Государственной Третьяковской галереи. [2] Это были всего лишь двадцать восемь памятников из более тысячи представленных в издании. Прошло без малого тридцать лет, и в музее имени Андрея Рублева в 1992 г. состоялась выставка «Из новых поступлений», на которой экспонировались иконы, пополнившие коллекцию в 1988–1992 гг. Почти половина представленных икон, около 40 из 105, относилась к XVIII в. При разнообразии стилистических мотивов, с учетом местных особенностей в них прослеживались три тенденции: первая – сохранение иконописных традиций мастеров предшествующих столетий, вторая – влияние западноевропейской живописи, третья – полное следование западным образцам с ориентацией на искусство барокко. Автор вступительной статьи к каталогу выставки Л. П. Тарасенко писала: «Эта стилистическая пестрота, с одной стороны, отражает сложность и противоречивость развития иконописи …, с другой стороны, придает памятникам этого времени особое очарование» [7, с. 12].

Начало XXI в. можно назвать временем широкого открытия малоизученного, а потому и недооцененного пласта русской иконописи XVIII столетия. Осмыслению и анализу этого яркого периода в истории русской живописи посвящена вышедшая в 2006 г. первая монографическая книга «Русская икона XVIII века» Н. И. Комашко – одного из ведущих специалистов, изучающих позднюю русскую иконопись [5]. Ярославская икона XVIII столетия исследовалась О. Б. Кузнецовой [6], ярославский иконостас XVIII в. – Т. В. Юрьевой [12, 13, 14].

Обращаясь к ярославскому собранию икон XVIII столетия из ЯИАМЗ, отметим, что в настоящее время около двадцати из них экспонируются на различных экспозициях музея. Блестяще исполненными, классическими ярославскими памятниками первой трети XVIII в. являются большого размера парные иконы – «Архангел Михаил, со сценами жития» и «Иоанн воин, со сценами жития» [17]. Они происходят из церкви Иоанна Златоуста середины XVII в., расположенной в бывшей Коровницкой слободе. Оба произведения неоднократно публиковались и в настоящее время экспонируются на выставке «Иконы Ярославля XVI–XVIII вв.». Они являются иллюстрацией гармоничного соединения устойчивой традиции ярославской иконописной школы предшествующего XVII в. и новых западноевропейских веяний. Как отмечает Т. В. Юрьева, культура XVIII века «создает контекст, заставляющий по-новому звучать традиционные, кажущиеся закостенелыми формы» [12, с. 199; 13, с. 37]. Художники Нового времени непривычно свободно «распределяют» пространство иконной доски. Они масштабно выдвигают крупные фигуры святых на первый план. Сцены из жития занимаю второстепенное место. Так в иконе «Архангел Михаил» они несоразмерно миниатюрны. Тексты в обеих иконах помещены в фигурных картушах, необычайно популярных в первой трети XVIII столетия. Мы видим, как при сохранении основных частей композиции происходит «поиск художественных приемов органичного вживления в икону элементов пространства и объема. По сути, в недрах средневекового искусства предпринималась попытка осмысления ренессансных проблем, и результатом движения в этом направлении стал феномен поздней иконописи» [6, с. 76].

Основной массив икон XVIII в. из музея-заповедника требует планомерной исследовательской работы. Как правило, они имеют поздние записи, потемневший слой олифы, загрязнения, и для их изучения необходимо раскрытие первоначальной живописи. И здесь важнейшую роль приобретает деятельность реставраторов. Вследствие их работы в ряде случаев иконы получают другую датировку, иногда открываются надписи, реже, авторские подписи.

В данной статье будут рассмотрены произведения XVIII столетия, реставрированные специалистами Ярославского музея-заповедника в течение последних десяти лет.

Для стационарной выставки икон, открывшейся в музее в 2004 г., в период ее подготовки был реставрирован особо почитаемый на ярославской земле образ Богоматери Толгской. Изначально икона была датирована XVII веком [16]. На иконе находился серебряный оклад первой половины XVIII в., изготовленный ярославскими мастерами, украшенный чеканкой и гравировкой. Оклад был демонтирован и передан для реставрации сотруднику Государственного Эрмитажа С. А. Смирнову. В 2003 г. работа была завершена. В настоящее время икона экспонируется без оклада, так как он закрывает авторскую подпись. Икона происходит из летней церкви Варвары Великомученицы, построенной в 1668 г. Церковь входила в ансамбль Варваринского прихода, располагавшегося на территории Земляного города. К нему же относилась

зимняя церковь Екатерины Великомученицы 1715 г. Оба храма разрушили в 1931 г. [1, с. 46–47]. В описи Варваринской церкви, составленной в 1786 г. и названной «Книга записей вещей и ценностей церкви», обозначено место иконы: «Образ против леваго крылоса (клирос – место в церкви для певчих – Л. П.). В 1922 г. образ Толгской Богоматери поступил в Ярославский исторический музей.

Перед началом реставрационной работы икона находилась в аварийном состоянии, живопись была местами утрачена, имелись осыпи грунта. Просматривался только силуэт Богоматери и текст надписи, расположенной в нижней части иконы. Реставратор музея И. Б. Бартенева провела укрепление красочного слоя, удалила загрязнения и олифу и приступила к раскрытию живописи. На заключительном этапе были сняты записи XIX в. На нижнем поле иконы стала хорошо читаться выполненная золотом полууставом надпись в три строки: «Списан сей святый образ с подлиннаго чудотворнаго образа Пресвятыя Богородицы нарицаемаго Толская, о явлении и празднование того целбоноснаго образа августа 8 день. Явися той / святый / образ Трифону архиепископу ростовскому и ярославльскому в лето 6822-го году писан лета 7224-го, лета…1715 год». Ниже, справа, открылись еще две строки, написанные черной краской полууставом: «Писал града Ярославля Димитриевский диакон Иоанн Андреев Костромитин». Таким образом, были установлены дата создания Богородичного образа и имя иконописца и, главное, в коллекции икон музея-заповедника выявился датированный и подписной памятник, но уже не XVII, а XVIII в.

Работа с архивными и другими источниками дала возможность составить представление об авторе произведения. Иван Андреев (уп. 1694–1745) по рождению был костромичом, с 1713 г. постоянно проживал в Ярославле. Служил дьяконом, затем, с 1721 г. – священником в церкви Дмитрия Солунского, а также писал иконы для многих храмов города. В 1707 г. ему было доверено поновление особо почитаемой ярославской иконы – образа Богоматери Толгской 1314 г. Позднее им были выполнены несколько списков с этой древней иконы. На сегодняшний день известны пять икон, подписанных Иваном Андреевым. Возможно, самым ранним из них является образ 1715 г. из Ярославского музея-заповедника. В 1721 г. он пишет икону Богоматери Толгской для ярославского Успенского собора. Она находилась на левом столпе у входа в собор. Две иконы находятся в Москве: в частной коллекции – образ 1734 г., в собрании Государственного Исторического музея – икона 1744 г. Она являлась храмовым образом церкви Богоматери Толгской в московском Высоко-Петровском монастыре. В 2005 г. ярославский реставратор И.В.Черняева раскрыла икону Богоматери Толгской, находящуюся в Свято-Введенском Толгском женском монастыре и также в правом нижнем углу обнаружила авторскую подпись: «Писал Димитровский Диакон Иоан Андреев Костромитин». Помня, что дьяконом он служил с 1713 по 1721 г., можно с уверенностью считать, что икона была написана в эти годы.

Образы Толгской Богоматери Ивана Андреева были созданы под влиянием живописи иконы из Толгского монастыря. В ликах Богоматери прослеживаются характерные складки на переносице в виде сходящегося «ласточкиного хвоста», но у Ивана Андреева они более акцентированы. Также удлинен прямой нос, на руках – глубокая складка и припухлость между большим и указательным пальцами. Схожи драпировки складок мафория Богоматери, хитона и гиматия Христа. Отличаются иконы ярославского иконописца иной стилистикой живописи, другим цветовым решением, индивидуальностью авторского почерка.

В историческом отделе музея-заповедника экспонируется рама от иконы Богоматери Казанской, на которой помещены 14 клейм с сюжетами о явлении иконы Богоматери в Казани и чудесами от нее [17]. Как это часто встречается, к сожалению, центральная вставная икона утрачена. Над двенадцатью клеймами, кроме двух нижних, на горизонтально развернутых свитках имеются тексты, поясняющие сюжеты. Живопись является ярким образцом провинциального искусства.

До начала реставрации большая часть рамы находилась под профилактическими заклейками, но, несмотря на плохую сохранность, в картуше была прочитана дата создания рамы – 1741 г. Полностью прочтение пространного текста, представляющего собой вкладную надпись, стало возможно после ее раскрытия. «В лето 7087 е (1579 г.) при державе благочестиваго и христолюбиваго государя царя, / и великого князя Иоанна Василиевича всея России самодержца / при святейшем митрополите Антонии Московском и всея России / и при архиепископе Иеремии Казанском бысть явление иконы пресвятыя /Богородицы во граде Казани по (б)ывшем пожаре иже бысть в лето оно иулиа в 18 день от места идеже загореся близ церкви святого Николая иже зовется / Тулски

бе двор некоего воина именем Даниила Онучина и от того место / и яко каменовержение явися икона пресвятыя Богородицы некоего воина дщери именем / Матроне выше изображенным образом. 1741 г. иулиа в 5 ден написася сей святый образ тщанием честней /шаго господина маэора Иоанна Григорьевича Кокотцова в приходскую его церковь село Лучинское». Итак, была подтверждена дата создания рамы и выявлено, что она происходит из церкви Иоакима и Анны села Лучинское бывшей Крестобогородской волости, ныне – Ярославского района. Помня, что Казанская икона Богоматери почиталась в России защитницей от чужеземных вторжений и даровала победу в военных сражениях, можно объяснить характер заказа майора Ивана Григорьевича Кокотцова.

Известный ростовский краевед, историк и археограф А. А. Титов писал в 1883 г. о церкви в селе Лучинском: «Внутренность храма довольно прилична: как в теплом, так и холодном храме стены покрыты хорошей живописью; иконостас холодной церкви украшен золоченой резьбой, иконы в нем греческого письма…» в заключение он пишет, что каких-либо замечательных предметов и старинных вещей в церкви нет. В другом источнике указывается, что чтимой святыней храма являлась икона Богоматери «Взыскание погибших» [9, с. 46; 10, с. 111]. Образ Казанской Богоматери со Сказанием в клеймах не упоминается, и единственным источником о ней является текст в картуше.

Литературной основой сюжетов клейм является Сказание, составленное священником Казанской церкви в Гостином ряду, участвовавшим в событиях, связанных с обретением иконы 8 августа 1579 г. [8]. Приняв иночество, он стал игуменом, а затем архимандритом Казанского Спасо-Преображенского монастыря. Впоследствии – патриархом Гермогеном (Ермогеном). Существует предположение, что патриарх Гермоген являлся составителем первого, краткого варианта Сказания о явлении иконы Казанской Богоматери и чудесах ее, отправленного царю Ивану Грозному. Пространная редакция была написана им в 1594 г. в связи со строительством церкви Богоматери в Казанском монастыре.

На раме из ярославского собрания расположены четырнадцать клейм с золотыми разгранками. Над каждым их них, кроме двух нижних, имеются свитки с текстами из Сказания. В сюжетах клейм представлены основные события, связанные с историей иконы. Примечательно, что подпись к первому клейму сообщает о первом и втором явлении иконы, и о том, что Богоматерь повелела Матроне пойти в город и рассказать о явлении воеводам и архиепископу. Матрона, испугавшись, поведала об этом событии только матери, но «та же реченным от нее невнят». В отличие от текста, в клейме оба эпизода объединены в одну композицию – «Явление иконы Богоматери Матроне и ее рассказ об этом матери».

Композиции в последующих клеймах соответствуют сопровождающим их текстам: 2-е клеймо – третье явление Матроне во сне иконы Богоматери «посреди двора своего» в огненных лучах и «грозный зело глас», повелевший найти икону в «земных недрах».; 3-е – приведение Матроны к казанским воеводам. Рассказ матери и Матроны о явлении иконы Богоматери; 4-е – приведение Матроны к казанскому архиепископу Иеремии и рассказ о месте нахождения иконы «дабы велел изъятии святую икону», но архиепископ «такожде невнят реченным»; 5-е – обретение Матроной иконы Богоматери в земле на месте сгоревшего дома: «…девица же сама нача мотыкою землю копати … явися икона пресвятыя богородицы…людие …стекаше множество на предивное оное чудо вопиюще со слезами глаголющее владычице спаси ны»; 6-е – крестный ход с архиепископом, воеводами и народом для встречи обретенной иконы; 7-е – перенесение и поставление иконы Богоматери в церковь Николы и чудо об исцелении Иосифа «нимало очма своима видящее»; 8-е – перенесение иконы в Благовещенский собор, исцелении Никиты, болевшего очами; 9-е – поставление иконы в новосозданную церковь; 10-е – архиепископы и воеводы посылают царю Ивану Васильевичу список с иконы Богоматери; 11-е – посланцы из Казани передают список иконы Богоматери царю, он «возрадовашеся и зело удивишася видевши изрядное начертание»; 12-е – посланцы из Казани получают от царя свиток; с приказом основать монастырь на месте обретения иконы, 13-е – снование женского монастыря в Казани; 14-е – литургия в соборной церкви при стечении множества народа, служба перед чудотворной иконой Богоматери Казанской и принесение даров – «воздаяху ове злато, ове серебро, другии же ино что…по силе своей».

В колорите клейм преобладают два активных цвета – красный и зеленый, вторым планом идут разного оттенка охры, золото в одеждах персонажей. Внутренний край иконы декорирован двойной рамкой – прямоугольной с растительным золотым орнаментом и второй – в виде пышного картуша, расписанного «под чернь» по серебря-

ному фону. В ее нижней части помещен меньший картуш с текстом надписи.

В собрании музея также находится икона «Усекновенная глава Иоанна Предтечи» [3], происходящая из ярославской церкви во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи в бывшей Толчковой слободе. О принадлежности иконы сообщает надпись между шпонками, выполненная орешковыми чернилами по горизонтали в три строки: «Ярославския градская Предтечевския церкве». Икона была датирована XIX в., но состояние сохранности не позволяло считать эту дату верной.

Как и в предыдущих случаях, необходимо было проведение реставрационной работы, которая началась в 2009 г. После снятия потемневшей олифы и записей начала открываться живопись более раннего времени, выявились реставрационные вставки. Под надписью XIX в., идущей по внешнему краю нимба, оказался хорошо сохранившийся текст, меньшего размера, выполненный золотом по зеленому фону полууставом: «Образ честныя главы с(вя)таго славнаго пророка крестителя г(оспо)дня Иоанна». Раскрытие авторской живописи изменило дату создания иконы: по стилистике, цветовому решению она является произведением XVIII столетия.

Ближайшим аналогом по композиционному построению, отдельным деталям, форме и цвету блюда является образ «Глава Иоанна Предтечи на блюде», происходящий из церкви Рождества Иоанна Предтечи «на Волге» (1689–1700), находящаяся в настоящее время Угличском музее-заповеднике [4, с. 22, 152]. В верхней части иконы, в фигурных картушах помещены две композиции: слева – «Богоматерь Тихвинская», справа – «Угличские чудотворцы». Необходимо отметить, что в обеих иконах в нижней части помещены идентичные тексты с незначительным отступлением в одном случае. В иконе из Ярославского музея тексты расположены в трех прямоугольных рамках, в иконе из Угличского музея – тремя столбцами. К сожалению, сохранность в обоих случаях не позволяет воспроизвести тексты полностью, но несомненно, что литературным источником являются вирши XVIII в. Утраты слов в текстах одной из икон можно восполнить сохранившимся текстом в другой иконе, что позволяет восстановить лакуны и, в целом, собрать строки этих стихов.

Первый стих

…[царь] вечерю творяше
…[дщерь] блудная плясаше
…Иродови и с ним …
[Иоанн]овы главы испросила

Второй стих

Отсечена та на блюде внесеся
[И плясавице]]авице на руце дадеся
[…] и […]ши же ту даде **матце** своей
…она зле поругася ей

Третий стих

Грехъ свой со царем хотя скрытй таи[но]
Но вселенная вся уведа явно
Аще ей бе скверно то и любезно
Но всему миру зреть на главу слезн[о]

Иконы из Ярославского и Угличского музеев воспроизводят западноевропейские образцы. Их живоподобное письмо близко к произведениям светского искусства. Лики Иоанна Предтечи, застигнутого внезапной смертью, обрамлены вьющимися прядями волос, приоткрытые губы и, особенно, угасающий взгляд глаз, производят сильное эмоциональное впечатление. Вероятно, иконография этих произведений заимствована у украинских мастеров, работавших в стиле барокко. Употребленное в тексте слова «матце» заимствованно из украинского языка.

Икона из угличского собрания была написана местным живописцем Иваном Бурениным в 1762 г. Близость художественного языка дало возможность уточнить время написания иконы из ярославской коллекции – 60-е гг. XVIII в.

В 1988 г. в музей поступил небольшой по размеру образ «Успение Богоматери». Он происходит из д. Федорово Даниловского района Ярославской области. Датировка иконы – XIX в. вызывала сомнение. Обращала на себя внимание доска с двойным ковчегом, оборотная ее сторона была обработана скобелем, что указывало на возможный более ранний период создания иконы. В 2014 г. реставратор музея-заповедника М. В.Королева начала ее раскрытие. Уже на первом этапе реставрации стало очевидно, что это более раннее произведение, в котором соединились иконописная традиция и элементы живописи Нового времени. В центральной части иконы святые и миряне, окружающие Христа и возлежащую на ложе Богоматерь, образуют круговую композицию. Ее поддерживают скругленная линия каймы покрывала на ложе Богоматери с приподнятым изголовьем и так же скругленная кайма длинной завесы ложа. Это построение демонстрирует интерес художника к нововведениям в композиционном решении иконы. Помещение, в котором

происходит событие, обозначено боковыми колоннами дорического стиля, арочными окнами и ступенчатым фризом с двумя пышными барочными картушами. Интерьер представлен с разных точек зрения, в результате чего образуется «разворот» на зрителя. В живописи иконы явно читаются признаки ярославского письма: написание личного, одежд – «вспорушенные» складки плаща Авфонии, припавшего на правое колено. Характерен и колорит образа: использование разных оттенков охры, зеленые и красные цвета, золочение на нимбах, одеждах Христа, деталях облачений святых, книгах. Применены и столь любимые ярославскими мастерами цветные лаки. В целом, сдержанное по колориту произведение, с элементами миниатюрного письма можно отнести к ярославским иконам середины XVIII в. Таким образом, собрание произведений этого периода пополнилось еще одним новым памятником. Но, исходя из сложившейся реставрационной практики, можно с уверенностью говорить, что это не последнее открытие и введение в научный оборот произведения иконописи Нового времени.

Таким образом, ярославское собрание иконописи XVIII в. подтверждает общую тенденцию в развитии церковного искусства в России, которая характеризуется как сохранением иконописных канонов, так и влиянием западноевропейской живописи, следованием западным образцам. При этом происходит гармоничное соединение устойчивой традиции ярославской иконописной школы предшествующего XVII в. и новых западноевропейских веяний.

Библиографический список

1. Анкудинова, Е. А., Рутман, Т. А. Утраченные святыни Ярославля» [Текст] / Е. А. Анкудинова, Т. А. Рутман. – Ярославль, 1999.

2. Антонова, В. И., Мнева, Н. Е. Каталог древнерусской живописи XI – начала XVIII вв. в двух томах. Опыт историко-художественной классификации. Том второй. XVI – начало XVIII века» [Текст] / В. И. Антонова, Н. Е. Мнева. – М., 1963.

3. Бродовая, Ю. В. «Усекновение главы св. Иоанна Крестителя» в древнерусском искусстве XV – первой половины XVII веков. К проблеме сложения иконографии» [Текст] / Ю. В. Бродовая // Искусство христианского мира. Сборник статей. – Вып. 8. – М., 2004.

4. Горстка, А. Н. Иконы Углича XIV – XX веков: «Свод русской иконописи» » [Текст] / А. Н. Горстка. – М., 2006.

5. Комашко, Н. И. Русские иконы XVIII века [Текст] / Н. И. Комашко. – М., 2006.

6. Кузнецова, О. Б. Ярославль – иконописный центр Нового времени. [Текст] / О. Б. Кузнецова // Русская поздняя икона от XVII до начала XX столетия. Сборник статей. – М., 2001.

7. Музей имени Андрея Рублева. Из новых поступлений. Каталог [Текст]. – М., 1995. – С. 12.

8. Повесть митр. Ермогена [Текст] // ГИМ. Син. № 982. Л. 1 об. – 36.

9. Титов, А. А. Ярославский уезд. Историко-археологическое, этнографическое и статистическое описание с картой Ярославского уезда [Текст] / А. А. Титов. – М., 1883.

10. Краткие сведения о монастырях и церквях Ярославской епархии [Текст]. – Ярославль, 1902. – С. 111.

11. Юрьева, Т. В. II Международная научная конференция «Герасим Лебедев (1749–1817) и его время» [Текст] / Т. В. Юрьева // Культурологический журнал. – 2014.–№ 1. – С. 12.

12. Юрьева, Т. В. Православный иконостас как культурный синтез / Т. В. Юрьева. – Саранск, 2006.

13. Юрьева, Т. В. Православный иконостас как культурный синтез [Текст] / Т. В. Юрьева. – Ярославль, 2005.

14. ЯМЗ – 1700 (62,4х49х3).

15. ЯМЗ – 40874 (123,7х87,3). Реставрирована в 2005–2006 гг. И.Б.Бартеневой.

16. ЯМЗ – 41972 (127,5х71,4), ЯМЗ – 41971 (127х51,5).

17. ЯМЗ – 54505/1-2. Размеры - 32,5 х27х 3 см. На икону имеется металлический оклад.

Bibliograficheskij spisok

1. Ankudinova, E. A., Rutman, T. A. Utrachennye svjatyni Jaroslavlja» [Tekst] / E. A. Ankudinova, T. A. Rutman. – Jaroslavl', 1999.

2. Antonova, V. I., Mneva, N. E. Katalog drevnerusskoj zhivopisi XI – nachala XVIII vv. v dvuh tomah. Opyt istoriko-hudozhestvennoj klassifikacii. Tom vtoroj. XVI – nachalo XVIII veka» [Tekst] / V. I. Antonova, N. E. Mneva. – M., 1963.

3. Brodovaja, Ju. V. «Useknovenie glavy sv. Ioanna Krestitelja» v drevnerusskom iskusstve XV – pervoj poloviny XVII vekov. K probleme slozhenija ikonografii» [Tekst] / Ju. V. Brodovaja // Iskusstvo hristianskogo mira. Sbornik statej. – Vyp. 8. – M., 2004.

4. Gorstka, A. N. Ikony Uglicha XIV – XX vekov: «Svod russkoj ikonopisi» » [Tekst] / A. N. Gorstka. – M., 2006.

5. Komashko, N. I. Russkie ikony XVIII veka [Tekst] / N. I. Komashko. – M., 2006.

6. Kuznecova, O. B. Jaroslavl' – ikonopisnyj centr Novogo vremeni. [Tekst] / O. B. Kuznecova // Russkaja pozdnjaja ikona ot XVII do nachala XX stoletija. Sbornik statej. – M., 2001.

7. Muzej imeni Andreja Rubleva. Iz novyh postuplenij. Katalog [Tekst]. – M., 1995. – S. 12.

8. Povest' mitr. Ermogena [Tekst] // GIM. Sin. № 982. L. 1 ob. – 36.

9. Titov, A. A. Jaroslavskij uezd. Istoriko-arheologicheskoe, jetnograficheskoe i statisticheskoe

opisanie s kartoj Jaroslavskogo uezda [Tekst] / A. A. Titov. – M., 1883.

10. Kratkie svedenija o monastyrjah i cerkvjah Jaroslavskoj eparhii [Tekst]. – Jaroslavl', 1902. – S. 111.

11. Jur'eva, T. V. II Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija «Gerasim Lebedev (1749–1817) i ego vremja» [Tekst] / T. V. Jur'eva // Kul'turologicheskij zhurnal. – 2014.–№ 1. – S. 12.

12. Jur'eva, T. V. Pravoslavnyj ikonostas kak kul'turnyj sintez / T. V. Jur'eva. – Saransk, 2006.

13. Jur'eva, T. V. Pravoslavnyj ikonostas kak kul'turnyj sintez [Tekst] / T. V. Jur'eva. – Jaroslavl', 2005.

14. JaMZ – 1700 (62,4h49h3).

15. JaMZ – 40874 (123,7h87,3). Restavrirovana v 2005–2006 gg. I. B. Bartenevoj.

16. JaMZ – 41972 (127,5h71,4), JaMZ – 41971 (127h51,5).

17. JaMZ – 54505/1-2. Razmery - 32,5 h27h 3 sm. Na ikonu imeetsja metallicheskij oklad.

Reference List

1. Ankudinova E. A., Rutman T. A. The lost shrines of Yaroslavl / E. A. Ankudinova, T. A. Rutman. – Yaroslavl, 1999.

2. Antonova V. I., Mneva N. E. The catalogue of Old Russian painting of the XI – the beginnings of the 18th centuries in two volumes. Experience of historical and art classification. Volume second. The XVI – the beginning of the 18th century / V. I. Antonova, N. E. Mneva. – M, 1963.

3. Brodovaya Yu. V. «Beheading of St. John the Baptist» in Old Russian art of XV – the first half of the 17th centuries. To a problem of addition of iconography / Yu. V. Brodovaya // Art of the Christian world. Collection of articles. – Issue 8. – M, 2004.

4. Gorstka A. N. Icons of Uglich of the XIV–XX centuries: «Arch of the Russian iconography» / A. N. Gorstka. – M, 2006.

5. Komashko N. I. Russian icons of the 18th century / N. I. Komashko. – M, 2006.

6. Kuznetsova O. B. Yaroslavl – the icon-painting center of Modern times. / O. B. Kuznetsova // Russian late icon from the XVII before the beginning of the XX century. Collection of articles. – M, 2001.

7. Andrei Rublev Museum. From new receipts. Catalogue. – M, 1995. – Page 12.

8. Story of miters. Ermogena // GIM. Xing. No. 982. L. 1 about. – 36.

9. Titov A. A. Yaroslavl County. The historical and archaeological, ethnographic and statistical description with the map of the Yaroslavl County / A. A. Titov. – M, 1883.

10. Short data on monasteries and churches of the Yaroslavl diocese. – Yaroslavl, 1902. – Page 111.

11. Yurieva T. V. II International scientific conference «Gerasim Lebedev (1749–1817) and His Time» / T. V. Yurieva // Culturological magazine. – 2014. –№ 1. – Page 12.

12. Yurieva T. V. Orthodox iconostasis as cultural synthesis / T. V. Yurieva. – Saransk, 2006.

13. Yurieva T. V. Orthodox iconostasis as cultural synthesis / T V. Yurieva. – Yaroslavl, 2005.

14. YaMZ – 1700 (62,4x49x3).

15. YaMZ – 40874 (123,7x87,3). It is restored in 2005–2006 by I. B. Barteneva.

16. YaMZ – 41972 (127,5x71,4), YaMZ – 41971 (127x51,5).

17. YaMZ – 54505/1–2. The sizes – 32,5 Õ27th 3 cm. On an icon there is a metal frame.

Дата поступления статьи в редакцию: 17.04.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10057
УДК 008:1-027.21, 008(091)

Н. А. Хренов
https://orcid. org/0000-0002-6890-7894

Постреволюционная ситуация в Россиии: от психоаналитического портрета вождя к ментальности массы

Статья продолжает серию публикаций в области культур-философского исследования русской революции и постреволюционной эпохи в истории России как цивилизации. Главное в ней – анализ психологического аспекта революции 1917 г. и ее последствий для российской истории. По мысли автора, сталинский период нельзя считать самостоятельным периодом в советской истории. Несмотря на то, что революция и гражданская война закончились и начинается построение социалистического государства (что можно считать новым и самостоятельным по отношению к революции периодом), на самом деле, то, что считалось построением социализма, все же является постреволюционным периодом, а еще точнее – реакцией как заключительным этапом революции. На этом этапе продолжают развертываться процессы, вызванные той революционной вспышкой, которая произошла в 1917 г. Русская революция, как и все революции вообще, заканчивается периодом реакции. Сталинский период – это и есть период реакции и реальности того, что мы называем тоталитарным режимом. Поскольку же в политическом, а в еще большей степени, – в публицистическом отношении этот период хорошо осмыслен, то автор в данной статье касается исключительно психологического аспекта этого периода. Он ставит перед собой целью объяснить, почему на этом этапе революционной истории к власти приходит человек, который , как констатирует Л. Троцкий, считается менее известным, чем те революционные вожди, которые заявили о себе на раннем, т.е. романтическом этапе революции. Отвечая на этот вопрос, автор как культуролог видит необходимость обратить внимание на возникшие в революционных процессах психологические комплексы, в частности, на ментальность массы. Эта ментальность – результат многовекового исторического опыта, в котором можно уловить как позитивные, так и негативные, а еще точнее, консервативные тенденции. Следует отметить, что в психологическом отношении революция 1917 г. наименее изучена. Пытаясь заострить внимание именно на этом аспекте, автор статьи констатирует, что свойственная массе революционная ментальность, которую историки обычно называют «разиновщиной», вспыхнув в революции 1917 г. и проявившись в последующем развертывании гражданской войны, сменилась консервативным комплексом – потребностью в порядке и в сильном лидере или вожде. Соответственно, порядок, каким видит его масса, как раз и связан с сильным и жестоким лидером, требующим всеобщего и беспрекословного повиновения. Взрыв этого консервативного комплекса, что окрашивает в особые психологические тона период реакции в истории революции, означает тольк то, чт вместо свободы, являющейся целью революции, возникает несвобода, а вместе с ней в истории развертывается регресс. Этот регресс предстает в форме спровоцированного революцией нового «варварства». То, что начинает происходить в постреволюционной реальности, упраздняет все романтические идеи о революции, которыми жили целые поколения русских людей, пытающихся реализовать мечту о лучшей жизни, справедливости и свободе.

Ключевые слова: революция, период реакции, Сталин, постреволюционный период, творческий ответ, психоанализ, кризис идентичности, ментальность, масса, вождь, древние пласты культуры, новое варварство, реабили тация имперского комплекса, воля к власти, вторая мировая война

N. A. Khrenov

Post-Revolutionary Situation in Russia: from a Psychoanalytic Portrait of the Leader to Mentality of the Masses

The article continues a series of publications in the field of the cultural-philosophical research of the Russian revolution and a post-revolutionary era in the history of Russia as a civilization. The main thing here is the analysis of the psychological aspect of the Revolution of 1917 and its consequences for the subsequent Russian history. According to the author, the Stalin period can not be considered as an independent period in the Soviet history. Though, apparently, the Revolution and the Civil War finished, and creation of the socialist state begins, that can be considered as a new and independent period in relation to the Revolution, actually, what was considered as creation of socialism, nevertheless is the post-revolutionary period, and, even more precisely, a reaction as the final stage of the Revolution. At this stage the processes, caused by that revolutionary flash that had happened in 1917, continued to be developed. The Russian Revolution, as well as all revolutions in general, comes to the end with the reaction period. The Stalin period is a period of reaction and reality of what we call a totalitarian regime. As in political, and in a more extend in the publicistic relation this period is well comprehended, the author in this article concerns exclusively a psychological aspect of this period. He sets before himself the purpose to explain why at this stage of revolutionary history the person took power, who as L. Trotsky states, is considered to be less known, than those revolutionary leaders who declared themselves at an early, i.e. romantic stage of the Revolution. Answering this question, the author as a culturologist sees need to pay attention to the psychological complexes, which arose in revolutionary processes, in particular, to mentality of the masses. This mentality is a result of many century historical

© Хренов Н. А., 2018

experience, where it is possible to find both positive, and negative, and, even more precisely, conservative tendencies. It should be noted that in the psychological relation the Revolution of 1917 is badly studied. Trying to focus attention on this aspect, the author of the article notes that revolutionary mentality peculiar to the masses, which historians usually call «razinovshchina», having flashed in the Revolution of 1917 and having presented in the subsequent expansion of the Civil War, was replaced by a conservative complex – the need for order and a strong leader. Respectively, the order, that the masses see it, is connected with the strong and cruel leader demanding general and implicit obedience. Explosion of this conservative complex, that paints the reaction period in the history of the Revolution in special psychological tones, means only that instead of freedom, which is a revolution purpose, there is unfreedom, and together with it the regress is developed in the history. This regress appears in the form of new «barbarity» provoked by the Revolution. And the things that happen in post-revolutionary reality abolish all romantic ideas about revolution, which were the sense of life for some generations of the Russian people trying to realize the dream of the better life, justice and freedom.

Keywords: revolution, the reaction period, Stalin, the post-revolutionary period, the creative answer, psychoanalysis, crisis of identity, mentality, the masses, a leader, ancient layers of culture, new barbarity, rehabilitation of the imperial complex, will to the power, World War II.

Хотя в последние десятилетия Сталину, как и ситуации его прихода к власти, а также методам его управления страной, было уделено достаточно внимания, все же какие-то нюансы, связанные с этой эпохой, все еще остаются недостаточно осмысленными. Если Сталин как не самый известный политик в среде большевиков пришел к власти, то, конечно, это можно объяснить, в том числе, и его характером, и его волевыми качествами. Но это всей сложности момента все же не исчерпывает. Мы обратим внимание на факторы, что способствовали и его восхождению к власти, и тому, что ему в течение длительного времени эту власть удавалось сохранить.

Пытаясь воссоздать обстоятельства, благоприятствующие приходу Сталина к власти и возникновению ситуации в годы второй мировой войны, когда в экстремальной ситуации нужно было давать «творческий ответ», мы никак не можем обойтись без характеристики личности Сталина, хотя очевидно, что этот аспект всей сложности возникшей ситуации объяснить не может. В личности будущего вождя было нечто такое, что на романтическом этапе революции в полной мере проявиться не могло. Это «нечто» проявилось в период, когда революция завела общество в тупик. Ему приходилось выводить страну из тупика. Он давал «творческий ответ». Давал, в том числе, и в ситуации совершенно экстремальной, то есть в ситуации войны. Но был ли этот «творческий ответ» верным? Была ли альтернатива?

Личность Сталина явно нуждается в психоаналитическом истолковании. Не случайно такая попытка истолковать личность Сталина с точки зрения З. Фрейда уже имела место. В незаконченной биографии Сталина, написанной Л. Троцким, имя З. Фрейда упоминается [3]. Но раз З. Фрейд упоминается, то тут, разумеется, невозможно обойтись без Эдипова комплекса, а, следовательно, без драматических взаимоотношений отца и сына. Естественно, что раз сын стал бунтовщиком, мятежником, революционером, то нельзя отрицать травмы, связанной с жесткими установками отца к сыну. Как можно предположить, мстительность будущего вождя, принявшая в период его пребывания у власти, столь гипертрофированные и чудовищные формы, берет начало в этой детской травме, в Эдиповом комплексе. Как свидетельствуют знавшие юного Иосифа в детстве люди, отец Иосифа, перебравшийся из деревни в город, был сурового нрава, к тому же был алкоголиком. Своим поведением он изгонял из сердца ребенка любовь к людям, отцу и богу («Незаслуженные, страшные побои сделали мальчика столь же суровым и бессердечным, как был его отец» [3]). Не удивительно, что эту враждебность Сталин будет переносить на всех, кто мог иметь какую-либо над ним власть. Таким образом, предпосылки к садизму, принявшему в период, когда Сталин оказался на вершине власти, были заложены еще в детстве. В том, что Сталин представляет классический тип садиста, не приходится сомневаться. Под этим углом зрения характер Сталина пытался проанализировать Э. Фромм, используя приводимые Р. Медведевым факты [6].

Однако когда Л. Троцкий негативных черт в характере Сталина касается, то акцент с семейных отношений он переносит на социальные отношения, в частности, на переживания ребенка Иосифа, связанные с социальными перегородками. Сын бедного ремесленника-сапожника, каким был его отец, рано ощутил унизительность социального неравенства. В последующий период Иосиф Джугашвилли предстает одним из самых бедных учеников духовного училища в Гори. Весьма показательна фраза юного Сталина, сказанная одному из его товарищей: «Знаешь, нас обманывают, бога не существует…». За духовным училищем в Гори последовала духовная семинария в Тифлисе. Сталин, однако, не стал священником. Ряса священника была сброшена. Он так и не овладел искусством смирения. Вкус к богословию утрачен.

Происходит разрыв с религией. Любимый герой юного Сталина – восставший против властей романтический вождь горцев – Коба из романа Казбеги «Нуну». Далее – марксистский кружок, в границах которого ressentiment юного бунтаря Иосифа приобретет революционные и, следовательно, идеологические формы. Так, собственно, и бывает. Бунтарский дух юноши может получить выражение в сообществе, утверждающем какое-либо мировоззрение «В околодвадцатилетнем возрасте молодые люди, – пишет Э. Эриксон в монографии, посвященном Лютеру – даже при отсутствии явной идеологической вовлеченности или интереса, отдаются с преданностью отдельным лидерам и группам, напряженной деятельности или сложным делам…» [7].

Но это принимаемое юношей новое мировоззрение может способствовать развитию как конструктивных, так и деструктивных комплексов. В случае со Сталиным получил развитие деструктивный комплекс, направленный на разрушение социального строя, который явился слагаемым марксистской идеологии. Подчеркивая роль идеологии в преодолении кризиса юношеской идентичности, Э. Эриксон пишет: «Идеологии канализируют юношескую взрывную нетерпимость и искренний аскетизм, равно как юношескую склонность к острым впечатлениям и к бурному негодованию, в направлении того социального фронтира, где наиболее оживленная борьба между консерватизмом и радикализмом» [7]. Что касается Сталина, то воспринимаемая им марксистская идеология не только преображала деструктивные инстинкты в высшие формы борьбы с социальной несправедливостью, но и давала возможность проявиться им в непосредственных деструктивных формах. Речь в данном случае должна идти о той деятельности Сталина, о которой партия всегда умалчивала, а именно, об экспроприациях.

Сегодня не столь важно, какие субъективные мотивировки для оправдания единоличной власти были у Сталина. Важно уяснить, насколько с объективной точки зрения оправдан взятый им политический курс. Чтобы это понять, необходимо «творческий ответ» Сталина осмыслить одновременно с нескольких точек зрения. Когда Л. Троцкий пытается понять феномен перерождения революционеров в новой ситуации, ему на память приходит аморализм, характерный для эпохи упадка Римской империи и западного Ренессанса. А. Лосев об эпохе Ренессанса пишет, что тогда выдвинулись сильные личности, отличавшиеся беспощадной жестокостью и неистовой яростью [1]. Л. Троцкий, проводя такую параллель, утверждает, что революция вернула к этим эпохам и даже превзошла их по масштабу жестокостей и зверств. Вспоминая о применении ядов для отравления врагов во времена Нерона, он пишет: «Доверие при римском дворе не было очень высоко, как и в нынешнем Кремле» [3]. Л. Троцкий делает переход от цезаризма Древнего Рима к Сталину («Власть Сталина представляет собою современную форму цезаризма» [3]).

Вакханалия подозрительности, недоверия и насилия характерными также оказались для эпохи Лодовико Сфорца, Лоренцо Медичи и Цезаря Борджиа. В ту эпоху распространялись жажда мести, ложь и подлог, преступления и человекоубийства, кровожадная жестокость. Не отказывая названным фигурам в положительных чертах, поскольку они были яркими личностями и в них сочетались честолюбие и беззаботность, легкомыслие и беспощадность, свирепость и великодушие, Л. Троцкий этого противоречия лишает Сталина, который хотя и напоминает сверхчеловека Ренессанса, но представляет лишь самую мрачную сторону его души и начисто лишен светлой. «Чтобы быть похожим на сверхчеловека эпохи Возрождения, Сталину не хватает красок, личности, размаха, соображения, капризного великодушия. В ранней молодости, после того, как он оказался вынужден покинуть семинарию за неуспешность, он одно время служил в тифлисской обсерватории бухгалтером. Хорошо ли он вел приходно-расходные книги обсерватории, осталось неизвестным. Но бухгалтерский расчет он внес в политику и в свое отношение к людям. Его честолюбие, как и его ненависть, подчинены строгому расчету. Люди Возрождения были дерзки, Сталин осторожен. Он долго носит свою ненависть, пока она не превращается в отстой. Его месть имеет гигантский размах потому, что он стоит не на земле, а наверху самого грандиозного из всех аппаратов. Аппаратом же Сталин овладел так как был неизменно верен ему. Он изменял партии, государству, программе, но не бюрократии» [3].

Переключая внимание с эмпирической истории революции как истории событий на глубинные трансформации российской истории XX века, мы претендуем на рассмотрение всего периода, который в истории представлен Сталиным, с точки зрения российской ментальности, как, впрочем, и российской культуры. Необходимо проследить не только императивы его политического курса, но и трансформации культуры, происходящие под воздействием этого курса, как, впрочем, и трансфор-

мацию большевистского курса и, в частности, курса Сталина под воздействием ментальности русских. Так, Октябрьская революция оказалась событием, которое не только приближало будущее, но и возвращало прошлое, до того остающееся упрятанным в подсознание народа.

Об этой трансформации ментальности, вышедшей из подсознания, хорошо сказал Г. Федотов, обративший внимание на то, что как бы ни были резки разрывы исторических эпох, они все же не в силах упразднить историческую непрерывность. Мы делаем это наблюдение Г. Федотова определяющим для понимания «творческого ответа», данного Сталиным. «Сперва подпочвенная, болезненно сжатая, но древняя традиция выходит наружу, – пишет Г. Федотов – сказываясь не столь в реставрациях, сколько в самом модернистском стиле воздвигаемого здания. Однако старина эта бывает не похожа на недавнее, только что убитое прошлое. Из катастрофы встают ожившими гораздо более древние пласты. Можно сказать, пожалуй, что в человеческой истории, как в истории земли, чем древнее, тем тверже: гранит и порфир не легко рассыпаются. Вот почему, не мечтая о воскрешении начал Х1Х века, мы можем ожидать – и эти ожидания отчасти уже оправдываются – воскрешения старых и даже древних пластов русской культуры» [5].

В данном суждении Г. Федотов затронул то, что нам хотелось бы проиллюстрировать на примере восхождения Сталина к власти и пребывания его на протяжении десятилетий на вершине власти. Что же все-таки было главным в выходящем из исторической памяти на поверхность ментальном комплексе народа, являвшегося до радикальных изменений подданным империи? Дело в том, что революция хотя и позволяла проявить анархический комплекс, сопровождавший порыв к свободе, но этот период долго не продолжался. Очень скоро масса ощутила дискомфорт от утраты империи и готовность ее вернуть. Так, уже в 1922 году Н. Устрялов диагностировал эту готовность к реабилитации империи. «В русской душе рядом с инстинктами анархического бунтарства (отрицательно связанными с повышенным чутьем предельной правды) искони уживалась воля к здоровой государственности большого размаха и калибра. Быть может, тем тверже и действенней была эта воля, что для торжества своего ей приходилось преодолевать не только внешние исторические препятствия, но и неумолимую внутреннюю самокритику» [4]. Но то, что случалось в истории не раз, то проявилось и в первые постреволюционные годы. «Но и разрушив конкретную форму своего государственного бытия, под конец, утратившую жизненные соки, он не мог перестать и, конечно, не перестал быть государственным народом, и, предоставленный самому себе, затосковал по государственности в бездне анархии и бунтарства» [4]. Изменяющаяся ментальность, несомненно, потребовала и тех типов личности, которые могли бы быть способными вывести массу из всех исторических бурь.

Однако вот ведь что интересно. Сталина окружало множество революционно настроенных молодых людей, и они могли иметь такие же детские травмы, как и Сталин. Но вождями они не стали. Сталин таким вождем стал. Его жизнь – это иллюстрация идеи Ф. Ницше по поводу воли, сведенной философом к воле к власти, которая постепенно трансформируется в планетарный комплекс. Ведь как утверждает Д. Андреев, идея мировой революции и была таким планетарным комплексом. Посвящая свое психоаналитическое исследование молодому Лютеру, Э. Эриксон невольно обращается к диктатору XX века – Гитлеру. Но биография Лютера в еще большей степени провоцирует на сопоставление с биографией Сталина. Ведь и тот и другой должны были стать смиренными верноподданными церкви и богу. Правда, революция Лютера развертывалась в границах религии, и он все делал, чтобы религиозная реформа не развертывалась в формах социального движения и революции. Тем не менее, как и Лютер, Сталин смог преодолеть кризис юношеской идентичности с помощью принятия радикальной идеологической доктрины. Как и в случае с Гитлером, так и в случае со Сталиным мы имеем дело с жестоким отцом и с противостоянием отцу. Касаясь этой темы, Э. Эриксон пишет: «Понадобился бы очень обстоятельный анализ, чтобы показать, какими путями некий мальчик может вплавить свою мечту в историю и стать гением зла, и как целый народ оказался готов принять эмотивную власть этого гения как воплощение надежды на осуществление национальный устремлений и как гарантию против преступности» [7].

В случае со Сталиным необходимо тоже понять, как целый народ оказался готовым принять императивы этого лидера. Выяснение этого обстоятельства требует ответа на вопрос: достаточно ли личных свойств будущего лидера для того, чтобы занять место на вершине власти и удержаться на этой вершине в самых экстремальных ситуациях, случившихся в истории, какой, например, явилась вторая мировая война? Ведь в определенном смысле

вторая мировая война предстает очередным актом мировой драмы, а первым ее актом была первая мировая война и русская революция. Именно в первом акте свобода, которая понималась в соответствии с идеалами французской революции, то есть как политическая свобода, представала еще и в других одеждах, а именно, в цивилизационных. Если первая мировая война была не только причиной, но и следствием заката Запада, то русская революция была следствием этого заката. Революционная Россия оказалась первой и единственной страной, продемонстрировавшей выход за пределы императива вестернизации.

Но что означает выход? Чтобы выйти из западной цивилизации, необходимо сначала туда войти. А вошла она туда лишь на поздних этапах истории. Это вхождение было весьма поверхностным. Ментальность русских к этому времени была сформирована византийской традицией. Россия обернулась. Из послушной ученицы она превратилась в бунтарку. Воспользовавшись маргинальной для Запада концепцией, а именно, концепцией Маркса, не имеющей столь серьезного значения для самого Запада, эту концепцию Россия обратила против Запада.

Выставляя заслон против красной заразы во второй мировой войне, Запад пытался смирить и подавить некогда возникший в его недрах комплекс сопротивления, который, тем не менее, в границах собственно западной цивилизации постоянно имеет место. В начале XX века этот комплекс, соприкоснувшийся с русской ментальностью и спровоцировавший в ней активность, начал принимать очевидные и угрожающие Западу формы. Именно поэтому уже в новой ситуации Сталину пришлось завершать то действие, которое в первые десятилетия XX века случилось в России. Можно даже утверждать, что судьба революции, столь неясная не только в 20-е, но еще и в 30-е годы, когда Сталин уже объявил построение социализма, все еще представляла проблему. Несмотря на сталинскую пропаганду, невозможно было не ответить на вопрос: так что же принесла революция, что она дала народу, явилась ли она конструктивной или деструктивной? Нужно было вводить жизнь в какие-то берега и, может быть, не совсем в те, в которые ее, как казалось, вводил Сталин.

Эта ситуация неопределенности и нестабильности как следствие распада старой империи подводила к острой проблеме идентичности русских. Вот почему в России с таким интересом вчитывались в диагноз «заката» европейского мира, представленный Шпенглером, этим, как некоторые считали, «прусским славянофилом», поскольку он ставил акцент не столько на родстве России и Запада, сколько на их несходстве. Более того, закату Запада Шпенглер противопоставил оздоровляющий мир свет с Востока, что, конечно же, соотносилось с Россией. Трактат Шпенглера появился в Германии в 1918 году, а его издание в России было предпринято в 1923 году. Этому интересу к Шпенглеру в России благоприятствовал начавшийся после первой мировой войны и революции процесс новой мировоззренческой и культурной самоидентификации [2].

В любом случае в очередном акте мировой драмы активное участие должны были принять и другие народы. Вторая мировая война в определенном смысле была реакцией на русскую революцию 1917 года. Она должна была под этой революцией подвести черту. Тот сценарий, который возник в сознании русских марксистов, начали реализовывать Ленин и Троцкий. Но продолжить его реализацию обязан был Сталин. Этот финал революции совершался именно во второй мировой войне. Эта война выносила приговор совершенному некогда большевиками деянию – конструктивным или деструктивным оно было? Война решала судьбу революции, судьбу России, но, между прочим, и судьбу самого Сталина, ведь утверждал же Гегель, что война способна укреплять власть.

Библиографический список

1. Лосев, А. Эстетика Возрождения [Текст] / А. Лосев. – М, 1978. – С. 125.

2. Тиме, Г. Закат Европы как центральная мысль русской философии. Полемика о Шпенглере в России начала 1920-х годов [Текст] // Россия и Германия в XX веке : Т. 2. Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы. – М., 2010. – С. 460.

3. Троцкий, Л. Сталин [Текст] : В 2-х т. : Т. 1 / Л. Троцкий. – М., 1990. – С. 11–28.

4. Устрялов, Н. Под знаком революции [Текст] / Н. Устрялов. – Харбин, 1925. – С. 244–254.

5. Федотов, Г. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры [Текст] : Т. 2 / Г. Федотов. – СПб., 1992. – С. 164.

6. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности [Текст] / Э. Фромм. – М., 1994. – С. 248.

7. Эриксон, Э. Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование [Текст] / Э. Эриксон. – М., 1996. – С. 82–83, 198.

Bibliograficheskij spisok

1. Losev, A. Jestetika Vozrozhdenija [Tekst] / A. Losev. – M., 1978. – S. 125.

2. Time, G. Zakat Evropy kak central'naja mysl' russkoj filosofii. Polemika o Shpenglere v Rossii nachala 1920-h godov [Tekst] // Rossija i Germanija v HH veke : T. 2. Burnye proryvy i razbitye nadezhdy. Russkie i nemcy v mezhvoennye gody. – M., 2010. – S. 460.

3. Trockij, L. Stalin [Tekst] : V 2-h t. : T. 1 / L. Trockij. – M., 1990. – S. 11–28.

4. Ustrjalov, N. Pod znakom revoljucii [Tekst] / N. Ustrjalov. – Harbin, 1925. – S. 244–254.

5. Fedotov, G. Sud'ba i grehi Rossii. Izbrannye stat'i po filosofii russkoj istorii i kul'tury [Tekst] : T. 2 / G. Fedotov. – SPb., 1992. – S. 164.

6. Fromm, Je. Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti [Tekst] / Je. Fromm. – M., 1994. – S. 248.

7. Jerikson, Je. Molodoj Ljuter. Psihoanaliticheskoe istoricheskoe issledovanie [Tekst] / Je. Jerikson. – M., 1996. – S. 82–83, 198.

Reference List

1. Losev A. Aesthetics of the Renaissance / A. Losev. – M., 1978. – Page 125.

2. Tim, G. Sunset of Europe as central thought of the Russian philosophy. Polemic about Spengler in Russia the beginnings of the 1920s years // Russia and Germany in the XX century: V. 2. Rough breaks and the shattered hopes. Russians and Germans in interwar years. – M., 2010. – Page 460.

3. Trotsky L. Stalin : In 2 v.: V. 1 / L. Trotsky. – M., 1990. – Page 11–28.

4. Ustryalov N. Under the sign of revolution / N. Ustryalov. – Harbin, 1925. – Page 244–254.

5. Fedotov G. Fate and sins of Russia. The chosen articles on philosophy of the Russian history and culture : V. 2 / G. Fedotov. – SPb., 1992. – Page 164.

6. Fromm E. Anatomy of human disruptiveness / E. Fromm. – M., 1994. – Page 248.

7. Eriksson E. Young Luther. Psychoanalytic historical research / E. Eriksson. – M., 1996. – Page 82–83, 198.

Дата поступления статьи в редакцию: 11.04.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10058
УДК 008

Г. Н. Кочешков
https://orcid. org/0000-0003-2630-6668

В эмиграции: жизнь и судьба А. А. Кизеветтера

Рассмотрены малоизученные аспекты научной и общественной деятельности выдающегося историка А. Кизеветтера, находившегося в вынужденной эмиграции в Праге. Статья раскрывает многогранные таланты А. Кизеветтера по организации новых учебных заведений для студентов, интересовавшихся славянской историей. Дается анализ «Русской акции», проведенной по инициативе первого президента Чехословакии Т. Масарика, цель которой – оказание помощи русским эмигрантам. На собранные деньги в Праге был открыт Русский университет. Были установлены 1000 стипендий для студентов-эмигрантов, что являлось неоценимой материальной помощью для них. Показана роль А. Кизеветтера в создании Народного университета. Проанализирована лекторская деятельность ученого, который выступал с лекциями по истории России не только в Чехословакии, но и в других европейских странах. Активная позиция А. Кизеветтера проявлялась и в общественных делах. В статье отмечается, что за неоценимый вклад в дело популяризации русской истории и русской культуры за границей А. Кизеветтер был награжден высшим орденом Югославии. Но более известен А. Кизеветтер своими научными исследованиями. В статье дается анализ наиболее значимых исторических работ ученого – «Исторические силуэты. Люди и события» и «Общие построения русской истории в современной литературе». Автор статьи отмечает высокое мастерство историка в воспроизведении портретов выдающихся государственных деятелей XVIII в. – Екатерины II и Г. А. Потемкина. Художественный стиль, изящество, тонкое и точное исследование характеров героев, взятых А. Кизеветтером в качестве объекта изучения, – это талант, отличающий историка от других современников, работавших в той же научной сфере. А. Кизеветтер не примыкал ни к одной из политических партий, ни к одному из политических течений, широко распространенных в эмигрантских кругах. Тем не менее он принимал участие в дискуссиях на острые политические темы, посвященные судьбе России, взаимоотношениям с большевиками. В статье затрагивается полемика А. Кизеветтера с В. Маклаковым, настроенным крайне пессимистично в оценке возможности эмиграции в борьбе с советским режимом.

Ключевые слова: эмиграция, Русская акция, Народный университет, научная деятельность, советский режим, студенчество, дискуссии, исследования.

G. N. Kocheshkov

In Emigration: A. A. Kizevetter's Life and Fate

Poorly studied aspects of scientific and public work of outstanding historian A. Kizevetter, who was in expatriation in Prague, are considered. The article discloses many-sided talents of A. Kizevetter on the organization of new educational institutions for the students, who were interested in Slavic history. The analysis of «the Russian action» is presented, that was carried out at the initiative of the first president of Czechoslovakia T. Masarik, its purpose was to assist the Russian emigrants. On the raised money in Prague the Russian university was opened. There were 1000 grants for student-emigrants, and financial support was invaluable for them. A. Kizevetter's role in creation of Public university is shown. Lecturing activity of the scientist is analysed, who performed lectures on Russian history not only in Czechoslovakia, but also in other European countries. A. Kizevetter's active position was shown also in public affairs. In the article it is noted that A. Kizevetter was awarded with the Highest Order of Yugoslavia for invaluable contribution in promoting of the Russian history and the Russian culture abroad. But A. Kizevetter is better known for the scientific research. In the article is given the analysis of the most significant historical works of the scientist – «Historical silhouettes. People and events» and «The general creation of the Russian history in modern literature». The author of the article notes great skills of the historian in reproduction of portraits of outstanding statesmen of the 18th century – Catherine II and G. A. Potemkin. Art style, grace, a thin and exact research of characters of the heroes, taken by A. Kizevetter as objects of study – are the talent distinguishing the historian from other contemporaries working in the same scientific sphere. A. Kizevetter adjoined neither one of political parties, nor one of political trends, widespread in emigrant circles. Nevertheless, he participated in discussions on the sensitive political issues devoted to the fate of Russia, relationship with Bolsheviks. In the article A. Kizevetter's polemic with V. Maklakov is presented, who was extremely pessimistic in assessment of a possibility of emigration in fight against the Soviet regime.

Keywords: emigration, Russian action, Public university, scientific activity, Soviet regime, students, discussions, researches.

В первые годы своего правления большевики проводили жесткую репрессивную политику в отношении русской интеллигенции, в результате которой более 300 ученых и деятелей культуры вынуждены были покинуть страну. Центрами эмиграции в те годы становятся Белград, Берлин,

© Кочешков Г. Н., 2018

Варшава, Прага, Париж, Рига, София, Харбин. Известный юрист и историк Б. Э. Нольде писал: «Из России ушла не маленькая кучка людей, группировавшаяся вокруг опрокинутого жизнью мертвого принципа: ушел весь цвет страны, все те, в руках которых было сосредоточено руководство ее жизнью, какие бы стороны этой жизни мы не брали. Это уже не эмиграция русских, эмиграция России» [1, с. 4].

Среди эмигрантов было немало известных, талантливых историков, философов, литераторов: И. А. Бунин, И. А. Куприн, А. Н. Толстой, К. Д. Бальмонт, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, П. Н. Милюков, П. Б. Струве, П. А. Сорокин и др. В их числе оказался и профессор А. А. Кизеветтер, проживший последние годы в Праге.

В Чехословакии существовала большая русская колония, своеобразное русское землячество. «Удивительное зрелище можно было увидеть в те времена на улицах тогда еще совсем не привыкшей к положению столицы, еще провинциальной, хотя и глубоко европейской, тихой Праги, – писал Д. Мейснер, – Возле университета и политтехникума толпами ходили русские молодые люди, громко говорящие, одетые часто в экзотическое сочетание остатков военной одежды и первых атрибутов гражданского платья» [5, с. 126].

Немало добрых слов заслуживает первый премьер-министр Чехословакии Карел Краморж, много сделавший для создания вполне приемлемой жизни русских поселенцев в Праге. К. Краморж питал особые симпатии к России, радушно принимая в своем доме огромное количество гостей. «Многие известные русские генералы старой России, – свидетельствовал Д. Мейснер, – руководители белой партии, представители эмигрантского православного духовенства, ученые консервативного и умеренно-либерального направления, политики правого толка, писатели, а то и просто отощавшие на чужбине эмигранты, ставшие прихлебателями. Все эти, часто совсем разные, люди находили у Крамаржа и стол, и дом» [5, с. 129].

По инициативе К. Крамаржа с привлечением денег меценатов и общественных деятелей, в Праге были построены православная церковь и кладбище, на котором похоронены многие известные общественные деятели и ученые России.

Благородное дело К. Крамаржа продолжил первый президент Чехословакии, известный философ и социолог Т. Масарик. В 1921 г. им была организована «Русская акция», цель которой – оказание помощи российской эмиграции. По мнению М. Раева, акция имела политический подтекст – побудить интеллигенцию покинуть Советскую Россию, дни которой, казалось, уже сочтены. Кроме того, свою помощь чешское правительство рассматривало как акт благодарности царской (прежней) России за оказанную ею поддержку национальных движений чехов и словаков [8, с. 82].

Благодаря «Русской акции» были найдены средства на организацию Русского университета, в котором функционировали гуманитарные и юридические факультеты, открыт Экономический кабинет и ряд специальных учреждений при нем, которые изучали и делали прогноз экономической ситуации в СССР. Действовал семинар имени Н. П. Кондакова, специализировавшийся в области искусства и медиевистики. В Русском университете преподавал и А. А. Кизеветтер. Чешское правительство установило 1000 стипендий для студентов – эмигрантов. Русские учебные заведения полностью признавались чешским министерством образования; на основании результатов экзаменов выпускникам выдавали собственные дипломы по образцу дипломов Российских университетов царских времен [8, с. 83]. Однако найти работу по специальности в Чехословакии было крайне сложно. По воспоминаниям выпускника юридического факультета Д. Мейснера, студенты изучали русское право далеко за пределами своей страны, «притом право, на ее просторах давно уже отмененное». Небольшая часть выпускников Русского университета находила работу в государственных учреждениях Чехословакии, но большинство отправлялось искать счастье в Париж – «столбовой дороги нашей эмиграции, где они становились шоферами, рабочими на заводах, или уезжали в далекие, часто заокеанские страны» [5, с. 182].

В составе Русского университета находились Технический институт и Сельскохозяйственная школа, готовившие специалистов-практиков для новой России, России без большевиков. Прагу посещали многие известные ученые, читавшие лекции в русских учебных заведениях: из Берлина приезжали философы С. Франк и Ф. Степун; из Белграда – П. Струве; из Парижа – П. Милюков.

Прибыв с семьей в столицу Чехословакии в 1923 году, А. А. Кизеветтер сразу включился в научную и общественную жизнь. Вместе с П. И. Новгородцевым, ученым-юристом, он принял активное участие в создании Народного университета, который был известен не только своими профессорами, но и издававшейся на базе университета научной продукцией. Статьи ученых, публиковавшиеся в университетских сборниках, являлись своеобразным продолжением их дорево-

люционных исследований. А. Кизеветтер возглавлял историко-философское отделение университета, входил в Совет преподавателей. По поручению руководства Народного университета А. А. Кизеветтер выступал с лекциями в разных уголках страны.

А. А. Кизеветтер был приглашен для прочтения курса русской истории в Карлов университет, что являлось свидетельством признания высоких заслуг ученого в области гуманитарных наук. Такая возможность (преподавание в Карловом университете – Г. К.) предоставлялась далеко не каждому ученому, а лишь тем, кто был известен в мировом сообществе ученых.

А. А. Кизеветтер читал лекции в Берлине, Белграде и в других европейских городах. Выступления ученого-историка пользовались неизменным успехом, собирая многочисленные аудитории. В одном из писем (16 апреля 1927 г.) из Белграда к родным он отмечал, что «все сербские газеты поместили его портрет и приветственные речи», а в одной из газет было написано, что «успеху Кизеветтера могут позавидовать Анна Павлова и Шаляпин» [2, с. 103].

А. А. Кизеветтер активно занимался и общественной деятельностью, участвуя в различных съездах, собраниях, юбилейных мероприятиях. В сентябре 1928 г. в Белграде состоялся съезд ученых, на котором Кизеветтеру вручили звезду Св. Саввы, один из самых значимых орденов Югославии, что являлось свидетельством его высоких заслуг в области истории и культуры. В 1930 г. он был избран председателем V съезда русских ученых за границей. А. Кизеветтер постоянно выступал на так называемых Днях русской культуры, организованных по инициативе эмигрантского Комитета.

С 1923 г. в Праге начинает действовать Русский заграничный исторический архив, в котором были собраны анклавы документов, газет, книг по истории России первых десятилетий XX в. Большое количество материалов было сосредоточено в фонде по истории Гражданской войны. Руководил архивом Ученый Совет, в который входил и А. А. Кизеветтер.

В 1924 г. при министерстве иностранных дел в Чехословацкой республики была создана Русская библиотека с архивным фондом. Библиотека располагала сетью «агентов» в центрах русской диаспоры, собиравших новые материалы по различной тематике, представлявшие определенный интерес для русских эмигрантов. Русский заграничный исторический архив и Русская библиотека рассматривались как хранилище документов Русского Зарубежья, подобно старым библиотечным собраниям империи [8, с. 91].

А. Кизеветтер стал одним из учредителей, созданного в Праге в 1925 г. Русского исторического общества, первым председателем которого был известный историк Е. Ф. Шмурло (фактический основатель Русского исторического общества. – Г. К.). С 1931 г. руководителем общества стал А. А. Кизеветтер. Русское историческое общество много сделало для развития русской исторической науки за рубежом: финансировало проведение семинаров, научных дискуссий, издавало собственное периодическое издание «Записки русского исторического общества в Праге» (1927–1930). В издании «Записок» принимали участие и ученые исторического факультета Русского университета, где преподавал А. А. Кизеветтер, но ввиду нехватки денежных средств журнал выходил нерегулярно. Желающих публиковаться в «Записках» было немало; большие работы печатались частями в разных выпусках. Как правило, авторы научных статей использовали материалы собранные ими в России, еще до эмиграции [8, с. 201–201].

А. Кизеветтер сотрудничал со многими журналами и газетами. Его статьи – научные, публицистические, полемические – печатались в таких журналах как «На чужой стороне», «Воля народа», «Возрождение», «Русь», «Сегодня». Особым авторитетом пользовался журнал «Современные записки», издававшийся с 1920 года. В первом номере журнала редакция опубликовала заявление следующего содержания: «Нашему журналу суждено выходить в особо тяжких для русской общественности условиях: в самой России свободному, независимому слову нет места, а здесь, на чужбине, сосредоточено большое количество культурных сил, насильственно оторванных от своего народа, от действенного служения ему. Это обстоятельство делает особенно ответственным положение единственного сейчас большого русского ежемесячника за границей. „Современные записки" открывают поэтому широко свои страницы, – устраняя вопрос о принадлежности авторов к той или иной политической группировке, – для всего, что в области художественного творчества, научного исследования или искания общественного идеала представляет объективную ценность с точки зрения русской культуры… Как журнал общественно-политический, „Современные записки", орган внепартийный, намерены проводить ту демократическую программу, которая, как итог русского освободительного движения XIX и начала

XX в., была провозглашена и воспринята народами России в мартовские дни 1917 г. Редакция считает необходимым установить здесь лишь основную точку зрения: что воссоздание России несовместимо с существованием большевистской власти; что оно возможно лишь в меру самодеятельности внутренних сил самого русского народа и что разрешение этой задачи, непосильной для одной партии или класса в отдельности, требует объединенных усилий всех искренне порвавших со старым строем и ставших на сторону общенародной революции 1917 г.» [8, с. 114–115].

В журнале публиковали свои произведения многие известные эмигранты: писатели и поэты А. Толстой, Д. Мережковский, З. Гиппиус, А. Белый, философы С. Франк, Г. Флоровский, М. Вишняк и др. А. Кизеветтер в основном писал рецензии на исторические и литературные произведения, принимал участие в научных дискуссиях. Известный деятель культуры русского зарубежья М. Вишняк вспоминает об оценке, данной Кизеветтером на его статью об Учредительном собрании. «Мое общее отношение к идее Учредительного собрания иное, чем Ваше, – писал Кизеветтер Вишняку. – Для Вас оно «символ Вашей политической веры», для меня – только один из приемов государственного строительства, при одних обстоятельствах пригодный, при других – непригодный. Мне кажется, что в данном вопросе «Вы более романтик, я – более реалист» [2, с. 105–106].

Русская эмиграция была крайне неоднородной как по социальному статусу, так и по политическим воззрениям. Среди эмигрантов были и лица дворянского происхождения, убежденные монархисты, и представители так называемой разночинной интеллигенции, близкие по духу к либералам. Но их всех объединяло абсолютное неприятие большевистского режима и надежда на скорое падение ненавистного режима. Политический ландшафт эмиграции был невероятно пестр: были среди невозвращенцев и люди крайне левых взглядов – эсеры, анархо-синдикалисты и представители правых течений – ярые сторонники монархии. Значительным влиянием пользовалась партия Народной свободы. Ее правое крыло возглавлял А. В. Карташов, живший в эмиграции в Париже, который вместе с П. Д. Долгоруковым выступал за созыв, так называемого «зарубежного съезда», на котором вся антисоветская эмиграция должна была, по представлению непримиримых сторонников «активной» борьбы, объединиться, чтобы нанести советской власти «последний и решительный удар» [5, с. 159].

Иной позиции придерживался П. Н. Милюков, инициатор проведения «новой тактики» в отношении большевистского режима. В разговоре с Д. Мейснером, бывший лидер кадетов настойчиво проводил мысль о том, что «революция утвердилась, и путей ее пресечения нет». В борьбе с большевизмом необходимо поменять тактику, делая расчет на то, что советская система под влиянием внутренних и внешних обстоятельств будет меняться, эволюционировать. «Кадетская партия – отмечал Милюков, – должна выбросить весь ставшим однородным балласт недавнего прошлого. Она должна прежде всего во всеуслышание отказаться от своего конституционного монархизма и от помещичьих замашек многих видных своих представителей. Надо понять, что к власти пришли в России новые слои, совсем новые. Учитывая этот факт, партия и должна строить свою тактику за границей» [5, с. 162].

Автор «новой тактики» подвергался яростным нападкам как со стороны монархистов, так и со стороны бывших своих соратников по партии. На него неоднократно организовывали покушения. В газете «Последние новости» Милюков с горечью писал, что «трудно им, крупным помещикам, титулованным людям, в эти острые дни потери родины и краха белой борьбы до конца отказаться от сословной психологии и классовых интересов» [5, с. 162].

Особое мнение при оценке будущности России имел известный общественный деятель В. А. Маклаков, который не разделял и позицию П. Милюкова, и взгляды правых либералов в лице А. Карташова. В. Маклаков был настроен пессимистически в отношении влияния эмигрантов на большевистскую Россию. Сохранилась переписку А. Кизеветтера с В. Маклаковым, на основании которой можно определить их взгляды на будущность России. В отличие от Маклакова Кизеветтер верил в скорое освобождение России от большевизма. При этом он считал, что русская эмиграция может помочь россиянам в достижении этой цели путем активной пропаганды русского искусства и культуры в Европе. Маклаков не согласился с мнением Кизеветтера, считая его рецепты борьбы с большевизмом «бесполезными» и «бесплодными» [7, с. 18].

В эмигрантской среде была большая группа философов, историков, социологов, которые не участвовали в политической деятельности, оставаясь, тем не менее сторонниками демократической формы государственного устройства России, резко критикуя большевистское правительство.

К ним примыкал и А. А. Кизеветтер. В марте 1931 г. в газете «Руль» была опубликована статья «От редакции» за подписью А. А. Аргунова, А. Бема, И. В. Гессен, Г. А. Ландау, А. А. Кизеветтера и др. В статье говорилось о необходимости борьбы с большевизмом с целью установления истинно демократического строя. Экономический прогресс России авторы увязывали с подъемом русского крестьянского хозяйства [2, с. 106–107].

Не вступив в эмигрантские политические организации, А. Кизеветтер, тем не менее, участвовал в дискуссиях по вопросу о будущем страны. В статьях, лекциях ученый высказывал свое несогласие с монархическими идеологами, делавшими ставку на военную интервенцию. Кизеветтер считал, что изменение существующего строя в России может произойти лишь в результате деятельности внутренних антисоветских сил; роль эмиграции в этом процессе – вспомогательная [2, с. 107].

А. Кизеветтер все же больше внимания уделял науке. В Праге он опубликовал исследование о русском актере М.С. Щепкине, участвовал в издании курса русской истории под редакцией П. Н. Милюкова. В 1931 г. в Берлине выходит в свет научная монография «Исторические силуэты. Люди и события», в которую вошли и ранее изданные статьи о Екатерине II, Потемкине, Грановском, и новое исследование «Общие построения русской истории в современной литературе», вызвавшее значительный интерес в научных кругах.

В книге «Исторические силуэты» А. Кизеветтер дал блестящую характеристику Екатерине II, отметив, что ее успех в деле совершенствования системы государственного управления объяснялся тем, что императрица оказалась «не ниже и не выше» той задачи, которая стояла перед ней, а как раз «вровень с нею». А. Кизеветтер выделяет особенность натуры Екатерины II, заключающейся в том, что в ней сочетались два свойства, взаимоисключающих друг друга – «страстность желаний» и «расчетливое самообладание при выборе способов и средств к их достижению» [4, с. 122].

С особым изяществом, свойственным А. Кизеветтеру выписан портрет Г. А. Потемкина, выдающегося государственного деятеля эпохи Екатерины II. Человек неутомимой энергии, много сделавший для процветания России и в то же время вызывавший у современников самые разнообразные чувства. Восхищаясь умом Потемкина, его рационализмом и практичностью, в то же время ближний круг императрицы ненавидел его за снобизм, пренебрежение этикету, злую иронию. А. Кизеветтер выделил главную черту в характере Потемкина, которая возбуждала в нем потребность к свершениям – честолюбие. «Движимые честолюбием, Потемкин мог развивать неутомимую рабочую энергию. Тогда он скакал день и ночь в походной кибитке, перелетая чуть ли с быстротою птицы громадные расстояния. Тогда он исписывал вороха бумаги, набрасывая на бумажные листы прямо у себя на колени докладные записки, приказы, письма, инструкции и т.д. Тогда в его умной голове кипели широкие замыслы, смелые идеи, восхищавшие Екатерину. И вдруг посреди этого наступал мертвый штиль, и Екатерина по неделям не могла дождаться от Потемкина ни одной строчки… И тогда Потемкин превращался в сластолюбивого сибарита, дела забрасывались, баловень счастья погружался в любовные наслаждения [7, с. 148–149].

Кизеветтер обладал ясным выразительным слогом. Он был достойным учеником великого В. О. Ключевского, которого он буквально боготворил.

В год смерти русского ученого А. Кизеветтер написал некролог памяти великого учителя, которого он считал создателем русской исторической науки. По мнению Кизеветтера, Ключевский обладал редким сочетанием дарований, которыми наделила его природа: «Ученый и поэт, великий систематик-схематизатор и чуткий изобразитель конкретных явлений жизни, первоклассный мастер широких обобщений и сравнительный аналитик, ценивший и любивший детальные микроскопические наблюдения» [6, с. 139]. Мастер слова и пера Ключевский передал частичку своей гениальности своему любимому ученику – А. Кизеветтеру.

В статье «Общие построения…» А. Кизеветтер подверг критике взгляды историков Б. Э. Нольде и И. И. Бунакова, согласно которым русский народ был не способен к самостоятельному государственному творчеству, а единственной направляющей силой является власть. Русское государство, утверждал Нольде, всегда строилось сверху, а не снизу. Такой взгляд на историю России не являлся новым; его пропагандировали представители государственной школы. Достаточно вспомнить слова главного идеолога историко-юридического направления в русской историографии К. Д. Кавелина: «Вся русская история, как древняя, так и новая, есть по преимуществу государственная, политическая, в особенном, нам одним свойственном значении этого слова» [3, с. 277].

Будучи сторонником государственной схемы исторического развития России, в то же время

А. Кизеветтер считал, что власть обязана прислушиваться к мнению народа. Об этом он писал в своих дореволюционных работах: «Посадская община России XVIII ст.», «Городовое положение Екатерины II 1785 г.». Анализируя социально-политическое положение России в XVII веке, А. Кизеветтер отвергает вывод Б. Нольде о том, что якобы в первой половине столетия царил мир, а во второй – начались стихийные, анархические выступления масс. Историк утверждает, что весь XVII был насыщен бунтами и волнениями масс, характеризовавшимися военными столкновениями народа с властью [9, с. 108]. Таким образом, по Кизеветтеру, русская история совершалась при активном участии общества.

В Праге А. А. Кизеветтер жил достаточно комфортно, в большом доме на одной из главных улиц города; его соседями были известные некогда в России люди: лидер партии эсеров В. М. Чернов, профессор права Петербургского университета С. В. Завадский, писатель Е. Н. Чирков и др. «Жители дома могли видеть, – вспоминал Д. Мейснер, – как по утрам, Кизеветтер, этот высоко талантливый лектор и оратор – многим русским эмигрантам памятны его лекции о прошлом их страны, о деятельности Петра I и об эпохе Екатерины II – выходит из своего дома бодрым, стремительным, но не совсем верным шагом на своих уже старческих ногах. Кизеветтер торопится к трамваю, на лекцию, собрание, в библиотеку, или с маленьким складным стулом под мышкой в большой пражский парк – Стромовку, где он и располагается в тени, обложенный книгами и рукописями. Иногда он задумчиво, а то и очень темпераментно беседует сам с собой, прохаживаясь по аллеям парка. В другой же раз, спеша по улицам Праги, тихонько напевает какие-то довольно бравурные песенки. Маленький, старый, с большой, уже побелевший бородой, с живыми неспокойными глазами и с неистощимым красноречием, щедро отмеренным ему судьбой» [5, с. 206–207].

Живя за границей, А. Кизеветтер постоянно и безысходно тосковал по Родине. Поездки в Ригу и Юрьев (Тарту – Г. К.) в конце 20-х годов взволновали историка. В письме к дочери в 1929 г. из Юрьева он писал: «Проснулся утром, испытал удивительное чувство: точно я волшебством перенесся в Россию. В коридоре слышались русские голоса, а с улицы доносился звон колоколов православной церкви» [2, с. 108].

Однако вернуться в Россию А. А. Кизеветтеру было не суждено. 9 января 1933 г. он умер в своей квартире в Праге, будучи тяжело больным сахарным диабетом.

Русские эмигранты в Париже отслужили по Кизеветтеру панихиду. 1 февраля 1933 г. Русский Академический союз провел вечер памяти Кизеветтера и Платонова (умершего в этот же день. – Г. К.). С докладом о А. А. Кизеветтере и его взглядах выступил П. Н. Милюков [2, с. 109].

Библиографический список

1. Балуев, Б. П. Споры о судьбе России в эмигрантской публицистике 1920-х годов (противостояние двух центров) [Текст] // История и историки: Историографический вестник. – М. : Наука, 2003. – С. 3–33.

2. Вандалковская, М. Г. Вечный россиянин: Александр Александрович Кизеветтер [Текст] / М. Г. Вандалковская // Историки России XVIII – начала XX века. – М. : Науч. изд. центр «Скрипторий», 1996. – 688 с.

3. Кавелин, К. Д. Собрание сочинений [Текст] : Т. 1 / К. Д. Кавелин. – СПб., 1897. – 1256 с.

4. Кизеветтер, А. А. Исторические силуэты [Текст] / сост., общ. ред. и вступ. ст. О. В. Будницкого; прим. С. М. Маркедонова. – Ростов/н/Д. : изд-во «Феникс», 1997. – 477 с.

5. Мейснер, Д. Миражи и действительность. Записки эмигранта [Текст] / Д. Мейснер. – М. : Изд-во АПН, 1996. – 299 с.

6. Памяти В. О. Ключевского [Текст] // Русская мысль, 1911. – № 6.

7. Переписка А. Кизеветтера с Маклаковым В. А. [Текст] // Источник, 1996. – № 2.

8. Раев, М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939 [Текст] / пер. с англ. М. Раев. – М. : Прогресс, 1994. – 296 с.

9. Цепилова, В. И. А. А. Кизеветтер в эмиграции (1922–1933) [Текст] // Известия Уральского государственного унивеситета, 2005. – № 34. – С. 108–114.

Bibliograficheskij spisok

1. Baluev, B. P. Spory o sud'be Rossii v jemigrantskoj publicistike 1920-h godov (protivostojanie dvuh centrov) [Tekst] // Istorija i istoriki: Istoriograficheskij vestnik. – M. : Nauka, 2003. – S. 3–33.

2. Vandalkovskaja, M. G. Vechnyj rossijanin: Aleksandr Aleksandrovich Kizevetter [Tekst] / M. G. Vandalkovskaja // Istoriki Rossii XVIII – nachala HH veka. – M. : Nauch. izd. centr «Skriptorij», 1996. – 688 s.

3. Kavelin, K. D. Sobranie sochinenij [Tekst] : T. 1 / K. D. Kavelin. – SPb., 1897. – 1256 s.

4. Kizevetter, A. A. Istoricheskie silujety [Tekst] / sost., obshh. red. i vstup. st. O. V. Budnickogo; prim. S. M. Markedonova. – Rostov/n/D. : izd-vo «Feniks», 1997. – 477 s.

5. Mejsner, D. Mirazhi i dejstvitel'nost'. Zapiski jemigranta [Tekst] / D. Mejsner. – M. : Izd-vo APN, 1996. – 299 s.

6. Pamjati V. O. Kljuchevskogo [Tekst] // Russkaja mysl', 1911. – № 6.

7. Perepiska A. Kizevettera s Maklakovym V. A. [Tekst] // Istochnik, 1996. – № 2.

8. Raev, M. Rossija za rubezhom. Istorija kul'tury russkoj jemigracii. 1919–1939 [Tekst] / per. s angl. M. Raev. – M. : Progress, 1994. – 296 s.

9. Cepilova, V. I. A. A. Kizevetter v jemigracii (1922–1933) [Tekst] // Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo univesiteta, 2005. – № 34. – S. 108–114.

Reference List

1. Baluev B. P. Disputes on the fate of Russia in emigrant journalism of the 1920s years (opposition of two centers) // History and historians: Historiographic messenger. – M.: Nauka, 2003. – Page 3–33.

2. Vandalkovskaya M. G. Eternal Russian: Aleksander Aleksandrovich Kizevetter / M. G. Vandalkovskaya // Historians of Russia of the XVIII – the beginnings of the XX century. – M. : Scientific Publishing Center «Skriptory», 1996. – 688 pages.

3. Kavelin K. D. Collected works : V. 1 / K. D. Kavelin. – SPb., 1897. – 1256 pages.

4. Kizevetter A. A. Historical silhouettes / author, general editorship and foreword of O. V. Budnitsky; comment of S. M. Markedonov. – Rostov-on-Don. : Feniks Publishing House, 1997. – 477 pages.

5. Meysner D. Mirages and reality. Notes of the emigrant / D. Meysner. – M. : NPA Publishing House, 1996. – 299 pages.

6. Memories V. O. Klyuchevsky // Russkaya Mysl, 1911. – No. 6.

7. A. Kizevetter's correspondence with Maklakov V. A. // Istochnik, 1996. – No. 2.

8. Raev M. Russia abroad. Cultural history of the Russian emigration. 1919–1939 / translated from English by M. Raev. – M.: Progress, 1994. – 296 pages.

9. Tsepilova V. I. A. A. Kizevetter in emigrations (1922–1933) // News of Ural Univesity, 2005. – No. 34. – Page 108–114.

Дата поступления статьи в редакцию: 12.03.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10059
УДК 008;947

С. Г. Осьмачко
https://orcid. org/0000-0001-9304-0754

Культурный стереотип и контркультурное поведение советского человека (на примере дисциплинирования военнослужащих Красной армии 1929–1940 гг.)

В статье расмотрены особенности культурной стереотипизации поведенческой сферы, навязываемой «простому советскому человеку» тоталитарным государством; предпринята попытка оценить степень несоответствия ожидаемого и реального отношения к практике социалистического строительства. Особенность тоталитаризма – жесткие репрессивные санкции, не соответствующие официально одобренному стандарту. В качестве референтной группы мы используем данные военнослужащих РККА, принимавших участие в локальных войнах и военных конфликтах межвоенного периода (1929 г. – советско-китайский конфликт на КВЖД; 1936–1937 гг. – участие советских добровольцев в гражданской войне в Испании; советско-японские конфликты на озере Хасан в 1938 г. и у реки Халхин-Гол в 1939 г.; действия РККА в Западных Украине и Белоруссии и советско-финляндской войне 1939–1940 гг.). Показано, какое неблагополучное положение создалось, например, в области воинской дисциплины (дезертирство, самострелы, грабежи местного населения, высокий процент небоевых потерь, значительное количество фиксируемых т.н. «отрицательных высказываний» и пр.). После окончания боевых действий приходилось принимать сверхрешительные меры (вплоть до применения мер физического воздействия к подчиненным, уголовной репрессии и т. п.). Падение дисциплины вызывалось общим несовпадением целей боевых действий, провозглашаемых государством, и личных целей военнослужащих. Это, кстати, свидетельствует не в пользу изрядно затасканного тезиса идеологов от истории о высокой степени морально-политического единства советского народа и сталинского руководства в указанный период. Недисциплинированность также провоцировали массовые переформирования армии и ее количественный рост; последствия ликвидации «военного заговора» в РККА; слабость воспитательной работы с военнослужащими.

Ключевые слова: культура, культурный стереотип, контркультурное поведение, воинская дисциплина, РККА, боевые действия, воспитательная работа.

S. G. Osmachko

Cultural Stereotype and Countercultural Behaviour of the Soviet Person (on the example of disciplining of the Red Army military personnel in 1929–1940)

In the article features of cultural stereotypification of the behavioural sphere imposed to «the ordinary Soviet person» by the totalitarian state are considered; an attempt to estimate degree of discrepancy of the expected and real relation to practice of socialist building is made. The feature of totalitarianism is tough repressive sanctions of the acts, which do not correspond to the officially approved standard. A reference group is data of the military personnel of the Red Army, who were involved in local wars and the military conflicts of the interwar period (1929 – the Soviet-Chinese conflict on KVZhD; 1936–1937 – participation of the Soviet volunteers in the Civil War in Spain; the Soviet-Japanese conflicts on Lake Hasan in 1938 and at the Halkhin-Gol River in 1939; actions of the Red Army in Western Ukraine and Belarus and the Soviet-Finnish War of 1939–1940). It is shown what an unsuccessful situation was developed, for example, in the field of military discipline (desertion, self-shootings, robberies of local population, high percent of noncombat losses, a significant amount of fixed so-called «negative statements» and so forth). After the end of fighting it was necessary to take superdrastic measures (up to use measures of physical impact to subordinates, criminal repression, etc.). Falling of discipline was caused by the general discrepancy of the purposes of the fighting proclaimed by the state and the personal purposes of the military personnel. It, by the way, demonstrates not in favour of the fairly worn out thesis of ideologists from history about a high degree of moral and political unity of the Soviet people and the Stalin management during the specified period. The indiscipline also provoked by mass rearrangements of the Army and its quantity increase; elimination consequences of «a military plot» in the Red Army; weakness of educational work with the military personnel.

Keywords: culture, cultural stereotype, countercultural behaviour, military discipline, the Red Army, fighting, educational work.

Формирование советского типа культуры происходило под лозунгом *культурной революции*, понимаемой как составная часть социалистического строительства, ликвидация культурной монополии буржуазии и дворянства. Термин «культурная революция» впервые использовал В. И. Ленин в работе «О кооперации» в 1923 г. В традиционном марксисиско-ленинском понимании культурная революция должна была: приобщить рабочих и крестьян к той части мировой культуры, которая считалась идеологически приемлемой; выработать новую социалистическую

© Осьмачко С. Г., 2018

культуру; перевоспитать старую буржуазную и воспитать новую социалистическю интеллигенцию; преодолеть старую буржуазную идеологию и внедрить в широкое социальное употребление марксизм-ленинизм; создать новое искусство и пр.

По нашему мнению культурная революция имела определенный положительный эффект: ликвидация неграмотности; создание серьезной сети учреждений культуры способствовали приобщению широких народных масс к общезначимым культурным образцам.

С другой стороны культурная агрессия, стремление к «промыванию мозгов», насаждение коммунистических культов и пр. значительно ограничивали возможности культурного развития нации.

Культурное насилие большевиков породило в широких слоях населения контркультурные настроения (вплоть до прямого протеста). *Контркультура – это субкультура, социокультурные установки и ценности которой противоречат принципам доминирующей культуры.* Например, в армии формой контркультурного поведения является недисциплинированность. Особый интерес представляет характеристика дисциплинированности военнослужащих и воинских частей, принимавших участие в боевых действиях. Это своего рода референтная группа, социальная динамика которой ясно и четко выявляет характеристики культурного процесса в общем и в частности; показывает истинное единство армии и народа, армии и власти, армии и идеологии.

В боевых действиях приходилось иметь дело с реальной дисциплинированностью армии, и если войска плохо подготовлены и недисциплинированы, то сразу разворачивать долговременную работу по устранению недостатков нет возможности. Специальных войск быстроого реагирования, постоянно находившихся в высокой степени мобилизационной и боевой готовности, у РККА в то время не имелось. В боях принимали участие обычные воинские части близлежащих гарнизонов, в которых также была высока доля приписного состава, призванных в строй буквально накануне боевых действий. В такой обстановке дисциплина «хромала» на обе ноги. Это вынуждало руководство переносить центр тяжести воспитательных воздействий на карательные меры.

Меры убеждения и дисциплинарного принуждения должны применяться в комплексе. Основная проблема в данном случае – проблема меры. К сожалению, конкретная ситуация 1930-х гг. не оставляла командирам и политработникам большого пространства для маневра. Кроме того, жесткий дисциплинарный стиль предполагался и самой административно-командной системой сталинского общества. Наконец, следует учитывать, что возможность дисциплинарной репрессии ограничена, а привыкание к взысканиям дает обратный эффект, способствует новому витку правонарушений. В боевой обстановке сущностные начала дисциплинированности гораздо важнее ее формальных проявлений; бой обнажает все недостатки, ранее скрываемые как повседневностью, так и парадностью армейской жизни.

В ходе операции РККА в Западных Украине и Белоруссии нам не пришлось вести активных боевых действий. Однако с нашей стороны 822 чел. погибли и 97 пропали без вести [16, л.1–28]. К сожалению, значительная доля потерь имела небоевой характер, что доказывается данными 3-й армии Белорусского фронта: из 57 чел. убитых только 27 были потеряны в бою, а из остальных 3–4 (3 ранены по тем же причинам) покончили жизнь самоубийством, 9 (37) чел.погибли в результате неосторожного обращения с оружием; 3 (20) чел. застрелены своими в результате паники; 8 чел. задавлены машинами; 3 чел. умерли от угара; 3 чел. насмерть отравились спиртом [17, л. 684, 685].

Некоторые нарушения носили преимущественно этический характер. Уход от жесткого режимного контроля, близость боя и возможность смерти приводили к изменению характеристик бытового поведения военнослужащих. Например, в среде наших добровольцев в Испании был высок процент венерических заболеваний. Интересное свидетельство оставил на этот счет комиссар авиагруппы Гальцев (разведсборник № 38 от 13 июня 1937 г.): «В значительной мере вину в этом я отношу к нашим старшим руководителям, они сбили с правильных позиций наших людей. Например, тов. Свешников, когда прибыла группа штурмовиков, перед строем разъяснял, что половой вопрос должен быть организован для них командованием на месте. По словам истребителей, им тоже самое сказали некоторые старшие товарищи при проводах с родины. Эти указания у нас поняли так, что наши люди могут ходить в публичный дом, но только организованно». Ряд политработников занялись организацией этих «культпоходов», что вызвало рост заболеваемости [14, л. 28–29].

В 1939–1941 гг. СССР присоединил к себе ряд новых территорий, освоение которых также вызвало всплеск венерических заболеваний, особенно в западных, приграничных округах. В связи с

этим нарком обороны С. К. Тимошенко предпринял неожиданный ход: 27 августа 1940 г. им был издан приказ № 0239, устанавливавший, что «начсоставу, находившемуся на излечении в госпиталях от венерических заболеваний, время пребывания на излечении засчитывается в очередной отпуск» [11, л. 189].

Компетентные органы внимательно следили за высказываниями личного состава о ситуации в воюющих подразделениях и частях. По линии политотделов, НКВД производился не только учет небагоприятных для режима высказываний, но и соотвествующая репрессивная санация тех, кто их высказывал. В РГВА содержится, например, «Информационная сводка об отрицательных высказываниях командно-начальствующего состава за время боевых действий в районе реки Халхин-Гол с июня до 1 октября 1939 г.». Всего с июня по сентябрь 1939 г. зафиксировано 894 случая отрицательных высказываний относительно боевых действий. Они распределяются следующим образом: авиационных – 51, танковых – 16, монгольских – 32, песчаных – 13, восхваление техники противника – 29, наступательных – 33, пораженческих – 86, провокационных – 82, недовольство руководством боя – 70, проявление трусости и нежелание идти в бой – 74, антисоветских – 216, угроза начсоставу – 37, недовольство службой в условиях боевой обстановки – 155 [12, л. 75–89].

Из 894 зафиксированных случаев, 234 падает на командно-начальствующий состав и 660 – на младший комсостав и красноармейцев.

Наиболе показательно дело воевавшего на Халхин-Голе красноармейца 247-го отдельного автобронебатальона 7-й мотобронебригады Сергея Александровича Кислякова (1918 года рождения, из бедняков, члена ВЛКСМ, уроженца села Песковатка Сталинградской области), который в июне 1939 г. направил (каким-то образом минуя органы военной цензуры) в колхоз родной сестре «вредное» письмо. В нем содержались сведения о «трудностях боевых условий, о плохом питании, что он ходит грязным и оборванным, что японская авиация их часто бомбит. В письмо вложил японскую листовку с призывом сдаваться в плен». Сестра показала письмо и листовку соседям, те донесли председателю колхоза, который и вызвал сотрудников райотдела НКВД [11, л. 23].

В определенной мере состояние воинской дисциплины на фронте характеризует уголовная статистика. Если всех осужденных военным трибуналом по итогам Хасана (июль – сентябрь 1938 г.) принять за 100 %, то доля различных преступлений составит: побег с поля боя – 35 %, самовольное оставление части – 7 %, нарушения караульной службы – 8 %, неисполнение приказа – 5 %, харатность и злоупотребления – 14 %, контрреволюционная агитация – 9 %, прочие дела – 22 %. Симптоматично, что к расстрелу были приговорены 58 %, осуждены на срок от 5 до 10 лет лишения свободы 23 %, от 3 до 5 лет – 15 %, осуждены условно – 2 % и оправданы 2 % подследственных [15, л. 218–219].

На Халхин-Голе 90-я военная прокуратура по итогам боев с мая по сернтябрь 1939 г. завела 290 следственных дел с привлечением 311 чел., в том м числе: измена Родине – 2 дела (2 чел.), побег с поля боя – 24 дела (26 чел.), сдача в плен без сопротивления – 1 дело (1 чел.), сдача противнику без боя вооружения и боевой техники – 2 дела (7 чел.), антисоветская агитация – 8 дел (8 чел.), теракты против командиров – 3 дела (3 чел.), членовредительство (самострел) – 122 дела (123 чел.), симуляция болезни – 4 дела (4 чел.), утеря оружия – 5 дел (5 чел.), халатность по службе, повлекшая побег пленного – 1 дело (2 чел.), аварии и катастрофы на автотранспорте – 27 дел (28 чел.), неисполнение приказаний – 15 дел (15 чел.), нарушение уставных правил караульной службы – 10 дел (12 чел.), нарушение уставных правил внутренней службы – 2 дела (2 чел.), умышленные убийства – 3 дела (3 чел.), убийства в результате превышения необходимой обороны – 1 дело (1 чел.), убийства и ранения в результате неосторожного обращения с оружием и взрывчатыми веществами – 8 дел (8 чел.), контрабанда – 1 дело (4 чел.), шпионаж (китайцы) – 2 дела (8 чел.), самоубийство и покушение на самоубийство – 13 дел (13 чел.), прочие – 36 дел (36 чел.).

Из этих 290 дел: 203 переданы в трибунал, 4 – переданы в другие военные прокуратуры, 77 – прекращены, 6 – оставлены в производстве следствия, 9 – прекращены военным трибуналом [12, л. 72].

Обратим внимание на то, что более 42 % всех следственных дел заведено по факту членовредительства. Этих постыдных казусов было значительно больше, что признавалось официально: часть стремящихся таким образом уклониться от участия в боевых действиях просто не была выявлена среди раненых, другая часть после профилактических дисциплинирующих бесед отправлялась назад в подразделения. С 31 мая по 13 сентября ежедневно (кроме 12 августа) военная прокуратура заводила до 17 дел по фактам членовредительства [12, л. 43, 46].

В Справке о судимости РККА за 1939–1940 гг., подписанной 25 мая 1940 г. исполняющим обязанности Главного военного прокурора диввоенюристом Гавриловым, в отношении среднего и старшего начсостава говориться: «Наиболее распространенные преступления для группы начальствующего состава на Белорусском и Украинском фронтах были халатность, барахольство, грубые нарушения революционной законности в отношении местного населения и военнопленных. На фронтах борьбы с белофиннами выделялись среди начсостава такие виды преступлений, как дезертирство и членовредительство – 35 чел., или 46 % осужденных, бездействие и халатность – осуждено 25 чел., или 33 %, неисполнение приказа – 13 чел., или 17 % осужденных [10, л. 96–97].

Рядовой и младший начальствующий состав частей, принимавших участие в советско-финляндской войне, осуждался за следующие преступления: дезертирство и членовредительство – 665 чел. (39 % всех осужденных), контрреволюционная агитация – 121 чел. (7,1 %), неисполнение приказаний – 108 чел. (6 %) и пр. Всего же по итогам советско-финляндской войны были осуждены 1 695 чел. рядового и младшего начсостава и 76 чел. среднего и старшего начсостава, а еще более 60 % дел возвращены в воинские части для принятия дисциплинарных мер [9, л. 411, 412].

Вот, только один, но весьма характерный пример: 21 мая 1940 г. из 9-й стрелковой дивизии (г. Антреа) в 449-й запасной артиллерийский полк (г. Териоки) были отправлены 450 красноармейцев и младших командиров. По дороге самовольно отлучились 359 чел., которые стали возвращаться в часть только через несколько дней после положенного срока. К 1 июня не вернулся еще 21 чел. [13, л. 169].

Эти данные свидетельствуют о неблагоприятной дисциплинарной ситуации в боевых условиях. И, видимо, не случайно в ходе войны с Финляндией с 24 января 1940 г., по совместному приказу К. Е. Ворошилова и Л. П. Берии, за пятью действовавшими на фронте советскими армиями были расположены 27 контрольно-заградительных отрядов НКВД по 100 чел. в каждом [10, л. 96–97].

Требовалось решительное укрепление воинской дисциплины. 3 августа 1938 г. в ЦК ВКП (б) проводилось Всеармейское совещание политработников, посвященное итогам расправы над «военным заговором». На совещании вступил начальник Политического управления РККА (ПУРККА) Н. А. Смирнов. Он отметил «настроения растерянности и боязни», которые охватили комсостав, «упадок дисциплины, много происшествий, аварий, самоубийств». В первые 5 месяцев 1938 г. в РККА было зафиксировано 400 тыс. дисциплинарных проступков [18, л. 684, 685].

23 декабря 1940 г., выступая на совещании высшего комсостава, начальник Генштаба РККА генерал армии К.А. Мерецков в отношении боев на Халхин-Голе и в Финляндии был вынужден признать: «Слаба дисциплина, что приведо к нарушениям и на фронте, и в тылу. Это сказалось на неточном выполнении боевых приказов, создании недопустимой путаницы и пр.» [8, л. 41]. Зачастую сама боевая обстановка выступала дисциплинирующим фактором, но после боев опять происходил скачок правонарушений. На Халхин-Голе во время августовской операции в частях 1-й армгруппы было зафиксировано 160 чрезвычайных происшествий, а в сентябре 1939 г. – 236 (рост – 42,5 %) [12, л. 72, 80].

Решение дисциплинарных проблем потребовало самого серьезного отношения военно-политических властей. Можно говорить о том, что после войны с Финляндией руководства прими начало осуществлять *новую дисциплинарную политику.* В приказе наркома обороны СССР «О боевой и политической подготовке на 1941 учебный год» (21 января 1941 г.) говорилось: «Дисциплина является главной силой в армии. На основе правильного сочетания методов воспитания и новой дисциплинарной практики обеспечить насаждение во всех звеньях армии действенной, крепкой воинской дисциплины» [2, с. 88].

Суть новаций состояла, прежде всего, в ужесточении дисциплинарных отношений. Еще 28 декабря 1938 г. начальник ПУРККА издал директиву № 103 (утверждена ЦК партии), в которой запрещалась критика командиров и комиссаров [6, л. 36]. 17 января 1939 г. СНК СССР утвердил положения «О красноармейских товарищеских судах», «О товарищеских судах младших командиров срочной и сверхсрочной службы», «О товарищеских судах чести командного, политического и начальствующего состава РККА» [1, с. 34]. Эти суды являлись общественными организациями, предназначенными для борьбы с аморальными и дисциплинарными проступками. Было рекомендовано в частях действующей армии членов товарищеских судов выбирать открытым голосованием [6, л. 36].

Поворотным в отношении воинской дисциплины стал 1940 г. В мае указом Президиума Верховного Совета СССР были установлены персональные воинские звания для высшего комсостава. В

июне увидели свет два приказа наркома обороны, так же направленные на совершенствование порядка прохождения службы: № 171 от 20 июня, вводивший «Служебную книжку красноармейца», и № 175 от 22 июня «О приветствиях в строю и вне строя».

8 июля 1940 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ «Об уголовной ответственности за самовольные отлучки и дезертирство». Эти виды правонарушений получили, к сожалению, слишком большое распространение в армии. Соответственно и наказания устанавливались довольно жесткие: за самовольную отлучку сроком свыше 2-х часов военгнслужащие направлялись в дисциплинарный батальон; свыше суток – подлежали лишению свободы на срок от 5 до 10 лет. «Положение о дисциплинарном батальоне в РККА» было утверждено СНК СССР и объявлено приазом наркома обороны № 214 от 15 июля 1940 г. Военнослужащие направлялись в дисбат на период от 6 месяцев до 2-х лет, это время не засчитывалось в срок действительной военной службы; рабочий день составлял 12 час., сокращался паек и ликвидировались льготы [11, л. 6 – 8].

Только за 10 месяцев 1940 г. за самовольные отлучки, дезертирство и прочие правонарушения под суд военного трибунала было отдано 19 408 чел. (осуждено около 84 %), в том числе: командно-начальствующего состава – 220 чел., младшего комсостава – 4 536 чел., рядового состава – 11 182 чел. [3, с. 181].

Продолжилась линия на сворачивание внутриармейской демократии. 30 августа 1940 г. начальник Главного управления политической пропаганды Красной Армии (ГУППКА, заменил ПУРККА) Л.З. Мехлис спецдирективой запретил организацию юридических консультаций, проведение в подразделениях вечеров вопросов и ответов, а так же ликвидировал ранее существовавшие в Ленинских комнатах «Тетради вопросов и ответов». В директиве указывалось: «Все эти формы массовой работы являются проявлением ложного демократизма и идут вразрез с с задачей насаждения в армии советской воинской дисциплины, поднятия авторитета командира» [11, л. 209 – 210].

Далее, приказом наркома обороны СССР № 025 от 10 сентября 1940 г. в бригадах и корпусах были ликвидированы военно-политические совещания (постоянно действующий орган армейской общественности и косвенного управления) [11, л. 240]. И это несмотря на то, что комиссия Главного военного совета, обобщая опыт воспитательной работы в боевой обстановке, высказалась за их сохранение [6, л. 43].

Наконец, 12 октября 1940 г. приказом наркома обороны № 356 был объявлен новый Дисциплинарный устав РККА (предыдущий действовал с 1925 г.), который содержал достаточно стройную систему мер дисциплинарного принуждения.

В соответствии с ДУ-40 на рядовой состав накладывались следующие взыскания: выговоры (личный и перед строем); неувольнение изх расположения части (до 6 недель); назначение в наряд вне очереди (до 8 нарядов); простой арест с содержанием на гауптвахте (до 20 суток), строгий арест (до 10 суток), предание красноармейскому товарищескому суду.

Младший комсостав наказывался так же, но срок неувольнения сокращался до 1 мес., выговор перед строем заменялся выговором в приказе, дополнительно предусматривалось снижение в воинском звании, должности, отстранение от должности с разжалованием в рядовые [5, л. 5–6].

В частях развернулась ерьезная дисциплинарная работа, о чем свидетельствует следующий факт: только в 1940 г.в военных газетах было опубликовано более 4 тыс. статей и заметок по вопросам укрепления воинской дисциплины [4, с. 151].

Естественно, что не обошлось без перегибов. В армии распространилось такое позорное явление, как избиение подчиненных. В советских Дисциплинарных уставах обычно имелся пункт о применении силы или оружия против подчиненных. В ДУ-40 он звучал в следующей редакции: «В случае неповиновения, открытого сопротивления или злостного нарушения воинской дисциплины командир имеет право принять все меры принуждения, вплоть до применения оружия. Командир не отвечает за последствия, если он будет вынужден применить оружие и силу для восстановления дисциплины и порядка» [5, л. 33].

Поскольку механизм «применения силы» не был детально оговорен (какие действия и в каких случаях), это положение буквально развязало руки многим командирам и начальникам. Документы политорганов свидетельствуют, что избиения подчиненных, издевательства над ними распространились достаточно широко. 2 декабря 1940 г. начальник ГУППКА А.И. Запорожец был вынужден издать директиву, в которой потребовал решительно осудить рукоприкладство, бороться с ним и пр. «Силу (но отнюдь не избиение подчиненных), оружие следует применять как крайнюю меру принуждения, только в тех случаях, – гово-

рилось в директиве, – когда другими средствами невозможно прекратить злостное нарушение воинской дисциплины и обеспечить выполнение боевой задачи» [7, л. 154–155].

На совещании высшего комсостава в декабре 1940 г. мнения по этому поводу разделились. Многие политработники (члены военных советов Киевского и Западного особых военных округов корпусные комиссары Н. Н. Вашугин и Я. А Дорошин и др.) остро критиковали тенденцию рукоприкладства. Маршал Советского Союза Г. И. Кулик, наоборот, оправдательно отнесся к этому позорному явлению. Заместитель наркома обороны высказался следующим образом: «Одни включились в работу, другие растерялись. Нам дан новый устав, новые установки, и мы должны не агитировать друг друга, а конкретно перестраивать работу, как требует ЦК партии, как требует народный комиссар. Есть пословица: «Там, где лес рубят, там щепки летят». Но надо, чтобы щепок было поменьше. Плакать над тем, что где-то кого-то пристрелили не стоит» [8, л. 223].

Таким образом, дисциплинарная работа в армии все более скатывалась на карательный уровень, к методам голого принуждения. Подобная деформация свидетельствовала об истинном характере «социалистического гуманизма». Административно-командная система не могла выступить против себя. Еще 10 июня 1940 г. начальник ПУРККА Л.З. Мехлис в директиве № 528/сс ставил задачу: «Начальник не только имеет право, но и обязан применять вооруженное принуждение» [13, л. 177]. А в предложениях комиссии Главного военного совета о совершенствовании воспитательной работы можно найти следующие моменты: ужесточить административную и уголовную ответственность военнослужащих; привлекать к ответственности членов семей военнослужащих, совершивших измену Родине; развивать систему заградительных отрядов («Заградотряды себя оправдали. Необходимо по основным направлениям в действующей армии иметь в тылу заградотряды, подчинив их НКВД») и пр. [6, л. 36–41].

Таким образом, советская официальная пропаганда рисовала исключительно благостые, позитивные образы политической культуры советского чеовека, в том числе воина, защитника социалистического Отечества. При более внимательном изучении проблемы ситуация не кажется беспроблемной. Значительная часть населения на бытовом и на теоретическом уровнях понимания часто не только выражала сомнение в правильности тех или иных идеологем, но и выступала против. Причем усложнение социальной ситуации вызывало именно напряжение социальных отношений. Особенно отчетливо это проявлялось в условиях действующей армии, где культурное строительство проходило особенно жестокую проверку.

Библиографический список

1. Военно-исторический журнал [Текст]. – 1968. – № 6. – С. 34.
2. Гребельский, З. В. Напасть на Германию Советский Союз не собирался [Текст] // Военно-исторический журнал, 1994. – № 9. – С. 81–92.
3. Захаров, В. В. Военные аспекты взаимоотношений СССР и Германии: 1921 – июнь 1941 г. [Текст] / В. В. Захаров. – М. : ГАВС, 1992. – 342 с.
4. Идеологическая работа в Вооружённых Силах СССР: Историко-теоретический очерк [Текст]. – М. : Воениздат, 1985. – 478 с.
5. Российский государственный военный архив (РГВА). – Ф.4. – Оп. 14. – Д. 2711.
6. РГВА. – Ф.4. – Оп. 14. – Д. 2737.
7. РГВА. – Ф.4. – Оп. 14. – Д. 2780.
8. РГВА. – Ф.4. – Оп. 18. – Д. 55.
9. РГВА. – Ф.9. – Оп. 23. – Д. 506.
10. РГВА. – Ф.9. – Оп. 23. – Д. 507.
11. РГВА. – Ф.9. – Оп. 40. – Д. 70.
12. РГВА. – Ф.32113. – Оп. 1. – Д. 72.
13. РГВА. – Ф.34980. – Оп. 1. – Д. 1463.
14. РГВА. – Ф.35082. – Оп. 1а. – Д. 29.
15. РГВА. – Ф.35083. – Оп. 1. – Д. 109.
16. РГВА. – Ф.35084. – Оп. 1. – Д. 197.
17. РГВА. – Ф.35084. – Оп. 1. – Д. 244.
18. Российский центр хранения и изучения документации новейшей истории (РЦХИДНИ, позже РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 165. – Д. 62.

Bibliograficheskij spisok

1. Voenno-istoricheskij zhurnal [Tekst]. – 1968. – № 6. – S. 34.
2. Grebel'skij, Z. V. Napast' na Germaniju Sovetskij Sojuz ne sobiralsja [Tekst] // Voenno-istoricheskij zhurnal, 1994. – № 9. – S. 81–92.
3. Zaharov, V. V. Voennye aspekty vzaimootnoshenij SSSR i Germanii: 1921 – ijun' 1941 g. [Tekst] / V. V. Zaharov. – M. : GAVS, 1992. – 342 s.
4. Ideologicheskaja rabota v Vooruzhjonnyh Silah SSSR: Istoriko-teoreticheskij ocherk [Tekst]. – M. : Voenizdat, 1985. – 478 s.
5. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA). – F.4. – Op. 14. – D. 2711.
6. RGVA. – F.4. – Op. 14. – D. 2737.
7. RGVA. – F.4. – Op. 14. – D. 2780.
8. RGVA. – F.4. – Op. 18. – D. 55.
9. RGVA. – F.9. – Op. 23. – D. 506.
10. RGVA. – F.9. – Op. 23. – D. 507.
11. RGVA. – F.9. – Op. 40. – D. 70.
12. RGVA. – F.32113. – Op. 1. – D. 72.
13. RGVA. – F.34980. – Op. 1. – D. 1463.

14. RGVA. – F.35082. – Op. 1a. – D. 29.
15. RGVA. – F.35083. – Op. 1. – D. 109.
16. RGVA. – F.35084. – Op. 1. – D. 197.
17. RGVA. – F.35084. – Op. 1. – D. 244.
18. Rossijskij centr hranenija i izuchenija dokumentacii novejshej istorii (RCHIDNI, pozzhe RGASPI). – F. 17. – Op. 165. – D. 62.

Reference List

1. Military and historical magazine. – 1968. – No. 6. – Page 34.
2. Grebelsky Z. V. The Soviet Union wasn't going to attack Germany // Military and historical magazine, 1994. – No. 9. – Page 81–92.
3. Zakharov V. V. Military aspects of relationship of the USSR and Germany: 1921 – June, 1941 / V. V. Zakharov. – M. : GAVS, 1992. – 342 pages.
4. Ideological work in Armed Forces of the USSR: Historical and theoretical essay. – M. : Voenizdat, 1985. – 478 pages.
5. Russian State Military Archive (RSMA). – F.4. – List. 14. – 2711.
6. RSMA. – F.4. – List. 14. – 2737.
7. RSMA. – F.4. – List. 14. – 2780.
8. RGVA. – F.4. – List. 18. – 55.
9. RSMA. – F.9. – List. 23. – 506.
10. RSMA. – F.9. – List. 23. – 507.
11. RSMA. – F.9. – List. 40. – 70.
12. RSMA. – F.32113. – List. 1. – 72.
13. RSMA. – F.34980. – List. 1. – 1463.
14. RSMA. – F.35082. – List. 1a. – 29.
15. RSMA. – F.35083. – List. 1. – 109.
16. RSMA. – F.35084. – List. 1. – 197.
17. RSMA. – F.35084. – List. 1. – 244.
18. The Russian center of storage and studying of documentation of the contemporary history (RTsHIDNI, later RGASPI). – V. 17. – List. 165. – 62.

Дата поступления статьи в редакцию: 16.03.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

DOI 10.24411/2499-9679-2018-10060
УДК 008.001.14

Д. Ю. Густякова
https://orcid. org/0000-0002-2934-3029

Ю. С. Ершова
https://orcid. org/0000-0003-2653-0838

Репрезентация отечественной оперной классики в контексте бинарной оппозиции постмодернизма и массовой культуры («Хованщина» М. П. Мусоргского)

Выполнено по гранту РНФ № 14-18-01833-II

Настоящая статья посвящена одному из интереснейших и сложнейших аспектов присутствия классики в культурном поле современности – репрезентации русской классической оперы в «contemporary art-пространстве». В современных условиях оперная классика, попадая в поле влияния массовой культуры и подвергаясь воздействию нарочито оригинальной и демонстративно нетрадиционной режиссерской трактовки, проходит своеобразную адаптацию к запросам и специфике современного слушателя-зрителя. На наш взгляд, проблема классики становится наиболее актуальной именно в свете бытования в современной культуре оперного жанра, особенно если учитывать интерес массовой культуры и постмодерна к пространственно-временным видам искусства вообще и к театральным жанрам в частности. Поэтому мы полагаем, что современные оперные спектакли важно рассматривать и анализировать в контексте влияний массовой культуры и постмодернистских тенденций, в значительной мере присущих «режиссерской опере». На примере постановки оперы М. П. Мусоргского «Хованщина» (Московский академический Музыкальный театр имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, 2016 г.) режиссером Александром Тителем мы определили основные особенности интерпретации данного классического оперного текста, связав их с влияниями постмодернистской художественной парадигмы (игра, фрагментарность, условность изображения, отказ от мимесиса, цитирование, пародийность). На основании проведенного исследования, мы сделали вывод о том, что опера – сценический жанр, который, продолжая восприниматься массовым сознанием как самый консервативный, испытывает влияние каждого нового периода. Следовательно, современные оперные постановки, реализующиеся в объективных условиях постмодернистских влияний, в разной степени могут быть соотнесены с особенностями постмодернизма и массовой культуры.

Ключевые слова: классика, массовая культура, современная культура, постмодернизм, репрезентация, интерпретация, отечественная опера, М.П. Мусоргский, «Хованщина», Александр Титель.

Gustyakova D. Yu., Ershova Yu. S.

Representation of Native Russian Classical Opera Art in the Context of the Binary Opposition of Postmodernism and Mass Culture («Khovanshchina» by M. P. Mussorgsky)

This article is devoted to one of the most interesting and complicated aspects of the presence of classical performance in the cultural field of our time – the representation of the Russian classical opera in «contemporary art-space». In present, the opera classics, getting into the field of influence of mass culture and being subjected to deliberately original and demonstratively unconventional director's comprehension undergoes a kind of adaptation to the needs and specifics of the modern audience. In our opinion, the problem of classical art becomes the most relevant precisely presence in the modern culture of the opera genre, especially if we consider the interest of mass culture and postmodern art to time-spatial arts in general and to theatre genres in particular. Therefore, we believe that modern opera performances are important to be considered and analyzed in the context of postmodernist tendencies, which are to a large extent inherent in «director's opera». On the example of staging M. P. Mussorgsky's opera «Khovanshchina» (the Moscow Academic Musical Theater named after Konstantin Stanislavsky and Vladimir Nemirovich-Danchenko, 2016), directed by Alexander Titel, we determined the main features of the interpretation of this classical operatic text, linking them with the influences of the postmodern artistic paradigm: fragmentarily, image convention, rejection of mimesis, citation, parody. Relying on the study, we concluded that opera is a stage genre that, while continuing to be perceived by the mass consciousness as the most conservative one, is influenced by each new period, therefore, modern opera performances realized under objective conditions of postmodern influences can, to varying degrees, be correlated with the characteristics of postmodernism and mass culture.

Keywords: classics, mass culture, modern culture, postmodernism, representation, interpretation, domestic opera, M. P. Mussorgsky, Khovanshchina, Alexander Titel.

Один из интереснейших и сложнейших аспектов присутствия классики в культурном поле современности – проблема репрезентации классической оперы в «contemporary art-пространстве»

© Густякова Д. Ю., Ершова Ю. С., 2018

[24]. На наш взгляд, проблема классики становится наиболее актуальной именно в свете бытования в современной культуре оперного жанра, особенно если учитывать интерес постмодерна и массовой культуры к пространственно-временным видам искусства вообще и к театральным жанрам в частности [22]. Имманентный оперному жанру исполнительский процесс делает оперу системой, открытой для театральных новаций и способной продуцировать новые варианты прочтения, то есть сама жанровая специфика оперы предоставляет широкие возможности для режиссерских интерпретаций.

В эпоху постмодерна и активизации тенденций массовой культуры вопрос театральных воплощений оперной классики стал особо острым, что представляется вполне логичным, ибо, как известно, постмодернизму свойственны плюральность мышления и видения, стремление к всепроникающей интерпретации и реинтерпретации [8], отказ от каноничности авторитетов и принцип деконструкции [18]. С одной стороны, постмодернистские художественные практики менее радикальны, чем крайний нигилизм ряда неоавангардистских явлений, и в действительности позволяют осуществлять даже некоторый возврат к традициям [21], но, с другой стороны, постмодерну чуждо восприятие классического произведения как сформированной, устоявшейся и неизменной целостности. Подчеркнем, что, понимая невозможность рассмотрения постмодернизма и массовой культуры как явлений одного порядка, мы обращаем внимание на аналогии этих культурных стратегий в отношении классического искусства, среди которых можно назвать «устранение» автора из процесса интерпретации текста («смерть автора» [15]), интертекстуальность, когда интерпретируемый текст «растворяется» в скрытых и (или) явных цитатах, «децентрация» [16] субъекта (адресанта интерпретации) и «деиндивидуализация» [там же] человека массы (адресата интерпретации).

Еще в середине 30-х годов XX века Х. Ортега-и-Гассет констатировал «плебейство и гнет массы даже в кругах традиционно элитарных» [23], подчеркивая тем самым парадоксальное переплетение в культуре элитарного и массового, что позднее станет одним из неотъемлемых свойств культуры постмодерна. В современной массовой культуре очевидны признаки интеграции и даже ассимиляции со сферой высокой художественной культуры, что, в частности, выражается в постмодернистских моделях и феноменах (поп-арт, соц-арт, процесс-арт, концептуализм, ассамбляж, электронная музыка, перформанс и другие). В целом, парадоксальное переплетение в культуре элитарного и массового – это одно из неотъемлемых свойств культуры постмодерна, предполагающей, помимо прочего, уничтожение границ между «высоким искусством» и «псевдоискусством» [14], аристократизмом и гламуром. Таким образом, в пространстве постмодернизма становятся закономерными сближения классики с китчем, в искусство широко проникают темы и приемы, которые ранее были отнесены к внехудожественным явлениям [7].

В контексте современной культуры, которой свойственны парадоксальные наслоения и смешения элитарной и массовой сфер, проявляющиеся во всеобщей интерпретации, в отрицании целостности и самоценности классических произведений, мы подчеркиваем взаимодействие, взаимовлияние и взаимосвязь массовой культуры и постмодернизма в горизонте русской оперной классики. Функционально и экономически связанный с массовой культурой феномен «режиссерской оперы», зачастую воплощающийся в радикальных экспериментах над оперной классикой, обнаруживает свои истоки в постмодернистских идеях деконструкции и «смерти автора» [15]. Важно, что в русле обеих парадигм – и постмодернистской, и масскультовской – происходит трансформация и утилизация (присвоение/использование) классического (оперного) текста.

Под влиянием современных театральных интерпретаций, реализующихся в русле массовой культуры и постмодернистских тенденций, русская классическая опера переводится в поле художественной «посткультуры» [11]. Искусственные интертекстуальные смысловые вставки, неорганичная визуальная эклектика деформируют изначальную гармонию синтетического классического оперного текста: «Персонажи трактуются как маски, не претендующие на психологическую глубину, действие распадается на клипы, вместо юмора возникают гэги, действие упрощается, сюжет выпрямляется и сглаживается, постановка приобретает дробный, мозаичный характер. Таким образом, возникает принципиальный вопрос: „режиссерская опера" – это адаптация или оригинальный продукт?» [6, с. 197]. От ответа на этот вопрос во многом зависит определение места каждой конкретной «новаторской» постановки оперной классики – в сфере массового производства «культурного продукта» или в сфере «высо-

кой» классической художественной культуры. Поэтому современные оперные спектакли важно рассматривать и анализировать в контексте влияний массовой культуры и постмодернистских тенденций, в значительной мере присущих «режиссерской опере».

25 февраля 2016 года на сцене Московского музыкального театра имени К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко публике была представлена опера «Хованщина» композитора М. П. Мусоргского в редакции Д. Д. Шостаковича. Дирижер – народный артист РСФСР Александр Лазарев, режиссер-постановщик – народный артист России, лауреат Государственной премии СССР Александр Титель, сценограф – народный художник России Владимир Арефьев. В очерченном проблемном поле спектакль можно рассматривать как показательный пример современной режиссерской интерпретации, обновляющей русскую классическую оперу за счет постмодернистских приемов, в том числе, в надежде привлечь в оперный театр массовую публику. В спектаклях такого рода обычно не обновляют партитуру, но здесь мы имеем дело с современной оперной постановкой, которая затрагивает не только визуальную сторону спектакля, но и нотный текст: финальная сцена написана современным российским композитором Владимиром Кобекиным (редакция Д. Д. Шостаковича предполагала в финале повторение музыки вступления «Рассвета на Москвереке»). Однако в связи с тем, что сам М. П. Мусоргский не успел написать финал «Хованщины» (равно как не была сделана и авторская оркестровая партитура оперы), созданный В. А. Кобекиным финальный фрагмент с «тихим печально-медитативным пением сопрано» [4] (исполняла Дарья Терехова) нельзя расценивать как посягательство интерпретаторов на текст классического произведения.

С точки зрения проблемы репрезентации классического произведения в пространстве современной культуры, важны все коммуникативные векторы, нацеленные на аудиторию, в том числе рекламно-информационная продукция – афиша и буклет, а также критические публикации. На афише «Хованщины» – огромная трещина, рассекающая стену. Художественное оформление афиши, с одной стороны, можно рассматривать в контексте постмодернизма, признаки которого будут выявлены в ходе дальнейшего анализа данной постановки, – условность, ирония, игровое начало, использование готовых форм (в данном случае, конкретная стена с трещиной). С другой стороны, данное изображение следует трактовать в русле влияний массовой культуры – как прямой иллюстративный ход, дающий установку массовому сознанию: «„Хованщина” – это произведение про церковный раскол».

Буклет спектакля открывается словами из черновиков А.С. Пушкина:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его [1].

В данном контексте слова А. С. Пушкина приведены в подтверждение высказыванию А. Б. Тителя в интервью журналу «Музыкальная жизнь»: «„Хованщина” написана „кровью сердца”.… Это опера, отражающая народное самосознание, взгляд человека изнутри на самого себя. Никто не видел своей страны так, как Гоголь и Мусоргский. Это невероятный объем возмущения, негодования и любви одновременно» [10]. В такой смысловой рифме также усматривается двойственность влияний массовой культуры и постмодернизма, которым в разной степени и по-разному, но свойственны и стремление опереться на классику, и действенное проявление эмоций.

Далее в буклете мы видим следующие строки из письма М. П. Мусоргского к В. В. Стасову (июнь, 1872 год): «„Ушли вперед!” – врешь, там же! Бумага, книга ушла – мы там же. Пока народ не может проверить воочию, что из него стряпают, пока не захочет сам, чтобы то или иное с ним состряпалось, – там же!» [1]. Использование данной цитаты в буклете можно рассматривать как указание массовой аудитории на актуальность оперы М.П. Мусоргского: сменились времена, мода, правители, а мы – все там же. Посыл подхвачен критикой: «Режиссер ставит оперу не об одном только стрелецком бунте. Он, следуя негласному историческому правилу видеть в премьерах «Хованщины» знак переломного времени, памятник жертвам и обвинение в адрес тех или иных злодеев, ставит оперу об актуальности самой «Хованщины», намекая на узнаваемость героев и ситуаций» [2]. Поиски в классическом тексте М. П. Мусоргского социально-политических аллюзий к современности не новы (см., например, постановки Дмитрия Чернякова, Мюнхен-2007 [25] или Льва Додина Вена-2014 [19]), но предска-

зуемы, ожидаемы, потому, вероятно, настолько действенны в отношении массового сознания, что легко им воспринимаются и принимаются.

Спектакль представлен зрителю в весьма аскетичном условном сценографическом решении. На протяжении всего действия мы наблюдаем одни и те же декорации с двумя визуальными акцентами (Владимир Арефьев). Первый визуальный акцент – это деревянный амбар, в который превращено все сценическое пространство, обшитое до колосников темными досками и создающее мрачную давящую атмосферу несвободы и безысходности. Данное решение нельзя назвать новаторским – многие современные постановщики организуют пространство подобным образом (см., например, «Леди Макбет Мценского уезда» Д. Д. Шостаковича в постановке Мартина Кушея, Амстердам, Национальная опера, 2006), и, конечно, концептуальная вторичность сценографии отсылает к сфере массовой культуры. В соответствии с постмодернистской установкой «все разрешено» [20], выстроенный на сцене условный «амбар» в соответствии с развитием сюжета легко трансформируется в площадь, кабинет Голицына, терем Ивана Хованского, скит.

Второй визуальный акцент – длинный деревянный стол, который, как и амбар, в разное время спектакля выполняет различные функции: обеденного или рабочего стола, трибуны или плахи, обозначающей место казни стрельцов. На наш взгляд, отсутствие подробных бытовых деталей в оформлении спектакля соответствует, как постмодернистской, так и масскультовской концепции. Например, эпатирующие массового зрителя аберрации современного взгляда на классическую оперу М. П. Мусоргского путем включения исторического сюжета в инородный культурный контекст соответствуют и постмодернистскому принципу деконструкции [17], и постановочному приему «актуализации», обычно сопровождающемуся целым комплексом анахронизмов, которые хорошо приживаются на благодатной почве классики, помещенной в поле массовой культуры.

В постмодернистскую парадигму уже почти традиционно вписывается и еще один визуальный акцент постановки: лежащий поперек стола огромный черный столб, здесь, по всей видимости, выполняющий роль того самого «Столпа надворной пехоты» с именами «бояр-воров», казненных стрельцами, и размещенного «в назидание народу» на Лобном месте. Обычно в интерпретациях, следующих авторской ремарке: «Москва. Красная площадь. Каменный столб и на нем медные доски с надписями» [9], этот столб стоит на сцене. В анализируемом спектакле лежащий на столе, за которым происходит трапеза стрельцов, столб (по обе его стороны расставлены еда и водка) «читается» как символический объект, парадоксальным образом включенный в нарочито бытовую обстановку, то есть как гротескный образ, придающий решению даже не ироничный, а скорее саркастичный подтекст.

В спектакле А. Б. Тителя увертюра обыграна сценическим действием, что в современном оперном театре стало даже не постановочной традицией, а общим местом. Стрельцы появляются на сцене уже во время звучания оркестрового вступления (в либретто М. П. Мусоргского – по его завершении). С одной стороны, стрельцы своей неорганичной партитуре суетой и посторонними звуками мешают «хорошему слушателю» («Der gute Zuhörer» по терминологии Т. Адорно [13]) проникнуться знаменитой, сочетающей в себе подлинные русские напевы музыкой «Рассвета на Москве-реке». С другой стороны, режиссер, «выводя» на сцену стрельцов раньше предусмотренного партитурой времени, следует запросу «развлекающегося слушателя» («Der Unterhaltungshörer») [там же], желающего видеть занимательную «живую картинку». Таким образом, увертюра теряет свою значимость в опере, и это подтверждает мысль, что для режиссера наиболее важным представлялось создать интересное сценическое действие, и, в соответствии с масскультовским принципом физиологизма, детально и с различных ракурсов показать быт стрельцов прежде, чем начнутся их вокальные реплики.

Отметим, что стрелецкие жены, так же, как и сами стрельцы, появляются на сцене раньше предусмотренного текстом оперы времени – уже в первом действии (в тексте М. П. Мусоргского – в третьем). Когда служилые пируют после расправы над боярами и засыпают за столом, женщины выходят с современными алюминиевыми ведрами и начинают отмывать от крови полы и стены мрачноватого, напоминающего амбар, помещения. В контексте постмодернистских тенденций описанный визуальный ряд можно рассматривать как претензию на гиперреализм, проявляющийся здесь через конкретное «обытовление» действия с подчеркиванием и усилением концентрации негативных в житейском и психологическом плане деталей.

В контексте заявленной проблемы пограничного (постмодернизм/массовая культура) решения

классической оперы примечательно обозначен внешний облик стрельцов и стрелецких жен. В спектакле костюмы стрельцов представляют собой красные кафтаны с круглыми золотыми пуговицами и, как своим покроем, так и видом в целом вполне напоминают унифицированную военную форму стрелецких полков конца XVII века. Однако упразднены кушаки с золотым шитьем, перчатки, шапки, нагрудные гербы. Однотипные черные сапоги, в которые обуты стрельцы и все остальные персонажи оперы, можно попытаться объяснить намерением режиссера не выделять стрельцов среди других персонажей: это тоже часть русского народа, которая находится с ним в равных, незавидных условиях. Вместе с тем и в соответствии с принципами «актуализации» и культурной унификации, которые столь характерны для современной «режиссерской оперы», стилизация внешнего вида персонажей приблизительна и не претендует на какую-либо достоверность, а только на узнаваемость, оставляя лишь намек на «историзм». Видимо поэтому стрельцы в постановке А. Б. Тителя бород не носят, а из оружия имеют только ножи и сабли.

Начальник стрельцов – Иван Хованский (Дмитрий Ульянов) – внешне практически не выделяется среди стрельцов, разве что, в отличие от последних, носит бороду (пусть и короткую). Меховой воротник кафтана князя, видимо, является намеком на его дорогую шубу, в которую этот персонаж одевают сценографы в более «традиционных» трактовках оперы. Остальные стрельцы по внешнему виду не отличаются друг от друга, собственно, как и их жены, которые все до одной одеты в белые платья, белые платки и черные сапоги, как бы ненавязчиво создавая образ работниц цеха какого-то предприятия массового производства. Данное решение коррелирует с тезисом Е. Н. Шапинской о том, что в постмодернистской культуре «на место напряженного чувства прошлого, свойственного модернизму, приходит утрата чувства истории как памяти, и возникают суррогаты темпорального [строя], выражающиеся в ретростилях и образах», а режиссеры-постмодернисты «играют» этими образами, «выражая, с одной стороны, крайний субъективизм, с другой – явно делая ставку на коммерческий успех» [12, с. 221].

Продолжая анализ визуальной составляющей спектакля обратим внимание на симптоматичные решения образов других действующих лиц. Подьячий (Валерий Микицкий) – персонаж, внешне определенно напоминающий неприметного гоголевского «маленького человека» Акакия Башмачкина, только уже в шинели и с портфелем советских времен – трактовка, с одной стороны, следующая принципу постмодернистской интертекстуальности, с другой стороны, эксплуатирующая узнаваемые и легко читаемые образы, укорененные в современном российском/постсоветском массовом сознании. По сюжету именно к писарю-Подьячему приходит Федор Шакловитый (Антон Зараев) составлять донос на Хованских. Заметим, что в отличие от стрельцов, бороду Шакловитому режиссер предъявляет, вероятно, это еще один «месседж» для массовой аудитории, подсказывающий публике, что данный персонаж – поборник старых традиций.

Масскультовскому принципу буквальной иллюстративности соответствует трактовка сцены Подьячего с пришлым людом. Видимо, чтобы зрителю было легче сориентироваться и, возможно, с целью подчеркнуть их неоднородность, пришлые люди, в отличие от однотипной красной «униформы» стрельцов, одеты в кафтаны, цветом отличающиеся друг от друга (от серых до зеленых оттенков), шапки на головах отсутствуют. В сцене чтения надписей со столба также применен простой иллюстративный ход: пришлые люди собраны вокруг стола, Подьячий же, как единственный образованный среди них (а значит, он все-таки не приравнивает себя к простолюдинам), взбирается на стол. В конце данного эпизода реализован эффектный визуальный прием, с одной стороны, дающий пищу воображению зрителя («дамоклов меч»), с другой стороны, «обыгрывающий» значимый сценографический объект: столб поднимается к крыше амбара, где и остается вплоть до пятого действия как постоянное напоминание о неизбежном возмездии.

Экспозицию образов Андрея Хованского, Марфы и Эммы отличает сочетание масскультовской формальной иллюстративности «картинки» и постмодернистской эклектики, объединяющей архаику и современность. Сын начальника стрельцов Андрей (Николай Ерохин) предстает в красном кафтане с меховой подкладкой, цвет его одежды – прямое указание зрителю на принадлежность Андрея к образной сфере стрельцов. Раскольница Марфа (Ксения Дудникова) – в контрастирующем светлым одеждам стрелецких жен темном длинном платье, прикрывающем руки и ноги. На голове Марфы – серый платок, повязанный по современному обычаю и не скрывающий лба и волос. Длинное темное платье и платок Марфы – вольная интерпретация традиционной для сценического ре-

шения образа раскольницы рясы и покрывала, скрывающего, как монашеский апостольник, голову и лоб. Девушка из немецкой слободы Эмма (Мария Макеева) – в «европейском» платье, без головного убора, а также в белых сапогах, что уже заметно отличает ее от других персонажей в спектакле. Этот контрастный другим героиням образ – еще одна облегчающая восприятие спектакля визуальная «подсказка» постановщиков, указывающая аудитории на чужеродность и инокультурность Эммы. В контексте влияний массовой культуры типичным выглядит решение сцены Андрея и Эммы – Андрей разрывает платье на Эмме, укладывает ее на стол, оголяя ноги девушки, здесь режиссер следует тенденции натурализма, присущей значительной части современных театральных постановок, а также привычной и востребованной массовым сознанием.

В сцене ссоры Ивана и Андрея Хованских появляется предводитель раскольников Досифей (Денис Макаров), не внезапно, как это было задумано композитором, а задолго до того, как начнется его реплика. В соответствии с постмодернистской вседозволенностью Досифей, прогуливаясь по сцене, попросту наблюдает за происходящим. Внешне Досифей совершенно не похож на того старца, которого мы привыкли видеть в традиционных постановках. Это мужчина средних лет. «Зализанные» назад волосы и борода его коротко подстрижены. Одет он в зеленый кафтан, под которым мы видим современный черный подрясник и деревянный четырехконечный крест на груди. Слова из уст такого «старца» не могут звучать убедительно, поэтому Досифей в спектакле явно выступает в роли очередного шарлатана, цель которого – завоевание власти, а не забота о духовном спасении русского народа. Трактовка образа Досифея корреспондирует и с постмодернистской, и масскультовской парадигмой, «работающей» на достижение общей цели – преобразовать и присвоить классическую оперу, трансформировав ее эстетическую концепцию (постмодернизм) и сформировав рентабельный культурный «продукт» (массовая культура).

Сценография второго действия разворачивающегося в соответствии с авторским текстом в кабинете князя Василия Голицына, выполнена в той же скупой манере, как и первое действие: единственными атрибутами кабинета являются покрытый скатертью стол, на котором стоят шахматы, и красное кресло хозяина. Голицын – в европейском платье и голубом кафтане, не отличающемся какими-либо изысками, бороды по европейской моде князь не носит. Образ в целом решен в духе авторского примечания «в смешанном вкусе: московско-европейском» [9], этот факт, а также лаконичность сценографии наталкивает на мысль о визуальной «недорешенности» данного фрагмента.

Обозначенному контексту, в частности, соответствует трактовка кульминационной сцены второго действия – столкновение Голицына с Хованским и обращение к ним Досифея в попытке примирения: внешне здесь заговорщики почти одинаковы, постановщики визуально никак не подчеркивают значимость этой сцены, что странно в контексте общей, тяготеющей к визионерской, концепции спектакля. А ведь Голицын, Хованский и Досифей являются представителями трех различных групп русского общества, радеющих о разных путях дальнейшего развития государства и его спасения (в духовном смысле). Здесь можно было бы, в строгом соответствии с авторским текстом, визуально противопоставить друг другу тяготеющего к европейскому пути развития Голицына (холеный, сытый, без бороды, в парике, польском платье и кафтане на соболях), старообрядца Досифея (черное монашеское облачение, длинная седая борода, бледное худое от поста и молитв лицо) и предводителя стрельцов Хованского (богато украшенный кафтан, соболиная шуба, грозное лицо диктатора). Априори же трое разных персонажей отличаются разве что цветом костюма. Постмодернистские поиски новых смыслов и подтекстов, масскультовский эпатаж и отказ от мимесиса в данном случае приводит к невозможности катарсиса: драмы, трагедии не получается, острые углы конфликта сглаживаются, действие может быть только формально проиллюстрировано, но не прочувствовано.

В духе черной комедии представлен во втором действии эпизод со старообрядцами, когда те, прежде чем выстроиться для демонстративного «Посрамихом, посрамихом», толкаются в поисках своих мест. Затем хор раскольников с иконами и хоругвями в руках выстраивается строго по команде и управляется регентом. Появившиеся в современном спектакле образы Досифея и его паствы представляют достаточно откровенную пародию на священнослужителей, но скорее не конца XVII, а начала XXI века. Была ли у постановочной группы конкретная цель осуществить аллюзию и высмеять православных, неспособных спеть свою скорбную песнь без регента? Или же режиссер хотел намекнуть, что у церкви уже давно нет той «духовной почвы», того осознанного стремления к постижению возвышенного, застав-

ляющего идти на подвиги и вынуждающего принимать аскезу? Вопрос концептуального решения и транслируемых смыслов остается открытым. Вместе с тем, в режиссерском прочтении этой сцены можно усмотреть «реверанс» в сторону массовой культуры, когда, посредством постмодерниских приемов интерпретации классического текста – пародийности, гротеска, эксцентричности, саркастичности, – постановщики словно «сбивают пафос» с действия, придавая абсурдность и подчеркивая скептическое отношение к фанатизму «чернорясцев», истово исполняющих свой гимн.

В третьем действии в соответствии с эмоциональным состоянием, передаваемым музыкой – гнетущий страх, тоска и беспомощность – прозвучала сцена призыва стрельцами их начальника Хованского (хор-причитание «Батя, батя, выйди к нам»). Хованский выходит и садится среди прочих по центру стола. Музыкальный критик М.А. Гайкович выразительно охарактеризовала личность князя в анализируемой постановке: «Иван Хованский – фигура неоднозначная, но мощная. Батя – вот ядро его образа: он разнуздан, жесток, но справедлив и, обращаясь к «детям» (стрельцам), садится с ними за стол, братается, стирая, даже ломая всякое социальное различие» [5], видимо, именно такой образ начальника-«бати» наиболее понятен массовому сознанию. Визуальное решение мизансцены последней перед смертью князя встречи Ивана Хованского со стрельцами напоминает Тайную вечерю, во время которой Спаситель прощается с учениками, чтобы затем принять мученическую смерть. Надо полагать, отдаленная сюжетная аналогия обусловила создание этой смысловой интертекстуальной рифмы, которая вносит элемент иронии, пародийности, что соответствует одному из основных принципов постмодернистской эстетики – классический текст (здесь и библейский, и оперный), интерпретируемый посредством игры, низводится из сферы элитарного потребления в сферу массового потребления, превращаясь таким образом в феномен культуры гламура.

Четвертое действие оперы с колоритной вокально-танцевальной сюитой и драматической сценой казни становится кульминационным в данной постановке, представляя собой «надрывный праздник перед казнью» [3]. Заметим, что сценографически постановщики его никак не выделяют – неизменный условный «амбар» превращается в трапезную палату, Хованский после ухода стрельцов остается сидеть все за тем же столом, его развлекают сначала жены стрельцов – песнями, затем персидки – танцами. Стоит отметить, что и в этой сцене постановщики не обходятся без масскультовских натуралистических намеков – многие из жен стрельцов беременны, и, скорее всего, публика должна понять, что именно от князя Хованского (судя по его разгульному поведению). При появлении на сцене балетных «персидок» постановщики спектакля позволяют себе еще один отход от музыкальной партитуры: оркестр умолкает, а восточную музыку «Пляски персидок» с фальшью, показавшейся некоторым критикам «трогательной» [3] исполняет фольклорно-этнографический инструментальный ансамбль (дудук, канун, кеманча и уд). По-масскультовски небрежно-приблизительный постановочный ход не должен вызвать вопросов у массовой аудитории ни о вмешательстве в авторский текст, ни о культурной чужеродности среднеазиатских инструментов для Руси конца XVII века, ведь яркие стилизованные костюмы музыкантов и этнически-выразительные музыкальные инструменты выглядят броско и звучат эффектно.

Эксплуатируя образы и символы, закрепившиеся в культурной памяти, в российском/постсоветстком массовом сознании, поставлена сцена ареста Голицына: обыск, из-за кулис вылетают пачки запрещенной литературы, затем петровцы выволакивают самого опального князя и последнее, что он видит, перед тем, как сесть в карету, – труп предводителя стрелецкого движения Хованского. Мрачная зловещая картина проводит косвенную параллель с революционными событиями 1917 года: смена власти, улицы городов захламлены листовками и вершит расправу Красный террор. Этот эпизод психологически подготавливает музыкальную и постановочную кульминацию оперы – сцену казни стрельцов: «Простой жест художника Владимира Арефьева, когда стрельцы кладут на плаху свои красные кафтаны, картинно красив, еще не пролитая кровь – уже пролилась, и пусть именно этих людей помиловал Петр, скольких погребли тектонические плиты российской истории?» [5]

В заключительной сцене (пятое действие) раскольники, решившиеся на подвиг самосожжения, сняв сапоги, встают в центре огромного амбара – скита. Они ставят свои свечи на опять спустившийся из-под колосников столб – символ былой «доблести» стрельцов, который поднимается под потолок, где одна за другой эти свечи гаснут, и сцена (можно предположить, что имеется в виду Россия) остается во мраке. Откровенно вторич-

ный, прямолинейный до банальности ход в духе «окончен бал, погасли свечи», дающий массовому сознанию легкий для восприятия, красноречивый и пронзительный образ-суррогат катарсиса.

Можно утверждать, что А. Б. Титель в своей постановке «Хованщины» не ставил перед собой цели прямо следовать установкам постмодернизма. Используя такие приемы, как игра, фрагментарность, условность изображения, отказ от мимесиса, цитирование, пародийность, он помещает своих героев в безвременье. Наряду с костюмами XVII века, мы видим и современные наряды. Тонкими намеками на первоначальный образ служат элементы костюма, детали внешнего вида и особенности поведения героя в определенных ситуациях. Мизансцены отсылают нас как к далеким, так и к недавним событиям. При этом А. Б. Титель не изменяет исторической правды, не переписывает сюжет, не создает альтернативного повествования, искусственно «вчитывая» его в текст М. П. Мусоргского. Визуально осовременивая оперу, он не меняет отношения к образу ее главного героя – народа. Монументальные народные сцены, созданные композитором, мощно и с большим драматическим напряжением прозвучали в этом спектакле, благодаря работе дирижера-постановщика при поддержке режиссера-постановщика.

В нынешнее время немногие режиссеры берутся за постановку «Хованщины», тем более не берутся ее осовременивать. В данном случае, режиссер А. Б. Титель не просто интерпретирует классический оперный текст, используя некоторые постмодернистские приемы, но «объясняет» этот текст с современных позиций, популяризует его и делает понятным для массового зрителя. Оперная классика, попадая в поле влияния массовой культуры и подвергаясь воздействию нарочито оригинальной и демонстративно нетрадиционной постмодернистской трактовки, проходит своеобразную адаптацию к запросам и специфике современного слушателя-зрителя. Таким образом, данная постановка реализует модель «режиссерской оперы», своей постмодернистской визионерской составляющей и масскультовской зрелищностью прочно связывающей оперную классику с современной «посткультурой».

Библиографический список

1. Абаулин, Д. Буклет оперы «Хованщина» в постановке Московского академического музыкального театра им. К. Станиславского и В. Немировича-Данченко [Текст] / Дмитрий Абаулин. – М. : Издание МАМТ им. К.С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, 2015.

2. Бедерова, Ю. Хор на отлично [Электронный ресурс] / Юлия Бедерова // Коммерсант, 25.02.2015. – Режим доступа: http://www.classicalmusicnews.ru/reports/hor-na-otlichno/

3. Бирюкова, Е. А кому сейчас легко? [Электронный ресурс] / Екатерина Бирюкова // Colta : Академическая музыка, 20.02.2015. – Режим доступа: http://www. colta.ru/articles/music_classic/6399?page=46.

4. Бобрик, О. Возвращаясь к «Хованщине»… [Электронный ресурс] / Олеся Бобрик // Muzcentrum.ru. – 05.05.2015. – Режим доступа: https://stanmus.ru/press/7690.

5. Гайкович, М. Мрачная Русь [Электронный ресурс] / Марина Гайкович // Независимая газета. – 26.02.2015. – Режим доступа: http://www.ng.ru/culture/2015-02-26/8_rus.html?print=Y.

6. Густякова, Д. Ю. Принципы присвоения русской классики в зарубежной массовой культуре [Текст] / Д. Ю. Густякова // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 2. – Том I. – С. 194–200.

7. Злотникова, Т. С. Образ поступка – парадигма массовой культуры [Текст] / Т. С. Злотникова // Вопросы культурологии. – 2015. – № 4. – С. 87–94.

8. Маньковская, Н. Б. Эстетика постмодернизма [Текст] / Н. Б. Маньковская. – СПб. : Алетейя, 2000. – 347 с.

9. Мусоргский, М. П. Хованщина [Электронный ресурс] : Либретто оперы / М. П. Мусоргский. – Режим доступа: www.operalib.eu/zpdf/khovanschina.pdf

10. Титель, А. Оперный театр – это не газета [Электронный ресурс] / Александр Титель // Музыкальная жизнь. – 2015. – № 1. – Режим доступа: https://www.goldenmask.ru/ spect.php?id=1303

11. Шапинская, Е. Н. Опера как пространство эскапизма [Электронный ресурс] / Е. Н. Шапинская // Полигнозис. – 2012. – № 1–4(43). – С. 120–133. – Режим доступа: http://culturalnet.ru/ main/getfile/2100

12. Шапинская, Е. Н. Фигуры власти в русском искусстве: игры с историей на российской оперной сцене [Текст] / Е. Н. Шапинская // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 2. – Том I. – С. 218–223.

13. Adorno, Th.W. Einleitung im die Musiksoziologie: Zwolf theoretische Vorlesungen / Theodor W. Adorno; 2 Auflage. – Frankfurt a.M. : Suhrkamp, 1975. – 269 s.

14. Albright, D. Modernism and Music: An Anthology of Sources / Daniel Albright. – Chicago : University of Chicago Press, 2004. – 440 p.

15. Barthes, R. Image Music Text / Roland Barthes; Essays selected and translated by Stephen Heath. – London: Fontana Press, 1977. – 220 p. – Режим доступа: https://rosswolfe.files.wordpress.com/2015/04/roland-barthes-image-music-text.pdf.

16. Deleuze, G., Guattari, F. Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia / Gilles Deleuze, Felix Guattari; Preface by Michel Foucault. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 2000. – Режим доступа: https://libcom.org/files/Anti-Oedipus.pdf.

17. Derrida, J. De la grammatologie / Jacques Derrida. – Paris : LES ÉDITIONS DE MINUIT, 1967. – 450 p. – Режим доступа: https://www.pileface.com/sollers/IMG/pdf/de_la_grammatologie.pdf.

18. Derrida, J. Psyche. Inventions de l'autre / Jacques Derrida. – Paris : Galilee, 1997. – 656 p.

19. Jarolin, P. «Chowanschtschina»: Nicht jeder Aufzug führt zum Glück / Peter Jarolin // kurier.at : kultur. – Режим доступа: https://kurier.at/kultur/chowanschtschina-nicht-jeder-aufzug-fuehrt-zum-glueck/ 97. 251.574.

20. Jean Baudrillard / Principal Editor: Edward N. Zalta // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – First published Fri Apr 22, 2005. – Режим доступа: https://plato.stanford.edu/entries/baudrillard/

21. Jencks, C. The Language of Postmodern Architecture / Charles A Jencks; Edition: 6th revised. – New York : Rizzoli, 1991. – 204 p.

22. Morawski, S. The Troubles With Postmodernism / Stefan Morawski. – Taylor & Francis e-Library, 2003. – 155 p. – Режим доступа: https://monoskop.org/images/8/8c/Morawski_Stefan_The_ Troubles_with_Postmodernism.pdf.

23. Ortega y Gasset, J. The Revolt of the Masses / José Ortega y Gasset. – Режим доступа: http://pinkmonkey.com/dl/library1/revolt.pdf.

24. Rea, N. The Return of the Gesamtkunstwerk? Why Contemporary Artists Are Flocking to the Opera House / Naomi Rea // Artnet'News. – August 23, 2017. – Режим доступа: https://news.artnet.com/art-world/opera-contemporary-art-1047605.

25. «Chowanschtschina» Modest Mussorgsky : Inszenierung, Bühne und Kostüme Dmitri Tcherniakov // Bayerische Staatsoper. – Information. – Sunday, 18. March 2007. – Режим доступа: https://www.staatsoper.de/en/productioninfo/ chowanschtschina/2007-03-18-18-00.html?type=0&cHash=ea4db39644032a5df80a34355ad92c62.

Bibliograficheskij spisok

1. Abaulin, D. Buklet opery «Hovanshhina» v postanovke Moskovskogo akademicheskogo muzykal'nogo teatra im. K. Stanislavskogo i V. Nemirovicha-Danchenko [Tekst] / Dmitrij Abaulin. – M. : Izdanie MAMT im. K. S. Stanislavskogo i Vl. I. Nemirovicha-Danchenko, 2015.

2. Bederova, Ju. Hor na otlichno [Jelektronnyj resurs] / Julija Bederova // Kommersant, 25.02.2015. – Rezhim dostupa: http://www.classicalmusicnews.ru/reports/hor-na-otlichno/

3. Birjukova, E. A komu sejchas legko? [Jelektronnyj resurs] / Ekaterina Birjukova // Colta : Akademicheskaja muzyka, 20.02.2015. – Rezhim dostupa: http://www. colta.ru/articles/music_classic/6399?page=46.

4. Bobrik, O. Vozvrashhajas' k «Hovanshhine»… [Jelektronnyj resurs] / Olesja Bobrik // Muzcentrum.ru. – 05.05.2015. – Rezhim dostupa: https://stanmus.ru/press/7690.

5. Gajkovich, M. Mrachnaja Rus' [Jelektronnyj resurs] / Marina Gajkovich // Nezavisimaja gazeta. – 26.02.2015. – Rezhim dostupa: http://www.ng.ru/culture/2015-02-26/8_rus.html?print=Y.

6. Gustjakova, D. Ju. Principy prisvoenija russkoj klassiki v zarubezhnoj massovoj kul'ture [Tekst] / D. Ju. Gustjakova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2015. – № 2. – Tom I. – S. 194–200.

7. Zlotnikova, T. S. Obraz postupka – paradigma massovoj kul'tury [Tekst] / T. S. Zlotnikova // Voprosy kul'turologii. – 2015. – № 4. – S. 87–94.

8. Man'kovskaja, N. B. Jestetika postmodernizma [Tekst] / N. B. Man'kovskaja. – SPb. : Aletejja, 2000. – 347 s.

9. Musorgskij, M. P. Hovanshhina [Jelektronnyj resurs] : Libretto opery / M. P. Musorgskij. – Rezhim dostupa: www.operalib.eu/zpdf/khovanschina.pdf

10. Titel', A. Opernyj teatr – jeto ne gazeta [Jelektronnyj resurs] / Aleksandr Titel' // Muzykal'naja zhizn'. – 2015. – № 1. – Rezhim dostupa: https://www.goldenmask.ru/ spect.php?id=1303

11. Shapinskaja, E. N. Opera kak prostranstvo jeskapizma [Jelektronnyj resurs] / E. N. Shapinskaja // Polignozis. – 2012. – № 1–4(43). – S. 120–133. – Rezhim dostupa: http://culturalnet.ru/ main/getfile/2100

12. Shapinskaja, E. N. Figury vlasti v russkom iskusstve: igry s istoriej na rossijskoj opernoj scene [Tekst] / E. N. Shapinskaja // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2013. – № 2. – Tom I. – S. 218–223.

13. Adorno, Th.W. Einleitung im die Musiksoziologie: Zwolf theoretische Vorlesungen / Theodor W. Adorno; 2 Auflage. – Frankfurt a.M. : Suhrkamp, 1975. – 269 s.

14. Albright, D. Modernism and Music: An Anthology of Sources / Daniel Albright. – Chicago : University of Chicago Press, 2004. – 440 p.

15. Barthes, R. Image Music Text / Roland Barthes; Essays selected and translated by Stephen Heath. – London: Fontana Press, 1977. – 220 p. – Rezhim dostupa: https://rosswolfe.files.wordpress.com/2015/04/roland-barthes-image-music-text.pdf.

16. Deleuze, G., Guattari, F. Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia / Gilles Deleuze, Felix Guattari; Preface by Michel Foucault. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 2000. – Rezhim dostupa: https://libcom.org/files/Anti-Oedipus.pdf.

17. Derrida, J. De la grammatologie / Jacques Derrida. – Paris : LES ÉDITIONS DE MINUIT, 1967. – 450 p. – Rezhim dostupa:

https://www.pileface.com/sollers/IMG/pdf/de_la_grammatologie.pdf.

18. Derrida, J. Psyche. Inventions de l'autre / Jacques Derrida. – Paris : Galilee, 1997. – 656 p.

19. Jarolin, P. «Chowanschtschina»: Nicht jeder Aufzug führt zum Glück / Peter Jarolin // kurier.at : kultur. – Rezhim dostupa: https://kurier.at/kultur/chowanschtschina-nicht-jeder-aufzug-fuehrt-zum-glueck/ 97. 251.574.

20. Jean Baudrillard / Principal Editor: Edward N. Zalta // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – First published Fri Apr 22, 2005. – Rezhim dostupa: https://plato.stanford.edu/entries/baudrillard/

21. Jencks, C. The Language of Postmodern Architecture / Charles A Jencks; Edition: 6th revised. – New York : Rizzoli, 1991. – 204 p.

22. Morawski, S. The Troubles With Postmodernism / Stefan Morawski. – Taylor & Francis e-Library, 2003. – 155 p. – Rezhim dostupa: https://monoskop.org/images/8/8c/Morawski_Stefan_The_ Troubles_with_Postmodernism.pdf.

23. Ortega y Gasset, J. The Revolt of the Masses / José Ortega y Gasset. – Rezhim dostupa: http://pinkmonkey.com/dl/library1/revolt.pdf.

24. Rea, N. The Return of the Gesamtkunstwerk? Why Contemporary Artists Are Flocking to the Opera House / Naomi Rea // Artnet'News. – August 23, 2017. – Rezhim dostupa: https://news.artnet.com/art-world/opera-contemporary-art-1047605.

25. «Chowanschtschina» Modest Mussorgsky : Inszenierung, Bühne und Kostüme Dmitri Tcherniakov // Bayerische Staatsoper. – Information. – Sunday, 18. March 2007. – Rezhim dostupa: https://www.staatsoper.de/en/productioninfo/ chowanschtschina/2007-03-18-18-00.html?type=0&cHash=ea4db39644032a5df80a34355ad92c62.

Reference List

1. Abaulin D. The booklet of the opera Hovanshchina directed by the Moscow academic musical theater named after K. Stanislavsky and V. Nemirovich-Danchenko / Dmitry Abaulin. – M.: The edition of MAMT named after K. S. Stanislavsky and Vl. I. Nemirovich-Danchenko, 2015.

2. Bederova Yu. Choir perfectly well [Electronic resource] / Yulia Bederova // Businessman, 25.02.2015. – Access mode: http: // www.classicalmusicnews.ru/reports/hor-na-otlichno/

3. Biryukova E. And for whom is it easy now? [Electronic resource] / Ekaterina Biryukova // Colta: Academic music, 2/20/2015. – Access mode: http: // www. colta.ru/articles/music_classic/6399?page=46.

4. Bobrik O. Returning to Hovanshchina … [An electronic resource] / Olesya Bobrik // Muzcentrum.ru. – 05.05.2015. – Access mode: https: // stanmus.ru/press/7690.

5. Gaykovich M. Gloomy Russia [An electronic resource] / Marina Gaykovich // Independent newspaper. – 26.02.2015. – Access mode: http: // www.ng.ru/culture/2015–02–26/8_rus.html?print=Y.

6. Gustyakova D. Yu. The principles of assignment of the Russian classics in foreign popular culture / Yu. Gustyakova // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. – 2015. – No. 2. – Volume I. – Page 194–200.

7. Zlotnikova T. S. Image of an act – a paradigm of popular culture / T. S. Zlotnikova // Culturology Questions. – 2015. – No. 4. – Page 87–94.

8. Mankovskaya N. B. Aesthetics of postmodernism / N. B. Mankovskaya. – SPb. : Aleteya, 2000. – 347 pages.

9. Mussorgsky M. P. Hovanshchina [An electronic resource]: Libretto of opera / L. S. Mussorgsky. – Access mode: www.operalib.eu/zpdf/khovanschina.pdf

10. Titel A. The opera theater is not the newspaper [An electronic resource] / Aleksander Titel // Muzykalnaya Zhyzn. – 2015. – No. 1. – Access mode: https: // www.goldenmask.ru/spect.php? id=1303

11. Shapinskaya E. N. Opera as escapism space [An electronic resource] / E. N. Shapinskaya // Polignozis. – 2012. – No. 1–4(43). – Page 120–133. – Access mode: http: // culturalnet.ru/ main/getfile/2100

12. Shapinskaya E. N. Figures of the power in the Russian art: games with history on the Russian opera stage / E. N. Shapinskaya // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. – 2013. – No. 2. – Volume I. – Page 218–223.

13. Adorno Th.W. Einleitung im die Musiksoziologie: Zwolf theoretische Vorlesungen / Theodor W. Adorno; 2 Auflage. – Frankfurt a.M. : Suhrkamp, 1975. – 269 s.

14. Albright D. Modernism and Music: An Anthology of Sources / Daniel Albright. – Chicago : University of Chicago Press, 2004. – 440 p.

15. Barthes R. Image Music Text / Roland Barthes; Essays selected and translated by Stephen Heath. – London: Fontana Press, 1977. – 220 p. – Access mode: https: // rosswolfe.files.wordpress.com/2015/04/roland-barthes-image-music-text.pdf.

16. Deleuze G., Guattari, F. Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia / Gilles Deleuze, Felix Guattari; Preface by Michel Foucault. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 2000. – Access mode: https: // libcom.org/files/Anti-Oedipus.pdf.

17. Derrida J. De la grammatologie / Jacques Derrida. – Paris : LES ÉDITIONS DE MINUIT, 1967. – 450 p. – Режим доступа: https: // www.pileface.com/sollers/IMG/pdf/de_la_grammatologie .pdf.

18. Derrida J. Psyche. Inventions de l'autre / Jacques Derrida. – Paris : Galilee, 1997. – 656 p.

19. Jarolin P. «Chowanschtschina»: Nicht jeder Aufzug führt zum Glück / Peter Jarolin // kurier.at : kultur. – Access mode: https: // kurier.at/kultur/chowanschtschina-nicht-jeder-aufzug-fuehrt-zum-glueck/ 97. 251.574.

20. Jean Baudrillard / Principal Editor: Edward N. Zalta // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – First

published Fri Apr 22, 2005. – Access mode: https: // plato.stanford.edu/entries/baudrillard/

21. Jencks C. The Language of Postmodern Architecture / Charles A Jencks; Edition: 6th revised. – New York : Rizzoli, 1991. – 204 p.

22. Morawski S. The Troubles With Postmodernism / Stefan Morawski. – Taylor & Francis e-Library, 2003. – 155 p. – Access mode: https: // monoskop.org/images/8/8c/Morawski_Stefan_The_ Troubles_with_Postmodernism.pdf.

23. Ortega y Gasset, J. The Revolt of the Masses / José Ortega y Gasset. – Access mode: http: // pinkmonkey.com/dl/library1/revolt.pdf.

24. Rea N. The Return of the Gesamtkunstwerk? Why Contemporary Artists Are Flocking to the Opera House / Naomi Rea // Artnet'News. – August 23, 2017. – Access mode: https: // news.artnet.com/art-world/opera-contemporary-art-1047605.

25. «Chowanschtschina» Modest Mussorgsky : Inszenierung, Bühne und Kostüme Dmitri Tcherniakov // Bayerische Staatsoper. – Information. – Sunday, 18. March 2007. – Access mode: https: // www.staatsoper.de/en/productioninfo/ chowanschtschina/2007–03–18–18–00.html?type=0&cHash=ea4db39644032a5df80a34355ad92c62.

Дата поступления статьи в редакцию: 23.04.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Всеросссийская научная конференция «Ярославский текст в пространстве диалога культур»

SCIENTIFIC LIFE

Russian Scientific Conference «The Yaroslavl Text in Space of the Dialogue of Cultures»

10–11 апреля 2018 года состоялась третья научная конференция «Ярославский текст в пространстве диалога культур», прошедшая в формате всероссийской. Ее соорганизаторами выступили Ярославский центр регионального литературоведения, Региональный центр лингвистических исследований имени профессора Г. Г. Мельниченко и Центр теории и практики речевой коммуникации «Диалог» ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

В работе конференции приняли участие более 70 исследователей из Москвы, С.-Петербурга, Екатеринбурга, Ярославля, Вологды, Костромы, Иванова, Шуи, Арзамаса, Кирова, Твери, Рязани, Волгограда, Смоленска, Сыктывкара, Иркутска, Рыбинска, Мышкина и пос. Борисоглебский Ярославской области.

С приветственным словом к участникам конференции обратился проректор по научной работе ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, кандидат педагогических наук А. М. Ходырев.

Выступления на пленарном заседании обозначили тематику презентируемых на конференции исследований. Открыл пленарное заседание доклад доктора культурологии, главного научного сотрудника Высшей школы урбанистики им. А. А. Высоковского (НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва) Д. Н. Замятина на тему «Город, геокультура и текст: к методологии постсовременного урбанизма», в котором были раскрыты принципы анализа практически любой территории с точки зрения культурных и цивилизационных процессов. Дмитрий Николаевич рассказал, что различные историко-культурные памятники, объекты территории, известные ландшафты следует оценивать как специфические медиаобразы, циркулирующие в информационном пространстве. Таким образом, главным источником разработки и создания бренда определенной территории становится культура, понимание ее роли и значения по отношению к описываемой географической точке. Ученый предложил ответы на актуальные для аудитории вопросы: что такое геокультурный брендинг и чем он отличается от маркетинга или брендинга территории? Как функционируют образы в географическом пространстве? Как идентифицировать, разрабатывать и продвигать локальные и региональные образы?

Доктор филологических наук, член-корреспондент РАН С. А. Мызников (Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург) выступил с докладом «Этимологические ареалы в ярославских говорах», в котором детально рассмотрел лексемы финно-угорского (коми, прибалтийско-финского), тюркского происхождения в словарном составе говоров Ярославской области. Анализ неисконной, иноязычной лексики, проведенный на широком диалектном фоне, показал, что ярославские данные редко являются узколокальными, большей частью они представляют собой фрагмент в диалектной макроструктуре.

Одним из центральных событий конференции стала презентация научного проекта Ярославского центра регионального литературоведения – «Литературного энциклопедического словаря Ярославского края (XII – начало XXI века)», в работе над которым приняли участие около 80 авторов, в том числе 9 докторов наук и 23 кандидата наук – филологи и культурологи ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, МГУ им. М. В. Ломоносова, Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Российского университета дружбы народов, а также сотрудники музеев, архивов, библиотек,

© Скибинская О. Н., Ховрина Т. К., Ухова Л. В., 2018

краеведы, писатели. Печатное издание профессиональной аудитории представили руководитель Ярославского центра регионального литературоведения ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, кандидат культурологии О. Н. Скибинская и генеральный директор издательства «Академия 76» М. А. Нянковский.

Это научное издание, только что вышедшее в свет, дало импульс новым исследованиям и послужило основой для ряда выступлений на конференции. Так, доктор культурологии, профессор ЯГПУ им. К.Д. Ушинского Т. В. Юрьева выступила с докладом «Ярославль – один из центров древнерусской литературы». Доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и издательского дела ЯГПУ им. К.Д. Ушинского Е. А. Ермолин презентировал «Ярославский литературоведческий текст и социокультурный контекст (XX век)», особое внимание обратив на литературоведческие исследования в области русской и мировой литературы, которые с 1920-х гг. велись в Ярославском педагогическом институте (ныне ЯГПУ).

Заседание **секции «Культура Древней Руси и русского Средневековья в преломлении ярославской традиции»** (руководитель – Т. В. Юрьева) открыл доклад доктора филологических наук, профессора кафедры русской литературы ЯГПУ им. К.Д. Ушинского Г. Ю. Филипповского, в котором он представил продолжение исследований своей находки 2016 года – культового «синего камня» – в контексте ритуально-космологической топографии святилищ Волоса до-Ярославля в ее соотнесенности с храмами св. Николая Чудотворца средневекового Ярославля. Доклад доктора культурологии, профессора кафедры журналистики и издательского дела ЯГПУ им. К.Д. Ушинского Т. В. Юрьевой был посвящен отражению во фресковых комплексах ярославских храмов жития св. Николая Чудотворца. В. М. Марасанова, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью ЯрГУ им. П. Г. Демидова, проанализировала коммеморативные практики средневекового Ярославля на примере Никольских храмов.

На заседании секции были представлены и исследования молодых ученых. Соискатель кафедры журналистики и издательского дела ЯГПУ им. К.Д. Ушинского А. Р. Цаваритская сообщила «Новые сведения о судьбе снятых фрагментов стенописи ярославской церкви Петра Митрополита», а магистрант ЯГПУ им. К.Д. Ушинского Е. Д. Невзорова презентировала «Студенческий проект по сохранению фресок храма Николы Мокрого в Ярославле».

Гость конференции, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французского языка и лингводидактики МГПУ С. А. Герасимова, познакомила участников **секции «Ярославский текст в русской литературе XVIII – начала XXI века»** (руководители – И. Ю. Бурдина, М. Г. Пономарева) с продвижением Французской энциклопедии XVIII века в России, которая в этот период по числу переводов из знаменитого издания далеко обогнала все остальные страны Европы. Русские переводы отражали своеобразие российской действительности и русской культуры, при этом удовлетворяя интерес русского общества к идеям западноевропейского Просвещения. Кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и издательского дела ЯГПУ им. К.Д. Ушинского М. Г. Пономарева проанализировала «Ярославские реалии в одической поэзии графа Д. И. Хвостова». Г. Ю. Дзюбко, кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин Рязанского гвардейского высшего воздушно-десантного командного училища имени генерала армии В. Ф. Маргелова, представила вниманию слушателей свои исследования по своеобразию заметок писателя, издателя, журналиста П. П. Свиньина «Картины России и быт ее разноплеменных народов».

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета И. М. Ганжина и главный хранитель музея дворянского рода Бакуниных, учитель русского языка и литературы Прямухинской средней общеобразовательной школы (Тверская обл.) М. Ю. Черненок проанализировали творчество дворянина, философа и просветителя А. М. Бакунина, в частности, написанную в 1810–1830-е гг. поэму «Осуга». По мнению филологов, через описание жизни дворянской семьи в любимой усадьбе автор воссоздает панораму русской действительности, раскрывает важнейшие проблемы своего времени, отражает многие стороны жизни России начала XIX в. Презентацию исследований пространства отечественной литературы XIX века продолжило выступление доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой русской литературы ЯГПУ им. К.Д. Ушинского И. Ю. Лученецкой-Бурдиной, посвященное малоизвестной теме «Ярославцы – корреспонденты Л. Н. Толстого». И, конечно, участники

конференции не могли не коснуться «вечной» некрасовской темы: кандидат филологических наук, преподаватель ярославской школы дистанционного обучения «Центр помощи детям» Л. Л. Смирнова провела «Виртуальную экскурсию „Некрасовское Поволжье" в школьном курсе литературы».

Интересный доклад о связях с Ярославским краем А. М. Горького представил доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К.Д. Ушинского Н. Н. Иванов. В нем были рассмотрены личные, семейные, творческие связи классика отечественной литературы с сестрами Волжиными и семьей Адама и Максима Богдановичей. Отражению русской провинции в творчестве М. П. Чехова посвятила свое выступление кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ЯГПУ им. К.Д. Ушинского Н. В. Лукьянчикова. Предметом исследования доктора филологических наук, доцента кафедры русской литературы ЯГПУ им. К.Д. Ушинского Е. М. Болдыревой стал «„Ярославский текст" в творчестве Михаила Осоргина».

В последние годы исследователи все чаще обращаются к изучению жизни и творчества церковных писателей. «Ярославский край в судьбе митрополита и писателя Иосифа (Петровых)» – такой теме было посвящено сообщение кандидата филологических наук, старшего преподавателя кафедры русской литературы ЯГПУ им. К.Д. Ушинского А. А. Федотовой.

Старший научный сотрудник Переславль-Залесского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника Ю. Я. Никитина познакомила коллег с творческой биографией уроженца Угличского уезда Ярославской губернии Н. И. Колоколова (1869–1919), «даровитого человека, не успевшего выполнить и половину своих жизненных задач». Результатами своих многолетних трудов поделился с участниками конференции директор школы с. Ивановское Борисоглебского района Ярославской области, старший преподаватель ЯГПУ им. К.Д. Ушинского В. С. Мартышин, немало сил отдавший изучению связи известного советского писателя Федора Абрамова с Борисоглебской землей. Исследованию творчества трех поколений рыбинских Курбатовых, среди которых и детский писатель, и автор книг, переведенных на ряд европейских языков, посвятил доклад хранитель музея «Нобели и нобелевское движение» (г. Рыбинск Ярославской области) В. И. Рябой.

Свой вклад в развитие российской культуры вносят и писатели, создающие свои произведения в начале XXI в. Литературные творческие проекты, связанные с Вологдой и Ярославлем, оказались в центре выступления кандидата культурологии, доцента Вологодского государственного университета Л. А. Якушевой. А старший преподаватель кафедры журналистики и издательского дела ЯГПУ им. К.Д. Ушинского Е. В. Никкарева в докладе «„Когда все нити вновь свяжет Слово...": речь и молчание в поэзии» проанализировала творчество ярославского поэта и священника Константина Кравцова.

Работа секции **«Региональные словари как средство презентации языка народной культуры»** (руководитель – Т. К. Ховрина) была посвящена 110-летию со дня рождения видного ученого-диалектолога, лексикографа, доктора филологических наук, профессора ЯГПУ им. К.Д. Ушинского Г. Г. Мельниченко, вся жизнь которого была связана с разработкой вопросов региональной лексикологии и лексикографии. Именно он был вдохновителем работы по созданию «Ярославского областного словаря» и его научным редактором.

В работе секции приняли участие ученые-диалектологи, лексикографы, преподаватели из вузов Ярославля, Костромы, Вологды, Сыктывкара, Екатеринбурга, Шуи, Арзамаса. Было заслушано 16 докладов, в которых поднимались актуальные проблемы изучения словарного состава русских народных говоров.

Открыла заседание секции научный руководитель Регионального центра лингвистических исследований имени профессора Г. Г. Мельниченко, кандидит филологических наук, доцент кафедры русского языка ЯГПУ им. К.Д. Ушинского Т. К. Ховрина докладом «Лексика ярославских говоров в историческом аспекте». Она подчеркнула, что основные источники изучения словарного состава говоров Ярославской области – «Ярославский областной словарь» и изданные к нему «Дополнения» – содержат материалы XIX–XX вв., то есть являются в определенном смысле историческими словарями. Поэтому очень важно определить, какие лексические элементы старшего периода, памятников древнерусской и старорусской письменности, источников XVIII в. отражены в словарном составе ярославских говоров, какие элементы, зафиксированные в XIX – начале XX в., не сохранились в современных говорах Ярославской области или представляют в них исключительную редкость.

В центре внимания участников конференции были вопросы, связанные с современным состоянием региональной лексикографии, поэтому и большинство докладов было посвящено лексикографической практике, созданию областных словарей. Новые словари (как уже изданные, так и проектируемые) представили исследователи из разных регионов России. Вологодские диалектологи познакомили с двумя проектами. Новый только что вышедший словарь одного говора, а именно «Словарь вологодского режского говора», презентировала кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета Л. Ю. Зорина. Говоры Вологодской области в диалектной лексикографии представлены рядом дифференциальных словарей полидиалектного типа, основным из которых является фундаментальный «Словарь вологодских говоров». В монодиалектном дифференциальном «Словаре вологодского режского говора» зафиксирована лексика уходящего в небытие северно-русского диалекта. Таким образом, данное издание, подчеркнула Л. Ю. Зорина, превращается в памятник исчезающей на глазах деревенской культуре.

Рассмотрению материалов проектируемого в настоящее время «Словаря рыболовецкой лексики Белозерья с историческими данными» был посвящен доклад кандидата филологических наук, доцента Вологодского государственного университета Е. П. Андреевой. Предметом анализа в нем стало явление модификации специального слова в языке диалекта, сосуществование вариантов и синонимов-дублетов в вологодских говорах. Автор остановился на аспектах описания вариативности народного термина в региональном словаре специальной лексики.

В докладе «Региональная лексикография Европейского севера России: итоги и перспективы» кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург) О. А. Теуш было проанализировано становление лексикографической традиции описания диалектной лексики Русского Севера. Автор представила проект создания «Словаря географической лексики Европейского севера России» дифференциального типа, базирующегося на уникальных материалах лексической картотеки Севернорусской топонимической экспедиции Уральского федерального университета. Развернутая презентация авторского проекта продемонстрировала принципы создания этого словаря географической диалектной лексики.

Особое внимание в региональной лексикографии занимают словари отдельного носителя говора, диалектной личности. В них предстают речевые портреты носителей народной культуры. К проблеме адекватного лексикографического описания диалектной языковой личности обратилась кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской филологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина Т. Н. Бунчук в докладе «Говоря бабушки Марики: к вопросу об отражении диалектной личности в словаре». Отметив определенную разработанность данной темы в современной областной лексикографии, она представила свое решение данной проблемы на примере составления словаря носителя русского говора села Лойма Прилузского района Республики Коми.

В докладе «Говоры верхневолжской историко-культурной зоны и их отражение в Словаре русского народного языка А. Н. Островского» кандидата филологических наук, профессора кафедры иностранных и русского языков Ярославского высшего военного училища ПВО И. П. Вербы было показано, насколько представлена лексика этих говоров в словарных материалах писателя. Проанализирован состав данной лексики в тематическом и структурно-семантическом аспектах, выделены особенности ее лексикографического описания А. Н. Островским.

О научных и человеческих связях профессора Г. Г. Мельниченко и известного костромского краеведа и лексикографа А. В. Громова познакомила участников конференции доктор филологических наук, профессор Костромского государственного университета Н. С. Ганцовская. Важно, что А. В. Громов был не только одним из составителей «Ярославского областного словаря», но и автором нескольких, в том числе специальных, словарей говоров Костромской области. Именно Г. Г. Мельниченко был вдохновителем и научным руководителем словарной работы А. В. Громова.

Ряд докладов на секции был посвящен исследованию лексики отдельных тематических и лексико-семантических групп в севернорусских и среднерусских говорах. Обрядовые лексемы с корнем *вечер-* в нижегородских и ярославских говорах проанализировала О. В. Никифорова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегород-

ского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Ею был проведен сопоставительный анализ материалов Диалектного словаря Нижегородской области и «Ярославского областного словаря». С докладом «Названия выпечных изделий с начальным *ол-* в “Ярославском областном словаре”: к вопросу о представлении лексико-фонетических вариантов в диалектных словарях» выступила кандидат филологических наук, редактор Костромского государственного университета П. П. Виноградова.

Оригинальный доклад «*Кацяю зыбку-ту да и побайкиваю:* лексика укладывания младенца спать в вологодских говорах» представила Т. Г. Овсянникова, кандидат педагогических наук, доцент Вологодского государственного университета. Она рассмотрела наименования детской колыбели и действий, связанных с ситуацией укладывания ребенка спать, выявив в этих диалектных лексических единицах культурный компонент значения.

Некоторым севернорусско-немецким параллелям в лексике народной аксиологии посвятил доклад кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и немецкого языка ЯГПУ им. К.Д. Ушинского М. М. Кондратенко. Лексика, характеризующая речевое поведение человека в ярославских говорах, явилась предметом исследования кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка ЯГПУ им. К.Д. Ушинского Ж. К. Гапоновой.

Большой интерес у участников конференции вызвал доклад «Глаголы, обозначающие в русских говорах крик совы» кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета С. А. Ганичевой. На обширном материале картотеки Лексического атласа русских народных говоров (хранится в Институте лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург) она детально рассмотрела особенности данной лексики в разных аспектах: структурно-семантическом, мотивационном, ареальном, показав состав диалектных корневых гнезд и аффиксальных парадигм, в которые входят исследуемые глаголы-зоофоны.

Выступление исследователей из Шуйского филиала Ивановского государственного университета кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка и методики обучения Л. П. Батыревой и кандидита филологических наук, доцента кафедры культурологии и литературы М. Н. Сербул «Мысли, высказанные в тетради» было посвящено анализу записок жительницы д. Грезино Лежневского района Ивановской области Л. Г. Мольковой. Материалы дневника являются ценным лингвистическим и историческим источником, содержащим характерные черты шуйских говоров и позволяющим увидеть повседневную жизнь русской деревни глазами сельского жителя.

Костромские диалектологи, кандидат культурологии, старший научный сотрудник лаборатории лексикологии и лексикографии Костромского государственного университета Г. Д. Неганова и старший научный сотрудник Костромского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, аспирантка КГУ Е. Г. Веселова, выступили с сообщениями, посвященными творчеству уникального художника, писателя, филолога, уроженца Кологривского уезда Костромской губернии Е. В. Честнякова (1874–1961). В докладе Е. Г. Веселовой «Тексты Е. В. Честнякова как источник изучения костромских говоров: произведения разных жанров» литературное наследие этого автора было охарактеризовано как незаменимый источник сведений о поунженских диалектах.

На заседании секции **«Региональная и литературная ономастика»** было заслушано 5 докладов. Исследованию наименований с корнем *болот-* в костромской микротопонимии в сопоставлении с данными «Ярославского областного словаря» был посвящен доклад кандидата филологических наук, доцента кафедры отечественной филологии и журналистики Костромского государственного университета Е. В. Цветковой. Она рассмотрела однокоренные образования, представленные в ЯОС, которые и могли стать основой для образования костромских микротопонимов.

В докладе кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка ЯГПУ им. К.Д. Ушинского Р. В. Разумова «Региональные особенности мемоpативов в урбанонимии Ярославской области» были рассмотрены характерные особенности комплексов мемоpативов, созданных в отдельных городах региона. Было проведено сопоставление частотных мемоpативов Ярославской области и Центрального Федерального округа.

Модные тенденции эргонимической номинации стали темой выступления кандидата филологических наук, доцента кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета О. В. Врублевской. Она рассмотрела современную эргонимию с точки зрения языковой моды и определила модные тенденции при выборе номинативных единиц в сфере

коммерческой эргонимии, в частности, следующие атрибутивные ценности моды: универсальность, современность, цикличность, демонстративность, игру и др.

Интересный доклад «Из истории вологодской кинонимии» представила Е. Н. Варникова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета. Она проанализировала в диахроническом аспекте клички охотничьих собак Вологодского края, выявив семантические и словообразовательные особенности зоонимов.

Заседание **секции «Городской семиотический ландшафт: актуальные проблемы исследования»** (руководители – В. Н. Степанов, Л. В. Ухова) открыл яркий доклад доктора филологических наук, профессора, проректора по управлению знаниями, заведующего кафедрой массовых коммуникаций МУБиНТ (г. Ярославль) В. Н. Степанова, в котором он представил продукт туристического брендинга Ярославской области 2017–2018 гг. «Ярославия – среднерусская гардарика». Докладчик подчеркнул актуальность брендирования, которая обусловлена задачами социально-экономического развития Ярославской области, и представил основную концепцию бренда «Ярославия – среднерусская гардарика», рассчитанную как на внутрироссийское, так и на внешнее позиционирование. Ярославия представлена как конгломерат 12 старинных городов: Гаврилов-Яма, Данилова, Любима, Мышкина, Переславль-Залесского, Пошехонья, Ростова Великого, Рыбинска, Тутаева, Углича, Ярославля и Мологи – ныне затопленной, но живой в памяти ее уроженцев, их потомков и всех ярославцев. Усиливающий слоган для внутрироссийского позиционирования бренда – «Ярославия – украшение России». По мнению исследователя, идеология бренда позволяет ориентировать его на работу с максимально широкой аудиторией – государственными институтами, российскими и международными культурными сообществами, инвесторами и, конечно, туристами. Каждое из этих направлений подразумевает свои каналы продвижения, в том числе, участие в федеральных целевых программах, локальных, общероссийских и международных мероприятиях, сотрудничество с ведомствами и организациями. Визуальное воплощение бренда – логотип в виде улыбающегося гостеприимного солнца с 12-ю лучами, где лучи – это здания и элементы городской среды. «Дружелюбие бренда отражено распахнутыми гостям и соседям окнами и дверями. Улыбка – улыбающееся солнце – это открытый, приглашающий и однозначно позитивный знак», – резюмировал докладчик.

Тему брендирования территорий продолжила и развила в своем докладе «Социальная реклама как инструмент маркетинга территорий: региональный аспект» доктор филологических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы ЯГПУ им. К.Д. Ушинского Л.В. Ухова, которая связала присутствие социальной рекламы в городской среде (прежде всего, ее тематического разнообразия) с конструированием положительного имиджа региона.

Проблеме актуального языкового плюрализма в рамках городского пространства Ярославля на материале мультилингвальных текстов – носителей интеркультурем как индикаторов изменения социальной коммуникации в эпоху глобализации был посвящен доклад доктора филологических наук, профессора кафедры романской филологии Московского городского педагогического университета Л. Г. Викуловой, доктора филолологических наук, профессора кафедры романо-германской филологии Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета Е.Ф. Серебренниковой и доцента кафедры французского языка и лингводидактики Института иностранных языков Московского городского педагогического университета И.В. Макаровой. Исследуя городскую среду Ярославля с лингвокультурологической точки зрения, авторы пришли к выводу, что гастрономическая и маркетинговая среда Ярославля демонстрирует в городском ландшафте переплетение интертекстов и прецедентных феноменов, что, по мнению авторов, свидетельствует об определенном лингвокреативном уровне владельцев заведений, об их приобщенности к культуре, искусству и литературе.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы ЯГПУ им. К.Д. Ушинского Л.В. Плуженская в своем выступлении «Теоретические основания современной критики городского семиотического ландшафта» сконцентрировала внимание на динамике урбанизации и жизненных процессов в городах. По мнению докладчика, технологический прогресс, стремительное техническое и социальное развитие, разнообразие культурного ландшафта территорий актуализируют проблему анализа городской среды, а необходимость постановки и структурирования задач прогнозирования и управления процессами развития городской территории во времени и пространстве привела к

возможности выявления общенаучных принципов и подходов к изучению современной городской семиотики. Особую значимость в заданной парадигме, по мнению исследователя, приобретает анализ визуальной составляющей городской среды современного исторического города.

Коллеги из Вологодского государственного университета, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Е. Н. Ильина и кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Ю.Н. Драчева, посвятили свое выступление феномену региональной идентичности человека в процессе изучения экспликации «лингвистического кода региона» в медийном поликодовом тексте, использовав в качестве материала для исследования поликодовые тексты современной массовой коммуникации, в которых представлены все регионы России: в частности, научно-популярные коллекционные журналы (партворк «Куклы в народных костюмах») и мультипликационные серии (серия «Гора самоцветов»).

Большой интерес у слушателей вызвала история одной из камерных улиц современного Ярославля – Зеленцовской, о которой в своем докладе «Маленькая улица большой судьбы: улица Зеленцовская в семиотическом пространстве Ярославля» говорила кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы ЯГПУ им. К.Д. Ушинского О. Л. Цветкова. С этой улицы начался кожевенный промысел средневекового Ярославля, стала расти и развиваться знаменитая Толчковская слобода. В поле зрения исследователя оказались такие аспекты, как происхождение названия улицы, уникальные памятники истории и архитектуры – как ныне существующие, так и уже канувшие в Лету, среди которых: Единоверческая церковь Успения Божьей Матери, храм Петра и Павла, дом Патеревского, дом купца Корытова, Петропавловский парк и другие.

Сравнительно недавно лексические единицы *сосуля* и *сосулька* стали объектом широкого метаязыкового обсуждения. Истории этого явления был посвящен доклад кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника Института лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург) Е. Н. Геккиной. С помощью данных словарей русских говоров Елена Николаевна попыталась восстановить лакуну лексикографического описания семантической структуры двух слов в академических словарях, а в свете данных о развитии смысловой структуры слов конкретизировала и особенности их метафорического употребления, в частности при характеристике лица, в том числе литературных персонажей, таких как Хлестаков, герой комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

Кандидат филолологических наук, старший преподаватель кафедры теории коммуникации и рекламы ЯГПУ им. К.Д. Ушинского Л.Е. Бахвалова в своем докладе уделила внимание способам коммуникативного воздействия на потребителя в тексте современной афиши как развивающемся жанре современной рекламы (на материале ярославских афиш). Разрабатывая алгоритм характеристики коммуникативных способов воздействия на аудиторию, автор выделяет ведущие стратегии воздействия, используемые в рекламном тексте региональной афиши.

Жанру спортивного комментария был посвящен доклад кандидата филолологических наук, доцента кафедры теории коммуникации и рекламы ЯГПУ им. К.Д. Ушинского Т. П. Курановой, в поле исследовательского интереса которой находится языковая личность ярославского спортивного комментатора Сергея Курицына. В рамках доклада Т. П. Куранова остановилась на экспрессивных возможностям прецедентных единиц в речи журналиста и пришла к выводу, что использование прецедентных феноменов в жанре спортивного комментария усиливает его прагматический потенциал, делая его ярким и запоминающим.

Организаторы конференции «Ярославский текст в пространстве диалога культур» каждый раз расширяют обсуждаемую проблематику за границы тем, ставших уже традиционными для этого научного форума. В 2018 году таким «шагом в запредельное» стало проведение Солженицынских чтений, приуроченных к 100-летию со дня рождения писателя и общественного деятеля А. И. Солженицына (1918–2008).

К юбилею, отмечающемуся по всей стране, организаторы подошли неформально: в центре Чтений были темы, обозначающие, прежде всего, биографическую и творческую связь А. И. Солженицына с Ярославским краем, а также исследования, касающиеся писателей, в чьих судьбах и творчестве отразились сталинские репрессии. Именно поэтому основной площадкой Чтений стала Центральная библиотека им. М. Ю. Лермонтова города Ярославля, а модераторами научного пространства выступили руководитель Ярославского центра регионального литературоведения ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, член Союза писателей и Союза журналистов России

О. Н. Скибинская и директор ЦБС г. Ярославля С. Ю. Ахметдинова.

После приветственного слова члена-корреспондента Академии российской словесности, поэта Ю. М. Кублановского (Москва) Чтения открылись презентацией новой книги члена Союза российских писателей, проживающего в г. Мышкине Ярославской области, Н. В. Смирнова «Сватовство» (ведущие – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и издательского дела ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, член Союза российских писателей Е. А. Ермолин и член Союза журналистов РФ Н. Л. Кускова). Логичным продолжением презентации стало выступление кандидата искусствоведения, заведующего отделом древнерусской литературы Ярославского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника А. Н. Сластухиной на тему «Колымская проза Николая Смирнова».

Ряд докладов был посвящен исследованию творческого наследия писателя. Доктор филологических наук, профессор кафедры общих гуманитарных наук и театроведения Ярославского государственного театрального института М. Г. Ваняшова презентировала доклад на тему «„Осколочек мирового духа". „Ярославский" сюжет „Архипелага ГУЛАГа"». Выступления продолжились сообщением хранителя музея «Нобели и нобелевское движение» В. И. Рябого «Александр Солженицын в Рыбинске. Как тюрьма и „шарашка" стали источником литературного творчества писателя». Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ЯГПУ им. К.Д. Ушинского М. Ю. Егоров проанализировал структурно-тематические аспекты ранних стихотворений А. И. Солженицына. Кандидат культурологии О. Н. Скибинская исследовала бытование мифа «А. И. Солженицын в контексте культурного пространства Ярославского края» за последние полвека, его отражение в публикациях ярославских литературных периодических изданий. Особое внимание было уделено подготовленному и изданному в Ярославле в 1995–1997 гг. уникальному трехтомнику публицистических материалов А. И. Солженицына и авторскому сборнику малой прозы «На изломах» (1998).

Возвращаясь к писателям, частью судеб которых в СССР в 1930-х гг. стал ГУЛАГ, канидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ЯГПУ им. К.Д. Ушинского Н. Ю. Букарева выступила с докладом «Ярославский текст в „хронике времен культа личности". Е. Гинзбург „Крутой маршрут"». Заключение в ярославской тюрьме «Коровники» нашло художественное воплощение в автобиографическом романе Евгении Гинзбург, который стал важной составляющей отечественной «лагерной прозы» второй половины XX в.

Завершились Чтения сообщением директора ЦБС г. Ярославля С. Ю. Ахметдиновой о памятных мероприятиях к 100-летию А. И. Солженицына, прошедших в городских библиотеках.

Результаты исследований «ярославского текста» в широком культурном контексте, презентируемые в рамках научного форума, проводимого в ЯГПУ им. К.Д. Ушинского с 2014 года, доказывают актуальность и перспективность дальнейшего изучения этого понятия на карте локальных текстов русской культуры.

(О. Н. Скибинская, Т. К. Ховрина, Л. В. Ухова)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арутюнян Эльвира Борисовна – кандидат филологических наук, директор по продажам и маркетингу ООО «Пепэкспресс». 129626, г. Москва, ул. Павла Корчагина, д. 10. E-mail: EHaroutunian@pepxpress.ru

Ахапкина Дарья Николаевна – студент филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова». 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: a.darja2010@yandex.ru

Бедина Наталья Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии и религиоведения ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова». 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17. E-mail: bedina-nat@yandex.ru

Бурак Михаил Сергеевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет». 191023, г. Санкт-Петербург, пер. Москательный, д. 4. E-mail: bertran4442000@yandex.ru

Галанова Валерия Александровна – аспирант кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: galanova712@yandex.ru

Густякова Дарья Юрьевна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: dar_gu@mail.ru

Евграфова Юлия Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры индоевропейских и восточных языков ГОУ ВО «Московский государственный областной университет». 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10 А. E-mail: 212.155.04@mail.ru

Егоров Михаил Юрьевич – кандидат филологических наук, заместитель декана факультета русской филологии и культуры по научной работе, доцент кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: michael_egorov@mail.ru

Ершова Юлия Сергеевна – магистрант кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: julilesko@yandex.ru

Иванов Николай Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: Claus758@yandex.ru

Карлик Надежда Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, заместитель директора СПб ГБПОУ «Политехнический колледж городского хозяйства». 197373, г. Санкт-Петербург, пр. Авиаконструкторов, д.28, лит.А. E-mail: nakarlik@mail.ru

Кочешков Геннадий Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: sci@yspu.yar.ru

Куранова Татьяна Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: kuranova.mk-28@mail.ru

Кучина Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: tgkuchina@mail.ru

Леванова Татьяна Владимировна – аспирант кафедры филологии и массовых коммуникаций филологического факультета ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (Самарский филиал). 43081, г. Самара, ул. Стара Загора, д. 76. E-mail: tatianalevanova@yandex.ru

Лекова Патимат Абдуллаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет». 367008, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Батырая, д. 4. E-mail: liekova65@mail.ru

Летин Вячеслав Александрович – кандидат культурологии, доцент кафедры общих гуманитарных наук и театроведения ФГБОУ ВО «Ярославский государственный театральный институт». 150000, г. Ярославль, ул. Депутатская, д. 15/43. E-mail: liotin@yandex.ru

Лоза Анжела Валерьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории языка и немецкого языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: angela.losa88@gmail.com

Люликова Анна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и украинской филологии с методикой преподавания Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». 298635, Республика Крым, г. Ялта, ул. Севастопольская, д. 2. E-mail: lulav06@mail.ru

Мельник Владимир Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения ФГБОУ ВО «Московский государственный университет дизайна и технологий». 117997, г. Москва, ул. Садовническая, д. 33, стр. 1. E-mail: melnikvi1985@mail.ru

Мокляк Владимир Иванович – преподаватель русского языка и литературы ГПОАУ ЯО «Ярославский колледж гостиничного и строительного сервиса». 150043, г. Ярославль, ул. Чкалова, д. 34. E-mail: matturino@rambler.ru

Наумова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет». 443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 244. E-mail: naumovaos@mail.ru

Новиков Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: m.novikov@yspu.org

Осьмачко Сергей Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны. 150001, г. Ярославль, Московский пр-т, д. 28. E-mail: osmachko57@mail.ru

Параил Анастасия Вадимовна – магистрант кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: 2_il@mail.ru

Патроева Наталья Викторовна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет». 185000, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33. E-mail: nvpatr@list.ru

Перфилова Татьяна Борисовна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: m.novikov@yspu.org

Петренко Александр Демьянович – доктор филологических наук, профессор, академик АН Высшей школы Украины, директор института иностранной филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики Таврической Академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». 95000, г. Симферополь, пр. Академика Вернандского, д. 4. E-mail: aldpetrenko@mail.ru

Петрова Зоя Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт русского языка им. В. В. Виноградова» РАН. 119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2. E-mail: zoyap@mail.ru

Петрушкина Анастасия Викторовна – аспирант кафедры немецкого языка ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет». 119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1. E-mail: minka529@gmail.com

Поликарпов Сергей Сергеевич – учитель истории и обществознания МОУ Дубковская СШ ЯМР. 150545, Ярославская обл., Ярославский р-н, п. Дубки, ул. Школьная, д. 3. E-mail: polikarpov-1992@inbox.ru

Полушкина Лариса Львовна – научный сотрудник ГАУК ЯО «Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник». 150000, г. Ярославль, Богоявленская пл., д. 25. E-mail: l.poluschkina@yandex.ru

Руберт Ирина Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и переводоведения ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет». 191023, г. Санкт-Петербург, пер. Москательный, д. 4. E-mail: irleru@mail.ru

Северская Ольга Игоревна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт русского языка имени В.В. Виноградова» РАН. 119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2. E-mail: oseverskaya@mail.ru.

Селезнева Лариса Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет». 129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, дом 4, стр. 1; доцент кафедры русского языка и литературы АНО ВО «Московский международный университет». 125040, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 17. E-mail: loramuz@yandex.ru

Сипрова Екатерина Алексеевна – аспирант кафедры русского языка и теории словесности ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет». 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1. E-mail: sea0@yahoo.com

Старшова Анна Петровна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: annstar@mail.ru

Сумарокова Полина Александровна – экскурсовод музея «Музыка и время». 150000, г. Ярославль, Волжская набережная, д. 33А. E-mail: Sumarokova_PA@mail.ru

Титов Олег Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: olegtitov2009@yandex.ru

Тортунова Ирина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методологии перевода факультета Высшей школы перевода ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В.Ломоносова». 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: tortunova@yandex.ru

Ушакова Алина Павловна – преподаватель кафедры иностранного и русского языков Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны. 150001, г. Ярославль, Московский пр-т, д. 28. E-mail: ushakowaalina@yandex.ru

Федотова Анна Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: gry_anna@mail.ru

Храбскова Данута Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой романской и классической филологии института иностранной филологии Таврической Академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». 95000, г. Симферополь, пр. Академика Вернандского, д 4. E-mail: danuta.simf@yandex.ru

Хренов Николай Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела медийных и массовых искусств Сектора зрелищно-развлекательной культуры ФГБНИУ «Государственный институт искусствознания». 125009, г. Москва, Козицкий пер., д. 5. E-mail: nihrenov@mail.ru

Шаваринский Дмитрий Сергеевич – аспирант кафедры истории ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет». 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17. E-mail: dmitry.stall@yandex.ru

Юрьева Татьяна Владимировна – доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и издательского дела ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: icona-yar@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Arutyunyan Elvira Borisovna – Candidate of Philological Sciences, Director for Sales and Marketing OOO «Pepexpress». 129626, Moscow, Pavel Korchagin Street, 10. E-mail: EHaroutunian@pepxpress.ru

Akhapkina Dariya Nikolaevna – a student of the Philological Faculty of FSBEI HE «Lomonosov Moscow State University». 119991, Moscow, Leninskie Gory, 1. E-mail: a.darja2010@yandex.ru

Bedina Nataliya Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Culturology and Religion Studies Department of FSAEI HE «Northern (Arctic) Federal University named after M. V.Lomonosov». 163002, Archangelsk, Severnaya Dvina Embankment, 17. E-mail: bedina-nat@yandex.ru

Burak Mikhail Sergeevich – Candidate of Philological Sciences, a senior teacher of FSBEI HE «Saint-Petersburg State Economic University». 191023, Saint-Petersburg, Moskatelny Lane, 4. E-mail: bertran4442000@yandex.ru

Galanova Valeriya Aleksandrovna – a post-graduate student of the Russian Literature Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D.Ushinsky».150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: galanova712@yandex.ru

Gustyakova Dariya Yurievna – Candidate of Art Criticism, Associate Professor of the Culturology Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: dar_gu@mail.ru

Evgrafova Yuliya Aleksandrovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Indo-European and Eastern Languages Department of SEI HE «Moscow State Regional University». 105005, Moscow, Radio Street, 10-a. E-mail: 212.155.04@mail.ru

Egorov Milkail Yurievich – Candidate of Philological Sciences, Vice-Dean of the Dean of the Faculty of Russian Philology and Culture for Research, Associate Professor of the Russian Literature Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D.Ushinsky».150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: michael_egorov@mail.ru

Ershova Yuliya Sergeevna – a post-graduate student of the Culturology Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D.Ushinsky».150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: julilesko@yandex.ru

Ivanov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Ways of Training Philological Sciences in Primary School of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D.Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: Claus758@yandex.ru

Karlik Nadezhda Anatolievna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Deputy Director of SPb SBOEI «Polytechnic College of Urban Economy». 197373, Saint-Petersburg, Aviakonstruktory Avenue, 28, Letter A. E-mail: nakarlik@mail.ru

Kocheshkov Gennady Nikolaevich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Russian History Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: sci@yspu.yar.ru

Kuranova Tatiyana Petrovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Theory of Communication and Advertizing Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: kuranova.mk-28@mail.ru

Kuchina Tatiyana Gennadievna – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Russian Literature Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D.Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: tgkuchina@mail.ru

Levanova Tatiyana Vladimirovna – a post-graduate student of the Philology and Mass Communication Department of the Philological Faculty of FAEI HE «Moscow City Pedagogical University» (Samara Office). 43081, Samara, Star Zagor Street, 76. E-mail: tatianalevanova@yandex.ru

Lekova Patimat Abdulaevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department of FSBEI HE «Dagestani State University». 367008, the Republic of Dagestan, Makhachkala, Batyrai Street, 4. E-mail: liekova65@mail.ru

Liotin Vyacheslav Aleksandrovich – Candidate of Culturology, Associate Professor of the General Humanitarian Sciences and Drama Studies of FSBEI HE «Yaroslavl State Theatrical Institute». 150000, Pervomaiskaya Street,15/ 43. E-mail: liotin@yandex.ru

Loza Anzhela Valerievna – Candidate of Philological Sciences, a senior teacher of the Theory of Language and German Language Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D.Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: angela.losa88@gmail.com

Lyulikova Anna Viktorovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian and Ukrainian Philology with Ways of Training Department of the Humanitarian-Pedagogical Academy (Office) of FSAEI HE «Crimean Federal University named after V. I.Vernadsky». 298635, the Republic of Crimea, Yalta, Sevastopolskaya Street, 2. E-mail: lulav06@mail.ru

Melnik Vladimir Ivanovich – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Linguistics and Literature Study Department of FSBEI HE «Moscow State University of Design and Technology». 117997, Moscow, Sadovnicheskaya Street, 33, Building 1. E-mail: melnikvi1985@mail.ru

Moklyak Vladimir Ivanovich – a teacher of the Russian Language and Literature of SEEAI YaR «Yaroslavl College of Hotel and Constructional Service». 150043, Yaroslavl, Chkalov Street, 34. E-mail: matturino@rambler.ru

Naumova Olga Sergeevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Psychology and Pedagogics Department of FSBEI HE «Samara State Technical University». 443100, Samara, Molodogvardeiskaya Street, 244. E-mail: naumovaos@mail.ru

Novikov Mikhail Vasilievich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Head of the Theory and Methods of Professional Education Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: m.novikov@yspu.org

Osmachko Sergei Grigorievich – Doctor of Historical Sciences, Professor, a leading researcher of the Research Department of Yaroslavl Higher Military College of Antiaircraft Defense. 150001, Yaroslavl, Moskovsky Avenue, 28. E-mail: osmachko57@mail.ru

Parail Anastasiya Vadimova – a graduate student of the Culturology Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: 2_il@mail.ru

Patroeva Nataliya Viktorovna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Russian Language Department of FSBEI HE «Petrozavodsk State University». 185000, the Republic of Karelia, Petrozavodsk, Lenin Avenue, 33. E-mail: nvpatr@list.ru

Perfilova Tatiyana Borisovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, a leading researcher of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: m.novikov@yspu.org

Petrenko Aleksandr Demiyanovich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Academician of AN Higher School of Ukraine, Director of the Institute of Foreign Philology, Head of the Theory of Language, Literature and Sociolinguistics Department of Tavria Academy of FSBEI HE «Crimean Federal University named after V. I.Vernadsky». 95000, Simferopol, Akademik Vernadsky Avenue, 4. E-mail: aldpetrenko@mail.ru

Petrova Zoya Yurievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, a leading researcher of FSBIS «The Institute of the Russian Language named after V. V.Vinogradov» of RAS. 119019, Moscow, Volkhonka Street, 18/2. E-mail: zoyap@mail.ru

Petrushkina Anastasiya Viktorovna – a post-graduate student of the German Language Department of FSBEI HE «Moscow Pedagogical State University». 119435, Moscow, Malaya Pirogovskaya Street, 1, Building 1. E-mail: minka529@gmail.com

Polikarpov Sergei Sergeevich – a teacher of History and Social Studies MEI Dubki Secondary School of YaMR. 150545, the Yaroslavl Region, Yaroslavsky District, Dubki, Shkolnaya Street, 3. E-mail: polikarpov-1992@inbox.ru

Polushkina Larisa Lvovna – a researher of SAIC YaR «Yaroslavl Historical-Architectural Museum and Reserve». 150000, Yaroslavl, Bogoyavlenskaya Square, 25. E-mail: l.poluschkina@yandex.ru

Rubert Irina Borisovna – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Theory of Language and Translation Studies Department of FSBEI HE «Saint-Petersburg State Economic University». 191023, Saint-Petersburg, Moskatelny Lane, 4. E-mail: irleru@mail.ru

Severskaya Olga Igorevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, a leading researcher of FSBIS «The Institute of the Russian Language named after V. V.Vinogradov of RAS». 119019, Moscow, Volkhonka, 18/2. E-mail: oseverskaya@mail.ru.

Selezneva Larisa Vasilievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language and Literature Department of FSBEI HE «Russian State Social University». 129226, Moscow, Wilhelm Pieck Street, 4, Building 1; Associate Professor of the Russian Language and Literature Department of ANO HE «Moscow International University». 125040, Moscow, Leningradsky Avenue, 17. E-mail: loramuz@yandex.ru

Siprova Ekaterina Alekseevna – a post-graduate student of the Russian Language and the Theory of Philology Department of FSBEI HE «Moscow State Linguistic University». 119034, Moscow, Ostozhenka Street, 38, Building 1. E-mail: sea0@yahoo.com

Starshova Anna Pavlovna – Candidate of Art Criticism, Associate Professor of the Culturology Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: annstar@mail.ru

Sumarokova Polina Aleksandrovna – a guide of the Museum «Music and Time». 150000, Yaroslavl, Volzhskaya Embankment, 33 A. E-mail: Sumarokova_PA@mail.ru

Titov Oleg Anatolievich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: olegtitov2009@yandex.ru

Tortunova Irina Anatolievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Theory and Methodology of Translation Department of Higher School of Translation of FSBEI HE «Lomonosov Moscow State University». 119991, Moscow, Leninskie Gory, 1. E-mail: tortunova@yandex.ru

Ushakova Alina Pavlovna – a teacher of the Foreign and Russian Language Department of Yaroslavl Higher Military College of Antiaircraft Defense. 150001, Yaroslavl, Moskovsky Avenue, 28. E-mail: ushakowaalina@yandex.ru

Fedotova Anna Aleksandrovna – Candidate of Philological Sciences, a senior teacher of the Russian Literature Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: gry_anna@mail.ru

Khrabskova Danuta Mikhailovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Roman and Classical Philology Department of the Institute of Foreign Philology of Tavria Academy of FSBEI HE «Crimean Federal University named after V. I.Vernadsky». 95000, Simferopol, Akademik Vernadsky Avenue, 4. E-mail: danuta.simf@yandex.ru

Khrenov Nikolay Andreevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, a leading researcher of Media and Mass Arts of the Sector of Entertaining Culture of FSBRI HE «The State Institute of Art Criticism». 125009, Moscow, Kozitsky Alley, 5. E-mail: nihrenov@mail.ru

Shavarinsky Dmitry Sergeevich – a post-graduate student of the History Department of FSBEI HE «Kostroma State University». 156005, Kostroma, Dzerzhinsky Street, 17. E-mail: dmitry.stall@yandex.ru

Yurieva Tatiyana Vladimirovna – Doctor of Culturology, Professor of the Journalism and Publishing Business Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: iconayar@mail.ru

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор Т. В. Шаркова

Переводы на английский язык – Е. В. Мишенькина

Объем 37 п. л., 31,79 уч.-изд. л. Формат 60×90/8.
Печать ризографическая. Заказ № 70. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 30.06.2018
Цена свободная

Издатель
Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:
150000, г. Ярославль, Которосльная наб., 44
Тел.: (4852) 32–98–69